

ГАРНЫЕ-НАЖЕ.

ИСТОРІЯ

РЕВОЛЮЦІИ

1848.

ФРАНЦІЯ.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ О. И. ВАРСТА.

1862.

31442

1925

23854

26794

28

250

ПЕРЕИНВЕНТА-
РИЗОВАНО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
узакоенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Юля 6 дня 1862 г.

Цензоръ В. Бейетовъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ О. П. БАКСТА.

На Офицерской улицѣ, № 4.

ПАДЕНІЕ ІЮЛЬСКОЙ МОНАРХІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Выборы 1846 года. — Министерство и оппозиція лицомъ къ лицу. — Организация партій въ палатѣ. — Организация избирательныхъ силъ страны: центральный избирательный комитетъ сенскаго департамента; его цѣль, его вліяніе и его составъ; циркуляръ его о выборахъ рѣзко выставяетъ недостатки избирательнаго закона. — Мифіе Притчаря становится орудіемъ въ рукахъ оппозиціи. — Цѣль министерства; надежды оппозиціи. — Манифестація и обѣщанія Гизо на банкетъ въ Лизьё. — Покушеніе на жизнь короля 29 іюля; его благопріятное дѣйствіе на провинціальныя выборы въ пользу правительства; вліяніе его на Парижъ выражается тѣмъ, что оппозиція назначаетъ одиннадцать депутатовъ противъ четырнадцати. — Въ суммѣ, министерство имѣетъ двѣсти семьдесятъ членовъ противъ ста восьмидесяти оппозиціонныхъ. — Новая группа депутатовъ прогрессивныхъ консерваторовъ. — Результаты выборовъ одинаково радуютъ консерваторовъ и радикаловъ: одни гордятся своимъ числомъ, другіе готовятся къ болѣе широкой и оживленной дѣятельности. — Открытіе палаты: восемнадцати-дневное засѣданіе. — Рѣчь короля; его увѣренность въ счастливой будущности своего семейства. — Оппозиція обвиняетъ министерство въ обманѣ, посредствомъ котораго оно дѣйствовало на выборахъ. — Результатомъ послѣднихъ засѣданій была прочная солидарность консерваторовъ съ правительствомъ. — Засѣданіе генеральныхъ совѣтовъ и возобновленіе ихъ по третямъ свидѣлствуютъ въ свою очередь о могуществѣ консервативной партіи; но муниципальныя выборы не совсѣмъ благопріятны политикѣ кабинета; выборы національной гвардіи враждебны ей. — Народъ осуждаетъ систему правительства. — Обманы въ морскомъ вѣдомствѣ, въ Рошфорѣ; преслѣдованіе ихъ. — Обманы въ Тулонѣ; пожаръ въ арсеналѣ; административное слѣдствіе, заступив-

шее мѣсто судебного, не открываетъ преступленія. — Судебное сословіе приноситъ себя въ жертву политикѣ; оно распредѣляетъ печатаніе судебныхъ объявленій по извѣстнымъ журналамъ и тѣмъ дѣлаетъ косвенное вспоможеніе правительственнымъ органамъ въ разныхъ департаментахъ. — Другія причины неудовольствій: всѣ предсказываютъ неурожай, а правительство изъ безпечности пренебрегаетъ всякими совѣтами; безпорядки всныхиваютъ; муниципальные совѣты и общественная благотворительность приходятъ въ безнокойство и дѣйствуютъ; правительство дѣлаетъ слѣдствіе и объявляетъ, что безпокойства не о чемъ; безпорядки продолжаются. — Новыя причины безпокойства: подъ тройнымъ вліяніемъ неурожая, увеличенія издержекъ и системы постройки желѣзныхъ дорогъ рождается финансовый кризисъ. — Дефицитъ въ бюджетѣ. — Недостаточность сберегательныхъ кассъ. — Необходимость спекуляціи. — Недостатокъ денегъ въ банкѣ; упадокъ цѣнностей. — Положеніе дѣлъ въ Европѣ: Россія; Пруссія; Австрія; второстепенныя государства; Швейцарія; Англія. — Политика французскихъ бурбоновъ въ отношеніи къ Испаніи. — Проектъ испанскихъ браковъ. — Переговоры въ Château d'Eu съ лордомъ Абердиномъ. — Основанія и условія, предложенныя Англіей. — Лордъ Пальмерстонъ заступаетъ мѣсто лорда Абердина. — Оскорбительная полемика англійской прессы противъ Луи-Филиппа. — Несогласіе обоихъ кабинетовъ. — Испанскіе браки заключаются въ ущербъ англійскому союзу. — Европа пользуется этимъ несогласіемъ: Россія поддерживаетъ бракъ герцога Бордоскаго съ Моденской принцессой. — Россія, Пруссія и Австрія уничтожаютъ краковскую республику — 1846 годъ кончается при этихъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ.

I.

Палата, выбранная въ 1842 году, существовала четыре года. Событія этого періода, благопріятныя и неблагопріятныя, постоянно содѣйствовали укрѣпленію парламентскаго положенія кабинета, находившагося въ рукахъ Гизо и Дюшателя и президентомъ котораго былъ старый маршалъ Сультъ.

Палата, напротивъ, слабѣла съ каждымъ днемъ, какъ по причинѣ своей продолжительности, такъ и вслѣдствіе своихъ мнѣній. Полное возобновленіе ея было необходимо: общіе выборы назначены были къ 1 августа 1846 года.

Но какой же будетъ результатъ этихъ выборовъ? Правительство, его друзья и враги знаютъ его уже заранѣе. Какъ въ 1842 году, поле битвы было ограничено самыми узкими

предѣлами; парламентскіе вопросы, какъ и въ 1842 году, интересовали немногихъ и не касались непосредственно живыхъ интересовъ страны; наконецъ, какъ въ 1842 году, люди, въ рукахъ которыхъ находилась власть, рѣшились дѣйствовать съ тою же цѣлью и при помощи тѣхъ же средствъ. Слѣдовательно, какъ и въ 1842 году, возбужденные и удовлетворенные личные интересы были ручательствомъ того, что новый парламентъ будетъ вполнѣ подчиненъ правительственному направленію.

II.

Оппозиція однакожъ не падала духомъ; на циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ префектамъ она отвѣчала своими манифестами; на тайныя дѣйствія администраціи она отвѣчала дѣятельностью, на насиліе—введеніемъ у себя дисциплины, невиданной до этого времени и непоколебимой на будущее время.

Въ палатѣ четыре различныя группы депутатовъ соотвѣтствовали четыремъ различнымъ видамъ, въ которыхъ выражались настроеніе умовъ и общественные интересы страны: лѣвый центръ, лѣвая династическая сторона, крайняя лѣвая сторона или радикалы и наконецъ партія легитимистовъ.

Первыя двѣ партіи, которыя въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ каждый день все болѣе и болѣе сближались между собою вслѣдствіе тождества своихъ чувствъ, надеждъ и политическихъ убѣжденій, слились въ одномъ общемъ комитетѣ.

Дѣятельность парламентскихъ радикаловъ, хотя и отличалась отъ дѣятельности другихъ партій, тѣмъ не менѣе соединилась съ дѣятельностью комитета лѣвой стороны, имѣя съ ней постоянныя сношенія, въ которыхъ выражалось постоянное взаимное довѣріе.

Не такъ было съ легитимистами. Они забыли, что во всѣхъ случаяхъ радикалы приносили имъ помощь, и что еще недавно они помогли имъ въ одномъ обстоятельствѣ, гдѣ дѣло шло объ ихъ чести. Вслѣдствіе причинъ, иронисходившихъ отъ внутренняго разложенія, дѣйствія котораго разразились позже, принеся вредъ какъ республикѣ, такъ и самимъ легитимистамъ, партія эта вездѣ оспаривала кандидатуру у радикаловъ; напримѣръ кандидатство Дюпонъ-де-Лера, генерала Тиара, Гарнье-Пажеса и другихъ.

III.

Независимо отъ этого состава парламентскихъ силъ, организовался въ тоже время выборный элементъ. Подъ скромнымъ именемъ: центральнаго комитета сенскихъ избирателей, нѣсколько талантливыхъ людей возобновили, послѣ двадцатилѣтняго промежутка, комитетъ общества, девизомъ котораго было: *Aide toi, le ciel t'aidera*. Этотъ комитетъ былъ центромъ, въ которомъ сталкивались, соединялись и увлекались въ общемъ движеніи принципы, идеи, стремленія, негодованіе и преданность дѣлу, составляющія сердце и жизнь новѣйшей демократіи и основаніе ея существованія.

Центральный комитетъ, составленный изъ депутатовъ, выбранныхъ избирательными комитетами каждаго изъ округовъ сенскаго департамента, представлялъ собой выраженіе всѣхъ либеральныхъ и демократическихъ стремленій. Различныя силы оппозиціи въ Парижѣ, соединенныя вмѣстѣ подъ общимъ знаменемъ народнаго самодержавія, служили связью и живымъ началомъ различнымъ частямъ парламентской оппозиціи. Вскорѣ могущество центральнаго комитета распространилось на все окружающее и охватило собою всю Францію. Партія радикаловъ, вслѣдствіе ли своего примирительнаго духа, или же по особому разсчету, была слабѣе числомъ,

но за то ея дѣятельность давала ей вліяніе на ходъ дѣла. Бюро, составленное изъ пяти членовъ, почти вполнѣ принадлежало къ этой партіи. Единственнымъ представителемъ династической оппозиціи въ бюро былъ Пише, богатый неогіантъ третьяго округа; вице-президентъ Рекюръ, секретарь Паньерръ, казначей Лабелони и помощникъ секретаря Деменникъ были давно уже извѣстны своими радикальными мнѣніями.

Циркуляръ комитета по поводу выборовъ былъ составленъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Онъ ограничился только уясненіемъ всѣхъ аномалій и несообразностей, всѣхъ недостатковъ и несправедливостей избирательнаго закона, выказавъ при этомъ такое знаніе дѣла и такую точность взгляда, которыми до сихъ поръ не обладалъ еще никто. Сто двадцать тысячъ избирателей назначали только сто восемьдесятъ одно-то депутата, тогда какъ девяносто восемь тысячъ другихъ избирателей назначали двѣсти семьдесятъ восемь. Такимъ образомъ парламентское большинство было меньшинствомъ не только въ цѣлой странѣ, но даже и въ привилегированномъ классѣ избирателей, подходящихъ подъ цензъ (*censitaires*), который назывался тогда «*paye légal*». Могла ли дальше существовать такая несообразность? Допускать дальнѣйшее существованіе такой вопіющей несправедливости значило бы сдѣлать сѣмена будущаго раздора.

IV.

Консервативная партія имѣла также не менѣе страшное поле битвы, указанное ей литературою. Вся внѣшняя политика этой партіи сосредоточилась въ одномъ мнѣніи, которое по понятію ея было дѣломъ справедливаго удовлетворенія, а по мнѣнію оппозиціи выражало слабость, и которое останется въ историческихъ воспоминаніяхъ подъ знаме-

нитымъ именемъ: „Притчардовскаго удовлетворенія“. Презрительное названіе притчардистовъ, сдѣлавшееся оружіемъ противниковъ, указывало раздраженнымъ патріотамъ на депутатовъ, которыхъ упрекали этимъ мнѣніемъ. Оппозиція выбрала въ свои кандидаты, не обращая вниманія на ихъ свойства и происхожденіе, всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли сносить этихъ упрековъ. Напрасно правительственные журналы истощали всѣ свои усилія, чтобы вырвать оружіе изъ рукъ оппозиціи.

V.

При этихъ условіяхъ борьба должна была быть сильна. Надежда и цѣль министерства заключались въ томъ, чтобы расположить въ свою пользу большинство избирательнаго сословія, окончательно утвердить за собою, путемъ административнаго вліянія, политическое и соціальное преобладаніе въ государствѣ, бороться съ избирателями, покровительствуя частнымъ интересамъ, и подчинить себѣ умы, дѣйствуя на нихъ страхомъ.

Лѣвая сторона оппозиціи еще надѣялась заставить конституціонную монархическую власть оставить ложный путь, ею избранный, надѣялась спасти ее, уничтоживъ зло, которымъ она была заражена и возвративъ ей достоинство и нравственную основу.

Что касается враждебныхъ партій, то онѣ въ глубинѣ души питали мысль, что монархія проигрываетъ свою послѣднюю ставку и что побѣда будетъ для нея гибельнѣе самаго пораженія.

Наканунѣ подачи голосовъ, дѣйствительный членъ кабинета Гизо, пустился на хитрость, которая показалась очень странною. Изъ снисходительности ли къ тѣмъ изъ членовъ своей партіи, которые оскорблялись названіемъ крайнихъ консерваторовъ (*conservateurs-bornes*), или же вслѣдствіе не-

вольнаго пониманія истинной стороны дѣла, — какъ бы то ни было онъ вздумалъ дѣйствовать оружіемъ и языкомъ оппозиціи. Рѣшившись не уступать ни въ чемъ, онъ на одномъ банкетѣ вздумалъ вмѣшаться въ дѣло оппозиціи и сказалъ лизьёскимъ избирателямъ, которые выбрали его своимъ депутатомъ — „оппозиція обѣщаетъ вамъ прогрессъ, который въ силахъ дать вамъ одна консервативная партія.“ Эти неосторожныя слова были причиной шумныхъ споровъ. Будучи самой необдуманной манифестаціей, они какъ бы узаконили цѣлый рядъ банкетовъ, которые возродили во всей странѣ требованія патріотическихъ стремленій и ускорили революціонное движеніе умовъ и проснувшихся страстей.

VI.

Все содѣйствуетъ тому дѣлу, которое должно совершиться по волѣ провидѣнія. Одинъ безумный поступокъ еще болѣе увеличилъ уже неотразимое вліяніе кабинета на выборы. Наступилъ день 29 іюля. Парижане, собравшіеся на улицахъ и преимущественно въ окрестностяхъ Тюильери, праздновали день іюльской революціи, или іюльской монархіи. Король, окруженный своимъ семействомъ, выходитъ на балконъ, чтобы удовлетворить всеобщей радости и любопытству. Вдругъ въ Тюильерійскомъ саду раздаются два пистолетныхъ выстрѣла. Было ли это преступленіемъ? Въ первую минуту всѣ были согласны въ томъ, что это дѣйствительно преступленіе, но, немного спустя, правительство убѣдилось въ противномъ. На другой день весь Парижъ зналъ объ этомъ происшествіи и слѣдствіе, произведенное палатой перовъ, достаточно доказало впоследствии, что Жозефъ Генри былъ не убійца, но несчастный съумашедшій.

VII.

Префекты, получивъ по телеграфу извѣстіе объ этомъ злодѣяніи, объявили о немъ во всѣхъ избирательныхъ коллегіяхъ. Ни въ одномъ изъ этихъ объявленій не говорится о причинѣ и истинномъ характерѣ этого преступленія; многіе изъ префектовъ, напротивъ того, сдѣлали изъ этихъ объявленій зловѣщія прокламаціи. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ умы раздражаются и оппозиція теряетъ свою силу. Въ нѣкоторыхъ городахъ парламентское большинство измѣняется, особенно же въ тѣхъ, гдѣ равенство силъ избирателей требуетъ втораго или третьяго дня для выбора депутатовъ.

Въ Парижѣ волненіе не могло быть продолжительнымъ, такъ какъ истинное значеніе покушенія Генри было извѣстно. Побѣда была на сторонѣ оппозиціи. Изъ четырнадцати тысячъ голосовъ, кандидатамъ оппозиціи принадлежало десять тысячъ; изъ четырнадцати депутатовъ, одиннадцать принадлежало оппозиціи. Въ двухъ округахъ было только нѣсколько голосовъ. Второй парижскій округъ имѣлъ въ то время самое большее количество избирателей въ цѣлой Франціи. Этотъ округъ, средоточіе богатства Парижа, состоялъ изъ первыхъ представителей финансоваго, торговаго и промышленнаго міра; въ немъ, съ 1830 года, партія консерваторовъ постоянно имѣла свое большинство, но на этотъ разъ она лишилась его. Послѣ двухдневной борьбы, кандидатъ оппозиціи Берже получилъ большинство восьмидесяти голосовъ противъ Жака Лефебюра, выступающаго депутата, кандидата консервативной партіи. Это обстоятельство было знаменательнымъ предостереженіемъ, лучемъ, освѣщавшимъ положеніе дѣлъ; но правительство было слѣпо и его только раздражало это обстоятельство.

Министерство, потерпѣвшее неудачу на парижскихъ выборахъ, торжествовало въ департаментахъ. Большинство его

было на этотъ разъ значительнѣе чѣмъ на предыдущихъ выборахъ. На его сторонѣ было двѣсти семьдесятъ членовъ противъ ста восьмидесяти; самая эластичная среда избирателей — чиновничество — было за министерство.

VIII.

Такимъ образомъ выборы не только не уничтожали зла, но еще увеличивали его. Въ новомъ большинствѣ была группа денутатовъ, числомъ сто девять, въ которой люди предусмотрительные видѣли источникъ улучшенія дѣлъ. Будучи связаны только однимъ покровительствомъ министерства, не имѣя личныхъ отношеній къ предшествовавшему законодательству, свободные отъ всякихъ увлеченій, порождаемыхъ духомъ партій, эти сто девять членовъ могли внести нѣкоторыя полезныя измѣненія въ общее управленіе дѣлами. Изъ нихъ преимущественно должна была составиться та часть консервативной партіи, которая, при своемъ осторожномъ образѣ дѣйствій, страшилась этой систематической неподвижности правительства среди общества, полного жизни и дѣятельности. Принимая въ серьезномъ смыслѣ слова, произнесенныя на банкетѣ въ Лизьё, эти сто девять членовъ стали требовать разныхъ перемѣнъ, сдѣлавшихся необходимыми и называли себя прогрессивными консерваторами. Журналь *la Presse* сдѣлался ихъ органомъ. Но предложенія, надежды и пренія этой партіи только озлобляли противъ нее ея главныхъ предводителей. Опытнѣйшіе изъ членовъ ея очень хорошо знали, что ничто не въ силахъ будетъ преодолѣть упорныхъ требованій, которымъ подчинился самъ Гизо. Послушный своему презрительному взгляду на дѣло оппозиціи, Гизо готовился уничтожить притязанія прогрессистовъ, какъ только они ихъ выскажутъ въ палатѣ. Но непониманіе или

измѣна были подводными камнями, о которые разбилось это похвальное, но безсильное желаніе Гизо.

IX.

Результатами выборовъ были одинаково довольны и консерваторы и радикалы, изъ которыхъ вторые были предусмотрительнѣе первыхъ. По мнѣнію первыхъ „желанія страны были извѣстны. Враждебныя партіи въ продолженіи четырехъ лѣтъ предполагали, что каждая изъ нихъ имѣетъ большинство въ народѣ. Спрошенный же народъ уничтожалъ ихъ своимъ выборомъ.“

Все что сглаживаетъ разные оттѣнки умѣренныхъ партій служить въ пользу крайнихъ партій; таковъ былъ видимый результатъ выборовъ. Оппозиція лѣвой стороны, ослабленная въ партіи *rayons legal* и уменьшенная въ палатѣ, чувствовала свое ослабленіе въ парламентѣ. Ей оставалось одно средство помочь дѣлу: отбросить въ сторону мелкія хитрости и политическія дразгн и обратиться съ воззваніемъ къ принципамъ, къ великодушнымъ страстямъ, къ благороднымъ чувствамъ и великимъ идеямъ о свободѣ, и этимъ путемъ возвратить себѣ наконецъ въ народѣ то положеніе, которое окончательно было потеряно ею въ палатѣ. Партія радикаловъ поняла это съ неотразимой живостью инстинкта и принялась за исполненіе этого плана съ ловкостью, какая не всегда удавалась ей впослѣдствіи.

X.

Сессія должна была исключительно быть занята повѣркою полномочій. Она была открыта 17 августа и продолжалась восемнадцать дней. Все, что было замѣчательнаго въ тронной

рѣчи, это увѣренность, съ которою король, привѣтливо смотря на свою политику, говорилъ о будущемъ своего семейства.

Немедленно за тронной рѣчью послѣдовали горячіе споры. Оппозиція обвиняла министерство въ страшныхъ обманахъ, съ которыми оно дѣйствовало на выборахъ въ Конѣ, Амбрёнѣ, Вандомѣ и Кемперле. Были заявлены самые положительные факты относительно тайныхъ и явныхъ подкуповъ. Всѣ эти жалобы были заглушены снисходительною подачею голосовъ парламентскимъ большинствомъ. Одни только выборы въ Кемперле были уничтожены по рѣшенію присяжныхъ суда.

Результатомъ этихъ кратковременныхъ преній былъ одинъ только фактъ — солидарность консервативной партіи. Съ этихъ поръ большинство было связано съ правительствомъ; оно должно было жить его жизнью и пасть вмѣстѣ съ нимъ, увлекаая все въ своемъ паденіи.

XI.

Во всякомъ случаѣ — каковы бы ни были въ этомъ отношеніи предчувствія умныхъ людей — все казалось спокойнымъ. Сессія генеральныхъ совѣтовъ, начавшаяся немедленно по закрытіи палаты, доказала, что консервативная партія была одинаково сильна и въ этихъ второстепенныхъ собраніяхъ. Возобновленіе генеральныхъ совѣтовъ на треть членовъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ не ослабило консервативной партіи.

Муниципальные выборы, происходившіе одновременно въ цѣлой Франціи, имѣли далеко не тотъ результатъ: они были вообще не въ пользу политики кабинета.

Выборы національной гвардіи, которые происходили въ это же время, еще рѣзче выражали свою враждебность къ кабинету. Различные комитеты лѣвой и крайней лѣвой стороны, центральный комитетъ, пресса, видѣли въ этихъ выборахъ средство для оппозиціи народа противъ партіи раус

legal и болѣе широкое поприще для того, чтобы отомстить за свои парламентскія неудачи. Почти вездѣ уснѣхъ оправдалъ усилія, а въ Парижѣ побѣда была рѣшительная.

Такимъ образомъ, проникая глубже въ среду народа, можно было замѣтить, какъ ослабѣла связь его съ правительствомъ. Сильное въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, правительство теряло свою жизненность въ самомъ источникѣ. И этотъ остатокъ силъ терялся съ каждымъ днемъ въ лицѣ второстепенныхъ чиновниковъ всѣхъ частей администраціи и даже судебныхъ учрежденій, не возбуждавшихъ къ себѣ довѣрія.

ХП.

Открытіе значительныхъ подлоговъ въ Рошфорѣ, по провіантской и другимъ частямъ морскаго управленія, доказали давность этого рода злоупотребленій. Тридцать четыре обвиненныхъ были преданы суду: между ними находилось нѣсколько значительныхъ должностныхъ лицъ.

Въ этомъ случаѣ судъ могъ по крайней мѣрѣ поступить со всею своею строгостью. Но всѣ съ досадою воспоминали о подобныхъ же, если не гораздо большихъ подлогахъ, совершенныхъ въ Тулузскомъ арсеналѣ; о томъ, что въ силу новаго закона были отправлены инспекторы, съ порученіемъ повѣрить и составить отчеты въ наличномъ имуществѣ его; что въ самый день пріѣзда комиссаровъ въ Марсель, 1 августа 1845 года, страшный пожаръ въ Мурильонѣ уничтожилъ въ нѣсколько часовъ на нѣсколько милліоновъ франковъ строеваго лѣсу. Былъ ли этотъ пожаръ слѣдствіемъ случая или преступленія? Огонь, замѣченный одновременно въ различныхъ частяхъ зданія и слѣды зажигательныхъ снарядовъ, найденные въ развалинахъ, служили достаточнымъ доказательствомъ преступленія. Кто же былъ виновникомъ этого преступленія? Судебное слѣдствіе, по приказанію правительства,

было остановлено въ самомъ началѣ. Административное же слѣдствіе ничего не открыло, и такъ какъ виновныхъ по суду не оказалось, то общество подозрѣвало и искало ихъ повсюду.

Что касается судебного сословія, то новый политическій законъ давалъ ему гибельное право. Это право заключалось въ томъ, чтобы выбирать по своей волѣ журналы, которымъ можно бы было предоставить право печатать судебныя объявленія; вслѣдствіе этого судебная власть съ каждымъ годомъ подчинялась политикѣ. Общественный интересъ требовалъ, чтобы этого рода объявленія печатались въ самыхъ распространенныхъ изданіяхъ, а они, напротивъ, составляли исключительную принадлежность министерскихъ журналовъ, какъ бы послѣдніе ни были мало распространены. Это гибельное и несправедливое пристрастіе, на которое въ самомъ началѣ съ пророческою предусмотрительностью указалъ Гарнье-Пажесъ старшій и которую смѣло оспаривали министры, давая самыя торжественныя доказательства, — извращая дѣйствія судебного сословія, приносило вредъ его нравственному значенію.

XIII.

Другія причины неудовольствій являлись въ другихъ мѣстахъ. Когда народъ не принимаетъ участія въ политической жизни, то онъ только въ томъ случаѣ прощаетъ на время это посягательство на его права, когда тотъ, кто управляетъ имъ, серьезно заботится о его матеріальныхъ выгодахъ. Многіе правители знали этотъ секретъ и нѣкоторые изъ нихъ счастливо примѣняли его къ дѣлу. Но нѣтъ такой силы, которая могла бы одновременно заглушить въ народѣ его политическія стремленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственныя и матеріальныя потребности. Между тѣмъ правительство Луи Филиппа, исключительно поддерживаемое одними привилегированными классами,

было обвиняемо оппозиціей въ совершенномъ равнодушіи къ дѣлу независимости и благосостоянія народа. Такимъ образомъ ропотъ, въ началѣ неопредѣленный, а потомъ все болѣе и болѣе усиливавшійся, указывалъ правительству на недостатокъ урожая, который съ наступленіемъ зимы угрожалъ бѣдствіемъ народу. Не смотря на предупрежденія, просьбы и настоятельныя требованія принять мѣры противъ опасности, угрожающей вслѣдствіе недостатка хлѣба, министерство пренебрегало этими со-вѣтами и считало ихъ даже почти возмутительными. Цѣна на хлѣбъ начала увеличиваться въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ, угрожая народу голодомъ. Министерство съ какимъ то упрямствомъ оставалось совершенно спокойнымъ.

Съ первыхъ чиселъ октября мѣсяца въ Парижѣ и другихъ частяхъ королевства произошли беспорядки по причинѣ увеличивавшейся дороговизны хлѣба. Зерновой хлѣбъ дорожалъ съ каждымъ днемъ: къ концу мѣсяца низшая цѣна его дошла до 26 фр. 36 с. за гектолитръ (гектолитръ—3,813 четверика). Беспорядки увеличивались. Вслѣдъ за этимъ муниципальныя власти употребили всѣ средства помочь несчастію. Парижскій муниципальный совѣтъ вотировалъ сумму, необходимую для поддержанія цѣны хлѣба въ 40 сантимовъ за килограммъ. Но повышеніе цѣнъ продолжалось и зло принимало большіе размѣры; предусмотрительность муниципалитета и частная благотворительность оказались недостаточными; необходимы были болѣе положительныя мѣры и о нихъ начали хлопотать со всѣхъ сторонъ: потребовали свободного ввоза иностраннаго хлѣба, обратили вниманье министерства на скорое наступленіе зимы въ Балтійскомъ морѣ и бурь въ Черномъ. Министерство отвѣтило, что нечего бояться недостатка хлѣба, что результаты жатвы еще не опредѣлены официально, а результаты предварительныхъ изслѣдованій объ урожаѣ на столько удовлетворительны, что должны успокоить народъ.

Эти увѣренія не убѣдили однакожь никого, и неурожай

угрожалъ все болѣе и болѣе. Непредусмотрительность правительства и безпечность его въ такомъ вопросѣ, въ которомъ материальному благосостоянію народа угрожала опасность, становились съ каждымъ днемъ очевиднѣе. Безпорядки увеличивались, а вмѣстѣ съ ними усиливалась и ненависть къ правительству.

XIV.

Въ то же время обнаружались мрачные признаки финансоваго кризиса, который быстро увеличивался и принялъ въ послѣдствіи страшные размѣры. Тогдашнее правительство будетъ отвѣчать за него предъ судомъ исторіи, и тѣмъ справедливѣе будетъ эта отвѣтственность, что оно не испытало всей тяжести этого кризиса.

Тремя главными причинами этого кризиса были: постоянное увеличеніе расходовъ, неурожай и система устройства желѣзныхъ дорогъ.

Въ 1830 году бюджетъ простирался до 1,095 милліоновъ, въ 1840 до 1,179 милліоновъ, въ 1846 онъ дошелъ до 1,606 милліоновъ. Между 1840 и 1846 годами, не смотря на каждагоодное среднее увеличеніе доходовъ на 40 милліоновъ, общая сумма излишка расходовъ надъ доходами дошла до цифры 433 милліоновъ.

Неурожай и возникшая вслѣдствіе его необходимость въ значительной закупкѣ заграничнаго хлѣба были причиною громаднаго вывоза звонкой монеты.

Что же касается желѣзныхъ дорогъ, то благоразумное правительство приступило бы къ послѣдовательной постройкѣ ихъ; оно бы первоначально сосредоточило всѣ свои усилія на двухъ большихъ линіяхъ, отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ юго-западу; сверхъ того оно бы не отдало въ монополію компаніямъ капиталистовъ перевозку товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ. Но правительство Луи Филиппа дѣйствовало подъ влія-

ніємъ совершенно ипыхъ соображеній. Имѣя въ виду выборы, оно думало дѣйствовать на нихъ въ свою пользу, стараясь показать для виду, что предпринимаетъ громадное дѣло, разбрасывая сѣть желѣзныхъ дорогъ по всей Франціи.

Отсюда немедленно явились самыя гибельныя послѣдствія. Менѣе чѣмъ въ два года компаніи потребовали у биржи 1,300 милліоновъ и у казны заемъ въ 200 милліоновъ, что въ сложности составило 1,500 милліоновъ. Къ концу 1846 года было собрано 600 милліоновъ; оставалось собрать еще 900. Сверхъ того предстояло уплатить одинъ милліардъ за работы, принятыя правительствомъ.

Но цифры эти были еще далеко невѣрны. Капиталы привлекаются двумя путями на рынокъ: сбереженіемъ и спекуляціей. Когда сбереженіе недостаточно, то остальное дополняется спекуляціей. Франція же въ 1846 году далеко не могла сберечь 1500 милліоновъ, и спекуляція вступила въ свои права. Акціи, достоинство которыхъ было основано на болѣе или менѣе невѣрныхъ расчетахъ, поднялись съ своей номинальной цѣны до невѣроятной цифры. Бѣдные и богатые, скуные и расточительные, капиталисты, земледѣльцы, промышленники, купцы—все были увлечены безумной игрой, которая представляла собою не обращеніе цѣнностей, но громадное, быстрое и безпорядочное перемѣщеніе капиталовъ. Спекуляція поколебала имущество, заработокъ и совѣсть людей. Ложъ заступила мѣсто естественнаго положенія дѣлъ; дѣйствительныя производительныя силы уступили мѣсто искусственнымъ, правильный приливъ капиталовъ, измѣненный спекуляціей, превратился въ искусственное обращеніе, поддерживаемое взаимною услужливостью.

Банкъ, дающій движеніе и направляющій большіе капиталы, въ свою очередь почувствовалъ вліяніе спекуляціи. Съ 1-го іюля 1846 года до 1 генваря 1847 года наличный капиталъ банка уменьшился на 172 милліона. Потребности

его увеличиваются, зловкая монета исчезаетъ и онъ принужденъ сдѣлать въ Лондонѣ заемъ въ 25 милліоновъ въ слиткахъ. Онъ одновременно возвышаетъ дисконтъ на одинъ процентъ.

Это обстоятельство увеличиваетъ кризисъ: кредитъ ослабѣваетъ, торговля и промышленность приходятъ въ застой, непроданные товары скопляются въ магазинахъ. Тогда смена переѣмляется: воображеніе ослабѣваетъ; все спрашиваютъ себя, какова дѣйствительная цѣнность этихъ двухъ милліардовъ акцій, тяготящихся надъ рынкомъ; все овладѣваетъ страхъ, результатомъ котораго является чрезмѣрное пониженіе тѣхъ цѣнностей, которыя доведены были спекуляціей до искусственной высоты. Пониженіе идетъ быстро, увлекая за собой даже ренту; всеобщій кредитъ подрывается, и люди болѣе проницательные предвидятъ неминуемое потрясеніе.

XV.

Въ какомъ же состояніи находилась въ это время Европа? Россія была открыто враждебна Франціи. Пруссія, озабоченная своими собственными внутренними затрудненіями, оставалась пока нейтральною. Австрія, управляемая уставшимъ и скептическимъ государемъ, готова была вступить въ мировыя сдѣлки. Второстепенныя государства подчинялись различнымъ условіямъ своихъ интересовъ, привычекъ, вліянію окружающихъ государствъ и движенію умовъ въ народѣ. Одна только Швейцарія была неспокойна. Подъ не совсѣмъ благовиднымъ предлогомъ религіознаго вопроса, семь католическихъ кантоновъ рѣшили составить особую лигу, „Зондербундъ“, отдѣльную отъ конфедераціи. Французское министерство покровительствовало этой лигѣ. Отношенія правительства Луи Филиппа къ Англіи были въ началѣ интимны, и имѣли даже нѣкоторый видъ подчиненности; но вскорѣ они стали колебаться, сдѣлались на-

тянутыми, и наконецъ стали враждебными. Причину этого охлажденія надобно искать въ Испаніи, и именно въ толкованіяхъ трактата о четверномъ союзѣ; это охлажденіе должно было еще болѣе увеличиться по поводу вопроса, въ который вмѣшалась интрига; вопросъ этотъ заключался въ бракъ молодой королевы Изабеллы II.

Изучая исторію безъ заранѣе составленныхъ взглядовъ, очень трудно рѣшить этотъ сомнительный вопросъ — не было ли одинаково губительно для Испаніи и для Франціи возшествіе Бурбоновъ на испанскій престолъ? Политика Наполеона, имѣвшая свое начало въ политикѣ Людовика XIV, освѣщаетъ эту проблему мрачнымъ свѣтомъ. Подъ вліяніемъ семейныхъ идей и преданій, Луи Филиппъ, какъ король, отецъ и старикъ, желѣлъ въ своемъ сердцѣ надежду сочетать бракомъ своего младшаго сына, герцога Монпансье, если не съ королевой Изабеллою, то по крайней мѣрѣ съ ея сестрой, инфантой Луизой-Фернандой. Но англійское правительство считало это противнымъ своимъ интересамъ. Этотъ вопросъ продолжался четырехъ лѣтъ возобновлялся случайно и съ перерывами. Претенденты на бракъ съ королевой безпрестанно смѣнялись одни другими. Въ это время королева Викторія, исполняя долгъ вѣжливости, сдѣлала королю визитъ въ *château d'Eu*; король нашелъ этотъ случай удобнымъ для того, чтобы окончательно рѣшить этотъ вопросъ. Переговоры Гизо съ лордомъ Абердиномъ привели къ тому заключенію, что Англія не расположена въ настоящее время въ пользу этого брака и соединенія подъ однимъ скипетромъ Франціи и Испаніи, подобно тому какъ она не была расположена къ этому и въ 1702 году. Такимъ образомъ Англія формально отвергла всякую мысль о бракѣ герцога съ королевой. Что же касается до брака съ инфантой, то британское правительство не возмущалось противъ него; но, чтобы обезпечить послѣдствія утрехтскаго трактата отъ всякихъ случайностей, оно требовало, чтобы этотъ бракъ былъ

заключенъ только послѣ рожденія у испанской королевы на слѣдника, и такимъ образомъ обезпечить испанскій тронъ отъ возшествія на него Орлеанскаго дома.

По словамъ англійскихъ министровъ, какъ виговъ такъ и торіевъ, эти условія были приняты Гизо и самимъ королемъ, который сверхъ того лично обязался сообразовать съ ними свою политику. Но, не довѣряя французскому правительству, Англія съ беспокойствомъ наблюдала въ Парижѣ и Мадридѣ. Находя достаточныя причины быть недовольной поведеніемъ короля, королева Викторія перестала выражать ему свое уваженіе, которое прежде обнаруживала такъ часто. Уже замѣчалась перемѣна въ дипломатическихъ сношеніяхъ обѣихъ правительствъ, когда 1 іюля 1847 г. тори были замѣнены вигами и мѣсто лорда Абердина заступилъ лордъ Пальмерстонъ.

Лордъ Пальмерстонъ, человѣкъ замѣчательныхъ достоинствъ, обладающій щекотливою чувствительностью ко всему, что касается величія его родины, которой онъ глубоко преданъ, имѣлъ противъ Гизо и короля, кромѣ неудовольствій политическихъ, личную неприязнь, которая не могла изгладиться даже послѣ его недавняго путешествія въ Парижъ. Сдержанное въ началѣ, это враждебное расположеніе англійскаго правительства разразилось въ печати, особенно же въ статьяхъ Times, приписываемыхъ одному изъ членовъ вигскаго кабинета, бывшему посланникомъ въ Испаніи. Статьи эти, обращенныя противъ личности короля, были такъ непосредственно направлены и такъ яростны, что французская журналистика, не будучи въ состояніи состязаться на этомъ поприщѣ, должна была ограничиться однимъ только указаніемъ на ихъ значеніе. Не смотря на вѣжливый тонъ, соблюдаемый въ офиціальныхъ сношеніяхъ между обѣими правительствами, въ немъ нельзя было не замѣтить много рѣзкости. Принявъ отъ лорда Абердина управленіе дѣлами, лордъ Пальмер-

стопъ съ настойчивостью требовалъ, чтобы бракъ герцога Монпансье съ инфантою былъ заключенъ не ранѣ рожденія наслѣдника у испанской королевы. Чувствуя себя въ правѣ отвѣчать на это враждебное расположеніе тѣмъ же, Гизо ссылался на обязательства, заключенныя въ *château d'Eu*. Подчиняясь страстямъ короля, Гизо, какъ самый простой придворный, распространялся о великой политикѣ Людовика XIV, и въ тоже время былъ слѣпъ въ виду гибели отъ этой политики, жертвуя, ради ничтожнаго семейнаго интереса, союзомъ съ Англіей, для котораго онъ самъ принесъ столько великихъ и тяжелыхъ жертвъ. Въ то же время онъ обращался къ своему противнику съ страшнымъ тономъ высокомерія.

Между тѣмъ Герцогъ Монпансье уѣхалъ въ Мадридъ въ первыхъ числахъ октября. 10-го числа, въ Эскурьяль, онъ обвинчался съ инфантой, часъ спустя послѣ вѣнчанья королевы. Союзъ съ Англіей былъ окончательно прерванъ.

XVI.

Европа, внимательно слѣдившая за ходомъ и развязкою этого столкновенія, немедленно постаралась воспользоваться имъ.

Подъ покровительствомъ русскаго императора былъ заключенъ брачный союзъ главы дома Бурбоновъ съ моденскою герцогиней. Это была несомнѣнная угроза Орлеанскому дому и въ тоже время новый предлогъ къ озлобленію легитимистовъ противъ Орлеанской династіи.

Затѣмъ послѣдовали еще болѣе важныя слѣдствія этого несогласія: Краковская республика, обезпеченная трактатомъ 1815 года, сохраняла свою независимость, и независимость эта сильно безпокоила три сосѣднія могущественныя державы. Не прошло и мѣсяца послѣ испанскихъ браковъ, какъ Россія, Пруссія и Австрія, безъ согласія на то государство,

подписавшихъ трактатъ 1815 года, сокрушили этотъ послѣдній пріютъ польской національности. Это обстоятельство возмутило всю Европу: второстепенныя государства почувствовали себя въ опасности; Англія энергически протестовала, Франція же едва возвысила свой голосъ; но эти три державы мало обратили вниманія на протесты Франціи и Англіи, и въ отвѣтъ на нихъ объявили о раздѣленіи Краковской республики.

При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ кончился 1846 годъ. Французское общество вступало въ новый рядъ испытаній и страданій, которыхъ оно еще не исчерпало до сихъ норъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Открытие сессии 1847 года.—Речь короля, исполненная спокойствия и заученнаго лапидаризма; радикальная пресса указывает на несостоятельность словъ короля; министерская пресса и дипломатическій корпусъ заглушаетъ эту критику своею лестью. — Признанія и объясненія министерства по поводу кризиса. — Банковыя вклады уменьшаются въ три мѣсяца на 100 милліоновъ. — Министерство теснѣе выпуска на 56 милліоновъ банковыхъ билетовъ и въ тоже время объявляетъ положеніе дѣлъ совершенно безопаснымъ. — Бюджетъ съ дефицитомъ въ 243 милліона. — Дороговизна хлѣба; безпорядки; убійство въ Бузассе; усмиреніе вооруженной силой пѣшафотомъ; правительство принимается наконецъ за ввозъ съѣстныхъ припасовъ. — Споры въ палатѣ объ испанскихъ бракахъ; этотъ вопросъ приводитъ раздѣленіе въ оппозиціи; новая группа депутатовъ образуется подъ предводительствомъ Дюфора и Билля; значительное большинство оправдываетъ правительственную систему. — Политическое могущество Луи Филиппа достигаетъ высшаго предѣла. — Въ ожиданіи преній по поводу бюджета, Дювержье-де-Гораннъ дѣлаетъ правительству запросъ о состояніи финансовъ; его предложенія объ измѣненіи финансовой системы отвергнуты. — Адрестъ принятъ большинствомъ 248 голосовъ противъ 48. — Новая побѣда правительства; примиреніе лорда Норменби съ Гизо при посредствѣ австрійскаго посланника; покупка русскимъ императоромъ на 50 милліоновъ рентъ. — Смерть Мартенъ-де-Нора; замѣщеніе его Геберомъ въ министерствѣ юстиціи; этотъ выборъ выражаетъ злобу правительства; въ отвѣтъ на него палата называетъ Геберу въ вице-президенты Леона-де-Маллевиля; раздраженіе кабинета и жестокіе нападки министерской прессы. — Избирательныя реформы; предложеніе Дювержье-де-Горанна; Дюматель отвергаетъ даже существованіе этого вопроса въ палатѣ; предположеніе Гизо о томъ, что прогрессъ заключается въ ослабленіи чрезмѣрнаго развитія свободы, и урокъ его прогрессивнымъ консерваторамъ; предложеніе его отвергнуто 252 голосами противъ 154. — Парламентская реформа; предложеніе Ремюза; исключеніе офицеровъ и чиновниковъ, служащихъ при королѣ и принцахъ; враждебное расположеніе Тьера къ двору; предположеніе, отвергнутое 219 голосами противъ 170; большинство голосовъ было поддержано 129 чиновниками. — Партія радикаловъ видитъ свою побѣду въ этомъ пораженіи. — Разговоръ Гарнье-Пажеса съ Гизо. — Безсиліе кабинета; Демуссо характеризуетъ это состояніе словами: ничего, ни-

чего, ничего! — Эшафотъ въ Бюзансе. — Сессія палаты превращается въ застѣданіе ассизнаго суда. — Злоупотребленія по провіантской части въ Парикѣ; воровство, открытое въ поставкахъ правительству; строгое обращеніе и безпорядки по морскому управленію, указанные д'Анжемиллемъ и Бенуа Фульдомъ; большинство защищаетъ правительство. — Дѣло Теста и Кюбьера. — Перемѣны въ министерствѣ: Гизо жертвуетъ тремя министрами, болѣе всего пострадавшими въ парламентскихъ преніяхъ; сопротивленіе Лакавъ-Таплана; назначеніе трехъ новыхъ министровъ объявляется въ Мониторѣ 10 мая; ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ къ палатѣ; неудовольствіе консерваторовъ; король, министры и Лакавъ-Тапланъ успокаиваютъ ихъ и министерство окончательно устроивается; — это послѣднее министерство іюльской монархіи. — Радикалы довольны этимъ крайнимъ развитіемъ правительственной системы. — Назначеніе придворныхъ прелатовъ и новыхъ дворянъ. — Волненіе, произведенное въ палатѣ перовъ посягательствомъ на ея достоинство въ одной статьѣ *Presse*, подписанной Эмилемъ-де-Жиранденомъ, въ которой въ то же время обвиняется въ разныхъ злоупотребленіяхъ министерство внутреннихъ дѣлъ; палата перовъ проситъ разрѣшенія у палаты депутатовъ позвать къ отвѣту Эм. де-Жирандена; въ спорахъ по этому поводу Жиранденъ смѣло поддерживаетъ свои обвиненія; ему отвѣчаютъ Гизо и Дюшатель; палата депутатовъ даетъ разрѣшеніе, требуемое палатою перовъ; Жиранденъ оправданъ палатою и возвращается въ палату депутатовъ, чтобы поднять и оживить споры новыми съ своей стороны обвиненіями; онъ требуетъ слѣдствія; на предложеніе Морни отвѣчаютъ 225 голосовъ противъ 102, объявляя въ то же время, что они удовлетворены объясненіями со стороны кабинета. — Споры по вопросу объ Алжирѣ и открытіе по этому поводу новыхъ безпорядковъ. — Охлажденіе большинства. — Министерство, покровительствовавшее католической революціи въ Швейцаріи, противится либеральному движенію въ Португаліи. — Злоупотребленія въ управленіи государственными лѣсами. — Обманъ отвѣтственнаго агента больницы Гро-Калью. — Судъ и приговоръ надъ Тестомъ, Кюбьеромъ и Пармантье; стараніе министерской прессы выставить въ этомъ дѣлѣ безукоризненное поведеніе судей. — Споры о бюджетѣ: громадный дефицитъ; предостереженіе и тревога парламентскаго большинства; требованіе и вотиrowаніе займа въ 350 милліоновъ. — Паденіе всѣхъ проектовъ новыхъ законовъ по поводу разныхъ предпріятій. — Послѣднее разоблаченіе лихоимства, сдѣланное журналомъ «*National*». — Печальное заключеніе, которое дѣлаетъ изъ парламентской сессіи «*Journal de Debats*».

I.

Парламентская сессія 1847 года.

Король лично открылъ сессію 11 января. Онъ любилъ эти торжественныя случаи, въ которыхъ могъ показать публикѣ, что

время не ослабило его бодрости. Окруженный своимъ блистательнымъ семействомъ, которое было его надеждой и предметомъ гордости, онъ, казалось, забывалъ даже вѣрные признаки приближающейся смерти. Его рѣчь, проникнутая невозмутимымъ спокойствіемъ заключала въ себѣ только два замѣчательныхъ мѣста, изъ которыхъ одно относилось къ испанскимъ бракамъ, а другое къ присоединенію Кракова. Ограничиваясь простымъ объявленіемъ палатѣ о бракѣ своего послѣдняго сына, король не указывалъ на дипломатическія послѣдствія этого брака. Но разясняя съ большою подробностью Краковскій вопросъ, король объявилъ, что его правительство протестовало „противъ этого неожиданнаго происшествія, этого нарушенія договоровъ, измѣняющаго въ Европѣ порядокъ вещей, установленный вѣнскимъ трактатомъ.“

По странному совпаденію обстоятельствъ, въ которомъ древніе предрасудки стали бы отыскивать какое нибудь предзнаменованіе, въ самый день произнесенія этой рѣчи получено было въ Парижъ посланіе президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Объемъ этого документа и откровенность его составляли знаменательный контрастъ съ заученнымъ лаконизмомъ королевской рѣчи, на который обратила вниманіе республиканская пресса. Но министерская пресса отвѣчала восторженными похвалами, и во время пріема по случаю новаго года, нунцій отъ имени всего дипломатическаго корпуса расточалъ королю лстивыя и похвальные слова.

II.

Дѣйствительность же была, къ несчастью, далеко не такъ блистательна. Въ бюджетѣ на 1848 годъ, опубликованномъ 2 января, правительство сознавалось, хотя и не совсѣмъ ясно, въ томъ, какое вліяніе произвелъ финансовый кризисъ на торговлю, промышленность и сельское хозяйство. Оно ста-

ралось объяснить его неурожаемъ, наводненіями, паденьемъ ренты и акцій. Что же касается денежнаго кризиса, то оно также старалось привести другія причины, не указывая на положеніе банка, котораго вклады уменьшились въ три мѣсяца на 100 милліоновъ (1 октября 1846 года вкладовъ было на 163 мил.; 31 декабря на 63 мил.). Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ затрудненій, оно просило разрѣшенія увеличить число банковыхъ билетовъ съ 210 на 275 милліоновъ. Въ заключеніе оно объявило съ самодовольствомъ, очень страннымъ, если оно было откровенно, что въ скоромъ времени исчезнуть всѣ слѣды жестокихъ испытаній, посланныхъ провидѣньемъ. Между тѣмъ представленный бюджетъ доходилъ до 1,368 милліоновъ обыкновенныхъ расходовъ и 176 мил. экстренныхъ, что въ сложности составляло 1,544 милліона. Если причислить сюда суммы, вотиrowанныя въ продолженіи года, то весь бюджетъ простирался до 1,610 милліоновъ.

Доходовъ было всего 1,366 милліоновъ. Такимъ образомъ открылся дефицитъ въ 244 милліона, не считая экстреннаго кредита, добавочнаго и дополнительнаго, безъ которыхъ, не смотря на миръ и другія благопріятныя обстоятельства, не могло обойтись само правительство.

III.

Увѣренность кабинета не измѣнилась даже при постоянномъ увеличеніи безпорядковъ, которыхъ причина заключалась въ безпрестанномъ повышеніи цѣнъ на съѣстные припасы. Средняя цѣна хлѣба во всей Франціи дошла уже до 29 фр. 92 сан. за гектолитръ. Поддерживаемый невѣжествомъ, страхъ голода, дѣйствующій сильнѣе самаго голода, поднялъ, преимущественно въ центрѣ и на западѣ Франціи, толпы вооруженныхъ крестьянъ. Обезумѣвъ отъ страха и голода, они бродили по всей странѣ, сторожили на дорогахъ и задержи-

вали обозы съ хлѣбомъ, не понимая, что такимъ образомъ еще увеличивали зло. Всѣ крайности были доступны въ этомъ броженіи самыхъ слѣпыхъ и дикихъ страстей. Въ Бюзансе, въ департаментѣ Эндры, ярость этихъ несчастныхъ людей довела ихъ даже до убійствъ.

Чтобы прекратить эти безпорядки, оставалось только прибѣгнуть къ оружію, и правительство поспѣшило воспользоваться этой мѣрой. Приказано было двинуться войскамъ. Военный министръ просилъ разрѣшенія увеличить кадры семью тысячами человѣкъ. Наконецъ приняты были необходимыя мѣры, чтобы ускорить ввозъ съѣстныхъ припасовъ и помочь общественной и частной благотворительности, которая, не смотря на свои обширные размѣры, была совершенно безсильна. Если бы къ этимъ мѣрамъ прибѣгли ранѣе, то не нужно было бы теперь прибѣгать къ пролитію крови въ деревняхъ и на эшафотѣ.

IV.

Между тѣмъ дѣло объ испанскихъ бракахъ явилось опять на сцену по поводу споровъ объ адрессѣ въ палатѣ перовъ. Броли, назначенный посланникомъ въ Лондонъ, началъ оправдывать и восхвалять политику кабинета. Затѣмъ сталъ говорить Гизо; всѣ съ удивленіемъ услышали отъ этого искуснаго оратора дерзкія и жалкія слова.

Англія была спокойнѣе. Государственные люди всѣхъ партій, какъ лордъ Джонъ Россель и сэръ Робертъ Пиль, старались заглушить въ себѣ страсти, вмѣсто того, чтобы ихъ возбуждать. Вмѣсто всякаго отвѣта лордъ Пальмерстонъ напечаталъ всѣ документы, которые могли бы разъяснить дѣло, касающееся этого вопроса.

Во Франціи вопросъ о бракахъ послужилъ къ раздѣленію мнѣній даже въ самой оппозиціи. Этотъ актъ неза-

висимости и даже почти враждебнаго расположенія правительства, послѣ столькихъ неожиданныхъ униженій, испытанныхъ имъ, въ тайнѣ льстилъ общественному мнѣнію и вводилъ его въ заблужденіе. Консерваторы, обязанные своимъ возвышеніемъ вотированію въ дѣлѣ Притчарда, не переставали повторять въ своихъ журналахъ, въ своихъ разсужденіяхъ и въ палатѣ слѣдующія слова: „Нѣтъ, мы не хотѣли изъ пустяковъ ссорить Европу. Но, вы видите сами, что когда дѣло идетъ о великихъ интересахъ, о серьезныхъ политическихъ вопросахъ, тогда мы дѣйствуемъ твердо и смѣло.“ Противныя партіи отвѣчали на это слѣдующимъ образомъ:

„Каждый разъ, когда вопросъ заключался въ однихъ только отечественныхъ интересахъ, вы жертвовали всѣмъ ради вашего спокойствія и неприкосновенности династіи. Союзъ съ Англіей, котораго вы не рѣшались никогда расторгнуть, даже въ тѣхъ случаяхъ когда дѣло шло о вашей чести, этотъ союзъ вы грубо отвергаете въ настоящее время ради какихъ то гадательныхъ семейныхъ интересовъ. Ради удовлетворенія національнаго достоинства вы не рѣшались пренебречь охлажденіемъ Англіи, а теперь, въ угожденіе династическимъ интересамъ, вы жертвуете спокойствіемъ всего міра.“

Не всѣ члены оппозиціи раздѣляли подобное мнѣніе: извѣстное число депутатовъ, бывшихъ до сихъ поръ враждебными правительству, кто изъ убѣжденія, кто изъ расчетовъ, перешли въ этомъ вопросѣ на сторону кабинета. Новая политическая партія образовалась подъ предводительствомъ Дюфора и Бильо.

Такимъ образомъ палата была раздѣлена въ своихъ мнѣніяхъ въ то время, когда начались пренія объ адресѣ.

Гарнье-Пажесъ возвратился изъ Испаніи; онъ видѣлъ дѣло вблизи и выставилъ его въ надлежащемъ свѣтѣ, чтобы успѣть въ своемъ намѣреніи заключить брачный союзъ; французское правительство исключительно поддерживало только

одну партію, рассчитывая на то, чтобы потомъ найти въ этой партіи поддержку; остальные же партіи оно заставило перейти на сторону Англіи. Такимъ образомъ французское вліяніе въ Испаніи, вмѣсто того чтобы усилиться, на самомъ дѣлѣ ослабѣло.

Гизо избѣгалъ парламентскаго состязанья. Онъ говорилъ, что желая подражать осторожности англійскихъ министровъ, онъ не хотѣлъ отвѣчать ни на какіе нападки и требовалъ прекращенія преній. Оппозиція склонилась на эту мѣру, потому что она, видя себя раздѣленною, искала другаго предмета для преній. Но Тьеръ оживилъ оппозицію, доказавши, что прямымъ послѣдствіемъ испанскихъ браковъ было уничтоженіе Краковской республики, а вслѣдствіе этого и расторженіе англійскаго союза. Гизо съ гордостью отвѣчалъ своему антагонисту: что „испанскій брачный союзъ, позвольте мнѣ вамъ сказать, былъ первымъ великимъ дѣломъ, которое совершили мы въ Европѣ одни безъ посторонняго вмѣшательства, съ 1830 года.“

Значительное большинство одобрило эти слова. Такимъ образомъ система, принятая правительствомъ, торжествовала. Политическое могущество главы Орлеанскаго дома достигло своего апогея. Франція повиновалась ему; Европа наконецъ признавала его. До сихъ поръ онъ вступалъ въ родственныя связи только съ принцами, теперь же онъ роднился съ королевскими домами. Довольный самимъ собою, онъ самонадѣянно смотрѣлъ на настоящее и спокойнымъ взглядомъ взиралъ на будущее..... Но годъ спустя, онъ какъ бѣглець и изгнанникъ покидаетъ Францію. Судьба какъ будто нарочно поставила его такъ высоко только для того, чтобы тѣмъ разительнѣе было его паденіе.

V.

Однако всѣ друзья и враги правительства, консерваторы, оппозиціонисты и радикалы и всѣ положительныя люди были

согласны въ томъ, что главная опасность заключалось въ положеніи финансовъ. Нетерпѣніе общества выразилось до начала преній о бюджетѣ. Дювержье де Лораннъ предложилъ палатѣ принять мѣры противъ такого состоянія дѣлъ. Въ виду тяжкаго положенія, угрожавшаго казнѣ, онъ требовалъ, чтобы были приняты мѣры для введенія порядка и экономіи въ общественныхъ издержкахъ. По его расчетамъ, основаннымъ на цифрахъ оффиціальныхъ документовъ, на отвѣтственности министерства остается, за всѣми исключеніями, не менѣе одного милліарда, который долженъ быть уплоченъ при составленіи послѣдующихъ бюджетовъ. Исслѣдуя затѣмъ причины такого глубокаго и угрожающаго зла, онъ въ особенности приписывалъ его уступкѣ частнымъ лицамъ большаго количества желѣзныхъ дорогъ и притомъ при посредствѣ самого министерства, которое покровительствовало и одобряло эти уступки и даже подстрекало къ нимъ разныхъ спекуляторовъ. „Съ какою же цѣлью оно такъ поступало? Мы должны наконецъ сказать правду: приближеніе выборовъ было причиною этихъ чрезмѣрныхъ уступокъ; надобно было прежде всего удовлетворить жадность отдѣльныхъ лицъ, и въ этомъ случаѣ правительство мало заботилось о томъ, что подобныя мѣры отразятся новымъ финансовымъ бѣдствіемъ; ему только нужно было пріобрѣсть этимъ путемъ нѣсколько лишнихъ голосовъ, чтобы увеличить свое большинство. Ораторъ, кончая свою рѣчь, заключилъ ее слѣдующими пророческими словами: „У васъ нѣтъ болѣе финансовъ!“

Его предложеніе было отвергнуто, а адресъ принять большинствомъ 248 голосовъ противъ 84.

Такимъ образомъ большинство было многочисленное, послушное и уже дисциплинированное. Велика была радость при дворѣ, еще большая въ министерствѣ. Это первое заявленіе политической программы новой палаты болѣе чѣмъ удовлетворяло всѣмъ надеждамъ.

Оппозиція была рѣшительно побѣждена и сверхъ того была ослаблена раздѣленіемъ. Избавленное наконецъ отъ безсильнаго меньшинства, правительство собиралось смѣло и свободно приступить къ разрѣшенію великихъ вопросовъ.

VI.

Два обстоятельства, случившіяся вслѣдъ за этой побѣдой окончательно ослѣпили дворъ и кабинетъ.

Лордъ Норменби и Гизо поссорились между собою вслѣдствіе взаимнаго обличенія во лжи. Австрійскій посланникъ Аппони пригласилъ къ себѣ обоихъ противниковъ и помирилъ ихъ. Вопросъ о бракѣ какъ будто былъ забытъ и прежняя дружба, казалось, была возстановлена.

Съ цѣлью облегчить покупку хлѣбныхъ зеренъ въ своемъ государствѣ, русскій императоръ взялъ во французскомъ банкѣ на 50 милліоновъ ренты въ обмѣнъ на слитки. Это обстоятельство совершилось вѣроитно вслѣдствіе увѣренности въ непоколебимости французскаго правительства. Никогда ни одно правительство не получало отъ другаго такого рѣшительнаго заявленія довѣрія. Торжество кабинета было полное. Придавая этому обстоятельству слишкомъ много политическаго значенія, онъ забывалъ въ тоже время объ одномъ изъ послѣдствій испанскихъ браковъ, которое было произведено столь довѣрлившей ему державой—Россіей, въ отношеніи краковской республики.

VII.

13 марта умеръ одинъ изъ членовъ кабинета и обстоятельства, сопровождавшія его смерть, были столь загадочны, что возбудили всеобщее любопытство; этотъ членъ кабинета былъ Мартенъ (du Nord), министръ юстиціи. Жестокій въ началѣ

своей карьеры, онъ смягчился впослѣдствіи, когда достигъ степени министра. Дворъ сдѣлалъ ошибку, назначивъ на его мѣсто Гебера, важнаго судью, одареннаго замѣчательнымъ талантомъ, но человѣка крутаго, мрачнаго, который болѣе другихъ былъ укоряемъ за свою чрезмѣрную строгость. Этотъ выборъ, сдѣланный не съ политическою цѣлью, но изъ злобы, удивилъ благоразумныхъ людей и, не укрѣпивъ положенія кабинета въ палатѣ, ослабилъ его сверхъ того въ народѣ.

Но выборъ этотъ вскорѣ разъяснился. Геберъ былъ вице-президентомъ палаты, и на его мѣсто былъ назначенъ Леонъ-де-Маллевиль, одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ членовъ оппозиціи. Неожиданное назначеніе такого человѣка было только предостереженіемъ, потому что въ этомъ выборѣ участвовали люди искренно преданные не только двору, но и кабинету. Въмѣсто того, чтобы понять это предостереженіе, кабинетъ озлобился и поднялъ тревогу. Пресса воспользовалась положеніемъ кабинета и безжалостно преслѣдовала этихъ отступниковъ своими ѣдкими сарказмами. Злоба кабинета, несправедливая и неосмотрительная, выражала роковое заблужденіе упрямой старческой гордости.

Съ этого времени событія проходили мимо этихъ государственныхъ людей не обращая на себя ихъ вниманія, не возбуждая ихъ умственной дѣятельности; ими двигало одно только тщеславіе.

VIII.

Оппозиція поняла наконецъ, что надобно было возбудить общественное мнѣніе. По настоянію крайней лѣвой стороны она рѣшилась затронуть главный вопросъ. Дювержье-де-Гораннъ сдѣлалъ предложеніе о преобразованіи выборовъ; Ремюза предложилъ парламентскую реформу. Это было двойное

и существенное нападение на министерство. Прогрессивные консерваторы также вступили въ пренія, не будучи впрочемъ увѣрены, что они выдержатъ ихъ до конца. Радикалы искренно поддерживали эту реформу, хотя и неполную, по которой была въ ихъ глазахъ первымъ шагомъ къ достиженію всеобщей подачи голосовъ — принципа и цѣли ихъ политики.

IX.

Основанія предложенія объ измѣненіи выборнаго начала были слѣдующія: уменьшеніе избирательной подати (ценса) до 100 франковъ, предоставленіе права голоса способнымъ людямъ, увеличеніе числа депутатовъ съ 459 до 538.

Много серьезныхъ причинъ служили въ пользу этого скромнаго преобразованія. Дювержье-де-Гораннъ съ удивительною энергіей, здравымъ смысломъ и умомъ высказалъ мнѣніе своей партіи: „Кому же наконецъ настоящій избирательный законъ дастъ политическое могущество? Большинству населенія? — Нѣтъ. — Большинству платящихъ податей? — Нѣтъ. Большинству интереса? — Нѣтъ. Большинству собственниковъ, земледѣльцевъ, промышленниковъ, купцовъ, ученыхъ, адвокатовъ? — Нѣтъ. И такъ, этотъ законъ приноситъ пользу только тѣмъ, кто управляетъ выборами. Другой пользы нѣтъ отъ этого закона. Но чѣмъ болѣе ограничены политическія права, тѣмъ важнѣе для тѣхъ, которымъ законъ отказываетъ въ этихъ правахъ, убѣжденіе, что все дѣлается въ видахъ свободы, величія и могущества націи. — Если бы можно было, основываясь на чемъ нибудь, сказать, что политическія права, вслѣдствіе печальнаго злоупотребленія, служатъ только средствомъ къ возвышенію и обогащенію тѣхъ кто ими пользуется; если бы можно было вѣрить тому обстоятельству, по поводу котораго почтенный Дюфоръ недавно еще выразилъ безпокойство, что избирательное законодательство стремится втайнѣ воз-

становить какую то искательную и пронырливую аристократію, если бы это могло случиться, то будьте увѣрены, что эти обстоятельства могли бы принести вредъ не только той или другой политикѣ, но въ тоже время и всѣмъ нашимъ учрежденіямъ и всему правительству.“

Впослѣдствіи упрекали этого человѣка, обладающаго такимъ сильнымъ умомъ, въ томъ, что онъ первый возбудилъ революцію. Онъ ее не возбуждалъ, онъ только предугадывалъ и указывалъ на нее тѣмъ, кто ее не замѣчалъ. Онъ говорилъ людямъ, которые подъ вліяніемъ страстей не понимали его.— Личность Кассандры есть одна изъ самыхъ глубокихъ созданий человѣческаго генія.

Какъ же можно было въ самомъ дѣлѣ требовать отъ палаты, чтобъ она отказалась отъ положенія, созданнаго ею. Палата была оскорблена словами оратора, а Дюшатель, министръ внутреннихъ дѣлъ, понимавшій лучше другихъ состояніе умовъ во Франціи, зашелъ такъ далеко въ своей излишней лести страстямъ большинства, что сказалъ, будто страна совершенно равнодушна ко всякой идеѣ о реформѣ. „Этотъ вопросъ никого не занимаетъ, сказалъ онъ. Изъ всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію палаты, этотъ, разумѣется, менѣе всѣхъ возбуждаетъ заботы и вниманіе.... Если вопросъ не былъ еще поднятъ, то это значить, что общественное мнѣніе еще не обратилось къ нему, значить этотъ вопросъ затронуть искусственно, потому что онъ не имѣетъ жизненнаго начала и основанія въ цѣлой странѣ. Онъ возникъ въ самой палатѣ, а не вышелъ изъ народа.“

Къ этимъ словамъ «Moniteur» прибавляетъ: („Одобреніе центра.“) Министръ и его большинство были взаимно ослѣплены. Эти слова и одобренія раздавались, такъ сказать, за нѣсколько часовъ до революціи, родившейся при крикахъ: да здравствуетъ реформа! Революція непосредственно была вызвана этимъ недалекимъ и озлобляющимъ вызовомъ.

Но что же сдѣлалось съ этими обѣщаніями, сдѣланными на банкетѣ въ Лизьѣ; гдѣ эти торжественныя обязательства, принятія наканунѣ выборовъ, этотъ прогрессъ, обѣщанный оппозиціей, по завпѣвшій единственно отъ консерваторовъ? На эти вопросы, предложенные Одилономъ Барро новой партіи прогрессивныхъ консерваторовъ, Гизо отвѣчалъ, что онъ докажетъ свою неутомимую ревность къ прогрессу предложеніемъ проекта законовъ: о свободѣ преподаванія, о наказаніяхъ и объ измѣненіи колоніальныхъ постановленій. „Истинный прогрессъ, сказалъ онъ въ заключеніе, состоитъ въ томъ, чтобы власть умѣряла излишнія проявленія свободы и тогда только уступала имъ, когда либеральныя стремленія составляютъ дѣйствительную потребность страны, когда эти стремленія сознаетъ и раздѣляетъ большинство нации.“

Онъ кончилъ свою рѣчь строгими отеческими предупрежденіями молодымъ консерваторамъ; онъ доказывалъ имъ, что они еще слишкомъ неопытны въ парламентской дѣятельности, чтобы могли побѣдить большинство, совершившее столько великихъ дѣлъ и обѣщающее совершить еще больше. Въ заключеніе онъ предоставлялъ имъ дѣйствовать по своей волѣ, увѣряя, что кабинетъ не откажется отъ своихъ убѣжденій.

Можно, не согрѣшая предъ справедливостію, сказать, что этотъ министръ не былъ государственнымъ человѣкомъ; въ этомъ убѣждаютъ послѣдующія обстоятельства. Гизо былъ только вожакомъ и тактикомъ общества, но за то въ этомъ отношеніи онъ былъ удивительно искусенъ. Съ глубокимъ знаніемъ всего, что дѣйствуетъ на поверхностныя чувства человѣческаго сердца, онъ превосходилъ всѣхъ своихъ соперниковъ въ ловкости, съ которою соблазнялъ однихъ и наводилъ ужасъ на другихъ. Онъ владѣлъ въ высокой степени совершенства всѣми атрибутами для диспута, особенно искусствомъ выражать презрѣніе. Гордое объявленіе его вполнѣ достигло своей цѣли. Партія молодыхъ консерваторовъ отступила назадъ, испугав-

шись своей смѣлости. Предложеніе перемѣнить въ выборномъ началѣ было принято только ста пятьюдесятью четырьмя головами, изъ четырехъ сотъ шести.

Х.

Мѣсяцъ спустя опять возобновились споры по поводу парламентской реформы, предложенной Ремюзѣ. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ благомыслящіе люди замѣчали постепенное увеличеніе числа чиновниковъ въ палатѣ, такъ что въ непродолжительномъ времени палата могла превратиться въ присутственное мѣсто. Преданнѣйшіе изъ сторонниковъ представительной монархіи съ безпокойствомъ смотрѣли на ослабленіе этой существенной силы правительства. Въ 1840 г. Тьеръ, будучи министромъ, взялъ на себя обязательство помочь этому дѣлу, но какое то подозрительное и злополучное письмо одного изъ членовъ кабинета было причиной того, что онъ не исполнилъ своего обѣщанья. Но этотъ вопросъ, при всѣхъ колебаніяхъ, возникалъ ежегодно въ палатѣ подъ различными видами.

Ремюзъ возобновилъ предложеніе, которое въ истекшемъ году было сдѣлано Одилономъ Барро, о томъ, чтобы палата исключила изъ службы офицеровъ и чиновниковъ гражданскаго и военнаго вѣдомства, находящихся на службѣ у короля и у принцевъ.

Это предложеніе было враждебной выходкой противъ двора; къ тому же Тьеръ сказалъ въ пользу этого предложенія рѣчь до того колючую, что она показалаcя нападеніемъ на личность короля, и въ то же время выражала со стороны оратора рѣшимость не принимать участія въ управленіи до конца царствованія Луи Филиппа. Болѣе умѣренный въ своихъ требованіяхъ, Ремюза ограничился общимъ обзоромъ этого вопроса.

Правительство, чрезъ посредство двухъ главныхъ министровъ, отвергло парламентскую реформу, подобно тому какъ оно отвергло избирательную реформу. Двѣсти девятнадцать голосовъ поддержали правительство; сто семьдесятъ протестовали противъ него. Но большинство все таки уменьшилось; оскорбленія, нанесенныя прогрессистамъ, начинали приносить плоды.

Сто двадцать девять чиновниковъ отвергли парламентскую реформу. Всѣмъ было ясно видно, что представительное правительство не устояло, потому что большинство палаты состояло изъ чиновниковъ; національнаго же правительства Франція не имѣла. Франція должна была неминуемо употребить вскорѣ всѣ средства, чтобы выйти изъ этого положенія. Таковы были обстоятельства, которыя отлично понимала радикальная партія. Оттого эта партія не только не падала духомъ, но напротивъ радовалась, видя свои безирестанныя пораженія. Гарнье-Пажесъ говорилъ Гизо: „не взирая на ваше преждевременное презрѣніе, наступитъ время всеобщей подачи голосовъ.“

Это упрямство со стороны двора, кабинета и консерваторовъ было въ самомъ дѣлѣ ихъ капитальной ошибкой. Уступка съ ихъ стороны ослабила бы враждебное къ нимъ расположеніе и могла бы служить средствомъ къ удовлетворенію недовольныхъ. Сопротивленіе правительства вызвало борьбу: разрушая всякую надежду, оно тѣмъ сильнѣе возбудило желанія.

XI.

Сессія продолжалась три мѣсяца и обѣщанныя въ началѣ засѣданій проекты разныхъ предпріятій вовсе не были представлены правительствомъ. Казалось, министерство было поражено какимъ то безсиліемъ, причину котораго узнали впоследствии. Демуссо де Живре, рѣшительный консерваторъ,

описывая крупными чертами всё отрицанія правительства, всё потаенныя его дѣйствія за прошедшее время, охарактеризовалъ всю политику кабинета въ этомъ знаменитомъ восклицаніи: „ничего, ничего, ничего!“ Эти слова были на столько же жестоки, на сколько справедливы. Спусти десять лѣтъ, послѣ страшной революціи, они все таки сохранились и будутъ храниться въ исторіи.

ХII.

Положеніе страны становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ. Постепенно возвышающіяся цѣны на хлѣбъ стояли между 32 франк. 35 сантим. и 49 франк. 70 сантимами. Если только можно чѣмъ нибудь оправдать преступленіе, то этотъ голодъ могъ отчасти служить оправданіемъ бывшихъ безпорядковъ; поэтому люди болѣе снисходительные сожалѣли объ участи несчастныхъ, приговоренныхъ въ Бюзансе къ смерти. Само правительство, говорятъ, колебалось исполнить приговоръ, но ради примѣра, или въ видахъ необходимости строгихъ мѣръ, эшафоты были поставлены и смертный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе при необыкновенной обстановкѣ.

ХIII.

Послѣдній періодъ засѣданій принялъ характеръ скорѣе судебный, нежели политическій. Слушая различныя заявленія, обвиненія, оправданія, можно было принять это политическое собраніе за ассизный судъ.

Въ предшествующемъ году умеръ директоръ парижскаго провинтскаго вѣдомства. Этотъ человѣкъ считался образцомъ отчетности, его честность ставилась въ примѣръ. Довѣріе къ нему правительства простиралось до того, что съ него даже не

требовали квитанцій, предписанныхъ закономъ. На самомъ дѣлѣ этотъ чиновникъ былъ плутомъ; начальство знало это, но не обращало вниманія, и когда одинъ изъ младшихъ чиновниковъ донесъ министру объ обманахъ и злоупотребленіяхъ своего начальника, то министръ самымъ жестокимъ образомъ наказалъ этого честнаго человѣка за его справедливое донесеніе. Вслѣдствіе какой то особенной снисходительности къ этому вѣроломному человѣку, которую не знали чѣмъ объяснить, посредствомъ поддѣльныхъ бумагъ приняли въ счетъ убыль, оказавшуюся въ его управленіи. Дефицитъ, котораго первые слѣды обозначились еще въ предыдущихъ годахъ, превосходилъ уже сумму 100 миліоновъ франковъ. Когда эта печальная истина сдѣлалась извѣстною, то палата приказала немедленно сдѣлать слѣдствіе; но министерство настояло на томъ, чтобы это дѣло было поручено его агентамъ. Представленъ былъ отчетъ коммисіи, который палата потребовала на разсмотрѣніе; министерство отвѣтило отказомъ. Оппозиція выразила свое негодованіе и общественное мнѣніе было этимъ глубоко оскорблено.

Оппозиція выставила на видъ странное воровство, настоящій разбой алжирскаго начальства, кравшаго солдатскую пищу и поддѣлывавшаго лекарства; въ Брестѣ дурно кормили матросовъ; въ большей части гарнизоновъ дурно содержали лошадей; алжирское начальство не хотѣло принимать хлѣба подѣлъ тѣмъ предлогомъ, что онъ былъ испорченъ, до тѣхъ поръ, пока не настоялъ на этомъ министръ; по свидѣтельству самаго контроля (*comptable*) приемщики, отказавшіеся принять поставленный каменный уголь, были принуждены взять его по приказанію правительства. На всѣ эти злоупотребленія оппозиція представляла многочисленныя и неопровержимыя доказательства; министерство едва рѣшалось оправдываться посредствомъ разныхъ увертокъ.

Морской министръ Мако, едва пришедшій въ себя отъ послѣдняго засѣданія, въ которомъ онъ произвелъ тяжелое

впечатленіе на палату своимъ стараньемъ прикрыть глубоко варварскіе поступки плантаторовъ съ рабами, долженъ былъ вынести новый ударъ, который былъ тѣмъ непріятнѣе, что былъ направленъ близкимъ человѣкомъ. Бывшій флотскій офицеръ, д'Анжевилъ, открыто заявилъ, при самыхъ убѣдительныхъ доказательствахъ, о безпорядкахъ по морской части; единственнымъ средствомъ устранить ихъ онъ считалъ слѣдствіе, которое должно быть произведено самимъ парламентомъ. Въ этомъ случаѣ выражалось недовѣріе къ правительству.

Другой членъ большинства, Бенуа Фульдъ, сравнивая французскій флотъ съ англійскимъ, доказывалъ, „что первый изъ нихъ, при большихъ расходахъ, слабѣе втораго. Страна сдѣлала огромныя пожертвованія, отчисливъ девяносто три миліона для пополненія магазиновъ, — а магазины были пусты и самыя энергическія усилія не могли восторжествовать надъ всѣми злоупотребленіями арсенальнаго управленія.“ Фульдъ, рѣшившійся по прежнему поддерживать министерство въ вопросахъ политическихъ, въ то же время отказывался въ виду страшнаго безпорядка въ финансахъ, подавать свой голосъ въ его пользу во всѣхъ финансовыхъ вопросахъ.

Министерство упрямо защищало своихъ агентовъ, въ томъ числѣ и самыхъ недостойныхъ изъ нихъ; большинство съ своей стороны защищало министерство.

XIV.

Но это было еще далеко не все. Всякая неправда такъ глубоко вкоренилась въ этой странѣ, что, казалось, была естественнымъ произведеніемъ ея почвы. Въ самый день именинъ короля, во время официальныхъ поздравленій, произошелъ скандалъ, который долженъ былъ превзойти всѣ предыдущіе скандалы, столь возмущавшіе общественное мнѣніе.

Открытая во время какого то процесса и изъ мести напечатанная корреспонденція, разоблачала грабительство бывшего

министра Теста, пера и президента кассационнаго суда. Гепераль-лейтенантъ Кюбьеръ, въ письмѣ къ владѣтелю гуанантскихъ копей, просить, чтобы на его долю отложили извѣстное число акцій, назначенныхъ для того, чтобы посредствомъ ихъ найти необходимую поддержку въ совѣтѣ министровъ. Въ этомъ письмѣ было сказано: „Не разсчитывайте на наши права, на справедливость администраціи. Ничего не можетъ быть ошибочнаго этого разсчета. Не забывайте, что правительство находится въ рукахъ жадныхъ и продажныхъ людей; что свобода прессы находится въ опасности быть не сегодня — завтра задушенной въ тихомолку, и что наши права никогда болѣе не нуждались въ протекціи чѣмъ теперь.“ Совѣты эти были приняты: говорили, что министру публичныхъ работъ дано было сорокъ нять акцій за уступку двухъ копей; одна изъ нихъ была каменноугольная, другая каменной соли. Эти акціи были немедленно проданы и принесли взяточнику сто тысячъ франковъ.

Вышедшее изъ суда, это преступленіе оглашено было въ прессѣ и перешло въ палату. На запросъ консервативнаго члена Мюре де Бора, который за одно съ министерствомъ хотѣлъ предупредить оппозицію и этимъ отстранить ударъ, — Дюмонъ, министръ публичныхъ работъ, отрицая факты, казавшіеся ему неправдоподобными, объявилъ однакожь, что кабинетъ отдаетъ приказаніе произвести разслѣдованье.

Въ палатѣ перовъ Тестъ объявилъ взведенное на него обвиненіе ложнымъ и протестовалъ за свою невинность. Кюбьеръ потребовалъ, чтобы поведеніе бывшаго министра было подвергнуто разслѣдованью. Созвали палату перовъ.

XV.

Между тѣмъ, среди этихъ печальныхъ безпорядковъ, великія государственныя собранія соперничали между собою въ

лести и униженіи, чтобы только скрыть зло, вмѣсто того, чтобы стараться открывать его, совершая въ общемъ дѣлѣ усердіемъ и честностью. Никогда лесть не доходила до такой степени, какъ 1 мая, въ день именинъ короля.

Разложеніе, котораго признаки вездѣ уже показывались, коснулось въ это время даже самаго министерства. Гизо хотѣлъ избавиться отъ трехъ министровъ, болѣе всего пострадавшихъ въ предшествовавшихъ преніяхъ. Военный и морской министры принуждены были выйти въ отставку, но министръ финансовъ Лакавъ-Лапланъ упрямо отстаивалъ свое мѣсто. Ошибки, указанныя въ палатѣ, принадлежали не ему одному, а цѣлому кабинету; онъ вовсе не хотѣлъ добровольнымъ выходомъ въ отставку принять на себя всю вину и отвѣтственность за эти ошибки. Напрасно маршалъ и самъ король неотступно требовали отъ него этой жертвы, напрасно предлагали они ему самое соблазнительное вознагражденіе, — министръ былъ непоколебимъ. Дѣло рѣшили безъ его согласія и перемѣна министерства была объявлена въ *Moniteur* 10 мая.

XVI.

Мѣсто Лакавъ-Лаплана заступилъ Дюмонъ, министръ публичныхъ работъ. Жайръ, перъ Франціи и префектъ департамента Роны, былъ назначенъ на мѣсто Дюмона. Генераль Трезель получилъ мѣсто военнаго министра, а герцогъ Монтебелло, перъ Франціи и посланникъ въ Неаполѣ, былъ назначенъ министромъ морскимъ и колоній.

Изъ трехъ новыхъ министровъ, которыхъ тогда не было въ Парижѣ, двое тотчасъ приняли предложеніе и прислали свое согласіе по телеграфу; принятіе третьимъ мѣста подлежало сомнѣнію; согласіе его послѣдовало позже первыхъ двухъ. Жайръ, котораго способности были внослѣдствіи оцѣнены и употреблены въ дѣло большими акціо-

нерными компаніями, былъ совершенно неизвѣстенъ въ политическомъ мірѣ. Генераль Трезель, храбрый воинъ, но несчастливый на полѣ битвы, взялъ на себя обязанность, которая была ему не подъ силу. Герцога Монтебелло былъ по общему мнѣнію неспособенъ къ управленію морскимъ министерствомъ. Этотъ выборъ новыхъ министровъ удивлялъ всѣхъ; напрасно старались объяснить его чѣмъ нибудь. Отчего ни одинъ изъ новыхъ министровъ не избранъ изъ парламентскаго большинства? Развѣ между этими многочисленными соискателями, которые были болѣе или менѣе извѣстны своею прошлою дѣятельностью, своимъ положеніемъ и способностями, не нашлось ни одного, способнаго занять министерское мѣсто? Или можетъ быть предложенные портфели отвергнуты ими? Развѣ положеніе уже такъ безнадежно, что никто не рѣшался непосредственно вмѣшаться въ дѣла? Всѣ эти вопросы безпокоили общество; въ палатѣ же они возмущали ~~самолюбивыя~~ чувства и начинали колебать преданность правительству. Если бы влѣдъ за этимъ послѣдовали въ палатѣ пренія по этому вопросу, то они были бы гибельны для вновь составленнаго кабинета. Лакавъ-Лапланъ былъ глубоко оскорбленъ; онъ, казалось, съ нетерпѣніемъ желалъ объясниться и потребовать отчета у своихъ вчерашнихъ товарищей; къ тому же онъ имѣлъ много друзей. Но Одилонъ Барро имѣлъ великодушіе, или скорѣе сдѣлалъ ошибку, отсрочивъ пренія, по просьбѣ Гизо, на два дня. Въ это время король и министры успѣли успокоить раздраженіе Лакавъ-Лаплана и недовольство консерваторовъ, которые печатались о томъ, что въ эти должности втерлись люди не изъ ихъ среды. Начатыя пренія были уже заранѣе истощены; Гизо ловко обошелъ этотъ вопросъ, а бывший министръ удовольствовался ѣдкими выраженіями за нанесенное ему оскорбленіе. Новый кабинетъ, окончательно устроенный, долженъ былъ быть послѣднимъ кабинетомъ монархическаго правленія.

XVII.

Если самые предусмотрительные изъ консерваторовъ не скрывали болѣе своихъ безпокойствъ, то радикалы въ свою очередь выражали громко свое удовольствіе и свои надежды. Съ откровенною смѣлостью, которая могла бы почестъся очень неловкою, если бы король не былъ слѣпъ, они громко выражали свою радость видѣть Гизо и Дюшателя во главѣ правленія. Преувеличивая до послѣдней крайности систему короля, эти два министра удивительнымъ образомъ помогали дѣлу демократіи; дѣйствуя посредствомъ переворотовъ, они неминуемо ускорили паденіе іюльской монархіи.

Одна только министерская пресса, получая внушенія свыше, выражала невозмутимое довѣріе.

XVIII.

Въ общемъ ходѣ событій, даже въ самыя печальныя и страшныя эпохи, комическій элементъ имѣетъ всегда свою долю участія.

Франція уже отвыкла отъ придворныхъ прелатовъ; Гизо возобновилъ эту должность, организовавъ капитулъ въ Сень-Дени. Римскій дворъ и нѣкоторые изъ епископовъ поблагодарили его за ревность къ католической религіи; здравомыслящая же часть французскаго духовенства выразила свое неодобреніе.

Остальное было не такъ серьезно. Гизо былъ слишкомъ гордъ, чтобы оставаться плебеемъ и онъ создавалъ новыхъ дворянъ. Герцоги Паскье и Исли и графъ Сальванди были произведеніемъ новаго правительства. Герцога Монморо, графы Симеонъ и Мартинъ и многіе другіе были вновь произведены въ дворянство. Историки, спеціально посвящаю-

щіе себя интересамъ дворянскаго сословія, не забудутъ и этихъ именъ.

XIX.

Кабинетъ, ослабленный новыми переменами, неопытностью новыхъ министровъ и безпрестанными спорами, возникшими по поводу разныхъ безпорядковъ, долженъ былъ еще болѣе ослабѣть въ одномъ спорѣ, лично касавшемся министра внутреннихъ дѣлъ, Дюшателя. 3 Іюня, Понтюа, перъ Франціи, обратилъ вниманіе палаты на одну статью журнала *la Presse*, подписанную Эмилемъ де Жирарденомъ, депутатомъ. Въ ней заключались слѣдующія слова: „какой нибудь ничтожный журналъ разрушаетъ и уничтожаетъ то, чего не въ силахъ сдѣлать ни министерство, ни генеральный прокуроръ Геберъ. Одному сдѣлали процессъ, стоившій 170,000 франковъ, другому устроили конкуренцію, продолжавшуюся пятнадцать мѣсяцевъ, на 1,100 000 франковъ, не принимая въ соображеніе продажу привилегій, принесшихъ 100,000 фр. и обѣщаній дать перское достоинство, проданное за 80,000 франковъ; за тѣмъ,—дворянскія грамоты, кресты, аудіенціи и даже министерскія улыбки.....“

Одинъ изъ фактовъ, упомянутыхъ въ этой статьѣ, наноситъ сильное оскорбленіе перскому достоинству. Если бы распространилось мнѣніе о томъ, что перское достоинство не составляетъ болѣе принадлежности великихъ заслугъ, или достоянія высокаго положенія, пріобрѣтеннаго или наслѣдованнаго, и что недостойные сопскатели могутъ купить себѣ это званіе — перство должно было бы пасть. Вслѣдствіе этого Понтюа требовалъ, чтобы редакторъ *Presse* былъ позванъ на судъ. Не смотря на сопротивленіе министерства и послѣ двухъ его сомнительныхъ попытокъ, палата перовъ рѣшилась испросить у палаты депутатовъ по-

зволёніе преслѣдовать судомъ Эмиля де Жирардена. Статья, въ которой обвиняли редактора, была написана уже за нѣсколь-ко дней тому назадъ. Одинъ изъ перовъ, Буасси, указывалъ уже палатѣ на эту статью, но это было напрасно; его горячее и часто повторяемое слово лишено было довѣрія; министерство могло хранить молчаніе. Но 16 Іюня, когда поднялся въ палатѣ депутатовъ споръ по поводу требова-нія перовъ, увернуться было уже невозможно. При такомъ возбужденіи умовъ, среди безпокойствъ и подозрѣній, под-твержденныхъ предыдущими требованіями и процессомъ Тестъ-Кюбьерскимъ, эти пренія не могли не быть яростными.

Эмиль де Жирарденъ прежде всего объявилъ, что честь отечества нисколько не замѣшана въ это дѣло. Исполненный уваженія къ великимъ учрежденіямъ своей родины, онъ на-падаетъ на одно только министерство; во всемъ виновно толь-ко оно одно, и Эм. де Жирарденъ громко вызываетъ его на битву, какъ человѣкъ, убѣжденный въ справедливости своихъ обвиненій. Сказанное имъ онъ поддерживалъ доказательствами и подкрѣплялъ еще большими обвинениями; онъ говорилъ, что кабинетъ за 1,200,000 франковъ обѣщалъ подать проектъ новаго закона для вознагражденія почтосодержателей, пострадавшихъ вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ. Обвинитель требовалъ, чтобы палата составила секретный комитетъ, съ цѣлью под-твердить эти факты положительнымъ слѣдствіемъ. Дюшатель, оскорбленный этимъ предложеніемъ, настаивалъ на томъ, чтобы слѣдствіе было произведено гласно. Онъ энергически отвер-галъ эти обвиненія, какъ ложныя и приводилъ на нихъ фор-мальныя отрицанія.

Было однакожъ доказано, что кабинету были извѣстны преступныя интриги, предложомъ къ которымъ была выдача привилегіи на новый лирическій театръ. Эта привилегія, ус-тупленная одному министерскому журналисту, была имъ не-медленно продана одному антрепренеру за 100,000 франковъ.

Относительно своихъ неудовольствій на перство, было замѣтно, что Эм. де Жирарденъ былъ менѣе ясенъ въ своихъ доказательствахъ; онъ не рѣшался доказывать того, что прежде утверждалъ съ такою увѣренностью. Какая была причина этого молчанія? Можетъ быть онъ хотѣлъ, открывая имя продавца перскаго достоинства, скрыть имя покупателя? Полагали, что его молчаніе зависѣло отъ особенныхъ обстоятельствъ. Между прочимъ онъ привелъ доказательство, лично къ нему относящееся: онъ ручался за то, что доставить письмо, которымъ министерство предлагаетъ генералу Жирардену перское достоинство, на условіяхъ, чтобы журналъ *la Presse* пересталъ быть враждебнымъ правительству. Фактъ былъ несомнѣненъ, неотразимое доказательство было на лицо. Гизо старался отвести этотъ ударъ чтеніемъ письма, написаннаго десять лѣтъ тому назадъ, въ которомъ Эм. де Жирарденъ добровольно предлагалъ свои услуги за подобное же вознагражденіе. Палата предоставила одного изъ спорящихъ лицъ суду общественнаго мнѣнія, другаго суду палаты перовъ.

XX:

Но споръ не могъ на этомъ остановиться. Оправданный палатою перовъ, Жирарденъ возвратился въ палату депутатовъ съ горячею жаждою мести, и съ 25 Іюня снова возбуждалъ борьбу съ большею рѣшимостью и извѣстностью. По поводу бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ онъ даетъ замѣтить, что еще не высказалъ всего что знаетъ; онъ жалуется на то, что Дюшатель, печатая свою рѣчь на счетъ общественной казны, не напечаталъ рѣчи своего противника; затѣмъ онъ подкрѣпляетъ свои обвиненія новыми доказательствами; онъ требуетъ, чтобы палата нарядила слѣдствіе или надъ министерствомъ, или надъ нимъ.

Казалось, передъ этимъ требованіемъ трудно было отступить; но министерство ни за что не хотѣло раскрывать

своихъ тайнъ. Тогда, съ невыразимымъ удивленіемъ, услышали отъ главы правосудія такую неслыханную идею, что „правительство не можетъ допустить вмѣшательство суда въ это дѣло, потому что оно не вѣритъ въ существованіе приводимыхъ фактовъ.“

Жиранденъ возобновлялъ свои нападки. Если приведенныхъ фактовъ недостаточно, то найдутся еще другіе: „кабинетъ купилъ за 30,000 франковъ мемуары, унижительные для правительства, въ которыхъ одинъ изъ издателей журнала l'Ероque въ подробности рассказываетъ все дѣло лирическаго театра, перепроданнаго за 100,000 франковъ. Одинъ господинъ, очень хорошо извѣстный министерству, возвратилъ 25,000 франковъ антрепренеру этого театра, который былъ разоренъ этимъ предпріятіемъ. Кромѣ того, двое изъ министровъ участвовали въ ажіотажѣ на акціи желѣзныхъ дорогъ.“

Общественное мнѣніе было сильно возбуждено развязкой этой тягостной борьбы. Пренія вскорѣ превратились въ личныя нападенія, представлявшіяся настоящими сценами преторскаго судилища. Надобно было положить конецъ этому дѣлу, но палата, вмѣсто того, чтобы произнести свой судъ, превратила его въ дѣло партій: 225 голосовъ противъ 102 приняли предложеніе Морни, по которому „большинство палаты считало себя удовлетвореннымъ объясненіями кабинета.“

Это была настоящая побѣда Пирра. Подача этими голосовъ удовлетворенными, которую министерская пресса приветствовала какъ торжество правды надъ ложью и честности надъ клеветой, была въ глазахъ оппозиціи неотразимымъ осужденіемъ кабинета, парламентскаго большинства и короля. Неразрывно связанные въ этой гибельной политикѣ, король, большинство и кабинетъ были гласно обвиняемы въ своемъ безсиліи. Среди этого всеобщаго разложенія правительственнаго порядка, представители министерства не знали за что взяться. Правительство видимо приближалось къ своему паденію.

XXI.

Однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ близкаго паденія какого нибудь правительства есть неповиновеніе военнопачальниковъ, остающееся безнаказаннымъ. Съ того дня какъ Вонапартъ, завоеватель Италіи, пересталъ читать депешы своего правительства, — Директорія перестала существовать и 18 брюмера наступило.

Такимъ образомъ маршалъ Бюжо началъ войну съ Кабиями противъ воли палаты и наперекоръ повелѣніямъ кабинета. Въ то же время правительство, которому онъ не повиновался, подчинилось его требованіямъ, увеличивъ африканскую армію съ 94,000 до 102,000 человѣкъ, наперекоръ палатамъ и ея предыдущимъ рѣшеніямъ. Эта новость произвела сильнѣйшее впечатлѣніе, которое еще болѣе увеличилось разными подробностями объ Алжирѣ.

Гюставъ де Бомонъ, Дюфоръ и Гарнье-Пажесъ были недавно въ Алжирѣ. Они рассказали обо всемъ ими видѣнномъ: построеніе алжирскаго порта было дурно начато, плохо ведено и худо окончено, вслѣдствіе тайной снисходительности къ ревнивой зависти Англіи; береговья укрѣпленія были въ пренебреженіи; колонизація велась небрежно; уступка земель была сдѣлана несвоевременно и неправильно; разныя части администраціи враждовали между собою; между Алжиромъ и Парижемъ, военнымъ министромъ и генералъ-губернаторомъ велась анархическая борьба; законъ объ основаніи алжирскаго банка, какъ кредитнаго учрежденія необходимаго для зараждающейся колоніи, не былъ еще приведенъ въ исполненіе; и ко всему этому всеобщее и повсемѣстное воровство. Вслѣдствіе этого оппозиція предложила вопросъ о необходимости уменьшенія арміи, учрежденія болѣе правильнаго управленія, и въ то же время уменьшенія одного

изъ самыхъ тяжкихъ расходовъ, безпрестанно увеличиваемаго добавочнымъ кредитомъ, который вскорѣ сдѣлается невыносимымъ.

XXII.

Въ защиту министерства не возвысился ни одинъ голосъ изъ среды большинства, въ которомъ были только вотирующие, но ни одного оратора. Это большинство продолжало еще невольно подчиняться министерству подъ вліяніемъ толчка, даннаго ей прежде. Симпатіи и довѣрія къ правительству уже не существовало въ немъ. Поразительное доказательство этого факта выразилось какъ нельзя лучше въ преніяхъ по поводу португальскихъ дѣлъ.

Какъ выше сказано, въ Швейцаріи нѣкоторые кантоны возмутились противъ центральнаго правительства. Обстоятельство подобнаго же рода случилось и въ Португаліи. Но въ то время, когда французское правительство приняло въ Швейцаріи сторону инсургентовъ противъ центральнаго правительства, — въ Португаліи, напротивъ, оно вмѣстѣ съ Англіей приняло сторону правительства противъ инсургентовъ. Что значить это противорѣчіе? спрашивала оппозиція. Причина его заключалась въ различіи характера обѣихъ возстаній: одно изъ нихъ было либеральное, другое же — контръ-революціонное. Кабинетъ поступалъ весьма логично, при всей своей непоследовательности. Какъ въ Португаліи, такъ и въ Швейцаріи французское правительство одинаково забывало причину возмущенія: въ обоихъ случаяхъ оно не признавало революціи, какъ основанія свободы. Гизо худо защищалъ это дѣло и когда Люно сказалъ, что „политика кабинета есть отступническая политика“, то возбужденіе большинства было такъ велико, что оно забыло призвать этого оратора къ порядку.

XXIII.

По поводу законовъ о разведеніи лѣсовъ, дворцовое управление (*administration de la Liste civile*) подверглось личнымъ нападкамъ. Одинъ изъ членовъ палаты, не очень впрочемъ враждебный династіи, указалъ на злоупотребленія въ управленіи лѣсами удѣльнаго вѣдомства, доходами съ которыхъ пользовался король.

XXIV.

Въ это же самое время узнали о побѣгѣ Лагранжа, отвѣтственнаго агента больницы Гро-Калью. Этотъ настоящій разбойникъ кралъ больничную пищу. Схватить его не было возможности. Вильменъ, помощникъ военнаго интенданта, открывшій это преступленіе, былъ смѣненъ съ должности госпитальнаго инспектора; его хотѣли даже сослать въ Вернонь, но онъ возсталъ противъ этого насилія. Дальше не смѣли итти.

XXV.

Палата и общество еще находились подъ впечатленіемъ всѣхъ этихъ происшествій, когда въ Люксембургскомъ дворцѣ начались пренія по поводу Тестъ-Кюбьерскаго процесса.

7 Іюля, Тестъ возвратилъ королю свое перское достоинство и отказался отъ должности президента кассационнаго суда. Являясь предъ судомъ, онъ приносилъ туда одну только свою невинность: ему не нужно было прикрывать себя своими наружными отличіями, которыя онъ получитъ обратно, очистивши свою совѣсть и отмстивши за нее. Въ началѣ засѣданій его ясная и открытая защита производила различное впечатлѣніе на присутствующихъ, потому, что не смотря на ве-

ликолѣніе его втуинтельнаго протеста, публика не была расположена въ его пользу. Но 11 числа была назначена повѣрка отчетовъ государственнаго казначейства, по которой оказалось, что 12 сентабря 1843 года, именно въ то самое число, въ которое были даны ему Гуэнанскія акціи, Тестъ обмѣнялъ 95 тысячъ франковъ на билеты государственнаго казначейства. Это открытіе произвело перемѣну въ духѣ обвиненнаго, державшагося до сихъ поръ непоколебимо. Въ тюрьмѣ онъ хотѣлъ лишить себя жизни, но ударъ, нанесенный слабой рукой, не причинилъ ему никакого вреда. Ненависть къ нему за его дерзкую защиту была такъ сильна, что не хотѣли вѣрить въ искренность его намѣренія лишить себя жизни и общество оставалось къ нему равнодушнымъ. На слѣдующій день онъ отказался предстать предъ публикой и предъ своими судьями.

17 числа рѣшенъ былъ приговоръ, по которому главный виновный былъ приговоренъ къ лишенію правъ состоянія, къ трехлѣтнему заключенію въ тюрьму, къ уплатѣ 91,000 франковъ пени и ко внесенію такой же суммы въ кассу парижскихъ госпиталей. Генераль Кюбьеръ и Парментье были присуждены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ уплатѣ 10,000 франковъ пени. Десять дней спустя, подобный же приговоръ былъ произведенъ надъ другимъ соучастникомъ въ этомъ дѣлѣ, который первоначально не явился по требованію суда, и еще разъ возбудилъ вниманіе общества къ этому печальному дѣлу.

Чтобы заглушить чѣмъ нибудь это гнусное дѣло, министерская пресса начала распространяться о великомъ примѣрѣ строгости суда, рѣшеніе котораго правительство не колебалось исполнить. Она выставляла на видъ дѣятельность судей и равенство предъ закономъ, которое было ясно выражено и освящено наказаніемъ этихъ высокопоставленныхъ преступниковъ. Но эти разглагольствованія производили ничтожное вліяніе на умы, которые были взволнованы не

наказаніемъ, но самымъ преступленіемъ и мыслью о томъ, что открывалось этимъ преступленіемъ.

XXVI.

Наконецъ наступили послѣдніе дни парламентской сессіи. Вслѣдствіе обычая, вызваннаго необходимостью избѣгнуть контроля, это время было посвящено преніямъ о бюджетѣ. Нельзя было ожидать серьезнаго взгляда на дѣло отъ палаты, уставшей, убѣжденной въ своемъ собственномъ безсиліи, при разлагавшемся министерствѣ, которое не измѣнилось вступленіемъ въ него новыхъ членовъ, которое было безсильно въ преніяхъ, наконецъ среди этого всеобщаго волненія, возбужденнаго столькими печальными происшествіями, которыя производили впечатленіе даже на людей, наиболѣе преданныхъ Орлеанской династіи. Пренія, начатыя 21-го іюня, кончились 16-го іюля.

Утвержденъ былъ слѣдующей бюджетъ:

Обыкновенныхъ расходовъ	1,366,066,370 фр.
Экстраординарныхъ	88,518,500 —

Итого 1,454,584,870 фр.

Сверхъ того суммы, отчисленныя на общественныя работы и отнесенныя къ расходу на 1848 годъ	101,241,969 —
--	---------------

Всего 1,555,826,839 фр.

Къ этой суммѣ слѣдуетъ прибавить предполагаемые прибавочные расходы . .	54,177,237 —
---	--------------

Въ общемъ итогъ 1,610,004,076 фр.

Въ этотъ счетъ не вошли разнаго рода экстраординарные и дополнительные расходы, которые составляютъ неиз-

бѣжное обремененіе казны и которые въ настоящее время болѣе чѣмъ когда нибудь были неизбѣжны.

Доходъ былъ слѣдующій:

Обыкновенныхъ доходовъ	1,346,599,010 фр.)	} 1,366,897,510.
Экстраординарныхъ . . .	20,298,500 —	

Такимъ образомъ дефицитъ на 1848 годъ, предусмотрѣнный еще въ началѣ 1847 года, доходилъ по меньшей мѣрѣ до 243,106,566 фр.

XXVII.

Чтобы облегчить это печальное финансовое положеніе, бюджетная коммиссія, состоявшая изъ людей преданныхъ кабинету, предложила уменьшить на половину сумму 100 милліоновъ, потребныхъ на экстренные расходы по общественнымъ работамъ; она отказала въ 7 милліонахъ, назначенныхъ для содержанія новыхъ должностныхъ лицъ и черезъ посредство своего докладчика выразила самыя живыя опасенія. Многіе изъ членовъ большинства настоятельно указывали на гибельное положеніе дѣлъ, въ виду дефицита въ 765 милліоновъ, не принимая въ расчетъ фондовъ сберегательныхъ кассъ, утвержденныхъ государственною рентою на сумму 289 милліоновъ. По общему мнѣнію, десятилѣтній миръ не былъ бы достаточенъ для покрытія такого дефицита, если даже употребить на погашеніе его всѣ резервныя суммы.

Напрасно новый и прежній министры финансовъ старались успокоить кабинетъ, палату и страну на счетъ будущаго, исполненнаго грозныхъ предзнаменованій. Ихъ мнѣніе, заинтересованное въ этомъ дѣлѣ, никѣмъ не было услышано. Притомъ же дѣйствительность была опроверженіемъ ихъ словъ. 7 іюля Дюмонъ требовалъ утвержденія займа въ 350 милліоновъ. Разумѣется, этотъ заемъ былъ необходимъ. Но самый про-

стой здравый смысл показывалъ, что заемъ этотъ, сдѣланный въ такое время, когда компаніи желѣзныхъ дорогъ вызывали акціонеровъ ко взносу и когда были выпущены новые билеты казначейства, доведенные до суммы 275 милліоновъ и которые ходили по пяти процентовъ, — при такихъ обстоятельствахъ заемъ отяготилъ бы еще болѣе общественный кредитъ. Но въ виду предстоявшей гибели, это было только небольшимъ затрудненіемъ. Заемъ былъ вотинованъ. 23 іюля, во время подачи голосовъ, какъ будто предчувствуя горькія испытанія, которыя готовило ему самому это положеніе, Гарнье-Пажесь разразился слѣдующими словами: „вы не выйдете изъ этого гибельнаго положенія, потому что вы будете принуждены удовлетворить этихъ людей съ ненасытною жадностью, съ которыми не хотите развязаться. На васъ падетъ отвѣтственность въ злѣ настоящемъ и будущемъ.“

XXVIII.

Послѣдніе дни засѣданій представляли только рядъ безпокойствъ. Представленные одинъ за другимъ проекты желѣзныхъ дорогъ изъ Парижа въ Ліонъ, изъ Ліона въ Авиньонъ, изъ Версали въ Шартръ, пали среди ропота неудовольствія палаты. Министры и коммисіи сваливали другъ на друга отвѣтственность въ неудачѣ, и изъ всего этого вывели убѣжденіе въ общей несостоятельности.

XXIX.

Какъ послѣднее эхо этихъ тягостныхъ преній, которыми была исполнена парламентская сессія, новый скандалъ опечалилъ ея послѣдніе дни. Въ іюль мѣсяцъ, National напечаталъ актъ, по которому одинъ изъ участниковъ,

близкій человѣкъ министра, обязывался за четыреста пятьдесятъ акцій въ 1000 франковъ каждая, и добиться согласія палаты на проектъ закона о проведеніи желѣзной дороги изъ Парижа въ Мо (Meaux).

Получившій дозволеніе на это предпріятіе былъ отставной префектъ; этотъ актъ относился къ 1841 году и былъ составленъ по всѣмъ правиламъ формалистики. Дерзость людей, торговавшихъ чужою совѣстью, не знала никакихъ границъ. Правосудіе не преслѣдовало всѣхъ этихъ злоупотребленій.

XXX.

Эта парламентская сессія возбуждала одно только мнѣніе, одну общую жалобу. Печальная и въ то же время безплодная, она обнаружила всѣ язвы правительства, всѣ его злоупотребленія, расточительность и его роковое бездѣйствіе. Это было такъ очевидно, что поражало собой даже друзей правительства, приводило ихъ въ уныніе и силою своей неотразимости заставляло ихъ сознаться въ горькой истинѣ. „Сессія была неудачна, съ грустью говорилъ *Journal des Débats*. Она худо началась, худо и кончилась. Кабинетъ почилъ на лаврахъ послѣ своей побѣды на выборахъ. Не одно только министерство, но и партія консерваторовъ не удержится послѣ другой подобной сессіи. Министерство явилось среди палаты безъ всякихъ идей, безъ всякихъ проектовъ. Парламентское большинство заслуживаетъ подобнаго же порицанія; оно раздѣлилось, и отдѣлившаяся партія, при своей неопытности въ дѣлахъ, предалась фантазіямъ, которыя обошлись не дешево. Она выбрала себѣ вице-президентомъ Леона де Маллевиля, она дозволила представить предложеніе Дювержье. Опасно возобновлять подобнаго рода важныя ошибки. Сессія, открывающаяся при та-

кихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, можетъ печально кончиться и какой нибудь страшный процессъ можетъ сдѣлаться самымъ серьезнымъ ея дѣломъ. Если будущая сессія будетъ такова же, то она кончится гибельно. Каждый долженъ заботиться объ исправленіи зла. Пусть же наконецъ министерство рѣшится управлять странюю и пусть большинство сѣумѣетъ подчиниться порядку.“

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Министерство и экстра-парламентскія силы другъ передъ другомъ; безпечность министерства. — Составъ этихъ силъ: лѣвая сторона, лѣвый центръ, средняя партія, крайняя лѣвая сторона, крайніе радикалы. Двѣ послѣднія партіи стремятся къ одной и той же цѣли, но при помощи различныхъ средствъ. — Это несогласіе, выражаемое журналами *National* и *Reforme*, ясно обнаруживается въ рѣчахъ Ледрю Роллена въ Манъ и Гарнье-Пажеса въ Вернелѣ; оба эти журнала поддерживаютъ и развиваютъ борьбу; являются посредники и образуется смѣшанный комитетъ изъ представителей обѣихъ партій; редакторы и комитеты журналовъ *National* и *Reforme*. — Тайныя общества: ихъ безсиліе и безпомощность. — Школы; пробужденіе ихъ политическихъ стремленій; ихъ журналы и комитеты. — Соціализмъ; Сенъ-Симонизмъ; ученіе Бюше; Фурьеризмъ; секты коммунистовъ; Кабе; Луи Бланъ; Ашиль Контъ; Пеккеръ, Прудонъ; Видаль; Луи Бонапартъ; разныя безыменныя секты. — Народъ мало по малу проникается идеями соціализма; правительство смотритъ на это презрительно и равнодушно; лѣвая и крайняя лѣвая стороны не обращаютъ на это никакого вниманія; радикалы принимаютъ участіе, хотя и дѣйствуютъ иными путями; съ цѣлью сойтись они устраиваютъ собраніе, предложенное редакторами журнала *L'Atelier*; споръ исключительно сосредоточивается на двухъ вопросахъ: о свободной ассоціаціи (поддерживаемой Корбономъ) и вынужденной ассоціаціи (поддерживаемой Луи Бланомъ); первая система вызываетъ большее число сторонниковъ. — Дѣятельная организація центральнаго комитета сенскихъ избирателей; комитетъ сосредоточиваетъ силы оппозиціи.

I.

Послѣ закрытія палаты, дворъ и его министры оставались одни, безъ всякой поддержки, лицомъ къ лицу съ экстра-парламентскими силами. Было ли это слѣдствіемъ непониманія или же презрѣнія, — объ этомъ они мало заботились.

Силы эти были различнаго свойства; ихъ вліяніе на послѣдующія событія, хотя и было одновременно, въ то же время не было тождественно. Необходимо показать ихъ общую связь и объяснить въ подробности ихъ составъ. Тогда можно будетъ понять не только различныя событія и ихъ результаты, но и настоящій характеръ и причины этихъ событій.

II.

Эти партіи различались какъ въ странѣ, такъ и въ палатѣ, своими парламентскими именами: партія лѣвой стороны, лѣваго центра, средняя партія, крайняя лѣвая партія радикаловъ, потомъ партія, которую сторонники династїи называли исключительными радикалами, школы и наконецъ разныя остатки тайныхъ обществъ.

III.

Лѣвая сторона состояла изъ людей, которые сохранили еще иллюзіи 1830 года. Они серьезно вѣрили въ общанія городской думы; не ожидая ничего хорошаго отъ Луи Филиппа, они еще разсчитывали на его династію. Они исключительно состояли изъ либеральной буржуазіи и представителемъ своимъ считали Одилона Барро, который въ продолженіи шестнадцати лѣтъ былъ ихъ ораторомъ въ палатѣ, не находя себѣ соперника. Его поддерживали Бетмонъ, Люно, Авенъ, Лербеттъ, Бомонъ, Корнъ, Гле-Визознъ, Делонгре, Леонъ Фоше, Ф. де-Ластери, Готье-де-Рюмили, Крентонъ, Бюро-де-Шюси, Друэнъ-де-Люи, Лафаетъ, Изамберъ, Кремье, Абаттучи и Шьеронъ. Журналь «Siccle», издаваемый подъ управленіемъ Церре и редакціей Шамболя, былъ ихъ органомъ, наиболѣе распространеннымъ въ публикѣ.

IV.

Лѣвый центръ, столь же вліятельный, хотя болѣе ограниченный числомъ, составилъ изъ такихъ же элементовъ, и по положенію своихъ представителей имѣлъ среди себя часть высшаго сословія. Онъ нѣсколько разъ имѣлъ въ своихъ рукахъ власть, но политика короля каждый разъ лишала его этой власти. Оттого оппозиція этой партіи противъ правительства была непримирима. Проникнутые англійскими началами, они формулировали слѣдующее знаменитое правило: король царствуетъ, но не управляетъ государствомъ. Они дѣятельно распространяли это правило и хотѣли принудить дворъ принять его черезъ посредство цѣлой страны. Главой и ораторомъ этой партіи былъ Тьеръ; Маллевиль и Ремюза были самыми вліятельными членами; Дювержье-де-Гораннъ—публицистомъ и посредникомъ съ другими партіями; Вивьенъ, Жюль-де-Ластери, Паллье, Фейладъ-Шовенъ, Роже-дю-Норъ, Берже, Ганнеронъ, Вавенъ и другіе были самыми дѣятельными членами. «*Constitutionnel*», управляемый Верономъ и Мерью, былъ органомъ лѣваго центра.

V.

Средняя партія была не больше, какъ штабъ генераловъ и офицеровъ безъ солдатъ. Вліяніе ихъ на страну ограничивалось однѣми личными отношеніями. Дюфоръ, Бильо, де-Токвиль, Ланжюинне помогали другимъ оппозиціоннымъ партіямъ; съ ихъ помощью, съ поддержкой прогрессивныхъ консерваторовъ и съ помощью вліянія Моле эти партіи надѣялись заступить мѣсто Гизо.

VI.

Радикальная оппозиція не имѣла большаго числа представителей въ палатѣ, но опорой ея въ странѣ были симпатіи и цѣлая масса силъ, которыя не совсѣмъ хорошо были извѣстны ни правительству, ни монархическимъ партіямъ. Парламентскими предводителями этой партіи были члены кружка, образовавшагося подъ предсѣдательствомъ Дюнонъ де л'Ера; Франсуа Араго и генераль Тіаръ были ея вице-президентами; Карно и Гарнье-Пажесъ — секретарями. Кромѣ того въ числѣ замѣчательныхъ членовъ этой партіи были: Мари, Курте, Сюбервикъ, Телонъ, Мора Балланшъ; Ледрю Ролленъ отсталъ отъ нея.

Крайняя лѣвая сторона пользовалась симпатіей избирательнаго сословія и надѣялась на помощь всѣхъ благородныхъ людей, которые считали несправедливыми привилегіи, выпавшія случайно на ихъ долю, и пользовались этими привилегіями только для того, чтобы уничтожить ихъ. Эта партія имѣла обширныя связи съ буржуазіей и вела дѣятельную переписку со множествомъ гражданъ, независимыхъ и по характеру и по состоянію. Земледѣльцы, промышленники, негоціанты, адвокаты, стряпчіе, нотаріусы, всѣ — члены одной партіи, были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ работниками, ремесленниками и крестьянами, и основательно изучали ихъ интересы и потребности, ихъ нищету и надежды и все что есть великаго, благороднаго и инстинктивно-геніальнаго въ сердцѣ народа. Наконецъ своими связями, принципами, своей неутомимой борьбой за право, своимъ неотступнымъ требованьемъ всеобщей подачи голосовъ, своимъ заявленіемъ республиканскихъ стремленій и этой горячей дѣятельностью, которая бываетъ только плодомъ сильныхъ убѣжденій, — всѣмъ этимъ лѣвая радикальная сторона соединяла подъ свое знамя народныя массы.

VII.

Исключительные радикалы раздѣляли принципы крайней лѣвой стороны. Они добивались всеобщей подачи голосовъ и республики. Преданные и горячіе поборники дѣла, исполненные презрѣнія къ парламентской тактикѣ, отчасти суровые и мрачные, но откровенные энтузіасты, они призывали на битву людей съ оскорбленнымъ сердцемъ, ихъ забытые интересы, поправныя права, раздраженныя страсти, страданія, ненависть и отчаянныя демократіи. Ледрю Ролленъ былъ самымъ блестящимъ представителемъ, если не главой этой партіи.

VIII.

Эти два элемента республиканской партіи значительно и во многомъ отличались другъ отъ друга. Обѣ партіи одинаково хотѣли всеобщей подачи голосовъ, республики и демократическаго правленія, но каждая изъ нихъ стремилась къ осуществленію своихъ цѣлей различными путями.

Одни изъ республиканцевъ, полные вѣры въ могущество своего дѣла, убѣжденные въ его правотѣ, надѣялись достигнуть своихъ стремленій посредствомъ общественнаго сознанія, которое должно восторжествовать. Самымъ лучшимъ, надежнымъ и неотразимымъ средствомъ къ достиженію успѣха они считали неутомимую пропаганду посредствомъ слова и прессы. Заговоры и возмущенія они считали средствами опасными и недѣйствительными. Бровь друзей или враговъ была по ихъ мнѣнію дурнымъ цементомъ для свободы. Республика утвердится окончательно только тогда, когда ее добровольно приметъ цѣлая Франція. Навязывать ее силою есть ошибка и заблужденіе.

Другіе, болѣ нетерпѣливые, проникнутые скорѣ революціонными страстями, чѣмъ революціонными принципами, скорѣ жаждущіе отомстить за народъ, чѣмъ освободить его, провозглашали, что не существуетъ права противъ беззавія, что народъ, силою подчиненный правительству, поправшему законы, имѣетъ не только полное право, но обязанъ свергнуть такое правительство; что республика есть единственное законное правительство и что по этому совершенно справедливо всегда и всякими путями завоевать ее, тайными ли обществами, заговорами, бунтами или революціей, и что наконецъ, если въ народѣ долгимъ владычествомъ поддерживаютъ невѣдѣніе его правъ и обязанностей и вслѣдствіе этого онъ не стремится къ достиженію республиканскаго правленія, — въ такомъ случаѣ позволительно даже навязать ему республику посредствомъ диктатуры.

IX.

Несогласіе въ республиканской партіи было не ново. Эти несогласія, доводя почти всегда до антагонизма, до ссоръ и даже очень часто до кровавыхъ раздѣлокъ, были, казалось, одними изъ прирожденныхъ недостатковъ демократіи. Знаменитая, хотя и печальная судьба демократіи запечатлѣна кровавыми слѣдами въ лѣтописяхъ первой революціи; въ 1830 г. пали новыя жертвы демократіи и она снова затихла подъ вліяніемъ горестнаго впечатлѣнія, произведеннаго неудачными попытками 1832, 1834 и 1839 годовъ. Но демократія снова разразилась въ послѣдніе дни монархіи, наканунѣ возстановленія республики, которую такъ горячо желали, на которую надѣялись, и въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ отчаявались.

Вліяніе несогласія въ стремленіяхъ республиканской партіи было такъ сильно, что необходимо внимательно прослѣдить первыя его дѣйствія. Которое изъ двухъ стремленій

хорошо, и которое дурно? Которое изъ нихъ возстановило республику, которое погубило? Это необходимо знать не только для того, чтобы опредѣлить положеніе партій и ихъ отвѣтственность, но также и для назиданія республиканской партіи. Исторія есть въ одно и тоже время судъ надъ прошедшимъ и урокъ для будущаго.

Х.

Разность стремленій въ республиканской партіи высказывалась съ постоянною ѣдкостью въ ея органахъ National и Reforme, особенно съ тѣхъ поръ, когда Ледрю Ролленъ, послѣ сессіи 1845 года, произнесъ свою рѣчь къ избирателямъ въ Манъ. Въ этой рѣчи онъ открыто нападалъ на всѣ не республиканскія партіи, особенно же на лѣвую сторону и на лѣвый центръ; онъ упрекалъ ихъ, въ самыхъ колкихъ выраженіяхъ, въ томъ, что въ вопросѣ о регенствѣ они компрометировали оппозицію. Если вѣрить его словамъ, то причиной борьбы, которую вели Тьеръ и Одилонъ Барро противъ политики кабинета, было честолюбіе министровъ; что одинъ изъ нихъ былъ виновенъ въ измѣнѣ, другой въ слабости. Въ этой рѣчи Ледрю Ролленъ защищался съ большимъ искусствомъ и краснорѣчіемъ противъ обвиненій коммунистовъ, которые упрекали его въ томъ, что онъ старался обвинить всѣ республиканскія партіи.

Гарнье-Пажесъ, прибывъ въ Манъ, говорилъ Ледрю Роллену, что выборы будутъ еще въ будущемъ году, и что въ виду балотировки ему казалось весьма неловкимъ дѣлать такіе нападки на партіи; что радикалы не могутъ обойтись на выборахъ безъ поддержки лѣвой стороны и лѣваго центра и что, наконецъ, всякая ссора поведетъ не только къ ослабленію оппозиціи въ пользу роялизма, но и къ исключенію изъ палаты радикальныхъ депутатовъ и даже его самого. Дѣй-

ствительно, значительная часть манских избирателей принадлежала къ лѣвой сторонѣ и подавала голосъ за Ледрю Роллена; они могли обидѣться и оскорбиться его рѣчью. Не лучше ли было приобрести ихъ расположеніе? Это важное замѣчаніе было не бесполезно для избранія вновь сартскаго депутата.

Гарнье-Пажесъ успѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы высказать обществу идею союза, который по его мнѣнію былъ необходимъ для торжества демократіи. Нѣсколько дней спустя онъ произнесъ рѣчь на банкетѣ, предложенномъ ему вернельскими избирателями, выбравшими его своимъ депутатомъ. Высказавъ результаты королевской политики, онъ формулировалъ идеи своей партіи относительно соціальныхъ реформъ и ея поведенія въ этомъ дѣлѣ; онъ открыто нападалъ на исключительную политику, какъ вредную прогрессу и гибельную для всякаго стремленія, которое хотятъ распространить въ обществѣ.

XI.

И такъ слова Гарнье-Пажеса относительно образа дѣйствій были совершенно противоположны словамъ Ледрю Роллена. Несогласіе выраженій въ рѣчахъ обоихъ ораторовъ сейчасъ же выразилось въ обоихъ журналахъ. Въ отсутствіе Марраста, который нѣсколько мѣсяцевъ былъ болѣнъ, National находился подъ управленіемъ Дюклерка. Связанный братскою дружбою съ Гарнье-Пажесомъ, Дюклеркъ раздѣлялъ его идеи; оба они имѣли одинаковыя чувства, одинаковыя стремленія. Глубоко изучивъ людей и исторію своего времени, Дюклеркъ былъ убѣжденъ, что республиканцы не будутъ въ состояніи создать республику одниѣми своими силами, и что если бы республика могла явиться какъ дѣло одной партіи, то она погибла бы вслѣдствіе реакціи остальныхъ соединивших-

ся между собою партій. Съ непреклонною силою характера и таланта онъ развилъ и поддержалъ мысли, выраженные въ рѣчи Гарнье-Пажеса.

«La Réforme» сильно нападалъ на мысли, высказанныя Гарнье - Пажесомъ. Въ то время, какъ «Journal des Débats» обвинялъ Тьера и Одилона Барро въ томъ, что они, протягивая руку Гарнье-Пажесу, стремятся къ республикѣ, „la Réforme“, въ свою очередь, обвинялъ послѣдняго въ стремленіи уничтожить республиканцевъ для успѣха династической партіи и въ присоединеніи къ монархіи. Пресса приняла участие въ этой борьбѣ, въ которой одни изъ республиканцевъ стремились расширить кругъ своихъ дѣйствій, другіе — ограничить его; одни старались принять всѣ лучшіе элементы другихъ партій, другіе отвергали даже самые чистые чужіе элементы, какъ негодные и недостойные; одни желали преобладанія политики примиренія и союза, другіе — политики недовѣрчивости и исключительности.

Такимъ образомъ борьба, ожесточенная противоположными стремленіями, грозила насильственнымъ разрывомъ. Тѣ изъ республиканцевъ, которые не принимали участія въ этихъ спорахъ, но смотрѣли на нихъ съ безпокойствомъ, захотѣли сдѣлаться посредниками спорящихъ сторонъ. Они предложили составить комитетъ, котораго назначеніе для виду только было бы — собирать деньги въ пользу народовъ, возмущившихся противъ деспотизма, а въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы примирить противниковъ. Общій составъ этого комитета представлялъ собою самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей республиканской партіи. Изъ среды ея была составлена исполнительная коммиссія, въ которой „National“ имѣлъ своими представителями Мараста, Гудшо и Курте, а „Réforme“ — Флокона, Ламенне и Ледрю-Роллена. Главный виновникъ этого союза, Гинаръ, былъ также присоединенъ къ числу членовъ.

Въ Парижѣ вслѣдъ за тѣмъ прекратилось это враждебное расположеніе. Съ той и съ другой стороны были

едѣланы искреннія усилія къ окончательному примиренію. Но злоба продолжала таиться, будучи поддерживаема оскорбительными подозрѣніями и злонамѣренными обвиненіями; ее распространяли въ департаментахъ противъ журнала „National“ и крайней лѣвой стороны посланные съ этой цѣлью журналомъ „la Réforme“ многія лица, преимущественно Коссидьеръ.

XII.

„National“ находился въ то время подъ управленіемъ Шарля Томаса, человѣка высокихъ добродѣтелей и рѣдкаго ума; ему помогали Дорнесъ, блестящій писатель, поплатившійся жизнью за свою преданность республикѣ. Главнымъ редакторомъ былъ Арманъ Маррастъ; сотрудниками: Леопольдъ Дюра, Эдмондъ Адамъ, Бартелеми Горео, Фредерикъ Лакруа, Альбертъ Оберъ, Форгъ, Дюмонъ, Терриенъ и Литтре. По поводу какихъ то несогласій Бастидъ и Дюклеркъ оставили этотъ журналъ въ июль 1846 года.

Комитетъ, составленный изъ Мари, Курте, Гудшо, Мартина (de Strasbourg) и другихъ, приводилъ депутатовъ крайней лѣвой стороны въ сношенія съ журналомъ „National“, котораго они были сотрудниками.

Съ своей стороны „National“, проникнутый республиканскими идеями, открылъ у себя отдѣлъ корреспонденціи для провинціальныхъ журналовъ, котораго редакторомъ былъ Дегувъ-Денункъ.

„La Réforme“ имѣлъ также свой руководящій комитетъ, котораго членами были: Ледрю-Ролленъ, Этіенъ Араго, Бонъ, Дюпти, Феликсъ Авриль, Фердинандъ Флоконтъ, Риберолль, Гинаръ, Жоли, Лемассонъ, Лессерре, Луи Бланъ, Ламенне, Шельхеръ, Паскаль Дюпра, Рекюръ и Валье; Франсуа Араго находился также въ числѣ ихъ, но не являлся на собраніяхъ. Флоконтъ былъ главнымъ редакторомъ. Ледрю-Ролленъ былъ единст-

веннымъ представителемъ этой части партіи радикаловъ въ палатѣ депутатовъ.

Оба журнала имѣли почти одинаковое вліяніе на школьную молодежь. Но члены тайныхъ обществъ раздѣляли убѣжденія только журнала *Réforme*.

XIII.

Впрочемъ тайныя общества потеряли прежнее свое значеніе. Журналъ *«Amis du peuple»*, основанный на принципахъ іюльской революціи, былъ замѣненъ журналомъ *«Droits de l'homme»*; послѣдній, прекращенный послѣ апрѣльскаго возстанія 1834 года, былъ замѣненъ журналомъ *«Société des familles»*, а вмѣсто этого послѣдняго журнала сталъ выходить съ 1836 года *«Société des saisons»*. Послѣ баррикады 12 мая 1839, *Société des saisons*, управляемый Барбесомъ и Бланки, испыталъ окончательное пораженіе, опять стремился къ возрожденію. Но главные руководители этого журнала или умерли, или находились въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ. Люди, менѣе довѣрившіе успѣхамъ тайныхъ дѣйствій этихъ обществъ, отстали отъ нихъ, сознавая наконецъ опасный и недѣйствительный путь скрытыхъ средствъ. Новый составъ общества ограничивался всего только какой нибудь тысячею человекъ, наведенныхъ комитетомъ, состоявшимъ изъ Коссидьера, Альберта, Буавена, Гранмениля, Леутра, Леру и Луціана де-ла-Годдъ. Этотъ послѣдній, работавшій въ *„Charivari“* и *„la Réforme“*, былъ давно уже на содержаніи полиціи. Флоконъ былъ одно время членомъ этого комитета, но, принявъ редакцію журнала *«la Réforme»*, удалился изъ него. Безсильные, неспособные къ дѣлу, безъ поддержки въ народѣ, безъ вліянія на республиканскую партію, на виду полиціи, оставленные на жертву взаимныхъ подозрѣній, и, ради какой нибудь предосторожности или по недостатку

средствъ, лишенные всѣхъ способовъ къ войнѣ, члены тайныхъ обществъ были только какими то лучами потухающаго огня, какою то тѣнью, какимъ то слабымъ забыткомъ прошлаго.

XIV.

Въ школахъ, напротивъ того, политическія стремленія стали пробуждаться. Въ 1845 году, студенты задумали проектъ своего спеціального органа. Съ этою цѣлью они основали „Journal des Écoles“, который сдѣлался такимъ образомъ новымъ центромъ политической пропаганды *). Впоследствии, по совѣту Жениль, профессора математики, они устроили свои собранія, въ которыхъ молодые люди разсуждали о политическихъ и философскихъ вопросахъ. Наконецъ въ 1847 году многіе изъ редакторовъ оставили „Journal des Écoles“, который былъ замѣненъ журналомъ „la Lanterne du quartier latin.“ Изъ числа ихъ очень немногіе принадлежали къ тайнымъ обществамъ.

XV.

Въ сторонѣ отъ этихъ политическихъ партій, независимо отъ ихъ дѣятельности и только иногда вмѣшиваясь въ нее различными путями, социальная пропаганда уже нѣсколько лѣтъ проникала въ общество.

Соціализмъ раздѣлялся на множество школъ, подраздѣленныхъ на безконечное число сектъ, состоявшихъ часто изъ одного даже лица.

*) Основателями этого журнала были: Артуръ Мангень, Пилеттъ, братья Воке, Камилль де Монъ-Мару, Бательяръ, Верне, Буржонъ, Шарне, Брока, братья Братаніо и др. Въ 1846 году, они изъ подражанія la Reforme и National составили свой польскій комитетъ.

XVI.

Въ половинѣ періода реставраціи, Сентъ-Симонъ, потомокъ исторической фамиліи, сдѣлался основателемъ новой доктрины. Нѣсколько учениковъ, сгруппированныхъ вокругъ него, назвали новый социальный догматъ сентъ-симонизмомъ. Основанное на христіанскомъ началѣ, сентъ-симонистское ученіе проповѣдывало безконечный прогрессъ въ человѣческомъ совершенствованіи. Это ученіе было въ то же время и религіей, и философіей, и наукой. Религіозной цѣлью этого ученія было возстановленіе физическихъ правъ человѣка; философія его имѣла пантеистическое начало. Научныя истины выражались слѣдующей формулой: всякому по его способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ. Доктрина этой социальной организаціи не признавала отдѣльныхъ національностей, раздѣляла весь родъ человѣческій на разныя іерархическія категоріи, члены которыхъ, занимая разныя степени власти, должны быть соединены между собой взаимною любовью подчиненныхъ къ своимъ старшимъ. Таковы были главныя основанія этой доктрины. Послѣ многихъ раздѣленій этой секты, пропснєдшихъ вслѣдствіе различія мнѣній относительно принциповъ и ихъ примѣненія, послѣдніе сентъ-симонисты сгруппировались около своего отца, сухаго логика, и приняли, какъ естественное послѣдствіе своей религіи, уничтоженіе личной собственности и брака.

Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что, мимо разныхъ ложныхъ мыслей и странныхъ соображеній, въ этомъ ученіи преобладала искренняя любовь къ человѣчеству и великодушное желаніе способствовать путемъ развитія гуманыхъ учрежденій нравственному и моральному благосостоянію людей. Но чтобы осуществить эти высокія стремленія, надобно было изучить людей и общество; надобно

было узнать и повѣрить всѣ мысли, всѣ убѣжденія, каково бы ни было ихъ начало. Этотъ трудъ былъ не подъ силу человѣку. Но работа была начата. Множество молодыхъ людей, съ заслугами и талантомъ, увлеченные новостью ученія и его какою то загадочною смѣлостью, принялись за дѣло. Эта кипучая дѣятельность произвела на свѣтъ и безумныя заблужденія и глубокіи истины, нелѣпыя попытки и плодovitыя начинанія, сумасбродныя надежды и полезныя уроки.

Наконецъ послѣ всѣхъ неудачъ сень-симонистская школа рушилась; ея послѣдователи разбрелись по всѣмъ странамъ, примкнули ко всѣмъ мнѣніямъ, ко всѣмъ отдѣльнымъ политическимъ сектамъ. Большое число изъ нихъ было поглощено громадными промышленными предпріятіями; способностями другихъ воспользовались нравительства для ученыхъ цѣлей. Два главныхъ члена общества приняли участие въ редакціи „*Journal des Débats*.“ Одинъ изъ нихъ занялъ кафедру во французскомъ Коллежумъ.

Замѣчательными послѣдователями сень-симонизма, до его раздѣленія, были: Анфантенъ, Базаръ, Эмиль Барро, Карно, Эйхталь, Мишель Шевалье, Жюль Лешевалье, Пьерръ Леру, Олендъ Родригесъ, Геру, Жанъ Рено, Шартонъ, Огюсть Контъ, Эмиль Перейръ и Ш. Дюверье.

XVII.

Въ числѣ первыхъ послѣдователей Сень-Симона былъ человѣкъ высокой нравственности и глубокаго ума: этотъ человѣкъ былъ Бюше. Долго боролся онъ съ реставраціей, какъ карбонарій, и только случайно избѣжалъ эшафота, на которомъ погибли въ Ла Рошели четыре сержанта.

Когда подъ вліяніемъ Базара и Анфантена сень-симонисты начали стремиться къ составленію религіозной секты, тогда

Бюше отдѣлился отъ нихъ. Онъ былъ проникнутъ христіанскими убѣжденіями и ими однѣми хотѣлъ дѣйствовать на общество. Онъ успѣлъ въ короткое время окружить себя послѣдователями изъ республиканцевъ, работниковъ и нѣкоторыхъ самыхъ просвѣщенныхъ лицъ изъ духовенства.

Его доктрина, почерпнутая изъ Евангелія, выражалась этимъ тройнымъ символомъ: Свобода, Равенство и Братство, составляющимъ основаніе и цѣль французской національности, выраженіе того прогресса, который революція 1789 года должна была осуществить для блага всего человѣчества. Такимъ образомъ Бюше былъ республиканскимъ революціонеромъ. Онъ былъ человѣкомъ религіознымъ, нравственнымъ, стремившимся къ усовершенствованію всего человѣчества. Относительно экономическихъ убѣжденій онъ раздѣлялъ одну только истину — свободную и добровольную ассоціацію труда. Эта разумная и благотѣльная истина послужила къ основанію первой ассоціаціи парижскихъ рабочихъ, и ассоціація эта, освященная временемъ, существуетъ до сихъ поръ. Она служила и будетъ служить основаніемъ всякой прочной ассоціаціи рабочихъ, какъ напримѣръ ассоціація работниковъ ювелировъ, основанная по идеѣ Бюше, первымъ президентомъ которой былъ Меруа, человѣкъ проникательнаго ума и преданный дѣлу, а основателями были: Бюше, Рампаль, Гарнье-Пажессъ, Буланже и другіе.

Журналы, распространявшіе эту религіозную доктрину, основанную на революціонно-республиканскихъ началахъ, были: «Européen», въ послѣдствіи принявшій названіе «Revue nationale» и «l'Atelier», первый изъ журналовъ, издаваемый исключительно одними работниками.

Главными послѣдователями Бюше были: Карбонъ, Паскаль, Данги, Ру-Лавернь, Серизъ, Буларъ, Фегре, Оттъ, Буа-ле-Контъ и Бастидь.

XVIII.

Еще до Сень-Симона, Фурье оновалъ соціальную доктрину, на другихъ началахъ. Глубокій мыслитель, оригинальный писатель, смѣлый сектаторъ, рѣшавшійся на самыя трудныя изслѣдованія, замѣчательный своими новыми взглядами и въ то же время странностью, цинизмомъ и фантастичностью своихъ идей, онъ возбуждалъ своими сочиненіями любопытство, и при всемъ томъ долго оставался въ неизвѣстности. Въ 1830 году, нѣкоторые изъ его послѣдователей съ увлеченіемъ стали распространять его извѣстность и сами написали о немъ множество сочиненій и комментаріевъ. Новое ученіе получило названіе фурьеризма. Чтобы понять значеніе этой школы во время движенія 1848 года, надобно привести слова Помпери, одного изъ самыхъ умныхъ и усердныхъ послѣдователей фурьеризма, принципы котораго онъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ.

„Фурье вѣрилъ во всемірную гармонію и на этомъ основаніи предсказывалъ общественную гармонію, законы которой были имъ выведены. Притяженіе было по его мнѣнію не только причиной движенія небесныхъ тѣлъ, но также и закономъ движеній человѣческой души и общественной жизни. По его мнѣнію всѣ страсти, инстинкты и способности были движущими силами, которыя своимъ правильнымъ ходомъ производили благо. Вслѣдствіе этого не слѣдуетъ подавлять страстей, но надобно только направлять ихъ, потому что всякое зло происходитъ отъ заблужденія страстей. Если притяженіе есть причина движенія и дѣятельности человѣческой, то сдѣлленіе служитъ ей правиломъ и математическою формою. Подъ именемъ сдѣлленія Фурье разумѣлъ такой законъ безконечности, который въ своихъ чувствительныхъ измѣненіяхъ связываетъ въ одну общую

жизнь всѣхъ существа, находящіеся въ пространствѣ и посредствомъ котораго сближаются и соединяются между собою, для образованія различныхъ единицъ, поколѣнія, вѣка и всѣ послѣдовательныя измѣненія, испытываемыя каждымъ существомъ. Только примѣненіемъ этого закона можно было, по его мнѣнію, достигнуть нормальности и законченности въ какомъ бы то ни было дѣлѣ. На этомъ основаніи Фурье предполагалъ, что какъ только къ труду будутъ примѣнены законы притяженія и сдѣленія, то онъ станетъ не только легокъ, но и пріятенъ.“

Фурье отвергалъ общинное устройство; онъ добивался свободной и добровольной ассоціаціи капитала, труда и способностей. Община, устроенная на началахъ Фурье, представляетъ какъ бы гнѣздо человѣческаго общества и называется фалангой, въ воспоминаніе идеи, создавшей могущественную македонскую фалангу. Зданіе, вмѣщающее въ себѣ жителей фаланги, называется фаланстеромъ *).

Изъ сказаннаго видно, что фурьеризмъ по своему принципу и цѣли имѣлъ глубоко-революціонное значеніе. Это ученье стремилось къ тому, чтобы измѣнить весь порядокъ и основаніе существующихъ отношеній между людьми, но этотъ переворотъ долженъ былъ совершиться мирнымъ путемъ. Приверженцы этого ученья думали, что достаточно будетъ явиться гдѣ бы то ни было одной только общинѣ, чтобы мало по малу, силою одного только примѣра, преобразовался весь міръ. Не смотря на неудачу первыхъ опытовъ, фурьеристы

*) С. А. Соединенные штаты были до сихъ поръ нейтральнымъ полемъ для осуществленія всѣхъ соціальныхъ, коммунистическихъ и религіозныхъ теорій. Анна Ли (Anna Lee) основала общину Шекеровъ—плывущихъ христіанъ, Робертъ Оуэнъ осуществилъ, хотя не на долго, свою New Harmony, Кабе свою Икарію. Фурьеризмъ имѣетъ также своихъ послѣдователей въ Америкѣ и въ штатѣ New Jersey, подлѣ Newark, есть фурьерическая община—New American-Phalanster.

Прим. перев.

не приходили въ отчаянье: они утверждали, что ни одинъ изъ этихъ опытовъ не былъ достаточно серьезень для того, чтобы многосложный механизмъ Фурье могъ быть существеннымъ образомъ примѣненъ къ жизни.

Политическая организація фаланстера была совершенно на второмъ планѣ и составляла только заключеніе, выводъ соціальной организаціи. Такимъ образомъ фаланстеръ былъ совершенно равнодушенъ къ политикѣ. Впослѣдствіи фурьеристы поняли, что общественныя улучшенія могутъ болѣе разсчитывать на успѣхъ при демократическомъ правленіи, чѣмъ при монархическомъ. Фурьеристы, враждебные всѣмъ партіямъ и даже выражавшіе иногда правительству свое сочувствіе въ первыхъ своихъ журналахъ „le Phalanstère“ и „la Phalange“, послѣдовательно измѣнили свое направленіе и примкнули къ оппозиціи. Послѣдній фаланстерскій органъ, „la Démocratie“ *расіfique*, издававшійся подъ редакціей отставнаго артиллерійскаго офицера, Виктора Консидерана, Де Шевалье Каптагреля, Геннекена, Вигуре, Помпери, Туссенеля и другихъ, съ постоянно возрастающею силой боролся съ Гизо и его системою.

XIX.

Коммунистическія секты были многочисленны. Но только одна изъ нихъ — Икарійцы, приобрѣла нѣкоторую извѣстность. Основателемъ ея былъ Кабе, бывший депутатъ, долго находившійся въ Англіи, въ изгнаніи. Познакомившись съ утопіей Томаса Моруса, Кабе почерпнулъ изъ нея идею новой общественной организаціи. Чтобы какъ можно удобопонятнѣе высказать свой планъ, онъ представилъ его въ формѣ романа, извѣстнаго подъ названіемъ *Voyage en Icarie*. Икарійцы должны были жить вмѣстѣ. Власть, управлявшая всѣми работами, раздѣляла работниковъ на разряды и распредѣляла продукты об-

щей производительности не по способностямъ, а по степени потребностей каждаго. Вслѣдствіе какаго то исключенія, которое дѣлаетъ болѣе чести чувствамъ икаристовъ, чѣмъ ихъ логическимъ соображеніямъ, эти новые коммунисты сохраняли семейныя связи, бракъ и разводъ.

По возвращеніи во Францію, авторъ *Voyage en Icarie* возобновилъ изданіе журнала «*le Populaire*». Въ немъ онъ проповѣдывалъ свою доктрину, представлялъ Икарію какъ-то новымъ Эльдорадо, гдѣ каждый могъ наслаждаться невозмутимымъ счастьемъ, гдѣ все люди были одинаково добрыми, трудолюбивыми, преданными, добродѣтельными и здоровыми.

Эти фантази, заимствованныя изъ утопій разныхъ временъ, вызывали улыбку у мыслителей социалистовъ. Но надежда на счастье, которымъ наслаждались въ Икаріи, соблазнила многихъ парижскихъ работниковъ и рабочихъ большихъ промышленныхъ центровъ. Сравнивая богатія картины обѣщаннаго блаженства съ ужасною картиною дѣйствительности, многіе изъ этихъ несчастныхъ думали, что Икарія есть дѣйствительная страна, въ которую они и хотѣли переселиться, и, проникнутые этимъ желаніемъ, съ увлеченіемъ распространяли между своими товарищами идею икарійской общины. Кабе, какъ человекъ съ политическимъ умомъ, объявлялъ, что хотя излагаемая имъ теорія есть идеаль совершенства, къ которому должны стремиться его полѣдователи, но чтобы достигнуть этого совершенства, необходимо было переходное состояніе и, вслѣдствіе этого, онъ приготавливалъ переселеніе въ Америку, чтобы въ этой классической странѣ свободнаго труда осуществить воображаемую Икарію *).

*) Послѣ неудачнаго путешествія въ Техасъ, Кабе основалъ свою колонію въ Нуово въ штатѣ Иллинойсѣ, смѣнивъ собою болѣе счастливыхъ сектаторовъ — мормоновъ. Кабе, какъ извѣстно, несчастливо кончилъ свое

Надобно отдать справедливость Кабе въ томъ, что онъ въ своемъ ученіи исключалъ всякія насильственныя средства *). Икаристы, революціонеры по принципу, не были однако ими на дѣлѣ. Они понимали прогрессъ, но хотѣли его достигнуть только путемъ примѣра и пропаганды.

XX.

Луи Бланъ, талантливый писатель, бывшій прежде главнымъ редакторомъ журналовъ „le Bon Sens“ и „la Revue du progrès“, не смотря на свою молодость, успѣлъ уже приобрести себѣ извѣстность замѣчательной исторіей перваго десятилѣтія царствованія Луи-Филиппа. Занятый въ началѣ исключительно политическими вопросами, онъ вскорѣ пристрастился и къ социальнымъ вопросамъ. Чувства и мысли, которыя возбуждены были въ немъ изученіемъ новаго предмета, выразились весьма ясно въ его сочиненіи — „Organisation du travail.“ Въ этомъ сочиненіи онъ нападаетъ на конкуренцію, которая по его мнѣнію служитъ постоянною причиною нищеты, страданій, пороковъ и преступленій въ народѣ. Онъ предлагаетъ не свободную, но принужденную ассоціацію разныхъ сословій государства. Однажды устроенныя, эти ассоціаціи становятся солидарными своею связью съ центральной ассоціаціей, которая есть государство. Государство должно распределять трудъ и платить за него вѣсь одинаково, безъ различія потребности и способностей производителя. Система Луи Блана, выраженная въ блестящей литературной формѣ, была основана на

сектаторское поприще и умеръ въ концѣ пятидесятихъ годовъ; колонія же существуетъ и до сихъ поръ, хотя не можетъ похвалиться ни своимъ благоденствіемъ, ни большимъ числомъ послѣдователей.

Прим. перев.

*) Это не относится къ дальнѣйшей его дѣятельности въ Америкѣ, когда онъ хотѣлъ сдѣлаться диктаторомъ своей колоніи.

Прим. перев.

коммунизмъ. Хотя его сочиненіе носитъ на себѣ слѣды недостаточно созрѣвшей мысли, но оно исполнено такого краснорѣчія, что вмѣстѣ съ популярностью доставило автору много послѣдователей. Послѣдователи Луи Блана, воодушевленные революціонными страстями, имѣли связь съ послѣдователями идей, выражаемыхъ журналомъ „la Réforme“. Луи Бланъ былъ членомъ комитета этого журнала, и хотя „la Réforme“ находился почти исключительно подъ вліяніемъ Ледрю-Роллена, который энергически нападалъ въ немъ на коммунизмъ, но, не смотря на это, Луи Бланъ заставилъ своихъ товарищей раздѣлять мысль о подачѣ адреса, съ цѣлью требовать отъ правительства социальныхъ реформъ, которыя были имъ выражены въ неопредѣленной формулѣ: „Организація труда.“

XXI.

Другіе писатели, также послѣдователи социализма, горячо преданные добру, которое они отыскивали тамъ, гдѣ его вовсе не было, не принадлежа ни къ какой социальной теоріи, также приобрѣли себѣ извѣстность. Въ числѣ ихъ главное мѣсто занимали Ашиль Контъ, Пеккеръ, Прудонъ и Видалъ.

Луи Бонаартъ, заключенный въ Гамбъ, обнаружилъ результаты своихъ размышленій въ брошюрѣ подъ заглавіемъ „Пауперизмъ.“

XXII.

Кромѣ этихъ высокихъ школъ существовали разные безыменные секты. Составленные изъ разныхъ отверженцевъ цивилизаціи, изъ случайныхъ и добровольныхъ жертвъ порока, эти секты могли оправдать свои стремленія однѣми только своими страданіями. Революція, по ихъ мнѣнію, должна была

не возстановить порядокъ, а только отмстить за него. Лишенные всего, онѣ всего желали. Зло, по ихъ понятіямъ, было необходимою; удовлетвореніе этой необходимости было благомъ. Эти логики нищеты и порока желали раздѣла всѣхъ богатствъ страны, всей земли, женщинъ, дѣтей; они не страшились никакихъ послѣдствій, потому что не считали себя отвѣтственными ни передъ совѣстью, ни передъ обществомъ, ни передъ Богомъ. Послѣ побѣды демократіи это скопище могло быть затрудненіемъ для общества; въ рукахъ какаго нибудь клубнаго Спартака оно могло сдѣлаться орудіемъ не гражданской войны, а только возмущенія; удерживаемая же массой честныхъ людей, эта безпokoйная часть народа не представляла никому серьезной опасности. Но опасность ея заключалась въ томъ, что она представляла предметъ брани въ устахъ всѣхъ клеветниковъ революціи.

XXIII.

Однакожъ социализмъ медленно проникалъ въ народныя массы. Сложный механизмъ новыхъ процессовъ социальной науки, темнота ихъ выводовъ, не удовлетворяли положительному и свѣтлому уму народа. Нѣкоторые изъ выводовъ этой науки возмущали чистое сердце простаго человѣка. Но современемъ они стали ясно различать основную идею социализма, справедливую идею нравственнаго и матерьяльнаго улучшенія. Вслѣдствіе неудержимаго стремленія, они стали симпатизировать распространителямъ этихъ идей и толпа все болѣе и болѣе стала внимательно прислушиваться къ предсказаніямъ и обѣщаніямъ этихъ изслѣдователей, утверждавшихъ, что они отыскали тайну, какъ облегчить и даже излечить всѣ страданія общества.

XXIV.

Между тѣмъ правительство не беспокоилось разрѣшеніемъ этого вопроса о нищетѣ, который такъ грозно былъ поднять народомъ. Соціализмъ, организація труда, конкуренція, ассоціація, все это были какіе-то странные неологизмы, неизвѣстные всему обществу и подвергавшіеся его насмѣшкамъ. Когда просьба объ организаціи труда была представлена въ Бурбонскій дворецъ, большинство приняло ее съ насмѣшкою. По временамъ, дѣйствительно, замѣтно было волненіе въ низшихъ слояхъ народа; но это волненіе не всегда возбуждало псевдовольствіе. Иногда даже, когда предстояла надобность, соціализмъ становился аргументомъ въ самой палатѣ. Такъ Гизо, когда онъ считалъ нужнымъ застраховать привилегированные классы, говорилъ имъ: „противъ революціоннаго стремленія бѣдныхъ классовъ народа у васъ есть только одна дѣйствительная гарантія: это трудъ и неустраняемая необходимость его!“. Такимъ образомъ унижали, сводили на степень наказанія тотъ трудъ, котораго народъ требовалъ себѣ какъ право, какъ неотразимый долгъ помощи. Опасности, въ собственномъ смыслѣ, не было въ этихъ стремленіяхъ народа, а секретныя общества находились подъ наблюденіемъ полиціи. Стачку рабочихъ прекращали дѣйствіями мѣстныхъ властей, противъ возмущенія могла дѣйствовать военная сила.

Такимъ образомъ пропасть, которою слѣпой эгоизмъ раздѣлилъ привилегированные классы отъ трудящихся, становилась съ каждымъ днемъ больше и больше. Правительство ничего не замѣчало. Лѣвая сторона и лѣвый центръ, правительство и парламентское большинство не проникали своимъ взоромъ за предѣлы палаты. Самолюбивыя стремленія и заботы династическихъ партій не имѣли другихъ цѣлей.

какъ только серженіе министерства Гизо и замѣщеніе его министерствомъ болѣе самостоятельнымъ и либеральнымъ, и уничтоженіе этимъ путемъ личныхъ видовъ правительства.

XXV.

Гораздо шире былъ взглядъ радикаловъ на дѣло. Усердное изученіе всѣхъ вопросовъ, относящихся къ положенію рабочаго населенія городовъ и деревень и улучшенію ихъ нравственнаго и матерьяльнаго быта, которое они считали въ началѣ своею обязанностью, теперь представлялось имъ настоятельной необходимостью.

Но и въ этомъ случаѣ, если всѣ и были согласны относительно принципа, то не всѣ одинаково дѣйствовали. Одни говорили: благо народа есть цѣль нашихъ стремленій, политика же служить только средствомъ. А потому намъ слѣдуетъ прежде всего овладѣть этимъ средствомъ, то есть всею общою подачею голосовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и республикой. Когда народъ однажды будетъ пользоваться тѣмъ, на что онъ имѣетъ теперь только право, тогда онъ самъ повѣритъ выводы отдѣльныхъ лицъ и сдѣлаетъ лучше всѣхъ разрѣшить задачу своего соціальнаго устройства. Другіе доказывали, что вопросъ о формѣ стоитъ на второмъ планѣ, что надобно прежде всего приложить къ дѣлу соціальныя системы, испытать ихъ выводы, словомъ—организовать трудъ; остальное же явится само собой. Наконецъ они почувствовали необходимость сдѣлать попытку къ соглашенію. По инициативѣ редакторовъ журнала „l'Atelier“ было условлено сойтись всѣмъ вмѣстѣ, чтобы разсмотрѣть планы соціальной организаци, предлагаемые различными школами. У Мари было нѣсколько засѣданій, на которыхъ участвовали въ качествѣ депутатовъ: Гарнье-Пажесъ, Карно, Курте, Шаюи-Монлавиль, Мари и другіе; представителями журнала „National“ были: Марасть, Дорнесъ, Гудшо; журнала

„Reforme“ — Ледрю Ролленъ, Луи Бланъ; журнала „Atelier“ — Корбонъ, Данги и Паскаль, и наконецъ, ассоціаціи рабочихъ — Леруа и Тибо; отъ общества соединенныхъ промышленныхъ производствъ явились Ленуаръ, Антуанъ и нѣсколько другихъ работниковъ.

Вопросы, рассматриваемые въ этомъ собраніи, могутъ быть приведены къ двумъ принципамъ: свободной ассоціаціи и принужденной ассоціаціи. Первую защищаль Корбонъ, вторую — Луи Бланъ.

По мнѣнію Корбона система свободной ассоціаціи рабочихъ есть самая справедливая и самая дѣйствительная. Она допускаетъ свободу человѣка въ ассоціаціи и свободу ассоціаціи въ народѣ. Всякій промыселъ долженъ быть независимъ отъ ассоціаціи; всякая отдѣльная ассоціація должна быть независима, свободна въ своихъ дѣйствіяхъ. Справедливость и общій интересъ требуютъ, чтобы каждый былъ вознаграждаемъ по степени своего труда. Единственная связь членовъ ассоціаціи заключается въ общемъ для всѣхъ интересѣ обществности и національности.

Луи Бланъ, напротивъ того, думалъ, что ассоціація обязательна для всѣхъ работниковъ. Группы членовъ ассоціацій могутъ быть различны, какъ требуетъ того самый характеръ ассоціаціи, но надобно, чтобы эти группы не были враждебны между собою, а слѣдовательно онѣ должны быть зависимы одна отъ другой и солидарны. Связью между различными частями всемірной ассоціаціи служить центральная власть — государство, которое управляетъ всякимъ движеніемъ, представляетъ собою всѣ интересы, распределяетъ работу и плоды общаго труда. Заработная плата должна быть одинакова для всѣхъ.

Корбонъ сознавалъ, съ своей стороны, чрезмѣрность свободной конкуренціи. Но если надобно отстранить вредъ, происходящій отъ конкуренціи, то было бы безразсудно уничто-

жать самый принципъ ея, который самъ по себѣ есть принципъ свободы.

Луи Бланъ утверждалъ, что конкуренція служитъ единственнымъ источникомъ зла для общества; что она убиваетъ нравственныя и матеріальныя силы народа, служитъ причиною праздности, прогула, уменьшенія платы и, какъ слѣдствіе всего этого, рождаетъ болѣзни, пороки и преступленія, и что нельзя будетъ достигнуть успѣха до тѣхъ поръ, пока конкуренція не будетъ радикально уничтожена.

„Вы думаете, сказалъ Корбонъ, что все люди равно добры, преданны и трудолюбивы; вы предполагаете, что ваша ассоціація уничтожитъ все пороки, эгоизмъ и лѣность. Но, къ несчастью, это несбыточная фантазія.“ — „Въ отношеніи къ настоящему времени это такъ, возразилъ Луи Бланъ; но развѣ эти недостатки имѣютъ свой источникъ въ натурѣ человѣка? Нѣтъ, они составляютъ результатъ ложной организаціи всего общества. Измѣните принципъ нынѣшняго порядка—и вы измѣните самого человѣка, который есть произведеніе этого порядка. Солидарность уничтожитъ все зло, все пороки и преступленія, которыя до сего времени были порождаемы антагонизмомъ.“

Эти споры часто возобновлялись и большая часть членовъ собранія принимала въ нихъ участіе. Система насильственной ассоціаціи не находила много приверженцевъ; многіе, какъ напримѣръ Ледрю Ролленъ, нападали на нее съ большою энергіей, и Луи Бланъ принужденъ былъ оставить собраніе.

Вслѣдствіе предложенія Гудшо, по мнѣнію котораго задача организаціи труда была тождественна съ вопросомъ объ организаціи кредита, рѣшено было, собрать значительный капиталъ для того, чтобы сдѣлать опытъ ассоціаціи рабочихъ, не отдавая при устройствѣ ея предпочтенія той или другой теоріи и ихъ стремленіямъ. Время дать возможность испытать каждую систему, практика же должна ис-

править ошибки, а народъ, во власти котораго будетъ управление государствомъ, утвердить то или другое примѣненіе ассоціаціи.

XXVI.

Въ сторонѣ отъ всѣхъ партій и сектъ находился центральный комитетъ сенскихъ избирателей, составляя какъ бы вѣнецъ этой массы либеральныхъ и демократическихъ силъ. Организациа этой могущественной силы была очень проста. Въ каждомъ изъ парижскихъ округовъ былъ комитетъ, который посылалъ своего депутата въ центральный комитетъ. Посредствомъ этихъ депутатовъ-представителей, центральный комитетъ сообщалъ дѣятельность комитетамъ городскихъ округовъ, которые въ свою очередь передавали это движеніе своимъ избирателямъ.

Кромѣ органовъ, исключительно принадлежавшихъ радикаламъ и легитимистамъ, всѣ остальные органы прессы получали и публиковали сообщенія центральнаго комитета. Слѣдующіе парижскіе журналы — вещь неслыханная до тѣхъ поръ — стремились, каждый отдѣльно, къ одной общей цѣли: „Constitutionnel“, органъ лѣваго центра; „Siècle“, органъ лѣвой династической стороны; „National“ — радикаловъ лѣвой стороны; „la Démocratie pacifique“ — фурьеристовъ; „le Courrier français“, „la Presse“ и „Charivari“; въ департаментахъ, самые благонамѣренные журналы, именно: „Journal de Rouen“, Казавана, „le Censeur de Lyon“, Риттица и Кауфмана, „le Propagateur du Pas-de-Calais“, Фредерика Дероржа, „le National de l'Ouest“, Мангина, „le Bien public“, журналъ, издаваемый Ламартиномъ въ Маконѣ; „l'Echo du Nord“, „Journal du Givre“ и другіе.

XXVII.

Такимъ образомъ парламентъ дѣлился на три большія части: лѣвый цѣнтръ, лѣвая династическая сторона и лѣвая радикальная сторона; эти три партіи имѣли своихъ приверженцевъ внѣ парламента; сверхъ того были исключительные радикалы, разныя секты и народъ, — вотъ различные элементы оппозиціи, цѣль которой состояла въ томъ, чтобы спасти Францію отъ этой системы ослабленія государства, которая производила гибельное вліяніе на народъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Морни, поздравляя короля съ выборами 1846 года, напоминает ему объ обѣщаніяхъ Гизо; ироническій отвѣтъ Луи-Филиппа. — Лѣвая сторона рѣшается снова прибѣгнуть къ мирной агитаціи. — Первое собраніе всей оппозиціи у Од. Барро; согласіе всѣхъ партій, безъ нарушенія принциповъ каждой. — Второе собраніе, на которомъ было рѣшено, что центральный комитетъ приметъ инициативу реформистскаго движенія; Паньеру поручаютъ составить проектъ адреса объ измѣненіи избирательной и парламентской системъ; съ цѣлью добиться этихъ реформъ, избираютъ три различныхъ образа дѣйствій: адресъ, излагающій всѣ недостатки избирательнаго закона; банкеты, устраиваемые для учрежденія и скрѣпленія союза всѣхъ оппозицій, и сформированный комитетъ, который сосредоточивалъ бы направленіе реформистскаго движенія. — Предвидѣніе Гарнье-Пажеса. — Засѣданіе центрального комитета у Паньера. — Засѣданіе у Ластейри, на которомъ рѣшено, что центральный комитетъ и окружные комитеты сенскаго департамента дадутъ банкеты реформистскимъ депутатамъ. — Послѣ этого засѣданія, управленіе движеніемъ переходитъ въ руки бюро центрального комитета. — Вліяніе этого бюро на окружные комитеты, которые рѣшаются принять участіе въ движеніи. — Подписка на банкеты, въ началѣ медленная, увеличивается и далеко переходитъ опредѣленную цифру; комитетъ назначаетъ банкеты на 7 іюля въ Château-Rouge; министерство запрещаетъ банкеты и потомъ разрѣшаетъ его; банкеты состоятся 9 іюля; присутствіе на немъ восьмидесяти шести депутатовъ; рѣчи и тосты Ластейри, Режюра, Барро, Паньера, Дювержье-де-Горанна, Сепара, Гризье, Ригли, Гамелена, Мари, Гюстава-де-Бомона, Шамболя, Фредерика-де-Горжа и Малевилля; печальныя и подавляющія рѣчи Барро, Дювержье-де-Горанна и Малевилля; громадное дѣйствіе этого банкета на Францію. — Центральный комитетъ вступаетъ въ сношенія съ департаментскими комитетами и журналами; онъ сообщаетъ имъ свою дѣятельность и самоотверженіе. — Банкеты въ Кольмарѣ, Страсбургѣ, Суассонѣ и Сентъ-Кентенѣ. — Преступленіе Леотада. — Убіиство герцогини Прасленъ ея мужемъ; глубокое впечатлѣніе, произведенное во Франціи этимъ убійствомъ. — Назначеніе герцога Омадскаго генераль-губернаторомъ Алжира. — Уда-

леніе маршала Сульта; назначеніе Гизо президентомъ совѣта. — Ажитація, произведенная банкетомъ, распространяется; на банкетѣ въ Конѣ обнаруживается первое несогласіе между оппозиціонными партіями; судья Гамбонъ протестуетъ противъ тоста въ честь короля, предложеннаго династическою оппозиціей; отрѣшеніе его отъ должности на пять лѣтъ. — Исключительные радикалы, въ началѣ враждебные банкетамъ, рѣшаются принять въ нихъ участіе; Ледрю-Ролленъ и Флоконтъ на банкетѣ въ Лиллѣ; Барро хочетъ измѣнить условленіе тосты предложеніемъ тоста въ честь іюльской монархіи; комиссары отказываютъ Барро въ этомъ желаніи и онъ съ своими друзьями оставляетъ банкетъ. — На банкетѣ въ Авенѣ, Барро выражаетъ свои монархическія убѣжденія, о которыхъ умалчивалъ до сихъ поръ. — Движеніе, произведенное банкетами, продолжаетъ увеличиваться. — Первые результаты этого движенія обнаруживаются: многие изъ генеральныхъ совѣтовъ высказываются въ пользу реформы; отдѣльные выборы не правятся правительству; король принужденъ утвердить Бюрге меромъ втораго парижскаго округа. — Исключительные радикалы устрояютъ чисто радикальные банкеты; банкеты въ Дижонѣ и Шалонѣ на Саонѣ. — Полемка между исключительными и парламентскими радикалами. — Банкеты въ Монпелье и Нейбургѣ; радикалы-реформисты поддерживаютъ на нихъ свое дѣло. — Соединеніе всѣхъ оппозиціонныхъ партій, съ сохраненіемъ каждой ея принциповъ. — Банкетъ въ Руанѣ; отказъ радикаловъ-реформистовъ участвовать въ немъ по поводу тоста въ честь учреждений іюльской монархіи. — Последний банкетъ, предложенный двенадцатымъ парижскимъ округомъ, — на Булонжскомъ обществѣ, — мнѣнія, какъ прямой результатъ банкетовъ.

I.

Парламентская сессія кончилась; наступила очередь высказаться общественному мнѣнію, которое было подготовлено къ этому нѣкоторыми предшествовавшими обстоятельствами.

Извѣстно, что 26-го марта было отвергнуто предложеніе Дювержье де Горанна. Съ этихъ поръ лѣвый центръ и лѣвая сторона окончательно убѣдились въ томъ, что отъ палаты, а тѣмъ болѣе отъ двора нечего больше ожидать. Чѣмъ старѣе становился король, тѣмъ упрямѣе онъ выражалъ свое презрѣніе ко всему, что не сходило съ его образомъ мыслей и тѣмъ сильнѣе вкоренялось въ немъ убѣжденіе, что неизмѣнное слѣдованіе его предшествовавшей политикѣ неразрывно связано съ спокойствіемъ его царствованія и съ судьбой его рода.

Говорятъ, что спустя нѣсколько дней послѣ выборовъ 1846 года, Морни принесъ ему поздравленіе въ слѣдующихъ словахъ: „Государь, успѣхъ выборовъ замѣчателенъ. Я рѣшаюсь приписать этотъ успѣхъ рѣчи Гизо въ Лизье. Если вашему величеству угодно будетъ исполнить обѣщанья, изложенныя имъ въ этой рѣчи, то къ будущимъ выборамъ оппозиція исчезнетъ; рѣдкіе ея защитники будутъ составлять предметъ любопытства во Франціи.“ Король, съ презрительной улыбкой и иронически ударяя на каждомъ слогѣ, отвѣтилъ: „Какія это обѣщанья?... Реформа!... Несовѣстность!... Вы не знаете этой страны: ею можно управлять только посредствомъ чиновниковъ.“

Вы не знаете Франціи! Тѣ же слова были сказаны имъ и наканунѣ 24 февраля. Продолжительное царствованіе всегда ослабляетъ.

Такимъ образомъ оппозиція рѣшилась внѣ парламента и *para legal* искать силу, которую отнималъ у нее тройной союзъ короля, кабинета и парламентскаго большинства, такъ сильно сопротивлявшійся всякому прогрессу. Ея жажда дѣятельности была особенно возбуждена неосторожными вызовами Дюшателя. Хотя назначеніе оппозиціи было въ будущемъ, но узвлненное самолюбіе обязывало ее дѣйствовать теперь же. Она должна была чувствовать себя въ одно и то же время погибающею и осмѣянною, если въ отвѣтъ на это насмѣшливое увѣреніе въ равнодушіи къ ней страны не представить опроверженія самой страны.

Сверхъ того оппозиція чувствовала и ясно понимала, что агитация тогда только будетъ дѣйствительною, когда она будетъ глубокою; что надобно проникнуть въ самое сердце народа, чтобы возбудить его сочувствіе; что династическія партіи, предоставленныя собственнымъ силамъ, не могутъ сильно дѣйствовать на народъ и что помощь радикальныхъ партій необходима. Оппозиція поняла все это, и тотчасъ же рѣшилась приступить къ дѣлу.

II.

Оставалось только опредѣлить образъ дѣйствій, условія, поприще и предѣлы этой коалиціи реформистскихъ силъ. Первое собраніе было у Одилона Барро. Многіе депутаты изъ легитимистовъ, проникнутые духомъ примиренія, также присутствовали на этомъ собраніи. Но вскорѣ сдѣлалась очевидною невозможность соединенія этихъ двухъ противоположныхъ партій, потому что одна изъ нихъ была враждебна самодержавію народа, считая незаконнымъ этотъ основной принципъ революціи. Безъ этого пренятствія соглашеніе было бы легко, такъ какъ рѣшимость либеральной и демократической оппозиціи была искренна, взаимныя отношенія ихъ были законны и какъ съ той, такъ и съ другой стороны если и была видна осторожность, то не было никакой задней мысли.

„Вы знаете наши убѣжденія — говорили радикалы — мы республиканцы и всегда будемъ республиканцами. Мы убѣждены въ томъ, что Франція не можетъ болѣе выносить монархическаго правленія, равно какъ и въ томъ, что она еще не понимаетъ и не желаетъ условій, необходимыхъ для республики. Слѣдовательно, если намъ принадлежитъ будущее, то настоящее — принадлежитъ вамъ. Пользуйтесь этимъ положеніемъ и осуществите во всей силѣ представительное правленіе; идите своей дорогой, но дѣйствуйте серьезно на пути прогресса и реформъ; дайте Франціи свободу, которая ей необходима; доставьте ей немного благополучія; поднимите ее въ глазахъ Европы, словомъ — сдѣлайте чтонибудь рѣшительное съ вашимъ монархическимъ правленіемъ. Мы будемъ помогать вамъ въ этомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ, пока наше довѣріе не будетъ употреблено во зло. Если вы достигнете успѣха, тогда мы, вѣрные нашимъ убѣжденіямъ, станемъ во главѣ движенія, вступимъ съ вами въ со-

стизаніе и побѣдимъ васъ посредствомъ мысли — единственнаго оружія законной свободы. Если же ваше дѣло не удастся — а это намъ кажется очень вѣроятнымъ — тогда позвольте намъ надѣяться, что вы будете помогать намъ въ нашемъ стремленіи къ достиженію народнаго самодержавія.“

На это династическія партіи отвѣчали: „Мы иначе понимаемъ это дѣло: недовѣріе, отчужденіе, недостатокъ согласія между честными людьми всѣхъ партій, слишкомъ долго поддерживали власть, которая ведетъ общество къ гибели. Положимъ предѣлъ этому гибельному несогласію. Вступимъ дружно на путь реформъ, будемъ добиваться ихъ мирными и законными средствами. Когда наступитъ день, въ который мы будемъ поставлены въ такое положеніе, что согласіе между нами будетъ невозможно; если вы будете считать униженнымъ достоинство вашего положенія или строгость вашихъ принциповъ, или же, если мы, съ своей стороны, будемъ поставлены въ такое же положеніе, — тогда мы разойдемся. До тѣхъ поръ будемъ дѣйствовать сообща, оторосивъ въ сторону формальное значеніе вопроса. Вы хотите имѣть правительство, которое не раззоряло бы государства, которое не унижало бы его достоинства; мы, подобно вамъ, хотимъ достигнуть тѣхъ же результатовъ. Вы считаете конституціонную монархію неспособною дать вамъ то, чего вы желаете, — мы же думаемъ совершенно иначе: мы думаемъ, что представительное правленіе несовмѣстно ни съ честностью, ни съ достоинствомъ, ни съ однимъ изъ требованій благоразумной демократіи. Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сдѣлать опытъ, и мы сдѣлаемъ его законнымъ путемъ. Мы остановимся въ нашемъ стремленіи, когда увидимъ, что цѣль наша достигнута; тогда вы можете продолжать начатое. Въ случаѣ же, если наше дѣло не удастся, если опытъ покажетъ намъ, что оно невозможно, и если безсиліе и злоупотребленія монархической власти сами поведутъ къ осуществленію республики, тогда мы, не связанные ни съ ди-

настій, ни съ монархіей, не станемъ отказываться отъ революціонныхъ принциповъ, мы не покинемъ дѣла, мы не возстанемъ противъ него и ваши попытки къ устройству ресибликанскаго правленія встрѣтятъ въ насъ благородное сочувствіе.“

III.

Выяснивъ себѣ основанія своихъ убѣжденій, партіи немедленно приступили къ дѣлу. На слѣдующемъ собраніи явились въ качествѣ представителей лѣваго центра Дювержье де Гораннъ и Малевиль; лѣвой стороны — Одилонъ Барро и Г. де-Бомонъ; радикаловъ лѣвой стороны — Карно и Гарнье-Пажесъ; центральнаго комитета — Паньеръ, Рекюръ, Лабелони и Віеста, и сверхъ того нѣсколько представителей разныхъ партій, въ числѣ которыхъ были: Берже, Абаттуччи, Авенъ и Тьеръ. Въ первое же засѣданіе было рѣшено, чтобы центральный комитетъ принялъ инициативу реформистскаго движенія, и, вслѣдствіе предложенія Дювержье де Горанна, Паньеру было поручено составить проектъ адреса объ избирательной и парламентской реформѣ.

Порученіе это было трудно и щекотливо. Надобно было удовлетворить самымъ противоположнымъ мнѣніямъ, самымъ рѣшительнымъ требованіямъ, не пугая въ тоже время людей слишкомъ робкихъ. Редакторъ адреса принялъ за основаніе его такой пунктъ, на которомъ всѣ сходились: онъ нападалъ на злоупотребленія избирательныхъ законовъ. Этотъ адресъ, замѣчательный своею сжатостью и яснымъ изложеніемъ, указывалъ на неравенство правъ, на недостатки, безсиліе, непоследовательность и несообразность закона 1831 года; онъ ясно указывалъ на неудовольствіе всѣхъ партій къ этому закону, дѣлающему изъ выборовъ предметъ монополіи и подкупа. Предоставляя законодательству заботу объ

измѣненіяхъ, признанныхъ необходимыми, адрессъ самъ по себѣ не указывалъ ни на какія мѣры; но по смыслу своихъ нападокъ, по изложенію своихъ принциповъ, которые онъ требовалъ примѣнить къ дѣлу, онъ указывалъ главнымъ дѣятелямъ реформистскаго движенія, что единственно полезный и справедливый избирательный законъ есть тотъ, который признаетъ всеобщую подачу голосовъ, въ которой выражается равенство правъ и желанія націи.

Гарнье-Пажесъ, Лабелони и Віеста вполне одобрили этотъ проектъ адреса. Но каково будетъ его дѣйствіе? Не будетъ ли онъ преданъ забвенію, подобно всѣмъ другимъ адрессамъ, подаваемымъ съ 1840 года, если и на этотъ разъ, реформистскому движенію не будетъ сообщено болѣе жизненности, единства и энергіи посредствомъ мирной, но безостановочной агитаціи. Паньеръ еще разъ высказалъ своимъ друзьямъ мысль, которая была высказана имъ еще въ 1846 году, но которая не была въ то время принята. Мысль эта состояла въ устройствѣ Сенскими избирателями въ Парижѣ большого банкета для всѣхъ тѣхъ оппозиціонныхъ депутатовъ, которые подали свои голоса въ пользу избирательной реформы и для тѣхъ изъ журналистовъ, которые защищали эту реформу; затѣмъ всѣ реформисты, находящіеся въ департаментахъ, должны быть приглашены къ устройству подобныхъ же манифестацій.

Сверхъ того было условлено, что, для установленія болѣе тѣсной связи, представители всѣхъ уже существующихъ комитетовъ — лѣваго центра, лѣвой стороны, радикаловъ, крайней лѣвой стороны и центрального комитета — составятъ спеціальныи комитетъ, въ которомъ будутъ участвовать представители всѣхъ реформистскихъ журналовъ и куда будутъ созваны самые вліятельные избиратели.

Такимъ образомъ общая цѣль оппозиціи заключалась въ избирательной и парламентской реформѣ; для достиженія же этой

цѣли представлялись три средства: адрессъ, который долженъ обнаружить всѣ недостатки закона 1831 года; банкеты въ Парижѣ и департаментахъ, съ цѣлью выказать и укрѣпить согласіе всѣхъ частей оппозиціи, и наконецъ смѣшанный комитетъ, который сосредоточивалъ бы направление реформистскаго движенія.

IV.

Нѣсколько дней спустя, въ концѣ мая, въ присутствіи тѣхъ же лицъ, которыя были на первомъ собраніи, Паньеръ прочиталъ проектъ адреса. Этотъ проектъ былъ принятъ единодушно и безъ малѣйшаго колебанія. Вслѣдъ за тѣмъ секретарь комитета изложилъ вышеописанный планъ; онъ настаивалъ на необходимости открытаго дѣйствія, и указалъ, какъ на самое дѣйствительное средство къ достиженію успѣха, на устройство банкетовъ въ Парижѣ и департаментахъ. Онъ говорилъ, что если этого рода манифестаціи были иногда шумны, то обстоятельства, произведшія ихъ, были совсѣмъ другаго рода; на этотъ же разъ настроеніе умовъ и обстоятельства обезпечивали мирный и правильный характеръ этихъ манифестацій; притомъ же въ Лизье, въ Мирандѣ, въ Мирамбо, — Гизо, Лавъ-Лапланъ и Дюшатель своимъ примѣромъ показали важность и законность банкетовъ и что наконецъ, это самое энергическое средство добиться отвѣта народа на дерзкіе вызовы кабинета. Послѣ непродолжительнаго спора собраніе приняло мысль о реформистской пропагандѣ посредствомъ банкетовъ и о составленіи смѣшаннаго комитета. Такимъ образомъ союзъ былъ окончательно заключенъ.

V.

Вышедшіе отъ Одилона Барро радикальные члены собранія, Барно, Паньеръ, Віеста, Лабелони и Гарнье-Пажесъ,

шли нѣсколько времени вмѣстѣ. Подойдя къ бульварамъ, у министерства иностранныхъ дѣлъ, они должны были разойтись. „Право, сказалъ въ это время Паньеръ, я не надѣялся, чтобы наши предложенія были приняты такъ скоро и съ такимъ успѣхомъ. Хорошо ли понимаютъ эти господа, къ чему это можетъ ихъ привести? Что касается меня, то я сознаюсь, что для меня это не совсѣмъ ясно; но впрочемъ, намъ, радикаламъ, нечего пугаться.“ — „Видите ли вы это дерево? отвѣтилъ Гарнье - Пажесъ, — такъ вырѣжьте на немъ воспоминаніе этого дня; то, что мы рѣшили теперь, есть революція.“ Девять мѣсяцевъ спустя, на этомъ самомъ мѣстѣ, подъ огнемъ взвода солдатъ пали первыя жертвы революціи. Возникшая изъ реформистскаго движенія съ одной стороны и изъ систематическаго сопротивленія всякому прогрессу съ другой, революція уже началась.

VI.

Вслѣдъ за принятіемъ рѣшенія послѣдовало его исполненіе. Центральныя комитетъ, собравшійся въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца у Паньера, единогласно принялъ проектъ адреса, одобренный уже парламентскими комитетами. Бюро обязано было принять мѣры къ распространенію адреса. 8 іюня послѣдовало новое собраніе у Ластейри. Тутъ, въ первый разъ, встрѣтились лицомъ къ лицу главные члены трехъ частей лѣвой стороны, самые вліятельные члены центральнаго комитета, главные редакторы органовъ династической, либеральной и республиканской оппозицій: „National“, „Siècle“, „Constitutionnel“, „Courrier Français“, „la Démocratie pacifique“ и „Charivari“. Хотя нѣкоторые изъ этихъ лицъ и были удивлены такимъ близкимъ столкновеніемъ, но, не смотря на это, встрѣча была пріятна и согласіе—полнѣйшее.

На предложеніе Паньера, сдѣланное отъ имени комитета избирателей, единогласно были приняты слѣдующія рѣшенія:

Спеціальный комитетъ о реформѣ долженъ состоять изъ всѣхъ депутатовъ, состоящихъ въ настоящее время здѣсь на лицо; центральному комитету избирателей поручено принять всѣ мѣры для распространенія адреса; банкетъ, предложенный этимъ комитетомъ и окружными комитетами Сенскаго департамента парламентскимъ комитетамъ лѣваго центра, лѣвой и крайней лѣвой сторонъ, состоится въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца; число подписчиковъ опредѣлено въ тысячу человекъ, подписная цѣна — 10 франковъ; на этотъ банкетъ будутъ приглашены всѣ депутаты лѣвой стороны оппозиціи, подавшие свой голосъ за реформу; всѣ то-сты будутъ опредѣлены заблаговременно.

Послѣ этого собранія, управленіе реформистскимъ движеніемъ во всей странѣ перешло въ руки бюро центрального комитета. Подписка на 2 или 3 тысячи франковъ была достаточна для покрытія расходовъ на печать и распространеніе адреса.

VII.

Теперь надобно было во всѣхъ частяхъ центрального комитета возбудить одинаковую жажду дѣятельности; но успѣхъ въ этомъ дѣлѣ казался болѣе сомнительнымъ. Не всѣ окружные комитеты были одинаково хорошо организованы; не всѣ были приготовлены къ тому, чтобы дѣйствовать общими силами; различные элементы, сближенные между собой, не смѣшались еще въ общую массу; не смотря на стремленіе къ союзу, самаго союза еще не существовало. Рѣшено было, что окружные комитеты будутъ постепенно соединяемы и что депутаты центрального комитета вмѣстѣ съ главными членами парламентской оппозиціи сообщать имъ о принятыхъ

мѣрахъ. Это дѣло взяли на себя депутаты: Дювержье де Го-
раннъ, Малевиль, Г. де Бомонъ, Карно, Гарнье-Пажесъ,
Вавейъ, Берже, Рекюръ, Лабелони, Паньеръ, Вьеста, Ле-
контъ, Гамеленъ, Тьерри, Зегаласъ, Ригле и другіе.

Эта попытка, какъ ясное выраженіе соединенія партій,
достигла успѣха. Ни откуда не встрѣчалось ни возраже-
ній, ни сопротивленія, ни равнодушія. Вліяніе центральнаго
комитета значительно усилилось, и его авторитетъ былъ при-
нятъ вездѣ и безусловно.

VIII.

Однакожь осуществленіе самаго банкета встрѣтило нѣкото-
рыя затрудненія. До сихъ поръ никто изъ лицъ, возбу-
дившихъ мысль о немъ, не сомнѣвался въ законности сво-
ихъ дѣйствій; но какъ будетъ принято это дѣло прави-
тельствомъ? Благоразумно ли было компрометировать всю
оппозицію въ публичной манифестаціи, значеніе которой еще
неизвѣстно? Разумѣется, сами министры подали примѣръ
банкета; но если они не захотятъ, чтобы слѣдовали этому
примѣру, — что тогда дѣлать? Слѣдуетъ ли въ такомъ
случаѣ остановиться, или уничтожить препятствіе, а въ слу-
чаѣ надобности употребить и силу? Такъ разсуждали са-
мые робкіе члены оппозиціи; самые же горячіе, тѣ, которые
въ самомъ принципѣ не допускали никакого сближенія съ лѣ-
вымъ центромъ и даже съ лѣвой стороной, приходили въ негодо-
ванье при мысли о публичномъ заявленіи и укрѣпленіи сою-
за между оппозиционными партіями. Они дѣлали жестокіе
пападки на Одилона Барро и Тьера, которые не пользова-
лись у нихъ популярностью, были подозрительны для избира-
телей лѣвой стороны и не возбуждали симпатіи у боль-
шей части избирателей лѣваго центра. Такимъ образомъ
парализированные насиліемъ и слабостью умы не приходили

въ возбужденіе; подписка на банкетъ шла медленно. Вскорѣ однакожь, благодаря дѣятельной пропагандѣ окружныхъ комитетовъ и прессѣ, не перестававшей призывать къ патріотизму избирателей, обозначился одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, которые бывають такъ часты въ политическихъ движеніяхъ: явилось такое множество подписчиковъ, что многимъ нужно было отказать.

IX.

Все было готово. Манифестація была назначена на 7 іюля. Центральный комитетъ назначилъ президентомъ банкета почтеннаго старика Ластейри, который былъ президентомъ самаго комитета; Рекюръ и Паньеръ были назначены вице-президентами. Заботясь о томъ, чтобы поддержать во всей силѣ право составленія собраній, они не спрашивали позволенія на устройство банкета, не требуемаго закономъ, по смыслу котораго достаточно было одного объявленія въ префектурѣ полиціи, сдѣланнаго хозяиномъ помѣщенія, нанятаго для банкета. Въ этомъ помѣщеніи могло собраться отъ тысячи до тысячи двухъ сотъ человѣкъ; мѣстомъ этого собранія былъ общественный садъ, Château-Rouge, странное названіе котораго сдѣлалось историческимъ.

Вдругъ, послѣ нѣсколькихъ дней молчанія, почти на канунѣ 7 іюля, полиція запрещаетъ хозяину Château-Rouge отдавать помѣщеніе для банкета. Но, послѣ попытки центрального комитета поддержать право собраній, министерство, предупрежденное Жанвье о томъ, что на банкетѣ будутъ участвовать депутаты династической оппозиціи, сняло запрещеніе полиціи. Противъ своей воли министерство уже начало поддаваться вліянію общественнаго мнѣнія. Вслѣдствіе ли дурнаго расположенія духа, или можетъ быть изъ какаго нибудь соображенія, министры отказали даже поставить

возлѣ Château-Rouge муниципальныхъ гвардейцевъ для сохранения порядка.

X.

Эти препятствія помѣшали приготовленіямъ къ банкету, и центральный комитетъ принужденъ былъ отложить его до пятницы, 9 іюля. Но кромѣ того они произвели еще другаго рода дѣйствіе: всѣ спрашивали себя, что значать эти колебанія министерства, это молчанье въ первые дни, это запрещеніе и вслѣдъ за тѣмъ снятіе его; не скрывается ли во всемъ этомъ какой нибудь западни? Если полиція отказываетъ въ средствахъ, необходимыхъ для поддержанія порядка, значитъ она нарочно хочетъ допустить безпорядокъ? Не думаютъ ли воспользоваться какимъ нибудь самопроизвольнымъ или возбужденнымъ безпорядкомъ, для того, чтобы въ одинъ день избавиться отъ главныхъ представителей оппозиціи? Вся эта тревога не имѣла никакого положительнаго основанія. Но все таки политика правительства была такъ подозрительна, что многие, особенно въ провинціи, повѣрили этимъ тревожнымъ слухамъ. Но въ Парижѣ люди благоразумные были совершенно спокойны.

XI.

Въ назначенный день тысяча двѣсти человѣкъ приняли участие въ этомъ предвѣстникѣ революціи. Избиратели, депутаты, журналисты, всѣ представители оппозиціи встрѣтились на этомъ банкетѣ, забывъ всѣ прежнія несогласія, соединенные одною мыслью о благѣ общества, стремящіеся къ одной общей цѣли, соединенные подъ однимъ знаменемъ парламентской и избирательной реформъ.

Исключая легитимистовъ, всѣ реформистскіе депутаты получили приглашеніе отъ распорядителей банкета. Изъ нихъ во-

семьдесятъ четыре приняли это приглашеніе. Нѣкоторые же отклонили его отъ себя, другіе вовсе отказались отъ него. Считая себя на канунѣ занятія министерскаго поста, средняя парламентская партія рѣшилась прервать всякую связь съ оппозиціей, которая временно могла бы мѣшать ей; но въ то же время она съ одинаковою же заботливостію избѣгала всякаго случая, который ставилъ бы ее въ необходимость дѣйствовать гласно противъ реформы. Дюфоръ, Бильо, Токвиль, Ланжюине, Вивьенъ, Буде, Бино, Фердинандъ Барро и Удино — всѣ подъ разными предлогами отказались отъ приглашенія. Лакроссъ объявилъ, что онъ не одобряетъ подобныхъ ажитацій. Одинъ парижскій депутатъ, Мальгень, хотѣлъ сдѣлать условіе: онъ требовалъ, чтобы на банкетѣ предложенъ былъ тостъ за хартію и короля; центральный комитетъ не отвѣчалъ ему на это предложеніе. Нѣкоторые депутаты отправились въ департаменты и оттуда выразили свое сожалѣніе въ невозможности участвовать въ банкетѣ. Другіе депутаты, которые вовсе не боялись дать свое открытое согласіе на банкетъ, думали, что ихъ предыдущее поведеніе не позволяло имъ лично присутствовать на немъ. Тьеръ увѣдомилъ черезъ своихъ друзей, что онъ вполне одобряетъ и адрессъ и банкетъ; что онъ готовъ отъ всего сердца способствовать энергическому толчку, который хотятъ сообщить обществу миѣнію; что реформисты могутъ разсчитывать на его содѣйствіе въ палатѣ, но что будучи прежде предсѣдателемъ совѣта, онъ не считаетъ для себя возможнымъ присутствовать въ собраніи, на которомъ, безъ сомнѣнія, будутъ дѣлать нападки не только на настоящую политику, но и на политику всего царствованія. То же самое высказалъ и Ремюза, главный двигатель парламентской реформы. Араго, который долженъ былъ произнести тостъ за рабочіе классы, былъ задержанъ болѣзнію. Строго порицая это движеніе, посредствомъ котораго собирались силы оппозиціи и которое

нѣсколько времени спустя должно было увлечь также ихъ,— предводители партіи исключительныхъ радикаловъ не присутствовали на банкетѣ; ни Ледрю-Ролленъ, ни Флоконъ, главный редакторъ журнала «la Réforme», не приняли въ немъ участія.

XII.

Погода была великолѣпная. Умѣренные вечерней прохладой, солнечные лучи не раскаляли болѣе воздуха; багряное зарево заката, пробившись сквозь листья деревьевъ, рассыпалось тысячею блестящихъ лучей и обливало залу банкета цѣлымъ потокомъ свѣта и тѣни. Вокругъ четырнадцати столовъ, разставленныхъ подъ навѣсомъ огромной палатки, толпились члены собранія, взволнованные, счастливые великимъ начинаніемъ, возвышенные въ собственныхъ глазахъ убѣжденіемъ въ нравственномъ величій дѣла, съ сердцемъ исполненнымъ безконечныхъ и свѣтлыхъ надеждъ. Оркестръ, игравшій самыя лучшія революціонныя гимны, звуки которыхъ уносились вечернимъ вѣтромъ, прославлялъ этотъ двойной праздникъ природы и мысли.

XIII.

Какъ только всѣ приглашенные заняли свои мѣста, Паньеръ, отъ имени центральнаго комитета, изложилъ цѣль собранія, сказавъ, что этотъ банкетъ есть „блистательная манифестація въ пользу реформы“, которая отразилась и распространилась по всей Франціи. Въ концѣ обѣда начались тосты. Первый тостъ былъ предложенъ президентомъ Ластейри „въ честь народнаго самодержавія.“ Независимо отъ положенія и возраста Ластейри, никто больше его не былъ достоинъ чести произнести этотъ тостъ. Товарищъ юности Лафайета, онъ подобно ему служилъ революціи 89 года, подобно ему имѣлъ счастье ви-

дѣть революцію 1830 года и съ горестью смотрѣлъ на теперешнее правительство. Всею своею жизнью, чистой и ровной, онъ, подобно Лафайету, открыто и постоянно выражалъ свою глубокую преданность великому дѣлу свободы. Новое поколѣніе слушало этого представителя отжившаго вѣка, говорившаго съ твердостью духа и силою чувства тѣхъ избранныхъ судьбы, которыхъ всегда чистая совѣсть сохраняетъ въ ихъ душѣ вѣчную молодость.

Послѣ Ластейри, одинъ изъ вице-президентовъ банкета, Рекюръ, предложилъ тостъ за революцію 1830 года. Въ рѣчи, исполненной смѣлости и умѣренности, онъ вспомнилъ великія надежды того времени и горькіе обманы, испытанные довѣрчивостью народа. На эту рѣчь отвѣчалъ Одилонъ Барро. Слова его, торжественныя, краснорѣчивыя и проникнутыя негодованіемъ, выражали то мнѣніе, что іюльская революція была въ самомъ началѣ извращена правительствомъ, измѣнившимъ своему принципу.

Паньеру поручено было произнести тостъ за парламентскую и избирательную реформу. Онъ снова объяснилъ условія, на которыхъ составила коалиція лѣвой стороны и радикаловъ. „Къ чему, сказалъ онъ, должны мы отыскивать причины нашего разъединенія, а не союза, искать то, что насъ раздѣляетъ, а не то, что насъ сближаетъ? Всякій изъ насъ можетъ нести знамя реформы, не отказываясь отъ своихъ принциповъ, потому что реформа есть въ одно и то же время средство и цѣль, начало и конецъ нашихъ надеждъ. Взывая къ реформѣ, никто изъ насъ не требуетъ отъ другаго никакой жертвы образомъ мыслей, не запрещаетъ никакой осторожности. Мы поднимаемъ только общее знамя, подъ тѣнью котораго могутъ укрыться всѣ другія знамена. Развѣ потому именно, что мы хотимъ радикальной реформы, мы должны, послѣ семнадцатилѣтнихъ бесполезныхъ усилій, сказать: мы хотимъ всего или ничего? Развѣ наши обязанности не до-

статочно выражены этимъ правиломъ: говорить то, что справедливо и требовать того, что возможно?“

На эту рѣчь долженъ былъ отвѣчать Дювержье де Гораннъ. Его положеніе было очень щекотливое: будучи въ продолженіи десяти лѣтъ связаннымъ съ Гизо политической и личною дружбою, горячій противникъ оппозиціи, онъ самъ служилъ правительственной системѣ первыхъ лѣтъ царствованія. Теперь онъ стремился къ уничтоженію того самаго закона 1831 года, который прежде признавалъ, защищалъ и въ пользу котораго вотиrowалъ. Теперь онъ съ тою же энергіею вступался за дѣло реформы, съ какою прежде возставалъ противъ нее. Въ своей рѣчи онъ откровенно высказалъ это противорѣчіе, которымъ министерская пресса постоянно упрекала его. Присмотрѣвшись къ гибельнымъ послѣдствіямъ закона 1831 года, онъ сталъ яснѣе смотрѣть на дѣло и приглашалъ всю Францію послѣдовать въ этомъ случаѣ его примѣру. Его ѣдкая, умная сатира на политику Луи Филиппа, которой этотъ государь слѣдовалъ съ 1840 года, вызвала всеобщія рукоплесканія, которыя еще болѣе увеличились при этихъ заключительныхъ словахъ: „Солдатъ, вступающій послѣднимъ въ ряды,—я тѣмъ не менѣе буду принадлежать къ числу самыхъ рѣшительныхъ; я хочу реформъ потому, что не желаю видѣть въ какой бы то ни было формѣ и подъ какимъ бы то ни было названіемъ личнаго правительства. Эта причина, сколько мнѣ кажется, стоитъ всякой другой.“

Затѣмъ были произнесены тосты: Сенаромъ, отъ имени избирателей департамента Нижней-Сены, „въ честь города Парижа“; Гризье, негоціантомъ и членомъ центрального комитета, „за улучшеніе судьбы рабочихъ классовъ“; Ригле, бывшимъ судьей въ коммерческомъ судѣ и членомъ центрального комитета, „за прессу“; Гамеленомъ, негоціантомъ и членомъ центрального комитета, „за оппозиціонныхъ депутатовъ“. На всѣ эти тосты отвѣчали Мари, Г. де Бомонъ, Шамболь и Фредерикъ Де-

жоржъ. Гарнье-Пажесъ, вписавшій свое имя въ списокъ ораторовъ, долженъ былъ молчать, потому что его политическіе друзья на предварительномъ собраніи не приняли предложеннаго имъ тоста. Банкетъ былъ законченъ рѣчью Малевилля, исполненной увлеченья, здраваго смысла и ума, въ заключеніе которой онъ предложилъ тостъ въ честь центральнаго комитета.

Въ десять съ половиною часовъ вечера собраніе разошлось.

Удивительный порядокъ поддерживался во все время этой великой манифестаціи. Никакого волненія, никакого приключенія, ни одного неприличнаго звука не было произнесено ни въ самомъ собраніи, ни вокругъ него, не смотря на то, что толпа, собравшаяся у *Château-Rouge*, состояла исключительно изъ рабочихъ. Нѣкоторые изъ нихъ взобрались на стѣну, но достаточно было братской просьбы распорядителей банкета, чтобы они слѣзли оттуда. Громадныя и спокойныя массы народа выражали свою симпатію повтореніемъ куплетовъ *Marseillaise*, которые, какъ эхо революціи, раздавались послѣ каждой рѣчи.

XIV.

Таковъ былъ банкетъ въ *Château-Rouge*. Этотъ банкетъ, блистательнымъ образомъ выразившій свою связь съ революціей, будучи въ то же время протестаціей честной совѣсти въ пользу оскорбленнаго нравственнаго чувства, нанесъ настоящему порядку ударъ, направленный прямо противъ правительства. Достойно замѣчанія то, что эти раны были нанесены правительственной системѣ не руками республиканцевъ. Республиканцы главнымъ образомъ обращались съ своимъ воззваніемъ къ принципамъ. Борьба династическихъ партій, приносящая болѣе всего вреда, одна только служила предметомъ ихъ горькихъ нападокъ противъ вредной и личной политики, кото-

рая приближала къ гибели королевскую власть. Вотъ что говорилъ Одилонъ Барро:

„Не станемъ обвинять славную іюльскую революцію въ недостаткахъ настоящей политики. Мы достигли до этого позорнаго, опечаливающего насъ, состоянія не потому, чтобы мы управляли на основаніи принциповъ этой революціи, но потому, что мы дѣйствовали на перекорь этимъ принципамъ, потому что мы измѣнили имъ, отдалившись отъ условій, возложенныхъ ими на насъ.... Есть ли еще люди, сомнѣвающіеся въ этомъ? Развѣ мало было до сихъ поръ оскорбительныхъ поступковъ? Развѣ нравственная безурядица, грозящая нашему обществу окончательнымъ распаденіемъ, не выражается уже достаточно важными безпорядками?... Есть только два способа управлять народомъ: или посредствомъ великодушія, или посредствомъ эгоизма. Правительство сдѣлало выборъ: оно обратилось къ болѣе низкимъ побужденіямъ человѣческаго сердца. Но можно исправить вредъ, нанесенный свободѣ!... Общественное мнѣніе можетъ одной своей свободой уничтожить всѣ ретроградныя и противосвободныя мѣры, которыми обременена теперь Франція.... Но удары, нанесенные общественнымъ нравомъ, но всеобщая деморализація, но беспечность властей, но недовѣрчивость между различными классами гражданъ, — вотъ что составляетъ глубокое зло, которое я считаю неисправимымъ.... Да, будемъ дѣйствовать во имя іюльской революціи. Пусть насъ всѣхъ соединитъ ея славное знамя, пусть оно заставитъ умолкнуть всѣ ничтожныя личные споры, на которые мы теряемъ силы въ виду общаго непріятеля, и пусть Франція, осѣненная этимъ славнымъ знаменемъ, исправить теперь то, чего она не успѣла исправить въ 1830 году!“

Дювержье де Гораннъ, въ свою очередь, сказалъ слѣдующее: „Я съ своей стороны не обратилъ достаточнаго вниманія на неисчислимыя и громадныя средства, которыми пользуется лукавое

и предательское правительство вслѣдствіе централизаціи власти. Я видѣлъ, какимъ образомъ политическій духъ исчезалъ въ большей части избирательныхъ коллегій, чтобы уступить мѣсто расчету и торгу. Я видѣлъ массу избирателей, которые смотрѣли на право подачи голосовъ, какъ на право собственности, и разсматривали не мнѣнія своихъ депутатовъ о дѣлахъ политическихъ, но значеніе личныхъ услугъ, которыя они способны имъ принести. Я видѣлъ, какимъ образомъ между министромъ и депутатомъ съ одной стороны, и депутатомъ и избирателемъ съ другой, составлялся родъ общества соучастниковъ, издержки котораго падаютъ на бюджетъ. Тогда я задалъ себѣ вопросъ: развѣ для такихъ результатовъ Франція произвела революцію 1830 года? — Реставрація любила для достиженія своихъ цѣлей выбирать широкій путь и дѣлать много шуму; настоящее же правительство, болѣе скромное, ищетъ извилистаго пути и движется въ тишинѣ. То, чего реставрація хотѣла достигнуть угрозами и силою, настоящее правительство хочетъ достигнуть хитростью и подкупомъ. Оно не уничтожаетъ прежнихъ учрежденій, а только извращаетъ ихъ; на совѣсть оно не дѣйствуетъ насиліемъ, за то подкупаетъ ее. Думаете ли вы, что это лучше? Смотрите ли вы, какъ на чистую случайность, на всѣ эти безпорядки, на всѣ скандалы, которые съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе опечаливаютъ и пугаютъ сердца всѣхъ честныхъ людей? Нѣтъ, милостивые государи, все это не есть дѣло простой случайности, — все это есть необходимое и неизбѣжное слѣдствіе извращенной политики, которая нами управляетъ, этой политики, слишкомъ слабой для поработенія Франціи, но усиливающейся погубить насъ. Настоящій порядокъ есть послѣдствіе постоянного воззванія къ частнымъ интересамъ противъ интересовъ общихъ и возбужденія алчныхъ и низкихъ страстей противъ благородныхъ и великодушныхъ стремленій.“

Менѣ рѣзкимъ тономъ, но, можетъ быть, съ болѣе глубокою горечью, произнесъ свою рѣчь Г. де Бомонъ:

„Только что говорили о безстыдныхъ подкупахъ, о неприличныхъ скандалахъ, о мерзкой безнравственности, которыхъ ежедневное повтореніе возбуждаетъ печаль и отвращеніе въ душѣ всякаго честнаго человѣка. Гдѣ же слѣдуетъ искать причины всего этого? Не въ хижинѣ ли бѣдняка, не въ скромномъ ли углѣ работника? — Нѣтъ, милостивые государи, чтобы отыскать источники этихъ безчестныхъ поступковъ, надобно подняться въ самыя высокія сферы общества.“

Наконецъ Малевиль, съ тѣми смѣлыми и горячими выраженіями, которыми всегда исполнены его рѣчи, сказалъ:

„....Вы считаете зло очень великимъ! А что бы вы еще сказали, если бы видѣли его такъ же близко какъ мы? Если бы вы въ нѣкоторыхъ избирательныхъ коллегіяхъ пересчитали по одиночкѣ этихъ выроdkовъ между избирателями, которые превратились въ монаховъ — собирателей подаенъ, выпрашивающихъ милостыню не для своей общины, а для самихъ себя!...“

Всѣ эти ораторы служили монархіи и защищали ее. Ни одинъ не думалъ о ея ниспроверженіи; всѣ, напротивъ того, хотѣли избавить ее отъ бѣдствій и спасти возвышеніемъ ея нравственнаго достоинства; но истина давила ихъ совѣсть: она дѣйствовала на сердца оскорбленныя, но еще сохранившія надежду.

XV.

Дѣйствіе банкета было громадно. Это живое движеніе, значеніе котораго такъ мало было извѣстно; это соединеніе столь разнородныхъ элементовъ, это сближеніе, послѣдовавшее за взаимнымъ охлажденіемъ, а можетъ быть и враждеб-

нымъ расположеніемъ; важное значеніе банкетовъ, постоянно характеризовавшее эту форму манифестацій, могущихъ служить предлогомъ къ безпорядкамъ; это министерство, не признающее въ началѣ права собранія, потомъ колеблющееся и наконецъ уступающее предъ закономъ; это громадное и мирное стеченіе рабочаго народа, это сохраненіе порядка даже тогда, когда обычные блюстители его добровольно отказывались его поддерживать; эти рѣчи, эти укоризны въ безчестіи, этотъ энтузіазмъ, эти обѣщанія, это возбужденіе великихъ надеждъ,—слухъ обо всемъ этомъ разнесся далеко по всему городу, по всей Франціи, по всей Европѣ, по всему міру. Это обстоятельство вездѣ возбудило одинаковыя чувства. Вездѣ поняли, что правительство Луи Филиппа и его вредная политика непременно должны будутъ пасть въ такой борьбѣ. Европейскія правительства обратили на это обстоятельство свое вниманіе. Иностранные журналы, особенно англійскіе, видѣли въ чемъ дѣло и говорили съ чудесною проницательностью. „Times“ тогда же предсказалъ революцію. Чтобы испугать Францію и въ тоже время посмѣяться надъ банкетомъ, министерскіе журналы перепечатали это предсказаніе. Въ этомъ случаѣ ими управляла одна только злоба. Эти предсказанія не подѣйствовали ни на дворъ, ни на кабинетъ: тьма и свѣтъ одинаково ослѣпляли ихъ.

XVI.

Изъ Парижа движеніе вскорѣ распространилось по всей Франціи. Рѣчи, произнесенныя въ Château-Rouge, перепечатанныя всѣми реформистскими журналами и распространенныя въ большомъ количествѣ, посѣяли семя во всѣхъ частяхъ Франціи. Центральный комитетъ, возбужденный успѣхомъ, немедленно вступилъ въ сношенія съ избирательными комитетами оппозиціи всѣхъ департаментовъ, съ журналами всѣхъ зна-

чительныхъ городовъ, съ реформистскими депутатами, возвратившимися домой. Съ помощью множества циркуляровъ, безчисленнаго количества адрессовъ и энергической и постоянной пропаганды. Онъ успѣлъ сообщить всѣмъ свое усердіе и горячую преданность дѣлу реформы.

XVII.

Сѣверъ и Востокъ первые послѣдовали этому движенію. Банкетъ въ Кольмарѣ непосредственно слѣдовалъ за банкетомъ въ *Chateau-Rouge*. Предсѣдателемъ этого банкета былъ Россе, первый президентъ королевскаго суда.

Страсбургъ тоже послѣдовалъ этому примѣру. Болѣе семисотъ гостей собралось со всѣхъ концовъ Эльзаса, подъ предсѣдательствомъ Лихтенбергера, старшины адвокатскаго словія и члена муниципальнаго совѣта.

Послѣ банкета въ Суассонѣ, на которомъ присутствовали Одилонъ Барро, Лербеттъ и Кинеттъ, Энскій департаментъ устроилъ большой банкетъ въ Сентъ-Кентенѣ подъ предсѣдательствомъ Дюфура, всѣми уважаемаго искренняго патріота и человѣка съ сердцемъ. Въ числѣ восьмисотъ человѣкъ гостей въ этомъ банкетѣ участвовали: городской меръ и его товарищи, почти всѣ депутаты Энскаго департамента, многіе депутаты сосѣднихъ департаментовъ, парижскіе и провинціальныя журналисты, промышленники, меры многихъ городовъ и общинъ, генеральныя и муниципальныя совѣтники, командиръ и офицеры національной гвардіи и др. Центральныя комитетъ послалъ на Сентъ-Кентенскій банкетъ Паньера, который долженъ былъ произнести рѣчь отъ имени комитета. Одилонъ Барро тоже произнесъ тамъ одну изъ большихъ рѣчей этой эпохи своей жизни, самой плодотворной, дѣятельной и вполне знаменитой. Тысячи подписей были немедленно собраны на реформистскомъ адрессѣ, который быстро былъ распростра-

ненъ и подписанъ во всѣхъ классахъ жителей Сентъ-Кентена, этого благороднаго, либеральнаго и трудолюбиваго города, столь богатаго своею промышленностью и трудомъ.

XVIII.

Въ это же самое время и какъ бы для того, чтобы посредствомъ какихъ нибудь видимыхъ знаковъ оправдать обвиненія ажитаторовъ, новыя обстоятельства, страннаго и ужаснаго характера, поразили умы новымъ страхомъ. Въ Тулузѣ, въ августѣ мѣсяцѣ, на разсвѣтѣ, одинъ работникъ нашелъ у наружной стѣны одной монашеской общины трупъ, оскверненный нечистотами. Это былъ трупъ тринадцатилѣтней дѣвушки Сесилии Комбеттъ, которая наканунѣ была введена въ домъ однимъ изъ членовъ общины, Леотадомъ, и на другой день вышла оттуда мертвою. Убіенство было самымъ меньшимъ преступленіемъ, совершеннымъ надъ этой дѣвушкой. Тренетъ негодованія пробѣжалъ по всей Франціи.

Еще не прошло впечатлѣніе, произведенное этимъ убійствомъ, какъ другое, еще болѣе ужасное злодѣйство поразило Парижъ и всю Францію. Герцогъ Праслень, перъ Франціи, наслѣдникъ одной изъ самыхъ древнихъ фамилій, зять маршала Себастьяни, человекъ, носившій вдвойнѣ историческое имя, убилъ свою жену, мать девяти дѣтей. Представленный на судъ перовъ, онъ, не смотря на присмотръ, успѣлъ посредствомъ яда избавиться отъ публичнаго наказанья, которому подвергаются самые грубые преступники. Ужась, поразившій общество, достигъ своего предѣла и разразился угрожающими толками. Каково же должно быть общество, въ самыхъ высшихъ классахъ котораго являются преступленія подобнаго рода?

XIX.

Правительство нисколько не тревожилось своею непопулярностью и съ запальчивостью вымѣщало свою злость на народъ: полиція и солдаты стали силою разгонять народъ, мирно собравшійся въ улицѣ Saint-Honoré. Въ отвѣтъ на неудовольствія либеральной части общества и даже династической оппозиціи оно посылало свое презрѣніе и угрозы. На мѣсто маршала Бюжо оно назначило генераль-губернаторомъ Алжира герцога Омальскаго, едва достигшаго двадцатипятилѣтняго возраста. Это назначеніе, отдававшее въ руки молодого и способнаго, но недостаточно опытнаго человѣка, одинъ изъ самыхъ дорогихъ интересовъ Франціи, было слѣдствіемъ придворной лести и послѣднимъ дѣломъ политической дѣятельности маршала Сульта. Изнуренный годами, видя, можетъ быть, съ тѣмъ душевнымъ сознаніемъ, которое является съ приближеніемъ роковаго дня, скопленіе бѣдствій. Сультъ удалился отъ дѣлъ. Въ награду за свои заслуги, или вѣрнѣе услужливость, этотъ дряхлый сынъ республики и имперіи уносилъ съ собою въ отставку титулъ генераль-фельдмаршала, эту негодную мишуру прежнихъ монархій, это пустое тщеславіе, украшавшее его старость, но не уменьшавшее пріобрѣтенной имъ славы.

Наконецъ, какъ послѣднее выраженіе королевской политики и политики всего царствованія, — Гизо сдѣланъ былъ президентомъ Совѣта. Дюшатель былъ оскорбленъ этимъ, и если онъ не покинулъ своего товарища, то зависть все таки озлобила его. Возвышеніе Гизо прошло спокойно; такъ какъ этого назначенія давно ожидали, то оно никого не удивило. При этомъ только всѣмъ пришло на память имя Полиньяка и оно снова появилось въ полемическихъ статьяхъ.

XX.

Ажитация, возбужденная посредствомъ банкетовъ, оживленная всѣми этими обстоятельствами, все болѣе и болѣе распространялась. Компьень, Периго, Орлеанъ, Мо, Куломье, Шарите-сюръ-Луаръ, Лудеакъ, Конъ, Мелюнь, Данвиль, Шартръ, Сень-Марселенъ и другіе города одинъ за другимъ давали банкеты, на которыхъ присутствовали окружные избиратели, сами требовавшіе уничтоженія привиллегій, которую возлагалъ на нихъ несправедливый законъ, и съ сознаніемъ удовлетворенной совѣсти видѣвшіе, какъ подкупъ обнаруживался передъ обществомъ и карался въ его глазахъ.

До сихъ поръ ни гдѣ не обнаружилось несогласія. Духъ примиренія, родившій реформистское движеніе, сопровождалъ и его развитіе. Вдругъ представилось затрудненіе, показавшееся тревожнымъ, потому что это было еще только первое затрудненіе. Нѣкоторые изъ организаторовъ банкета въ Конъ, которые были требовательнѣе предводителей династической оппозиціи, хотѣли предложить тостъ за короля. Молодой судья и радикалъ Гамбонъ протестовалъ противъ этого тоста и удалился съ банкета. Его письмо, напечатанное въ журналахъ, было представлено министерствомъ въ кассационный судъ, который отрѣшилъ Гамбона на пять лѣтъ отъ его судебной должности. Пользуясь этимъ случаемъ, министерская пресса употребляла все свои усилія, чтобы разъединить коалицію реформистовъ, но напрасно; однако стеченіе обстоятельствъ, на этотъ разъ очень грозное, едва не погубило дѣла.

XXI.

Извѣстно, что Ледрю-Ролень, редакторы журнала «la Reforme» и ихъ друзья еще въ самомъ началѣ порицали коалицію

реформистовъ. Они могли бы довольствоваться непринятіемъ участія въ этомъ движеніи, но они этимъ не ограничились. Каждый день, съ постоянно возрастающей энергіей, они указывали на нерадѣніе парламентскихъ радикаловъ. Они только что не говорили объ измѣнѣ, и это слово чувствовалось въ глубинѣ ихъ мысли. Эти обвиненія не имѣли серьезнаго значенія. Реформистическіе радикалы, не обращая на нихъ вниманія, продолжали свою работу, и толчекъ, который они дали, былъ таковъ, что ни критики, ни осужденія, ни нападки исключительныхъ радикаловъ въ Парижѣ не имѣли въ департаментахъ никакого дѣйствія на ихъ личныхъ друзей, которые вездѣ старались присоединиться къ реформистскому движенію, вступали членами въ комитеты коалиціи и всѣми своими силами способствовали этой войнѣ, поднятой противъ общаго врага. Тогда исключительные радикалы въ Парижѣ стали вдумываться въ дѣло, стали спрашивать себя, не избрали ли они ложнаго пути, и не будетъ ли въ этомъ болѣе ума и патріотизма, если они уступятъ общественному мнѣнію, высказавшемуся такъ рѣшительно; не пострадаетъ ли ихъ вліяніе на радикальную партію отъ того, что они такъ долго удерживаются отъ этого общаго движенія. Они начали наконецъ чистосердечно бояться, чтобы ихъ отчужденіе отъ дѣла, систематическое и добровольное въ началѣ, не сдѣлалось вскорѣ принужденнымъ и безвозвратнымъ. Объявивши во всеуслышанье, что они отказываются участвовать въ банкетѣ въ Château-Rouge, потому что тамъ будутъ присутствовать Одилонъ Барро и его друзья, Ледрю-Роленъ и Флорконъ рѣшились принять приглашеніе на банкетъ въ Лилѣ, не смотря на то, что на немъ также участвовали Одилонъ Барро и его друзья. Какъ ни неожиданно было это рѣшеніе, но во всякомъ случаѣ оно было искренно. Они поняли наконецъ свою ошибку и хотѣли ее поправить. Они отправились на этотъ банкетъ, составъ котораго имъ былъ извѣстенъ, не для

того, чтобы чѣмъ нибудь помѣшать ему, чтобы какимъ нибудь непріятнымъ споромъ уменьшить важность реформистскаго движенія,—нѣтъ, они хотѣли только въ свою очередь высказать свои политическія убѣжденія. Но, вслѣдствіе какой то необъяснимой непослѣдовательности, они продолжали наносить оскорбленія тѣмъ, которымъ хотѣли подражать; статья, напечатанная въ „la Reforme“ накачунѣ самаго банкета, заставляла предполагать, что они вовсе не имѣли въ мысли того примирительнаго духа, подъ вліяніемъ котораго рѣшились присутствовать на банкетѣ.

Озабоченный этими соображеніями и въ минуту своего отпущенія на банкетъ, Одилонъ Барро, узнавъ о прибытіи Ледрю-Роллена и Флокона, потребовалъ вдругъ измѣненія въ тостахъ, условленныхъ заранѣе. Онъ требовалъ, чтобы къ тосту за парламентскую и избирательную реформу прибавить слова: „какъ средство обезпеченія святости и неприкосновенности учрежденій іюльскаго монархіи.“ Это выраженіе, заключавшее въ себѣ ясное присоединеніе къ принципамъ монархической власти, по самому смыслу своему было равносильно исключенію Ледрю-Роллена изъ банкета. Распорядители банкета не согласились принять этого тоста, имѣя на это право, потому что всѣ тосты были условлены и приняты заранѣе. Одилонъ Барро оставилъ банкетъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей, уступивъ свое мѣсто Ледрю-Роллену и Флокону. Люди, беспристрастно судившіе о дѣлѣ, обвиняли Ледрю-Роллена и Барро: перваго за то, что онъ напечаталъ въ „la Reforme“ статью, казавшуюся угрозой и преждевременнымъ объявленіемъ непріязненныхъ дѣйствій; втораго — въ томъ, что статья „la Reforme“ была во всякомъ случаѣ опрометчивой выходкой и что не было никакого смысла уступать дѣло исключительнымъ радикаламъ тогда, когда Барро со всѣмъ авторитетомъ своего великаго таланта и славнаго имени, могъ противоставить имъ побѣдоносное знамя примиренія.

Барро, считая себя послѣ этого обязаннымъ опредѣлить предѣлы своего поприща дѣйствій, отправился на банкетъ въ Авенъ, предѣдателемъ котораго былъ Маршанъ и гдѣ долженъ былъ быть провозглашенъ тостъ за здоровье короля. Таковъ былъ результатъ столкновенія въ Лилѣ. Исключительные радикалы торжествовали послѣ этого заявленія Одилономъ Барро его монархическихъ убѣжденій, которыя онъ до сихъ поръ скрывалъ; и какъ имъ было не радоваться, когда заявленіе это было ихъ собственнымъ дѣломъ.

XXII.

Но, не смотря на всѣ эти затрудненія, толчекъ былъ данъ и реформистское движеніе продолжало свое дѣло. Большая часть депутатовъ, присутствовавшихъ на банкетѣ въ Château-Rouge, были проникнуты желаніемъ дѣйствовать. Въ Кастрѣ,— д'Арагонъ, человѣкъ слишкомъ рано похищенный у Франціи, воодушевлялъ своихъ слушателей своимъ горячимъ словомъ, выходившимъ изъ сердца, полного огня. Президентъ банкета, Леонъ де Малевиль, передавалъ своимъ слушателямъ свое могущественное воодушевленіе. Въ Лионѣ, Ритіецъ съ замѣчательною энергіею возбуждалъ стремленіе къ примирительному радикализму. Валансъ, Бетюнъ, Валансіенъ, Монтаржисъ, Аррасъ, Амьень, Сень-Жерменъ en Laye, Шатоденъ, Кондомъ и Рошешуаръ поочередно вступали въ ряды этого движенія.

Впрочемъ послѣдствія этого движенія, значеніе котораго было еще впереди, начали уже ясно обнаруживаться. Организованныя силы начали уже проявляться. Многіе изъ генеральныхъ совѣтовъ, и во главѣ ихъ совѣтъ Сенскаго департамента, объявили себя въ сессіи 1847 года за реформу. Министерство потерпѣло послѣдовательныя пораженія на выборахъ во Флоракъ, Тулузъ и Діеппъ. Въ Рошфорѣ Дюма, адъю-

тантъ короля не былъ вновь выбранъ. Наконецъ въ Парижѣ муниципальные избиратели втораго округа одержали безпримѣрную побѣду: всѣ двѣнадцать кандидатовъ на должность мера принадлежали къ оппозиціи. Поставленный въ такое безвыходное положеніе, король принужденъ былъ утвердить въ должности мера Берже, челоуѣка, оппозиціи котораго онъ особенно опасался.

XXIII.

Между тѣмъ Ледрю-Ролленъ и его друзья, послѣ разныхъ соображеній, стали иначе смотрѣть на свое положеніе. Если отстранять себя отъ движенія было опасно, то и прямое вмѣшательство въ дѣло было весьма трудно; доказательствомъ послѣдняго служилъ бенкетъ въ Лилѣ. Первое удаляло ихъ отъ дѣла; второе представляло двойное затрудненіе: надобно было или участвовать въ движеніи, или же помѣшать ему. Вслѣдствіе этихъ соображеній они рѣшились образовать, независимо отъ большаго реформистскаго движенія, исключительно радикальные банкеты. Они вступали на открытую уже дорогу.

Дижонъ и Шалонъ на Саонѣ отвѣчали на этотъ болѣе революціонный, чѣмъ реформистскій вызовъ. Ледрю-Релленъ, Бонъ, Луи Бланъ, Этьенъ Араго и другіе обращались къ участвующимъ въ банкетахъ какъ народные трибуны, и съ большимъ талантомъ выражали всю откровенность и горячность своихъ убѣжденій. Воспоминанія первой республики занимали въ ихъ рѣчахъ то мѣсто, которое въ рѣчахъ болѣе умѣренныхъ радикаловъ занимали приготовленія къ новой республикѣ. Воскрешая событія и рѣчи прошлаго времени, они искали основаній успѣха въ примѣрахъ конвенци и Геспубликанской Горы. Ихъ горячія и краснорѣчивыя слова должны были оставить глубокіе слѣды въ сердцахъ ихъ послѣдователей. Но, движимые своимъ исключительнымъ чувствомъ, они

увлеклись до того, что, не смотря на видимые уже результаты дѣйствій парламентскихъ радикаловъ, стали обвинять ихъ, въ измѣнѣ своимъ принципамъ и въ союзѣ съ лѣвой стороной.

„Мы не понимаемъ значенія этихъ нападокъ, говорилъ „National.“ Мы не видимъ въ нихъ никакой пользы, ни цѣли, ни результатовъ.... Политика разъединенія повергнетъ Францію въ равнодушіе и апатію; союзъ же съ другими партіями, совершенный съ полнымъ сохраненіемъ принциповъ каждой, пробудитъ общественное мнѣніе, укрѣпитъ дѣло реформы и доставитъ радикаламъ множество послѣдователей.“

XXIV.

Впродолженіи пяти мѣсяцевъ дѣятельность реформистовъ не ослабѣвала ни на минуту. Наступилъ декабрь мѣсяцъ и палаты были созваны на 28 число. Оставался еще мѣсяцъ до начала засѣданій, и усердіе реформистовъ удвоилось. Послѣ сценъ, бывшихъ въ Дижонѣ и Шалонѣ, реформисты считали своимъ непремѣннымъ долгомъ дооиваться, защищать и еще разъ провозгласить ту твердую и умѣренную, рѣшительную и миролюбивую политику, иниціативу которой они приняли на себя и основанія которой положили еще въ 1845 году. Мѣсто дѣйствія было выбрано очень удачно: Монпелье, городъ ученый и одна изъ крѣпостей революціи. Радикалы имѣли здѣсь множество умныхъ и просвѣщенныхъ послѣдователей. Сосѣдніе города: Нимъ, Аддъ, Клермонъ, Безьеръ и другіе прислали туда своихъ депутатовъ. Послѣ различныхъ тостовъ, предложенныхъ Лессакомъ, Жилемъ, Аллеманомъ, Антерье, Телономъ, депутатомъ Гардскаго департамента, Бривомъ, Оскаромъ Жерве, Жюлемъ Ренувье и Шарамолемъ, президентомъ банкета, которые въ своихъ умныхъ и задушевныхъ рѣчахъ развили значеніе cadaго тоста предъ собраніемъ, состоявшимъ изъ бывшихъ депутатовъ, профессо-

ровъ медицинской школы, членовъ коммерческаго суда, офицеровъ національной гвардіи, промышленниковъ, земледѣльцевъ, купцовъ, ремесленниковъ и рабочихъ, — Гарнье-Пажесъ сказалъ рѣчь, въ которой выразилъ чувства, возбуждшія реформистское движеніе, бывшее признакомъ пробужденія общественнаго мнѣнія во Франціи.

Нѣсколько дней спустя происходилъ банкетъ въ Нейбургѣ, на другомъ концѣ Франціи. Не смотря на зимній холодъ, болѣе тысячи человекъ со всѣхъ концовъ Эрскаго департамента собралось на этомъ банкетѣ. Президентомъ его былъ почтенный Дюпонъ, прежній министръ Луи Филиппа; уволенный отъ должности въ первые годы царствованія, за то, что хотѣлъ сохранить свое достоинство, теперь, въ послѣдніе дни правленія Луи Филиппа, онъ нечальнымъ, но вѣрнымъ взглядомъ старика и честнаго человека смотрѣлъ на ошибки этого правленія, сбившагося съ прямого пути. „Увы, милостивые государи, я не узнаю въ этомъ правительствѣ Іюльской монархіи; нѣтъ — это обманъ, это только пустой приврастъ, который, благодаря Бога, никого болѣе не пугаетъ, потому что свѣтъ созданъ для всѣхъ и Франція не вѣритъ болѣе въ свои прежнія мечты.“ Послѣ него Пикаръ, Лежандръ, Дави, Сарранъ, Виткокъ и другіе говорили съ чувствомъ и талантомъ. Гарнье-Пажесъ обвинялъ семнадцатилѣтнюю систему правительства, посредствомъ которой оно стремилось раздѣлить народъ на два класса — буржуазію и работниковъ; въ своей рѣчи онъ съ горячимъ воззваніемъ обращался къ союзу всѣхъ партій и всѣхъ гражданъ, чтобы дѣйствовать сообща на поприщѣ чести и нравственности. Наконецъ Паньеръ, депутатъ центральнаго комитета, который своею разумною дѣятельностью такъ могущественно способствовалъ успѣху реформистскаго движенія, отвѣчалъ своимъ клеветникамъ слѣдующими умными и твердыми словами: „будемъ искать то, что насъ соединяетъ, а не то, что насъ раздѣляетъ. Согласіе

партіи совершилось открыто и законно, безъ всякихъ тайныхъ соображеній и расчетовъ, безъ отступленія отъ своихъ убѣжденій, безъ пожертвованія принципами какъ съ той, такъ и съ другой стороны. (Такъ, такъ! Правда! Bravo! bravo!)

„Каждый могъ оставаться завтра тѣмъ, чѣмъ былъ вчера; всякій зналъ, что ему предстоитъ дѣлать, къ чему надобно стремиться. Никто никому не ставилъ западни, никто не могъ быть обманутымъ. Если самые скромные изъ насъ вправѣ ограничиться первой побѣдой, за то самые смѣлые не отказываются добиваться болѣе рѣшительнаго успѣха для своихъ убѣжденій. (Bravo!)

„Основаніе нашего союза лежитъ въ принципѣ народнаго самодержавія, который всѣмъ намъ служить символомъ, догматомъ и вѣрою. Это принципъ, изъ котораго все должно исходить и къ которому все должно стремиться, потому что онъ есть единственный источникъ неприкосновенности правъ всѣхъ гражданъ и законности властей.“ (Воодушевленные рукоплесканья).

XXV.

На всѣхъ банкетахъ, въ которыхъ участвовалъ Од. Барро и его друзья, ажитация, какъ бы она ни была сильна, не переходила однакожъ границъ конституціонныхъ стремленій. Собранія въ Дижонѣ и Шалонѣ были революціонной демонстраціей стремленій той партіи, которою предводительствовалъ Ледрю-Роллепъ. Монпелье, гдѣ Гарнье-Пажесъ отвергнулъ тостъ въ честь короля, и Нейбургъ, гдѣ не было ни одного депутата ни лѣваго центра, ни лѣвой стороны, указали для будущаго времени программу радикаловъ реформистовъ, съ одинаковою рѣшительностью отвергавшихъ какъ монархію, такъ и анархію. Если несогласія, все болѣе и болѣе открытыя, давали пищу искусственному или естественному страху и

въ то же время презрѣнію и насмѣшкамъ министерской прессы, за то они нисколько не уменьшали движенія въ пользу банкетовъ. Въ Греноблѣ, Аррасѣ, Сентѣ (Seintes), гдѣ за отказомъ Дюфора, президентство было поручено Кремье, въ Сентъ-Дени, гдѣ собраніе было больше и восторженнѣе чѣмъ въ Château-Rouge, — вездѣ банкеты были встрѣчаемы выраженіемъ самаго горячаго сочувствія.

Банкетомъ въ Руанѣ завершилась эта блистательная манифестация. На этомъ банкетѣ, подъ предсѣдательствомъ Сенара, собрались тысяча восемьсотъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ было двадцать депутатовъ. Дювержье де Гораннъ и Одилонъ Барро, которые въ продолженіе шести мѣсяцевъ подвергались самымъ сильнымъ нападкамъ со стороны министерскихъ журналовъ, громко радовались своему дѣлу. Одилонъ Барро, все еще не уставшій послѣ двадцати банкетовъ и столькихъ же рѣчей, разразился на этомъ банкетѣ полнымъ выраженіемъ своего презрѣнія къ новому президенту совѣта.

Лѣвая радикальная сторона вовсе не участвовала въ этомъ банкетѣ, потому что большинство коммисіи распорядителей банкета согласилось на тостъ въ честь Іюльскихъ учреждений. По этому поводу завязалась переписка между Гарнье-Пажесомъ и Сенаромъ. Гарнье-Пажесъ просилъ отъ имени своихъ друзей, чтобы этотъ тостъ былъ замѣненъ тостомъ: „за народное самодержавіе!“ Сенаръ отвѣчалъ, что затрудненія, поднятыя этимъ вопросомъ, сдѣлались такъ гласны, что оставленіе этого тоста, о которомъ условились уже заранѣе, будетъ имѣть смыслъ, враждебный самому учрежденію королевской власти. Это объясненіе удовлетворило радикаловъ. Редакторы „National“ рѣшились также молчать. Нитѣ, ни другіе не давали огласки этому дѣлу. Для удовлетворенія ихъ достаточно было этого возраженія; споръ могъ бы помѣшать дѣлу.

XXVI.

Наконецъ, какъ послѣднее эхо этой продолжительной протестаціи, какъ послѣднее освященіе союза партій, какъ высшее проявленіе реформистскаго стремленія, рѣшено было устроить въ Парижѣ до начала сессіи послѣдній банкетъ. Въ то время, когда предполагали устроить этотъ банкетъ во второмъ округѣ, нѣсколько гражданъ начали уже устраивать его въ двѣнадцатомъ округѣ. Дёрль (Dherle), батальонный командиръ національной гвардіи, капитаны Ренвиль и Деталь, членъ муниципальнаго совѣта Делестръ, Жоберъ, Боке и другіе, составившіе комитетъ подъ предсѣдательствомъ Буасселя, хлопотали у центрального и у парламентскихъ комитетовъ о разрѣшеніи банкета въ ихъ округѣ. Ихъ предложеніе было принято. Встрѣтившіяся однакожъ препятствія при устройствѣ банкета и приближеніе сессіи заставили бы вѣроятно оставить этотъ проектъ. Но новое насиліе власти сдѣлало для оппозиціи долгомъ чести защищать до послѣдней крайности право собранія. За этимъ несостоявшимся банкетомъ двѣнадцатаго округа останется въ исторіи самая громкая слава, потому что результатомъ его была революція 24 февраля 1848 года и республика.

XXVII.

Банкеты кончились, и теперь можно было узнать результаты этого движенія. Если справедливы слова одного великаго политическаго историка, который говоритъ, что цѣль всякой войны заключается въ томъ, чтобы начинающій войну усилился на счетъ своего противника, то въ этомъ смыслѣ оппозиція достигла своей цѣли. Ея вліяніе значительно увеличилось, вліяніе же правительства значительно ослабло. До банкетовъ

все преклонялось предъ правительствомъ: армія, судъ, административныя власти, — все помогало правительству, которому многочисленное парламентское большинство, преданное до крайности, на долго обезпечивало власть. И если справедливо то, что народъ не былъ вполнѣ равнодушенъ, то по крайней мѣрѣ онъ молчалъ. Гордые своею силою, министры забывали всякую осторожность и выражали свое безмѣрное презрѣніе къ людямъ, забывая въ то же время, какъ жестока бываетъ месть обиженного самолюбія.

Наступаетъ время банкетовъ: силы, до сихъ поръ разсѣянныя, а иногда даже взаимно-вредныя, соединяются. Всеобщее оскорбленіе выражается всеобщимъ неудовольствіемъ. Борьба начинается. Люди, до сихъ поръ мало или вовсе неизвѣстные, выказываютъ необыкновенную способность къ организаціи общественнаго мнѣнія; едва выступающіе на политическое поприще, они въ самомъ началѣ оказываются искусными въ этомъ дѣлѣ. Таланты, уничтожаемые политическимъ соперничествомъ, проявляются въ соревнованіи къ общему благу. Самые извѣстные изъ нихъ обнаруживаютъ способности, которыхъ никто за ними не замѣчалъ. Между ними Одилонъ Барро удивляетъ даже своихъ поклонниковъ. Его обвиняли въ бездѣйствіи, — онъ дѣлается неутомимымъ. Его рѣчи считали однообразными, — на двадцати банкетахъ и въ двадцати своихъ рѣчахъ онъ разнообразитъ, всегда съ новымъ жаромъ, характеръ и силу своего краснорѣчія. Холодный до сихъ поръ, согрѣваетъ онъ все священнымъ огнемъ своего слова и сердца.

Тогда страну овладѣваетъ трепетъ; общественное мнѣніе пробуждается общими усиліями всѣхъ людей, преданныхъ дѣлу: депутатами всѣхъ партій, центральными и мѣстными комитетами, журналистами, гражданами всѣхъ сословій; жизнь снова устремляется по всѣмъ артеріямъ страны и выбрасываетъ ядъ, убивавшій жизненныя силы народа.

Всѣ препятствія, встрѣтившіяся на этомъ пути, уничтожены. Правительство, желавшее остановить первое усиліе, принуждено было уступить. Сначала это движеніе возбуждаетъ его насмѣшки, потомъ оно снова начинаетъ опасаться и хочетъ остановить его, но оно уже не въ силахъ этого сдѣлать. Министерская пресса, столь же неосторожная, какъ и само министерство, раздражается ироніей и оскорбленіями. Въмѣсто того, чтобы умирить волненіе, она еще болѣе раздражаетъ его; всякое ея презрительное слово наноситъ новыя раны. Предусмотрительность короля входитъ въ поговорку: онъ не видитъ ничего. Судьба какъ будто нарочно посылаетъ въ такое время людей, способныхъ ускорить паденіе: ни Гизо, ни Дюшатель не понимаютъ опасности. Ихъ предупреждаютъ: но они не вѣрятъ ни лжи, ни правдѣ.

Этимъ дѣло не кончается. Нѣкоторые изъ предводителей радикализма, какъ будто повинаясь какимъ то исключительнымъ чувствамъ, пытаются остановить это движеніе, котораго инициатива принадлежала не имъ. Члены ихъ партіи, самые ихъ друзья принуждаютъ ихъ присоединиться къ движению. Однако они снова удаляются, сопротивляются и даже нападаютъ, — но напрасны всѣ усилія, всѣ препятствія: общественное мнѣніе такъ могущественно, движеніе на столько уже окрѣпло и воля виновниковъ этого движенія такъ сильна и непоколебима, что оно все уноситъ въ своемъ стремленіи и вездѣ является торжествующимъ.

Причина этой силы и успѣха заключалась въ томъ, что французскій народъ началъ борьбу на жизнь и смерть. Еще нѣсколько лѣтъ такого управленія — и Франція окончательно пала бы. Она имѣла право и должна была спасти себя; принужденная сдѣлать чрезвычайное усиліе, она сдѣлала его. Впослѣдствіи (мы слишкомъ хорошо испытали это) клевета сдѣлала помрачить этотъ благородный порывъ. Но что за бѣда! Если клевета и наноситъ жестокія раны, то эти раны еще

не смертельны и правда всегда легко заживляет ихъ. Нѣтъ! Реформистское движеніе не было никогда заговоромъ честолюбцевъ, жаждавшихъ захватить власть въ свои руки. Всѣ эти депутаты, судьи, собственники земледѣльцы, торговцы, доктора, адвокаты, нотаріусы, всѣ эти граждане разныхъ классовъ и состояній никогда не были какой нибудь толпой отпущенниковъ, проигравшихся, развращенныхъ и порочныхъ, замышляющихъ завладѣть имперіей; нѣтъ! эти люди не походили на Прокула и Ветурия, свергшихъ съ трона стараго Гальбу ради какого нибудь новаго, менѣе скупаго развратника. Принципъ и цѣль этого соединеннаго усилія либерализма и демократическихъ стремленій заключались въ отмщеніи оскорбленной общественной нравственности. Франція чувствовала, какъ она съ каждымъ годомъ становилась слабѣе и ничтожнѣе, она чувствовала какъ съ каждымъ днемъ подрывались основанія ея общественной жизни и она поднялась съ полнымъ пробужденіемъ общественнаго сознанія.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Въ тронной рѣчи король прямо нападаетъ на оппозиціонныхъ депутатовъ, мнѣнія которыхъ онъ называетъ враждебными или слѣпыми страстями; оппозиція сноситъ эту обиду и рѣшается не уступать правительству. — Попытка примиренія, отвергнутая Гизо; предвидѣніе герцога Омальскаго; его письмо къ герцогу Немурскому; попытки Монталиве, маршала Жерара и маршала Себастьяни; замѣчаніе принцессы Аделаиды; король не слушаетъ никого. — Смерть принцессы Аделаиды. — Вступленіе австрійцевъ въ герцогства Парму и Модену. — Паденіе Зондербунда, не смотря на поддержку со стороны Франціи и Австріи. — Взятіе въ плѣнъ Абдаль-Кадера. — Дѣло Пети, продажа мѣсть докладчиковъ въ контрольной палатѣ. — Пренія объ адресѣ въ палатѣ перовъ; рѣшанъ рѣчь Монталамбера. — Палата перовъ; запросъ, сдѣланный Барро по дѣлу Пети; отвѣтъ Гизо; слова Лербета; одно изъ опредѣленій принято и заключаетъ въ себѣ выраженіе довѣрія; но нѣсколько консерваторовъ не согласились простить министру его проступокъ. — Пренія по поводу адреса. — Опредѣленіе финансоваго положенія Леономъ Фоше, Фульдомъ и Ластейри; защищеніе Дюмона, министра финансовъ; полный отчетъ, сдѣланный Тьеромъ; онъ предвидитъ близкую катастрофу; увѣренія Дюмателя. — Неутвержденный государственный долгъ въ 880 мил. (замѣтка, найденная въ бюро у Дюмона). — Внутренняя политика; измѣненія въ законахъ о нравственности, предложенныя Бильо; его требованья; жесткія слова Леона де Малевилля и Эмиля де Жерардена; мнѣніе Дюфора; предложеніе Бильо отвергнуто. — Иностранная политика: Франція, по словамъ Ламартина, повсюду потеряла свой истинный характеръ; Гизо, угрожающій коалиціей; бомбардированье Палермо; нападеніе Тьера на политику правительства; Гизо отвѣчаетъ ему, что вся разниа между ними заключается въ различіи ихъ положеній; Барро объявляетъ, что трактаты 1815 года существуютъ только на бумагѣ; Тьеръ, по поводу швейцарскаго вопроса, увѣряетъ, что не будучи даже радикаломъ, онъ будетъ всегда на сторонѣ революціи, какъ во Франціи, такъ и въ Европѣ; Гизо возбуждаетъ ропотъ своимъ объявленіемъ, что правительство хочетъ вмѣшаться въ дѣла гельветическаго союза, въ которомъ господствовали радикализмъ. — Вопросъ о банкетахъ. — Новыя усилія

нѣкоторыхъ изъ друзей министра, предлагающихъ ему сдѣлать измѣненія въ примирительномъ духѣ; нерѣшительность Дюшателя; рѣшительный отказъ Гизо; оппозиционные депутаты, собравшіеся у О. Барро, рѣшаютъ, что вопросъ о банкетѣ двѣнадцатаго округа будетъ поднятъ послѣ преній объ адресѣ, такъ какъ пѣснь признана необходимостью поддержать это дѣло. — Рѣчи Дювержье де Гораппа, Мари и Малевилля; задѣтый словами этого послѣдняго, Дюшатель не колеблется болѣе и рѣшается на стѣснительныя мѣры; Барро отстраняетъ отвѣтственность своей партіи за послѣдствія его дерзкихъ словъ; Буассель доказываетъ непоследовательность между разрѣшеніемъ прежнихъ банкетовъ и запрещеніемъ банкета двѣнадцатаго округа; Геберъ доказываетъ, что все, на что нѣтъ положительнаго дозволенія, запрещено; Ледрю-Ролленъ нападаетъ на это толкованье и уничтожаетъ его; Геберъ настаиваетъ на своемъ и доходитъ до угрозы; ропотъ въ палатѣ; слова Одилона Барро; смятеніе увеличивается; президентъ скрывается; общій споръ оканчивается шумомъ; ропотъ въ городѣ, произведенный этимъ бурнымъ засѣданьемъ; записка Дюшателя къ Гизо. — На другой день шумъ увеличивается; измѣненіе, предложенное Дарбле; горячій разговоръ между Барро, Тьеромъ и Гизо; предложеніе объ измѣненіи отвергнуто; измѣненіе, предложенное Демуссо де Живре, которымъ исключаютъ изъ адреса оскорбительныя слова королевской рѣчи; Ламартинъ поддерживаетъ его; глубокое впечатлѣніе, произведенное его рѣчью; измѣненіе не принято 228 голосами противъ 185; такъ какъ президентъ палаты подалъ свой голосъ, то оппозиція объявляетъ ему, что ни одинъ изъ членовъ ея не будетъ больше посѣщать его; параграфъ, заключающій въ себѣ оскорбительныя слова противъ оппозиціи, припять 223 голосами противъ 18; оппозиція не подавала голоса; измѣненіе предложенное Саландрузомъ; Морни предлагаетъ, чтобы министерство дало обѣщаніе произвести выгодныя реформы; Гизо на отрѣзъ отказывается; безпорядки; безіюкѣйство консерваторовъ; ихъ настоятельныя требованья у президента совѣта; Гизо непоколебимъ; опасность, угрожающая министерству отъ вотированья; тактика Тьера и Ремюза, считающихъ себя кандидатами въ министры, спасаетъ министерство; измѣненіе отвергнуто; вотированье цѣлаго адреса; 244 голоса за него. —

Критическое положеніе оппозиціи, министерства и короля.

I.

Сессія 1848 года.

Угрозы и оскорбленія нисколько не ослабляютъ врага: первыя дѣлаютъ его осторожнымъ, вторыя возбуждаютъ его. Воздержаніе есть одно изъ великихъ правилъ благоразумія и политики. Но тѣ, которые поддаются вліянію самолюбія или ненависти, — пренебрегаютъ самыми полезными совѣтами, кото-

рые даетъ имъ исторія, и не научаются даже собственнымъ опытомъ. Что было рѣшительнымъ поводомъ къ банкетамъ, какъ не вызовъ Дюшателя? Что болѣе всего послужило къ этому возбужденію, какъ не выраженія презрѣнія, безпрестанно повторяемыя министерской прессой? Эти первыя ошибки должны были по крайней мѣрѣ сдѣлать кабинетъ сколько нибудь осторожнымъ. Но вмѣсто этого, онъ сталъ еще болѣе язвительнымъ и неосторожнымъ. Озлобленный всеобщимъ порицаніемъ, направленнымъ противъ него и противъ его дѣйствій, преслѣдуемый неотразимою необходимостью мести, кабинетъ не удовольствовался тѣмъ, чтобы обратиться за помощью къ своему большинству. Забывая всѣ правила благоразумія; онъ вмѣшалъ въ дѣло самого короля. Въ тронной рѣчи заключались слѣдующія слова:

„Среди волненій, возбуждаемыхъ враждебными и слѣпыми страстями, одно только убѣжденіе оживляетъ и поддерживаетъ меня: это то, что въ конституціонныхъ учрежденіяхъ и въ союзѣ главныхъ властей государства мы имѣемъ вѣрныя средства одолѣть всѣ препятствія и удовлетворить всѣмъ матеріальнымъ потребностямъ нашего дорогаго отечества.“

II.

Такимъ образомъ кабинетъ вызвалъ на арену самого короля, сдѣлалъ его человѣкомъ партіи и влагалъ даже въ его уста оскорбительныя для оппозиціи слова, направленныя прямо противъ нее!... Эта рѣчь была явнымъ отреченіемъ отъ королевской безотвѣтственности; это былъ первый шагъ на пути отреченій. Видно было, что Гизо это чувствовалъ. Въ предварительныхъ преніяхъ по поводу этой рѣчи онъ старался ослабить выраженія короля, направленныя слишкомъ прямо и сваливалъ на кабинетъ отвѣтственность за нихъ, не смотря на то, что король, какъ бы для того, чтобы придать этимъ

оскорбленіямъ отпечатокъ своего личнаго характера, старался въ то же время замять эти жесткія слова разсужденіями о своей старости и своемъ семействѣ. Но даже самые услужливые люди были оскорблены этою несвоевременною предосторожностью, въ которой они видѣли преступную слабость. Если банкеты оскорбили лично короля, то онъ и имѣетъ право лично обратить свое неудовольствіе на своихъ противниковъ; онъ имѣлъ основаніе нанести ударъ своимъ врагамъ, — ослаблять этотъ ударъ почти равносильно измѣнѣ. Гизо смирился предъ гнѣвной грозой придворныхъ. Такимъ образомъ онъ согласился выступить на битву, въ которой монархія должна была служить ставкой для сражающихся. Игралъ, онъ легко могъ потерять ее: менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца онъ дѣйствительно ее потерялъ.

III.

Оппозиція отозвалась на это оскорбленіе. Обиженная въ справедливости своего дѣла, оскорбленная въ правѣ народа даже среди самаго парламента, она рѣшилась не дѣлать ни малѣйшей уступки. Если самъ король объявляетъ безпощадную войну, то честь приказываетъ поддержать эту войну до послѣдней крайности.

Министерская партія была не менѣе воодушевлена: нападки, испытанные ею въ продолженіи шести мѣсяцевъ, невозможность отвѣчать на нихъ, а болѣе всего сознаніе своей непопулярности и безсилія передъ общественнымъ мнѣніемъ, все это раздражало ее до крайности. Ея нетерпѣніе, долго сдерживаемое, теперь выразилось. Возгордившись тѣмъ, что самъ король присоединился къ ней, она надѣялась нанести новое безчестіе враждебнымъ партіямъ.

IV.

Однакожь нѣкоторые изъ депутатовъ консерваторовъ, имѣвшіе болѣе умѣренный или болѣе политическій взглядъ на дѣло, очень ясно видѣли опасность такого натянутого положенія. Они сдѣлали нѣсколько попытокъ съ цѣлью умирить грозную бурю, которой они по справедливости опасались. Дюшатель колебался, но вѣроятно охотно уступилъ бы. Но Гизо, изъ гордости или изъ разчета постоянно игравшій роль непреклоннаго гордеца, отказался отъ всякой мысли о примиреніи.

Другіе консерваторы испытали противъ этой грозы иныя, одинаково неэффективные средства. „Къ чему, говорили они, всѣ эти политическіе споры? Они только волнуютъ и утомляютъ всѣхъ. Кромѣ того, что они опасны, они еще и безплодны. Займемся же наконецъ серьезно положительными дѣлами. Станемъ изучать социальныя вопросы, которые въ одно и тоже время и болѣе важны и болѣе настоятельны.“ Но и эта диверсія не помогала. Одинъ членъ прежняго большинства, Морни, указалъ въ своей статьѣ въ „Revue des Deux-Mondes“ на успѣхи коммунизма и близкую опасность, которою онъ угрожаетъ обществу, но и эти разсужденія произвели только мимолетное впечатлѣніе.

При дворѣ, между людьми самыми близкими къ королю, также видна была тревога. Между дѣтьми короля былъ одинъ припѣцъ, который своимъ открытымъ характеромъ и живостью ума заслужилъ нѣкоторое расположеніе короля. Пользуясь этимъ расположеніемъ, принцъ Жуанвильскій осмѣлился первый заговорить. Но его предостереженіе было принято за обиду, за смѣшную смѣлость молодого человѣка. И такъ какъ онъ настаивалъ на своей мысли и притомъ въ выраженіяхъ, непочтительныхъ къ Гизо, то король строго прика-

заль ему отправиться въ Алжиръ, къ своему брату, герцогу Омальскому. Несчастный принцъ съ отчаяніемъ въ душѣ оставилъ Парижъ. Письмо, написанное имъ въ это время и впоследствии напечатанное, ясно показывало, что онъ считалъ для себя уже потеряннымъ и тронъ и отечество.

„....Я смущенъ — писалъ принцъ Жуанвильскій герцогу Немурскому — событіями, скопляющимися со всѣхъ сторонъ. Я начинаю серьезно беспокоиться, а въ такія минуты пріятно побесѣдовать съ тѣми, кому довѣряешь. Король непоколебимъ; онъ не слушаетъ болѣе никакого совѣта. Онъ считаетъ свою волю выше всего.... Самую большую опасность я вижу въ томъ, что король самъ хочетъ дѣйствовать во всемъ, и это желаніе такъ непоколебимо, что если какой нибудь государственный человѣкъ не можетъ побѣдить воли короля, то ему не остается ничего болѣе, какъ самоубійство *). Мнѣ кажется, что въ этомъ году очень трудно будетъ избѣжать преній въ палатѣ по поводу этого неестественнаго положенія дѣлъ. въ которомъ исчезла всякая тѣнь конституціоннаго порядка и которое поставило короля въ отвѣтственность по всѣмъ вопросамъ. Нѣтъ болѣе министровъ; они не несутъ на себѣ никакой отвѣтственности, потому что король всѣмъ управляетъ. Король дошелъ до того возраста, въ которомъ не любятъ слушать замѣчаній; онъ привыкъ управлять самостоятельно. Онъ любитъ показать, что онъ одинъ управляетъ всѣмъ; его громадная опытность, смѣлость и всѣ его великія качества дѣлаютъ его рѣшительнымъ въ опасности; но, не смотря на все это, опасность все таки существуетъ. Я думаю, что въ этомъ году болѣе чѣмъ когда нибудь будетъ разоблачено это ложное положеніе: скажутъ, что конституціонное правительство учреждается именно съ тою цѣлью, чтобы избѣжать вмѣшательства королей, когда они слишкомъ молоды

*) Намекъ на самоубійство Врессона, французскаго посланника въ Неаполѣ.

или слишкомъ стары, чтобы умѣрять ихъ излишній жаръ, или дополнять тѣ качества, которыхъ имъ недостаетъ. Въ настоящемъ случаѣ, мы нуждаемся въ томъ и другомъ, но этого-то намъ и недостаетъ.

„Положеніе наше неутѣшительно. Состояніе финансовъ, не смотря на семнадцатилѣтній миръ, незавидно. Наша внѣшняя политика, въ которой мы могли бы найти для нашего самолюбія какое нибудь удовлетвореніе, столь дорогое для Франціи и которое даетъ возможность отвернуть иногда глаза отъ серьезнаго зла, — также не въ блестящемъ видѣ.

„Избраніе Пальмерстона первымъ министромъ, возбудивъ сильную недовѣрчивость короля, заставило насъ поспѣшить испанскимъ бракомъ и доставило намъ печальную репутацію людей, не крѣпкихъ на слово. Наши неудовольствія съ Англіей помѣшали намъ принять участие въ итальянскихъ дѣлахъ, а это участие, согласное съ нашими принципами, понравилось бы странѣ. Мы не смѣли обратиться противъ Австріи, боясь что-бы Англія не возстановила на насъ новаго священнаго союза. Мы открываемъ сессію при самомъ скверномъ положеніи дѣлъ внутри государства и при такомъ же почти положеніи внѣ государства. Всему этому причиною самъ король, все это есть слѣдствіе его старческаго упрямства — управлять всѣмъ самому, въ то время, когда у него не достаетъ силъ на то, чтобы смѣло рѣшиться на что нибудь.

„Хуже всего то, что я не вижу никакого средства помочь дѣлу. Во Франціи намъ мѣшаетъ наше занутое финансовое положеніе. Внѣ — мы должны поднять нашу репутацію и слѣдовать политикѣ болѣе сообразной съ желаніями страны. Но какимъ путемъ достигнуть намъ всего этого? Не путемъ же австро-французскаго вмѣшательства въ дѣла Швейцаріи, которое было бы для насъ тѣмъ, чѣмъ было для реставраціи вмѣшательство 1823 года. Я надѣялся, что мы найдемъ въ Италіи этотъ отводъ, въ которомъ мы

такъ нуждаемся; но теперь уже поздно: это дѣло потеряно для насъ. Мы ничего не можемъ сдѣлать въ Италіи безъ помощи Англіи, и въ то время какъ она съ каждымъ днемъ идетъ все далѣе и далѣе, мы все болѣе и болѣе приближаемся къ враждебной политикѣ. Теперь намъ остается только устранить себя отъ итальянскаго дѣла, потому что продолжая идти прежнимъ путемъ, мы принуждены будемъ помогать ретроградской партіи, что приведетъ насъ къ гибели. Эти несчастные испанскіе браки! Мы еще не испытали всѣхъ ихъ горькихъ послѣдствій!

„И такъ, вотъ каково наше положеніе: внутри — разстроенные финансы; внѣ — мы поставлены между публичнымъ поканіемъ передъ Пальмерстономъ за испанское дѣло, и союзомъ съ Австріей, цѣль котораго состояла бы въ исполненіи полицейской обязанности въ Швейцаріи и въ томъ, чтобы сражаться въ Италіи противъ нашихъ естественныхъ союзниковъ и наперекоръ нашимъ принципамъ. Всеу этому виноваты одинъ король, извратившій наши конституціонныя учрежденія. Я считаю это положеніе очень серьезнымъ, потому что боюсь, чтобы палата не оставила въ сторонѣ вопросъ о министрѣ и портфель, и не обратилась къ разбору принциповъ конституціонныхъ учреждений, что при настоящихъ обстоятельствахъ очень опасно. Если бы еще могло явиться на помощь какое нибудь обстоятельство, какое нибудь дѣло, которое возбудило бы живой интересъ и которое могло бы своимъ успѣхомъ заинтересовать наше общество, тогда еще можно было бы рассчитывать на побѣду, но я не вижу ничего подобнаго.

„Извини меня за это посланіе, но мы должны же наконецъ понять наше положеніе. Ты простишь мнѣ то, что я говорю объ отцѣ; но я говорю объ этомъ только тебѣ. Ты знаешь мое уваженіе и привязанность къ отцу, но я въ то же время не могу отвести глазъ отъ того, что насъ ожидаетъ въ будущемъ: а это будущее пугаетъ меня.“

Оппозиція не могла выразиться болѣе ясно и опредѣленно, и исторія описываемыхъ мною событій есть только развитіе, доказательство и выводъ тѣхъ чувствъ и фактовъ, которые изложены въ этомъ письмѣ, выражающемъ изліяніе открытой души и предусмотрительнаго разума передъ совѣстью любимаго брата.

Монталиве былъ второй, рѣшившійся высказаться передъ королемъ. Просьбы королевы заставили его объяснить королю настоящее положеніе дѣлъ. Король выслушалъ его, какъ преданнаго слугу, ослѣпленнаго излишнимъ усердіемъ, новое выраженіе котораго будетъ совершенно бесполезно, если даже не непріятно.

Вслѣдъ за тѣмъ обратился къ королю маршалъ Жераръ. Личный другъ короля, связанный съ нимъ воспоминаніями временъ реставраціи и переворота 1830 года, долго командовавшій парижской національной гвардіей и вслѣдствіе этого знавшій настоящія чувства парижанъ, въ то же время принципиальный и опытный въ дѣлахъ политическихъ, маршалъ вполнѣ заслуживалъ вниманія государя. Король выслушалъ его и дружелюбно отвѣтилъ ему, что онъ не знаетъ ни Парижа, ни Франціи.

Другой маршалъ, дипломатъ временъ имперіи и Іюльскаго монархіи, перешедшій въ 1814 году на сторону орлеанистовъ за оскорбленіе, нанесенное его самолюбію, — Себастіани, былъ постоянно съ 1830 года въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ къ королю. Удалившійся отъ дѣлъ, самый независимый по своему уму и положенію между государственными людьми, оспаривавшими другъ у друга власть, маршалъ принадлежалъ ко двору, а не къ какой нибудь партіи. Будучи такъ долго политическимъ дѣятелемъ, онъ хорошо зналъ характеръ партій, хотя самъ не участвовалъ въ нихъ. Наконецъ страшное убійство его дочери, герцогини Праслень, кромѣ всеобщаго уваженія, возбуждало у всѣхъ сочувствіе къ его несчастью. Король принялъ его благосклонно, и послѣ непродолжитель-

наго спора сказалъ ему голосомъ участія, въ которомъ слышалась иронія неудачнаго сравненія, „Вѣднѣй мой маршалъ! вы рѣшительно старѣете!“ Оскорбленный этими словами, маршалъ Себастьяни быстро удалился изъ Тюльери. Горечь этого оскорбленія такъ глубоко подѣйствовала на его сердце, что, получивъ 24 февраля отъ короля убѣдительное и нѣсколько разъ повторенное приглашеніе, прійти къ нему, онъ рѣшительно отказался. Утверждали даже, въ оскорбленіе его памяти, что онъ выразилъ свой отказъ самыми колкими словами.

Сестра короля, принцесса Аделаида, рѣшилась на послѣднее усиліе. Будучи немного моложе брата, она воспитывалась вмѣстѣ съ нимъ, раздѣляла его ссылку, все его несчастья и благополучія. Обладая высокимъ умомъ и мужественнымъ характеромъ, она давно и можетъ быть еще больше короля тайла въ глубинѣ своего сердца горькое чувство испытанныхъ оскорбленій. Оттого то она съ такою страстною горячностью воспользовалась событіями 1830 года, которыя доставили ей въ одно и тоже время торжество и отмщеніе. Легитемисты обвиняли ее даже, впрочемъ безъ всякаго основанія, въ участіи въ Влейскомъ заговорѣ, посредствомъ котораго Луи-Филиппъ, какъ король, родственникъ, человѣкъ и отецъ обезчестилъ однимъ ударомъ, въ лицѣ герцогини Беррійской, принцессу, родственницу, женщину и мать. Но во всякомъ случаѣ она была единственною личностью, которой король довѣрялъ. Но теперь онъ и ее не слушалъ.

Нѣсколько времени спустя ее постигла неожиданная смерть, наступившая мгновенно и безъ всякихъ мученій. Король былъ глубоко опечаленъ этимъ событіемъ. Принцесса умерла въ ночь съ 30 на 31 число и по этому случаю должны были отложить официальное поздравленіе съ новымъ годомъ. Однакожъ король, подавивъ въ себѣ скорбное чувство, хотѣлъ принять обѣдъ палаты. Онъ безмолвно прошли мимо короля и его опе-

чаленнаго семейства. Имъ и не приходило на мысль, что они въ послѣдній разъ видятъ этихъ людей.

V.

Въ это же время обнаружились два обстоятельства, которыя снова вызвали ропотъ негодованья. Пренебрегая трактатами, австрійцы, изъ боязни возмущеній, поводомъ къ которымъ могла служить смерть Маріи-Луизы и волненія въ Римѣ, вступили съ оружіемъ въ рукахъ въ герцогства Парму и Модену. По всей Италіи разнесся крикъ негодованья. и этотъ крикъ отозвался эхомъ во всей либеральной Европѣ. Въ Швейцаріи, напротивъ того, контръ-революція испытала рѣшительное пораженіе. Зондербундъ, эта грозная лига, которая угрожала всему Швейцарскому Союзу, комическимъ образомъ кончила свое существованіе. Поражаемая при всякомъ случаѣ, она печально оканчивала свое существованіе, не имѣя даже времени, чтобы воспользоваться помощью Гизо. Было ли французское правительство въ заговорѣ съ Австріей противъ Италіи — неизвѣстно; но извѣстно то, что оно дѣйствовала за одно съ Австріей въ Швейцаріи, и, отдѣлившись отъ Англіи, поддерживавшей гельветическій союзъ, заставило федеральное правительство положить оружіе предъ революціей.

VI.

Само счастье, помогавшее правительству, сопровождалось неудовольствіями. 1-го января въ Парижѣ узнали о сдачѣ и плѣнѣ Абд-эль-Кадера. Отвергнутый Мароккскимъ правительствомъ, эмиръ отдался наконецъ въ руки генерала Ламорисьера, но на условіяхъ личной свободы. Торопясь завладѣть этой богатой добычей, генераль общалъ плѣннику, что онъ будетъ перевезенъ въ Александрію или въ Сентъ-Жанъ-

д'Акръ; это неблагоразумное обѣщаніе было ратификовано молодымъ губернаторомъ. Кабинетъ поставленъ былъ въ печальную необходимость выбрать одно изъ двухъ — или измѣнить слову, данному французскимъ генераломъ и королевскимъ сыномъ, или же возвратить свободу вѣчному врагу французскаго правительства въ Африкѣ. Общественное мнѣніе было на столько же оскорблено этими условіями, на сколько оно было удовлетворено успѣхами французскаго оружія, и даже самые благонамѣренные люди вспоминали съ какимъ-то суетвѣрнымъ безпокойствомъ, что покореніе Алжира совершилось не за долго до паденія Карла X.

VII.

Приближались пренія объ адресѣ. Ихъ характеръ извѣстенъ былъ заранее: ни одинъ оппозиціонный членъ не участвовалъ въ комиссіи, находившейся подъ предѣлательствомъ Созе, вновь назначеннаго президентомъ палаты.

Въ это время, какъ бы для того, чтобы связать рядъ печальныхъ фактовъ, сопровождавшихъ обѣ сессіи, «National» открылъ одинъ подлогъ, можетъ быть еще болѣе ужасный чѣмъ всѣ, до сихъ поръ открытые и наказанные.

На этотъ разъ — обстоятельство, еще болѣе увеличивающее вину — было открыто и доказано участие министра въ продажѣ мѣсть.

„Пети, бывшій сборщикъ податей въ Корбейль, хлопоталъ о разводѣ съ женой. Обвиненный въ пріобрѣтеніи своего мѣста посредствомъ какихъ-то услугъ, оказанныхъ одному перу Франціи, лицу очень приближенному къ королю, — Пети, чтобы защитить свою честь отъ этихъ нападеній, написалъ и роздалъ своимъ судьямъ записку, въ которой объяснялъ, какими средствами онъ достигъ своей должности. Средства эти наносили ему новое безчестіе; но еще большее безчестіе нано-

сили онѣ тому, кто далъ ему занимаемое имъ мѣсто. Въ этой запискѣ, подробности которой ручались за достовѣрность фактовъ, Пети открыто сознался, что въ первый разъ онѣ купилъ свое мѣсто, смѣнивъ собой докладчика втораго класса контрольной палаты и заплатилъ за него 30 тысячъ франковъ. Принужденный впоследствии уничтожить эту сдѣлку, онѣ, въ 1844 году, вступилъ въ другую такого же рода сдѣлку, еще болѣе важную. На этотъ разъ онѣ долженъ былъ вознаградить посредствомъ пожизненной пенсіи въ 6000 франковъ одного докладчика перваго класса и даже старшаго совѣтника, должности которыхъ нужны были кабинету для награды за парламентскія услуги. Для заключенія торга были назначены два посредника: Жени, начальникъ кабинета Гизо и ближайшій его агентъ, и самъ Гизо, который дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не изъ корыстныхъ видовъ, — потому что его честность не подлежала никакому сомнѣнію; но въ видахъ своей политической системы онѣ рѣшился участвовать въ этомъ грязномъ дѣлѣ и допустить пролажность даже въ парламентѣ, — этомъ исключительномъ учрежденіи, которое по закону обязано было наблюдать и заботиться о правильномъ распоряженіи финансами.“

Впечатлѣніе, произведенное этимъ преступленіемъ, было такъ сильно, что во время преній объ адрессѣ, начатыхъ на слѣдующій день въ палатѣ перовъ, Буасси могъ сказать, не возбуждая сильнаго протеста: „Я бы желалъ, чтобы министерство перешло съ этой скамьи на скамью обвиненныхъ.“

VIII.

Этотъ адрессъ былъ не болѣе, какъ обычная перестановка фразъ тронной рѣчи. Въ немъ подтверждались заимствованные изъ рѣчи короля нападки на депутатовъ, участвовавшихъ въ банкетахъ. Забывая свою посредническую роль,

принадлежавшую имъ въ конституціонномъ правленіи, перы увеличивали этимъ опасность, которую имъ слѣдовало бы предупредить, и сверхъ того этимъ самымъ возбуждали грозныя толки относительно важности учрежденія палаты перовъ.

Въ это время случилось происшествіе, достойное вниманія только потому, что въ немъ въ новомъ свѣтѣ выказался человекъ, одаренный рѣдкими способностями, который до сихъ поръ не переставалъ вездѣ отстаивать права свободы. Это было о Швейцарскомъ союзѣ. Неудача Зондербунда, вѣнудившаго насмѣшки своимъ хвастовствомъ, не могла, разумѣется, опечалить истинно религіозныхъ людей въ Европѣ; но она возбудила сильное негодованіе въ тѣхъ, которые смѣшиваютъ религію съ политикой. Католическая религія, столь достойная уваженія; когда она искренна, столь пріятная каждому человеку, когда онъ ищетъ въ ней утѣшеніе и совѣты, — казалось, возбуждала въ другихъ людяхъ чувства совершенно противоположныя. Чувства эти какъ нельзя лучше проявились въ рѣчи Монталамбера. Вооружась религіознымъ фанатизмомъ, онъ сильно нападалъ на революцію, радикализмъ, свободу, на всѣ чувства, которыя такъ прямо выводятся изъ самаго смысла христіанской религіи. Его слушатели, волтерьянцы, встрѣтили эту рѣчь восторженными рукоплесканіями, и самъ герцогъ Немурскій, участвовавшій въ засѣданіи, также аплодировалъ ему. Въ этотъ день рѣчь произвела впечатлѣніе другаго рода.

IX.

Между тѣмъ наступило время для болѣе серьезныхъ объясненій. Оппозиція готовилась разоблачить длинный рядъ дипломатическихъ ошибокъ и промаховъ, характеризующихъ послѣдніе дни царствованія Луи-Филиппа.

21 января, Барро, среди глубокого молчанья, всходитъ на трибуну, чтобы изложить дѣло Пети въ двухъ его фазахъ, — въ 1841 и 1844 годахъ. Его печальный рассказъ раскрываетъ всѣ факты и всѣхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ. „Жени, личный секретарь Гизо, заключалъ условіе; сдѣлка была совершена въ комнатѣ, смежной съ кабинетомъ министра, и если бы случилось что нибудь, то Жени долженъ былъ спрятаться въ кабинетъ министра; наконецъ, какъ характеристическая черта нравственнаго значенія этой сдѣлки, — Жени, въ награду за эту услугу, получилъ титулъ кавалера почетнаго легіона.“

До этого времени Гизо, котораго ограниченное состояніе доказывало его безкорыстіе и заставляло противниковъ уважать его честность въ частной жизни, — казалось, не былъ замѣтенъ взяточничествомъ. Но его посредничество въ этомъ дѣлѣ было несомнѣнно, непосредственно и неопровержимо. Онъ чувствовалъ себя униженнымъ и былъ сильно взволнованъ. Это волненіе было такъ сильно, что для того, чтобы маскировать свое поведеніе, онъ рѣшился сдѣлать предложеніе, которое еще болѣе компрометировало его. За нѣсколько дней до начала преній, Дюленъ предложилъ палатѣ назначить самыя строгія наказанія за продажу мѣстъ по общественнымъ должностямъ; по этому поводу Гизо поснѣшилъ представить черезъ канцлера Гебера проектъ закона о томъ же предметѣ. Это обстоятельство, въ глазахъ всякаго кто знаетъ человѣческое сердце, ясно выражало безпокойство его совѣсти.

Этотъ гордый человѣкъ старался замаскировать себя передъ обществомъ выраженіемъ страшнаго презрѣнія. Онъ обвинялъ своихъ враговъ въ злобной придирчивости. И наконецъ, въ чемъ же состояла его вина? Въ томъ, что онъ слѣдовалъ примѣру множества другихъ людей, что онъ воспользовался стариннымъ обычаемъ? Обычай можетъ быть дурной, но который не преслѣдовался закономъ, и даже самъ при-

нялъ форму закона, болѣе строгаго чѣмъ предыдущіе. Наконецъ онъ приводилъ еще въ оправданіе свою откровенность, дѣлалъ отчаянное воззваніе къ министерской партіи и въ заключеніе стращалъ палату своимъ удаленіемъ изъ министерства, въ случаѣ, когда его поведеніе будетъ подвергнуто малѣйшему порицанію.

Не смотря на это, пренія продолжались долго и оживленно. Дербетъ, возбужденный борьбой, осыпалъ сарказмами этихъ тартюфовъ политической честности.

По поводу этого дѣла было предложено два опредѣленія; одно изъ нихъ, порицавшее поступокъ Гизо, было отвергнуто 225 голосами противъ 146. Другое опредѣленіе, заключающее въ себѣ выраженіе довѣрія къ министру, было принято большинствомъ голосовъ.

Х.

Это вотированіе выражало не одобреніе, а только амнистію; оно было дѣломъ политическаго соображенія. Между прочимъ двадцать консервативныхъ депутатовъ, въ томъ числѣ Саландрузъ и Лепелетъ-д'Оне, не подали своего голоса, боясь, съ одной стороны, вотировать противъ министра, съ другой — не рѣшаясь выразить ему свое одобреніе. Во время преній многіе изъ консерваторовъ еще болѣе отдалились отъ министра. Демуссо де Живре съ болѣзненнымъ предчувствіемъ указалъ на то, что слова, сказанныя Луи-Филипомъ, были похожи на тѣ, которыя Карлъ X такъ неосторожно высказалъ наканунѣ революціи 1830 года. Онъ объявилъ, что впередъ станетъ вотировать противъ такого министерства, которому не довѣряютъ даже консерваторы. Его примѣръ подѣйствовалъ на многихъ изъ его друзей.

XI.

Затѣмъ выступили на сцену спеціальные вопросы, и на первомъ планѣ финансовый вопросъ.

Извѣстно уже, въ какомъ положеніи находилась эта часть; но со времени послѣдней сессіи положеніе финансовъ сдѣлалось еще тяжелѣе. Одинъ изъ ораторовъ, Леонъ Фоше, сочиненія котораго, еще мало извѣстныхъ публикѣ, но замѣчательныхъ по своей добросовѣстности уже составили ему нѣкоторый авторитетъ, описывалъ главные черты финансового положенія слѣдующими словами:

„Состояніе финансовъ озабочиваетъ насъ всѣхъ; оно гораздо хуже, чѣмъ состояніе нашей политики.

„Во всякомъ случаѣ, характеръ того и другаго одинаковъ: та же распушенность администраціи, тотъ же безпорядокъ въ дѣлахъ. У насъ едва только кончается кризисъ, порожденный неурожаемъ, и торговля и промышленность еще далеко не оправились отъ понесенныхъ ими убытковъ. Если на фабрикахъ и возобновились работы, то плата понизилась до такой степени, что она едва удовлетворяетъ первымъ потребностямъ работниковъ. Общественный кредитъ нашъ упалъ до крайности. Только что заключенный заемъ очень дорого обошелся государству, и, между прочимъ, требовалъ большой рѣшимости со стороны лицъ, заключившихъ его.... Доходы истощены на восемь лѣтъ впередъ. Я не колеблясь скажу, что мы давно не находились въ такомъ трудномъ и опасномъ положеніи.... Я говорю, что эти факты рождаютъ сильную заботу; что не только палата, но все общество понимаетъ всю трудность нашего финансового положенія, что опасность является со всѣхъ сторонъ, что министерство должно видѣть это положеніе и что палата, волей не волей, должна принять какія нибудь мѣры.“

Послѣ Фоше говорилъ Фульдъ. Выразивъ съ такою же энергіею тѣ же самыя опасенія, онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Мы истощили наши финансы и находимся въ настоящее время въ весьма опасномъ положеніи, въ которомъ мы сами виноваты.“

Затѣмъ говорилъ Жюль Ластейри; онъ напомнилъ слѣдующее мѣсто изъ доклада, представленнаго въ предыдущемъ году министерскимъ депутатомъ Биньономъ, отъ имени бюджетной комиссіи 1847 года:

„Государственные финансы истощены на одиннадцать лѣтъ..... Такимъ образомъ палатѣ должно быть понятно, что уже заключенные и еще имѣющіе быть заключенными заемы могутъ быть погашены въ продолженіи этихъ одиннадцати лѣтъ не иначе, какъ на слѣдующихъ четырехъ условіяхъ: мы не должны вести войны; никакое обстоятельство, даже при сохраненіи мира, не должно уменьшить фондовъ, назначенныхъ для погашенія долговъ, ниже пари; обыкновенный бюджетъ не долженъ болѣе требовать уплаты по новымъ долгамъ и не долженъ трогать фондовъ; и наконецъ мы не должны предпринимать болѣе никакихъ публичныхъ работъ.“

Далѣе ораторъ продолжалъ:

„Да будетъ всѣмъ извѣстно, что бюджетъ Франціи, въ такомъ видѣ какъ его представляетъ министерство, исполненъ лжи и обмана; всѣ его предположенія ликвидировать наши финансы основываются на такихъ условіяхъ, которыя никогда не могутъ быть осуществимы, какъ напримѣръ, чтобы бюджетъ былъ постоянно въ равновѣсіи (въ этомъ положеніи онъ былъ только разъ въ продолженіе десяти лѣтъ); чтобы не дѣлать новыхъ расходовъ (но это невозможно); чтобы смѣты были всегда вѣрны (вы знаете, что этого никогда не бываетъ); наконецъ, чтобы никогда не было неурожая, дож-

дя, вѣтра, солнца и т. д., — словомъ, на какихъ-то невообразимыхъ условіяхъ.“

При этихъ тяжелыхъ обвиненіяхъ, вышедшихъ изъ устъ людей, глубоко преданныхъ монархіи, изъ которыхъ нѣкоторые даже были консерваторами, министръ финансовъ, Дюмонъ, старался оправдать правительство. „Наши долги въ самомъ дѣлѣ обременительны, но хорошая политика можетъ всегда исправить финансы. Пусть только настоящая политика останется въ своей силѣ, и финансы немедленно прійдутъ въ лучшее положеніе. Притомъ же доходы со страны такъ громадны!“ Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе министръ старался подкрасить картину, тѣмъ она становилась темнѣе. Тогда на трибуну всходитъ Тьеръ, — „чтобы указать странѣ на опасности, которыя стараются отъ нее скрыть.“

„Несомнѣнно, продолжаетъ онъ, что я принадлежу къ самой рѣшительной оппозиціи, но въ настоящую минуту дѣло идетъ не объ интересахъ оппозиціи: я намѣренъ открыть вамъ истину, которую вы должны узнать во всей ея полнотѣ. Потому что только тогда, когда эта истина будетъ хорошо извѣстна, только тогда можетъ явиться сознаніе, могущее спасти наши финансы. Если мы будемъ продолжать идти по прежней дорогѣ (а этого надобно опасаться, судя по словамъ докладчика бюджета и по отвѣту министра), то можете быть увѣрены, что нашимъ финансамъ угрожаетъ страшная опасность.“

„Я обращаюсь ко всѣмъ добросовѣстнымъ и разумнымъ людямъ, и жду отъ нихъ отвѣта: вѣрить ли здѣсь кто нибудь, кромѣ министра, въ утѣшительное состояніе нашихъ финансовъ? Нѣтъ — никто этого не скажетъ! Въ палаты, въдали отъ этого спектакля, въ интимномъ кружкѣ, мы всегда соглашаемся въ нашихъ мнѣніяхъ объ этомъ предметѣ.“

Ораторъ подтверждаетъ свои слова таблицами, цифрами, фактами, выводитъ изъ нихъ заключенія, разоблачаетъ обманъ министра, раскрываетъ всю опасность положенія и,

сходя съ трибуны, произносить слѣдующія слова, исполненные невыразимой печали:

„Если вы называете себя министерствомъ общественнаго благосостоянія, то эти финансы соотвѣтствуютъ вашему названію. Я въ страшномъ безпокойствѣ оставляю эту трибуну.

Эта рѣчь произвела глубокое впечатлѣніе. Независимо отъ пониманія всѣхъ подробностей дѣла, высказаннаго Тьеромъ, слова его имѣли огромный авторитетъ, благодаря его положенію: въ продолженіи восемнадцати лѣтъ онъ служилъ этому правительству и никто подобно ему не старался укрѣпить его. Эта политика, о гибельныхъ послѣдствіяхъ которой онъ говорилъ, была ему извѣстна, такъ какъ онъ въ свою очередь служилъ ея орудіемъ; но онъ любилъ королевскую фамилію, онъ былъ преданъ монархическому правленію и, разумѣется, не желалъ сверженія ни того, ни другаго. Оттого то его мрачныя предсказанія и отзывались такъ болѣзненно. Въ палатѣ и во всей странѣ его слова были приняты какъ упрекъ монархіи и какъ печальное оправданіе напалокъ. направляемыхъ до сихъ поръ на нее. Напрасно Дюшатель старался опровергнуть слова Тьера, напрасно силился онъ защищать это дѣло своими ловкими доводами, напрасно онъ прибѣгалъ къ разнымъ натяжкамъ, чтобы доказать, что производительныя издержки были для страны скорѣе условіемъ богатства, чѣмъ раззоренія, напрасно онъ старался перечислить всѣ шоссе, желѣзныя дороги и другія работы уже оконченныя, неоконченныя и проектированныя, всѣ эти предиріятія, составляющія славу царствованія Луи-Филиппа, — всѣ его доводы уничтожались предъ настоящимъ положеніемъ дѣла. Результатомъ этихъ преній было всеобщее и ясное убѣжденіе въ томъ, что близкимъ и неотразимымъ слѣдствіемъ этой системы будетъ, по словамъ Тьера, катастрофа, то есть банкротство.

Независимо отъ этой, не подлежащей сомнѣнію, истины,

всѣ вѣрили еще въ другую, неизвѣстную, но болѣе страшную истину. Относительно цифры неутвержденного долга увѣренія министровъ были встрѣчены всеобщей и упрямой недоувѣрчивостью. Тьеръ считалъ этотъ долгъ въ 750 или 800 милліоновъ. Министры сознавались только въ 623 милліонахъ. Гарнье-Пажесъ замѣтилъ, что какова бы ни была эта цифра, но къ ней надобно прибавить 289 милліоновъ суммъ сохранныхъ кассъ, составляющихъ предметъ постоянного долга и займа. Этотъ доводъ показался сомнительнымъ. Но послѣ февральской революціи, Гарнье-Пажесъ, сдѣлавшійся министромъ финансовъ, нашелъ между официальными бумагами Дюмона записку, составленную главнымъ директоромъ государственнаго казначейства для самаго министра и поданную ему наканунѣ преній; эта записка заключала въ себѣ ту же цифру, которую приводили Тьеръ и Гарнье-Пажесъ. Такимъ образомъ одна только необходимость защищаться заставила Дюмона и Дюшателя увѣрять въ дѣйствительности приводимыхъ ими цифръ. Къ несчастью, не одно только это подтвердилось впоследствии на дѣлѣ....

XII.

Относительно фактовъ, главнымъ образомъ характеризующихъ внутреннюю политику, Бильо выразилъ мнѣніе общества въ слѣдующемъ предложеніи:

„Мы соединяемъ свои желанія съ желаніями вашего большинства, требуя отъ вашего правительства, чтобы оно неутомимо заботилось о развитіи нравственности народа и не деморализировало его своимъ пагубнымъ примѣромъ.“

Это предложеніе окончательно позорило правительство, и Бильо при этомъ случаѣ не пощадилъ Гизо. Въ своей рѣчи онъ объяснилъ всю политику кабинета и предалъ ее карѣ общественнаго мнѣнія. Въ ней было высказано все: уловки

министерства, съ которыми оно дѣйствовало, начиная съ заключенія коалиціи и установленія права обыска до рѣчи Гизо въ Лизье; всѣ несправедливости его, начиная съ дѣла Бенне до дѣла Пети; всю ложь въ процессѣ о продажѣ мѣстъ, въ вспомошествованіи журналамъ, въ различныхъ порученіяхъ, даваемыхъ чиновникамъ-фаворитамъ, въ дѣлѣ о статутахъ Сенъ-Денисскаго капитула и компѣнскаго лагеря, въ продажѣ театральныхъ привиллегій и въ проектахъ законовъ, предлагаемыхъ съ условіемъ денежнаго вознагражденія.

Всякое поношеніе казалось возможнымъ противъ людей, которые, сами подавъ поводъ къ нему, должны были выносить его. Леонъ де Малевиль, съ возмущеннымъ чувствомъ настаивая на участіи министерства въ дѣлѣ Пети, рѣшился назвать Гизо тѣмъ именемъ, которое дается людямъ, пользующимся чужимъ преступленіемъ. Послѣ словъ Гебера, министра юстиціи: — „никто никогда не сомнѣвался въ моемъ словѣ честнаго человѣка и судьи“, — Эмиль де Жиарденъ сказалъ знаменательнымъ тономъ: „позвольте мнѣ говорить“ и, всходя на трибуну, произнесъ: „все это время говорили о тартюфѣ религіи, о тартюфѣ честности, но забыли говорить о тартюфѣ справедливости.“ Министръ, смолчавшій Малевиллю, рѣшился призвать Жиардена къ порядку. Но это не дѣйствовало на него и онъ продолжалъ свою рѣчь, обвиняя Гебера въ несправедливыхъ и смѣшныхъ преслѣдованіяхъ журнала «la Presse», съ тѣхъ поръ, какъ эта газета отказала въ своемъ содѣйствіи политикѣ кабинета, и въ заключеніе обвинялъ его въ томъ, что онъ преступилъ всякій долгъ честнаго человѣка и судьи, отказавшись преслѣдовать самые позорные поступки, которые одинаково преслѣдуются и нравственностью и закономъ.

Это безпрестанное накопленіе фактовъ, обвиненій, уликъ и даже оскорбленій достигало своей цѣли. Министерство было видимо смущено и парламентское большинство если не уменьшилось, то значительно поколебалось. Но одно неожиданное

обстоятельство помогло министерству: желая уменьшить силу нападеній на кабинетъ, Дюфоръ выразилъ то преднамѣренно-примирительное мнѣніе, что если поступки были дѣйствительно преступны, то самые ихъ виновники не были преступны. Эти слова давали министерству выходъ изъ затруднительнаго положенія и оно имѣло скромность воспользоваться ими. Но общественное мнѣніе отвергло это объясненіе.

Предложеніе Бильо было отвергнуто и палата приступила къ обсужденію внѣшней политики.

ХІІІ.

„Франція — началъ Ламартинъ — могла выбрать себѣ одно изъ трехъ политическихъ направленій: революціонное, конституціонное или консервативное. Кабинетъ остановился на послѣднемъ и самомъ худшемъ; это доказываетъ его итальянская политика, которая состоитъ въ поддержаніи чужеземнаго ига и всѣхъ злоупотребленіи, происходящихъ тамъ, въ поддержаніи безсилія и раздробленности итальянскихъ государствъ. Кабинетъ соглашается относительно итальянскихъ государствъ на однѣ только административныя реформы, въ то время какъ народы Италіи требуютъ конституцій. Вы опасаетесь радикализма, но знайте, что въ Миланѣ, Венеціи, Генуѣ, во главѣ его стоятъ люди самые значительные и богатые.... Со времени испанскихъ браковъ французская политика, наперекоръ своему характеру, своей исторіи и своимъ преданіямъ, стала гибелинскою въ Римѣ, религіозною въ Бернѣ, австрійскою въ Піемонтѣ, русскою въ Краковѣ, нигдѣ она не была французскою и вездѣ — контръ-революціонною“.

Эта рѣчь, исполненная пылости и здраваго ума, привела Гизо въ замѣшательство. Ясно было видно, что внѣшняя политика была такъ же печальна, какъ и внутренняя; что министерство, колеблясь между боязнью вооружить противъ себя Ав-

стрію и страхомъ предъ общественнымъ мнѣніемъ Франціи, не смѣло ни поддержать, ни подавить либеральнаго движенія въ Италіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ забыло настоящую роль Франціи—покровительницы конституціонной свободы въ цѣломъ мірѣ. За отсутствіемъ болѣе серьезныхъ доводовъ, Гизо приводилъ въ свое оправданіе опасеніе парламентскаго большинства и старался доказать, что если бы Франція дѣйствовала болѣе энергически, то ей пришлось бы, какъ въ 1840 году, возстановить противъ себя коалицію четырехъ великихъ державъ. „И зачѣмъ намъ дѣйствовать иначе? Чтобы возстановить свободу Италіи? Но Италія еще не созрѣла для свободы. Затѣмъ, чтобы обуздать Австрію? Но насилія Австріи — не болѣе какъ выдумка, или, по крайней мѣрѣ, поступки ея преувеличены клеветой. Либерализмъ Меттерниха ручается за гуманность австрійскаго правительства!...“

Совершившееся на другой день событіе было жестокимъ возраженіемъ и рѣзкимъ опроверженіемъ словъ министра. Возставшій во имя національности, свободы и ненависти къ притѣсненіямъ, Палермо выдержалъ въ продолженіи двухъ сутокъ огонь неаполитанскихъ эскадръ, распространившій въ городѣ смерть и разрушеніе.

Подъ впечатлѣніемъ этой катастрофы Тьеръ является снова на трибунѣ. Онъ напоминаетъ объ убійствахъ, недавно совершенныхъ въ Миланѣ, онъ изображаетъ предъ глазами трепещущихъ слушателей всѣ жестокости, дозволенные и поощряемые австрійскимъ правительствомъ, котораго либерализмъ былъ такъ восхваленъ; затѣмъ онъ представляетъ Европу, раздѣленную на два лагеря: къ одному примыкають либеральныя правительства, къ другому—абсолютивныя. Съ каждой побѣдой либерализма и паденіемъ абсолютивнаго правительства, Франція имѣетъ однимъ другомъ больше, однимъ врагомъ меньше. „Итальянцы, соединитесь вмѣстѣ! Государи и народы, заключите союзъ между собою! Тогда всѣ

будутъ уважать васъ. Но если бы ктонибудь сталъ угрожать вашей свободѣ и вашимъ правамъ—знайте, что сердце Франціи еще не остыло; Франція состарѣлась въ славѣ, но въ ней течетъ молодая кровь; она не измѣнилась, и кажется иною только для тѣхъ, кто думаетъ, что она создана по ихъ образцу!...“

Если бы эта великолѣпная рѣчь была вложена въ другія уста, она уничтожила бы министерство. Но предшествовавшая дѣятельность Тьера уменьшала силу его слова. Даже подвліяніемъ обаянья, личность Тьера двоилась: ораторъ затемнялся министромъ; въ ораторѣ была видна энергія и горячій патріотизмъ, въ министрѣ—слабость и постоянная борьба съ революціонными началами; мысленно раздѣляя дѣло какъ ораторъ, онъ какъ министръ останавливался предъ его исполненіемъ, и если бы въ будущемъ онъ опять достигъ министерства, то на это будущее никто не полагался. Что значить, между прочимъ, этотъ странный совѣтъ—соблюдать трактаты 1815 года, трактаты, которыми въ то же время онъ самъ пренебрегалъ? Не выражаетъ ли этотъ софизмъ непростительной слабости и въ то же время жажды къ пріобрѣтенію популярности. Оттого Гизо могъ, съ такою смѣлостью, послать Тьеру жестокій отвѣтъ, „что разница между ними заключается только въ различіи ихъ положеній, и что на его мѣстѣ Тьеръ говорилъ и поступалъ бы точно также, какъ говоритъ и поступаетъ онъ.“ При этомъ случаѣ Барро сдѣлалъ справедливое замѣчаніе, что если трактаты 1815 года существуютъ еще *de facto*, то они уже не существуютъ *de jure*; что съ паденіемъ краковской республики уничтожаются и самые трактаты, и что Франція, какъ въ Италіи, такъ и вездѣ, не связана никакими обязательствами, кромѣ обязательствъ, налагаемыхъ на нее ея собственною честью и ея интересами.

Тотъ же антагонизмъ и та же непоследовательность высказались въ преніяхъ по поводу швейцарскихъ дѣлъ. По мѣрѣ того, какъ пренія становились серьезнѣе, ораторскій та-

лантъ Тьера высказывался все болѣе и болѣе. Но какъ ни велико было его достоинство въ этомъ отношеніи, оно не могло маскировать его ложнаго положенія. Всѣ были согласны съ нимъ въ томъ, что Швейцарія въ продолженіи шестидесяти лѣтъ неизмѣнно подчинилась революціонному движенію во Франціи; что дѣло Зондербунда и Арговійскихъ монастырей было только однимъ изъ эпизодовъ борьбы за свободу; что іезуитская партія была партией старыхъ идей; что убійства въ Ваатландскомъ кантонѣ заранѣе предсказывали насилія контръ-революціи, если бы, къ несчастью для цивилизаціи, она могла когда нибудь восторжествовать. Но смотря на то, что Тьеръ вполне раздѣлялъ эти мысли, всѣ слушатели вспомнили, какъ онъ, въ 1836 году, хотѣлъ ввести французскія войска въ Швейцарію и за одно съ Австріей стращалъ ее своимъ вмѣшательствомъ.

Но краснорѣчіе Тьера поколебало наконецъ самыя упорныя убѣжденія. „Я не радикаль, говорилъ онъ, я не радикаль, — это знаютъ сами радикалы, и чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только слѣдить за ихъ журналами. Но пусть же наконецъ будутъ вамъ извѣстны мои убѣжденія: я принадлежу къ партіи, желающей революціи какъ во Франціи, такъ и въ цѣлой Европѣ. Я бы желалъ, чтобы революціонное правительство находилось въ рукахъ умѣренныхъ людей, и я употреблю всѣ свои силы, чтобы поддержать это желаніе. Но если бы правительство перешло даже къ людямъ не столь умѣреннымъ, какъ я и мои друзья, а къ людямъ горячимъ и даже, пожалуй, радикаламъ, то и въ этомъ случаѣ я не откажусь отъ своихъ убѣжденій, и въ этомъ случаѣ я всегда буду стоять за дѣло революціи.“ Это обязательство, выраженное съ твердостью, которая придавала ему еще большую силу, обезоружило враговъ Тьера. Никто не сомнѣвался болѣе въ его рѣшимости, и каждый считалъ бы для него

оскорбленіемъ допустить возможность того, чтобы онъ измѣнилъ этому торжественному признанію.

Гизо, совершенно растерявшійся при видѣ торжества Тьера, хотѣлъ было прекратить пренія; онъ даже пробовалъ еще разъ изобразить противорѣчіе между словами и поступками Тьера, но его аргументы потеряли уже свою силу. Даже между парламентскимъ большинствомъ поднялось волненіе, когда министръ объявилъ, что Франція намѣрена вмѣшаться въ дѣла гельветическаго сейма, потому что на немъ восторжествовалъ радикализмъ.

Дѣло республики Ріо-де-ла-Платы, взятіе Абд-эль-Кадера и португальскія дѣла, въ которыхъ Франція принимала участие за одно съ Англіей, чтобы защищать насиліе и вѣроломство, — всѣ эти вопросы остановили вниманіе палаты на непродолжительное время. Затѣмъ перешли къ самому капитальному вопросу этого засѣданія, къ вопросу о банкетахъ.

XIV.

Поддерживаемое и усиливается различными причинами, нетерпѣніе общества все болѣе и болѣе увеличивалось. Къ чему приведетъ оппозицію справедливое негодованье за недавнюю обиду? Будетъ ли консервативная партія, испытавшая столько пораженій на банкетахъ, слѣдовать до конца своей политикѣ, гибельныя послѣдствія которой она уже предъугадывала? Что будетъ дѣлать дворъ? Пожертвуетъ ли король своимъ трономъ ради удовлетворенія своему самолюбію? Останется ли неизлечимымъ ослѣпленіе Гизо? Не воспользуется ли этимъ удобнымъ случаемъ Дюшатель, чтобы отдѣлаться отъ министерства? Наконецъ, каковъ будетъ послѣдній результатъ этой борьбы, такъ грозно начатой? — Вопросы эти, становившіеся все болѣе и болѣе настоящими,

до крайности возбуждали любопытство, страсти и раздраженіе въ обществѣ.

Вскорѣ узнали, что идея о примиреніи все болѣе и болѣе распространялась между консерваторами. Не только консерваторы прогрессисты, но даже самые закоренѣлые изъ этой партіи уже начинали сомнѣваться въ спокойномъ окончаніи труднаго положенія дѣлъ. Эти мудрецы, собравшись въ третьемъ бюро палаты, рѣшились отправиться къ двумъ главнымъ министрамъ, чтобы убѣдить ихъ принять предложеніе о примиреніи. Дюшатель колебался принять его, но Гизо отказалъ на отрѣзъ. Посредники удалились побѣжденными и только небольшое число изъ нихъ все еще стояло на своемъ.

Съ своей стороны организаторы банкета двѣнадцатаго округа одно время колебались начать процессъ, но отказъ, объявленный префектомъ и объявленіе сдѣланное министромъ внутреннихъ дѣлъ въ палатѣ перовъ о томъ, что впередъ правительство не намѣрено разрѣшать банкетовъ, устранили всякую нерѣшительность. Когда исчезла надежда на примиреніе, рѣшено было обратиться къ защитѣ закона. Депутаты, журналисты и члены центрального комитета собрались у Барро и рѣшили, что честь требуетъ защищать право собранія и что послѣ окончанія преній объ адресѣ будетъ приступлено къ дѣлу.

XV.

Наступило 7 февраля. Пренія по вопросу о банкетахъ начались. Дювержье де Гораннъ первый выступилъ съ своею ясною, открытою и энергическою рѣчью:

„Оппозиція предлагаетъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе не одной только палатѣ, но цѣлой странѣ. Оспаривать законность банкетовъ невозможно. Мы готовы помогать всякому законному дѣлу; повиноваться закону и сопротивляться произволу — вотъ

двойная обязанность свободныхъ народовъ.... Насъ упрекають въ согласіи, существующемъ между лѣвой стороной и радикалами; но развѣ основаніе этого согласія не имѣетъ источникомъ коалицію 1839 года? А давно ли начали порицать эту коалицію? Развѣ въ ней не участвовали четыре тенерешнихъ министра: Гизо, Дюшатель, Геберъ и Дюмонъ?... Оппозицію упрекають въ томъ, что она не провозгласила тоста за короля; по развѣ пятидесятивосьмилѣтняя революція не даетъ права не провозглашать въ политическомъ собраніи королевскаго имени, и развѣ цѣль банкетовъ не заключается въ томъ, чтобы представить странѣ печальныя послѣдствія личнаго правленія?... Вы обвиняете насъ въ томъ, что нами двигаютъ слѣпцы и враждебныя страсти, — мы же съ своей стороны, обвиняемъ васъ въ низкихъ и алчныхъ страстяхъ, на основаніи которыхъ вы надѣетесь укрѣпить свою власть. Вы обвиняете насъ въ томъ, что мы волнуемъ страну для удовлетворенія какого то жалкаго самолюбія, — мы же обвиняемъ васъ, подобно тому, какъ вы обвиняли другихъ, въ стремленіи развратить народъ, чтобы потомъ поработить его и сдѣлаться навсегда его эксплуататорами. Вы обвиняете насъ въ томъ, что мы своими рѣчами хотѣли придать силы крайнимъ партіямъ, желающимъ ниспровергнуть общественный и политическій порядокъ, — мы же обвиняемъ васъ въ томъ, что вы своими поступками даете крайнимъ партіямъ ту точку опоры и тотъ рычагъ, котораго имъ недостаетъ.“ Въ заключеніе Дювержье объявилъ, что по его мнѣнію политическіе банкеты дозволены закономъ и что его друзья намѣрены продолжать пользоваться этимъ законнымъ средствомъ къ агитаціи. Эти слова были единогласно одобрены всей оппозиціей. Мари, въ своей рѣчи, замѣчательной возвышенностью идей, пылкостью и непоколебимостью убѣжденій, отъ имени радикаловъ утвердилъ это одобреніе.

Пренія разгораются. Малевиль уничтожаетъ Гизо важностью удачно приводимыхъ имъ фактовъ. Затѣмъ онъ дѣлаетъ

нападеніе на Дюшателя: „Вы жалуетесь на то, что мы на банкетахъ нападали на вашу политику. Развѣ вы въ вашихъ журналахъ не оскорбляли ежедневно оппозицію самыми жестокими обвиненіями? Но мы не обращаемъ на это вниманія, потому что понимаемъ значеніе этихъ оскорбленій, и вы сами знаете, чего онѣ стоятъ.“ Задѣтый за живое, Дюшатель всходитъ на трибуну. Если онѣ и былъ одну минуту въ нерѣшительности, то теперь онѣ не колеблется. По его мнѣнію, право собранія не существуетъ, и онѣ рѣшился сопротивляться:

„Я не колеблюсь скажу, что если кто нибудь думаетъ, будто правительство, исполняя свой долгъ, уступить предъ какими бы то ни было манифестациями, тотъ ошибается; нѣтъ! правительство ни за что не уступитъ имъ.“

Въ отвѣтъ на эту неумѣренную выходку лѣвая сторона приходитъ въ волненіе и отвѣчаетъ: „Вы произносите низкія слова, вы употребляете собственныя выраженія Карла X.“ Пренія прерываются вопросами, криками; непрерывныя „браво“ центра покрываютъ все. Но министръ продолжаетъ: онѣ опять повторяетъ только что сказанныя имъ королевскія выраженія, которыя, по его мнѣнію, далеко не оскорбительны и даже слишкомъ умѣренны.

Барро опровергаетъ и доктрину и слова министра; онѣ видитъ опасность положенія, онѣ указываетъ на нее и заранее снимаетъ съ себя и своей партіи всякую отвѣтственность: „Нравственное состояніе страны ужасно; она стоитъ на краю пропасти, въ которую хотятъ ее низвергнуть. Общественное мнѣніе возмущается и противодѣйствуетъ правительственной системѣ.... Есть еще средство успокоить Францію, но вы отвергаете это средство. И такъ, тотъ путь, по которому мы идемъ, грозитъ намъ насиліемъ и государственными переворотами, но мы не будемъ отвѣчать за нихъ.“

XVI.

Между тѣмъ одна важная несообразность бросилась всѣмъ въ глаза: если банкеты уже были, то значить они не запрещены закономъ; если же законъ дозволяетъ ихъ, то какъ же министерство, терпѣвшее ихъ до сихъ поръ, можетъ запрещать ихъ на будущее время? Буассель, депутатъ двѣнадцатаго округа, назначенный предсѣдателемъ банкета, объявилъ, что это запрещеніе оскорбляетъ его довѣрителей. Канцлеръ, увертываясь отъ этого вопроса, началъ развивать ту извѣстную деспотическую фразу, что все положительно не дозволенное—запрещено, и что общество не имѣетъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя изложены въ хартіи.—„А право дышать!...“ Но это восклицаніе не остановило его и онъ продолжалъ развивать свою теорію, сопровождая свою рѣчь выразительными жестами и игрой фізіономіи.

Всеобщее удивленіе овладѣваетъ цѣлою палатою. Ледрю-Ролленъ съ необыкновеннымъ искусствомъ пользуется этою минутою. Ловко избѣгая вопроса о банкетахъ въ Лиллѣ, Шалонѣ и Дижонѣ, преднамѣренно поднятаго противъ него, онъ нападаетъ на доктрину министра и уничтожаетъ ее силою своихъ неопровержимыхъ доводовъ. Но министръ не отступаетъ: поблѣднѣвъ отъ злости, онъ снова всходитъ на трибуну, настаиваетъ на своей теоріи, доводитъ ее до крайности и увлекается до того, что обращается къ палатѣ съ угрозами. Необыкновенное движеніе овладѣваетъ всѣмъ собраніемъ; вся палата превращается въ одну общую трибуну. „Они перещеголяли реставрацію!“ говоритъ Барро. „Это настоящая контрреволюція!“ подхватываетъ Гарнье-Пажесъ. Эти два восклицанія производятъ на негодованье, таившееся въ сердцахъ, дѣйствіе искры на пороховой приводъ. Какъ бы по голосу одного человѣка, вся оппозиція поднимается съ своихъ мѣстъ,

протягивая руки къ скамьямъ министровъ: „Ни Полиньякъ, ни Пейроннэ никогда не выражались такимъ образомъ!“ восклицаетъ Барро. „Это низкія слова“, говоритъ Куртэ! — „Это вступленіе къ насильственнымъ мѣрамъ!“ — говоритъ Лараби. Крики ненависти и злобы раздаются со всѣхъ сторонъ, подобно огню перестрѣлки. Центръ, подъ вліяніемъ этого толчка, яростно сопротивляется; со всѣхъ сторонъ раздаются крики: „къ порядку! къ порядку!“ Геберъ, пользуясь минутной тишиной, обращается къ Барро и требуетъ отъ него отчета въ его словахъ, которыя, къ великому стыду „легитимистовъ“, называетъ оскорбительными. Барро обращается среди этого шума къ министру, блѣдному, разстроенному, съ слѣдующими громовыми словами: „Да, вы, министры народной Гюльской революціи, вы, власть которыхъ была освящена кровью мучениковъ свободы, вы оспариваете право, которое признавали и уважали даже министры временъ реставраціи въ минуту ея паденія. Это фактъ и фактъ неизгладимый! Вы нарушили то, что уважали даже Полиньякъ!...“ Всѣ министры молчатъ, но консерваторы обращаются съ угрозами. Оппозиція раздражается до крайности. Смятеніе достигаетъ высшаго предѣла. Болѣе умѣренные обращаются къ посредству президента; но его нигдѣ не видно; начинаютъ искать его, но онъ исчезъ. Всеобщій споръ кончается сумятицей; депутаты выбѣгаютъ изъ палаты. Волненіе распространяется вмѣстѣ съ ними по городу, который приходитъ въ трепетъ отъ шума этой странной сцены, бывшей въ одно и то же время воспоминаніемъ и предсказаніемъ кризисовъ, предшествующихъ быстрому паденію.

Вечеромъ того же дня, 9 февраля, самъ Дюшатель подъ вліяніемъ тѣхъ же впечатлѣній писалъ записку къ Гизо: „Это засѣданье подѣйствовало весьма неблагопріятно. Геберъ зашелъ слишкомъ далеко въ концѣ своей рѣчи. Такъ говорятъ всѣ, кого я видѣлъ послѣ засѣданья. Надобно успокоить па-

лату. Это можетъ повести насъ прямо къ возмущенію, противъ котораго впрочемъ я принялъ все предосторожности.

„Преданный вамъ“

VXII.

Смятеніе, хотя менѣ шумное, но столь же глубокое, продолжалось и на другой день. Дарблѣ первый сдѣлалъ предложеніе о примиреніи. Хотя предложеніе это и было проникнуто разумнымъ духомъ примиренья, но основанье его было ложно: неприятное министерству и большинству, оно въ тоже время казалось обиднымъ и для оппозиціи. Барро энергически отвергнулъ его. Послѣ него Тьеръ съ такою же энергіей заступался за права меньшинства, въ рѣчи, въ которой слышались слѣдующія революціонныя выраженія: „Мое право написано въ хартии, оно принадлежитъ мнѣ; это право также священно, какъ королевское достоинство!“ — Если бы вы сидѣли на этой скамьѣ, дерзко отвѣтилъ Гизо, вы поступали бы также какъ и мы.“ — „Никогда, возразилъ Барро; я вамъ ручаюсь за противное!“ Никогда—великое слово, и Тьеръ остерегся произнести его. Предложеніе Дарбле было отвергнуто почти единогласно.

Демуссо-де-Живре сдѣлалъ предложеніе объ исключеніи изъ адреса оскорбительныхъ выраженій, заключавшихся въ рѣчи короля. Это повело бы къ настоящему мирному разрѣшенію вопроса. Ламартинъ, котораго впоследствии обвиняли въ возбужденіи революціи, поддержалъ это предложеніе въ своей рѣчи, которая произвела глубокое впечатлѣніе даже на центръ.

„Какъ можно было,—говорилъ онъ,—этой странѣ чести не возмутиться противъ подкуповъ, которые подобно грязной волнѣ подступали уже къ самому подножью власти? Какъ

ей было молчать въ то время, когда наша иностранная политика приносилась въ жертву семейнымъ интересамъ и Франція была стѣснена контръ-революціей? Мы говорили тогда открыто, а теперь вы осмѣливаетесь запрещать выраженія патріотическихъ чувствъ и наложить полицейскую лапу на уста Франціи! Знаете ли вы, что такое было „Jeu de Romme?“ Это было общественное собраніе, закрытое властью и вновь открытое народомъ!...“

Наконецъ нужно было приступить къ вотированію адреса. Если успѣхъ будетъ на сторонѣ министерства, оно объявитъ безпощадную войну, которая можетъ повести Богъ знаетъ къ чему; въ противномъ случаѣ — электричество разрядится и монархія спасена. Послѣдовательно вотируютъ за и противъ адреса. Бюро колеблется; успѣхъ подлежитъ сомнѣнію. Томленіе, овладѣвшее сердцами, высказывается въ общемъ движеніи; всѣ необыкновенно изумлены, министры и ихъ приближенные выражаютъ озлобленіе. Они требуютъ прежде баллотировки адреса по частямъ, а потомъ тайной баллотировки. Переключка происходитъ цѣлый часъ, часъ томленій, противоположныхъ надеждъ, разнообразныхъ чувствъ. Въ эту урну падаетъ жребій монархіи! Изъ 413 голосовъ, 228 были за министерство, 185 за оппозицію. Абсолютное большинство состояло только изъ 21 голоса.

Президентъ палаты, Созе, повинуюсь приказанію министерства, тоже вотировалъ, въ то время, когда самыя простыя правила приличія требовали его молчанія. Оппозиція объявила ему, что ни одинъ изъ ея членовъ не будетъ болѣе посѣщать его, и въ тоже время рѣшилась не являться къ королю.

Когда наступила очередь вотировать слѣдующій параграфъ проекта адреса: „Волненія, возбуждаемыя враждебными страстями и слѣпыми заблужденіями, падутъ предъ судомъ общественнаго мнѣнія, просвѣщеннаго нашими свободными пре-

ніями,“ — оппозиціонные депутаты безмолвно и неподвижно оставались на своихъ скамьяхъ во все время балотировки. 223 голоса было подано за этотъ параграфъ, 18 противъ него. Безъ этихъ восемнадцати голосовъ балотировка не имѣла бы никакого значенія. Но эта маленькая фаланга посредниковъ не рѣшилась допустить такой крайности.

XVIII.

Такимъ образомъ оппозиція была окончательно побѣждена. Большинство, соединенное съ королемъ, подобно ему отомстило за свои обиды. Въ ожиданіи рѣшенія, которое будетъ внушено меньшинству заботою объ удовлетвореніи своей оскорбленной чести, палатѣ оставалось еще вотировать эти послѣднія слова адреса: „.... и посредствомъ выраженія всякихъ законныхъ мнѣній....“ Балотировка этого послѣдняго мѣста адреса была отложена по поводу предложенія Саландруза, заключавашагося въ слѣдующихъ словахъ: „Среди этихъ различныхъ манифестацій, ваше правительство съумѣетъ различить истинныя и законныя желанья страны; оно, мы надѣемся, возьметъ на себя инициативу благоразумныхъ и умѣренныхъ реформъ, требуемыхъ общественнымъ мнѣніемъ, между которыми на первомъ мѣстѣ стоитъ парламентская реформа. Въ конституціонномъ государствѣ союзъ главныхъ властей государства даетъ возможность безопасно слѣдовать политикѣ прогресса и въ то же время удовлетворять всѣмъ нравственнымъ и матерьяльнымъ нуждамъ страны.“

Саландрузъ, извѣстный промышленникъ, товарищъ по воспитанію герцога Орлеанскаго, былъ связанъ съ нимъ тѣсной дружбой и даже послѣ смерти герцога очень дружелюбно былъ принятъ во дворцѣ. Онъ благородно сопротивлялся убѣдительнымъ просьбамъ короля, который приглашалъ его взять назадъ свое предложеніе, изложенное имъ въ прилич-

номъ и умѣренномъ тонѣ. Такъ какъ оппозиція не вступала въ пренія, то онѣ и ограничились обѣими консервативными партіями. Клапье (изъ Марсели) и Бланки старшій искусно поддерживали Саландруза. Но все усилія ихъ должны были пасть передъ сопротивленіемъ, дѣлавшимся все болѣе и болѣе безпощаднымъ и не подававшимъ ни малѣйшей надежды на какую нибудь уступку. Самъ Морни не держалъ. Устраняя все положительныя редакціи адреса, онъ требовалъ отъ министерства, чтобы оно обѣщало приступить къ какимъ бы то ни было реформамъ. Можетъ быть это было не болѣе какъ диверсія или отговорка, но во всякомъ случаѣ она представляла путь къ выходу. Дыханье становится свободнѣе: кажется, что вотъ сколько нибудь ослабнѣетъ это напряженное состояніе и опасность пройдетъ мимо. Гизо принужденъ говорить; онъ всходитъ на трибуну среди глубокаго молчанья. Рѣшеніе его твердо и ясно: въ этомъ году онъ ничего не намѣренъ предпринимать; въ будущемъ онъ не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ, и такъ какъ консервативная партія не соглашается съ нимъ въ этомъ дѣлѣ, то онъ употребитъ все усилія, чтобы добиться этого согласія; если же онъ не успѣетъ въ этомъ, если главная партія, во главѣ которой онъ стоитъ, не прійдетъ къ соглашенію по этому важному вопросу, то онъ скорѣе удалится изъ министерства, но не разстроитъ консервативной политики.

Это формальное объявленіе, этотъ положительный отказъ не только во всякой реформѣ, но даже въ малѣйшей надеждѣ на нее, возбудили въ палатѣ сильнѣйшіе беспорядки. Засѣданіе закрывается. Беррье всходитъ на трибуну, но оппозиція хочетъ, чтобы вотированье происходило тотчасъ же, подъ впечатлѣніемъ этого отказа, — и Беррье сходитъ съ трибуны. Многіе изъ членовъ большинства, изумленные, бросаются къ министрамъ; они умоляютъ президента совѣта возвратиться снова къ этому важному вопросу; его окружаютъ со всехъ

сторонъ, уговариваютъ. Но онъ, безмолвный, непоколебимый, похожій на статую слѣпой воли, не отвѣчаетъ даже на просьбы своихъ друзей. Въ другой части палаты такое же волненіе. Вездѣ слышатся одни и тѣже слова. „Вотировать, вотировать! Ни слова болѣе! Теперь все рѣшено! Страна преудреждена: теперь она только сама можетъ помочь себѣ!“ Саландрузъ всходитъ опять на трибуну; онъ умоляетъ министерство подумать; онъ требуетъ отъ него только одного обѣщанія и готовъ ради него пожертвовать своимъ предложеніемъ. Министры по прежнему безмолвствуютъ.

Но надобно было вотировать. Каковъ то будетъ результатъ баллотировки? Прогрессивные консерваторы уже рѣшившись; другія партіи озлоблены за пренебреженіе къ ихъ доводамъ, многія изъ нихъ начинаютъ сознавать опасность. Результатъ вотирования сомнителенъ; министерство вѣроятно потерпитъ неудачу. Но Гизо, погубившій себя своею собственною ошибкою, спасенъ ошибкою своихъ антагонистовъ. Тьеръ и Ремюза, чувствуя, что они приближаются къ власти и стараясь съ этой минуты отыскать себѣ почву внѣ оппозиціи, хотятъ довершить уничтоженіе консервативной партіи. Тогда отдѣлившіеся консерваторы одумываются и примыкаютъ опять къ своей партіи. Побѣда оказалась на сторонѣ министерства. Но министерское большинство опять уменьшилось десятью голосами.

Теперь оставалось вотировать весь адрессъ; оппозиціи опять представлялся случай парализовать это вотированье. Если бы вся оппозиція рѣшилась не вотировать, то одна министерская партія никогда бы не могла имѣть 230 шаровъ, необходимыхъ для того, чтобы вотированье считалось дѣйствительнымъ, и адрессъ былъ бы отвергнутъ. Такимъ образомъ большинство доказало бы, что оно не раздѣляетъ королевскихъ оскорбленій; волненіе, можетъ быть, уменьшилось бы; положеніе сдѣлалось бы менѣе натянутымъ, и событія или не представлялись бы болѣе въ

угрожающемъ видѣ, или отдалились бы. Тьеръ и въ этомъ случаѣ былъ причиной запутанности. Рѣшившись не вотировать и ушедши даже изъ палаты, онъ снова возвратился, чтобы пригласить своихъ друзей не подавать собой дурнаго примѣра, удерживаясь отъ вотирования. Но и эта неожиданная помощь дала адресу всего только 244 голоса.

Засѣданье кончилось среди угрожающаго волненія. Было семь съ половиною часовъ вечера.

XIX.

Эти пренія, начатыя 22 января и оконченныя 12 февраля, заняли собой двадцать два засѣданья. Эти засѣданья были исполнены той злобы, той ненависти, тѣхъ взаимныхъ обвиненій, того раздраженія страстей, которыя предсказываютъ большіе перевороты.

И между тѣмъ никто не думалъ объ этихъ переворотахъ; какъ бы ни было быстро ихъ приближеніе, ихъ еще легко можно было избѣжать.

Оппозиція могла бы быть удовлетворена немногимъ. Она достигла своей цѣли посредствомъ банкетовъ, открывшихъ глаза обществу; обратившись непосредственно къ общественному мнѣнію, она склонила его въ свою пользу. Разумѣется, въ палатѣ она потерпѣла оскорбительное пораженіе; но за то общественное мнѣніе начинало уже дѣйствовать на парламентъ. Парламентское большинство, столь могущественное наканунѣ выборовъ, теперь начинало колебаться и съ каждымъ днемъ становилось все меньше и меньше, теряло свои надежды, свою рѣшимость, своихъ членовъ, и послѣ небольшихъ усилій готово было разстроиться. Оппозиція могла еще ожидать, ей слѣдовало только немедленно требовать одного, — чтобы безуміе ея враговъ не заставило ее выбирать одно изъ двухъ — позоръ или возмущеніе народа.

Что касается кабинета, то онъ могъ еще выбирать тотъ или другой путь. Не жертвуя ни однимъ изъ принциповъ консервативной политики, онъ могъ въ известной мѣрѣ подчиниться требованьямъ страны; ни въ чемъ не уступая настоянїямъ своихъ враговъ, онъ могъ по крайней мѣрѣ подать своимъ друзьямъ надежду въ будущемъ. Если необходимость реформъ, этого зла, котораго министерство прежде не признавало, казалась теперь страшною, то это служило еще большимъ поводомъ къ тому, чтобы примириться съ этимъ зломъ и не напрягать болѣе своихъ силъ, для уничтоженія его. Благоразуміе требовало прежде всего не увеличивать добровольно опасности. Въ вопросѣ о банкетахъ дѣло шло о чести оппозиціи; самолюбіе министерства нисколько не было въ немъ затронуто, и оно само сомнѣвалось еще въ законности права собранія. Было бы безуміемъ дальше сопротивляться требованіямъ оппозиціи, которой оставалось только выбирать между самоубійствомъ въ безчестіи и спасеніемъ въ сраженіи. Наконецъ если министерство, доводя свои оскорбленія до отказа въ реформахъ, не хотѣло даже отказаться отъ неосторожнаго вызова, то его разстроенное уже большинство, дипастическіе и особенно монархическіе интересы обязывали его не рисковать больше ничѣмъ, какъ только самимъ собой, и не проигрывать всего въ одну отчаянную ставку.

Король былъ ослѣпленъ не менѣе другихъ. Онъ могъ скорѣе чѣмъ его министры ослабить безъ всякой опасности это напряженіе умовъ, но онъ находился подъ двойнымъ вліяніемъ гордости и старости. Онъ давно уже лишился здраваго смысла и подчинился одной только своей гордости. Онъ думалъ, что тѣ же самыя средства, которыя уже нѣсколько разъ послужили ему къ устраненію препятствій, могли пригодиться ему и теперь; онъ желалъ еще разъ испытать эти средства и считалъ слабостью прибѣгать къ другимъ. Онъ не хотѣлъ сознать того, что про-

должительное царствованіе всегда вызываетъ ненависть и надежды враговъ. Онъ не хотѣлъ также знать и того, какой громадной, разрушительной силой обладаетъ духъ нововведеній въ ту минуту, когда всѣмъ уже надобѣла безсильная власть. И, какъ обыкновенно бываетъ съ тѣми, которые уже пресытились своимъ благосостояніемъ, король уважалъ только одного себя и слушалъ только однихъ льстецовъ.

Такимъ образомъ ничто не дѣйствовало на него, ни разсужденія, ни опытность, ни совѣты друзей, ни предостереженія враговъ, ни даже громко выраженная ими надежда на скорую побѣду. Король, министры и парламентское большинство всѣ вмѣстѣ стремились въ пропасть. Эта могущественная монархія, эта блистательная династія, этотъ мудрый король, эти истинные государственные люди, все должно было погибнуть отъ одного дуновенія народной силы. Судьбѣ угодно было сдѣлать баррикаду и колыбелью и могилой іюльской монархіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Маррасть совѣтуетъ депутатамъ выйти всѣмъ вмѣстѣ въ отставку; собраніе радикаловъ у Мари, съ цѣлью обсудить это предложеніе; рѣшеніе этого вопроса отложено. — Общее собраніе депутатовъ оппозиціи въ café Durand; предложеніе Марраста отвергнуто, равно какъ и предложеніе о подачѣ обвинительнаго акта противъ министерства; оппозиція намѣрена поддерживать право собранія; назначеніе редакціоннаго комитета, который на слѣдующій день публикуетъ во всѣхъ журналахъ цѣль этого собранія, пренія, въ немъ происходившія, и рѣшенія, къ которымъ онѣ привели. — Одинъ только депутатъ, Эм. де Жирарденъ, выходитъ въ отставку. — Представленіе адреса королю; ни одинъ изъ членовъ оппозиціи не участвуетъ въ депутаціи; безмолвное неудовольствіе короля. — Разговоръ герцога Монпансье съ Морни. — Частный пріемъ въ Тюльери; визитъ нѣсколькихъ прогрессивныхъ консерваторовъ; холодный и презрительный пріемъ короля. — Недовѣрчивость къ національной гвардіи; всеобщія волненія; состояніе умовъ въ Парижѣ. — Собраніе у Барро членовъ комитета двѣнадцатаго округа; соединеніе ихъ съ общимъ комитетомъ депутатовъ, журналистовъ и избирателей; организація банкета приостановлена; назначеніе коммисіи для завѣдыванья приготовленіями къ банкету; затрудненія въ пріисканіи помѣщенія; предложеніе Морни; неудовольство. — Journal des Debats старается ослабить рѣчь Гизо противъ реформъ; оскорбленіе, нанесенное этимъ самымъ ревностнымъ консерваторамъ. — Воснныя приготовленія правительства. — Коммиссія назначаетъ банкетъ на 22 февраля; объявленіе объ этомъ въ журналахъ. — Собраніе 19 числа въ café Durand; отчетъ Барро о трудахъ коммисіи; Дарбле пытается, отъ имени нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей консерваторовъ, отвлечь оппозицію отъ ея экстра-парламентскаго способа сопротивленія; Ламартинъ отвѣчаетъ, что въ виду позора и гибели страны остается одно только гражданское мужество; листъ покрывается подписями. — 20 числа оппозиціонные журналы даютъ отчетъ въ этомъ собраніи и его рѣшеніи и призываютъ къ спокойствію народа. Нѣсколько консервативныхъ депутатовъ дѣлаютъ новыя попытки къ примиренію; король, Гизо и Геберъ отвергаютъ ихъ; Дюшатель склоняется на примиреніе и увлекаетъ за собою большинство совѣта; вслѣдствіе этого министерство

назначать для веденія переговоровъ Морин и Вите, а оппозиція — Малевиля. Довержье де Горанна и Берже; заключеніе условій; честь оппозиціи будетъ сохранена поддержкой права собранія: банкетъ долженъ быть отложенъ и вопросъ о немъ отданъ на судъ трибуналовъ. — Флоконтъ признается въ детальномъ положеніи журнала *la Reforme*. — Исключительные радикалы присоединяются къ реформистской коалиціи; Ледрю-Ролленъ будетъ участвовать въ банкетѣ. — Барро соглашается на предложеніе Луи Блана, что работники занимали особенное мѣсто въ кортежѣ. — Согласіе со школами. — Условія мирной и торжественной манифестаціи приняты всѣми; департаменты выражаютъ свое согласіе и поздравленіе. — Будетъ ли національная гвардія вооружена саблями во время шествія кортежа? — Министерство отдастъ приказанія, сообразныя съ заключенными условіями. — 21 числа журналы публикуютъ программу манифестаціи. —
Программа.

I.

Въ день вотированья адреса, одинъ изъ журналистовъ, Маррасть, предложилъ оппозиціоннымъ депутатамъ выступить всей массой изъ палаты. Это былъ новый способъ манифестаціи, и онъ соблазнилъ нѣкоторыхъ горячихъ людей. Рѣшено было обсудить этотъ вопросъ на слѣдующій день.

На другой день, въ десять часовъ утра, нѣсколько радикальныхъ журналистовъ, депутаты крайней лѣвой стороны и нѣсколько радикальныхъ членовъ центральнаго комитета собрались у Мари. Маррасть изложилъ свою мысль: предлагаемое имъ средство представляетъ законную и безопасную манифестацію, на которую согласятся всѣ, даже самые робкіе, и посредствомъ которой можно успѣшно дѣйствовать на департаменты; съ своей стороны, оппозиціонная пресса приведетъ палату въ смущеніе; отчеты объ избирательныхъ собраніяхъ заступятъ въ журналахъ мѣсто отчетовъ о засѣданіяхъ палатъ; страна будетъ удивлена и прійдетъ въ волненіе, парламентское большинство разстроится, — такимъ образомъ система министерства должна будетъ пасть.

Гарнье-Пажесъ съ большой энергіей напалъ на предложеніе Марраста; онъ считалъ его во всѣхъ отношеніяхъ опа-

снымъ (только, разумѣется не для себя, потому что избраніе его вновь было несомнѣнно), потому что если только на новыхъ выборахъ не будутъ вновь избраны десять депутатовъ на сто или даже на сто пятьдесятъ, то эта демонстрація послужить въ пользу министерства; сверхъ того она можетъ помѣшать банкету, а отказаться отъ банкета значило отказаться отъ самой манифестаціи, что могло повести къ весьма важнымъ послѣдствіямъ; наконецъ это было бы равносильно отреченію отъ дѣла, а кто отрекается отъ дѣла, того надо считать погибшимъ.

Мари, напротивъ того, одобрялъ предложеніе Марраста. „Если вы уже готовы къ революціи, говорилъ онъ, такъ давайте вашъ банкетъ; если же вы еще не готовы, то банкетъ будетъ только возмущеніемъ, а этого я вовсе не желаю!...

„Борьба возможна, возразилъ Мартенъ (Страсбургскій), я такъ думаю. Но замѣна банкета выходомъ изъ палаты можетъ быть одобряема только тѣми, которые боятся вмѣшательства восьмидесяти тысячной арміи. Что касается меня, то я скорѣе соглашаюсь на банкетъ, потому что я убѣжденъ въ томъ, что за него заступится наше право и народъ.“ Мнѣніе Мартена и Гарнье-Пажеса было поддержано Рекюромъ, Карно, Паньеромъ и Дорнесомъ.

Одинъ изъ членовъ палаты предложилъ среднюю мѣру: отставку парижскихъ депутатовъ. Но никто не согласился на это предложеніе.

Мнѣнія были раздѣлены и собраніе не пришло ни къ какому рѣшенію.

Радикальные депутаты отправились на собраніе, въ которомъ участвовали всѣ члены оппозиціи, и которое должно было происходить въ тотъ же день, въ воскресенье 13 февраля, въ полдень, въ одной изъ залъ café Durand, на бульварѣ Madeleine.

II.

Всѣхъ депутатовъ, участвовавшихъ въ банкетѣ, было сто семь. Почти ни одинъ изъ нихъ не отказался теперь отъ приглашенія въ *café Dupand*. Пренія начались съ предложенія Марраста. Къ извѣстнымъ аргументамъ, приведеннымъ уже въ поддержку этого проекта, Мари, Камболь, Друэнъ-де-Люизъ и другіе привели еще новые. Но ихъ мнѣнію, „выступленіе оппозиціи изъ палаты должно разстроить самую палату. Тогда настроеніе умовъ, при новыхъ всеобщихъ выборахъ, обѣщаетъ оппозиціи рѣшительную побѣду. Такимъ образомъ можно будетъ достигнуть реформы мирнымъ путемъ и избѣгнуть необходимости дать банкетъ двѣнадцатаго округа, который составляетъ теперь еще неразрѣшенный вопросъ, грозящій неизвѣстными бѣдствіями.“

На это имъ отвѣчали, что отставка депутатовъ вѣроятно не повлечетъ за собой закрытія палаты; что большинство останется совершенно спокойно на своемъ мѣстѣ и что оно будетъ продолжать свои пренія само, какъ будто при полномъ составѣ палаты; что дѣло свободы, лишившись своихъ защитниковъ, будетъ отдано на жертву министерству; что кабинету только и нужно отдѣлаться отъ своихъ противниковъ, и проч. Дювержье де Гораннъ, Ламартинъ и Гарнье-Пажесъ особенно горячо говорили въ защиту этого послѣдняго мнѣнія. Тьеръ молчалъ, но весьма вѣроятно, что онъ сочувствовалъ предложенію Марраста, потому что при выходѣ изъ собранія онъ сказалъ Мари: „Вы вполне правы: это единственная разумная мѣра. Правительство имѣетъ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ солдатъ, и оно уже приняло всѣ стратегическія мѣры. Волненіе будетъ подавлено менѣе чѣмъ въ часъ времени.“ — „Такъ отчего же вы не поддержали моего

мнѣнія, сказалъ Мари; вы имѣете большее вліяніе на вашу партію, нежели я.“

Такимъ образомъ проектъ Марраста, который былъ тоже поддерживаемъ Жерарденомъ въ „Presse,“ былъ отвергнутъ. Еще менѣе обращено было вниманія на предложеніе одного изъ членовъ палаты — подать обвинительный актъ на министерство. Затѣмъ рѣшено было слѣдующее: 1) Оппозиція не измѣнить своему назначенію; 2) она будетъ во что бы то ни стало поддерживать право собранія; 3) ни одинъ изъ ея членовъ не будетъ участвовать въ большой депутаціи, назначенной для поднесенія королю адреса палаты. Редакціонный комитетъ, составленный изъ Дювержье де Горанна, Барро, Беррье, Лессепа, де Малевила, Карно, Гарнье-Пжеса и Шамболя, обязанъ былъ опубликовать эти рѣшенія. Вслѣдствіе этого всѣ оппозиціонные журналы публиковали на другой день слѣдующую декларацію:

„Сегодня утромъ было собраніе, состоявшее болѣе чѣмъ изъ ста депутатовъ, принадлежащихъ къ различнымъ частямъ оппозиціи, съ цѣлью рѣшить сообща: какой образъ дѣйствій слѣдуетъ принять послѣ вотирования послѣдняго параграфа адреса.

„Прежде всего собраніе приступило къ обсужденію того политическаго положенія, въ которое поставилъ его этотъ параграфъ. Оно пришло къ тому заключенію, что вотированный въ этомъ видѣ адресъ составляетъ со стороны парламентскаго большинства дѣйствительное и дерзкое нарушеніе правъ меньшинства, и что министерство, увлекши такъ далеко свою партію, пренебрегло въ одно и то же время однимъ изъ самыхъ священныхъ принциповъ конституціи, нарушило, въ лицѣ представителей этой партіи, одно изъ самыхъ существенныхъ правъ гражданина, и этою мѣрою, клонившеюся къ спасенію министерства, посылало въ странѣ сѣмена раздора и волненій. При такихъ обстоятельствахъ министерство думаетъ, что его

обязанности стали болѣе серьезны, болѣе настоятельны, и что въ виду волненій, приводящихъ въ движеніе Европу и безпокоющихъ Францію, ему не возможно ни на одну минуту покидать защиту національныхъ интересовъ. Съ своей стороны и оппозиція рѣшилась неустойчиво защищаться и бороться съ контръ-революціонною политикою, дерзкія выходки которой безпокоятъ всю страну.

„Что же касается права собранія гражданъ, права, которое министерство намѣрено подчинить своему произволу и уничтожить для своихъ выгодъ, то собраніе, единогласно убѣжденное, что это право присуще всякой конституціи и сверхъ того положительнымъ образомъ утверждено нашими законами, рѣшилось поддержать и сохранить его всѣми средствами, дозволенными закономъ и конституціей. Вслѣдствіе этого назначена коммиссія для соглашенія съ центральнымъ комитетомъ парижскихъ избирателей и для распоряженія сообща сходкою депутатовъ на банкетъ, который готовится въ смыслѣ протестаціи противъ притязаній произвола.

„Это рѣшеніе принято независимо отъ права, обращаться тѣмъ или другимъ путемъ къ избирателямъ и общественному мнѣнію, которое оставляютъ за собою оппозиціонные депутаты.

„Наконецъ собраніе думаетъ, что кабинетъ, извращая настоящій смыслъ тронной рѣчи и адреса и тѣмъ посягая на права депутатовъ, ставитъ оппозицію въ необходимость высказывать при всякомъ удобномъ случаѣ свое неодобреніе противъ такого злоупотребленія власти; а потому собраніе рѣшило, что ни одинъ изъ членовъ оппозиціи, не исключая и тѣхъ, на долю которыхъ выпадетъ жребій участвовать въ депутаціи къ королю, не будетъ присутствовать при поднесеніи адреса.“

Бильо, Дюфоръ и ихъ друзья не участвовали въ этомъ собраніи. Думали, что причиною ихъ отсутствія была возможность быть призванными правительствомъ къ развязкѣ дѣла.

Одинъ только депутатъ, Эм. де Жиранденъ, вышелъ изъ палаты. „National“, первый предложившій эту мѣру, выразилъ сожалѣнiе, что она была отвергнута; но и онъ все таки склонился на сторону мнѣнiя, одержавшаго верхъ. Министерская пресса приняла рѣшенiе оппозицiи за вызовъ, сдѣланный правительству, что и было совершенно справедливо.

III.

14 числа, въ девять часовъ вечера, король принялъ большую депутацiю, состоявшую изъ однихъ только министерскихъ депутатовъ; ни одинъ членъ оппозицiи не участвовалъ въ ней; король радовался, что онъ наконецъ обезпечилъ спокойствiе и будущность Францiи; онъ благодарилъ депутатовъ за то, что они явились въ такомъ большомъ числѣ, но въ глубинѣ души былъ оскорбленъ отсутствiемъ оппозиционныхъ депутатовъ. Онъ нѣсколько разъ высказалъ это въ кругу своего семейства.

Послѣ окончанiя всѣхъ формальностей, прiемъ принялъ характеръ частнаго разговора. Достойны замѣчанiя слова герцога Монпансье, сказанныя имъ при этомъ случаѣ. Обратившись къ Морни съ разными комплиментами по поводу его статьи, недавно напечатанной въ „Revue des Deux-Mondes“, герцогъ просилъ его объяснить ему настоящее положенiе дѣлъ. „Ваше высочество, сказалъ ему въ заключенiе Морни, надобно подумать о томъ, что если всѣ усилiя измѣнить положенiе дѣлъ останутся безъ успѣха, то въ день банкета неминуемо произойдетъ столкновенiе въ Парижѣ. Можете ли вы положиться на армiю?“ — Герцогъ отвѣтилъ утвердительно; „во всякомъ случаѣ, прибавилъ онъ, мы будемъ дѣйствовать не такъ, какъ дѣйствовала старшая линiя; мы надемъ всѣ до одного, а не покинемъ Францiи.“

Раздраженiе короля, дурно скрываемое передъ обществомъ, вскорѣ высказалось. Нѣсколько прогрессивныхъ консерва-

торовъ, вотировавшихъ противъ адреса, не считали нужнымъ присоединиться къ депутаци; но для того, чтобы объяснить смыслъ своего поступка, они на другой день отправились въ Тюльери. Они были въ пріемной королевы, гдѣ соблюдался всегда самый строгій этикетъ, когда вошелъ король, сопровождаемый панскимъ нунціемъ. Онъ принялъ ихъ очень холодно. Воздерживаясь отъ своей обычной разговорчивости, онъ старался не говорить ни слова о политикѣ. Клапье былъ депутатомъ департамента Устье въ Роны; король началъ говорить съ нимъ объ Марсели и сказалъ, что это очень красивый городъ; съ Бланки, депутатомъ Жиронды, онъ говорилъ о бордосскихъ винахъ; наконецъ, обращаясь къ Саландрузу, имѣвшему въ Обиссонѣ фабрику ковровъ, онъ ироническимъ тономъ спросилъ его: „что же, какъ идетъ торговля коврами?“ Саландрузъ съ удивительнымъ присутствіемъ духа отвѣтилъ ему: „такъ себѣ, довольно плохо, какъ и все прочее.“ Королева взглядомъ поблагодарила автора этого удачнаго отвѣта. Эти вѣрные друзья короля хотѣли предупредить его о томъ, что, судя по письмамъ, получаемымъ изъ департаментовъ, народъ находится въ сильномъ волненіи; но король въ отвѣтъ на это повернулся къ нимъ спиной. Послѣ этой неприличной выходки они удалились. Ихъ немедленно позвали къ принцамъ; это приглашеніе сдѣлано было изъ благосклонности или можетъ быть изъ политическихъ соображеній герцогини Орлеанской; но и тутъ они не нашли себѣ болѣе внимательныхъ слушателей. Принцы, подобно королю, полагались на свою смѣлость. Чѣмъ то они будутъ защищаться въ день битвы?

IV.

Угрозы двора, сдѣлавшись извѣстными всему Парижу, были вскорѣ подтверждены ясными доказательствами. Узнали,

что генералу Тибюрсу Себастьяни, командиру первой линейной дивизіи, было поручено развѣдывать о настроеніи умовъ въ войскахъ. Національная гвардія уже давно возбуждала подозрѣнія; не смотря на громкія увѣренія генерала Жакмино, командира гвардіи, въ томъ, что его войска останутся вѣрными правительству, многіе не довѣряли этимъ словамъ, и потому ему было приказано сдѣлать въ каждомъ легіонѣ самый строгій выборъ людей, которые могли бы быть призваны въ случаѣ тревоги. Въ то же время одинъ странный случай ясно доказалъ эту недовѣрчивость двора. Тюильерійскіе караулы были заняты отрядами войска и національной гвардіи. Вдругъ среди ночи раздался ружейный выстрѣлъ. Національные гвардейцы не имѣли при себѣ патроновъ, и такимъ образомъ они узнали, что солдаты были уже снабжены ими. Кромѣ того пронесся слухъ, что маршалъ Бюжо, слывшій человекомъ неумолимо жестокимъ, долженъ сдѣлаться военнымъ министромъ и что его назначеніе, уже подписанное королемъ, будетъ официально объявлено при первомъ движеніи со стороны народа.

Всѣ эти слухи, всѣ эти факты возбуждаютъ различныя чувства.

Подозрительность двора раздражаетъ національную гвардію; ее возмущаетъ это инквизиціонное обращеніе съ ней.

Мелкіе торговцы, страдающіе отъ застоя въ торговлѣ, обвиняютъ кабинетъ, который своимъ упрямствомъ поддерживаетъ кризисъ и какъ будто хочетъ закрыть ему всякій выходъ; люди вполне благомыслящіе заботятся о своемъ спокойствіи; тѣ, которыхъ состояніе поддерживается только спокойствіемъ, трепещутъ отъ страха при видѣ этихъ первыхъ симптомовъ уже знакомыхъ имъ бѣдствій; однихъ эти грозные признаки обуздываютъ, другихъ же, напротивъ, подстрекаютъ; подъ вліяніемъ любопытства, несбыточныхъ

надеждъ и патріотическаго энтузіазма, народъ не страшится никакихъ случайностей столкновенія.

V.

До сихъ поръ никто еще не рѣшался переступить мѣры законнаго сопротивленія. Паньеръ говорилъ въ это время радикальнымъ депутатамъ: „мнѣ кажется, что оппозиціонные депутаты идутъ дальше, чѣмъ они думаютъ и желаютъ идти. Они надѣются поддерживать движеніе, упираясь на законность; но мнѣ кажется, что они этого не достигнутъ. Что они будутъ дѣлать, что вы будете дѣлать, если это движеніе не остановится?“ — „Мы будемъ поддерживать его, отвѣчали радикалы. Если въ дѣло вмѣшается сила, тогда, какъ это часто повторяли наши товарищи лѣвой стороны, вся отвѣтственность за событія падетъ на министровъ и даже на самого короля, такъ какъ они вызвали эти событія; мы же, радикалы, съ своей стороны никогда не оставимъ дѣла революціи.“

Такимъ образомъ умѣренные радикалы предвидѣли возможность столкновенія; они принимали это въ соображеніе, зная, что оппозиція публично заявила обязательство поддерживать права народа. Честь ея настоятельно требовала, чтобы законное сопротивленіе было организовано и доведено до конца; но по чувству той же чести, по убѣжденію въ томъ, что торжество ихъ дѣла будетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ скорѣе и неожиданнѣе оно совершится, они искренно предпочитали вооруженной битвѣ — громадную мирную манифестацію общественнаго мнѣнія.

Члены комитета двѣнадцатаго округа были созваны на 14 февраля къ Барро. Это были большею частью люди очень горячіе и крайнихъ мнѣній; они не колеблясь рѣшились подчиниться управленію главнаго совѣта депутатовъ, журнали-

стовъ и избирателей. Немедленно же были сдѣланы слѣдующія распоряженія:

Банкетъ долженъ имѣть тысячу подписчиковъ; для составленія картежа будутъ призваны реформистскіе депутаты и возможно большее количество гражданъ, національныхъ гвардейцевъ, избирателей, рабочихъ и воспитанниковъ разныхъ училищъ. Толпа будетъ совершенно безмолвна; ей даже не позволено будетъ кричать: „Да здравствуетъ реформа!“ Президентъ банкета долженъ предложить тостъ за право собранія и за парламентскую реформу; ораторы, назначенные заранее, выскажутъ свои мысли на темы, также заранее условленные. Толпа разойдется такъ же спокойно, какъ собралась; каждый гражданинъ обязанъ наблюдать, чтобы никакое подстрекательство или частное столкновѣніе не превратило этой великой патріотической демонстраціи въ ничтожное уличное волненіе. Бунтъ можетъ только укрѣпить уже колеблющуюся систему; законная же протестация, совершенная съ сознаниемъ силы и права, съ достоинствомъ людей, чувствующихъ свое право на свободу, сознающихъ то, что они дѣлаютъ и дѣлающихъ только то, чего они желаютъ, можетъ одна низвергнуть кабинетъ или, что все равно, обезпечить успѣхъ реформы. И если, не смотря на всѣ эти предосторожности и энергическое желаніе поддержать порядокъ, какая нибудь неосторожная ссора кончится страшной рѣзней, которую исторія запишетъ на своихъ страницахъ, то въ этомъ случаѣ реформисты не несутъ никакой отвѣтственности ни предъ общественнымъ мнѣніемъ, ни предъ потомствомъ, ни предъ совѣстью. Вся отвѣтственность падетъ на настоящихъ виновниковъ катастрофы, на тѣхъ, которые, не признавая ни чьихъ правъ, пренебрегаютъ всѣми требованьями и всѣми предостереженьями.

Эти благоразумныя мѣры были приняты всѣми. Переходные люди изъ республиканцевъ, воспитанники различ-

ныхъ школъ, работники, занимавшіеся политикой. всѣ взяли на себя обязанность сопротивляться всякому возбужденію публики, не давать никакого повода къ ссорѣ, не позволять ничего такого, что могло бы измѣнить характеръ манифестаціи и погубить ожидаемые отъ нея громадныя результаты. Съ этой минуты приготовленія къ банкету шли быстро, подъ управленіемъ комиссіи, состоявшей изъ парижскихъ депутатовъ: Буасселя, Фердинанда де Ластейри и Вавена; изъ членовъ центрального комитета: Рекюра, Паньера и Лабелони, и представителей комитета двѣнадцатаго округа: Гобера, Делестра и Боке. Къ нимъ впослѣдствіи присоединился Альтонъ-Се, перъ Франціи.

На другой день въ журналахъ явилась замѣтка слѣдующаго содержанія: „Собраніе, о которомъ мы говорили сегодня утромъ, состоялось сегодня же, какъ было условлено; въ надлежащее время оно сообщитъ публикѣ рѣшенія, уже принятыя имъ, равно какъ и тѣ, которыя будутъ вновь приняты.“

„Относительно этихъ рѣшеній мы должны до извѣстнаго времени хранить молчаніе; но мы можемъ смѣло сказать, что не долго прійдется дожидаться этой манифестаціи, исполненной торжественности, силы и спокойствія, которая будетъ тѣмъ величественнѣе, что, будучи вызвана необходимостью поддержать священное право, она сохранитъ характеръ самой строгой законности.“

VI.

Между тѣмъ встрѣтилось самое обыкновенное препятствіе, которое одно время, казалось, должно было заставить оппозицію отказаться отъ своего дѣла и доставить кабинету торжество. Хотя помѣщеніе для банкета и было назначено въ публичномъ мѣстѣ, но полиція отказывалась дать разрѣшеніе, — не оппозиціи, а хозяину заведенія. Такимъ образомъ

разрѣшеніе вопроса было затруднено. Надобно было искать частное помѣщеніе. Но гдѣ же найти въ Парижѣ такое частное помѣщеніе, которое могло бы вмѣстить въ себѣ тысячу человѣкъ? Гдѣ найти такое мѣсто, котораго окрестности были бы въ состояніи вмѣстить въ себѣ эту громадную парижскую толпу, которую любопытство или необходимость сильныхъ ощущеній привлекаетъ къ великимъ зрѣлищамъ, которую симпатія призываетъ къ сильнымъ выраженіямъ патріотическихъ чувствъ, если даже эти демонстраціи сопряжены съ опасностью? Одинъ изъ консервативныхъ депутатовъ, ясно предвидѣвшій кризисъ въ самомъ началѣ его развитія и искавшій для него мирнаго исхода, Морни, предложилъ для банкета землю, находящуюся въ кварталѣ Beauparc, которая принадлежала ему вмѣстѣ съ другими владѣтелями. Въ началѣ хотѣли было отказаться отъ этого предложенія, сдѣланнаго противни оми, но потомъ по необходимости должны были принять его; тогда одинъ изъ совладѣтелей Морни отказалъ въ своемъ согласіи. Наконецъ, послѣ множества усилій, это важное препятствіе было устранено. 20 февраля, Нито уступилъ для банкета свою землю въ Chaillot, подлѣ арки Звѣзды, въ улицѣ, называвшейся тогда rue du Chemin de Versailles, и получившей потомъ названіе, въ память самаго событія, Rue du Banquet.

VII.

Въ это время повсюду распространялись слухи, которые уже одной своей неопредѣленностью и противорѣчіемъ увеличиваютъ возбужденіе умовъ. Такъ какъ „National“ преждевременно объявилъ, что банкетъ будетъ 20 февраля, а между тѣмъ ничего еще не было готово, ни помѣщеніе, ни порядокъ кортежа, ни программа манифестаціи, то надобно было попра-

вить эту ошибку. Обстоятельство это было причиной того, что нѣкоторые подумали, будто оппозиція намѣрена уступить.

Въ это же время „Journal des Débats“ напечаталъ примирительную статью, которая утверждала, что слова Гизо, произнесенныя имъ въ засѣданье 1 февраля, не должны быть понимаемы въ смыслъ рѣшительнаго отказа во всякой реформѣ; что они, напротивъ того, заключали въ себѣ формальное обязательство привести ихъ въ исполненіе въ продолженіе засѣданій законодательнаго собранія. Самые отчаянные изъ консерваторовъ оскорбились этой статьей: желая польстить государю и думая, что лучшее средство къ этому заключается въ возбужденіи его упрямства, они стали ругать Гизо, котораго считали виновникомъ этой статьи. Начальникъ принужденъ былъ оправдываться предъ солдатами въ своей невинности. Такъ справедливо, что люди, дѣйствующіе подъ вліяніемъ страстей, всегда находятъ еще такихъ, которые превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи.

Въ то же время сдѣлалось извѣстнымъ и то, что военный министръ велѣлъ поставить весь парижскій гарнизонъ на военную ногу; что онъ приказалъ раздать войску топоры, лопаты, заступы и провизію на четыре дня; что въ Венсенскомъ замкѣ все готовилось какъ бы для осады; что тамъ день и ночь приготавливали боевые снаряды; что по приказанію герцога Монпансье изъ этой крѣпости велѣно прислать въ военную школу пушки, ящики и повозки съ боевыми матерьялами. Всѣ узнали, что въ національной гвардіи происходитъ оскорбительная сортировка людей на преданныхъ и подозрительныхъ; разузнанія Карбонеля, начальника генеральнаго штаба, не могли уничтожить неопровержимыхъ свѣдѣтельствъ въ пользу этого факта. Наконецъ военный министръ, на вопросы о причинахъ вооруженія парижскихъ укрѣпленій, отвѣчалъ какими то грозными двусмысленными словами.

Всѣ эти объявленія, задержки, откладыванія, умалчиванія, слухи и различные толки постепенно возбуждали самыя противоположныя опасенія и надежды. Безпокойство общества все болѣе и болѣе усиливалось; всѣ чувствовали невозможность оставаться далыне въ нерѣшительности и всѣ видѣли настоятельную необходимость довести дѣло до конца.

VIII.

Вслѣдствіе этого общая коммиссія собралась 18 числа и рѣшила, что банкетъ будетъ въ среду 22 февраля, въ полдень. На другой день журналы объявили объ этомъ окончательномъ рѣшеніи. Назначена была вспомогательная коммиссія для составленія программы манифестаціи и для обсужденія всѣхъ ея условій, съ цѣлью предупредить всякій поводъ къ ошибкамъ и случайностямъ. Чтобы не пренебречь никакой предосторожностью, рѣшено было подвергнуть всѣ принятыя коммиссіей мѣры контролю новаго собранія депутатовъ, вотировавшихъ измѣненія благопріятныя для реформы.

На другой день, 19 числа, всѣ созванные члены собрались въ café Durand, тамъ же, гдѣ было первое засѣданіе. Не смотря на свое воодушевленіе, депутаты были непоколебимы въ своемъ рѣшеніи. Барро прочиталъ отчетъ въ трудахъ общей коммисіи; онъ изложилъ всѣ мѣры, принятыя для того, чтобы сдѣлать манифестацію какъ можно болѣе блистательною и чтобы устранить всякую случайность, которая могла бы измѣнить ея законный и мирный характеръ; онъ утверждалъ, что если агенты правительства удержатся отъ всякаго возбужденія, то можно быть вполне увѣреннымъ, что порядокъ не будетъ нигдѣ нарушенъ, даже въ самой энергической средѣ парижскаго населенія; онъ заключилъ свой отчетъ предложеніемъ членамъ собранія утвердить эти мѣры.

Въ этомъ собраніи участвовалъ одинъ изъ консервативныхъ

депутатовъ, Дарбле; онъ явился сюда отъ имени своихъ товарищей, поручившихъ ему представить оппозиціи планъ дѣйствій, относительно котораго консерваторы давали имъ совѣты, изложенные въ письмѣ, опубликованномъ на другой день. Въ этомъ письмѣ сказано было слѣдующее: „Мы вотировали вмѣстѣ съ вами, слѣдовательно наши намѣренія не должны быть для васъ подозрительны. Вы хотите, не выходя за предѣлы законности, сдѣлать манафистацію съ цѣлью поддерживать право собранія. Но въ этомъ случаѣ представляются два соображенія: правительство можетъ или воспрепятствовать осуществленію вашего проекта, или допустить его. Въ первомъ случаѣ вы будете сопротивляться, и никто не въ состояніи предвидѣть, какъ далеко это васъ заведетъ. Во второмъ случаѣ правительство унизитъ себя и потеряетъ всякій призракъ своего значенія. Отчего же вамъ лучше не продолжать борьбы въ парламентѣ? Вашъ голосъ будетъ услышанъ даже большинствомъ. Справедливость вашего дѣла уже лишила министерскую партію значительной части ея членовъ; благоразумное поведеніе можетъ еще болѣе увеличить число вашихъ приверженцевъ. Тогда кабинетъ погибнетъ, ваше торжество будетъ достигнуто законнымъ путемъ; правильное пониманіе нашихъ учрежденій дѣлаетъ священнымъ право, которое вы защищаете; вы достигнете всѣхъ реформъ, которыя дѣйствительно желаетъ имѣть страна, не дѣйствуя на удачу, не рискуя борьбой, въ которой побѣда и пораженіе будутъ одинаково гибельны для страны и для васъ самихъ“.

Хотя въ сущности слова эти были справедливы, но они были приняты съ видимою холодною. Разумѣется, опасно было идти впередъ; самые рѣшительные люди ясно видѣли это, но отступиться отъ дѣла было позорно и этотъ добровольный позоръ былъ бы для оппозиціи гибелью. Тамартинъ высказалъ эти чувства, тяготѣвшія надъ всѣми, въ рѣчи, исполненной необыкновеннаго здраваго смысла и вѣрности взгляда.

„Говорять, что кризисъ увеличивается, что положеніе натянуто и что большая отвѣтственность можетъ пасть на людей, твердо рѣшившихся дѣйствовать во имя народа. Милостивые государи, я въ этомъ убѣжденъ болѣе чѣмъ тотъ, кто первый замѣтилъ это; не видѣть этой опасности было бы ослѣпленіемъ; скрывать ее отъ васъ было бы слабостью. Толпа всегда представляетъ опасность.... Но каково же наше положеніе? Дерзкіе вызовы правительства поставили насъ между позоромъ и опасностью. Вотъ настоящее положеніе дѣлъ; мое сознаніе въ этомъ и ваше согласіе доказываютъ, что я не ошибаюсь. (Такъ! Такъ!). Мы поставлены между позоромъ и опасностью. (Одобреніе).

„Господа! будемъ ли мы достаточно тверды, достаточно великодушны, чтобы снести этотъ позоръ!... Я чувствую себя способнымъ на эту жертву; вы также готовы на это. Да! лучше позоръ, чѣмъ капля крови народа или войска, которая падетъ на нашу отвѣтственность.... Но позоръ Франціи, позоръ конституціонному дѣлу, позоръ самолюбію и праву народа! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мы не смѣемъ, мы не можемъ этого допустить; ни честь, ни совѣсть не позволяютъ намъ рѣшиться на это.... И что мы скажемъ, возвратившись въ наши департаменты, тѣмъ, которые ввѣрили намъ защиту своихъ правъ и заботу о сохраненіи чести свободнаго народа? Каково будетъ наше положеніе, какую роль мы будемъ играть предъ ними? Какъ!—мы пользовались вмѣстѣ съ народомъ законнымъ правомъ собранія, основаннымъ на обычаяхъ и правахъ всѣхъ свободныхъ народовъ, на реставраціи и наконецъ на примѣрѣ, поданномъ намъ самими министрами Іюльской революціи, мы освятили эти мирныя сходы, на которыхъ какъ депутаты, такъ и представители власти одинаково выражаютъ свои конституціонныя убѣжденія; мы сами побуждали гражданъ благоразумно и умѣренно пользоваться этимъ правомъ выраженія чувствъ, основанномъ на конституціонныхъ учре-

жденіяхъ; мы имъ говорили: если будутъ нападать на это право,—мы будемъ его защищать, мы спасемъ его для васъ, мы вамъ возвратимъ его въ цѣлости или по крайней жѣрѣ гарантированнымъ и ограниченнымъ тѣми правилами, которыя можетъ создать только законъ для правильнаго пользованія этимъ правомъ.... Да! вотъ что мы имъ говорили. — А теперь, робко уступая, не предъ закономъ, котораго я самъ требовалъ для Франціи, а предъ своевольнымъ и надменнымъ повелѣніемъ министра, мы примемъ его произвольное запрещеніе за законъ!

„И, возвратившись въ наши департаменты, мы скажемъ нашимъ вѣрителямъ: смотрите, съ чѣмъ мы возвращаемся съ этого поля битвы закона, на которое вы послали насъ сражаться за себя: мы вамъ приносимъ обломки вашей конституціи, развалины вашей свободы мнѣній и министерскій произволъ на мѣсто народнаго права.

„Мы предали Францію въ руки одного министра! (Воскликанія).

„Нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно! Тогда мы не достойны будемъ называться людьми! Тогда мы должны будемъ сейчасъ же оставить палату и исчезнуть, уничтоженные общественнымъ презрѣніемъ. (Воскликанія продолжаются).

„Господа, будемъ говорить хладнокровно; этого требуетъ настоящая минута. Процессъ, который мы ведемъ съ правительствомъ—весьма важенъ. Вспомнимъ, что намъ предстоитъ исполнить во вторникъ для цѣлой Франціи. Бунтъ ли это?—Нѣтъ. Революція?—Нѣтъ. Богъ да хранить какъ можно дольше нашу страну отъ необходимости въ ней! Что же это такое? Выраженіе вѣры народа во всемогущество законнаго права великой страны. Франція въ продолженіи пятидесяти лѣтъ часто, очень часто и, можетъ быть, слишкомъ порывисто, дѣлала революціи, но она никогда еще не сдѣлала великаго національнаго гражданскаго дѣла; теперь мы

собираемся совершить для нее это гражданское дѣло законнаго сопротивленія произволу, противъ котораго она еще не могла до сихъ поръ защищаться конституціонными средствами, и нашимъ оружіемъ въ этомъ дѣлѣ будетъ ея воля.“ (Такъ! Такъ!).

Въ этой рѣчи гениально выражено чувство чести и общественное мнѣніе. Всѣ убѣжденія соединились въ одну волю, всѣ подписали свое согласіе. Только нѣсколько легитимистовъ начали колебаться; ихъ пугала быстрота движенія; ихъ симпатія, охладѣвшая на этотъ разъ, выказалась только въ день побѣды. Всѣ оппозиціонные журналы напечатали на другой день замѣтку слѣдующаго содержанія:

„Оппозиціонные депутаты снова собрались сегодня утромъ, съ цѣлью разсуждать о томъ, какое участіе они должны принимать въ манифестаціи, готовящейся для поддержанія права собранія, османиваемого и нарушаемаго министерствомъ. Выслушавъ отчетъ своей коммисіи, собраніе признало единогласно, что теперь болѣе чѣмъ когда нибудь необходимо посредствомъ законнаго сопротивленія протестовать противъ мѣры, несогласной съ принципами конституціи, а также и съ текстомъ самаго закона; въ слѣдствіе чего и было рѣшено, что въ будущій вторникъ вся оппозиція отправится на мѣсто собранія.

„Такое рѣшеніе есть самое лучшее выраженіе того уваженія, которое депутаты питаютъ къ благоразумію, патриотизму и великодушнымъ чувствамъ парижскаго народа. Оппозиціонные депутаты не могутъ согласиться, вмѣстѣ съ врагами свободы, чтобы народъ, право котораго не признаютъ, былъ осужденъ на выборъ между рабскимъ послушаніемъ и насиліемъ. Такимъ образомъ они напередъ увѣрены, что весь народъ пойметъ, что манифестація права противъ произвола измѣнитъ своей цѣли, если она не будетъ совершена правильно и спокойно. Парижъ часто дѣлалъ геройскія усилія, великія

революціи. Въ настоящее время онъ призванъ, чтобы дать примѣръ народамъ и показать имъ, что въ свободныхъ странахъ спокойное и твёрдое поведеніе гражданина, уважающаго законъ и защищающаго свое право, есть самое непреодолимое и самое величественное національное могущество. Этимъ путемъ будутъ достигнуты два великихъ результата: освященіе права, присущаго всякой свободной конституціи и блистательное доказательство прогресса въ нашихъ политическихъ нравахъ. Депутаты разсчитываютъ на сочувствіе и поддержку всѣхъ добрыхъ гражданъ, точно также, какъ эти послѣдніе могутъ полагаться на ихъ неутомимую преданность и твердую рѣшительность.

„Въ засѣданіи было прочитано письмо, которымъ депутаты выражаютъ свое согласіе принять приглашеніе комиссаровъ двѣнадцатаго округа. Восемьдесятъ депутатовъ уже подписались.“

Это приглашеніе приняли также бывшіе депутаты: генераль Лайте, Мартенъ де Страсбургъ, Корменантъ, Декаандръ, Маршанъ, Эрнестъ де Жиарденъ, Ташеро, Вьелляръ, Кульманъ и Дюшафо, и три пера: герцога д'Аркуръ, де Буасси и Альтонъ-Се. Де ла-Москова отказался отъ приглашенія.

IX.

Случайность пзвиняетъ ошибки человѣка, но она рѣдко мѣшаетъ великимъ историческимъ событіямъ. Когда событія эти уже прошли, когда современныя имъ страсти потухли, тогда легко отыскать причины этихъ событій въ ихъ послѣдствіяхъ; легко можно видѣть, что причины событій были всегда ясны; что люди предусмотрительные видѣли ихъ, указывали на нихъ; что ихъ предостереженія были оставляемы безъ вниманія, ихъ совѣты пренебрегаемы; что слѣдная страсть преодолѣла всѣ усилія благоразумія. Конечно,

на канунъ 24 февраля легко было предвидѣть столкновение между озлобленнымъ кабинетомъ и оскорбленной оппозиціей; легко было также предвидѣть и то, что при какомъ бы то ни было результатѣ, это столкновение будетъ гибельно для монархической власти. Зачѣмъ же правительство такъ упрямо добивалось этого столкновенія? Отчего оно не искало мирнаго разрѣшенія вопроса? Зачѣмъ, желая одно время уступить, оно изъ ничтожнаго самолюбія снова бросилось къ пропасти?... Дальнѣйшій рассказъ объяснить всѣ эти вопросы.

Слабыя усилія къ примиренію были до сихъ поръ неудачны. Обѣ стороны, желая избѣжать опасности, стремились къ ней. Но приближеніе великой минуты вызвало болѣе энергическія усилія. Нѣсколько членовъ консервативной партіи не переставали доказывать министрамъ и главнымъ членамъ оппозиціи, что для обѣихъ сторонъ благородное примиреніе гораздо лучше войны. Они говорили министрамъ, что, не смотря на ихъ рѣзкія увѣренія, право собранія не подлежитъ сомнѣнію; что результатъ борьбы,—не противъ какихъ нибудь неизвѣстныхъ бунтовщиковъ, а противъ большей части столицы, взволнованной во имя закона усиліями цѣлой оппозиціи, — болѣе чѣмъ сомнителенъ; что если дѣло шло только о самолюбіи кабинета, то честь его остается еще неприкосновенною; что наконецъ, во сто разъ лучше окончить борьбу въ палатѣ, чѣмъ рѣшиться на битву. Обратившись къ оппозиціи, они говорили: самое важное дѣло для васъ заключается въ томъ, чтобы манифестація состоялась, и при томъ безъ вмѣшательства полиціи и при полной увѣренности, что она не превратится въ бунтъ. Вы предпочитаете торжественное и мирное доказательство вашего права кровавому столкновенію, исходъ котораго неизвѣстенъ; если такъ, то поищемъ вмѣстѣ средства къ мировой сдѣлкѣ, которая, поддерживавъ всѣ ваши права, не была бы ни для кого унижительною.

При дворѣ эти увѣщанья были принимаемы различнымъ образомъ. Король, Гизо и Геберъ отвергали всякую мировую сдѣлку; Дюшатель, напротивъ того, соглашался на примиреніе и большинство членовъ совѣта раздѣляло его мнѣніе. Оппозиція не представляла никакого затрудненія: вопросъ нечувствительно измѣнился; демонстрація всего парижскаго населенія, призваннаго депутатами, стала самымъ важнымъ, самымъ значительнымъ дѣломъ; чтобы устранить это дѣло, стоило только уступить что нибудь въ пользу банкета, который тогда сдѣлался восторженнымъ обстоятельствомъ. Самые рѣшительные радикалы предпочитали вѣрный исходъ битвѣ, на счастливый исходъ которой они не рассчитывали; такъ они думали до послѣдней минуты.

Вслѣдствіе этого министерство назначило двухъ своихъ преданныхъ друзей, Морни и Вите, для переговоровъ о соглашеніи съ оппозиціей, которая съ своей стороны назначила представителями на эти конференціи Малевіля, Дювержье де Горанна и Берже.

Х.

Послѣ продолжительнаго и горячаго спора, эти пять посредниковъ заключили, съ общаго согласія, слѣдующія условія:

Оппозиціонные депутаты употребятъ всѣ усилія, чтобы поддержать порядокъ. Полицейскій комиссаръ, поставленный у наружныхъ дверей бенкетной залы, будетъ ожидать прибытія кортежа и закроетъ ему входъ; но, не обращая вниманія на это запрещеніе, кортежъ войдетъ въ залу. Приглашенные сядутъ за столъ. Тогда полицейскій комиссаръ объявитъ о нарушеніи закона, составитъ протоколъ противъ президента банкета и потребуетъ, чтобы собраніе разошлось, объявляя при этомъ, что въ случаѣ надобности онъ употребитъ силу.

Велѣдъ за этимъ Барро будетъ протестовать противъ этого злоупотребленія власти; онъ будетъ отстаивать право собранія и скажетъ, что оппозиція имѣла цѣлью обратиться къ судебной власти для защиты законовъ, нарушенныхъ политической властью; потомъ онъ объявитъ, что онъ уступаетъ передъ силою и пригласитъ собраніе спокойно разойтись; наконецъ онъ обратится къ самому капитальному вопросу о томъ, что всякое возмущеніе или насиліе противъ какого бы то ни было представителя общественнаго спокойствія будетъ имѣть послѣдствіемъ извращеніе смысла и характера демонстраціи и слѣдовательно уничтожить ея дѣйствіе. Послѣ этой рѣчи, депутаты первые подадутъ примѣръ и употребятъ свои усилія, чтобы убѣдить толпу спокойно разойтись.

Палата безъ всякихъ преній дастъ свое полномочіе представить это дѣло на разрѣшеніе суда.

До рѣшенія кассационнаго суда оппозиціонные депутаты не будутъ участвовать ни въ какомъ банкетѣ, безъ разрѣшенія муниципальной власти.

Коммиссары взаимно обязываются употребить все свое усиліе, чтобы устранить съ обѣихъ сторонъ всякую полемику, которая могла бы извратить факты и усилить враждебное расположеніе.

Въ заключеніе, они обѣщали дѣйствовать при исполненіи условій съ тѣмъ примирительнымъ духомъ, который руководилъ ими при ихъ заключеніи *).

XI.

Очевидно, эти условія равно удовлетворяли обѣ стороны.

*) Главныя основанія этого условія были приняты оппозиціею; по послѣдующія событія помѣшали сообщенію этихъ условій членамъ главной коммиссіи банкета, которые вовсе не знали о нихъ.

Правительство было увѣрено, что до рѣшенія кассационнаго суда банкетовъ не будетъ, и такимъ образомъ ажитація успокоится. Разумѣется, ему было непріятно терпѣть эту демонстрацію, но за то оно было убѣждено, что законное вмѣшательство оппозиціи послужить къ поддержанію порядка и къ устраненію всегда страшныхъ послѣдствій борьбы на улицахъ Парижа.

Оппозиція, съ своей стороны, имѣла такія же, если не гораздо большія выгоды. Въ продолженіи шести мѣсяцевъ она обращалась съ воззваніями къ странѣ; со всѣхъ сторонъ отвѣчали на этотъ призывъ; общественное мнѣніе перешло на ея сторону и это мнѣніе, отразившись въ палатѣ, ослабило парламентское большинство. Само министерство было поколеблено; неудачная перемѣна нѣкоторыхъ министровъ только ускорила это разрушеніе. Оппозиція была увѣрена, что она счастливо кончитъ начатое дѣло и что успѣхъ его не подлежитъ сомнѣнію. Къ тому же какое значеніе могли имѣть новыя рѣчи па прерванномъ банкетѣ послѣ горячихъ споровъ въ палатѣ? Одна только демонстрація сохранила серьезное и дѣйствительное значеніе и она состоится. Свѣтъ долженъ былъ увидѣть это великолѣпное зрѣлище цѣлаго народа, поднявшагося на защиту своихъ правъ, требующаго уваженія къ его законамъ, выступающаго спокойно, но твердо, всею своею величественною массою и такимъ образомъ совершающаго безшума, съ высокимъ величіемъ, благородное дѣло своего политическаго могущества. Конечно, этого результата было достаточно, и оппозиція никогда даже не надѣялась на такое торжество.

XII.

Все заставляло думать, что соглашеніе, принятое съ обѣихъ сторонъ, будетъ также приведено въ исполненіе. Самая горячая демократическая партія не хотѣла мѣшать

этому дѣлу, потому что, во первыхъ, она не вѣрила въ близкое осуществленіе своихъ надеждъ и, во вторыхъ, она чувствовала себя безсильною. 20 февраля, Флоконъ просилъ одного изъ членовъ комитета редакціи журнала „la Reforme“ выдать ему послѣднюю сумму 300 франковъ, чтобы заплатить за наборъ 21 № этого журнала, сознаваясь, что всѣ средства журнала уже истощены, что его друзья въ Парижѣ и въ департаментахъ остались совершенно безъ денегъ и что такъ какъ осуществленіе республики отложено до смерти Луи-Филиппа, то журналъ „la Reforme“ устраняетъ себя отъ дѣла; что изданіе журнала прекращается и будетъ существовать только до среды, т. е. до слѣдующаго дня послѣ банкета, чтобы умереть вмѣстѣ съ торжествомъ демократіи, и что для издержекъ на № № 22 и 23 ему остается только — продать свою мебель.

Сверхъ того, въ среду радикаловъ начинали проникать болѣе вѣрныя мысли. Тѣ изъ нихъ, которые порицали реформистскую коалицію, которые соединились съ ней, чтобы потомъ опять оставить ее, которые устроили вслѣдъ за тѣмъ контръ-манифестацію, — рѣшились наконецъ стать подъ общее знамя. Удивленные громадностью движенія, они ясно видѣли, что манифестація, организованная центральнымъ комитетомъ, депутатами лѣвой стороны и парламентскими радикалами, состоится и при ихъ содѣйствіи, если они этого желаютъ, но что въ нихъ не будутъ нуждаться и сдѣлають ее даже противъ ихъ желанія; еще нѣсколько минутъ колебанья, и предводители этой части партіи радикаловъ остались бы одни. Не будучи сперва въ числѣ приглашенныхъ, Ледрю-Ролленъ объявилъ 21 числа въ „la Reforme“, что онъ получилъ дозволеніе присоединить и свое имя къ числу депутатовъ, участвующихъ въ банкетѣ. Въ то же самое время коалиція пріобрѣтала другое, столь же важное согласіе. Въ продолженіе почти двухъ недѣль собирався у Овена, начальника батальона 3 легіона, из-

бирательный комитетъ, устроенный отдѣльно отъ центральнаго комитета и заключавшій въ себѣ элементы самаго яраго радикализма. Въ немъ принимали участіе Луи Бланъ, Гинаръ, Феликсъ Піа, Давидъ д'Анжеръ и нѣсколько другихъ болѣе умѣренныхъ, какъ напримѣръ: Гудшо, Мартенъ де Страсбургъ, Дофенъ и другіе. Этотъ комитетъ рѣшилъ отправить къ Барро депутацію, состоявшую изъ Луи Блана, Овена и Гинара, которая отъ его имени должна была потребовать, чтобы работники заняли особенное мѣсто въ кортежѣ. Барро, Паньеръ и Гарнье-Пажесъ приняли эту депутацію и сказали ей, что эта просьба унижаетъ принципъ равенства; что работники имѣютъ право занять мѣсто въ кортежѣ наравнѣ съ прочими гражданами; что банкетная коммиссія считаетъ своимъ долгомъ высказать предъ всѣми идею соединенія всѣхъ классовъ народа; что раздѣленіе между ними будетъ выражать не согласіе, а скорѣе сдѣлается обидою, нежели почетомъ. Но Луи Бланъ настоялъ на своемъ и Барро уступилъ. Было условлено, что работники составятъ колонну, отдѣленія которой будутъ различаться значками.

ХІІІ.

Тотъ же духъ благоразумія одержалъ верхъ и между воспитанниками различныхъ школъ. До сихъ поръ это юношество, изъ подраженія республиканцамъ, было раздѣлено на партіи. Въ средѣ его, какъ мы уже видѣли, были партизаны обоихъ журналовъ: «la Reforme» и «National». Но въ виду этихъ двухъ важныхъ обстоятельствъ, это раздѣленіе между ними казалось одно время исчезнувшимъ. Съ общаго согласія студенты устроили банкетъ въ честь Фердинанда Гамбона, этого судьи города Кона, который былъ смѣненъ съ своей должности кассационнымъ судомъ и который считался однимъ изъ основателей «Journal des Ecoles». За нѣсколько

дней до банкета, 3 февраля, колонна изъ тысячи пятисотъ студентовъ отправилась въ палату для представленія просьбы о разрѣшеніи открыть снова курсы Мишле и Кине; просьбу эту принялъ отъ нихъ Кремье; за тѣмъ эта колонна отправилась въ томъ же порядкѣ въ конторы «National» и «la Réforme» для скрѣпленія союза съ республиканцами. Но нѣсколько дней спустя между ними опять произошло раздѣленіе. 11 февраля, шестьсотъ студентовъ собрались въ залъ нижняго этажа одного изъ домовъ улицы des Fossés-Saint-Victor, чтобы обсудить свои отношенія къ общей банкетной комиссіи; споры привели къ разрыву и студенты разошлись недовольными. Каждая партія составила свой комитетъ. Но 19 февраля со всѣхъ сторонъ опять почувствовали необходимость соединиться. Въ то время, когда члены различныхъ партій разсуждали о сближеніи, явились депутаты первой комиссіи для заключенія мира. Съ той и другой стороны примиреніе совершилось съ одинаковою искренностью и полнотою. Рѣшено было послать къ Барро депутацію отъ училищъ, состоящую изъ пяти членовъ, съ порученіемъ просить еще десять билетовъ на банкетъ, для работниковъ, сверхъ десяти уже предложенныхъ училищамъ. Общій банкетный комитетъ поснѣшилъ исполнить эту просьбу, которая служила новымъ ручательствомъ того, что вліяніе этой молодежи, столь любимой народомъ, послужитъ къ поддержанію порядка и будетъ способствовать сохраненію законнаго и мирнаго характера манифестаціи.

XIV.

Свѣдѣнья, собранныя въ Парижѣ другими комитетами, были также успокоительны. Работники приняли манифестацію съ энтузіазмомъ и вслѣдствіе этого желали, чтобы никакое обстоятельство не помѣшало ей сохранить свой характеръ.

Департаменты придавали манифестаціи еще болѣе значенія, выражая это своимъ сочувствіемъ. Находясь подъ вліяніемъ возбужденія парижанъ, департаменты присылали свои поздравительные адреса на имя различныхъ комитетовъ; они убѣждали депутатовъ продолжать до конца законную защиту права собранія, составлявшую вѣрный залогъ мирной побѣды.

Наконецъ, — подробности мелочныя, но знаменательныя, — эти ничтожные споры, которые неотступно сопровождаютъ всякій великій переворотъ и составляютъ комическую сторону исторіи, начинали мало по малу утихать. Центральный комитетъ и распорядительная коммиссія, исключительно назначенныя для наблюденія за порядкомъ, серьезно разсуждали о мѣрахъ къ поддержанію его, какъ вдругъ поднялся споръ о слѣдующемъ важномъ вопросѣ: должны ли національные гвардейцы, которые будутъ участвовать въ кортежѣ, имѣть при себѣ сабли? Споръ становился очень горячимъ, какъ вдругъ одинъ изъ членовъ замѣтилъ шутя, что носить саблю не приказано, но и не запрещено. Это возбудило общій смѣхъ и затѣмъ приступили снова къ серьезнымъ вопросамъ.

XV.

Министерство съ своей стороны честно исполняло конвенцію, заключенную при посредствѣ Морни, Малевия и другихъ. Черезъ посредство префекта полиціи, оно приказало полицейскимъ комиссарамъ отправиться на площади de la Madeleine и Concorde и къ дверямъ банкетной залы. Инструкціи, данныя этимъ агентамъ, были самаго мирнаго характера. Правда, кабинетъ въ то же время принималъ мѣры для присмотра за порядкомъ и дѣлалъ большія военныя приготовленія; но это было его право и обязанность — обезпечить себѣ необходимыя матерьяльныя средства для предупрежденія

безпорядковъ, и, въ случаѣ надобности, для возстановленія нарушеннаго спокойствія.

Такимъ образомъ все въ эту минуту предвѣщало спокойствіе. Опасность, казавшаяся неминуемою, повидимому была устранена; всѣ не только надѣялись, но даже были увѣрены въ успѣхѣ любовнаго соглашенія, когда одно важное обстоятельство снова затруднило вопросъ и измѣнило ходъ событій.

XVI.

Утромъ 20 числа была созвана распорядительная коммисія, исключительно назначенная для наблюденія за порядкомъ. Изъ всѣхъ денутатовъ, членовъ этой коммисіи, собрались только Маррастъ, Перре, Меррюо, Паньеръ, Бьеста, Алтонъ-Се и Авенъ. Маррастъ составилъ сейчасъ программу, порядокъ кортежа и планъ расположенія каждаго отдѣла на площади *Maclerme*, которая назначена была соорнымъ пунктомъ. „Это скорѣе похоже на планъ сраженія, чѣмъ на программу“ сказалъ Перре, подписывая свое согласіе. Меррюо, главный редакторъ журнала „*Constitutionnel*“, прежде всего требовалъ, чтобы эта программа была предварительно утверждена Барро и Дювержье де Горанномъ. Чтобы удовлетворить этому справедливому требованью, Маррастъ немедленно отправился къ Барро. Онъ искалъ его до вечера и не нашель. Барро обѣдалъ у Кульмана; Маррастъ отправляется туда, но дорожа временемъ, онъ не представляетъ ему всей программы, а излагаетъ однѣ только главные основанія. „Хорошо, говоритъ Барро, по старайтесь не прибавлять къ этому ничего, что могло бы компрометировать оппозицію.“ Тогда программа была немедленно сообщена журналамъ: „*Siecle*“, „*Constitutionnel*“, „*National*“ и „*Courrier français*.“ Общая банкетная коммисія узнала объ этой про-

граммъ изъ журналовъ на другой день, 21 числа. Вотъ бужвальное содержаніе этой статьи.

Реформистская манифестація.

„Общая комиссія, назначенная для устройства банкета двѣнадцатаго округа, считаетъ своею обязанностью напомнить, что манифестація, назначенная на завтра (вторникъ), имѣетъ цѣлью воспользоваться законнымъ и мирнымъ образомъ конституціоннымъ правомъ, правомъ публичнаго собранія, безъ котораго представительное правленіе было бы только насмѣшкой.

„Такъ какъ министерство объявляло и утверждало въ палатѣ, что пользованье этимъ правомъ зависитъ отъ произвола полиціи, то, вслѣдствіе этого, оппозиціонные депутаты, перы Франціи, бывшіе депутаты, члены общаго совѣта, судьи, офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты національной гвардіи, члены центрального комитета, оппозиционные избиратели и редакторы парижскихъ журналовъ приняли сдѣланное имъ приглашеніе для принятія участія въ манифестаціи, съ цѣлью протестовать въ силу закона противъ самоуправнаго и незаконнаго притязанія министерства.

„Такъ какъ весьма естественно предвидѣть, что эта публичная протестація можетъ привлечь большое количество гражданъ; такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень возможно, что парижскіе національные гвардейцы, вѣрные своему долгу свободы и общественнаго порядка, захотятъ въ этомъ случаѣ исполнить свою двойную обязанность; что они своимъ присоединеніемъ къ манифестаціи будутъ защищать свободу, покровительствовать порядку и устранять своимъ присутствіемъ всякую попытку къ беспорядкамъ; наконецъ предвидя большое стеченіе гражданъ и національныхъ гвардейцевъ, намъ

кажется необходимымъ принять мѣры къ устраненію всякаго повода къ безпорядкамъ.

„Вслѣдствіе этого комиссія нашла необходимымъ, чтобы манифестация была устроена въ такой части города, гдѣ широкія улицы и площади могли бы безпрепятственно вмѣщать большое количество людей.

„А потому депутаты, перы и другія лица, приглашенные на банкетъ, соберутся во вторникъ, въ 11 часовъ, на площадь Madeleine, № 2, гдѣ обыкновенно собирается парламентская оппозиція.

„Подписчики на банкетъ, служащіе въ національной гвардіи, приглашаются собраться у церкви de la Madeleine и составить два параллельныхъ двойныхъ ряда, между которыми помѣстятся всѣ приглашенные.

„Во главѣ кортежа станутъ старшіе офицеры національной гвардіи, которые будутъ участвовать въ манифестаціи.

„Вслѣдъ за приглашенными гостями расположится рядъ офицеровъ національной гвардіи.

„За ними колонны національныхъ гвардейцевъ, расположенныя по нумерамъ своихъ легіоновъ.

„Между третьей и четвертой колоннами помѣстятся воспитанники различныхъ школъ, подъ предводительствомъ своихъ комиссаровъ.

„За ними парижскіе національные гвардейцы и гвардейцы парижскаго городского округа въ вышесказанномъ порядкѣ.

„Кортежъ тронется въ одиннадцать съ половиною часовъ и направится чрезъ площадь de la Concorde и Champs Elysées къ мѣсту банкета.

„Комиссія, — убѣжденная въ томъ, что эта манифестация будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ спокойнѣе она совершится, и вполнѣ величественною, если она не вызоветъ ни малѣйшаго предлога къ столкновенію, — приглашаетъ гражданъ не произносить никакихъ воззваній и не выставлять ника-

кихъ знаменъ и другихъ знаковъ; она приглашаетъ національныхъ гвардейцевъ, которые примутъ участие въ манифестаціи, явиться безъ оружія, потому что здѣсь идетъ дѣло о законной и мирной протестаціи, которой сила должна заключаться въ массѣ гражданъ и ихъ спокойномъ и твердомъ поведеніи.

„Коммиссія надѣется, что всякій, принимающій участие въ этой манифестаціи, считаетъ себя обязаннымъ поддержать порядокъ; она довѣряется присутствію національныхъ гвардейцевъ и чувствамъ парижскаго народа, желающаго мира и свободы, и сознающаго, что для поддержанія его правъ достаточно будетъ мирной демонстраціи, какъ это прилично разумной и просвѣщенной націи, убѣжденной въ неотразимомъ могуществѣ ея нравственной силы и увѣренной въ томъ, что ея законныя требованія восторжествуютъ путемъ спокойнаго и законнаго выраженія своего мнѣнія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Впечатлѣніе, произведенное программой; министерство видитъ въ немъ оскорбленіе власти; оно уничтожаетъ условія; Морпи и Вите отправляются къ Барро предупредить его о разрывѣ; Дювержье де Гораннъ передаетъ имъ для публікаціи замѣтку, въ которой заключаются измѣненія программы; министерство отвергаетъ ее; Морпи не полагается на національную гвардію; генераль Жакмино ручается за нее; Морпи требуетъ устраненія своей отвѣтственности въ нарушеніи условій и проситъ разрѣшенія объявить прокламацію; Дюшатель даетъ ему свое согласіе; въ тотъ же вечеръ прокламація объявлена.—Министры отправляются къ королю, который очень доволенъ этимъ разрывомъ.—Разговоръ Гудшо съ Гарнье-Пажесомъ.—Слова короля, сказанныя Рамбюто и Дюшателю: его не застигнуть въ располхъ.—Министерство рѣшаетъ, что такъ какъ манифестація имѣетъ угрожающій характеръ, то банкетъ будетъ допущенъ, если на него отправятся по одному, но что всякій кортежъ будетъ разсѣянъ; министерство отдаетъ приказанія въ смыслѣ этого рѣшенія.—Генераль Тибюрсъ Себастьяни собираетъ генераловъ и полковниковъ парижской арміи; онъ сообщаетъ имъ рѣшеніе правительства и планъ сраженія, на случай битвы въ Парижѣ; его распоряженія приняты холодно.—Приготовленія префекта полиціи.—Засѣданія въ палатѣ депутатовъ; запросъ Барро министерству; горячій споръ съ Дюшателемъ; взаимные промахи обонхъ ораторовъ.—Собраніе у Барро послѣ засѣданія; оживленные споры; принятіе отсрочки банкета.—Прокламаціи, объявленія и распоряженія правительства.—Вечернее собраніе у Барро членовъ общей комиссіи, депутатовъ центрального комитета и комитета двѣнадцатаго округа и журналистовъ; демонстрацію посредствомъ кортежа и банкета замѣняютъ обвинительнымъ актомъ противъ министерства.—Замѣчанья Тьера, Вивьена, общей комиссіи и избирательнаго комитета втораго округа.—Собраніе у Перре, въ редакціи *Siècle*; депутаты посылаютъ на это собраніе двѣ депутаціи; озлобленіе противъ нихъ; предложеніе Перре; національная гвардія, созванная правительствомъ, устроить манифестацію.—Собраніе въ копторѣ *Reforme*; члены собранія отказываются начать битву; замѣчаніе Флокана; вооруженіе откладывается.—Школьный комитетъ предлагаетъ студентамъ быть

умѣренными.—Тайныя общества не будутъ дѣйствовать.—Революція 1848 года не была дѣломъ заговора.—При извѣстїи объ этомъ новомъ рѣшенїи оппозиціи, министры внутреннихъ дѣлъ и военный отдають новый приказъ арміи и національной гвардіи.—Обѣ стороны прїостанавливають свои приготовления къ битвѣ.—Торжество въ Тюльери.—Народъ откладываетъ дѣло своего самодержавія до другаго времени.

I.

Этого объявленія никто не ожидалъ; не смотря на миролюбивый смыслъ его выраженій, оно произвело быстрое и глубокое впечатлѣніе. Если оппозиціи дозволяется распоряжаться такимъ образомъ въ Парижѣ, созывать національную гвардію, строить полки изъ народа, рабочихъ и воспитанниковъ; если приказанія ея будутъ приведены въ исполненіе, тогда значитъ министры не управляютъ больше страной, власть находится въ рукахъ оппозиціи и самая отставка Гизо становится совершенно лишнею. Но если, напротивъ, это посягательство на власть министерства не будетъ терпимо и если кабинетъ будетъ сопротивляться, то это поведетъ къ сильно воинъ, воинъ съ удвоенною ревностью, какая бываетъ обыкновенно результатомъ насильно прерваннаго мирнаго соглашенія.

II.

По прочтеніи программы манифестаціи, министерство, которое вначалѣ думало, что его дѣло заключается только въ разрѣшеніи вопроса о банкетахъ и правѣ собранія, увидѣло наконецъ настоящую опасность своего положенія. Съ этихъ поръ демонстрація постоянно представлялась ему во всемъ своемъ угрожающемъ видѣ, и если бы манифестація могла состояться, тогда министерство должно испытать еще большее пораженіе, чѣмъ то, которое оно испытало бы отъ вынужденнаго признанія банкетовъ. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что ми-

нистерство, оскорбленное нарушеніемъ его правъ, отрекается отъ своихъ словъ и готовится къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Въ девять часовъ утра министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ объявленіе Морни и Вите, съ которыми онъ собирався, какъ было условлено наканунѣ, осмотрѣть помѣщеніе банкета. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ имъ объявить оппозиціи объ этой важной перемѣнѣ въ образѣ мыслей министерства.

Самые дѣятельные изъ членовъ оппозиціи собрались у Барро. Удивленіе, возбужденное прокламаціей, было всеобщее и если кто ее и оправдывалъ, то скорѣе изъ снисходительности, чѣмъ изъ искренняго сочувствія. Нѣкоторые даже, подчиняясь вліянію своихъ слабостей, стали вооружаться противъ оскорбленія, нанесеннаго ихъ свободной волѣ дерзкою инициативою какой нибудь распорядительной коммисіи. Въ это время являются Морни и Вите. Они объявляютъ Барро, Дювержье, Малевилу, Паньеру и только что вошедшему Маррасту, что всѣ условія прерваны и что министерство намѣрено рѣшительно сопротивляться манифестаціи. Имъ объясняютъ, что программа была составлена и опубликована безъ всякаго враждебнаго умысла, что въ ней нѣтъ ничего, что не было бы логическимъ выводомъ изъ условій, заключенныхъ обѣими сторонами; что ни предъ ними, ни предъ министрами, ни предъ публикой никогда не скрывали предположенія устроить кортежъ изъ національной гвардіи и народа; что министерство было положительнымъ образомъ предупреждено объ этомъ, потому что оно требовало отъ оппозиціи ручательства ея честью въ томъ, что она употребитъ всѣ средства для поддержанія порядка въ народѣ; что слѣдовательно ничто не измѣнено въ сущности; что возвратиться уже нельзя и что пытаться такъ неожиданно остановить народный порывъ, значить раздражить его и вызвать какую нибудь катастрофу.

„Въ сущности, это очень возможно, возразилъ Морни; мы сознаемся даже, что это справедливо, но вы не можете отвергать того, что публикація вашей программы составляетъ значительный фактъ, который совершенно измѣняетъ характеръ дѣла и ставитъ министерство въ необходимость уничтожить заключенныя имъ условія.“

Въ отвѣтъ на это Дювержье де Гораннъ сказалъ, что если публикація программы есть единственная и дѣйствительная причина этой перемѣны рѣшенія, которую они сообщаютъ отъ имени министерства, то въ этомъ случаѣ очень легко возстановить надлежащій характеръ этой программы, помѣстивъ въ вечернихъ и утреннихъ журналахъ поправку. И онъ немедленно принялся за составленіе проекта этой замѣтки:

„Прокламація, появившаяся сегодня утромъ въ журналахъ, имѣла цѣлью только поддержать порядокъ въ кортежѣ, который отправится съ площади Madeleine къ мѣсту банкета. Сильно ошибутся тѣ, которые увидятъ въ этой замѣткѣ какое нибудь посягательство на власть правительства и претензію созывать національную гвардію. Последнее обстоятельство было бы и неестественно и незаконно, и банкетная коммиссія никогда не желала дѣйствовать такимъ образомъ. Она хотѣла только избѣгнуть всякаго замѣшательства между національными гвардейцами, а потому и предложила имъ явиться по одиночкѣ и безъ оружія. Такимъ образомъ въ совѣтахъ коммиссіи нельзя найти ничего такого, что бы можно было принять за желаніе нарушить порядокъ правительственныхъ дѣйствій.“

Такъ какъ самъ авторъ программы, Маррастъ, нисколько не препятствовалъ принятію этой поправки, то Морни и Вите приняли ее, выразивъ надежду, что министры будутъ этимъ удовлетворены.

III.

Но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ другое. Эта замѣтка могла дѣйствительно удовлетворить самолюбію министерства и спасти достоинство власти, но она все таки не уничтожала высокаго значенія манифестаціи. Отправившись къ Дюшателю, Морни и Вите встрѣтили у него Гизо и генерала Жакмино, начальника національной гвардіи. „Васъ обманываютъ,“ сказалъ Дюшатель, увидѣвъ вошедшихъ къ нему посредниковъ. Морни, давая отчетъ въ своихъ переговорахъ и представивъ министрамъ полученную имъ замѣтку, прибавилъ отъ себя: „Нѣтъ, насъ не обманываютъ.. Виною всему — недоразумѣніе; эти господа сами жалѣютъ объ этомъ; они предлагаютъ удовлетвореніе, которое по моему мнѣнію совершенно достаточно. Я ихъ очень хорошо знаю, для того чтобы поручиться за ихъ добросовѣстность“.

Гизо слушалъ его съ сосредоточеннымъ вниманіемъ. „Манифестаціи не бывають,“ сказалъ онъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ. Рядомъ съ нашимъ правительствомъ составляютъ другое; послѣ этого намъ ничего нельзя дѣлать!“

„Ну, — сказалъ Морни голосомъ глубокаго отчаянья — мы съ своей стороны сдѣлали все, чтобы предохранить страну отъ бѣдствія, которое должно наступить; теперь столкновение неминуемо. Но позвольте мнѣ дать вамъ послѣдній совѣтъ. Вы не должны пролить капли крови въ Парижѣ, иначе вы погибли. Если вы надѣтесъ на армію, то убѣждены ли вы въ томъ, что за вами послѣдуетъ и національная гвардія?“

Жакмино, какъ бы оскорбившись этимъ замѣчаніемъ, поднимается при этомъ словѣ и восклицаетъ: „Столкновение! Но этого только и желаетъ національная гвардія. Я вамъ объявляю, что національной гвардіи начинаетъ больше чѣмъ надоѣдать весь этотъ шумъ, который происходитъ съ нѣко-

торыхъ поръ въ Парижѣ; она уже хочетъ отъ него отдѣлаться.“

Делессеръ, префектъ полиціи, вовсе не раздѣлялъ увѣренности этого тщеславнаго и ограниченного человѣка въ преданность національной гвардіи. Но онъ безмолвно удалился. Самъ Дюшатель, сопротивлявшійся до сихъ поръ всякому примиренію, колеблется послѣ словъ Жакмино и объявляетъ, что позже невозможно будетъ сойтись ни на какихъ условіяхъ.

„Я прошу еще объ одномъ, сказалъ Морни: я не хочу, чтобы меня подозрѣвали въ томъ, что я обнадеживалъ оппозицію пустыми обѣщаніями. Я прошу васъ объявить причины, которыя заставляютъ министерство уничтожить заключенную конвенцію. Поэтому я считаю необходимымъ чтобы вы издали прокламацію.“ — „Превосходно, сказалъ Дюшатель, ставьте ее сами.“ И Морни написалъ слѣдующую прокламацію, принятую министрами, напечатанную съ подписью префекта полиціи и прибитую вечеромъ на улицахъ.

„Жители города Парижа!

„Нѣсколько дней уже умы находятся въ безпокойствѣ, которое нарушаетъ обыкновенный порядокъ вещей. Причина этого заключается въ готовящихся манифестаціяхъ. Правительство, побуждаемое справедливою заботою о соблюденіи общественнаго порядка, во имя законнаго права, которымъ оно до сихъ поръ безпрепятственно пользовалось, запретило банкетъ двѣнадцатаго округа. Однакожъ, объявляя передъ палатою денутатовъ, что этотъ вопросъ подлежитъ судебному рѣшенію, правительство, вмѣсто того, чтобы силою сопротивляться предположенному собранію, рѣшилось ограничиться только указаніемъ на нарушеніе закона, дозволивъ входъ въ залу банкета и надѣясь при этомъ, что участвующие въ немъ будутъ достаточно благоразумны, чтобы

удалиться при первомъ требованіи и тѣмъ не превратить простаго нарушенія закона въ открытое сопротивленіе. Только такой образъ дѣйствій можетъ повести къ разрѣшенію вопроса о банкетахъ высшимъ кассационнымъ судомъ.

„Правительство остается и теперь при своемъ рѣшеніи. Но манифестъ, опубликованный сегодня утромъ во всѣхъ оппозиціонныхъ журналахъ, выражаетъ иную цѣль и иные намѣренія; онъ создаетъ другое правительство рядомъ съ настоящимъ правительствомъ страны, съ тѣмъ правительствомъ, которое утверждено хартіей и опирается на парламентское большинство; онъ вызываетъ публичную манифестацію, угрожающую спокойствію города; онъ, нарушая законъ 1831 года, созываетъ національныхъ гвардейцевъ, которыхъ заранее размѣщаетъ въ правильные ряды, по нумерамъ легіоновъ, съ офицерами во главѣ движенія. Тутъ не остается никакого сомнѣнія въ недобросовѣстности: самые ясные, самые твердые законы страны нарушены. Правительство стумѣетъ заставить уважать эти законы, составляющіе основаніе и гарантію общественнаго спокойствія.

„Я приглашаю всѣхъ добрыхъ гражданъ соображаться съ этими законами и не участвовать ни въ какомъ сборищѣ, чтобы не дать повода къ печальнымъ беспорядкамъ. Обращаясь съ этимъ воззваніемъ къ вашему патриотизму и здравомыслию, во имя нашихъ учреждений, во имя общественнаго спокойствія и самыхъ дорогихъ интересовъ города.

«Парижъ, 21 февраля 1848 года.

«Перъ Франціи, префектъ полиціи,

„ДЕЛЕССЕРЪ.“

IV.

Министры отправились немедленно въ Тюльери. Король, спокойный и довольный, ожидалъ ихъ. Съ отвращеніемъ со-

гласившись на переговоры, онъ теперь былъ доволенъ этимъ разрывомъ. Неудача посредниковъ возвышала его въ собственныхъ глазахъ. Легкое ли дѣло: въ самомъ началѣ еще нетвердаго царствованія онъ задушилъ страшное возмущеніе; послѣ восемнадцатилѣтняго благополучнаго царствованія, всѣ усилія оппозиціи ничтожны противъ воинственной арміи, преданной ему и его дѣтиамъ, противъ администраціи, наполненной его слугами, противъ цѣлой массы правительства, могущественно организованнаго и поддерживаемаго рѣшительнымъ парламентомъ.

Въ своемъ ослѣпленіи этотъ государь, извѣстный своимъ тонкимъ пониманіемъ вещей, не хотѣлъ даже знать, какого рода предостереженія заключаются въ гнѣвныхъ выходкахъ противника. Извѣстно, что всякая критика возбуждала въ королѣ только презрѣніе. Даже наканунѣ 24 февраля онъ не извлекъ никакой пользы изъ слѣдующаго разговора, переданнаго ему однимъ изъ его адъютантовъ, Гудшо. Смущенный обстоятельствами, Гудшо, при встрѣчѣ съ Гарнье-Пажесомъ спросилъ его: „Скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе о положеніи дѣлъ?“ Радикальный депутатъ отвѣчалъ: „Повѣрите ли вы мнѣ, если я вамъ скажу правду?—Нѣтъ. Однакожь я все таки скажу вамъ ее. Когда въ рукахъ кого нибудь находится тронъ и династія, то надобно быть дуракомъ, чтобы ставить ихъ на одну карту, рисковать ими на удачу сраженія. Если вы побѣдите, то вы только на одинъ день скрѣпите свою власть посредствомъ крови и ненависти,—разбитый народъ еще десять разъ возобновитъ борьбу. Если же вы будете побѣждены, тогда конецъ монархіи. И такъ благоразуміе требуетъ уступки съ вашей стороны; но я знаю вашего повелителя, онъ не уступить.“ Эти послѣднія слова оскорбили короля, а остальные не вразумили его. Въ тотъ же день или около того національная гвардія, державшая караулъ во дворцѣ, кричала: „Да здравствуетъ реформа!“ Этотъ крикъ, сообщенный королю пол-

ковникомъ Бильфельдомъ, тюльерійскимъ комендантомъ, казалось, возбудилъ въ немъ скорѣе воспоминаніе, чѣмъ опасеніе. Это была старческая впечатлительность, скоро исчезающая.

Вечеромъ 20 числа, къ королю пришелъ префектъ Сенскаго департамента отдать отчетъ о состояніи умовъ и о попыткахъ къ примиренію, возобновленныхъ нѣсколько разъ главными членами муниципальнаго совѣта. Король сказалъ ему съ выраженіемъ насмѣшливой доброты: „Любезнѣйшій Рамбюто, вы, какъ видно, хотите меня застрашать! Немного погодя вы будете краснѣть за тотъ страхъ, который хотите мнѣ внушить.“ Дюшателю, котораго беспокоила эта упрямая безпечность, король говорилъ шутя, или по воспоминанію первыхъ дней своего счастья: „Вѣрьте мнѣ, зимой парижане никогда не дѣлаютъ революцій.“ Затѣмъ онъ сталъ экзальтироваться, дѣлая сравненія, въ которыхъ проглядывала его чрезвычайная гордость: „Я вѣроятно поступлю иначе, чѣмъ старшая линія.... Меня не застанутъ въ распλοхъ!... Я не повторю ошибокъ Карла X.... Я съумѣю немного лучше принять свои мѣры и лучше защищать себя!“

V.

Министерство, послушное этимъ внушеніямъ, быть можетъ воодушевленное этимъ невозмутимымъ спокойствіемъ и чувствуя сверхъ того, что его отвѣтственность находится подъ защитой формально выраженной воли короля, рѣшило, что манифестація грозитъ опасностью общественному спокойствію. Велѣдствіе этого подписчикамъ на банкетъ будетъ дозволено отправиться туда по одиночкѣ, въ силу конвенціи, заключенной съ цѣлью предоставить трибуналамъ разобрать вопросъ о правѣ собранія. Но если составитя кортежъ, то, въ силу законовъ о сборищахъ, ему будетъ предложено разойтись, а въ случаѣ надобности будетъ употреблена сила. Тотъ часъ же

были разосланы надлежащія приказанія, согласныя съ этимъ рѣшеніемъ.

VI.

Очень хорошо извѣстна та истина, что если въ трудныя времена правительства бывають принуждены преклоняться предъ талантливыми людьми и пользоваться ихъ способностями, то въ мирное время они бывають благосклонны къ тѣмъ, кто обладаетъ большею ловкостью или богатствомъ или имѣетъ сильныя связи. Всякія правительства, монархическія и республиканскія, погибали и будутъ погибать отъ этой ошибки.— Извѣстно, что національная гвардія, ввѣряемая въ трудное время первыхъ лѣтъ царствованья знаменитымъ и опытнымъ полководцамъ, попала наконецъ подъ команду бывшего полковника имперіи, храбраго солдата и придворнаго, генерала Жакмино, тестя министра внутреннихъ дѣлъ Дюшателя. Такой же генераль, Тибюрсъ Себастьяни, братъ маршала, командовалъ первой армейской дивизіей. На долю котораго изъ нихъ выпадетъ главное начальство надъ парижской арміей? Этого вопроса никто не могъ разрѣшить. А между тѣмъ онъ впоследствии послужилъ причиною бѣдственнаго и въ то же время жалкаго столкновенія.

Какъ бы то ни было, генераль Тибюрсъ Себастьяни созвалъ въ дивизіонный штабъ генераловъ и полковниковъ парижской арміи. Онъ передалъ имъ послѣднее рѣшеніе правительства, только что сообщенное ему самимъ королемъ и совѣтомъ министровъ.

По его приказанію полковникъ генеральнаго штаба Ролленъ прочиталъ очень длинную и подробно составленную записку. Это была инструкція уже давно составленная на случай сраженія въ Парижѣ, по плану, который долго обдумывалъ маршалъ Жераръ, и который былъ разсматриваемъ и

провѣряемъ нѣсколькими генералами разнаго рода войскъ. Въ немъ съ удивительной точностью были распредѣлены войска, пункты, которые они должны занять, казармы и кордегардіи, которыя они должны будутъ защищать, средства сообщенія съ различными частями войскъ, способъ ихъ сосредоточенія и главные стратегическіе пункты, какъ мѣста для расположенія второстепенныхъ командъ. Войскамъ приказано было не возбуждать народа, но ожидать атаки; тогда полицейскіе чиновники должны сей часъ разогнать толпу и затѣмъ войска должны были сдѣлать наступленіе.

По прочтеніи записки, нѣкоторые изъ чиновниковъ сдѣлали нѣсколько замѣчаній по военной части. Кавалерійскіе полковники особенно обратили вниманіе на опасность, заключающуюся въ слишкомъ большомъ раздробленіи эскадроновъ. Генераль Тьерри, адъютантъ герцога Монпансье, отвѣтилъ утвердительно на вопросъ — обезпечено ли снабженіе арміи патронами и въ достаточномъ ли количествѣ находятся артиллерійскіе снаряды. Затѣмъ главнокомандующій сказалъ своимъ офицерамъ, что „онъ не справляется у нихъ о состояніи духа арміи; что армія, подобно женѣ Цезаря, не можетъ быть даже заподозрѣна.“ Всѣ полковники молчали. Это молчанье, эта видимая холодность ихъ ясно указывала на то, что если армія и была вѣрна дисциплинѣ, то она была далеко не воодушевлена; что она не очень усердно будетъ сражаться противъ народа, возставшаго во имя закона, сражаться за людей, которые въ продолженіе столькихъ лѣтъ такъ слабо держали въ своихъ рукахъ то самое знамя, которое она обязана защищать и покрывать славой. Но для ограниченныхъ умовъ довѣрчивость доступнѣе бдительности. Увѣренность въ свои силы была всеобщю болѣзнью. Подобно королю и министрамъ, генераль Себастьяни ничего не видѣлъ, ничего не зналъ и ничего не развѣдывалъ до самой минуты паденія.

VII.

Не въ лучшемъ положеніи былъ и префектъ полиціи. Привыкшій, послѣ долгаго опыта, видѣть опасность только въ заговорахъ, въ приготовленіяхъ къ бунту, онъ, въ разговорѣ съ д'Аргу, который ясно видѣлъ причину бѣдствія, сказалъ, что „уже болѣе не существуетъ тайныхъ обществъ, и что слѣдовательно не существуетъ никакой серьезной опасности.“ Утромъ онъ сообщилъ владѣтелю помѣщенія для банкета и Буасселю, который нанялъ это помѣщеніе, рѣшеніе, въ силу котораго банкетъ запрещается. Въ три съ половиною часа пришли въ префектуру Кабюше, Коломбъ, Марки и Безеленъ, полицейскіе комиссары, назначенные для наблюденія за манифестаціей. Префектъ сообщилъ имъ инструкціи, составленныя наканунѣ, онъ указалъ имъ на средства, которыя нужно будетъ употребить для удаленія гостей и предписалъ имъ, на случай столкновенія, заботиться о безопасности членовъ парламента. Имъ дано было въ распоряженіе: 400 пѣшихъ муниципальных гвардейцевъ, 150 конныхъ, нѣсколько эскадроновъ и батальоновъ войскъ, расположенныхъ у заставы de l'Étoile. Сверхъ того префектъ полиціи приготовилъ тринадцать окончательно утвержденныхъ приказовъ.

VIII.

Въ то время, какъ правительство дѣлало эти приготовленія, Парижъ готовился къ демонстраціи. Толчекъ былъ данъ. Одна депутація за другой являлась къ Барро. Вспомогательная коммиссія принимала все мѣры для поддержанія порядка, сообщала свою дѣятельность окружнымъ комитетамъ, которые немедленно передавали ея рѣшенія вліятельнымъ людямъ въ кварталахъ и ротахъ. Студенты, составившіе коммиссію вмѣ-

стѣ съ редакторами школьныхъ журналовъ, назначили на среду, 22 числа, свиданье для всей молодежи латинскаго квартала, на площадяхъ du Panthéon и de l'École de Médecine. Въ воскресенье и понедѣльникъ работники обошли все мастерскія, чтобы согласиться на счетъ устройства кортежа цѣлой массой, который долженъ двинуться изъ предмѣстій къ площади Madeleine. Журналы передавали своимъ приверженцамъ пароль. Реформистскіе комитеты всехъ окрестныхъ городовъ присылали своихъ депутатовъ. Депутаты въ большомъ количествѣ являлись къ Барро, и не смотря на программу, не смотря на враждебное расположеніе кабинета, не смотря на мрачное будущее, — если нѣкоторые изъ нихъ и колебались, ни одинъ не падалъ духомъ.

IX.

Между тѣмъ наступило время засѣданій палаты. Оппозиціонные депутаты узнали отъ Морни и Вите объ окончательномъ и безусловномъ отказѣ министерства. Послѣ взаимныхъ вѣжливыхъ выраженій сожалѣнія, оппозиція рѣшила, что Барро сдѣлаетъ немедленно запросъ министрамъ для того, чтобы имѣть положительное доказательство перемѣны ихъ рѣшенія, и затѣмъ сложить на нихъ всю отвѣтственность.

Собраніе было не многочисленно и видимо находилось въ безпокойствѣ. Со времени оскорбительнаго вотированья адреса, оппозиція не принимала участія въ преніяхъ; но на этотъ разъ въ засѣданіи было мало представителей и другихъ партій. Слышно было, какъ народъ толпился возлѣ этихъ стѣнъ, внутри которыхъ нѣсколько специальныхъ ораторовъ одни только разсуждали о продолженіи срока привилегіи Бордосскаго банка. Напрасно Гизо, пришедшій раньше другихъ, хотѣлъ дополнить собою пустоту собранія, — оно все таки было пусто; напрасно съ притворнымъ спокойствіемъ духа онъ

усиливался продолжать пренія, — эти пренія были мертвы. Глаза всѣхъ были устремлены къ дверямъ, всѣ наблюдали за хлопотливыми движеніями министровъ и главныхъ членовъ собранія. Вдругъ къ четыремъ съ половиною часамъ входитъ толпа оппозиціонныхъ депутатовъ, и пустыя скамьи наполняются. Встаетъ Барро, и наступаетъ глубокая тишина.

Ораторъ прежде всего излагаетъ факты: первоначальное сопротивленіе кабинета законнымъ дѣйствіямъ оппозиціи; взаимно принятое предложеніе о переговорахъ; заключеніе условій и прерваніе ихъ безъ достаточнаго повода. „Между прочимъ, продолжаетъ онъ, не смотря на справедливое и законное возмущеніе общественнаго мнѣнія, я не боюсь утверждать своимъ честнымъ словомъ предъ лицомъ моего отечества, что, благодаря прогрессу въ нашихъ политическихъ нравахъ, эта манифестація, эта законная борьба принциповъ совершилась бы безъ всякаго безпорядка и волненія. (Собраніе волнуется. Слушайте! слушайте!).

„Я вполне убѣжденъ, что если бы политика кабинета и была нѣсколько оскорблена этой манифестаціей, то общественное спокойствіе было бы совершенно обезпечено. (Слушайте! слушайте!)

„Трибуналы утвердили бы законы, существующіе относительно банкетовъ.... и разумные друзья свободы убѣдились бы въ громадномъ прогрессѣ общественнаго мнѣнія....

„Кажется, что благоразуміе и осторожность уступили мѣсто другого рода чувствамъ; правительство подъ предлогомъ желанія усмирить волненія, допускаетъ вмѣшательство власти, что послужитъ только къ возбужденію этого волненія (ропотъ въ центрѣ). Я не боюсь сказать, что по случаю этой свободной демонстраціи оно стремится утвердить насиліе власти....

„Нѣтъ такихъ министровъ, нѣтъ такой административной системы, которая была бы достойна пролитія капли крови. (Новое одобреніе).

„На правительствѣ лежитъ обязанность поддерживать порядокъ и спокойствіе страны; оно обязано оцѣнить важность обстоятельствъ и на немъ лежитъ вся отвѣтственность за нихъ“. (Продолжительное волненіе).

Когда волненіе, произведенное этими словами, уменьшилось, министръ внутреннихъ дѣлъ, Дюшатель, возразилъ:

„Отвѣтственность падаетъ не на одно правительство, но и на всѣхъ.... Мы могли бы силою сопротивляться банкету.... Мы только въ судебномъ рѣшеніи видѣли выгодный для всѣхъ исходъ, и, поддерживая принципы правительства, мы были готовы и теперь еще готовы допустить это дѣло только въ такой степени, чтобы, по заявленіи властями нарушенія закона, предоставить этотъ вопросъ судебному рѣшенію. (Правда! правда!).

„Но, господа, случилось обстоятельство другого рода.... манифестъ. Этимъ манифестомъ нарушаются всѣ законы страны, на которыхъ основано спокойствіе и общественный порядокъ. (Хорошо! хорошо!) Законъ о сборищахъ нарушенъ! Законъ о національной гвардіи нарушенъ!

„Изъ комитета образуется правительство, заступающее мѣсто конституціоннаго правительства.... Этотъ комитетъ обращается къ гражданамъ, сзываетъ отъ своего собственнаго имени національныхъ гвардейцевъ, возбуждаетъ сборища.... Нѣтъ, мы не могли этого вынести.

„Въ какомъ отношеніи правительственныя мѣры могутъ помѣшать судебному рѣшенію?... Послѣ манифеста, подобно тому какъ и до него, мы сохраняли положеніе, принятое правительствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мы не хотѣли, чтобы по поводу банкета была допущена въ Парижѣ манифестация противъ законовъ, и было провозглашено новое правительство, образовавшееся рядомъ съ законнымъ, конституціоннымъ правительствомъ.“ (Хорошо! хорошо! живое одобреніе центра).

Эта рѣчь противъ банкета и манифестаціи была вполне справедлива, но неоспоримо то, что она была слишкомъ поздняя. Барро отвѣчалъ на нее слѣдующими словами:

„Если бы господинъ министръ ограничился выраженіемъ мнѣнія, что торжественная манифестація, въ которой участвовало бы большое количество гражданъ, могла тѣмъ болѣе безпокоить правительство, чѣмъ большимъ она сопровождалась бы порядкомъ и спокойствіемъ.... (отрицаніе центра, одобреніе лѣвой стороны) — тогда, я думаю, мы всѣ были бы равно близки къ истинѣ. Но я спрошу, оставляя въ сторонѣ нѣкоторые выраженія, болѣе или менѣе приличные для поступка, котораго я не признаю, и не отвергаю, хотя мнѣ и кажется страннымъ.... (Продолжительный ропотъ. Въ центрѣ: — „Надобно его признать или отвергнуть.“ Съ лѣвой стороны: „Не мѣшайте говорить, вы будете отвѣчать).“

О. Барро продолжаетъ: „Я постараюсь удовлетворить всѣхъ. Я громко признаю цѣль этого поступка: я отрицаю только выраженія....“ (Очень хорошо!).

Затѣмъ ораторъ объяснилъ намѣренія, выраженныя программой; онъ доказывалъ, что составители ея имѣли въ виду только сохраненіе порядка, который могъ быть нарушенъ большимъ стеченіемъ народа; что ими руководила только идея порядка и спокойствія; затѣмъ онъ продолжалъ:

„Національная гвардія, которой ввѣрено сохраненіе нашей свободы, не могла оставаться равнодушною къ преніямъ. Отъ нее требовали только, чтобы она явилась безъ оружія и офиціальности, но одиночѣй и мирно, выражая этимъ залогъ спокойствія, а не общественную силу.

„И такъ, я повторяю, что я далъ бы вамъ увѣреніе, обезпеченное моею честью, что не произошло бы никакого безпорядка.... (возраженіе центра, одобреніе лѣвой стороны), что не было бы никакого безпорядка, никакого замѣшательства. Но

насиліе, къ которому вы хотите прибѣгнуть — вы этого не скрываете и я говорю это съ прискорбіемъ—затрудняетъ положеніе и безъ того уже натянутое, увеличиваетъ раздраженіе еще однимъ поводомъ къ нему. Теперь, господа, на васъ лежитъ отвѣтственность за это положеніе дѣлъ (рѣчь прерываютъ восклицанія центра: „что вы говорите.“) Вы не хотѣли порядка и свободы, такъ несите же на себѣ послѣдствія положенія дѣлъ, вами созданнаго.“ (Одобреніе лѣвой стороны, волненіе).

Дюшатель: „Рѣшеніе правительства оправдывается словами господина Барро.... Почтенный Барро не можетъ ни признать, ни отвергнуть этого манифеста.“ (Волненіе).

„Этотъ манифестъ ни признанъ, ни отвергнутъ; но можетъ ли это служить намъ ручательствомъ спокойствія, намъ, которымъ ввѣрено общественное спокойствіе?... Какія причины приведете вы для оправданія если не формы, то сущности того, что сдѣлано?... Я спрашиваю: могутъ ли быть допущены комитеты, сзывающіе національную гвардію?“

Де Курте: „Осмѣльтесь только созвать національную гвардію!“ (Ропотъ въ центрѣ).

Дюшатель: „Кажется вы стараетесь указать на то, будто мы хотимъ вопросомъ объ общественномъ порядкѣ прикрыть вопросъ о существованіи министерства.... Я повторяю только что сказанное: мы допускаемъ дѣло только до той степени, чтобы вопросъ о банкетахъ могъ перейти въ судъ. Мы разъ приняли это положеніе и остаемся при немъ и теперь. И это называютъ насиліемъ; нѣтъ, это не насиліе.... это не болѣе какъ исполненіе обязанности правительства, это только поддержаніе порядка и уваженія къ законамъ, на которыхъ основывается спокойствіе страны и безопасность нашихъ учрежденій.“ (Очень хорошо! очень хорошо! — Сильное одобреніе центра).

Послѣ этихъ словъ министра президентъ объявляетъ за-

сѣданіе оконченнымъ. Пренія о Бордосскомъ банкѣ отложены на слѣдующій день въ часъ утра, и собраніе было закрыто среди сильнаго волненія.

Х.

Въ отношеніи къ принципамъ конституціи министерство было право: правительство, допускающее раздѣленіе власти, должно считаться погибшимъ. Но ничто не оправдывало его образа дѣйствій. Не оно ли первое нарушило законъ произвольнымъ запрещеніемъ собранія, допущеннаго закономъ, и не оно ли первое подало примѣръ этого собранія? Возбуждивъ своей политикой благородное негодованье, оно еще болѣе усилило его этимъ послѣднимъ посягательствомъ. Что же оно дѣлало потомъ? Оно слушало и хорошіе и дурные совѣты, уступало, сопротивлялось, снова уступало и наконецъ снова сопротивлялось до крайности. Своими колебаньями оно ясно доказало сомнительность своего права и дало врагамъ увѣренность въ этомъ, то есть утвердило этимъ силу ихъ права. А теперь, умышленно допустивъ увеличеніе опасности, оно хочетъ сразу уничтожить ее. Къ своей непредусмотрительности, къ своимъ уловкамъ, насилію и слабости, оно присоединяло неблагоразуміе самаго крайняго хвостовства. Оно посылало оппозиціи вызовъ, котораго нельзя было оставить безъ отвѣта! Оно угрожало силою разсѣять кортежъ, который готовился двинуться, и такимъ образомъ вызывало къ борьбѣ, полной гибельныхъ послѣдствій!

Такимъ образомъ отвѣтственность за событія падала всею своею тяжестью на кабинетъ, и Барро былъ правъ, взваливая на него эту отвѣтственность. Но развѣ въ то же время самъ Барро не сдѣлалъ той же ошибки, въ которой упрекалъ своихъ противниковъ? Отвергать выраженія программы значило ослаблять ихъ смыслъ. Этимъ Барро утверждалъ за ми-

нистрами наружный видъ права; онъ поселялъ между своими друзьями нерѣшительность и недоверчивость; людямъ умѣреннымъ давалъ предлогъ къ слабости, а самымъ горячимъ — къ раздраженію; онъ забывалъ, наконецъ, что для того, чтобы во время великихъ переворотовъ руководить народомъ, надобно умѣть управлять имъ.

ХІ.

Засѣданіе, прерванное сильнымъ волненіемъ, продолжалось внѣ палаты. Въ залахъ и коридорахъ депутаты образовали кружки; къ нимъ примкнули журналисты и люди, занимающіеся политикой, которые по привычкѣ пользовались правомъ присутствовать въ засѣданіяхъ. Среди общаго шума поминутно раздавались вопросы, упреки, сомнѣнія, насмѣшки, выраженія негодованія и сильныхъ надеждъ. Не нужно было имѣть много политическаго инстинкта, чтобы прочесть на всѣхъ этихъ лицахъ, открытыхъ предъ очевидной гибелью, тѣ страсти и интересы, которые владѣли ими. Одни, которыхъ до сихъ поръ увлекало честолюбіе, изъ честолюбія же хотѣли теперь остановиться. Другіе останавливались при мысли о кровавой стычкѣ. Нѣкоторые, еще прежде заявившіе свою слабость, видя теперь исполненіе своихъ предсказаній, представляли странную смѣсь удовлетвореннаго тщеславія и еще болѣе усилившейся трусости. Одни проникнуты были сознаніемъ важности своего долга, тяжелаго, неизбежнаго, — другіе горячились просто по врожденной горячности. Здѣсь пошло радовались въ ожиданіи какого нибудь новаго зрѣлища, — тамъ нетерпѣливо, но съ неизмѣнною рѣшимостью ждали разрѣшенія политическихъ вопросовъ, близкихъ къ окончанію. И въ каждой группѣ были наблюдатели, изъ которыхъ одни дѣлали это по сочувствію, другіе изъ любопытства, третіе изъ угожденія кому нибудь. Вездѣ слышались однѣ и тѣ же за-

мѣчанія, одни и тѣ же отвѣты, разнообразившіеся только отъ различія характеровъ и впечатлѣній. „Поле борьбы измѣнено, говорили одни; намъ предстоитъ уже защищать не право собранія, а самое собраніе. Министерство имѣетъ на своей сторонѣ право и законъ. Неужели вмѣсто законной, правильной, торжественной и происходящей въ совершенномъ порядкѣ демонстраціи мы вынуждены будемъ сражаться? Намъ нужно было уничтожить министерство въ глазахъ общественнаго мнѣнія, а теперь приходится подвергать монархію ружейнымъ выстрѣламъ? Неужели желаютъ того, чтобы эта великая, законная оппозиція, покоровшая недавно, во имя права, цѣлую страну, исчезла теперь въ толпѣ бунтовщиковъ?....“

„Конечно, говорили самые твердые, положеніе измѣнилось, но кто въ этомъ виновать? Не отступать же намъ потому только, что министерству угодно сегодня допускать то, чего оно не допускало вчера, и что допускать уже слишкомъ поздно. Неужели намъ приносить въ жертву произвольному капризу законы нашей страны и нашу честь? Конечно, жаль, что движеніе превзошло наши ожиданія и желанія, но теперь уже не время отступать. Желая остановить это движеніе, вы только усилите его; отказавшись отъ него, вы потеряете возможность управлять имъ. Въ какія руки попадетъ тогда наше дѣло?“

XII

Тьеръ и Ремюза казались озабоченными болѣе всѣхъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ средней партіи, которые видѣли, что ихъ судно готово разбиться, они перебѣгали отъ одной группы къ другой, заклиная своихъ товарищей не терять напрасно времени и принимать какія нибудь мѣры. По ихъ настоянію, въ одномъ изъ отдѣленій палаты хотѣли было приступить къ обсужденію разныхъ вопросовъ, но шумъ, восклицанія

безпрестанный приливъ новыхъ посѣтителей мѣшали всякому серьезному дѣлу. Поэтому всѣ отправились къ Барро. Было уже пять часовъ. Нѣкогда было колебаться, нужно было рѣшиться на что нибудь, выбрать одно изъ двухъ—позоръ или опасность. Эта крайность положенія еще болѣе увеличивала смятеніе. Какъ только волненіе нѣсколько утихло, Лербетъ, желавшій, чтобы вопросъ былъ разрѣшенъ скоро, громко спросилъ: „Кто составлялъ программу?“ — „Я беру на себя всю отвѣтственность за нее“,—отвѣчалъ Гарнье-Пажесъ съ твердостью, которая положила конецъ дальнѣйшему спору. Велѣдъ за тѣмъ Барро предложилъ на обсужденіе всѣ остальные пункты. „Въ дѣлѣ банкета, сказалъ онъ, право на сторонѣ оппозиціи, но министерство отнимаетъ это право, возбуждая законъ противъ сборищъ, съ единственной цѣлью помѣшать кортежу. Развѣ возможно, при настоящемъ положеніи дѣлъ, отправиться на банкетъ отдѣльно, оставя кортежъ въ сторонѣ? Нужно ли, рискуя всѣмъ, настаивать до конца на необходимости одновременной демонстраціи посредствомъ банкета и кортежа“. Барро занималъ мѣсто президента и потому удержался отъ всякаго приговора. Но Тьеръ приступилъ прямо къ дѣлу. „Съ тѣхъ поръ, сказалъ онъ, какъ программа опубликована, банкетъ уже не мыслимъ, отъ него нужно отказаться. Наша настойчивость показала бы въ этомъ случаѣ не мужество, а безуміе. Безумно и преступно было бы со стороны оппозиціи добровольно подвергать столицу всѣмъ ужасамъ рѣзни, предоставить рѣшеніе своего дѣла силѣ, въ то время, когда вся сила на сторонѣ правительства. Отступить въ этомъ случаѣ не безчестно; но идти впередъ,—значитъ идти на явную смерть. Нужно покориться силѣ обстоятельствъ и уступить.“ Рѣчь эту, исполненную отчаянной энергіи, сопровождаемую самыми выразительными жестами, Тьеръ заключилъ предложеніемъ подать адресъ королю.... „Адресъ королю! вскричалъ Гарнье-Пажесъ, но это будетъ отрицаніе

всего дѣла банкетовъ, опроверженіе всей шести-мѣсячной политики оппозиціи. Мы возвели всѣ эти баттарей противъ личнаго правленія короля, и теперь станемъ прибѣгать къ самому же королю! Такая непослѣдовательность отдастъ оппозицію на посмѣяніе всей Франціи, всего свѣта. А какое дѣйствіе произведетъ это въ Парижѣ? Возбужденный народъ сочтетъ это измѣнной, и тогда не найдется уже руки довольно сильной, чтобы обуздать умы и усмирить волненіе....“

Не смотря на эти сильныя доказательства, Бетмонъ, соглашаясь съ Тьеромъ, продолжалъ настаивать на томъ, чтобы оппозиція отказалась не только отъ кортежа, но даже отъ банкета. Приводимые имъ доводы исходили изъ его благороднаго и великодушнаго характера: „Присутствіе наше на банкетѣ, говорилъ онъ, дастъ правительству поводъ къ какому нибудь нелѣпому поступку. Депутатамъ невозможно отправиться на банкетъ отдѣльно, они должны идти во главѣ кортежа. Но вѣдь кортежъ — это сраженіе! Противъ кого же это сраженіе? противъ депутатовъ? нѣтъ, правительство приказало щадить ихъ, заботиться объ ихъ безопасности. Значитъ противъ народа? И въ то время, когда депутаты, почтительно задержанные въ залѣ банкета, будутъ въ совершенной безопасности, народъ стануть жать, рубить и стрѣлять по немъ. Вотъ что покроетъ насъ безчестіемъ! Пока—позора еще нѣтъ, а истинная храбрость и состоитъ въ томъ, чтобы лучше перенести упрёки и обвиненія, чѣмъ брать на себя отвѣтственность въ пролитой крови.“

Ламартинъ выступилъ противъ этихъ софизмовъ политики и великодушія, высказанныхъ Бетмономъ и Тьеромъ. Онъ повторилъ мнѣніе, выраженное имъ въ собраніи 19 февраля. Онъ доказывалъ, что невозможно отказаться отъ банкета, не покрывъ себя стыдомъ, и энергически заклиналъ своихъ друзей не отступать отъ дѣла тогда, когда это отступление сопряжено съ потерей чести.

Дювержье-де-Гораннъ и Малевиль объявили, что они, давши торжественное обѣщаніе, уже не имѣютъ болѣе своей воли, и что слѣдовательно они должны идти на банкетъ. Дербетъ еказалъ, что при такомъ важномъ вопросѣ большинство собранія не имѣетъ права убѣждать меньшинство; что же касается до него лично, то онъ во всякомъ случаѣ присоединится къ манифестаціи.

Мари напомнилъ, что онъ еще прежде совѣтовалъ всѣмъ депутатамъ подать въ отставку и всегда былъ противъ банкета. Но такъ какъ теперь вопросъ о банкетѣ касается ихъ чести, то колебаться — непозволительно. Одинъ изъ друзей Тьера, молодой и храбрый д'Арагонъ, такъ скоро послѣ этого сраженный смертью, не могъ болѣе удерживать порывовъ своей страстной души и съ жаромъ началъ говорить, что отступить было бы подло! „Депутаты — говорилъ онъ — первые должны выйти на улицу и вмѣшаться въ коротежъ. Пусть ихъ разгоняють, пусть войска бьютъ ихъ, стрѣляютъ по нимъ. Если есть опасность, мы должны не бѣжать, а идти на встрѣчу гибели, стать между народомъ и солдатами. Идти инымъ путемъ значитъ покрыть себя стыдомъ, потерять всякое вліяніе и заслужить всеобщее презрѣніе!“

Споръ продолжался еще нѣсколько времени, но замѣтно было, что благоразуміе или слабость начали одерживать верхъ, такъ что когда начали вотировать отсрочку банкета, на сторонѣ ея оказалось 80 человѣкъ; 17 человѣкъ остались непреклонны.

Барро и Гарнье-Пажесъ вовсе отказались отъ вотированья, говоря, что такъ какъ это дѣло возбуждено ими, то они не хотятъ своимъ мнѣніемъ произвести вліяніе на мнѣнія своихъ товарищей, но что если хоть одинъ депутатъ останется на сторонѣ демонстраціи, то и они присоединятся къ ней.

Между тѣмъ наступила ночь. Необходимо было передать рѣшеніе депутатовъ членамъ главной комиссіи банкета.

Въ 9 часовъ вечера назначено было новое собраніе у Барро, у котораго съ самаго утра продолжалось засѣданіе оппозиціи.

ХІІІ.

Отправляясь къ Барро, члены главной комиссіи могли прочесть прибитыя къ стѣнамъ прокламаціи правительства. Народъ читалъ ихъ при свѣтѣ фонарей, удивляясь и безпокоясь, потому что не зналъ еще всѣхъ событій этого дня.

Первая прокламація была написана генераломъ Жакмино. Въ силу указа 22 марта 1831 года онъ запрещалъ солдатамъ національной гвардіи собираться не только съ оружіемъ, но даже безъ оружія. Они должны были исполнять приказанія однихъ только гражданскихъ офицеровъ. Генераль напоминалъ имъ всегдашнюю ихъ вѣрность и преданность. „Конечно, говорилъ онъ, нѣкоторые изъ васъ могутъ увлечься дурнымъ примѣромъ; но я бы желалъ, чтобы и этимъ немногимъ не пришлось раскаяваться въ своемъ поступкѣ и краснѣть предъ 85-ю тысячами человѣкъ, составляющихъ легионы національной гвардіи.“

Чему слѣдуетъ болѣе удивляться въ этой странной рѣчи — ослабленію ли правительства, или его тщеславію? Если приверженцевъ манифестаціи было немного, то не стоило обращать на нихъ вниманія; если-же ихъ было много, то къ чему лгать, когда истина всегда могла открыться? Или правительство было уже такого высокаго мнѣнія о себѣ, что, закрывая глаза, думало, что отъ этого вездѣ становится темно?

Настоящее положеніе правительства понято было національной гвардіей еще наканунѣ, когда изъ среды крайней лѣвой стороны раздалось восклицаніе — „только смѣйте созвать ее“, обращенное Курте къ министру внутреннихъ дѣлъ, когда послѣдній выразилъ свое негодованіе на самовольное созваніе національной гвардіи комиссіей банкета. Министръ ничего не

отвѣчалъ на это. Уже семь лѣтъ національную гвардію постоянно жали, тѣснили, оскорбляли. Всякій зналъ, какое негодованіе произвели недавнія преслѣдованія, постоянное шпіонство и другія дѣйствія, лишенные такта и политическаго смысла. Какъ же правительство могло разсчитывать на преданность людей оскорбленныхъ имъ? Это было просто глупо.

Вторая прокламація была та, которая была сочинена поутру у министра внутреннихъ дѣлъ и подписана префектомъ полиціи.

Особое постановленіе, подписанное тѣмъ же префектомъ, воспрещало сходки и банкеты.

Полиція особымъ приказомъ предписывала гласнымъ сенскаго департамента напечатать и обнародовать законъ о запрещеніи сходокъ.

Наконецъ одно объявленіе содержало въ себѣ всѣ статьи закона, постановленія и приказы полиціи, а также и уголовныя распоряженія, касающіяся сходокъ. Последняя статья указа 13 іюля 1831 года была напечатана самыми крупными буквами. Вотъ она:

„Статья 12-я. Согласно статей 471-й Уголовнаго Кодекса воспрещается засоривать проѣзжія дороги, оставляя на нихъ разные матерьялы и другія, какія бы то ни было вещи, затрудняющія свободный проѣздъ.“

Эти посторонніе предметы, матерьялы и разные другія вещи, затрудняющія проѣздъ, это — баррикады! Правительство предвидѣло ихъ и заранее заявляло свои опасенія.

XIV.

Когда члены главной комиссіи, уполномоченные отъ центральнаго комитета, депутаты 12-го округа и представители прессы собрались у Барро, Буассель сообщилъ всѣмъ полученное имъ предписаніе префекта полиціи. Не смотря однако

на это запрещеніе, не смотря на отступленіе депутатовъ и на враждебныя дѣйствія правительства, въ собраніи все таки преобладающее мнѣніе было на сторонѣ демонстраціи. „Намъ нельзя отступать — говорили одни — надо идти впередъ. Теперь поздно разсылать новыя приказанія въ отмѣну прежнихъ. Народъ уже въ дорогѣ, онъ уже зашелъ далеко. Его нельзя оставить одного. Да наконецъ, чего мы боимся? Отвѣтственности за пролитую кровь? Но вѣдь вся она падаетъ на министровъ. Очевидно, что они разставили народу сѣти. Вѣдь кабинетъ еще за двѣ недѣли зналъ, что національная гвардія, рабочіе и воспитанники училищъ должны принять участие въ демонстраціи. Зачѣмъ онъ не предупредилъ ихъ, а напротивъ принималъ мѣры, чтобы потомъ лучше притѣснить ихъ! Не онъ ли, чтобы окончательно обмануть депутатовъ и народъ, открылъ съ нами, черезъ своихъ приверженцевъ, фальшивые переговоры, которые теперь самъ прервалъ? Онъ ссылается на программу! Но это пустой предлогъ. Если бы ихъ аргументы были добросовѣстны, то министерству не нужно бы было отвергать нашу объяснительную замѣтку, которая отнимала у программы ея вызывающій характеръ. И теперь, когда народъ подведенъ подъ выстрѣлы, кабинету угодно, чтобы онъ отступилъ или сталъ на колѣни! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! лучше идти впередъ!“

„Такъ! Но бунтъ, бунтъ! — говорили другіе; его то именно нужно избѣжать, потому что правительство желаетъ его. Не глупо ли будетъ съ открытыми глазами попасть въ разставленные намъ сѣти. Возмущеніе въ одинъ моментъ погубить все, что было сдѣлано въ шесть мѣсяцевъ, уничтожить въ одинъ день обильные плоды прежней агитаціи. Если бы еще депутаты твердо стояли, то они прикрыли бы народъ и созвали бы на банкетъ всѣ сословія. Но депутатовъ не будетъ, и примѣръ ихъ подѣйствуетъ заразительно. На сколько ослабнетъ тогда сила демонстраціи? Народъ останется одинъ

на жертву штыковъ правительства, которос уже не разъ заявляло свою жестокость. На кого же, какъ не на насъ, падеть эта кровь? Мы должны употребить все наше вліяніе, чтобы остановить народъ на краю пропасти, къ которой ведетъ его гнусный заговоръ преступнаго правительства.“

Отступленіе депутатовъ рѣшило невозможность демонстраціи, потому что кортежъ безъ ихъ участія повелъ бы къ неизбѣжной рѣзнѣ, а банкетъ безъ кортежа выражалъ бы слабость, равносильную забвенію всего дѣла. Чтобы спасти честь народа, нужно было приискать какія нибудь другія средства.

Тогда опять явилась мысль о всеобщей подачѣ въ отставку. Нѣкоторые изъ членовъ считали это самой сильной и дѣйствительной мѣрой, особенно послѣ всѣхъ вѣроломствъ и насилій послѣднихъ дней. Но, по извѣстнымъ уже причинамъ, эта мысль была отвергнута. Абатучи предложилъ, чтобы нѣсколько депутатовъ вышли на улицу и допустили полицію арестовать себя; объ этомъ насиліи слѣдовало тотчасъ составить обвинительный актъ и засвидѣтельствовать его. Но Паньеръ замѣтилъ, что не зачѣмъ приискивать новыхъ предлоговъ къ обвиненію правительства, когда и безъ того ихъ слишкомъ много. При этомъ онъ снова поднялъ вопросъ, возбужденный нѣсколько дней тому назадъ, чтобы составить обвинительный актъ противъ министерства, подписать его въ Парижѣ и побудить къ тому же всѣ департаменты. „Нельзя придумать, сказалъ онъ, болѣе сильнаго средства къ возбужденію. И можетъ быть, если сегодня же вечеромъ разнесется слухъ объ обвинительномъ актѣ, завтра онъ будетъ подписанъ и засвидѣтельствованъ, и дурное впечатлѣніе, произведенное на народъ оставленіемъ банкета и кортежа, разсѣется.

Это предложеніе вызвало всеобщее одобреніе. Всѣ депутаты подписались на актѣ, прежде чѣмъ онъ былъ написанъ, послѣ чего члены собранія разошлись, чтобы сообщить это рѣшеніе всѣмъ комитетамъ и редакціямъ журналовъ, гдѣ долж-

ны были собраться главные представители училищъ, а также начальники предмѣстій и національной гвардіи.

XV.

На слѣдующій день въ журналахъ появились двѣ статьи. Одна изъ нихъ, составленная Тьеромъ и Вивьеномъ, заключала въ себѣ обзоръ послѣднихъ событій и разъясняла принятыя оппозиціей рѣшенія. Другая, написанная Маррастомъ отъ имени главной комиссіи банкета, заключала въ себѣ слѣдующія слова:

„Главная комиссія, которой поручено устройство банкета 12 округа, узнавъ о совѣщаніи депутатовъ оппозиціи;

„Принимая во вниманіе объявленіе министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ онъ говоритъ, что допустить банкетъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы на него отправились не толпою, а по одиночкѣ;

„Что исполняя требованіе министерства, мы дадимъ ему случай нарушить законъ и судить обыкновеннымъ полицейскимъ порядкомъ чисто политическое право, подлежащее суду палаты и цѣлой націи;

„Что такія дѣйствія были бы совершенно согласны съ видами министерства и мы разыгрывали бы роль, недостойную людей, проникнутыхъ сознаніемъ своего дѣла;

„Принимая во вниманіе, что только общая манифестація, въ которой принялъ бы участіе весь народъ, придастъ настоящей смыслъ предполагаемому банкету;

„Что мѣры, принятыя военнымъ начальствомъ, должны неизбѣжно повести къ стычкамъ и кровопролитію, если бы нѣкоторые продолжали настаивать на томъ, чтобы идти на банкетъ массою;

„Что патріотизмъ и человѣколюбіе равно заставляютъ избѣгать такихъ крайностей;

„Припимая все это во вниманіе, комиссія рѣшилась отложить банкетъ 12 округа; она слагаетъ на правительство отвѣтственность за все возбужденія и насилія, и вполнѣ надѣется, что актъ, обвиняющій министерство, которое довело парижское народонаселеніе до междоусобной войны, завтра же будетъ представленъ палатѣ, и что Франція съумѣетъ силою общественнаго мнѣнія, уничтожить политику, давно уже возбуждающую негодованіе и презрѣніе всей страны.“

Кромѣ того избирательный комитетъ 2-го округа, воодушевленный газетою „National“, напечаталъ на слѣдующее утро ноту, въ которой выражалъ свое крайнее удивленіе тому, что депутаты, рѣшаясь отложить банкетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не подали все въ отставку. Комитетъ приглашалъ ихъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, „какъ къ единственной, чтобы не унизиться въ общественномъ мнѣніи.“

Все было уже готово для банкета; разбили палатку, разставили столы, вырубилъ одну стѣну для свободнаго входа, — и вдругъ все остановилось, банкетъ былъ отмѣненъ.

Дюнопъ де л'Ерѣ, Лербетъ и еще нѣсколько человѣкъ, которые нарочно собрались у Ламартина, чтобы придумать средство участвовать въ банкетѣ, не смотря на отступленіе своихъ товарищей, узнавъ чрезъ Вавена и Ластейри о рѣшеніи главной комиссіи, тотчасъ же разошлись.

XVI.

Между тѣмъ среди неясныхъ толковъ въ народѣ истина начала выясняться. Изъ объявленій правительства видѣнь былъ вызовъ его; чрезъ любопытныхъ узнавали о рѣшеніяхъ депутатовъ. Даже самые равнодушные были увлечены предстоящимъ кризисомъ, казавшимся неизбѣжнымъ. Самое сильное волненіе обнаруживалось между солдатами національной гвардіи, членами комитета, студентами, избирателями и гражда-

нами всѣхъ сословій, которымъ предстояло, какъ комиссарамъ или уполномоченнымъ, играть непосредственную, прямую роль въ демонстраціи. Со всѣхъ концовъ Парижа сбѣгались въ контору „Siècle“, главный пунктъ сходакъ. Скоро комнаты Перре, издателя этого журнала, были полны. Толпа волновалась, кричала, требовала новостей и рѣшеній и предлагала свои совѣты. Ничто не можетъ укротить страстей толпы; волненіе все больше усиливается. Каждый приливъ вновь прибывшихъ вносить въ эту волнующуюся массу новый ропотъ. Безпрестанно слышится грозныя восклицанія. „Такъ депутаты оставляютъ демонстрацію! они преклоняются предъ самовластіемъ. Они отдають законы и честь свою на жертву произволу! Они завлекли народъ, а теперь отступаютъ, когда пришло время дѣйствовать! Это подло! Надо устроить банкетъ и безъ нихъ, на зло имъ. Если на министерство падетъ отвѣтственность за пролитую кровь, то на нихъ падетъ стыдъ за ихъ малодушіе; и гдѣ они? почему ихъ нѣтъ здѣсь? краснѣютъ-ли они за свою слабость или презираютъ насъ на столько, что даже не хотятъ объяснить намъ свое поведеніе?...“

XVII.

Какъ только находящіеся у Барро узнали о такомъ расположеніи умовъ, то поспѣшили отправить къ Перре пять человѣкъ депутатовъ, которымъ поручено было разъяснить этому недовольному собранію образъ дѣйствій оппозиціи, основанный на высокомъ патріотизмѣ и человеколюбіи. Эти уполномоченные были: Друэнъ-де-Люизъ, Вулай(де-ла-Мертъ), Берже, Шамболь и Гарнонъ. Когда они пришли къ Перре, раздраженіе народа дошло до высочайшей степени. Ихъ приняли дурно, окружили, стѣснили, закидали вопросами. Не было возможности успокоить это собраніе, и депутаты могли читать

въ глазахъ самыхъ умѣренныхъ недоувѣріе и презрѣніе. Присутствіе ихъ, вмѣсто того, чтобы успокоить собраніе, только болѣе раздражало его. Но въ эту минуту туда явились Дювержье де-Гораннъ, Малевиль, Гарнье-Пажесъ, Карно, д'Арагонъ и Паньеръ, чтобы представить рѣшеніе главной коммисіи.

Изъ всѣхъ депутатовъ Дювержье де-Гораннъ былъ самымъ яростнымъ противникомъ правительства. Всѣ знали, что дворъ былъ особенно раздраженъ противъ него. Кромѣ того знали его твердую рѣшимость, не останавливавшуюся ни предъ какими доводами, когда дѣло шло о его чести. Ему позволили говорить. Въ нѣсколькихъ словахъ, внятныхъ и ясныхъ, онъ разъяснилъ образъ дѣйствій своихъ товарищей и объявилъ о составленіи обвинительнаго акта. Но это объясненіе не успокоило народа. Болѣе всѣхъ казались раздраженными комиссары училищъ: они созвали было на слѣдующій день всѣхъ товарищей, распространяли волненіе на публичныхъ курсахъ, организовали corteжъ въ латинскомъ кварталѣ, и послѣ этого они не могли уже допустить мысли о торжественномъ отступленіи. Затронутая честь не позволяла имъ этого. Одинъ изъ нихъ, Верне, не удержался и обратился къ Дювержье де-Горанну съ слѣдующими восторженными словами: „Депутаты обвиняются не въ слабости, а въ измѣнѣ! Публично обязавшись присутствовать на банкетѣ, они подло бѣгутъ наканунѣ дѣла!“ Остальные продолжали въ томъ же тонѣ. „Но вѣдь депутаты неприкосновенны, возразилъ Дювержье де-Гораннъ, они были бы въ опасности, и только одни граждане пострадали бы: потому то депутаты и не хотѣли пролитія чужой крови. Впрочемъ, продолжалъ онъ, ваши упреки не относятся ко мнѣ: я одинъ изъ тѣхъ, которые вотировали, чтобы оппозиція всей массой отправилась завтра на банкетъ.“ Эти слова, въ которыхъ сквозь личное извиненіе проглядывало сожалѣніе о принятомъ рѣшеніи, дали новую пищу къ спо-

рамъ; Дювержье де-Гораннъ ушелъ, глубоко взволнованный этимъ порывомъ страстей, страшнымъ признакомъ того, что кипѣло въ низшихъ слояхъ общества.

XVIII.

„Что вы скажете о расположеніи умовъ въ толпѣ и объ упрекахъ, дѣлаемыхъ вамъ,“ спросилъ въ одномъ кружкѣ офицеръ національной гвардіи у Гарнье-Пажеса.— „Я думаю, что насъ мало еще упрекаютъ, отвѣчалъ послѣдній. Депутаты должны были пасть въ общественномъ мнѣніи, и они пали.“ Разговоры, прерываемые шумомъ толпы, продолжались, когда Перре потребовалъ слова. Какъ офицеръ національной гвардіи, онъ только что возвратился изъ главнаго штаба своего легіона и объявилъ, что завтра, въ 6 часовъ утра, велѣно битъ сборъ всѣмъ легіонамъ, вѣроятно съ двойной цѣлью: чтобы помѣшать національной гвардіи отправиться къ площади Madeleine и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы имѣть подъ ружьемъ всѣхъ друзей консервативной партіи. „Національная гвардія собрана! Вотъ, прибавилъ онъ, настоящая пора для демонстраціи. Уже 10 лѣтъ, король не смѣетъ или не хочетъ сдѣлать ни одного смотра гвардіи, боясь услышать выраженіе ея настоящихъ чувствъ. Завтра, при первомъ барабаннымъ боѣ, выйдемъ всѣ на улицу. Пусть король противъ воли услышитъ, чего мы желаемъ; тогда онъ долженъ будетъ уступить общему желанію народа, единодушно выраженному національной гвардіей!“ Эта живая рѣчь тронула всѣ сердца: демонстрація національной гвардіи должна была произвести громадный, необыкновенный эффектъ; она выводила оппозицію изъ затруднительнаго положенія и спасала ея честь. Сильный и единодушный аплодисментъ облегчилъ сдавленную грудь каждого. Споры прекратились, и всѣ ушли съ твердой рѣшимостью отправиться завтра къ своему

посту, созвать всѣхъ реформистовъ и съ непреклонной энергіей требовать реформы.

XIX.

Въ тотъ же вечеръ въ газетѣ „la Réforme“ напечатано было воззваніе ко всѣмъ приверженцамъ партіи радикаловъ, органомъ которыхъ была эта газета; воззваніе это было слѣдующаго содержанія:

„По рѣшенію главнаго редактора и управляющаго газетой «la Réforme», мы обращаемся къ вашему патріотизму. Завтра, въ 7 часовъ вечера, назначено собраніе въ конторѣ журнала для обсужденія важныхъ и затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимся.“

Это двусмысленное объявленіе не обмануло никого. Всѣ горячіе приверженцы партіи радикаловъ поспѣшили прійти, и вмѣстѣ съ ними явились и тайные агенты полиціи. Извѣстно уже, изъ какихъ элементовъ состояло это собраніе. Радикалы питали глубокое презрѣніе ко всѣмъ, кто не принадлежалъ къ ихъ кружку. Чѣмъ болѣе волна общественнаго мнѣнія увлекала ихъ въ коалицію реформистовъ, тѣмъ болѣе росло въ нихъ чувство враждебности къ неспособности, холодности, почти измѣнѣ этихъ людей политическихъ, приверженцевъ династій. Такими прозваніями старались они погубить во мнѣніи народа главныхъ двигателей этого движенія, за которыми сами слѣдовали съ глубокимъ отвращеніемъ.

Собраніе состояло изъ 80 человекъ. Это былъ военный совѣтъ подъ видомъ общества акціонеровъ. Здѣсь не было восклицаній и шуму, какъ въ конторѣ „Siècle“; напротивъ, тутъ было сдержанное волненіе и почти торжественная важность. Не смотря на рѣшимость, изображавшуюся на всѣхъ лицахъ, всѣ чувствовали невольную дрожь, какую испытываетъ самый смѣлый заговорщикъ наканунѣ дня, въ который онъ долженъ взяться за оружіе.

По знаку президента все смолкло. Сказавъ нѣсколько словъ о закрытіи журнала, Флоконтъ приступилъ прямо къ дѣлу и спросилъ мнѣнія всѣхъ присутствующихъ относительно настоящихъ событій. Бонъ, видя въ сраженіи какъ хорошую, такъ и дурную сторону, заранѣе объявилъ свое согласіе на все, что рѣшено будетъ большинствомъ собранія. Альтонъ-Се сообщилъ о рѣшеніи, принятомъ депутатами и главной комиссіей банкета, и объявилъ, что, не смотря на это рѣшеніе, онъ готовъ дѣйствовать. Но ему замѣтили, что собранію вовсе нѣтъ дѣла до рѣшенія парламентской оппозиціи, и что нужно скорѣе радоваться, чѣмъ огорчаться тѣмъ, что она чрезъ свои поступки теряетъ нравственную силу и вліяніе.

Между тѣмъ наступала ночь, а собраніе еще ни на что не рѣшилось, полиція же хотѣла поскорѣе узнать объ этомъ рѣшеніи. Делагодъ, полицейскій агентъ, спросилъ Коссидьера, „нужно ли дать тайнымъ обществамъ приказаніе выступить?“ „Радикальная партія, отвѣчалъ Коссидьеръ, не имѣетъ на себѣ никакихъ обязательствъ: она ничего не обѣщала народу и потому свободна въ своихъ дѣйствіяхъ. Но такъ какъ народъ не можетъ узнать во время объ отступленіи депутатовъ, то безъ сомнѣнія онъ выйдетъ на улицу: этимъ случаемъ нужно воспользоваться.“ Лагранжъ сказалъ, что не нужно вызывать борьбы, а только надо поддерживать ее всѣми силами, если она будетъ добровольно начата народомъ. Рей, человѣкъ болѣе точный, прямо предложилъ сраженіе: „если народъ, говорилъ онъ, выйдетъ на улицу, тотчасъ нужно взяться за оружіе и стрѣлять.“ Это энергическое мнѣніе нашло многихъ приверженцевъ, между прочимъ въ Бонѣ, Альбертѣ, Коссидьерѣ и другихъ; но его сильно оспаривали Луи-Бланъ и Ледрю-Ролленъ. Оба они спрашивали, все ли готово къ такому дѣлу? Гдѣ солдаты, оружіе, аммуниція? Правительство, говорили они, приняло всѣ мѣры; въ его рукахъ армія, давно подготовленная для междоусобной войны.

Давно уже обдуманы имъ планы, какъ наступательные, такъ и оборонительные. Дать народу сигналъ къ битвѣ, значить вести его на убой. Усиѣхъ республиканской партіи и безъ того громаденъ; было бы глупо рисковать имъ, потому что пораженіе погубить ее. Власть правительства слабѣетъ съ каждымъ днемъ, между тѣмъ какъ усиѣхъ республиканской партіи все возрастаетъ. Гораздо лучше поддерживать еще нѣсколько времени теперешнее волненіе и отложить войну до болѣе благоприятнаго случая.“

Какъ у Барро и въ редакціи „Siècle“, такъ и здѣсь большинство отступаетъ предъ сраженіемъ. Вслѣдствіе этого Флоконъ написалъ статью, появившуюся на другой день, слѣдующаго содержанія:

„Граждане! Остерегайтесь завтра отъ всякаго смѣлаго движенія.

„Не давайте правительству давно желаемаго имъ случая имѣть кровавый усиѣхъ.

„Не подавайте этой династической оппозиціи, оставляющей васъ, повода, которымъ она воспользуется, чтобы прикрыть свою слабость.

„Вы видите, каковы результаты начинаній тѣхъ, кто не принадлежитъ къ нашей партіи.

„Терпѣніе! Когда демократической партіи угодно будетъ начать дѣйствовать, тогда увидятъ, что, разъ выступивъ, она уже не отступитъ!

(Журналъ «la Réforme»).

Общество временъ года (La Société des Saisons), управляемое въ то время Альбертомъ и Люсьеномъ Делагодъ, также получило приказаніе не браться за оружіе. Нѣсколько сотъ членовъ, составлявшихъ это общество, должны были продолжать свои засѣданія.

Комитетъ воспитанниковъ училищъ, узнавъ чрезъ своихъ уполномоченныхъ о всемъ, происходившемъ у Барро, равно какъ въ конторахъ „Siècle“ и „la Réforme“, хотя рѣшился во всякомъ случаѣ идти вслѣдъ за народомъ, однако счелъ нужнымъ предупредить на слѣдующее утро студентовъ о томъ, что демонстрація отложена и потому совѣтовалъ имъ быть повоздержаннѣе.

XX.

Всѣ эти споры и рѣшенія бросаютъ яркій свѣтъ на организацію демократіи того времени. Если республиканская партія и становилась съ каждымъ днемъ сильнѣе по своимъ принципамъ, то все же она была слаба по количеству своихъ членовъ. Въ душѣ никто не надѣялся, не мечталъ даже о скоромъ успѣхѣ. Люди самые горячіе, энтузіасты по убѣжденію, даже тѣ, которыхъ неудача возбуждаетъ къ самымъ отчаяннымъ предпріятіямъ, говорили языкомъ политическимъ и принуждены были дѣйствовать умѣренно. Скрывая тщетность своихъ усилій, они главнымъ образомъ разсчитывали на время. Къ тому же могущество монархіи казалось несокрушимымъ. Матерьяльныя средства ея были громадны: огромная армія, приученная къ войнѣ и до сихъ поръ вѣрная, занимала Парижъ. Казармы, зубчатые стѣны и внутренніе форты перерѣзывали его. За стѣнами еще ограда и укрѣпленія, представлявшія страшныя средства къ оборонѣ и разрушенію. Наконецъ національная гвардія, желающая теперь реформы, была скорѣе враждебна, чѣмъ благопріятна крайней демократіи, и не было почти сомнѣнія, что она примкнетъ къ войску, если волненіе перейдетъ въ бунтъ. Что же могла сдѣлать противъ такихъ силъ горсть людей, при всемъ ихъ самоотверженіи? Однако изъ этого не слѣдовало, чтобы монархія была несокрушима: нѣтъ! еслибы этотъ чисто революціонный народъ поднялся, тогда

всякое сопротивленіе было бы напрасно. Но демократы, даже самые близкіе къ народу, очень плохо знали его настроеніе. Уже 10 лѣтъ онъ не подавалъ никакого признака жизни. Уже 10 лѣтъ онъ постепенно сердцемъ и душою отставалъ отъ всякаго движенія. Что сдѣлаетъ онъ теперь — этого никто не зналъ навѣрное. Потому то радикалы тайныхъ обществъ, приверженцы журнала „la Réforme“, не надѣясь на успѣхъ сраженія, отклоняли отъ него народъ. Потому то даже школьная молодежь, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, давала друзьямъ своимъ тѣ же совѣты благоразумной умѣренности.

XXI.

Между тѣмъ министерство, прилепчиваясь къ городскимъ слухамъ, дѣятельно продолжало свои приготовленія. Въ то время, какъ главный штабъ національной гвардіи сзывалъ легіоны, главнокомандующій парижской арміей разослалъ по всѣмъ корпусамъ приказъ выступить изъ казармъ и готовиться къ бою. Въ 11 часовъ вечера 20—30 полицейскихъ комиссаровъ собрались у префекта и получили отъ него инструкции. Эти инструкции состояли въ слѣдующемъ.

„Хотя депутаты оппозиціи и отказались отъ банкета, но все таки нужно опасаться сборищъ. Легко можетъ произойти какая нибудь стычка, и потому съ разсвѣтомъ Парижъ будетъ поставленъ на военномъ положеніи. Полицейскіе чиновники поступятъ въ распоряженіе военнаго начальства. Они должны поступать умѣренно съ тѣми, кто прійдетъ изъ одного любопытства, но при первой тревогѣ должны дѣйствовать рѣшительно и энергически. „Кто же будетъ распоряжаться?“ спросилъ одинъ изъ полицейскихъ, назначенныхъ на площадь Concorde. „Нѣкто посильнѣе насъ съ вами,“ отвѣчалъ префектъ.

Узнавъ потомъ черезъ своихъ агентовъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ на сходкахъ въ конторахъ „Siècle“, „la Reforme“ и

въ обществѣ временъ года (*Société des Saisons*), префектъ поспѣшилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы сообщить ему эти драгоцѣнныя свѣдѣнія. У Дюшателя уже собрались военный министръ, генералы Себастьяни и Жакмино. Всѣ они сознавались въ томъ, что національная гвардія, требующая съ оружіемъ въ рукахъ реформы, представляетъ неминуемую опасность. При томъ они рѣшили, что такъ какъ демократія не хочетъ браться за оружіе, то и не слѣдуетъ за дѣлать ее, и что наконецъ, если различныя партіи оппозиціи, парламентскія и экстра-парламентскія, отказались отъ банкета, то совершенно бесполезно тревожить столицу, выводя безъ всякой цѣли военныя силы.

Всѣ эти разсужденія, исполнѣ одобренныя присутствовавшими членами, показались на столько разумными, что не спрашивая мнѣнія другихъ министровъ и короля, министры военный и внутреннихъ дѣлъ немедленно послали приказанія во всѣ легіоны и корпуса объ отмѣнѣ прежнихъ распоряженій. Эти приказанія дошли по назначенію между 4 — 5 часами утра. Исполненіе тринадцати прежнихъ приказовъ было временно остановлено. Нѣсколько часовъ спустя король и кабинетъ узнали объ этихъ распоряженіяхъ и остались исполнѣ ими довольны. *)

Мы скоро увидимъ что вышло изъ всего этого.

XXII.

Герцогиня Орлеанская прежде всѣхъ въ Тюльери узнала о миролюбивомъ рѣшеніи депутатовъ. Ари-Шеферъ, начальникъ эскадрона національной гвардіи, получивъ отъ Барро письмо съ этимъ извѣстіемъ, поспѣшилъ сообщить его герцогинѣ, чтобы уничтожить опасенія, которыя она обнаружи-

*) Король узналъ объ этомъ поздно ночью.

вала въ продолженіи цѣлаго дня. Обрадованная герцогиня побѣжала къ королю, чтобы сообщить ему эту пріятную новость; но король не обнаружилъ при этомъ извѣстіи ни малѣйшаго удивленія и сказалъ съ самодовольной улыбкой: „Я зналъ, что моя твердость заставитъ ихъ уступить.“ Придворные обрадовались случаю польстить королю. „Это извѣстно было, говорили одни, что депутаты уступятъ; эти учредители банкетовъ только издали храбрились, передъ строгими же мѣрами они пойдутъ назадъ“.— „Король такъ добръ, говорили другіе, что спасъ ихъ, давъ имъ предлогъ выпутаться изъ бѣды, въ которую завлекли ихъ слѣпныя страсти. Министры заслуживаютъ полной благодарности короля и націи за ихъ удивительную твердость.“ На другой день эта овація была напечатана во всѣхъ официальныхъ журналахъ. „Рѣшеніе принято, сказано было въ одномъ изъ нихъ; оно должно быть исполнено и будетъ исполнено.“

XXIII.

Но въ то время, когда король и его дворъ засыпали въ упаденіи гордости, буря собиралась тамъ, откуда ея вовсе не ожидали. Занятые трудомъ и дѣлами, народъ, буржуазія и рабочіе,—граждане всѣхъ классовъ и сословій, очень мало знали о положеніи дѣлъ. Каково будетъ окончательное рѣшеніе правительства? До чего оппозиціонныя депутаты доведутъ свое сопротивление? Что будутъ дѣлать комитеты реформистовъ, радикалы, тайныя общества? Народъ ничего этого не зналъ: до него доходили только глухіе и неясные слухи. Но эти слухи, которые всегда неизвѣстно откуда рождаются наканунѣ великихъ дней и разносятся неизвѣстно кѣмъ, эти слухи, передаваемые и потомъ отвергаемые очевидцами,—вся эта смѣсь лжи и истины возбуждали любопыт-

ство народа и усиливали его волненіе. Потому, какъ только закрылись магазины, лавки и мастерскія, улицы наполнились любонитными. Журналы, продававшіеся въдесятеро дороже настоящей цѣны и тѣмъ представлявшіе особенную важность, съ жадностью читаются при свѣтѣ фонарей, вмѣстѣ съ прокламаціями правительства, прибитыми къ стѣнамъ. Наконецъ постоянно прибывающія новости выясняютъ истину, и тогда народъ увидѣлъ себя совершенно оставленнымъ. Онъ увидѣлъ, что депутаты, комитеты и радикалы, которые вели дѣло оппозиціи, отказались отъ демонстраціи. Въ эту торжественную минуту народъ не потерялся и взялъ все дѣло на себя. Какой то необъяснимой силой вдругъ составились кружки и въ нихъ совѣщались въ полголоса. Не было ни криковъ, ни шуму, ни угрозъ, только изрѣдка тамъ и сямъ раздавались насмѣшки. Скоро всѣ разошлись, молча пожимая другъ другу руки, но это пожатіе ясно выражало надежду на скорое свиданіе; за тѣмъ по улицѣ воцарилось молчаніе, болѣе глубокое, чѣмъ обыкновенно. Пренебрегая разсчетами государственныхъ людей всѣхъ партій, народъ рѣшился дѣйствовать безъ нихъ. Цѣлый мѣсяцъ онъ ждалъ демонстраціи, ему назначили день, часъ и мѣсто, зывали къ его патріотизму, его чести, онъ былъ готовъ. И вотъ, въ самую торжественную минуту, когда правительство бросаетъ дерзкій вызовъ,—вмѣсто того, чтобы принять его, всѣ партіи отступаютъ, предоставляя каждому изъ своихъ членовъ дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію. Это благоразуміе, эти разсчеты политики, по мнѣнію народа — не болѣе какъ малодушіе; онъ не хочетъ разсуждать о нихъ, онъ не понимаетъ ихъ! Тѣ, которые называли себя его вождями, оставили его,—онъ самъ будетъ себѣ руководителемъ и вождемъ. Это уже не будетъ дѣло организованное, разсчитанное; это не будетъ порывъ нѣсколькихъ горячихъ головъ; это не будетъ заговоръ, порожденный пена-

вистью, честолюбіємъ, надеждами. Нѣтъ, безъ всякихъ организацій, безъ всякаго руководства, движимый только честью и сознаніемъ своего права, безъ оружія, безъ начальниковъ, народъ одинъ совершить великое, могучее дѣло.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вторник, 22 Февраля. — Уничтоженіе приготовленій къ банкету; полицейскіе комиссары и муниципальная гвардія уходятъ съ мѣста, назначеннаго для банкета; офицеры главнаго штаба національной гвардіи расходятся по домамъ. — Волненіе въ латинскомъ кварталѣ: на площади Пантеона составляется колонна изъ молодыхъ людей и рабочихъ; они идутъ на площадь Concorde, окружаютъ палату депутатовъ, но расходятся послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ имъ замѣчаній. — Префектъ полиціи и министръ внутреннихъ дѣлъ узнаютъ о случившемся. — Разговоръ короля съ Горасомъ Верне. — У Барро составляется обвинительный актъ противъ министерства. — Часть студентовъ отправляется къ Барро, другая завязываетъ схватку съ солдатами на Монтрейльскомъ постѣ и долго поддерживаетъ борьбу противъ прибывающихъ подкрѣпленій. — Борьба на площади Madeleine и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. — Студенты возвращаются въ свой кварталъ, дѣлаютъ покушеніе на политехническую школу и потомъ расходятся. — Первые баррикады. — Стички въ улицѣ Риволи и въ Елисейскихъ поляхъ. — Возрастающее раздраженіе между народомъ и муниципальной гвардіей. — Народъ кричитъ: «да здравствуютъ линейныя войска! Долой муниципальная гвардія!» — Встрѣча народа съ депутатами, отправляющимися въ палату. — Засѣданіе; Барро предъявляетъ обвинительный актъ; презрѣніе Гизо. — Палата перовъ; приключеніе съ Боасси. — Три депутата города Парижа отправляются къ Сенскому префекту; рѣзкія слова Рамбюто. — Волненіе на улицахъ усиливается; народъ отнимаетъ оружіе у оружейныхъ мастеровъ. — Правительственныхъ распоряженій нигдѣ не видно, и только вечеромъ городъ объявленъ на военномъ положеніи. — Изложеніе стратегическаго плана; его недостатки; исчисленіе войскъ. — Дурное управленіе войскомъ дѣлается еще хуже съ назначеніемъ герцога Немурскаго главнокомандующимъ; распредѣленіе войскъ по стратегическимъ пунктамъ. — Отсутствие національной гвардіи. — Движеніе на заставахъ; первые выстрѣлы; первыя жертвы. — Сцена въ Тюльери между королевскою фамиліей и батальоннымъ командиромъ національной гвардіи. —

Совѣщаніе герцога Немурскаго съ министрами; странное совпаденіе. Самоуверенность префекта полиціи. — Спокойствіе правительства. — Ожиданія оппозиціи. — Войска получаютъ приказаніе разойтись по своимъ квартирамъ. — Правительство владѣть городомъ.

I.

22 ФЕВРАЛЯ.

Въ этотъ день съ самаго утра пошелъ дождикъ, мелкій, частый, разслабляющій душу и тѣло; для города это былъ вѣрный залогъ спокойствія. Къ 9¹/₂ часамъ на мѣсто банкета, въ улицу *Chemin de Versailles*, прибыли четыре полицейскихъ комиссара. Тамъ они застали рабочихъ, которые дѣятельно трудились. Но вмѣсто окончанія приготовленій къ банкету они, напротивъ того, снимали палатки, убирали столы и поспѣшно укладывали на повозки всѣ вещи, привезенныя наканунѣ. Вокругъ стола расположился отрядъ муниципальной гвардіи, по въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ обѣщаль префектъ полиціи. Возлѣ палатки не было ни пѣхоты, ни кавалеріи. Все это чрезвычайно удивило комиссаровъ. Немного спустя пришелъ Элуэнъ, начальникъ муниципальной полиціи; онъ сообщилъ комиссарамъ, что банкетъ отложенъ, что войска получили отмѣну прежнихъ приказаній, и велѣлъ имъ уйти. Муниципальные гвардейцы также отправлены были въ свои казармы.

За часъ до этого офицеры главнаго штаба національной гвардіи въ числѣ 30-ти человекъ явились на мѣсто своего назначенія. Генераль Карбонель поспѣшилъ явиться туда же; онъ благодарилъ офицеровъ за исправность и объявилъ имъ, что такъ какъ банкета не будетъ, всѣ затрудненія улажены и городъ совершенно спокоенъ, то они могутъ разойтись. Но офицеры, въ томъ числѣ Ари-Шеферъ и Бори-де-Ренодъ, думали, что довѣряться этимъ словамъ нѣсколько опасно, и потому замѣтили генералу, что новыя приказанія, данныя

войску, нисколько не касаются народа. Въ случаѣ, если бы онъ вышелъ на площадь, обыкновенныхъ карауловъ было бы недостаточно, и потому благоразуміе требовало нѣсколько усилить караульныя команды. Генераль Карбонель снова успокоилъ ихъ, но изъ снисхожденія согласился на ихъ предложеніе. За тѣмъ нѣкоторые офицеры вышли изъ главнаго штаба, а главнокомандующій вовсе не показывался туда.

II.

Между тѣмъ городъ начиналъ волноваться. Воспитанники училищъ, согласно вчерашнему условію, поспѣшили явиться на площадь Пантеона. Въ 9 часовъ ихъ собралось уже болѣе тысячи; между ними было нѣсколько рабочихъ. Уполномоченные ихъ, посланные съ цѣлью развѣдать о положеніи дѣлъ, возвратились съ извѣстіемъ объ отмѣнѣ банкета. Сообщивъ рѣшеніе депутатовъ, комитетовъ и редакцій журналовъ, они стали совѣтовать толпѣ разойтись; но товарищи отвѣчали имъ точно также, какъ они сами отвѣчали депутатамъ. Голоса ихъ были заглушены яростнымъ крикомъ: „Vive la ré-forme! à bas les ministres! à bas Guizot“! При этихъ словахъ уполномоченные не сочли нужнымъ продолжать свои убѣжденія. Они сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, но общее увлеченіе прорвалось помимо ихъ воли. Раздѣляя въ душѣ чувства товарищей, они не хотѣли болѣе удерживать своихъ страстей и съ жаромъ пристали къ общему дѣлу. Въ нѣсколько минутъ составила колонна и раздался крикъ: впередъ! Какой то молодой человѣкъ, имя котораго осталось навсегда неизвѣстнымъ, выступилъ изъ толпы и пошелъ впереди всѣхъ, напѣвая Marseillaise; громкій хоръ подхватилъ его голосъ. На площади de l'Ecole de Médecine къ нимъ присоединилась новая толпа студентовъ. Они пошли чрезъ Новый мостъ, улицы Arbre Sec, Сентъ-Оноре и Дюфо. Попадавшіеся

по дорогѣ рабочіе приставали къ нимъ, такъ что прійдя на площадь Madeleine, толпа состояла уже почти изъ 3000 человекъ.

III.

Ни одинъ изъ полицейскихъ комиссаровъ, назначенныхъ наканунѣ, чтобы слѣдить за движеніемъ и въ случаѣ нужды подавать пособіе военной командѣ, не получилъ новыхъ приказаній. Коммиссары площадей Пантеона и l'Ecole de Medecine не видѣли начинающуюся тревогу, но при всѣхъ стараніяхъ не могли удержать ее безъ помощи военной команды. Между тѣмъ помощь эта не приходила. Въ такомъ же положеніи были и комиссары площади Madeleine и площади Concorde, когда до слуха ихъ дошли звуки революціонныхъ пѣсень и за тѣмъ появилась колонна студентовъ. Остановившись на минуту на бульварѣ, она въ порядкѣ, стройнымъ шагомъ направилась къ площади Concorde и къ палатѣ депутатовъ.

Коммиссары немедленно рѣшили что дѣлать. Одинъ изъ нихъ, Мартине, поспѣшилъ извѣстить префекта полиціи, который ничего не зналъ о происходившемъ. Другой, Лемуанъ-Ташера, бросился на набережную къ Монтрейльскому павильону и предложилъ караульному офицеру немедленно занять со всѣми военными силами, находящимися въ его распоряженіи, мостъ, чтобы прикрыть палату депутатовъ. Всѣ эти силы состояли изъ 35 человекъ муниципальной гвардіи. Командиръ ихъ, лейтенантъ Бертонъ, тотчасъ взялъ 17 человекъ и выстроился съ ними поперекъ моста. Барабанщика же своего онъ отдалъ въ распоряженіе комиссара, чтобы въ случаѣ нужды подавать сигналы. Такимъ образомъ одинъ комиссаръ, одинъ субалтернъ-офицеръ, 17 солдатъ и барабанщикъ были единственныя силы, которыя предусмотрительное правительство выставило противъ главнаго движенія, рѣшившаго судьбу монархіи!

IV.

Между тѣмъ колонна, плотно сжатая, подвигалась впередъ съ криками: „Vive la Réforme! à bas les Ministres, à bas Guizot“! Нигдѣ не видно было ни одного солдата и лишь изрѣдка попадались имъ на встрѣчу національные гвардейцы. Когда толпа стала подходить къ мосту, полицейскій комиссаръ смѣло пошелъ ей на встрѣчу, желая уговорить ее разойтись. Но все было напрасно: задніе ряды тѣснили передніе, и все преодолевали на своемъ пути. Коммиссара свалили, затоптали. Муниципальные гвардейцы разбѣжались. Перейдя мостъ, колонна двинулась на рѣшетки дворца Бурбоновъ. Самые смѣлые взобрались на ступеньки крыльца, выходящаго къ мосту; 20 человѣкъ вошли прямо въ залу des Pas-Perdus. Внутри дворца тоже не было войска; всю защиту его составляла прислуга, нѣсколько швейцаровъ, нѣсколько солдатъ національной гвардіи 7-го легіона, кое-кто изъ депутатовъ, случайно пришедшихъ туда, и два квестора палаты. Но такой легкій успѣхъ и слабое сопротивленіе успѣли уже укротить ярость наступающихъ; достаточно было нѣсколькихъ словъ, чтобы убѣдить ихъ разойтись. „Будетъ съ насъ пока и этого“ сказалъ одинъ изъ толпы сторожу залы. „Но не безпокойтесь! мы придемъ опять и покажемъ вамъ расправу, которая будетъ имѣть цѣль вашего жилета!“ Жилеты у сторожей были красивые. Имя человѣка, сказавшаго это, осталось неизвѣстнымъ, также какъ и имя перваго, который повелъ колонну.

Дворецъ былъ уже совершенно очищенъ, когда къ нему прибыли, чрезъ Орсейскую набережную и Дильскую улицу, отрядъ 2 драгунскаго и два батальона 69 линейнаго, призванные Мартине и Ноэлемъ, дежурнымъ комиссаромъ палаты. Дворцовый подъѣздъ и мостъ были очищены безъ всякихъ

приключеній. За тѣмъ драгуны выстроились въ боевомъ порядкѣ по ту сторону моста Concorde.

V.

Пока все это происходило, полицейскій комиссаръ Мартине прибѣжалъ къ префекту полиціи и разсказалъ о появленіи студентовъ на площади Madeleine и о шествіи ихъ къ дворцу Бурбоновъ, выражая при этомъ опасеніе, что, при совершенномъ отсутствіи войскъ, палата легко можетъ быть занята ими. Делессеръ слушалъ его съ удивленіемъ и безпокойствомъ, какъ вдругъ явился одинъ изъ секретарей Дюшателя. „Палата запята, сказалъ онъ; то же самое грозитъ министерству внутреннихъ дѣлъ. Министръ требуетъ отъ васъ объясненія вашихъ дѣйствій“!— „Я знаю объ этомъ, отвѣчалъ префектъ, и теперь же отдаю г. комиссара въ распоряженіе министра.“ Вслѣдъ за тѣмъ секретарь и Мартине посѣщали къ министру. Дюшатель вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи двухъ швейцаровъ, согласно этикету будничныхъ дней. Увидя Мартине, онъ строго закричалъ: „О чемъ же вы думаете? палата захвачена, мыѣ грозитъ то же самое, а у меня нѣтъ никакой защиты!“ Въ оправданіе свое Мартине разсказалъ ему, какъ происходило все дѣло. Министръ нѣсколько успокоился, похвалилъ его образъ дѣйствій и просилъ возвратиться къ своему посту, совѣтуя дѣйствовать съ умѣренностью и твердостью. Онъ былъ такъ озабоченъ, что не замѣчая того, далъ комиссару приказанія, противорѣчащія одно другому, и тѣмъ ввелъ его въ недоумѣніе и смущеніе.

VI.

Въ это время король въ Тюльери стоялъ съ подзорной трубой у окна своего кабинета и старался объяснить себѣ необычайное

движеніе у дворца Бурбоновъ. Возлѣ него стоялъ Гораеъ Верне, приглашенный въ Тюльери по какому то дѣлу. Король видѣлъ, какъ подонли драгуны и стали очищать мостъ и дворцовый подъѣздъ. Онъ позвонилъ и велѣлъ позвать одного изъ своихъ адъютантовъ, генерала Дюма. „Что тамъ такое?“ спросилъ король. — „Ничего, ваше величество, толпа мальчишекъ взобралась на рѣшетки палаты, ихъ гонятъ прочь.“ Въ эту минуту въ сосѣднихъ улицахъ раздались звуки *Marseillaise*, а въ самомъ тюльерійскомъ саду послышались крики „*Vive la réforme!*“ Генералъ Дюма доложилъ королю, что онъ уже приказалъ выгнать всѣхъ изъ сада и запереть ворота. Король, повидимому спокойный, съ улыбкою на лицѣ, сдулъ кучку пепла, просыпаннаго на бумагу, и сказалъ, обращаясь къ Верне: „стоитъ только мнѣ захотѣть, и все это разлетится какъ этотъ пепелъ.“

Таково было начало этой замѣчательной борьбы. Король, министры, префектъ-полиціи—никто ничего не зналъ, не видѣлъ, не понималъ. Можно было занять весь городъ безъ малѣйшаго сопротивления. Революція начиналась тамъ, гдѣ она должна была кончиться. Съ начала и до конца ея были люди преданные правительству, но они никѣмъ не были руководимы; были войска храбрыя, но они оставались безъ движенія. Правительство, увѣренное въ успѣхѣ, было захвачено върасплохъ и — погибло.

VII.

Въ тотъ же самый часъ, когда происходило все это, Одилонъ Барро, Дювержье де-Горанья и Гарнье-Пажесъ приготовляли обвинительный актъ противъ министерства. По прибытіи многихъ журналистовъ и депутатовъ актъ былъ прочитанъ и заслужилъ всеобщее одобреніе. Обвинительный актъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Мы предлагаем объявить министров виновными въ слѣдующемъ:

1. Въ сношеніяхъ съ иностранными державами они измѣнили чести и интересамъ Франціи.

2. Они исказили принципы конституціи и посягнули на свободу и права гражданъ.

3. Они систематическими подкупами старались подчинить общественное мнѣніе своимъ личнымъ интересамъ, чтобы измѣнить этимъ путемъ принципы представительнаго правленія.

4. Они, ради своихъ выгодъ, торговали общественными должностями, равно какъ и всѣми атрибутами власти.

5. Изъ личныхъ выгодъ они разстроили государственные финансы, жертвуя такимъ образомъ силами и величіемъ націи.

6. Они отняли у гражданъ нераздѣльные съ свободной конституціей права, дарованныя имъ хартіей и законами.

7. Наконецъ своей политикой, совершенно контръ-революціонной, они лишили насъ всего, что мы выиграли въ двѣ послѣднія революціи, и посѣяли въ цѣлой странѣ разстройство и уныніе.“

По прочтеніи акта поднялся вопросъ о томъ, должна ли подписывать его вся оппозиція или только нѣкоторые изъ депутатовъ. Изъ убѣжденія или просто изъ трусости многіе замѣтили, что нельзя быть въ одномъ и томъ же дѣлѣ обвинителемъ и судьей, и что наконецъ достаточно будетъ одной или двухъ подписей; но другіе, въ особенности Малевиль и Бюро де-Пюзи, не соглашались съ ними. „Актъ этотъ, говорили они, серьезный, торжественный. Судьей здѣсь будетъ цѣлая нація, а не палата, и потому вся оппозиція должна принять въ этомъ участіе. Было бы смѣшно и нелѣпо добиваться осужденія министровъ посредствомъ большинства голосовъ. И самый актъ этотъ есть ни больше, ни меньше, какъ средство къ политическому возбужденію, иначе онъ былъ бы недостойной игрой, лицемерной угодливостью общественному мнѣнію. Какъ

дополненіе къ банкетамъ и адресу о реформѣ, онъ долженъ возбудить страну противъ правительства, въ пользу реформы. Другой цѣли здѣсь нѣтъ и быть не можетъ.“

Такъ какъ это мнѣніе одержало верхъ, то немедленно было послано въ редакцію „Siccle“ распоряженіе о нанечатаніи акта въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. За тѣмъ положено было распространять его между солдатами національной гвардіи и вообще въ обществѣ. Бывшіе на лицо депутаты присоединили свои подписи къ вчерашнимъ. При открытіи засѣданія ихъ было 43. Большая часть подписывали смѣло, и только нѣкоторые колебались. Одинъ депутатъ уничтожилъ свою подпись на другой день, но когда революція совершилась, это малодушіе было забыто всѣми.

VIII.

Послѣ занятія палатъ студенты разсѣялись въ разныя стороны. Часть ихъ отправилась къ площади *Madeleine* и въ улицу *Ferme des Mathurins*, къ Барро, въ то самое время, когда тамъ подписывали обвинительный актъ. Нѣсколько молодыхъ людей подошли къ окнамъ и во имя народа, требовали, чтобы депутаты вышли къ нимъ и стали во главѣ ихъ колонны. Они были такъ взволнованы, что ихъ только съ трудомъ можно было успокоить. Барро представилъ имъ, что, отказываясь отъ банкета, оппозиція хотѣла избѣжать пролитія крови; что она поставила себѣ правиломъ дѣйствовать легально и что настоящее собраніе имѣло цѣлью отмстить за нарушеніе общественныхъ правъ. Уполномоченные остались довольны этимъ объясненіемъ и толпа удалась съ пѣніемъ *Marseillaise* и крикомъ „*Vive la réforme*“.

Другой отрядъ студентовъ встрѣтилъ на площади *Concorde* драгунъ, которые смяли и разсѣяли ихъ, но не на долго: толпа собралась снова. У *Монтрейльскаго* прѣста была сложена

куча камней; смѣльчаки бросились къ ней, но муниципальные гвардейцы угадали ихъ намѣреніе и понеслись на нихъ. Ихъ встрѣтили градомъ камней. Гвардейцы были смяты и принуждены укрыться въ постѣ вмѣстѣ съ полицейскимъ комиссаромъ Демуэнъ-Ташера. Скоро однако на помощь къ нимъ подоспѣлъ отрядъ изъ 100 человѣкъ муниципальных гвардейцевъ, рота пѣхоты и эскадронъ кавалеріи, и толпа въ свою очередь отступила.

Но студенты успокоились не на долго. Вооружась камнями, бревнами, вѣтъ, что попадалось имъ подъ руку, они сдѣлали новое нападеніе съ такою стремительностью, что гвардейцы, не смотря на свое хладнокровіе и твердую рѣшимость прибѣгнуть къ оружію только въ крайности, потеряли наконецъ терпѣніе и сдѣлали нѣсколько залповъ. Новый градъ камней былъ имъ отвѣтомъ; упорство нападающихъ усиливалось по мѣрѣ усиленія сопротивленія. Избитые камнями, солдаты разгорячились, стали наносить удары на право и на лѣво, давили лошадьми кого попало. Первою жертвою была женщина; ее подняли изуродованною, раздавленною и понесли въ госпиталь. Этотъ случай, весьма обыкновенный при подобныхъ стычкахъ, окончательно привелъ народъ въ ярость; всѣ кинулись на солдатъ. Ни штыки, ни сильный натискъ лошадьми, ничто не останавливало ихъ. Шагъ за шагомъ оспаривая поле битвы, они уступали силѣ, снова шли впередъ, снова нападали съ яростнымъ крикомъ: „Vive la réforme! à bas Guizot“!

IX.

На площади Madeleine, между домомъ Барро и Café Durand, гдѣ обыкновенно собирались члены оппозиціи, столпилось очень много народу. Парижскій народъ собирается скорѣе изъ любопытства, чѣмъ съ враждебными намѣреніями,

но онъ всегда страшенъ, потому что умѣетъ противождать всякому движенію войскъ. Каждую минуту прибывали со всѣхъ сторонъ новыя толпы, уже не скрывавшія своего озлобленія. Мѣстные полицейскіе комиссары имѣли въ своемъ распоряженіи только караульную команду, силу слишкомъ слабую противъ такой массы народа, еслибы эта масса вздумала сдѣлать нападеніе. Но настоянію комиссаровъ имъ прислали подкрѣпленіе изъ 50 человекъ конной муниципальной гвардіи подъ начальствомъ эскадроннаго командира Тиссерана. Этого было довольно, чтобы ускорить нападеніе, но слишкомъ мало, чтобы остановить его. Ни гордая осанка солдатъ, ни угрозы, ни аресты — ничто не помогло: свалка началась. Солдаты стрѣляли, народъ отвѣчалъ камнями. Смѣлость его перешла въ какое то безуміе: многіе хватались за ноги кавалеристовъ, чтобы стащить ихъ съ лошадей. И чѣмъ болѣе тѣнили ихъ, тѣмъ сильнѣе они наступали.

Въ полдень, волненіе усилилось съ прибытіемъ толпы, уже отланившейся на площади Concorde и вытѣщенной оттуда упорными залпами муниципальныхъ гвардейцевъ. Вся эта толпа, съ криками и угрозами противъ Гизо, направилась къ министерству иностранныхъ дѣлъ.

Гизо пользовался такой непопулярностью, что въ случаѣ нападенія на этотъ пунктъ онъ подвергался большой опасности; поэтому назначенный туда полицейскій комиссаръ Луае еще съ утра совѣтовалъ Жени, управляющему кабинетомъ Гизо, принять нѣкоторыя предосторожности. Но этотъ господинъ, отголосокъ своего начальника, съ гордостью объявилъ, что бояться нечего. Жившій въ сосѣдствѣ другой министръ, канцлеръ Геберъ, равно нелюбимый народомъ какъ и Гизо, также объявилъ, что онъ ничего не боится, и единственная предосторожность, на которую онъ согласился, была та, чтобы запереть всѣ двери. Не смотря на всѣ убѣжденія комиссаровъ, онъ продолжалъ упорствовать въ своемъ ослѣпленіи.

Такимъ образомъ, когда толпа появилась предъ отелемъ Гизо, всю защиту его составляли 30 человекъ линейныхъ солдатъ, спрятанныхъ въ саду, взводъ нѣшей муниципальной гвардіи подъ командою капитана Пети и лейтенанта Казье-де-Комонъ, и во дворѣ архива 28 кавалеристовъ подъ начальствомъ лейтенанта Гамбона.

Аттакъ по обыкновенію началась угрозами и камнями; какъ бы въ воспоминаніе дѣла Пети, въ окна полетѣли су, которыя перебили стекла и слегка ранили двухъ чиновниковъ. Находившіеся во дворѣ солдаты муниципальной гвардіи получили нѣсколько ударовъ камнями. Побуждаемая ненавистью, толпа съ крикомъ и яростью бросилась къ главной двери, съ намѣреніемъ высадить ее. Дверь не подавалась; но удары были такъ сильны и часты, что она не могла долго выдерживать ихъ. Тогда осаждающіе рѣшились напасть на кавалерію съ боку, изъ Ново-капуцинской улицы. Въ это самое время изъ дверей архива вышелъ квартирмейстеръ Лажоншъ, и дверь тотчасъ затворилась за нимъ. Разъяренный народъ началъ на него, и не смотря на его мужественное сопротивленіе, онъ бы непременно погибъ, если бы подослѣвшіе солдаты не освободили его. Скоро прибыли изъ сосѣднихъ казармъ новыя подкрѣпленія, и по требованію Дуае толпа медленно удалилась, чтобы разносить дальше свою ярость и заражать ею другихъ.

Множество студентовъ перешли мосты. Имъ хотѣлось возбудить лѣвый берегъ Сены, также какъ они возбудили правый; раздѣлившись на двѣ колонны, они обошли 11 и 12 округи, и въ 2 часа направились къ политехнической школѣ. Тутъ они попытались вызвать воспитанниковъ, но муниципальная гвардія не допустила ихъ. Еще нѣсколько времени продолжалось сопротивленіе студентовъ, но наконецъ усталость или можетъ быть недостаточность силъ принудила ихъ разойтись.

Х.

До этого времени нигдѣ еще не являлось попытки строить баррикады. Но въ 2 часа толпа народа, оттиенутая солдатами съ площади Concorde въ улицы Royale и Риволи, бросилась ломать рѣшетки, окружающія морское министерство. Въ одно мгновеніе, съ непостижимой силой, свойственной только парижскимъ рабочимъ, три рѣшетки были сломаны. Каждая желѣзная полоса сдѣлалась въ то же время оружіемъ и рычагомъ. Народъ принялся ломать мостовыя и камни полетѣли въ солдатъ и въ окна министерства. Нѣсколько солдатъ были ранены, а въ одной изъ залъ нижняго этажа камень попалъ въ д'Юрбека. Но въ это время въ тылъ толпы зашелъ отрядъ полицейскихъ. Выстрѣлы ихъ поразили многихъ и между прочимъ одну женщину. Это возбуждало страшную ярость. Сотни рукъ поднимають мостовую, сваливають камни на улицу улицъ Риволи и Saint-Florentin, опрокидываютъ какую то карету и начинаютъ строить первую баррикаду. Новый залпъ муниципальных гвардейцевъ остановилъ эту попытку.

Народъ отступилъ въ улицу Риволи; но, видя, что преслѣдованіе прекратилось, онъ остановился противъ министерства финансовъ и началъ вторую баррикаду. Выгнанный и оттуда, онъ бросился въ сосѣднія улицы Дюфо, Сентъ-Опоре, Marché des Jacobins, и вездѣ возобновлялъ свои попытки. Направляясь постепенно — по расчету или просто по инстинкту — къ центру города, онъ на всемъ пути своемъ взламывалъ мостовыя, и такимъ образомъ составилъ какъ бы рядъ начатыхъ баррикадъ. Наконецъ онъ достигъ своего укрѣпленнаго лагерь—этихъ запутанныхъ кварталовъ, окружающихъ рынки, и остановился тамъ, сдѣлавъ изъ камней мостовой укрѣпленія, которыхъ однако не рѣшался защищать.

XI.

На другой сторонѣ площади Concorde драгуны занимали мость; народъ кричалъ имъ „Vive les dragons“! Въ это же время въ Елисейскихъ поляхъ происходила отчаянная схватка небольшого отряда муниципальной гвардіи, съ толпой все болѣе и болѣе увеличивавшейся. Срубленные деревья, опрокинутыя кареты, сваленныя скамьи составляли какъ бы рядъ редутовъ и представляли нападающимъ вѣрные средства для обороны и наступленія. Лишь только выстрѣлы отгоняли ихъ нѣсколько, какъ они опять собирались и нападали съ новымъ ожесточеніемъ. Въ концѣ улицы Matignon была небольшая караульня, занятая линейными солдатами; по распоряженію начальства солдаты были выведены оттуда, и поэтому 25 человекъ муниципальных гвардейцевъ, преслѣдуемые народомъ, избитые и перераненные камнями, бросились туда съ лейтенантомъ Дюльме и заперлись. Ободренные этимъ призракомъ побѣды, осаждающіе окружили караульню. Непослѣдую оттуда были сложены инструменты работавшихъ въ Елисейскихъ поляхъ. Эти инструменты послужили имъ оружіемъ. Они приставили лѣстницу, взобрались на верхъ, пробили крышу, положили у дверей кучи хворосту, облили его смолой и собирались уже поджечь. Гибель солдатъ была неизбежна, и однако они не рѣшались стрѣлять почти въ упоръ въ эту густую массу народа; да къ тому же и начальникъ ихъ боялся брать на себя отвѣтственность за пролитіе крови. Къ счастью на помощь осажденнымъ подоспѣлъ пикетъ конной муниципальной гвардіи съ отрядомъ 25 линейнаго полка, которые и спасли ихъ.

XII.

Правительство сдѣлало огромную ошибку, выставивъ противъ инсургентовъ прежде всего муниципальную гвардію.

Нужно замѣтить, что это войско было предметомъ старинной ненависти парижанъ. Переимѣна названія не заставила однако забыть, что это были тѣ же жандармы реставраціи, извѣстные въ народѣ своими звѣрскими поступками. И теперь, какъ прежде, ихъ обвиняли въ страшныхъ жестокостяхъ: говорили, что они безъ разбора бьютъ женщинъ и дѣтей, топчутъ ихъ лошадьми, нападаютъ на безоружныхъ и вообще обижаютъ людей самыхъ кроткихъ и безвредныхъ. Этотъ послѣдній упрекъ былъ отчасти справедливъ: обыкновенно подъ руку солдатъ попадаютъ прежде тѣ изъ толпы, которые сами не лезутъ на драку, а потому всего менѣе думаютъ объ опасности.

Все эти обвиненія и упорное преслѣдованіе со стороны народа вывели наконецъ муниципальныхъ гвардейцевъ изъ терпѣнія. До сихъ поръ они всеми мѣрами избѣгали настоящей битвы, и хотя многіе изъ нихъ были перебиты и ранены камнями, однако они только слегка оборонялись прикладами или саблями плетью. Но, видя что спиходительность ихъ не приноситъ никакой пользы, они рѣшились не щадить болѣе своихъ преслѣдователей, и почувствовали къ нимъ такую же ненависть, какую сами внушали имъ.

Это взаимное озлобленіе породило борьбу упорную, ожесточенную, ознаменованную подъ конецъ чертами самаго страшнаго звѣрства.

И такъ какъ народъ, дравшійся до сихъ поръ только съ муниципальной гвардіей, еще не имѣлъ дѣла съ линейными войсками, то каждый разъ, какъ только они встрѣчались, изъ толпы раздавались неистовые крики! „Vive la ligne! à bas la garde municipale!“ Что руководило при этомъ народомъ — неизвѣстно: политическій ли расчетъ или просто ненависть къ муниципальной гвардіи? Какъ бы то ни было, но влѣдствіе этого съ самаго начала борьбы установилось различіе между войсками. Такое положеніе возбуждало зависть

въ муниципальной гвардіи и въ то же время ослабляло суровость солдатъ противъ народа.

XIII.

Когда наступилъ часъ засѣданія палаты, площади Madeleine и Concorde представляли чрезвычайно интересное зрѣлище. Народъ узналъ депутатовъ оппозиціи, окружилъ ихъ и привѣтствовалъ, особенно самыхъ горячихъ изъ нихъ, съ истиннымъ восторгомъ. Тысячи голосовъ ободряли ихъ, умоляли держаться крѣпче, защищать права народа; тысячи рукъ протягивались, чтобы пожать имъ руки. Въмѣстѣ съ пѣніемъ Marseillaise раздавались крики: „да здравствуютъ депутаты оппозиціи!“ И не одинъ только народъ находился подъ обаяніемъ нравственнаго вліянія депутатовъ: мимо дворца Бурбоновъ проѣзжалъ съ Инвалидной набережной полкъ, предъ которымъ ѣхали музыканты и играли торжественный гимнъ. Но когда депутатъ Курте подошелъ къ полковнику и замѣтилъ ему, что подобная музыка вовсе неумѣстна при теперешнихъ обстоятельствахъ, — онъ велѣлъ въ ту же минуту перестать играть.

Депутаты министерства, напротивъ того, приходили въ смущеніе, стараясь не быть узнаваемыми. Правда, никто изъ нихъ не былъ сильно оскорбленъ, но многимъ пришлось выслушать слова, доказывавшія ихъ непопулярность.

Предметомъ засѣданія было вчерашнее дѣло — отсрочка привилегіи Бордосскаго Банка. Палата представляла обыкновенное зрѣлище: на скамьяхъ оппозиціи та же пустота, то же раздраженное безпокойство. На противоположныхъ скамьяхъ — тѣ же ораторы. Даже на губахъ Гизо блуждала его обыкновенная улыбка.

Вошелъ Барро и предъявилъ обвинительный актъ. Президентъ велѣлъ позвать Гизо и вручилъ ему этотъ актъ. Ги-

зо сначала посмотрѣлъ на него, потомъ прочелъ и съ презрительнымъ жестомъ возвратилъ бумагу Созе.

Въ 4 часа президентъ вдругъ хотѣлъ закрыть засѣданіе и собрался уйти, но Барро остановилъ его и просилъ предъявить палатѣ переданный имъ актъ. Созе сталъ возражать и объявилъ рѣшительно, что актъ будетъ прочтенъ не ранѣе слѣдующаго четверга и не въ присутствіи палаты, а въ канцеляріи. Съ этими словами онъ вышелъ. О происшествіяхъ того дня, о возмущеніи, происходившемъ подъ самыми окнами палаты, никто даже не упомянулъ! Оппозиція, какъ и министерство, соблюдали въ этомъ случаѣ церемонную вѣжливость, не касаясь предмета столь щекотливаго для обѣихъ. Это обыкновенная слабость всѣхъ собраній, — прикидываться предъ публикой равнодушными въ то время, какъ душа каждого полна злобы или страха.

Въ палатѣ перовъ произошелъ въ это время замѣчательный случай. Боасси предложилъ палатѣ взять на себя роль посредника въ настоящихъ обстоятельствахъ. Кромѣ того онъ просилъ для себя позволенія — потребовать у министерства объясненія относительно положенія Парижа. Мнѣніе это, поддерживаемое Альтономъ-Се, Тюрго и Боасси д'Англасомъ, было отвергнуто благородными перами, которые отозвались тѣмъ, что у нихъ слишкомъ много своихъ дѣлъ. Тогда Боасси, никогда не упускавшій случая поораторетвовать, произнесъ слѣдующее: „Подумайте, Мм. Гг., какой опасности подвергается столица!“—его прервали, и онъ опять повторилъ то же самое. Наконецъ ему велѣли замолчать. Было уже 3 часа, и перы спокойно разошлись, довольные собой и убѣжденные въ томъ, что Боасси—безумецъ.

Въ это самое время три депутата Парижа: Карно, Вавень и Теландье, условившись предварительно со многими изъ членовъ оппозиціи, отправились къ Сенскому префекту. Они доложили ему, что парижскій народъ очень удивленъ и огор-

ченъ тѣмъ, что національная гвардія до сихъ поръ не созвана. „Я совершенно не знаю о томъ, что дѣлается въ Парижѣ,“ отвѣчалъ Рамбюто, „и мнѣ даже нѣтъ дѣла до политическихъ волненій. Притомъ же право созывать національную гвардію принадлежитъ исключительно министрамъ; что же касается меня, господа, то я тутъ ровно ничего не могу сдѣлать.“ Такъ какъ Рамбюто былъ извѣстенъ своею любезностью и учтивостью, то сухость его отвѣта чрезвычайно поразила депутатовъ. Они объяснили ее тѣмъ, что вѣроятно никто не обращался къ нему за совѣтомъ, что мнѣнія его не были приняты и что онъ не получилъ даже никакихъ приказаній. И въ самомъ дѣлѣ, какъ первый сановникъ города, онъ былъ глубоко оскорбленъ ничтожествомъ той роли, которую ему пришлось играть при такихъ замѣчательныхъ событіяхъ.

XIV.

Между тѣмъ волненіе принимало все болѣе и болѣе грозныя размѣры. Видны были всѣ признаки близкой революціи. Мы видѣли, что утромъ дѣло началось стеченіемъ народа; затѣмъ послѣдовали шествія колоннами; потомъ дѣло дошло до камней и до постройки баррикадъ. Теперь народъ отправился къ оружейникамъ. Первая попытка захватить оружіе была сдѣлана въ часъ по полудни, на набережной *Mégisserie* и *de Gèvres*. Позже, между 2 и 3 часами, толпа народа, вооруженная желѣзными прутьями, вырванными изъ рѣшетокъ морскаго министерства, явилась въ улицѣ *Ville-l'Évêque*, N 5. Послали за полицейскимъ комиссаромъ, но онъ прибѣжалъ уже тогда, когда оружіе было взято. Въ то же время для защиты сосѣдней баррикады отняли все оружіе у мастера Прела въ улицѣ Сентъ-Оноре. Въ 3½ часа покушались ограбить магазинъ оружейника Брэна въ улицѣ *Roule*, но покушеніе

это было безъисчислимо. Въ 7 часовъ толпа снова пришла къ нему. Въ 4^{1/2} часа толпа нахлынула къ Андре, на бульварѣ Saint-Martin. Видя неминуемую бѣду, онъ побѣждалъ за полиціей, но когда возвратился домой, магазинъ его былъ пустъ. Въ то же время часть толпы была у Девима, но онъ имѣлъ предосторожность заранѣе убрать ружья, а другаго оружія они не взяли. Въ улицѣ Рипелье, противъ Théâtre Français, Ленажъ-Мутъе, придворный оружейный мастеръ, заперъ свой магазинъ. Ставни его магазина, обитыя толстыми желѣзными полосами, представляли, казалось, надежную защиту отъ грабежа. Въ три часа, толпа, вооруженная желѣзными прутьями, саблями и палками, явилась къ нему изъ улицы Сентъ-Оноре и потребовала оружія. Имъ ничего не отвѣтили. Тогда они бросились на переднюю дверь, но дверь не подавалась. Разъяренная толпа бросилась на проѣзжавшій омнибусъ, выпрягла изъ него лошадей, вытащила дышло и принялась усердно колотить въ ставни. Желѣзо стало уступать, а между тѣмъ помощи не было ни откуда; въ сосѣднемъ постѣ въ Palais Royal было только 20 человекъ, и магазинъ былъ ограбленъ.

Овладевъ оружіемъ, народъ принялся искать пороху. Но въ ту пору охота была прекращена и все запасы пороху истощены. Къ тому же правительство, заботясь всегда о пустякахъ и пренебрегая важными предосторожностями, велѣло отобрать у продавцевъ весь оставшійся у нихъ порохъ.

XV.

Что болѣе всего изумляетъ во всемъ этомъ дѣлѣ, это отсутствіе всякой инициативы со стороны правительства. Оно ни о чемъ не позаботилось, не приняло никакихъ серьезныхъ предосторожностей. Оно какъ будто положило на усердіе низшихъ властей и храбрость войскъ. Да и войско то по-

являлось или случайно, или по требованію какогонибудь субалтернаго чиновника. Такъ напримѣръ на площади Madeleine полицейскій комиссаръ вызвалъ подкрѣпленіе на помощь своему караулу и только тѣмъ спасъ его. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ произошло то же самое. Полицейскій комиссаръ защищалъ палату депутатовъ, и онъ же вызвалъ войска, которыя освободили ее.

Даже когда опасность стала очень серьезною — и тогда не было принято никакихъ мѣръ; во всемъ видна была медленность, нерѣшительность. Войска прибывали въ разбивку и всегда спустя долгое время послѣ нападенья народа на какойнибудь пунктъ. Полковникъ Безансонъ, командиръ 5 легкаго полка, только въ 11½ часовъ получилъ приказаніе идти къ дворцу Бурбоновъ; прибывъ на мѣсто, онъ расположилъ одинъ батальонъ на дворѣ, а два остальные между палатой и мостомъ. Командиръ 34 линейнаго полка, полковникъ Шамбонъ, съ генераломъ Таландье, въ 11 часовъ выступилъ изъ военнаго училища и въ нѣсколько минутъ прибылъ на площадь Инвалидовъ, но къ палатѣ потребовали его только спустя нѣсколько часовъ. На Allée des Veuves народъ зажегъ гаутвахту. Увидя пожаръ, полковникъ Друэ поспѣшилъ туда съ 25 линейнымъ полкомъ, очистилъ главную аллею Елисейскихъ полей и съ большимъ трудомъ спасъ отъ огня постъ въ улицѣ Понтье. Около 2 часовъ взведены были первыя баррикады предъ министерствами морскимъ и финансовъ, и лишь часъ спустя полковникъ Делутерель, командиръ 21 линейнаго полка, получилъ приказаніе прикрыть эти два важные пункта, не смотря на то, что казармы этого полка находились въ трехъ стахъ шагахъ оттуда. Смѣлость народа дошла до того, что онъ воздвигъ баррикаду даже въ улицѣ Риволи, противъ самаго Тюльерійскаго дворца, и чтобы помѣшать ему, нужно было наскоро взять изъ главнаго штаба національной гвардіи единственный батальонъ, державшій тамъ караулъ. Такимъ

образомъ главный штабъ остался безъ всякой защиты и некому было даже разогнать толпу, безпрестанно съ яростнымъ крикомъ „vive la réforme!“ появлявшуюся на карусельской площади, противъ самага королевскаго жилища!

О національной гвардіи всѣ какъ будто забыли. Офицеры главнаго штаба, распущенные поутру, даже въ 3 часа еще не были собраны. Командиры прислушивались къ новостямъ, но никто не думалъ дѣйствовать, и только личная опасность заставляла ихъ призадумываться. Видя, что главный штабъ остался безъ войска и слѣдовательно находится въ опасности, генераль Карбонель отправился съ офицеромъ Браие къ генералу Себастіани и потребовалъ пособія. Себастіани обнаружилъ при этомъ требованіи полное удивленіе; до него доходили одни только неясные слухи о всемъ происходившемъ. Ясно было, что наступило время дѣйствовать; одни быстрые мѣры могли предупредить несчастье; но вмѣсто всякихъ мѣръ генераль послалъ спросить у министерства, что ему дѣлать. Наконецъ уже въ 4 часа, когда положеніе сдѣлалось страшнымъ, рѣшились объявить Парижъ на военномъ положеніи. Адъютанты и курьеры поскакали по всѣмъ направленіямъ. Генералы, корпусные командиры и полковники національной гвардіи получили приказанія выступать изъ казармъ. По всему городу потянулась пѣхота, кавалерія и артиллерія, и въ 9 часовъ вечера всѣ стратегическіе пункты были заняты.

XVI.

Пункты эти были уже давно назначены. Каждый корпусный командиръ зналъ, какое мѣсто онъ долженъ занимать во время сраженія, сообразно плану, о которомъ мы говорили выше, и согласно съ инструкціями, изданными еще 1 іюля 1839 года. Мы представляемъ весь этотъ планъ въ подробности. — Сена пересѣкаетъ Парижъ во всю длину его. По обо-

имъ берегамъ ея тянутся широкія набережныя. Если смотрѣть съ середины рѣки къ сѣверу, то на правомъ берегу ея видна большая дуга, нѣсколько неправильная, образуемая бульварами. Дуга эта серединой касается набережной, а двумя противоположными концами примыкаетъ къ площадямъ Concorde и Bastille. На этой двойной линіи, составляющей, такъ сказать, центръ Парижа, было пять стратегическихъ пунктовъ, а именно: отъ востока къ западу, по набережной, площадь Concorde, Карусель и Ратуша; въ томъ же направленіи, по бульварамъ, шоссе, соединяющее ворота Сен-Дени съ Сен-Мартенскими, и наконецъ Бастилія; всѣ они соединяются въ срединѣ дуги двумя стратегическими пунктами, устроенными на „площади побѣдъ“ и на рынкѣ des Innocents, близъ церкви св. Евстафія. По ту сторону бульваровъ начинаются предмѣстья: Faubourg Monmartre, Faubourg Poissonnière, Faubourg Saint-Denis, Faubourg Saint-Martin, Faubourg du Temple и Faubourg Saint-Antoine. Улицы этихъ шести предмѣстій открываютъ свободный доступъ войскамъ, расположеннымъ по бульварамъ. Съ высоты предмѣстья Saint-Martin до Бастильской площади, съ юга на сѣверо-западъ, предмѣстья пересекаются діагонально широкой дорогой: это двѣ набережныя Сен-Мартенскаго канала.

На лѣвомъ берегу Сены, менѣе значительномъ, были четыре стратегическіе пункта, расположенные по теченію рѣки: военное училище—резервъ артиллеріи, площадь инвалидов—резервъ пѣхотныхъ войскъ; потомъ слѣдуетъ — полицейская префектура и наконецъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ столицы, Пантеонъ, нѣчто въ родѣ укрѣпленнаго лагеря съ тремя аванъ-постами: площадью Моберъ, перекресткомъ Одеона и площадью св. Сульпиція.

Казармы и зубчатые караульны, расположенныя по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, находятся на всѣхъ пунктахъ сообщенія. Внѣшнія укрѣпленія дополняютъ этотъ страшный

ensemble. Представьте себѣ всю эту обширную цѣпь укрѣпленій; займите мысленно вѣрными и храбрыми войсками этотъ двойной рядъ набережныхъ и бульваровъ; поставьте на всѣхъ этихъ позиціяхъ сильныя отряды; поддерживайте сообщенія между ними посредствомъ усиленныхъ патрулей, и вы не поймете, какъ можно было допустить развиться бунту въ Парижѣ, какимъ образомъ можно было даже помышлять о возстаніи, когда одной минуты было довольно, чтобы задуть его. Такова была слѣпая самоувѣренность и Карла X въ 1830 году, и Людовика-Филиппа въ 1848. Увѣреніе въ томъ, что они всегда могутъ укротить Парижъ, они пренебрегали всякими предосторожностями. Всѣмъ извѣстны послѣдствія этой самоувѣренности.

XVII.

Извѣстно, что каждый военный планъ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, всегда имѣетъ свою слабую сторону. То же самое оправдалось и теперь. Составленный первыми военными знаменитостями по всѣмъ правиламъ науки, планъ этотъ на опытѣ оказался никуда негоднымъ. Онъ былъ страшенъ и силенъ противъ бунта, но не противъ революціи. Если бы, напримѣръ, открылся заговоръ и вооруженная толпа людей появилась на площади, то правительству стоило только выдвинуть сильное и вѣрное войско и отдать приказъ національной гвардіи, и первая попытка бунта была бы задуплена. Если бы даже бунтовщики были на столько сильны, что могли бы долго сопротивляться, то и тогда войско и національная гвардія, взаимно поддерживая другъ друга, имѣли бы нравственный перевѣсъ надъ толпой и, рано или поздно, побѣда осталась бы за ними. Но ежели, напротивъ, народонаселеніе Парижа враждебно правительству, если солдаты національной гвардіи, вмѣсто того, чтобы сражаться за пра-

вительство, сражаются противъ него, или, равнодушные къ дѣлу, спокойно сидятъ въ своихъ домахъ, — тогда планъ, составленный на случай бунта, долженъ былъ оказаться несостоятельнымъ. Полки, растянутые на огромномъ пространствѣ, легко могутъ быть окружены, отрѣзаны одинъ отъ другаго безчисленными баррикадами и ихъ храбрыми защитниками. Всякая возможность получать извѣстія, подкрѣпленія, провизію прекращается. Второстепенные начальники, предоставленные самимъ себѣ, впадаютъ въ нерѣшительность, потому что боятся отвѣтственности. Солдаты колеблятся, теряютъ бодрость, дерутся не изъ за побѣды, но изъ за чести знамени, не ради правительства, а ради собственного спасенія; и если для спасенія своего имъ не нужно жертвовать честью знамени, тогда ихъ легко убѣдить положить оружіе.

И такъ война въ самомъ Парижѣ есть вопросъ скорѣе политическій, нежели стратегическій; состояніе Паризжа должно рѣшить — нужно ли сосредоточивать войска въ одномъ пунктѣ или занять ими весь городъ. Одинаково нелѣпо было, какъ совершеннымъ отсутствіемъ войскъ дать разгорѣться бунту, который можно было усмирить при самомъ началѣ, такъ и растянуть войска на огромномъ пространствѣ, котораго они не въ силахъ были охватить.

XVIII.

Въ февралѣ 1848 года правительство не должно было разсчитывать на національную гвардію. Самъ генераль Жакмино, хотя на словахъ и ручался за ея вѣрность, однако видимо не довѣрялъ ей, потому что въ минуту явной опасности не рѣшался созвать ее.

Что касается арміи, то она въ это время состояла изъ 44 батальоновъ линейнаго войска (21.500 человѣкъ), 38 эскадроновъ кавалеріи (4.850 челов.), двухъ полковъ артиллеріи,

трехъ ротъ инженеровъ и трехъ ротъ обоза и военныхъ рабочихъ. Кромѣ того была еще муниципальная гвардія, батальонъ саперовъ-піонеровъ и нѣсколько ротъ ветеранъ унтеръ-офицеровъ, — всего 37.797 человѣкъ и 7.154 лошади. Всѣ эти силы были подчинены двумъ начальникамъ: армія — генералу Себастіани, національная гвардія — генералу Жакино. Хотя ни тотъ ни другой не былъ способенъ къ тому, чтобы быть главнокомандующимъ, но, не смотря на то, они оба одинаково добивались этого. Это раздѣленіе власти, всегда опасное, потому что порождаетъ зависть, въ настоящемъ случаѣ весьма мѣшало успѣшному ходу дѣлъ. Правительство, сознавая это, рѣшило, что вмѣшательство герцога Немурскаго въ состояніи установить между ними согласіе и единство. Поэтому, не ввѣряя ему главнаго начальства, оно дало ему родъ какого-то почетнаго протекторства, конечно не за заслуги его, а только за титулъ. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы упростить командованіе, его еще болѣе запутали. Вмѣсто главнокомандующаго войску дали какого-то посредника. И этотъ посредникъ былъ принцъ, т. е. человѣкъ, передъ которымъ истина всегда робка, а усердіе преувеличено. Это тройное начальство — смѣшная и пагубная выдумка двора — еще болѣе увеличило беспорядокъ. Правительство убѣдилось въ этомъ только тогда, когда уже поздно было поправить ошибку!

XIX.

И такъ, вотъ въ какомъ порядкѣ были расположены войска въ Парижѣ, вечеромъ 22-го февраля:

На площади Concorde. Войска, занимавшія эту позицію, были сначала ввѣрены Деларю, бригадному генералу національной гвардіи; но въ 10 часовъ вечера его смѣнилъ генералъ Карреле. Кавалеріей командовалъ генералъ Реню де-Сентъ-Жанъ д'Анжели.

На площади Карусель. Одна часть войска прибыла туда между 5 и 6 часами вечера, другая въ 9. Командиръ перваго жандармскаго легіона полковникъ Ребилю, хотя и не получалъ ни отъ кого приказаній, но зная опасное положеніе дѣлъ, самъ явился туда въ 7 часовъ. Вечеромъ герцогъ Немурскій сдѣлалъ смотръ войскамъ, которыя при видѣ его кричали „vive le roi“; потомъ онъ расположилъ ихъ вокругъ дворца и поручилъ непосредственное начальство надъ ними генералу Шрево.

На площади Ратуши. Нѣсколько отрядовъ кавалеріи и пѣхоты и два батальона 7-го легкаго полка, приведенные полковникомъ Люси-Пелисакъ, подъ командою генерала Таландье. Въ 9 часовъ къ нему присоединился полковникъ Шамбонъ, командиръ 34-го легкаго полка, съ своимъ полкомъ и двумя пушками. Онъ занялъ сильными аванъ-гардами площадь Шателе и окрестныя позиціи.

На площади Бастиліи. Первый прибылъ туда полковникъ Балиганъ съ 74 линейнымъ полкомъ. Затѣмъ явились батальоны 16-го легкаго, 23-го и 45-го линейнаго, нѣсколько эскадроновъ кавалеріи и двѣ пушки. Всѣмъ этимъ командовалъ генералъ Дюго. Сюда же прибылъ черезъ Сентъ-Антуанское предмѣстье командиръ 16-го легкаго полка, полковникъ Маршезанъ, для прикрытія 12-ти пушекъ артиллерійскаго резерва, находившагося на заставѣ du Trône. Сентъ-Антуанское предмѣстье защищено было сильными отрядами 23-го легкаго и 23-го линейнаго полковъ, подъ командой генерала Дешу, занимавшими Понпикуртскія казармы.

Ворота Сен-Дени и Сентъ-Мартенъ. Этотъ важный пунктъ былъ занятъ двумя батальонами 45-го и 52-го линейнаго, эскадрономъ кавалеріи и двумя пушками, подъ начальствомъ генерала Гарроба. Сосѣднія казармы la Nouvelle France были усилены двумя батальонами 29-го линейнаго. Вся

эта позиція была прикрыта сильными отрядами и вокруг нее были разложены боевые огни.

На площади Побѣдъ. Здѣсь находился генераль національной гвардіи Фріантъ съ тремя батальонами 15-го, 21-го и 69-го линейнаго. Онъ послалъ эскадроннаго командира Гораса Верне еще за однимъ батальономъ, который прибылъ къ нему въ 10 ч. вечера. Этотъ отрядъ прикрывалъ банкъ и домъ мера 3-го округа.

Pointe Saint-Eustache. Въ 5 часовъ занялъ этотъ постъ генераль Сентъ-Альдегондъ съ первымъ легкимъ, который былъ приведенъ изъ Поассоньерскихъ казармъ полковникомъ Саваномъ. Въ продолженіе вечера и ночи туда прибыли еще 69-й линейный, 6-й батальонъ пѣшихъ стрѣлковъ, выступившихъ изъ Венсена въ 8 часовъ вечера, и 2 пушки.

Военное училище. Здѣсь и на площади Инвалидовъ расположены были резервы пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

Полицейская префектура. Этотъ важный пунктъ былъ занятъ нѣсколькими отрядами муниципальной гвардіи и батальономъ венсенскихъ стрѣлковъ подъ командой полковника Ламберъ-Ролена. Сильные отряды занимали набережные и мосты. Городскіе сержанты еще съ утра переодѣлись въ обыкновенное платье горожанъ и поступили въ распоряженіе префекта.

Пантеонъ. На этой позиціи находился полковникъ Бюиссонъ съ 55-мъ линейнымъ, однимъ батальономъ 16-го легкаго и однимъ взводомъ 7-го кирасирскаго полка. Согласно съ инструкціями, уже извѣстными читателю, онъ небольшими отрядами занялъ выдающіяся позиціи площадей Моберъ, Сентъ-Сюльписъ, Одеона, перекрестокъ Одеона и мостъ Сентъ-Мишель.

Кромѣ того каждый изъ командировъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи пикетъ легкой кавалеріи, служившій для сообщеній съ главной квартирой; для аррестовъ, въ случаѣ на-

добности, у каждаго изъ нихъ было по одному капральству муниципальной гвардіи и по нѣскольку человекъ полицейскихъ комиссаровъ.

Генераль Перро завѣдывалъ всѣми этими войсками. Накопецъ военный министръ, генераль Трезель, лишенный всякаго участія въ командованіи, долженъ былъ только по мѣрѣ надобности вызывать войска, расположенныя въ сосѣднихъ гарнизонахъ.

XX.

Мы старались какъ можно вѣрнѣе и точнѣе представить читателю порядокъ расположенія войскъ, потму въ особенности, что это даетъ понятіе о безпорядкѣ, существовавшемъ при самомъ началѣ борьбы. Въ самомъ дѣлѣ видно, что планъ, такъ хорошо обдуманый, былъ уже испорченъ. Войска, порученныя различнымъ начальникамъ, то и дѣло переходили съ одной позиціи на другую. Случалось напримѣръ, что въ какой нибудь полкѣ приходило приказаніе, и не заставляло его уже на мѣстѣ; отправлялись искать его, а полкъ въ это самое время тоже искалъ мѣста своего новаго назначенія. Батальоны и даже роты полковъ были раздроблены, и изъ различныхъ батальоновъ, совершенно чуждыхъ одинъ другому, составлялись отряды. Это произвело страшный безпорядокъ, путаницу и тысячи недоразумѣній, и было причиною неправильности въ раздачѣ продовольствія и фуража. Все это самымъ печальнымъ образомъ дѣйствовало на войско: солдаты удивлялись, стали колебаться, теряли напрасно силы и время. Ясно было, что если такая анархія продолжится далѣе, то вмѣстѣ съ безпорядкомъ родится и нравственное разстройство.

Успѣхъ всякой войны зависитъ болѣе всего отъ ясности приказаній и быстроты дѣйствій. Въ уличной войнѣ эти мѣры

еще болѣе необходимы. На полѣ битвы главнокомандующій видитъ всѣ войска на лицо; на улицѣ онѣ скрыты отъ него, онѣ можетъ только мысленно видѣть ихъ. Въ первомъ случаѣ ему легко замѣчать и поправлять всякое неправильное движеніе, во второмъ—онѣ лишены даже возможности знать настоящій ходъ дѣла, потому что слухи, доходящіе до него, въ извѣстной степени невѣрны. Такимъ образомъ ему не остается болѣе ничего, какъ положиться на второстепенныхъ начальниковъ; а между тѣмъ безпрестанно встрѣчаются непредвидѣнные обстоятельства, при которыхъ необходимо, чтобы солдаты имѣли довѣріе къ своимъ офицерамъ, а офицеры слѣпо исполняли высшія распоряженія. Но если въ этихъ высшихъ распоряженіяхъ замѣтна слабость, если начальники колеблются, если солдаты замѣчаютъ въ нихъ недостатокъ энергіи, тогда довѣріе теряется; офицеры думаютъ только объ отвѣтственности, солдаты теряютъ бодрость, и тогда все потеряно!

XXI.

Еще большій безпорядокъ происходилъ въ національной гвардіи. Хотя генераль Жакмипо и увѣрялъ короля и министерство, что эта милиція горѣла нетерпѣніемъ скорѣе покончить съ бунтовщиками и что по первому барабанному бою выйдетъ 50 тысячъ человѣкъ, однако онѣ все еще не рѣшались собрать ее.

„Предоставьте мнѣ дѣйствовать, говорилъ онѣ; я человѣкъ опытный въ дѣлахъ такого рода. Самая благопріятная минута та, когда солдаты національной гвардіи сами потребуютъ, чтобы ихъ созвали для усмиренія бунта; погодите еще немного, они потребуютъ этого.“ Однако въ 5 часовъ вечера рѣшились не дожидаться болѣе этого требованія, и по всѣмъ кварталамъ забили тревогу. Но національная гвардія не собиралась. Нѣкоторые легіоны выставили не болѣе 150 человѣкъ; только

1-й и 10-й легіоны обнаружили нѣкоторую готовность. Такимъ образомъ тѣ стратегическіе пункты, которые предполагалось занять національной гвардіей, остались пусты. Солдаты тревожно глядѣли на это неожиданное хладнокровіе гвардіи.

Еще прежде назначенъ былъ въ каждый округъ пикетъ изъ 100 человѣкъ. Нѣсколько неизвѣстныхъ лицъ замѣшались въ число ихъ. Меры, не получая никакихъ приказаній, выпустили эти пикеты, точно также какъ и всѣ отряды національной гвардіи, которые по своей малочисленности не могли быть имъ полезны. Нѣсколько минутъ спустя, въ часъ ночи, изъ Тюльери пришелъ приказъ распустить національную гвардію.

XXII.

Таково было состояніе умовъ національной гвардіи и расположеніе войскъ вечеромъ 22 февраля. Зная это, легко можно рѣшить вопросъ, на чьей сторонѣ было физическое и моральное превосходство.

По мѣрѣ того, какъ войска занимали назначенныя имъ позиціи, народъ отступалъ къ самому центру города, этому лабиринту улицъ и перекрестковъ, вокругъ котораго расположены площадь Побѣды, la pointe Saint-Éustache, Ратуша и Сентъ-Денискія ворота. Предмѣстья уже волновались и ждали только разсвѣта, чтобы взяться за оружіе, но попытки строить баррикады тамъ еще не было.

Другая партія инсургентовъ, отрѣзанная отъ общей массы сильными залпами муниципальной гвардіи на площади Concorde, отхлынула къ западнымъ заставамъ.

Прежде всѣхъ была захвачена ими застава Звѣзды. Часовъ въ 6 вечера нѣсколько сотъ человѣкъ съ храбростью бросились на нее, разрушили и зажгли одинъ изъ павильоновъ. Но при видѣ 14 и 15 линейныхъ полковъ, наскоро при-

бывшихъ изъ Курбъ-Воа и Сенъ-Клу, они закричали „Vive la Ligne!“ и побѣжали къ заставѣ де-Руль. Раззоривъ ее, они зажгли заставу Курсель и перерѣзали проволоки электрическаго телеграфа, проведеннаго отъ министерства внутреннихъ дѣлъ къ Руанской желѣзной дорогѣ.

Между тѣмъ дождь, густой, холодный, непріятный, не переставалъ лить, наступила ночь, и темнота только усилила волненіе. Все предвѣщало близость кровавой раздѣлки. И дѣйствительно, въ 7^{1/2} часовъ вечера у заставы Монсо завязалась схватка. Первые выстрѣлы были сдѣланы инсургентами, но первая кровь была пролита солдатами. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: толпа народа, возвращаясь съ сосѣдней заставы, захватила оружіе у одного мастера въ Батиньолѣ, на бульварѣ Монсо, и съ этимъ оружіемъ явилась къ посту, находившемуся подѣ защитой одного капральства жандармовъ и пикета національной гвардіи. Народъ сталъ стрѣлять, но пули не попадали въ солдатъ, защищенныхъ стѣнами. Солдаты отвѣчали залпомъ и въ толпѣ были убиты четыре человѣка. Въ 11 часовъ нападеніе повторилось, но подоспѣвшія двѣ роты 29 линейнаго полка отрѣзали его.

Въ центрѣ Парижа народъ перебилъ всѣ газовые фонари. Наступила совершенная темнота, которая еще болѣе способствовала разграбленію оружейныхъ магазиновъ и постройкѣ баррикадъ. Сильный и вооруженный отрядъ инсургентовъ атаковалъ въ улицѣ Mauconseil военный постъ, порученный пикету 23-го линейнаго полка; солдаты едва успѣли войти въ караульную и запереть за собою дверь; но патруль 69-го линейнаго полка, услыхавъ выстрѣлы, подоспѣлъ на помощь и освободилъ ихъ. Въ кварталѣ Монторгейль и Пети-Карро начали было строить баррикады, потомъ бросили ихъ, но наконецъ опять заняли вооруженными людьми. Около 9-ти часовъ вечера инсургенты напали на отрядъ муниципальной гвардіи, которому ввѣрена была защита торговаго дома брать-

евъ Ленажъ, въ улицѣ Bourg-l'Abbé, гдѣ находился большой складъ оружія. Муниципальные гвардейцы защищались отчаянно, но принуждены были уступить силѣ и скрылись въ домъ. Ленажъ самъ побѣждалъ въ префектуру за помощью и привелъ съ собою отрядъ подъ командою поручика Бувье.

Около 10 или 11 часовъ генераль Гарробъ, узнавъ, что баррикады воздвигаются уже возлѣ его позиціи, отрядилъ двѣ роты подъ начальствомъ подполковника Пюча. Этотъ отрядъ занялъ улицу Гренета и, послѣ небольшого сопротивленія, очистилъ баррикады. Не много далѣе, на углу улицъ Petit Hurler и Bourg-l'Abbé, нѣсколько выстрѣловъ тоже были достаточны для того, чтобы согнать народъ съ баррикады.

Во всѣхъ этихъ стычкахъ одинъ только народъ терпѣлъ потери; солдаты же не потеряли ни одного человѣка. Причина этого понятна. Темнота почти усиливала смѣлость бунтовщиковъ, но мѣшала вѣрности ихъ выстрѣловъ. Кромѣ того борьба между войскомъ и народомъ не дошла еще до сильной степени ожесточенія. Но довольно было одного убійства, бесполезно совершеннаго офицеромъ муниципальной гвардіи, чтобы породить это ожесточеніе. Это случилось въ то время, когда улица Гренета была уже очищена отъ баррикадъ и когда въ ней не было никакого сопротивленія. Вдругъ по улицѣ прошелъ какой то молодой человѣкъ, безоружный и нисколько не казавшійся бунтовщикомъ. Офицеръ муниципальной гвардіи напалъ на него и со всего размаха ударилъ его саблей въ грудь. Несчастнаго подняли, понесли сначала въ аптеку, потомъ въ консерваторію наукъ и художествъ, но онъ былъ уже мертвъ. Вѣсть объ этомъ мгновенно разнеслась по всему городу и произвела страшную ярость, которая скоро должна была разразиться на этомъ самомъ мѣстѣ и противъ этого же отряда.

XXIII.

Изъ оконъ, выходившихъ въ Тюльерійскій садъ, король видѣлъ все происходившее. Въ глубинѣ аллея Елисейскихъ полей видно было роковое-заревѣ горѣвшихъ гаунтвахтъ; со стороны Карусельской площади представлялась другая картина междоусобной войны: разставленные войска, наведенныя пушки, звонъ оружія. Но ничто не трогало, ничто не безпокоило короля.

Королева, напротивъ того, была блѣдна, взволнована и бросала безпокойные взгляды на всѣхъ окружающихъ. Не увлекаясь подобно королю политическими соображеніями, она сердцемъ чувствовала опасность, и рѣшилась во что бы то ни стало узнать истину. Съ этою цѣлью она обратилась къ начальнику батальона 7-го легіона, бывшему тогда дежурнымъ въ Тюльери. Тотъ съ полною откровенностью разсказалъ ей все и описалъ раздраженіе народа, равнодушіе буржуазіи, враждебную холодность національной гвардіи, всеобщую ненависть къ настоящему министерству и крайнюю необходимость перемѣнить его. Пораженная всѣмъ слышаннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко тронутая почтительностью и откровенностью капитана, королева поспѣшила разсказать все королю, и настояла, чтобы онъ самъ распросилъ его. Король послалъ за нимъ своего адъютанта. Батальонный командиръ немедленно явился и засталъ у короля все его семейство, за исключеніемъ герцога Немурскаго. Тутъ же были и Гизо, еще нѣсколько министровъ, придворные, адъютанты короля и принца.

На вопросъ короля, какого онъ мнѣнія о настоящихъ событіяхъ, капитанъ прямо отвѣчалъ: „я считаю долгомъ чести и совѣсти ничего не скрывать передъ вашимъ величествомъ. Солдаты національной гвардіи, находящіеся въ караулѣ здѣсь въ Тюльери, исполняютъ свято свою обязанность, если нужно

будетъ защищать королевскую фамилію; но никогда не присоединится къ войску, чтобы бить народъ.“

— „Такъ вы говорите, сказалъ король, принужденно улыбаясь, что національная гвардія не будетъ драться?

— Не будетъ, ваше величество!“

— „Но что же мы сдѣлали дурнаго для націи, сказала королева. Неужели дѣти мои не достойны любви французовъ?

— Но вѣдь народъ и не имѣетъ ничего противъ вашего семейства; онъ раздраженъ противъ политики министерства.“

— „Однако по вашему, продолжалъ король, есть средство поправить дѣло?

— Есть, ваше величество, но я не смѣю....“

— „Говорите, я хочу знать, я наконецъ требую.

— Если вы приказываете, государь, я говорю: нужно сегодня же вечеромъ переимѣнить министерство; завтра будетъ уже поздно.“— Король съ видомъ сомнѣнія пожалъ плечами и затѣмъ отпустилъ батальоннаго командира, который ушелъ въ полномъ убѣжденіи, что у короля помраченъ разсудокъ, и что онъ только тогда пойметъ свое положеніе, когда все будетъ для него потеряно.

XXIV.

Герцогъ Немурскій не выходилъ изъ главнаго штаба. Онъ видимо былъ встревоженъ и озабоченъ. Казалось, что донесенія офицеровъ возбуждали въ немъ не энергію, а только безпокойство. На все онъ отвѣчалъ вяло, перѣшительно. Въ его распоряженіяхъ не было ни жизни, ни твердости.

Въ офицерской залѣ собрались генералы Маньянъ, Гекс, Прево, Тьерри, Перро, адъютантъ герцога Монпансье, комендантъ Фіерекъ и нѣсколько офицеровъ главнаго штаба національной гвардіи и арміи. На лицѣ каждаго изъ нихъ выражалось скорѣе сомнѣніе, чѣмъ увѣренность и твердость.

Въ 9 часовъ собрался совѣтъ министровъ подъ предѣтельствомъ герцога. По странному совпаденію, достойному вниманія исторіи, засѣданіе это происходило въ той самой комнатѣ, и притомъ въ тотъ же день и часъ, въ который 18 лѣтъ назадъ министры Карла X, Полиньянь и Пейронне, разсуждали о тогдашнихъ безпорядкахъ. Есть роковыя минуты и роковыя мѣста, на которыхъ суждено разыгрываться непредвидимымъ драмамъ.

Въ 10 часовъ генералы Трезель и Деларю, начальникъ Алжирской экспедиціи, вышли изъ дворца и отправились въ Елисейскія поля, съ цѣлью лично посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Гизо и Дюшатель еще довольно долго оставались въ Тюльери.

Въ полночь въ главный штабъ прибылъ префектъ полиціи съ самой сіяющей фізіономіей; онъ сообщилъ герцогу, что по донесенію его агентовъ и по его личнымъ наблюденіямъ, все шло какъ нельзя лучше. Въ то же время министръ полиціи получилъ изъ префектуры рапортъ точно такого же содержанія.

И точно, судя по наружности, увѣренія Делессера были справедливы: Парижъ умолкъ. Тихо было на пустынныхъ улицахъ; только тамъ и сямъ слышался мѣрный и тяжелый шагъ обходовъ, да на площадяхъ разложены были бивуачные огни, на которые такъ весело смотрѣть на полѣ битвы, и такъ грустно, когда они пылаютъ на улицахъ города.

Съ своей стороны оппозиція тоже не знала, на что рѣшиться. Партіи, увлекаемая до сихъ поръ быстрымъ движеніемъ реформы, теперь остановились. Нигдѣ не замѣтно было никакой дѣятельности. Даже собранія у Барро прекратились. Изрѣдка только приходилъ къ нему кое кто изъ любопытныхъ, предлагалъ вопросы, дѣлалъ свои предположенія, но всѣ скорѣе желали мирнаго исхода, чѣмъ побѣды. Тоже самое происходило въ редакціяхъ „Siècle“ и

„Constitutionnel“; только въ редакціи „National“ и „la Réforme“ замѣтна была нѣкоторая жизнь. Но нигдѣ не проявлялось твердаго желанія дѣйствовать, никому не приходило въ голову дать толчокъ движенію. Даже когда въ 8 часовъ вечера въ Palais-Royal собрались редакторы и сотрудники „la Réforme,“ весь разговоръ ограничился только кое какими толками о происшествіяхъ этого дня. За тѣмъ всѣ разошлись, назначивъ другъ-другу на завтра свиданіе у Сенъ-Мартенскихъ воротъ. Студенты, послѣ утреннихъ усилій, тоже ничего не дѣлали, выжидая результатовъ своихъ дѣйствій. Они оставались въ конторахъ журналовъ, напрасно ожидая какого нибудь приказанія или распоряженія. Наконецъ центральнѣйшій комитетъ, собравшись у Паньера, ждалъ только призванія національной гвардіи, чтобы, сообразно рѣшенію, принятому наканунѣ у Перре, провозгласить реформу.

XXV.

И такъ въ первый же день революціи народъ успѣлъ заявить свою силу и смѣлость, а правительство своею медленностью доказало свою нерѣшительность. Ни король, ни министры не умѣли и не могли сообщить другимъ своей сильной увѣренности. Субальтернъ-офицеры сомнѣвались въ правотѣ дѣла и не вѣрили въ энергію и даже способности своихъ начальниковъ. Они видѣли, что противъ живаго, стремительнаго нападенія народа начальники ихъ защищались слабо, вяло, медленно. Безполезно утомленные войска повиновались только по привычкѣ къ дисциплинѣ, а не по убѣжденію. У нихъ не было энтузіазма къ правительству, котораго они не уважали, не было симпатіи къ слабымъ и нерѣшительнымъ начальникамъ. И трудно было возбудить ихъ ненависть къ народу, который вездѣ, при всякой встрѣчѣ, окру-

жалъ и привѣтствовалъ ихъ криками восторга. Такъ напри-
мѣръ, въ улицѣ Сентъ-Оноре, около 8 часовъ вечера, прохо-
дилъ батальонъ линейнаго войска. Собравшаяся тамъ толпа,
за минуту предъ этимъ кричавшая: „смерть муниципальной
гвардіи“, окружила его съ радостными криками. Отсутствіе
національной гвардіи также сильно тревожило солдатъ. Они
съ удивленіемъ видѣли, что немногіе собравшіеся легіоны ея
большею частью были враждебны правительству и открыто
желали реформы. Притомъ между солдатами вовсе не было
убитыхъ, и если нѣкоторые изъ муниципальных гвардейцевъ
были контужены или ранены, то ни одинъ не умеръ. Напро-
тивъ того, въ народѣ было много раненыхъ и человѣкъ 5 или 6
убитыхъ. Это обстоятельство окончательно охладило солдатъ,
и они съ величайшею радостью услышали, что все кончено
и что они могутъ возвратиться въ свои казармы. Это было
въ 3 часа утра. Войска удалились, оставя улицы совершенно
спокойными; не было замѣтно ничего угрожающаго. Городъ
остался за правительствомъ, вполне увѣреннымъ, что побѣда
на его сторонѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

23 февраля; утромъ войска занимають прежнія позиціи; командованіе надъ ними сосредоточено въ одномъ пунктѣ. — Борьба начинается въ широкихъ улицахъ пятого округа; перекрестокъ улицы Neuve-Bourg l'Abbé; Сентъ-Мартенская площадь; площадь Шателе; баррикады улицъ Rambuteau и Beaubourg; улица des Filles-du-Calvaire. — Борьба усиливается. — Взятіе Моконсейльскаго поста. — Національная гвардія; ея настроеніе; манифестаціи, произведенныя ею; 1 легионъ оскорбляетъ депутатовъ оппозиціи; 2 легионъ при встрѣчѣ съ линейнымъ полкомъ кричитъ вмѣстѣ съ нимъ: *vive la Reforme!* и крикъ этотъ доходитъ до Тюльери; 3 легионъ направляетъ штыки противъ кирасиръ; 4 легионъ направляется къ палатѣ депутатовъ съ просьбой о немедленномъ удаленіи министровъ и преданіи ихъ суду; батальонъ 10 легиона пересѣкаетъ ему дорогу на мосту Concorde; необходимость стычки; счастливое вмѣшательство депутатовъ оппозиціи; 5 легионъ вмѣшивается, въ Сентъ-Мартенскомъ предмѣстіи, въ схватку народа съ отрядомъ муниципальной гвардіи, и заставляетъ послѣдняго возвратиться въ казармы; 6 легионъ, связанный симпатіей и дѣломъ съ реформистскимъ движеніемъ; въ 7 легионѣ убитъ одинъ гвардеецъ, желавшій примирить народъ съ войскомъ; офицеры этого легиона отправляются къ Сенскому префекту; въ 8 легионѣ національные гвардейцы, принадлежавшіе къ оппозиціи, являются только вечеромъ; 9 легионъ остается безъ всякаго дѣйствія; 10 легионъ, его раздѣленіе на консерваторовъ и либераловъ; протестъ одного батальона противъ полковника; 11 легионъ и разговоръ линейнаго офицера съ офицеромъ національной гвардіи; 12 легионъ призванъ послѣ всѣхъ, изъ опасенія его демократическаго направленія; конная національная гвардія объявляетъ своему полковнику о необходимости уступокъ. — Къ королю доходятъ со всѣхъ сторонъ извѣстія о настроеніи національной гвардіи; онъ тревожится ими. — Гизо и Дюматель въ Тюльери; ихъ отставка—добровольная или вынужденная? — Засѣданіе палаты депутатовъ; пренія о привиллегіи Бордосскаго банка; напическій страхъ; случай съ 4 легиономъ; требованіе Валена; Гизо объявляетъ, что король призвалъ Моле, чтобы составить новый кабинетъ; сильная ажитація; прос-

той и ясный приказъ на слѣдующій день. — Засѣданіе палаты перовъ; требованіе Альтона-Се и Буасси; палата не хочетъ слушать ихъ; пренія о закладахъ и о беззаконіяхъ, совершавшихся въ Американскихъ колоніяхъ; созваніе засѣданія и на слѣдующій день для того, чтобы услышать мнѣніе морскаго министра, который былъ въ этотъ день нездоровъ; засѣданіе закрыто. — Это—послѣднее засѣданіе палаты перовъ.

23-е февраля.

I.

Ночь была темная, непроницаемая. Густой дождь не переставалъ идти. Кое гдѣ догорали огоньки покинутыхъ бивуакъ. На улицахъ царствовало глубокое, тяжелое молчаніе, нарушаемое только мѣрными шагами патрулей, перекличкой часовыхъ, да отдаленнымъ гуломъ ломаемой мостовой.

II

Съ семи часовъ утра снова стали показываться войска. Медленно занимали они позиціи, указанныя имъ наканунѣ. Какъ и вчера, страшная неурядица въ распоряженіяхъ мѣшала согласію и быстротѣ дѣйствій. Прошло цѣлыхъ три часа, пока заняты были всѣ позиціи. Солдаты смотрѣли такъ же невесело, какъ и вчера. Нѣкоторые изъ нихъ всю ночь провели на бивуакахъ, другіе едва успѣли сомкнуть глаза, и потому всѣ казались усталыми. Однимъ словомъ, все было по вчерашнему; только на площадь побѣдъ, въ помощь генералу Фріану прислали еще генерала Геке, и назначили генерала Рено командиромъ войскъ, охранявшихъ Пантеонъ.

Правительство еще наканунѣ вечеромъ вызвало въ Парижъ сосѣдніе гарнизоны. Но приказанія отданы были такъ безтолково, что гарнизоны эти или вовсе не получили, или не поняли ихъ. О корпусѣ жандармовъ, силѣ весьма значи-

тальной, совершенно забыли. Начальникъ его рѣшился самъ идти на Карусельскую площадь. Въ раздачѣ продовольствія былъ такой-же хаосъ; запасовъ было множество, но вслѣдствіе неурядицы на многихъ пунктахъ чувствовался сильный недостатокъ въ нихъ. Кирасиры пришли въ 10 ч. изъ Мон-бульваръ du Temple, ничего не сдѣлавъ, такъ что многіе изъ нихъ падали отъ истощенія. Имъ подали помощь изъ соединенныхъ домовъ, потому что на мѣстѣ ихъ назначенія ничего не было приготовлено. — Однако къ 10-ти часамъ бульвары, набережныя, мосты и вообще всѣ стратегическіе пункты были заняты войсками. Въ мѣстахъ, наиболѣе подверженныхъ нападенію, поставлена была артиллерія. У Ратуши, у Pointe Saint-Eustache, у Сенъ-Денискихъ воротъ и у Бастиліи стояло по двѣ пушки. На площадяхъ Карусель и Concorde — по четыре. Парижъ былъ точно опоясанъ желѣзнымъ обручемъ. Главная квартира помѣщена была на Карусельской площади для того, чтобы приказанія могли исходить изъ центрального пункта. Однимъ словомъ все было такъ подготовлено, что, казалось, довольно было одной минуты, чтобы задушить возстаніе, если бы оно возобновилось.

III.

И оно не замедлило возобновиться. Въ центрѣ Парижа бульвары, набережныя, улицы Монмартръ и улица Vielle du Temple образуютъ огромный четырехугольникъ, окруженный стратегическими пунктами площади Побѣды, Pointe Saint-Eustache, Ратуши, Сенъ-Денискихъ воротъ и Бастиліи. По направленію отъ набережныхъ къ бульварамъ эту часть Парижа перерѣзываютъ четыре большія улицы, именно: Шуассоньеръ, Сенъ-Дени, Сенъ-Мартенъ и du Temple. На половинѣ своего протяженія эти улицы почти подъ прямымъ угломъ перестѣкаются улицей Рамбюто. Между всѣми этими

улицами находится цѣлый лабиринтъ улицъ и переулковъ до того запутанныхъ, что нѣтъ никакой возможности изучить ихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ улицъ такъ узки, что два человека съ трудомъ могутъ пройти рядомъ. Этотъ то лабиринтъ и былъ, такъ сказать, гнѣздомъ бунта.

Въ этихъ кварталахъ, населенныхъ большею частью рабочимъ классомъ, лавки обыкновенно отворяются очень рано. Но 23-го февраля все было заперто, улицы были совершенно пусты. Наконецъ стали показываться люди, одни вооруженные, другіе безъ всякаго оружія. Съ каждой минутой прибывали новыя толпы народа. Опять началась ломка мостовыхъ, опять принялись строить баррикады на всѣхъ главныхъ пунктахъ сообщенія. Чтобы препятствовать движенію кавалеріи, усадили улицы битыми стеклами. Покончивъ дѣло въ одномъ мѣстѣ, народъ отправлялся далѣе дѣлать свои приготовленія къ бою.

IV.

Уличная война представляетъ обыкновенно цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ происшествій. Вы встрѣтите въ пей отвагу и трусость, страшную жестокость и черты высокаго человѣколюбія. Въ пей обыкновенно отражается характеръ того, кто командуетъ. Передать во всей подробности эти тысячи случаевъ, которые въ одно и тоже время происходятъ въ разныхъ мѣстахъ, было бы невозможно, да и не интересно. Чтобы не утомлять вниманія читателя, я ограничусь тѣмъ, что изображу самыя замѣчательныя изъ происшествій того утра, преимущественно такія, которыя характеризуютъ эту замѣчательную эпоху.

Улица Bourg l'Abbé, узкая и не слишкомъ длинная, примыкаетъ однимъ концомъ къ улицѣ Гренета, а другимъ къ улицѣ aux Ours. Посредствомъ улицы Neuve-Bourg l'Abbé

она соединяется съ улицей Сень-Мартенъ, а посредствомъ улицы Petit-Hurleur — съ улицей Сень-Дени. Въ этомъ перекресткѣ сходятся еще три узкихъ прохода и маленькая улица du Grande-Hurleur. Эта позиція — единственная въ цѣломъ Парижѣ; для народа она чрезвычайно удобна какъ для нападенія, такъ и для обороны. Напротивъ того для войска она почти недоступна. Важность этого пункта, сцены, происходившія тамъ наканунѣ, ярость, которую произвело убійство беззащитнаго юноши въ улицѣ Гренета и въ особенности огромный складъ оружія въ улицѣ Bourg l'Abbé, — все должно было привлечь сюда людей самыхъ предприимчивыхъ и рѣшительныхъ.

Полицейская префектура, наученная опытомъ прежнихъ возстаній, должна была понимать всю опасность этой позиціи; однако она приняла противъ нее самыя ничтожныя предосторожности. Къ 85-ти солдатамъ подъ начальствомъ лейтенанта Бувье прибавили 30 человекъ муниципальных гвардейцевъ съ однимъ подпоручикомъ. Съ такими слабыми силами можно было или отступить при первомъ натискѣ, или самимъ сдѣлать отчаянное нападеніе и тѣмъ довести до послѣдней степени раздраженіе народа.

Въ 8 часовъ утра крики часовыхъ дали знать о нападеніи. Войско въ ту же минуту составило карре. Народъ толпами прибывалъ чрезъ улицу Сень-Дени. Съ приближеніемъ его завязалось дѣло, но съ неравнымъ успѣхомъ для обѣихъ сторонъ. Невѣрные выстрѣлы народа не поражали никого; солдаты же, напротивъ, убили двухъ рабочихъ и многихъ переранили. Послѣ мужественнаго отпора мятежники отступили.

V.

Въ то же самое время въ полицейскую префектуру дали знать, что казармамъ Сень-Мартенскаго предмѣстья угрожаетъ

сильная опасность отъ огромнаго стеченія народа. Не смотря на то, что неподалеку оттуда, у Сенъ-Денискихъ воротъ, было много войска, изъ префектуры рѣшили послать на рекогносцировку сильный отрядъ, состоявшій изъ орлеанскихъ стрѣлковъ, конной и нѣшей муниципальной гвардіи, подъ начальствомъ лейтенантовъ Денеля и Лебрена. Этотъ отрядъ встрѣтилъ на пути выстрѣлы и баррикады, и офицеры, возвратясь въ префектуру, донесли Делессеру, что общій видъ столицы возбуждаетъ сильное безпокойство.

Имѣя двойную цѣль — добыть для себя оружія и очистить свою главную позицію, инсургенты атаковали постепенно всѣ посты, находившіеся по близости. Въ 11 часовъ сильная и вооруженная партія напала на муниципальных гвардейцевъ, прикрывавшихъ Сенъ-Мартенскій рынокъ. Гвардейцы защищались храбро, но превосходство непріятельскихъ силъ принудило ихъ укрыться въ караульню. Тогда осаждающіе рѣшили взять ее приступомъ. Разбивъ топорами первую дверь, они принялись за вторую, но солдаты открыли изъ бойницъ самый убійственный огонь и стрѣляли въ упоръ въ густую массу нападавшихъ, такъ что послѣдніе принуждены были отступить.

Черезъ нѣсколько минутъ въ одно и тоже время завязались сраженія въ двухъ мѣстахъ: на площади Шателе и въ улицѣ Aubry le-Boucher; но на этотъ разъ народъ имѣлъ уже дѣло съ линейными войсками. Съ обѣихъ сторонъ пало много жертвъ и между прочимъ полковникъ де-Сентъ-Илеръ, убитый на площади Шателе. Пуля попала ему въ лобъ и прошла насквозь. Это былъ молодой Африканскій офицеръ, весьма замѣчательный и подававшій большія надежды. Вѣсть о его смерти мгновенно разнеслась по всему городу и произвела на всѣхъ самое тяжелое впечатлѣніе.

VI.

До этого времени народъ еще ни разу не защищалъ серьезно баррикадъ. При появленіи войскъ инсургенты обыкновенно дѣлали нѣсколько выстрѣловъ и наскоро разбѣгались. Солдаты занимали оставленную баррикаду, очищали ее, но съ удаленіемъ ихъ, инсургенты снова появлялись и снова возводили ее. Но съ двухъ часовъ сопротивление сдѣлалось упорнѣе. На углу улицъ Рамбюто и Beaubourg возвышалась большая баррикада изъ камней и опрокинутыхъ каретъ. При ней было 60 человѣкъ, изъ которыхъ только половина имѣла ружья. Командиръ 6-го батальона пѣшихъ стрѣлковъ, Бюро, получилъ предписаніе занять эту баррикаду, для чего и отправился туда съ отрядомъ въ 150 человѣкъ. Лейтенантъ Дешампъ пошелъ впередъ съ 50-ю человѣками. Съ опущенными штыками, смѣло, мѣрнымъ шагомъ, пошли они на приступъ, но жестокой залпъ отбросилъ ихъ назадъ. Новая колонна двинулась, но и ту постигла та-же участь. Наконецъ за третьимъ разомъ солдатамъ удалось преодолѣть это мужественное сопротивление: покрытая трупами своихъ отчаянныхъ защитниковъ, баррикада осталась за войскомъ.

На другомъ пунктѣ генералъ Перро, приказавшій уничтожить баррикады въ улицахъ *Vieille du Temple*, de l'*Oseille*, des *Quatre fils* и de la *Perle*, встрѣтилъ не менѣе сильный отпоръ. Въ улицѣ *des Filles-du-Calvaire* дѣло дошло до пушекъ. Пушечными выстрѣлами думали только напугать инсурентовъ, но вмѣсто того перепугали весь городъ, показавъ ему этимъ всю опасность положенія дѣла.

VII.

И въ самомъ дѣлѣ опасность увеличивалась съ каждой минутой. Запахъ пороху, кровь убитыхъ, потребность мести

все это болѣе и болѣе волновало народъ и приводило его въ ожесточеніе. Схватки дѣлались чаще и чаще. Въ одно и то же время дрались въ улицахъ Фрепильонъ и Рояль Сентъ-Мартенъ, на Каирской площади, на углу улицъ des Deux-Pointes, въ улицѣ Сентъ-Опоре, на углу улицы Руль, на перекресткѣ улицъ Пуассоньеръ, Клері, Пети-Карро, Тевено, Гравилье и др. Иногда какой нибудь кровавый эпизодъ, которыми такъ изобилуетъ уличная война, удваивалъ ярость сражавшихся. Такъ, на Каирской площади въ числѣ многихъ, убитыхъ солдатами, была одна женщина, а въ улицѣ Рояль Сентъ-Мартенъ убили трехъ рабочихъ. Тѣла ихъ выставили на показъ, прибивъ сверху бумажку съ надписью „мищеніе“. Въ улицѣ Сентъ-Дени толпа подняла одного убитого и понесла его съ криками: „мищеніе! къ оружію!“ На встрѣчу имъ попался взводъ конной муниципальной гвардіи, который разогналъ толпу и принудилъ ее оставить свою пошу въ Монконсейльскомъ постѣ. Но едва гвардейцы отошли, какъ народъ окружилъ постъ и сталъ требовать, чтобы имъ отдали трупъ. Канитанъ 23-го легкаго полка, Беранже, едва успѣлъ войти и запереть за собою дверь. Разъяренный народъ опрокинулъ будку, навалился на нее солому, облилъ смолой и готовился уже зажечь кордегардію, но подоспѣвшій отрядъ національной гвардіи вмѣшался въ дѣло, освободилъ солдатъ и проводилъ ихъ здравыхъ и невредимыхъ къ Pointe Saint-Eustache. Оставленный постъ былъ раззоренъ; бунтовщики взяли оттуда своего мертвого товарища и снова понесли его по улицамъ, какъ бы вызывая этимъ на всеобщее возстаніе.

VIII.

Таковы были главные эпизоды утра 23-го февраля. Долго дрались на разныхъ пунктахъ безъ всякихъ результатовъ. Народъ не выходилъ за предѣлы своего укрѣпленнаго ла-

геря, описаннаго нами. Нѣсколько разъ врывались туда войска, нѣсколько разъ генералы посылали и сами водили туда сильные отряды, но это нисколько не вредило инсургентамъ и не ослабляло ихъ энергій. Убитыхъ было немного, особенно между солдатами; народъ тщательно избѣгалъ стычекъ съ линейнымъ войскомъ, но прежнему схватывался больше съ муниципальною гвардіей и упорно кричалъ „Vive la ligne! à mort les municipaux!“ Однимъ словомъ, настоящаго сраженія до сихъ поръ не было. Но легко было замѣтить, что съ одной стороны энтузіазмъ возрасталъ все болѣе и болѣе, тогда какъ съ другой его вовсе не было.

IX.

Каковы однако были настоящія чувства и намѣренія національной гвардіи? Въ этомъ важномъ вопросѣ правительство предъугадывало горькую истину, но не хотѣло дать себѣ въ ней отчета. Оно снисходительно, но съ недоувѣрчивостію слушало самонадѣянные увѣренія вѣчно довольнаго генерала Жакмино. Оно знало, что прошло уже то время, когда національная гвардія единодушно собиралась по первому звуку барабана. Не будучи совершенно враждебной правительству, она была недовольна имъ. Между солдатами и офицерами было много приверженцевъ реформы. Правда, что консервативная партія также была въ ней сильна, но никто не зналъ, будетъ-ли она дѣйствовать, рѣшится-ли на спасеніе династіи и министерства? Можетъ быть она готова пролить кровь свою на защиту общественнаго порядка, но не согласится жертвовать ею для торжества упрямой гордости. Все это было очень возможно. Всего вѣроятнѣе было то, что національная гвардія останется въ совершенномъ бездѣйствіи, и только нѣкоторые изъ ея рядовъ подчинятся или увлекутся энергіей людей, преданныхъ реформѣ. А если въ самомъ дѣлѣ случится

такъ, что вся національная гвардія, вмѣсто того, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ дѣйствовать противъ реформистовъ, провозгласить реформу? Что будетъ тогда, и къ какимъ послѣдствіямъ поведетъ это?

Вдругъ среди всѣхъ этихъ печальныхъ недоумѣній изъ главнаго штаба вышелъ приказъ о назначеніи изъ каждаго легіона по 2 батальона и о размѣщеніи ихъ по стратегическимъ пунктамъ. Но вмѣсто того, чтобы отправить этотъ приказъ черезъ ратушу, его послали прямо въ легіоны и даже мерамъ не дали знать объ этомъ. Такимъ образомъ вышло то, что, не получивъ настоящихъ инструкцій отъ меровъ, національная гвардія должна была дѣйствовать по собственному благоусмотрѣнію, и вслѣдствіе этого въ каждомъ легіонѣ произошло множество безпорядковъ и недоразумѣній, подробности которыхъ весьма любопытны и поучительны, и потому мы представимъ ихъ читателямъ.

X.

1-й легіонъ, состоявшій изъ богатыхъ землевладѣльцевъ, чиновниковъ, негоціантовъ и поставщиковъ двора и аристократіи, былъ вполне преданъ правительству и потому собрался немедленно. Но такъ какъ волненіе въ первомъ округѣ прекратилось утромъ 23 февраля, то усердіе и готовность перваго легіона выразились только въ браанныхъ словахъ противъ нѣкоторыхъ депутатовъ, отправлявшихся въ палату.

XI.

2-й легіонъ собрался также поспѣшно и въ большомъ количествѣ. Командиромъ его былъ Талабо, зять одного изъ министровъ, Кюенъ-Гридена. 2-й батальонъ этого легіона, ко-

мандуемый биржевымъ маклеромъ Татте, получилъ приказаніе осмотрѣть Монмартрское предмѣстье. Штабъ этого батальона состоялъ большею частью изъ реформистовъ; въ ротѣ капитана Альтароша офицерами были депутаты Шельхеръ, Жанронъ, Демазюръ, Кюзонъ и др. Выходя изъ Монмартрскаго предмѣстья, между улицами Ружмонъ и Друо, отрядъ этотъ встрѣтилъ два полка линейной пѣхоты и батарею артиллеріи. Мгновенно во всѣхъ рядахъ раздался крикъ: „Vive la réforme!“ Солдаты отвѣчали имъ: „Vive la garde nationale!“ и многіе изъ нихъ также закричали „Vive la réforme!“

Подобная демонстрація въ самомъ богатомъ кварталѣ столицы, въ самомъ центрѣ торговли, промышленности, роскоши, произвела глубокое впечатлѣніе, которое вскорѣ еще болѣе усилилось. Въ часъ по полудни тотъ же самый батальонъ пошелъ въ улицу Риволи, чтобы занять позицію предъ павильономъ Марсанъ. Болѣе 2000 человекъ провожали батальонъ на всемъ пути его, при громкомъ пѣніи „Marseillaise“ и крикахъ „Vive la réforme!“, которымъ національная гвардія усердно вторила. Эти восклицанія были слышны въ Тюльери и даже въ главномъ штабѣ національной гвардіи, и произвели такое дѣйствіе, что одинъ генераль подъѣхалъ къ батальону и сказалъ: „я передамъ ваши желанія; впрочемъ, ихъ должно быть и безъ того уже слышать!“

XII.

3 легіонъ выставилъ въ семь часовъ утра не болѣе двухъ сотъ человекъ; но къ десяти часамъ къ нимъ присоединились роты Тирьона, Фалле, Жуана, Перре и другихъ. Всѣ эти роты были на сторонѣ реформы. Въ это время небольшой отрядъ муниципальной гвардіи, выходя изъ казармы Notre Dame des Victoires, увидалъ нѣсколькихъ рабочихъ, кричавшихъ „Vive la réforme!“ и съ ожесточеніемъ напалъ на

нихъ. Одинъ національный гвардеецъ, Дегузе, вмѣшался въ это дѣло и хотѣлъ остановить драку; его самого окружили и вѣроятно излили бы на него свою ярость, но капитанъ Фалле, видя его опасное положеніе и желая въ тоже время вступить за народъ, обратилъ свою роту противъ муниципальных гвардейцевъ и заставилъ ихъ возвратиться въ свои казармы.

За этой серьезной демонстраціей послѣдовала другая, еще болѣе значительная. Генераль Фріанъ, занимавшій позицію на площади Побѣды, потребовалъ себѣ въ подкрѣпленіе отрядъ кавалеріи. Вслѣдствіе этого къ нему послали два эскадрона 5 и 7 кирасирскаго полковъ и батальонъ пѣхоты 14 линейнаго. Народъ, видя себѣ поддержку въ національной гвардіи, встрѣтилъ эти войска восклицаніями, выражавшими симпатію къ нимъ и желаніе реформы. Между тѣмъ къ площадямъ Побѣды и des Petits-Pères со всѣхъ сторонъ стекался народъ. Встревоженный этимъ и предвидя, что положеніе его можетъ сдѣлаться опаснымъ, генераль приказалъ кирасирамъ отогнать народъ отъ національной гвардіи. Кирасиры двинулись стремительно, народъ отступилъ и укрылся за національной гвардіей. Кирасиры продолжали наступать, но гвардія скрестила передъ ними штыки; два раза нападеніе возобновлялось и два раза повторялся тотъ же отпоръ. Предъ такимъ неожиданнымъ сопротивленіемъ солдаты остановились: теперь имъ приходилось уже имѣть дѣло не съ народомъ, а съ національной гвардіей, съ которой они привыкли сражаться рука объ руку, и которая при прежнихъ возмущеніяхъ сама была противъ инсургентовъ, а не на сторонѣ ихъ. Все это до глубины души потрясло солдатъ и заставило ихъ призадуматься.

При этой сценѣ находились офицеры главнаго штаба національной гвардіи Альфредъ де-Брайе, Бурже и Горасъ Верне, вполнѣ преданные двору. Верне поскакалъ въ штабъ увѣдомить о случившемся герцога Немурскаго и ге-

нераловъ. — „Не можетъ быть!“ вскричалъ при первыхъ его словахъ Жакмино. „Не можетъ быть! Я знаю національную гвардію, она вѣрна!“ По мнѣнію этого генерала лучший способъ отвратить опасность состоялъ въ томъ, чтобы не видѣть ея и не вѣрить ей. Точно также поступалъ и герцогъ Немурскій: хотя онъ и не имѣлъ причинъ раздѣлять ослѣпленія Жакмино, однако охотно повѣрилъ его объясненію, что причина измѣны батальона была та, что онъ весь состоялъ изъ редакторовъ, сотрудниковъ и кліентовъ журналовъ, но что всѣ другіе батальоны нисколько не раздѣляли ихъ образа мыслей, и потому примѣръ этотъ не можетъ быть заразителенъ. Но новыя факты разсѣяли эти пріятныя иллюзіи. Офицеры 3 легіона поручили своему командиру полковнику Бессону, перу Франціи, отправиться къ королю и откровенно изложить ему образъ мыслей и положеніе дѣла. Полковникъ не утаилъ ничего, и даже рѣшился прямо объявить, что перемѣна кабинета есть единственное средство къ спасенію. Нѣсколько спустя самъ генералъ Фріанъ отправился въ Тюльери и подтвердилъ показаніе Гораса Верне, равно какъ и мнѣніе полковника Бессона.

Вскорѣ новыя событія еще сильнѣе подтвердили это. За отсутствіемъ Бессона начальство надъ легіономъ принялъ батальонный командиръ Говинъ. Собравъ весь легіонъ, онъ провелъ его мимо войскъ стоявшихъ на площади Побѣды. Гвардейцы вмѣстѣ съ народомъ закричали: „Vive la ligne!“, „vive la réforme!“, „à bas le système!“ Съ площади Побѣды манифестация распространилась по улицамъ Fossés-Montmartre, Saint-Eustache и Bourbon-Villeneuve до самыхъ Сель-Денискихъ воротъ. При видѣ стоявшихъ здѣсь войскъ народъ громче прежняго закричалъ: „Vive la réforme!“ Войска было много, артиллеристы стояли у пушекъ съ зажженными фитилями, но никто изъ нихъ не пошевелился. Какъ и на площади Побѣды солдаты съ любезны-

ствомъ глядѣли на невиданное зрѣлище, невольно симпатизируя ему.

XIII.

Въ 4 легіонѣ первые явившіеся въ округѣ были на сторонѣ реформы. Прибывшіе послѣ были, напротивъ, враждебны ей. Нѣкоторые объявили, что они готовы содѣйствовать возстановленію общественнаго порядка, но не иначе, какъ при двухъ условіяхъ: переимѣнѣ министерства и реформѣ. Другіе протестовали противъ этого, но въ отвѣтъ имъ тотчасъ же былъ составленъ адрессъ, который подписали 500 чело-вѣкъ національныхъ гвардейцевъ, въ томъ числѣ болѣе 30 офицеровъ. Адрессъ состоялъ въ слѣдующемъ: „Мы, нижеподписавшіеся граждане 4 округа, симъ объявляемъ, что мы готовы стать въ ряды національной гвардіи, подъ командою нашихъ почтенныхъ начальниковъ, для того, чтобы содѣйствовать общественной безопасности, но никакъ не для защиты продажнаго и безсовѣстнаго министерства, политику котораго мы отъ всей души презираемъ, и требуемъ, чтобы оно было немедленно удалено и предано суду.“

Для представленія этого адреса палатѣ они избрали депутата Кремье, и послали спросить его согласія. Кремье выразилъ полную готовность. Тутъ же положено было отправиться къ палатѣ всѣмъ подписавшимся, но не брать другаго оружія, кромѣ сабель. Въ часъ по полудни кортежъ двинулся подъ предводительствомъ Виткока и другихъ офицеровъ. Агеттѣ (Haguette), врачъ чело-вѣколюбиваго общества, несъ адрессъ. Процессія шла въ глубокомъ молчаніи, но вокругъ нее шумѣла буйная и энергическая толпа. Раздававшіеся не вдалекѣ выстрѣлы,—этотъ вооруженный протестъ рядомъ съ протестомъ миролюбивымъ,—придавали процессіи ея настоящій характеръ. Если бы адрессъ былъ принятъ, огонь немедлен-

но прекратился бы. Одного этого результата развѣ не достаточно было, чтобы оправдать всю неправильность этого поступка противнаго конституціонному порядку? Масса кортежа сознавала это и обнаруживала это сознание своимъ спокойствіемъ, тишиною въ своихъ рядахъ и благоразумными совѣтами, съ которыми она обращалась ко всѣмъ на своемъ пути.

На Новомъ мосту кортежъ встрѣтилъ войска, принадлежавшія къ отрядамъ, занимавшимъ всѣ набережныя до самой площади Concorde. Этихъ войскъ было слишкомъ достаточно, чтобы загородить дорогу кортежу, но они безпрепятственно пропустили его. И здѣсь на лицахъ солдатъ выражалось то же грустное любопытство, и здѣсь преобладало отвращеніе къ пролитію крови гражданъ на защиту правительства. Кортежъ прошелъ мимо Тюльери, подъ самыми окнами короля.

Вѣсть о приближеніи его скоро достигла палаты и произвела всеобщее оцѣненіе. Прийдя нѣсколько въ себя, депутаты, представители самыхъ противоположныхъ убѣжденій, выбѣжали изъ палаты подъ перистиль моста, откуда видны Елисейскія поля, площадь Concorde, Тюльери и вся линія набережныхъ. Тутъ были О. Барро, д'Удето, Гарнье-Пажесъ, Тьеръ, Кремье, Мари, Бомонъ де-ла-Соммъ, Курте и другіе. Всѣ задавали себѣ вопросъ: что это за колонна? какъ она могла пройти сюда? Съ какою цѣлью и съ какимъ намѣреніемъ? Всеобщее недоразумѣніе разрѣшилось, когда Кремье показалъ адрессъ, принятый имъ изъ рукъ Агетта, который, не надѣясь, чтобы кортежъ безпрепятственно достигъ палаты, отдѣлился отъ него еще на Карусельскомъ мосту и пришелъ одинъ по набережной лѣваго берега. Но разъясненіе дѣла мало успокоило консерваторовъ: колонна все таки казалась имъ опасною и потому они дали приказъ одному батальону 10 легіона немедленно занять мостъ.

Составленный весь изъ богатыхъ владѣльцевъ Сентъ-Жер-

менскаго предметя и ихъ кліентовъ, этотъ батальонъ былъ или преданъ правительству, или враждебенъ демократіи, и потому онъ не колебался исполнить даннаго ему приказанія. Бѣгомъ понесся онъ на встрѣчу колоннѣ и остановилъ ее. Двадцать минутъ простояли другъ передъ другомъ эти два ополченія, одно вооруженное, другое безъ оружія. Началась схватка. Увѣщанія перешли въ ругательства, сопротивленіе — въ нападеніе. Кавалерія тѣснила задніе ряды колонны, батальонъ 10 легіона не пускалъ ее впередъ. Дѣло доходило до рѣзни; но депутаты поспѣшили вступиться въ дѣло. О. Барро, Гарнье-Пажесъ и Курте представили 10 легіону всѣ ужасныя послѣдствія ссоры между легіонами національной гвардіи. Кремье, Бомону де-ла-Соммъ и Мари удалось пробиться сквозь солдатъ, стоявшихъ на мосту, къ реформистамъ, отъ которыхъ они приняли еще нѣсколько экземпляровъ адреса, и, увѣривъ ихъ, что онъ не останется безъ вліянія на палату, армію и всю страну, убѣдили ихъ разойтись.

И такъ, цѣль манифестаціи была достигнута. Колонна повернула назадъ, опять прошла подъ окнами Тюльери, и возвратилась въ свой округъ, гдѣ ожидавшій ее командиръ легіона встрѣтилъ ее съ гнѣвомъ. Самый гнѣвъ этотъ показывалъ только всю важность, все значеніе совершеннаго ими дѣла!

XIV.

Всякій уголокъ страны имѣетъ свой особенный характеръ и свои преданія. Такъ исторія 5-го округа можетъ назваться исторіей либерализма въ Парижѣ. Вѣрный дѣлу свободы, даже въ тѣ времена, когда ее повсюду тѣснили, 5 округъ отличался отъ всѣхъ другихъ своими благородными стремленіями. Солдаты его легіона болѣею частью были преданы реформѣ, почти всѣ офицеры принадлежали къ рефор-

мистскимъ и къ центральному комитетамъ. Возмущеніе началось въ самомъ центрѣ ихъ округа, они видѣли его, сочувствовали ему, и, боясь даже по наружности взять сторону министерства, долго не рѣшались собираться. Подъ конецъ однако нѣкоторые отправились къ меру, другіе же отважно рѣшились стать на защиту народа противъ войскъ, надѣясь на уваженіе къ своему мундиру. Но муниципальная гвардія на этотъ разъ нарушила это почтеніе, когда на Каирской площади принялась безъ разбору стрѣлять въ народъ и въ солдатъ національной гвардіи.

Извѣстіе объ этомъ насиліи взволновало весь округъ и подняло его на ноги. Солдаты 5-го легіона высыпали на улицы съ оружіемъ въ рукахъ. Въ короткое время составила колонна изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Предводителями ея были: Грегуаръ, командиръ легіона, капитаны: Деландръ, Фаврель, Лабелони и Гомонъ, и лейтенанты: Эрб, Арронсонъ и Лотель. Въ ту минуту, когда они хотѣли тронуться съ мѣста, изъ за угла улицы Neuve-Saint-Eustache показался отрядъ 3-го легіона, подъ начальствомъ Овина (Новун) и Тирьона. Обѣ колонны привѣтствовали другъ друга радостными восклицаніями. 5-й легіонъ направился въ улицу Сень-Мартенъ, собралъ по дорогѣ кое-какихъ солдатъ національной гвардіи изъ разныхъ легіоновъ и, сопровождаемый огромной толпой народа, остановился у дома мера и потребовалъ зарядовъ. Получивъ отказъ и не желая употребить силу, легіонъ отправился черезъ Сень-Мартенскую улицу къ предмѣстью.

Вдругъ послышались выстрѣлы. Толпа въ безпорядкѣ кинулась на бульваръ и въ смежныя улицы. Національная гвардія шла впереди. По дорогѣ они увидѣли, что муниципальные гвардейцы, стремительно выбѣжавъ изъ своихъ казармъ, заняли улицу во всю ширину ея, снова зарядили ружья и готовились стрѣлять. Легіонъ остановился съ оружіемъ въ ру-

кахъ. Въ промежуткѣ, оставленномъ между двумя колоннами, появились капитанъ Фаврель и лейтенантъ Шомонъ, и строго потребовали у муниципальной гвардіи отчета въ ея насиліяхъ противъ безоружныхъ. Эскадронный командиръ Поммъ отвѣтилъ имъ, что хотя толпа, по которой они стрѣляли, была безоружна, но она имѣла совсѣмъ не миролюбивыя намѣренія; что окруживъ казармы, она хотѣла ворваться туда, такъ что онъ поневолѣ принужденъ былъ прибѣгнуть къ выстрѣламъ. Фаврель и Шомонъ предложили муниципальнымъ гвардейцамъ возвратиться въ казармы; тѣ долго отказывались, но наконецъ согласились съ условіемъ, что національная гвардія ручается за ихъ безопасность. Въ продолженіе этихъ переговоровъ толпа все прибывала, масса становилась плотнѣе и плотнѣе, грозные голоса требовали выдачи плѣнныхъ. Нѣкоторые смѣльчаки бросились къ знамени, съ намѣреніемъ сорвать его, но національная гвардія окружила казармы тройною цѣпью солдатъ, выпустила на свою отвѣтственность нѣсколькихъ плѣнныхъ, и, чтобы ими не подверглось оскорбленію и не служило предметомъ возбужденія, отнесла его къ меру.

XV.

6-й округъ былъ, подобно пятому, вполне предавъ демократической свободѣ. Депутатомъ его въ палатѣ былъ радикалъ Карно. Офицеры его также принадлежали къ комитетамъ реформистовъ. И потому въ этомъ округѣ собрались только тѣ изъ гражданъ, которые дѣломъ или симпатіей связаны были съ реформистскимъ движеніемъ. Съ жаромъ и мужествомъ, которому, какъ увидимъ въ послѣдствіи, суждено было подвергнуться страшнымъ испытаніямъ, бросились они между двухъ воюющихъ сторонъ, чтобы вырвать у смерти возможное число жертвъ.

XVI.

Въ 7-мъ легіонѣ было то же самое, тотъ же духъ одушевлялъ его. Одни ревностные приверженцы оппозиціи явились на зовъ; консерваторы остались дома. Изъ командировъ явились очень немногіе. Сильные патрули, наскоро составленные, обходили округъ, чтобы уладить дѣло между войскомъ и народомъ, и сначала успѣли было въ этомъ. Но въ 2 часа случилось происшествіе, которое дало другой оборотъ дѣлу. Къ дому мера принесли трупъ солдата національной гвардіи, Руссело, убитаго при выполненіи святой обязанности примирителя. Этого было довольно, чтобы произвести общее ожесточеніе. Меръ округа, Моро и командиръ легіона Лавейсьеръ, не видя возможности успокоить національную гвардію, принуждены были послать въ городскую думу депутацію изъ многихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ были подполковникъ Сиредей, Дофенъ, Пастеръ д'Этрейли и другіе.

Представившии префекту, посланные изложили ему всю опасность положенія и необходимость скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. „Да вѣдь не штыками же требовать у короля распущенія войскъ!“ возразилъ Рамбюто. „Дѣло зашло слишкомъ далеко, чтобы разсуждать теперь, какимъ образомъ просить короля, отвѣчалъ капитанъ Пастеръ. Если вы отказываетесь передать это королю, или если онъ самъ, узнавъ объ этомъ другимъ путемъ, не приметъ рѣшительныхъ мѣръ, то никакая сила не въ состояніи будетъ остановить рѣзню между національной гвардіей и войскомъ.“ Смущенный префектъ немедленно послалъ извѣстить объ этомъ въ главный штабъ.

XVII.

Въ 8 легіонѣ было совершенно противное: первые, появившіеся съ оружіемъ въ рукахъ, были консерваторы и только

къ ночи собрались офицеры и солдаты, принадлежавшіе къ оппозиціи.

9 легіонъ, очень небольшой, оставался въ совершенномъ бездѣйствіи по своимъ квартирамъ, разъединеннымъ между собою баррикадами и военными позиціями. Округъ этого легіона находился близъ городской думы.

XVIII.

10 легіонъ былъ раздѣленъ на двѣ партіи. Сентъ-Жерменское предмѣстье — кварталъ аристократовъ легитимистовъ, важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, со всѣми ихъ кліентами высшаго и низшаго классовъ — было большею частью враждебно народной свободѣ. Но и тутъ однако были приверженцы оппозиціи. Въ то самое время, когда извѣстный уже намъ батальонъ ознаменовалъ себя такой энергической выходкой противъ роформистовъ 4 легіона, другой батальонъ 10 легіона, ставшій въ улицѣ Таранъ, съ меньшей энергіей выказалъ чувства совершенно противоположныя.

Было около полудня. Полковникъ Лемерсье, министерскій депутатъ, получилъ одно изъ тѣхъ утѣшительныхъ извѣстій, которыя сама судьба посылаетъ правительствамъ въ послѣднія минуты ихъ существованія. Подѣхавъ къ фронту солдатъ, онъ объявилъ, что бунтъ укрощенъ и благодарилъ солдатъ за ихъ усердіе и ревность, въ которыхъ, къ счастью, теперь уже не было нужды. Въ отвѣтъ на его слова изъ рядовъ вышелъ нѣкто Биксіо и, подойдя смѣло къ своему начальнику, сказалъ ему: „Полковникъ! Мы собрались сюда для охраненія личности и собственности нашихъ братій; но, знайте! мы не довѣряемъ правительству и всѣ до послѣдняго желаемъ реформы.“ — „Такъ! такъ! да здравствуетъ реформа!“ закричалъ весь батальонъ, увлеченный примѣромъ одного человека. „Vive la réforme!“ громко повторилъ народъ. Взбѣ-

шенный и сконфуженный полковникъ, не смѣя ничего сказать своему батальону, кинулся на одного рабочаго и схватилъ его за воротникъ. „Какъ можно обижать человѣка за то только, что онъ кричитъ „Vive la réforme!“ закричали солдаты національной гвардіи и освободили рабочаго изъ рукъ полковника. Обезумѣвъ отъ ярости, онъ сорвалъ съ себя офицерскій знакъ, бросилъ его на землю, вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ главный штабъ, чтобы сообщить объ этомъ происшествіи.

Малевилъ извѣстилъ палату объ этомъ случаѣ, и это извѣстіе произвело на нее очень сильное впечатлѣніе. Консерваторы встревожились. Одинъ изъ нихъ, Жанвье, поспѣшилъ увѣдомить обо всемъ министровъ. Но тѣ притворились, что видятъ въ этомъ происшествіи только ничтожную выходку нѣсколькихъ миллионеровъ.

XIX.

Такое расположеніе умовъ въ войскѣ, первые признаки котораго сдѣлались уже извѣстными всѣмъ, особенно сильно обнаружилось въ 11 легіонѣ, при слѣдующемъ замѣчательномъ фактѣ. На площади Одеона стоялъ отрядъ линейныхъ войскъ лицомъ къ лицу съ отрядомъ національной гвардіи. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, начальники обѣихъ сторонъ, послѣ взаимныхъ привѣтствій, подошли другъ къ другу и стали разговаривать. „Что вы думаете дѣлать—спросилъ командиръ національной гвардіи,—если появится толпа народа?“ — Я сдѣлаю тоже, что и вы, отвѣчалъ капитанъ. — „Что касается меня, продолжалъ гвардеецъ, то я не стану разгонять народъ и дамъ ему свободно пройти.“ — „Я совершенно того же мнѣнія; мои солдаты во всемъ послѣдуютъ примѣру національной гвардіи.“

12 легіонъ былъ созданъ послѣ всѣхъ. Въ этомъ округѣ организовалась мысль о банкетѣ, и потому правительство

очень опасалось его демократических стремлений. Послѣдствія доказали, что оно не ошиблось въ своемъ предположеніи.

XX.

Наконецъ это человѣкъ конной національной гвардіи, собранные утромъ на Сень-Мартенскомъ бульварѣ, отправились въ Тюльери. Составъ этого отряда и подборъ офицеровъ показался народу чисто аристократическимъ и возбудилъ его неудовольствіе, такъ что только чрезъ два часа онъ едва добрался до Тюльери, оставивъ по дорогѣ двухъ раненыхъ.

Начальникъ этой колонны, убѣдившись этимъ печальнымъ опытомъ въ расположеніи умовъ народа, посѣпили довести все до свѣдѣнія своего подковника, Монталиве, прибавивъ при этомъ, что только немедленныя и искреннія уступки могутъ спасти монархическую власть.

Монталиве, искренно преданный королю, не поколебался открыть ему эту горькую истину, не взирая на то, что прежнія попытки его оставались безъ успѣха. Съ этимъ намѣреніемъ онъ отправился въ Тюльери.

XXI.

Королева не сомнѣвалась болѣе въ предстоящемъ несчастіи. Въ то время, когда самые опытные политики, при всей своей проницательности, не подозрѣвали ничего опаснаго,—нѣжныя чувства женщины, супруги и матери указывали ей на предстоящія опасности. Душа ея была достаточно сильна для того, чтобы видѣть истину во всей ея наготѣ. Съ настойчивостью убѣждала она короля вникнуть глубже въ положеніе дѣлъ и успѣла поколебать его упрямство. Еще недавно, говоря объ оппозиціи, онъ только подшучивалъ надъ ней или оскорблялъ ее. „Это вздоръ! говорилъ онъ; пустая вспышка! я принялъ

всѣ мѣры, чтобы успокоить Парижъ!“ Теперь онъ пересталъ шутить. Если дѣло и не казалось ему проиграннымъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ началъ серьезно смотрѣть на него. Безпре-
станно приходившія извѣстія удивляли и тревожили его. Ни-
чего подобнаго не было во все его правленіе. А между тѣмъ
извѣстія приходили чаще и чаще; ихъ приносили въ Тюльери
и въ главный штабъ командиры легионовъ, офицеры, друзья
и даже враги, увлекаемые патріотизмомъ и великодушіемъ.

И какое сомнѣніе могло еще быть у короля, послѣ того
какъ въ самыхъ отдаленныхъ концахъ Тюльерійскаго дворца
явственно слышны были восклицанія 2 легиона, раздававшіеся
въ улицѣ Риволи; когда подъ самыми окнами короля раз-
вернулся, съ спокойной, но самой грозной осанкой, фронтъ
4 легиона; когда 3 легионъ выставилъ штыки противъ цвѣта
королевской кавалеріи; когда 5 легионъ, принудивъ муници-
пальную гвардію запереться въ своихъ казармахъ, подъ ви-
домъ охраненія, не выпускалъ ее оттуда; когда 7 легионъ, съ
невиданною при возмущеніяхъ прямою, посылалъ сказать
первому сановнику города, что онъ не подниметъ оружія про-
тивъ солдатъ; когда командиръ 10 легиона, считавшагося до
сихъ поръ преданнымъ, принужденъ былъ бѣжать во весь
опоръ отъ ругательствъ своихъ солдатъ; когда 8, 9, 11 и 12
легионы не скрывали своихъ враждебныхъ намѣреній; когда
наконецъ 1 легионъ, — первый какъ по названію, такъ и по
преданности королевскому дому, — оказывалъ всѣ признаки силь-
наго колебанія.

Король тщетно старался разгадать причину такой пере-
мѣны, послѣдствія которой смущали его. Что оставалось ему
дѣлать, если буржуазія, которой онъ обязанъ своею властью,
оставить его? Достаточно ли будетъ одной королевской власти
для того, чтобы противиться въ одно и то же время ари-
стократіи и народу. А если буржуазія прямо откажется отъ
сраженія? Если національная гвардія, вмѣсто подавленія бун-

та, сама станетъ въ ряды его? Если наконецъ она съ оружіемъ въ рукахъ кинется на защиту народа? Что тогда дѣлать? Достаточно ли будетъ одной арміи для спасенія трона? Да и кто поручится за вѣрность арміи? Въ продолженіи 18 лѣтъ она привыкла сражаться рука объ руку съ національной гвардіей, и потому едва ли согласится теперь сражаться безъ нея. Отсутствіе національной гвардіи, ея нейтральное положеніе, не подадутъ ли войску поводъ къ страшнымъ толкамъ? А если національная гвардія открыто станетъ на сторонѣ народа, то кто поручится, что войско пойдетъ противъ такого союза? А если оно не пойдетъ? Если оно будетъ только колебаться?

Поглощенный этими печальными размышленіями, король не зналъ, на что рѣшиться. Онъ смутно понималъ, что ему остается выбирать одно изъ двухъ: или сдѣлать немедленно честную уступку, или вступить въ битву на жизнь и смерть; или возвратиться къ принципамъ конституціоннаго правленія, или безстрашно умереть на развалинахъ своей власти и видѣть гибель своего семейства. Десять лѣтъ назадъ онъ не задумался бы надъ этимъ вопросомъ. Но теперь надъ нимъ тяготѣла старость. Притомъ прежніе успѣхи отуманили его здравый смыслъ и мѣшали ему прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, необходимымъ въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ. Вѣчно презирая людей, онъ дошелъ до того, что глубоко презиралъ все. Испытавъ на дѣлѣ гибкость людской совѣсти, онъ не вѣрилъ уже въ твердость и непоколебимость чего бы то ни было. И такъ, считая еще въ своей власти примириться или не примириться съ необходимостью, надѣясь болѣе на свое умѣнье, чѣмъ на счастье, онъ рѣшился все предоставить времени.

XXII.

Можетъ быть въ глубинѣ души его пресыщенная натура была довольна этимъ дѣломъ, дававшимъ ему возможность

поиграть съ людьми и полукавить съ судьбою. Оппозиція была направлена противъ его политики и противъ министерства; стало быть онъ могъ спокойно удалить своихъ министровъ. И нужно ли удалять ихъ? Какъ только отставка Гизо нѣсколько успокоитъ взволнованные умы, нужно будетъ приступить къ составленію новаго кабинета. Изъ кого же составить его? Чѣмъ руководствоваться? Но оппозиція, единодушная въ борьбѣ, должна разъединиться послѣ побѣды. Тогда разыграются личные интересы, тщеславіе, и пойдетъ разладъ. Сколько представится тогда случаевъ извлечь для себя выгоды, сколько возможности устроить все по собственному желанію! И если кризисъ продолжится, то очень можетъ быть, что послѣ долгаго сопротивленія, ему удастся снова поднять свое министерство, за исключеніемъ Гизо, окончательно никуда не годнаго. Если бы даже ему пришлось допустить въ свой совѣтъ людей не совсѣмъ ему пріятныхъ, то все таки въ обѣихъ палатахъ на его сторонѣ оставалось огромное большинство, расположенное къ его политикѣ и лично ему преданное. Этотъ могучій рычагъ могъ въ одну минуту снова отдать всю Францію въ его неограниченное распоряженіе.

Однако его отношенія къ министрамъ сдѣлались чрезвычайно щекотливыми. Подъ какимъ предлогомъ удалить ихъ? Подъ тѣмъ развѣ, что удаленіе это есть единственное средство къ спасенію отъ гибели? Но вѣдь вся бѣда произошла отъ восьмилѣтней упорной политики, а эта политика была дѣломъ самаго короля!

Послѣ паденія Людовика-Филиппа, онъ и Гизо взаимно упрекали другъ друга въ своемъ несчастіи. Гизо и его друзья утверждали, что слабость и уступки короля погубили все дѣло. Напротивъ, король и его приверженцы доказывали, что Гизо, отступивъ предъ опасностью, которой онъ не умѣлъ предвидѣть, тѣмъ самымъ показалъ свою несостоятельность и, погубивъ монархическую власть, во время удаленія. Какъ бы

то ни было, но все заставляет нас думать, что разрыву короля съ Гизо много способствовал Дюшатель, самолюбие которого жестоко страдало отъ первенства Гизо.

Въ 2 часа по полудни, когда президентъ совѣта отправился въ палату, Дюшатель одинъ явился въ Тюльери, куда именно въ это время со всѣхъ сторонъ стекались извѣстія о дѣйствіяхъ легіоновъ. Королева встрѣтила Дюшателя со слезами: „Положеніе наше ужасно! сказала она, Гизо оказалъ бы намъ огромную услугу, если бы согласился удалиться.“ Смущенный этими словами, министръ подошелъ къ королю, обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами, которыя не дошли до насъ, и вслѣдъ за тѣмъ поспѣшилъ въ палату. Подойдя къ Гизо, онъ шепотомъ сказалъ ему нѣсколько словъ, которыя тотъ принялъ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ; послѣ чего оба министра отправились въ Тюльери, и вмѣстѣ вошли къ королю. Достоверные свидѣтели передавали намъ, что разрывъ, столь горячо желанный всѣми друзьями короля, произошелъ въслѣдствіе сабдушаго разговора.

Изложивъ настоящее положеніе дѣлъ, король сказалъ:

„Вы видите, господа, дѣло запутывается. Что намъ дѣлать? Распустить ли національную гвардію, или согласиться на реформы, которыхъ она требуетъ, или же наконецъ велѣть стрѣлять по ней?“

— Мы еще не доведены до подобныхъ крайностей.

„Такъ вы думаете, что можно безъ уступокъ усмирить возстаніе?“

— Мы надѣмся на это; но надежда эта не есть еще увѣренность.

„А если вы не увѣрены, то это значить, что дѣло очень плохо!“

— Ваше величество не довѣряете намъ, кажется....

„Напротивъ, я вамъ вполне вѣрю. Но вы должны обсудить хорошенько, въ состояніи ли вы справиться съ обстоятельствами.“

— Изъ словъ вашего величества видно, что вы думаете совершенно иначе, и потому мы предлагаемъ вамъ поступить такъ, какъ вамъ будетъ угодно.

„Такъ вы думаете, что мнѣ слѣдуетъ послать за графомъ Моле?“

— Это совершенно въ вашей волѣ. Мы пойдемъ предупредить объ этомъ палаты.

По другому извѣстію, не менѣе достовѣрному, инициатива въ дѣлѣ распадѣнія кабинета принадлежитъ самому Гизо. Узнавъ изъ образа дѣйствій національной гвардіи, что неудовольствіе ея относилось исключительно къ министрамъ, онъ самъ вмѣстѣ съ Дюшателемъ явился къ королю и представилъ ему отъ своего имени и отъ имени всѣхъ своихъ товарищей просьбу объ отставкѣ. При этомъ, говорятъ, онъ прибавилъ: „Сегодня падаетъ министерство, а чрезъ два дня тоже самое будетъ грозить монархіи.“

Которому изъ этихъ двухъ разсказовъ слѣдуетъ вѣрить? Характеръ Гизо, его упорство до послѣдней минуты, его протестаціи послѣ паденія, заставляють думать, что второе извѣстіе невѣрно. Вѣроятно же всего то, что король, отъ души желая удаленія министровъ, въ то же время затруднялся — какъ предложить имъ отставку. Но наконецъ онъ намекнулъ Гизо о своемъ желаніи, такъ что тому не оставалось ничего болѣе, какъ самому предложить свою отставку. Во всемъ этомъ происшествіи встрѣчается много подобныхъ недоразумѣній; дѣло исторіи обратить на нихъ вниманіе. Вотъ почему я считалъ долгомъ собрать всѣ свѣдѣнія по этому предмету, даже самыя противорѣчащія, и излагаю ихъ, чтобы показать свое стараніе добиться истины.

XXIII.

Въ обычный часъ засѣданіе палаты депутатовъ открылось съ обыкновенной церемоніей; но собраніе состояло только

изъ президента, бюро и нѣсколькихъ лицъ, неимѣющихъ права голоса. Многіе приходили на хоры, прочитывали листы газетъ, и снова уходили узнавать новости. Большею частью это были Бордосцы или нѣкоторые экономисты, добивавшіеся какъ для себя, такъ и для избирателей Жиронды привилегіи Бордосскаго банка. Даже въ этой партіи, поглощенной исключительно своими личными интересами, замѣтно было сильное волненіе.

Вѣсъ палаты волненіе было чрезвычайно сильно; спорамъ и толкамъ не было конца; группы людей поминутно собирались и расходились. Вокругъ cadaго вновь прибывшаго человека собиралась любопытная толпа, съ жадностью слушающая новости и потомъ комментировавшая ихъ по своему. Безпрерывно шли толки о происшествіяхъ того утра, о соедѣнихъ баррикадахъ, о стычкахъ въ центрѣ Парижа, о борьбѣ народа съ муниципальной гвардіей, о демонстраціяхъ національной гвардіи, о впечатлѣніи, которое производили на войска радостныя привѣтствія народа. Все это различнымъ образомъ дѣйствовало на публику: одни проникались гнѣвомъ и ненавистью, другіе просто трусили. Но вдругъ все поблѣднѣло, голоса смолкли, каждый съ ужасомъ прислушивался къ страшному треску, который раздавался по всей палатѣ. Все, которые были посмѣлѣе, бросились развѣдывать о причинѣ шума; трусливые остались на мѣстѣ. А дѣло между тѣмъ было очень просто: тяжелая дверь, украшенная бронзой, хлопнула отъ вѣтра съ грохотомъ, похожимъ на залпъ артиллеріи. Печальное и смѣшное предзнаменованіе для напуганнаго воображенія! —

Между тѣмъ депутаты Парижа, собравшись въ отдѣльной комнатѣ, толковали о томъ, чтобы спросить у министерства объясненія на счетъ положенія города и слишкомъ поздняго созванія національной гвардіи. Рѣшено было послать для объясненій Карно, но потомъ разсудили, что одно имя его, какъ человека извѣстнаго своею занавѣчи-

востью, произведеть дурное впечатлѣніе, и потому его замѣнили Вавеномъ, человѣкомъ не столь энергическимъ. Въ два часа Вавенъ взошелъ на трибуну, но едва онъ началъ говорить, какъ министръ юстиціи Геберъ попросилъ его отложить свою рѣчь до прибытія президента совѣта и министра внутреннихъ дѣлъ, задержанныхъ обстоятельствами внѣ палаты. И такъ засѣданіе было снова отложено, а къ министрамъ былъ посланъ въ Тюльери гонецъ, съ просьбою какъ можно скорѣе поспѣшить въ палату.

Въ это самое время произошла извѣстная уже намъ стычка между 10 и 4 легіонами національной гвардіи. Все это происшествіе, чуть не завязавшаяся битва предъ самымъ дворцомъ Бурбоновъ, вмѣшательство депутатовъ, — глубоко потрясло присутствующихъ. Всѣ были еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой сцены, когда засѣданіе снова возобновилось въ 3 часа. Среди всеобщаго, глубокаго молчанія, Вавенъ взошелъ на трибуну и предложилъ извѣстные уже вопросы.

Выслушавъ ихъ, Гизо всталъ и отвѣтилъ, что возбуждать подобныя вопросы вовсе неумѣстно и не согласно съ интересами общества. Потомъ онъ продолжалъ такъ:

„Его величество сію минуту потребовалъ къ себѣ графа Моле, чтобы поручить ему....“ При этихъ словахъ со скамей оппозиціи загремѣли самыя неистовыя рукоплесканія, самыя восторженныя „браво“ и крики торжества. Прерванный на нѣсколько минутъ этимъ шумомъ, Гизо продолжалъ: „Меня прервали, но это нисколько не заставитъ меня измѣнить свою рѣчь (общее одобреніе). Король потребовалъ къ себѣ графа Моле, чтобы поручить ему составить новый кабинетъ. Но до тѣхъ поръ, пока дѣла находятся въ распоряженіи нынѣшняго кабинета, онъ останется вѣренъ своей совѣсти, будетъ поддерживать порядокъ, заставить уважать законы, однимъ словомъ, будетъ поступать такъ, какъ поступалъ до сихъ поръ (очень хорошо! очень хорошо!)“.

Едва министр замолчалъ, какъ поднялся страшный шумъ, и самые горячіе изъ его друзей бросились къ нему, чтобы пожать ему руку. Другіе въ гордомъ сожалѣніи разразились оскорбленіями, направленными противъ членовъ оппозиціи. Оскорбленія скоро перешли въ ругательства. „Это подло! это безчестно!“ кричали самые горячіе. Напрасно президентъ старался возстановить спокойствіе; напрасно приглашалъ депутатовъ, толпившихся на эстрадѣ, занять свои мѣста. Никто не слушалъ его. „Нѣтъ! нѣтъ! кричали самые изступленные. Пойдемъ къ королю! повторяли сотни голосовъ. Закрывайте засѣданіе, г. президентъ!“ кричали другіе! „Сей часъ, отвѣчалъ президентъ, но прежде позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ.“

Въ эту минуту Кремль потребовалъ предъявленія адреса національной гвардіи, врученнаго ему, Мари, Бомону-де-ла Сомъ и другимъ депутатамъ. Но слова его были заглушены громкими восклицаніями, выражавшими гнѣвъ и презрѣніе.

Тогда Барро выступилъ съ предложеніемъ отложить на завтра обсужденіе въ палатѣ обвинительнаго акта противъ министерства. Дюпенъ старшій подтвердилъ эту мысль, съ цѣлью, какъ говорилъ онъ, не раздражать умовъ, и безъ того раздраженныхъ. Но Гизо не соглашался. „Правительство, сказалъ онъ, имѣетъ свои права и преимущества, которыя должны быть свято уважаемы; и до тѣхъ поръ пока существуетъ теперешній кабинетъ, до тѣхъ поръ, пока онъ засѣдаетъ на этихъ скамьяхъ, никакое дѣло особенной государственной важности не будетъ отложено.“

И такъ настоящій порядокъ былъ поддержанъ. Этотъ послѣдній актъ монархическаго парламента заключался въ слѣдующемъ.

„Въ часъ, собраніе въ бюро.

„Разсмотрѣніе двухъ предложеній.

„Въ 3 часа, открытое засѣданіе: обсужденіе закона относительно привилегій Бордосскаго банка.“

Мы не знаемъ, слѣдуетъ ли удивляться величію такой рѣшимости Гизо, или видѣть въ ней только оскорбленное самолюбіе. Какъ бы то ни было, по въ первыхъ словахъ министра слышалось болѣе горечи противъ короля, чѣмъ даже противъ оппозиціи. Въ этомъ напомниманіи о почтеніи къ правительству слышится кровавый упрекъ. Осторожность можетъ быть эгоистическая, но чрезвычайно ловкая, указывавшая на то, что не кабинетъ оставилъ короля, а король самъ покинулъ его. На своей скамьѣ навицій министръ былъ еще чистосердечнѣе: когда стали упрекать его въ паденіи, называя это паденіе побѣгомъ, онъ безъ всякихъ увертокъ отвѣчалъ, что онъ долженъ былъ уступить волѣ короля. Нѣкоторыхъ это привело въ отчаяніе, другіе, болѣе благоразумные, удалились, не сказавъ ни слова.

Депутаты оппозиціи разошлись по всему Парижу. Министры отирались въ Тюльери.

XXIV.

Палата перовъ должна была пасть, какъ и палата депутатовъ, вслѣдствіе своего безсилія и непредъусмотрительности. Она тоже считала дѣломъ чести — не признавать опасности, чтобы не брать на себя труда отвращать ее.

Съ открытіемъ засѣданія, графъ Альтонъ-Се предложилъ вопросъ о настоящемъ положеніи столицы, о печальныхъ столкновеніяхъ, грозившихъ все болѣею и болѣею опасностью. Вопросъ этотъ, поддерживаемый еще двумя членами, былъ предложенъ на обсужденіе большинствомъ голосовъ, но потомъ отвергнутъ. Но Бюсси опять поднялъ его. „Такъ какъ, сказалъ онъ, вчера въ разныхъ мѣстахъ Парижа лилась кровь, такъ какъ сегодня городу нашему грозитъ

пожаръ и смерть, смерть отъ 60-ти пушекъ, заряженныхъ на половину картечью, а на половину ядрами (ропотъ), пожаръ и раззореніе отъ 40 петардъ, наскоро перевезенныхъ изъ Венсена въ Военное училище.....“ Ропотъ, нетерпѣливо сдерживаемый въ продолженіе всей его рѣчи, при послѣднихъ словахъ разразился съ страшной силой. Ораторъ хотѣлъ продолжать, но голосъ его потерялся среди криковъ „тише! тише!“ Онъ протестовалъ, но крики еще болѣе усилились. Кандлеръ просилъ его замолчать, но онъ сталъ объясняться; объясненія вызвали ругательства, на которыя Буасси отвѣчалъ полнымъ презрѣніемъ. Но, рѣшившись отстаивать дѣло до конца, онъ безъ всякихъ подробностей потребовалъ объясненія. Альтонъ-Се поддержалъ его; недоставало еще одного голоса, но въ палатѣ перовъ не нашлось его. Затѣмъ, какъ будто случай этотъ былъ обыкновенной выходкой человѣка не въ своемъ умѣ, палата спокойно перешла къ обсужденію закона о закладахъ и къ дѣламъ Американскихъ колоній. Говорили Бенъ, Пасси, Дюпенъ и адмиралъ Мако; но по случаю болѣзни морскаго министра рѣшеніе этихъ вопросовъ отложено было до слѣдующаго дня.

Въ эту минуту пробило 3 часа. Перы окончили послѣдній актъ своей исторіи; этотъ часъ былъ послѣднимъ часомъ ихъ существованія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Наде́ине Гизо улу́чаетъ положеніе дѣлъ; общая радость въ Парижѣ.—Оппозиція не вѣритъ, чтобы Моле могъ содѣйствовать реформѣ.—Двусмысленное положеніе: правительство оставляетъ вооруженныя войска на прежнихъ мѣстахъ; оно не отдаетъ никакихъ новыхъ приказаній, оставляетъ въ совершенной неизвѣстности Сенскаго и полицейскаго префектовъ, главный штабъ національной гвардіи и корпусныхъ командировъ; оно не говоритъ ничто ни народу, ни національной гвардіи; опасность такого положенія.—Освобожденіе плѣнныхъ. — Драматическія сцены въ улицѣ Bourg l'Abbé. — Различные эпизоды: случай въ складочномъ мѣстѣ вилы, въ академіи искусствъ и ремеслъ, въ полицейской префектурѣ. — Моле требуютъ въ Тюльери; при выѣздѣ его изъ дому, толпа останавливаетъ его карету и требуетъ ее для баррикады; свиданіе Моле съ королемъ. — Министры подають въ отставку. — Обѣды въ Тюльери, въ главномъ штабѣ національной гвардіи, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Попытки Моле у Ремюза, Дюфора, Пасси, Бильо и Тьера; отвѣтъ Тьера. — Моле отправляется къ Ремюзу; ихъ разговоръ. — Моле ѣдетъ къ Тьеру; совѣщаніе между ними. — Собраніе у Одилона Барро: пренія объ образѣхъ дѣйствій, котораго слѣдуетъ придерживаться; эти пренія прерываются прибытіемъ толпы народа, ворвавшейся во дворъ; рѣчи Барро и Гарнье-Пажеса; толпа удаляется; засѣданіе возобновляется, но его снова прерываетъ взрывъ на капуцинскомъ бульварѣ, передъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; причины взрыва; распоряженія, сдѣланныя для защиты отеля; на площади Royale, передъ домомъ мера 8-го округа, составляется колонна изъ національной гвардіи и народа; свободный проходъ ея между войсками, расположенными по бульварамъ; она останавливается у редакціи National, гдѣ Маррастъ говоритъ ей нѣсколько словъ, потомъ продолжаетъ свой путь къ министерству иностранныхъ дѣлъ, гдѣ встрѣчаетъ войска, заграждающія ей дорогу; невозможность отступленія; солдаты сражаются; первые выстрѣлы; убитые и раненые; страшная сцена.—Истина проясняется на самомъ мѣстѣ происшествія; объявленіе объ этомъ происшествіи, напечатанное въ Moniteur; тѣла убитыхъ складываютъ на телегу и везутъ въ редакцію National; рѣчь Гарнье-Па-

жеса; телегу съ убитыми везутъ дальше, останавливаютъ у редакціи la Réforme и наконецъ достигаютъ 4-го округа, гдѣ и оставляютъ тѣла убитыхъ. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ происшествіемъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, на короля и гр. Моле; общее состояніе умовъ въ главномъ штабѣ, у Барро, въ цѣломъ Парижѣ. — Новыя приготовленія къ борьбѣ; битвы возобновляются.

I.

Паденіе Гизо было окончательно рѣшено. Приверженцы двора, изъ преданности къ королю или, можетъ быть, изъ собственныхъ расчетовъ, снѣшили разгласить объ этомъ. Монталиве прискакалъ верхомъ къ своему легіону и просилъ его какъ можно скорѣе объѣхать городъ и объявлять вездѣ, что король рѣшился перемѣнить министерство и согласился на благоразумныя реформы. Подчиненные Монталиве съ полною готовностью поспѣшили исполнить его порученіе.

Новость эта была съ восторгомъ принята въ главномъ штабѣ; только немногіе видѣли въ этомъ печальную, вынужденную уступку, но большинство было чрезвычайно довольно. Положеніе дѣлъ тяготило всѣхъ; съ каждой минутой оно становилось хуже и хуже. „Солдаты начинали уставать; имъ надоѣла борьба, дурно веденная, безсильная противъ баррикадъ, которыя безпрерывно уничтожались и снова появлялись. Погода была мрачная; холодный дождикъ ледянилъ душу и тѣло; неисправная раздача провіанта не могло подкрѣплять ослабѣвшія силы истощенныхъ солдатъ, получавшихъ помощь лишь отъ народа, того самаго народа, противъ котораго заставляли ихъ сражаться. Постоянныя манифестаціи національной гвардіи волновали солдатъ; вяло, съ видимымъ отвращеніемъ повиновались они приказаніямъ, отдаваемымъ робко, безъ энергіи. Даже генералы подчинились общему состоянію духа. Сомнѣваясь въ искусствѣ своихъ главныхъ начальниковъ, они въ то же время не надѣялись на вѣрность подчиненныхъ. Многіе изъ нихъ открыто жаловались на без-

выходность своего положенія, на противорѣчивыя распоряженія, на слабость и анархію, проявившуюся на каждомъ шагѣ въ верховной власти.“

Въ городѣ наденіе министерства произвело живую и почти всеобщую радость. Какъ всегда бываетъ при сильныхъ кризисахъ, самыя разнообразныя чувства и противоположныя убѣжденія слились въ одно общее чувство. Нѣкоторые видѣли въ паденіи министерства униженіе короля, другіе—спасеніе монархической власти. Одни радовались побѣдѣ, такъ легко доставшейся, другихъ восхищало то, что дѣло обошлось безъ большаго кровопролитія. Реформисты поздравляли себя съ полнымъ успѣхомъ. Консерваторы, за исключеніемъ очень не многихъ, радовались, что цѣною нѣсколькихъ уступокъ искупалось спасеніе цѣлой страны. На всѣхъ перемѣна министерства произвела самое благопріятное впечатлѣніе. Даже люди совершенно хладнокровные ко всему радовались ей, какъ новости. Однимъ словомъ, восторгъ былъ всеобщій, и во многихъ мѣстахъ раздавались крики: „Vive le Roi!“

II.

Однако къ общей радости скоро примѣшалось и безпокойство. Явился вопросъ — каковы будутъ результаты побѣды? Въ какія руки попадетъ дѣло? Кто наслѣдуетъ ненавистнымъ министрамъ? Графъ Моле съ нѣсколькими депутатами средней партіи? Но вѣдь Моле — представитель консерватизма. Система его правленія состоитъ въ томъ, чтобы давить государство внутри, и быть слабымъ извнѣ. И изъ за такого пустаго выигрыша нація предприняла страшную борьбу! Всѣ эти труды, усилія, манифестаціи, столько жертвъ, столько пролитой крови — все это изъ за того, чтобы замѣнить Гизо графомъ Моле, который такъ недавно, еще въ 1839 году, самъ палъ подъ ударами парламентской коали-

ціи, душею и двигателемъ которой былъ Гизо. Нѣтъ! такого печальнаго исхода дѣла допустить нельзя; это значитъ дать одурачить себя, опутать, покрыть стыдомъ.

Разсужденія эти распространялись съ быстротою молніи. Сначала вѣсти изъ Тюльери принимались съ удовольствіемъ, но мало по малу при имени Моле сталъ подниматься ропотъ. Карно говорилъ о всеобщемъ неудовольствіи въ 6 округѣ, котораго онъ былъ представителемъ. Гарнье-Пажесъ и Люно, побывавшіе въ разныхъ частяхъ города, подтверждали тоже самое. Въ особенности обнаруживалось неудовольствіе въ редакціяхъ оппозиціонныхъ журналовъ: „Siècle“, „Courrier Français“, „la Démocratie pacifique“, „National“, „la Réforme“. Сюда со всѣхъ сторонъ стекались посѣтители, журналисты, писатели; сюда приходили посланные отъ тѣхъ, которые со вчерашняго дня не переставали драться на баррикадахъ. Вся эта энергическая часть народонаселенія отвергала реформы, обѣщанныя именемъ Моле, находя ихъ слишкомъ недостаточными, и клялась, что не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не добьется существенныхъ и серьезныхъ гарантій общеннаго спокойствія. Однако борьба все таки прекратилась на всѣхъ пунктахъ. Если возвышеніе Моле, еще впрочемъ сомнительное, и не могло совершенно укротить волненія, то довольно было одного паденія Гизо, чтобы прекратить рѣзку.

Отсюда вышло то двусмысленное положеніе, не совсемъ понятое тогда и не разъясненное до сихъ поръ, которое скоро сдѣлалось безвыходнымъ. Намъ необходимо уяснить его, чтобы лучше понять послѣдующія событія, и потому я постараюсь сдѣлать это, по возможности кратко и ясно.

III.

Главной причиною мятежа была политика министерства, и потому съ паденіемъ его мятежъ самъ собою долженъ былъ

прекратиться. Обѣ воюющія стороны почувствовали это: народъ и войска положили оружіе. Борьба прекратилась.

Съ прекращеніемъ борьбы присутствіе войска становилось излишнимъ; мало того, — оно становилось опаснымъ. Что въ самомъ дѣлѣ могло быть неразуміе, какъ оставлять солдатъ въ совершенномъ бездѣйствіи среди народа, гдѣ на каждомъ шагѣ представлялась имъ тысяча искушеній, гдѣ ежеминутно могло вспыхнуть волненіе? среди народа, ставшаго въ самое неопредѣленное положеніе, которое вдругъ, какъ бы отъ электрическаго удара, могло принять совершенно другой характеръ! И что оставалось дѣлать войску? Грубо отвергнуть симпатію народа, которую тотъ такъ явно выражалъ ему? Употреблять силу? Но вѣдь было-бы совершенно безумно силою защищать министерство, покинутое самимъ королемъ! Принять дружбу народа, т. е. сойтись съ недавними врагами, раздѣлять съ нимъ чувства, волнующія весь городъ? Но какимъ образомъ возобновить тогда войну, въ случаѣ, когда она сдѣлается необходимою?

Правительство не поняло всего этого. Вѣсто того, чтобы предоставить заботу о водвореніи порядка и объ общественномъ спокойствіи національной гвардіи, которой нравственное вліяніе оставалось во всей силѣ, оно оставило войска на улицахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, правда, вспыхивали безпорядки, но во всякомъ случаѣ присутствіемъ войскъ нельзя было успокоить недовѣріе народа, потому что онъ считалъ ихъ уже совершенно ненужными, и потому видѣлъ что-то враждебное въ занятіи ими города.

Впрочемъ правительство не приняло никакихъ серьезныхъ предосторожностей. Прекращеніе войны давало ему возможность сосредоточить войска на стратегическихъ пунктахъ, собрать разсыянные въ разныхъ мѣстахъ небольшіе караулы, необходимые во время бунта, но совершенно излишніе въ мирное время. Можно было окружить каждый отрядъ войска

національної гвардіей, и, отдаливъ ихъ такимъ образомъ одинъ отъ другаго, лишить тѣмъ возможности сговариваться. Ничего этого не было сдѣлано. Гизо съ трибуны объявилъ, что онъ будетъ управлять до времени, а на дѣлѣ не было видно никакого управленія. Нигдѣ не замѣтно было жизни. Сенская префектура ни о чемъ не знала. Полицейская префектура, не получая никакихъ приказаній сама не смѣла дѣлать сколько нибудь важныхъ распоряженій. Въ главномъ штабѣ, герцога Немурскій, герцогъ Монпансье и генералы прислушивались къ каждой новости и въ тревожномъ недоумѣніи не знали что дѣлать — продолжать войну, или заключить миръ. Главный начальникъ національной гвардіи, потерявшій, вслѣдствіе своего безумнаго ослѣпленія, всякое нравственное вліяніе, считался ни во что. Всякій оставлялъ дѣло на произволъ судьбы; корпусные командиры, оставленные съ войскомъ посреди города, безъ всякихъ инструкцій, не знали что дѣлать съ своими солдатами, какъ держать себя въ отношеніи къ народу, пробудить вражду котораго было чрезвычайно легко: стоило только не внушить ему къ себѣ довѣрія.

Да и въ отношеніи къ самому народу не сдѣлано было ничего, чтобы успокоить его, чтобы заставить его выпустить изъ рукъ оружіе? До сихъ поръ онъ зналъ объ уступкахъ короля только изъ словъ нѣсколькихъ приближенныхъ его. Но публичнаго, формальнаго заявленія со стороны короля не было. Народу бросили имя Моле, какъ обѣщаніе реформы, но этого было слишкомъ мало. Благоразуміе и честь требовали большаго. Чтобы подавить зараждавшееся снова подозрѣніе, нужно было издать прокламацію къ парижскому народу или къ національной гвардіи, прокламацію твердую, краткую и ясную. Но ничего подобнаго не было сдѣлано.

IV.

Можетъ ли положеніе дѣлъ быть болѣе ложнымъ и даже болѣе опаснымъ? Однако народъ сначала ничего не требовалъ для себя, кромѣ освобожденія плѣнныхъ. Ничего не могло быть логичнѣе и естественнѣе этого: такъ какъ король самъ согласился на реформу, то этимъ самымъ оправдывалъ тѣхъ, кто желалъ ее.

Въ 3 часа, у Сент-Денискихъ воротъ, лишь только генералъ Гарробъ возвѣстилъ народу о паденіи министерства, студентъ Пиль потребовалъ освобожденія плѣнныхъ, задержанныхъ въ постѣ Bonne-Nouvelle. Не имѣя на этотъ счетъ никакого распоряженія, но сознавая всю справедливость подобнаго требованія, генералъ не зналъ, на что рѣшиться. Тогда народъ бросился къ кордегардіи, подставилъ лѣстницу, взобрался на стѣны и освободилъ плѣнныхъ. Войско, съ оружіемъ въ рукахъ, неподвижно смотрѣло на это.

Носились слухи, что Бастильскій постъ былъ полонъ арестантовъ, и потому офицеры 8-го легіона рѣшились послать одного изъ среды себя, чтобы потребовать ихъ освобожденія. Выборъ палъ на Серсейя. Свободно прошелъ онъ всю площадь, уставленную войсками и вошелъ въ кордегардію. Но тамъ плѣнниковъ не оказалось, и народъ бросился искать ихъ повсюду; миролюбивое расположеніе солдатъ открыло ему доступъ во всѣ посты, кордегардіи и казармы, и черезъ нѣсколько часовъ всѣ плѣнники были свободны.

V.

Такимъ образомъ война прекращалась на всѣхъ пунктахъ, но взаимное раздраженіе народа и муниципальной гвардіи едва не нарушило начавшагося спокойствія. Со вчерашняго

дня не переставали драться въ улицѣ Bourg-l'Abbé. Поминутно отбиваемый народъ снова возвращался и нападалъ еще съ большею силой. Вчерашнее убійство беззащитнаго юноши, другіе убитые, множество раненыхъ, отчаянное сопротивленіе, наконецъ убѣжденіе муниципальныхъ гвардейцевъ въ томъ, что они погибнуть, если допустятъ народу одержать верхъ, — все это доводило борьбу до высшей степени ожесточенія.

Но вотъ прибѣжали нѣсколько молодыхъ людей; махая платками, они объявили о мирѣ. Въ одну минуту битва прекратилась, взаимное раздраженіе утихло. Народъ вдругъ почувствовалъ сожалѣніе къ изнуреннымъ солдатамъ, которые со вчерашняго дня дрались ничего не ѣвши. Всѣ поспѣшили за виномъ и провизіей и усердно предлагали ее тѣмъ, кого за минуту готовы были разтерзать. Все шло хорошо. Но тѣ изъ жителей, которые во время бунта сидѣли запершись въ своихъ домахъ, теперь вышли на улицу и потребовали, чтобы свободный пропускъ дозволялся только тѣмъ, кто шелъ по одиночкѣ. Возможно ли было допустить это, когда за однимъ прохожимъ неизбѣжно шелъ другой, третій; они останавливаются, толкуютъ другъ съ другомъ, сходятся въ кучки, и вотъ опять толпа. Вотъ почему муниципальные гвардейцы рѣшились опять занять улицы и проходы.

Но эта благоразумная мѣра была принята за насиліе: гвардейцевъ заподозрили въ желаніи снова завязать драку. Опять поднялся шумъ, народъ разгорячился и столпился. Гвардейцы старались отбросить народъ, но встрѣтили упорное сопротивленіе; они схватили нѣкоторыхъ изъ толпы, нашли у нихъ подъ платьемъ оружіе и увели. Народъ съ страшными угрозами сталъ требовать ихъ освобожденія. Неизбѣжная гибель ожидала солдатъ: ихъ было только 85 человекъ противъ массы въ четверо сильнѣйшей и постоянно увеличивавшейся. Помощи не было ни откуда. Посланный къ нимъ отрядъ изъ 30 человекъ былъ остановленъ по дорогѣ однимъ

штабъ-офицеромъ и обращенъ въ улицы Saint Martin, Royale и Fregillon. Командовавшій отрядомъ, лейтенантъ Дюпуэ убѣдился въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія и послалъ увѣдомить префекта полиціи о страшной опасности своего положенія. Посланный возвратился безъ всякаго отвѣта. Онъ послалъ въ другой разъ, и опять напрасно. Несчастные увидѣли себя совершенно покинутыми. Что оставалось имъ дѣлать? Тупое и жестокое равнодушіе правительства давало имъ право уступить, но чувство долга было въ нихъ сильнѣе. Они рѣшились защищаться до конца и, забравъ плѣнныхъ, ушли въ домъ Ленажа. Еще не много, и началось бы страшное кровопролитіе, но явились парламентары и предложили выдачу плѣнныхъ, какъ единственное средство укротить толпу. Офицеры согласились и плѣнникамъ дана была свобода, при громкихъ крикахъ „Vivat!“

Но это были крики торжества, а не благодарности. Народъ сдѣлался еще смѣлѣе. Онъ потребовалъ изъ магазина Ленажа пороху. Пороху оказалось мало, и онъ потребовалъ оружія. Тогда лейтенантъ Дюпуэ, видя себя окончательно обреченнымъ на жертву, рѣшился на отчаянное средство для своего спасенія. Раздѣливъ свой отрядъ на двѣ колонны, онъ быстро вышелъ съ одной колонной изъ дому, и съ опущенными съ двухъ сторонъ штыками кинулся на толпу. Ошеломленный этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, народъ кинулся назадъ; но минутное изумленіе его перешло въ страшную ярость, еще болѣе разгорѣвшуюся отъ стыда за отступленіе. Не смотря на грозную осанку солдатъ, бѣжавшіе воротились и снова напали. Наступала ночь, картина становилась мрачною, ужасающею. Опять началась отчаянная схватка, но въ это время послышался барабанный бой, возвѣстившій прибытіе мера 6-го округа, Котеля, командира легіона, полковника Гуссона и подполковника Карбо съ офицерами и 50 гренадерами.

Національная гвардія въ одно и то же время служила защитою для муниципальной гвардіи и подкрѣпленіемъ для народа. Въ самомъ дѣлѣ, прибывъ на мѣсто сраженія, Котель обратился съ упреками къ командиру поста за его неуступчивость, представляя ему все ужасныя ея послѣдствія, и убѣдилъ его укрыться со всеми подчиненными въ домъ Лепажы. Офицеры національной гвардіи послѣдовали за ними, поручивъ своимъ солдатамъ защищать входъ. Но едва народъ увидѣлъ себя свободнымъ, какъ опять бросился къ дверямъ. Давка сдѣлалась страшною, задніе ряды тѣснили передніе, не было никакой возможности удержать народъ. Напрасно солдаты національной гвардіи, цѣпляясь за все неровности стѣнъ, старались удержать народъ силою своихъ рукъ; напрасно они просили, уговаривали его. Стремительный потокъ увлекъ ихъ за собою, всякое сопротивленіе сдѣлалось невозможнымъ. Дверь задрожала отъ ударовъ нападающихъ, которые грозили пожаромъ и смертію. „Довольно трусить! закричали муниципальные гвардейцы, мы не позволимъ перерѣзать себя какъ стадо барановъ!“ и стали готовиться къ отчаянному нападенію. Офицеры и меръ съ благороднымъ мужествомъ продолжали высокое дѣло человѣколюбія: они бросились между солдатами и народомъ. Въ это время Котель предложилъ начальнику поста пойти самому въ префектуру полиціи, чтобы узнать, что ему дѣлать. Тотъ согласился, но такъ какъ сквозь толпу невозможно было пробраться, то его спустили по веревкѣ въ другую улицу. Онъ побѣждалъ и скоро возвратился съ отвѣтомъ, что префектъ полиціи не соглашается на сдачу солдатъ, но заранѣе одобряетъ все, что будетъ сдѣлано начальникомъ для спасенія своего отряда. Послѣдняя поддержка ихъ, небольшое число солдатъ 7-го легкаго полка исчезла; ихъ увлекла за собою толпа, не сдѣлавъ пмъ впрочемъ ничего худаго. Остались одни офицеры національной гвардіи, неустрашимые, но лишенные всякой возможности сдѣ-

лать что нибудь. Народъ, раздраженный сопротивленіемъ, которое считалъ для себя оскорбительнымъ, гордый своею многочисленностью, подстрекаемый необузданными страстями, всею массою своей кинулся на единственную преграду, отдѣлявшую его отъ его жертвъ. Дверь подалась, заблестѣли огни факеловъ. Напрасно всѣ офицеры, напрасно Этьеннъ Араго и друзья его употребляли геройскія усилія: катастрофа была неизбежна. Но въ это самое время солдаты муниципальной гвардіи, чувствуя, что они сдѣлали больше, чѣмъ требовалъ ихъ долгъ, рѣшились наконецъ уступить предъ такимъ превосходствомъ силъ.

Но при такой суматохѣ правильная капитуляція была невозможна; если бы солдаты показались на улицу въ боевомъ порядкѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, то это было бы новымъ вызовомъ къ сраженію, и потому рѣшили устроить такъ, чтобы каждый гвардеецъ вышелъ съ двумя офицерами національной гвардіи. Прежде всѣхъ показался старый воинъ, вахмистръ Вердье. Вѣрный чести и долгу солдата, онъ ни за что не согласился отдать свое оружіе. Одной рукой онъ опирался на Этьенна Араго, другой на офицера національной гвардіи. Толпа раздалась и они быстро прошли. Но едва они вышли на улицу, какъ одинъ 15-ти лѣтній мальчикъ бросился къ нимъ съ пистолетомъ въ рукахъ и выстрѣлилъ въ несчастнаго бригадира, въ глазахъ его покровителей, обезумѣвшихъ отъ ужаса и негодованія. Это вѣроломство поразило всѣхъ; ужасъ заступилъ мѣсто негодованія. Спасаящіеся догадались воспользоваться минутой общаго оцѣпененія и поспѣшили ускорить ретираду, среди толпы, грозныя страсти которой ежеминутно могли вспыхнуть снова. Оставалось только два офицера, тѣ самые, которыхъ болѣе всего упрекали въ кровопролитіи. Гуссонъ, Карбо и друзья ихъ упрашивали народъ пропустить ихъ, но толпа все болѣе и болѣе сгущалась. Тогда Этьеннъ Араго еще разъ рѣшился на самопожерт-

твованіе. Онъ вывелъ за руку лейтенанта Бувье, окруженнаго офицерами національной гвардіи. За нимъ бросились все, но лейтенантъ Дюнуэ, смятый въ толпѣ, не успѣлъ выйти. Полковникъ толкнулъ его въ комнату, заперъ дверь, самъ сталъ на порогъ и послѣ двухъ-часовыхъ нечеловѣческихъ усилій, успѣлъ проводить его здороваго и невредимаго въ полицейскую префектуру.

Къ этому же пункту направились и остальные муниципальные гвардейцы въ сопровожденіи офицеровъ національной гвардіи. На пути присоединились къ нимъ отрядъ 1-го легкаго и взводъ 7-го кирасирскаго полка, слишкомъ поздно посланные къ нимъ на помощь и не могшіе добраться до дома Лепаж. Несмотря на этотъ конвой, свирѣпшія толпы поминутно нападали на нихъ, такъ что они принуждены были идти окольными дорогами и только въ 9 ч. вечера пришли въ городскую думу въ самомъ жалкомъ видѣ, но все таки не потерявъ ни одного челоуѣка, кромѣ несчастнаго вахмистра Вердье.

VI.

Въ то-же самое время, на трехъ другихъ пунктахъ происходили подобныя событія, къ счастью впрочемъ не столь важныя.

Складочное мѣсто винъ въ кварталѣ Сентъ-Викторъ было, какъ и домъ Лепаж, поручено охраненію роты муниципальной гвардіи. Застигнутый сильнымъ отрядомъ инсургентовъ, маленькій гарнизонъ заперъ рѣшетки и укрылся въ своемъ постѣ, надъ дверью котораго развѣвалось знамя. Одинъ изъ осаждающихъ взобрался на рѣшетку, чтобы овладѣть этимъ знаменемъ. Не зная, что дѣлается въ городѣ, не получая ни приказаній, ни даже продовольствія, муниципальные гвардейцы вообразили себя въ большой опасности и открыли огонь

изъ бойницъ. Нѣсколько человѣкъ пали, убитые и раненые, остальные разбѣжались съ криками негодованія за такое измѣнническое нарушеніе перемирія, и разнесли по всему лѣвому берегу Сены вѣсть объ этомъ вѣроломствѣ.

У академіи искусствъ и ремеселъ стояли двѣ роты 15-го линейнаго, подѣ начальствомъ капитана Барбье. Въ подкрѣпленіе имъ прибыла рота 1-го легкаго и часть 6-го баталіона пѣшихъ стрѣлковъ съ капитаномъ Дегранжъ, который по праву старшинства принялъ начальство надъ всѣмъ отрядомъ. Около 5 часовъ огромная толпа народа окружила этотъ небольшой отрядъ и принудила его укрыться въ первомъ дворѣ. Осаждающіе тотчасъ приступили къ наружной двери и высадили ее. Гарнизонъ скрылся во второй дворъ; но такъ какъ ни что не можетъ противиться усиліямъ парижской черни, то и вторая дверь испытала ту же участь. Укрывшись въ третьемъ дворѣ, но видя, что и тамъ ему грозитъ опасность, командиръ отряда рѣшился очистить позицію. Нельзя не похвалить благоразумной рѣшимости храбраго капитана, который въ самомъ затруднительномъ обстоятельствѣ сумѣлъ избѣжать двойной отвѣтственности, и не рѣшился ни положить оружіе, ни, безъ формальнаго приказанія, пролить кровь согражданъ.

У префектуры полиціи находились сильные отряды муниципальной гвардіи, два эскадрона драгунъ, рота орлеанскихъ стрѣлковъ и три роты 14-го линейнаго. Префектъ полиціи, которому со всѣхъ сторонъ твердили о возможности нападенія, приказалъ держать самые строгіе караулы и энергически отбивать всякую попытку. Около 8 часовъ вечера на площади Шателе появилась довольно значительная толпа народа. Нѣкоторые изъ нихъ были вооружены, большая же часть была съ факелами и пѣла хоры жирондистовъ. При свѣтѣ факеловъ, солдаты увидали оружіе, и, считая дѣло опаснымъ, сдѣлали залпъ. Имъ отвѣтили нѣсколькими вы-

стрѣлами, но выступившая кавалерія стремительнымъ натискомъ заставила народъ отступить и разсѣяться по ближнимъ улицамъ.

Таково было положеніе столицы къ концу этого дня. Король лукавилъ, народъ принималъ уступки его съ видимымъ недовѣріемъ. Съ обѣихъ сторонъ спорящіе стояли съ оружіемъ въ рукахъ. Много ли нужно было, чтобы зажечь страшный пожаръ? Для этого достаточно было одной искры. Конечно, нельзя положительно утверждать, что распушеніе войскъ могло совершенно устранить опасность, но все таки это было бы во сто разъ лучше, чѣмъ держать ихъ въ глазахъ народа. Можно по крайней мѣрѣ сказать положительно, что если бы Люи-Филиппъ, твердо и честно обсудивъ свое положеніе, распустилъ своихъ министровъ безъ тайной надежды снова собрать ихъ, если бы онъ составилъ министерство изъ членовъ оппозиціи, если бы наконецъ онъ изложилъ все эти мѣры въ прокламаціи, подписанной имъ самимъ или кѣмъ нибудь другимъ, имя котораго пользовалось довѣріемъ, то въ Парижѣ не было бы революціи 24-го февраля 1848 года.

VII.

Извѣстно уже, что Моле былъ потребованъ въ Тюльери. Ему сообщили это приказаніе короля въ то время, когда онъ вышелъ изъ палаты перовъ. Вслѣдствіе ли нерѣшительности или по другимъ причинамъ, графъ, вмѣсто того, чтобы отправиться прямо къ королю, поѣхалъ въ свою квартиру, въ улицѣ Faubourg Saint-Honoré. Спустя нѣсколько минутъ, онъ опять вышелъ изъ дому, какъ вдругъ толпа остановила его карету и потребовала ее для баррикады. Довольный тѣмъ, что нападающіе не обнаружили никакой непріязни къ его личности, Моле изъ этого дерзкаго поступка убѣдился въ трудности положенія дѣлъ, что произвело на него сильное впе-

чтлѣніе. Введенный въ кабинетъ короля, онъ засталъ его возлѣ окошка, въ которое онъ смотрѣлъ; но нельзя было не замѣтить, что король въ это время былъ занятъ весьма важными мыслями.

Поведеніе національной гвардіи болѣе всего озадачивало этого стараго короля. Въ волненіи народа не было ничего удивительнаго; но холодность и даже непріязненность буржуазіи, этого средняго класса народа, для котораго и благодаря которому онъ царствовалъ, — была для него страшною новостью, непонятной и смущавшей его умъ. „Это похоже на начало 20 іюня 1792 года,“ съ горечью сказалъ онъ вошедшему Моле. Далѣе онъ говорилъ, что министры, не будучи въ состояніи справиться съ обстоятельствами, сочли нужнымъ удалиться; что онъ одобряетъ ихъ рѣшимость; но что онъ вовсе не требовалъ отъ нихъ этого, а между тѣмъ Гизо, въ палатѣ депутатовъ, свалилъ на него всю отвѣтственность въ своей добровольной отставкѣ. Въ заключеніе онъ прибавилъ: „Теперь я разсчитываю на васъ.“ Моле отвѣтилъ, что онъ всегда готовъ служить королю и странѣ, но что его собственное положеніе мало гармонируетъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ; что онъ, прежде всего — консерваторъ, и, слѣдовательно, не можетъ присоединиться къ движенію, направленному столько же противъ консервативной партіи, какъ и противъ министровъ; что единственные люди, способные управлять этимъ движеніемъ — тѣ самые, которые возбудили его; поэтому онъ совѣтовалъ призвать Тьера и Одилона Барро. „Тьера! вскричалъ король; а что скажетъ на это Европа?“ — „Когда у кого нибудь горитъ домъ, то прежде чѣмъ заботиться о томъ, что скажетъ сосѣдъ, нужно стараться спасти его,“ отвѣтилъ Моле. Но король не хотѣлъ даже говорить о Тьерѣ. Оба они долго наставляли на своихъ убѣжденіяхъ. „Наконецъ, вскричалъ король, вы не откажете мнѣ увидѣться и поговорить объ этомъ съ Дюфоромъ, де-Ремюза, Билло

и Пасси?“ — „Такъ какъ этого желаетъ король, то я не могу отказать ему,“ отвѣтилъ Моле и вышелъ.

Нѣсколько минутъ спустя пришли министры. Король принялъ ихъ съ принужденнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнымъ видомъ. Онъ сожалѣлъ объ обстоятельствахъ, ставящихъ его въ необходимость дать имъ отставку. Гизо возразилъ, что король самъ требовалъ этой отставки. „Какъ бы то ни было, сказалъ король, я прошу васъ продолжать служить мнѣ.“ Министры увѣрили его въ своей преданности, и король съ видомъ сожалѣнія распрощался съ ними.

VIII.

Слѣдовавшій за тѣмъ обѣдъ въ Тюльери былъ скорѣе похожъ на военный или политическій совѣтъ, чѣмъ на отдыхъ въ семейномъ кругу. Въ числѣ гостей былъ маршалъ Бюжо, пришедшій къ королю съ предложеніемъ своихъ услугъ, которыми воспользовались нѣсколько времени спустя. Ежеминутно приносили извѣстія, которыя доказывали, что волненіе нисколько не успокоивается. Король усиливался сохранить на своемъ лицѣ маску спокойствія; но усилія его были напрасны: на немъ ясно выражалось волненіе, и онъ тщетно старался сообщить присутствующимъ то спокойствіе, котораго ему самому недоставало. Двойная тяжесть — старости и обстоятельствъ, оставила на немъ свои слѣды. Его не огорчала мысль о паденіи его династіи: отъ этой мысли онъ былъ слишкомъ далекъ; онъ боялся унижить въ глазахъ Европы свою политику, и это заставляло его съ нетерпѣніемъ ждать возвращенія Моле.

Въ то же самое время принцы обѣдали въ главномъ штабѣ, у генерала Жакмино. Возлѣ герцога Немурскаго сидѣлъ съ правой стороны генераль Себастьяни, а съ лѣвой генераль Гульеръ. Со всѣхъ сторонъ приходили самыя ужасныя извѣ-

стія. Такъ одинъ увѣрялъ, и герцогъ не замедлилъ объявить этого всѣмъ, что полицейская префектура осаждена цѣлой арміей въ 10 или 12 тысячъ человѣкъ. Читателю уже извѣстно, къ чему относилось это извѣстіе. Говорили также, что министерству иностранныхъ дѣлъ угрожаетъ опасность; но слухъ этотъ былъ тоже несправедливъ, и оправдался только впоследствии. Между тѣмъ герцогъ поспѣшилъ отправить туда полковника 14 линейнаго, Курана, съ отрядомъ гренадеръ и эскадрономъ кавалеріи. Что же касается дѣйствительнаго положенія столицы и дѣйствія, какое произвела на нее перемѣна министровъ, то слухи объ этомъ противорѣчили одинъ другому. Герцогъ былъ взволнованъ; время отъ времени онъ тихо разговаривалъ съ сосѣдями. Всѣ присутствующіе безпокоились. Этотъ обѣдъ можно было принять за похоронный.

Гораздо менѣе безпокоились въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Амфитріонъ его, Дюшатель, не считалъ нужнымъ освѣдомляться, по прежнему, о ходѣ дѣлъ. У него собрались къ обѣду большая часть прежнихъ товарищей и нѣсколько его политическихъ друзей; во главѣ всѣхъ былъ Гизо. Приглашенные болѣе всего забавлялись картиной будущаго министерства и его труднаго положенія. Въ сущности, радость павшихъ министровъ была скорѣе искренна, чѣмъ ложная. Нѣтъ почти ни одного государственнаго человѣка, который не считалъ бы себя необходимымъ для своего правительства, и который допустилъ бы мысль, что, съ удаленіемъ его, оно можетъ обойтись безъ него. Наконецъ, когда какой нибудь министръ падаетъ посреди бури, то онъ долженъ быть радъ, что на него не падаетъ отвѣтственность за кораблекрушеніе. Впрочемъ Гизо и Дюшатель не знали вполнѣ настоящаго положенія дѣлъ. Первый имѣлъ благоразуміе оставить отелъ министерства иностранныхъ дѣлъ; послѣдній, для безопасности министерства внутреннихъ дѣлъ, потребовалъ только отрядъ изъ 40 человѣкъ муниципальных гвардейцевъ и 12 лошадей, подъ коман-

дой лейтенанда Делеза. Вечеромъ пришли къ нему нѣсколько денутатовъ и перовъ, и въ залахъ разставили столы для ви-ста. За исключеніемъ нѣсколькихъ озабоченныхъ лицъ, вы, по-смотрѣвъ на это общество, подумали бы, что это одинъ изъ обыкновенныхъ еженедѣльныхъ вечеровъ министра.

Къ несчастью, эти павшіе министры обнаруживали и на дѣлѣ то же хладнокровіе. Хотя Гизо и объявилъ съ трибу-ны, что онъ будетъ заниматься дѣлами до составленія новаго министерства, и хотя все министерство обѣщало то же самое королю, но обѣщаніе это было забыто. Впродолженіи цѣлаго дня, исключая Трезеля, который оставался при королѣ и принцахъ, ни одинъ изъ министровъ не принялъ никакой мѣры, ни одинъ не отдалъ какого нибудь приказа, ни одинъ не заботился о томъ, чтобы водворить въ городѣ спокойствіе, чтобы успокоить взволнованные умы, чтобы потушить пожаръ, зажженный ихъ собственными руками. Можетъ быть они не понимали, что есть обстоятельства, въ которыхъ дурное рас-положеніе духа считается измѣной? Или можетъ быть они сознавали свое безсиліе?

IX.

Между тѣмъ Моле дѣятельно занимался возложеннымъ на него порученіемъ. Выйдя изъ дворца, онъ тотчасъ же послалъ пригласить къ себѣ Ремюза, Дюфора, Пасси и Билло; онъ ждалъ лакже Тьера. Прошло много времени, но посланнымъ не удалось найти никого изъ первыхъ четырехъ; Тьеръ же отвѣчалъ, что онъ будетъ ожидать Моле у себя. Въ восемь часовъ, не дождавшись никого, Моле отправился къ Ремюза. Онъ нашелъ его скорѣе углубившимся въ свои мысли, чѣмъ встревожен-нымъ. „Это іюльская революція, которая окончится переменною министерства“, сказали этотъ человѣкъ съ свѣтлымъ умомъ. На требованіе Моле, Ремюза отвѣтилъ, что онъ не считаетъ себя

выправѣ рѣшиться на что нибудь безъ согласія Тьера, и потому предложилъ Моле тотчасъ же отправиться къ нему.

Возвратившись къ себѣ и не получивъ никакихъ извѣстій о Дюфорѣ и его друзьяхъ, Моле отправился къ Тьеру. Было 9 часовъ. На улицахъ было страшное волненіе. Приходившіе изъ центра города сообщали о разныхъ необыкновенныхъ происшествіяхъ; слушающіе ихъ только поднимали руки къ небу, выражая горестъ и отчаяніе. Прислушаваясь къ городскому шуму, Моле слышалъ и о ружейныхъ выстрѣлахъ, о многочисленныхъ жертвахъ, о разныхъ катастрофахъ, но изъ всѣхъ этихъ толковъ онъ не могъ вывести никакого заключенія; онъ чувствовалъ только, что положеніе дѣлъ, уже столь трудное, дѣлается съ каждой минутой еще труднѣе.

Огромная толпа народу наполняла небольшую площадь, возлѣ которой жилъ Тьеръ. Тысячи голосовъ требовали депутатовъ оппозиціи, удаленія Гизо и составленія новаго, реформистскаго министерства. За закрытой рѣшеткой стоялъ Тьеръ съ нѣсколькими изъ своихъ друзей, обращаясь къ толпѣ съ поздравленіями и обѣщаніями. Осторожный, — какъ и можно было ожидать отъ такого искуснаго политика, — предъ этой толпою, которая имѣла столько довѣрія къ нему и которой непостоянство онъ испыталъ уже, онъ однако ясно выказывалъ, что это возвращеніе популярности льстило его самолюбію и что гордость его съ величайшимъ удовольствіемъ принимала эти забытыя ласки.

Внутри дома было огромное стеченіе народа: всѣ парламентскіе и экстра-парламентскіе члены лѣваго центра собрались возлѣ своего главы. Успѣхи того дня, всеобщая радость, вѣроятное окончаніе борьбы, новости, постоянно приносимыя друзьями, и въ особенности эта овація, раздававшаяся на площади, — все это изгнало безпокойство и возбудило всеобщее довѣріе. Второй разъ въ своей жизни Тьеръ уви-

дѣлъ себя непосредственнымъ виновникомъ положенія дѣлъ, царемъ всѣхъ желаній, не исключая желаній самого короля. Съ сознаніемъ всего этого принялъ онъ Моле, котораго увелъ въ свой кабинетъ. То, о чемъ они говорили въ продолженіи трехъ часовъ, извѣстно мнѣ отъ нихъ обоихъ; каждый изъ нихъ одинаково желалъ сообщить мнѣ содержаніе этого разговора.

Прежде всего Моле разсказалъ, какъ король потребовалъ его къ себѣ и какъ онъ предложилъ ему министерство; онъ повторилъ то, какъ онъ сознался королю въ своей несостоятельности и какъ указалъ на Тьера; какъ король вспыхнулъ при этомъ имени,—словомъ весь разговоръ свой съ королемъ, который читателю уже извѣстенъ. Наконецъ Моле спросилъ Тьера, можно ли рассчитывать на него и на его друзей при составленіи новаго министерства. Тьеръ отвѣчалъ, что хотя въ такомъ важномъ обстоятельстве самолюбивые расчеты не должны имѣть мѣста, но что, такъ какъ обязанность предсѣдателя совѣта досталось Моле, то онъ не можетъ войти въ него, не будучи въ состояніи быть первымъ; что же касается его друзей, то онъ не можетъ принять за нихъ никакого формальнаго приглашенія, не поговоривъ прежде съ ними, но что онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы убѣдить ихъ согласиться. На вопросъ объ условіяхъ, на которыхъ друзья его согласятся помогать составленію новаго министерства, Тьеръ отвѣтилъ, что хотя съ своей стороны онъ очень доволенъ уже однимъ тѣмъ, что опасное положеніе дѣлъ кончится съ паденіемъ прежняго министерства, но что друзья его вѣроятно потребуютъ парламентской и избирательной реформъ и распущенія палаты. „Что касается первыхъ двухъ вопросовъ, то они уже приняты во вниманіе, отвѣтилъ Моле; но король никогда не согласится на распущеніе палаты.“ „Но вы совѣмъ не знаете что такое эта палата, возразилъ Тьеръ; если бы вы поближе увидѣли ее, вы еще болѣе меня убѣдились бы въ необходи-

мости распущенія ея. Впрочемъ, это ваше дѣло рѣшить — можете ли вы приступить къ составленію кабинета на указанныхъ мною условіяхъ, или нѣтъ.“ Послѣ этого они распрощались, выразивъ другъ другу взаимныя желанія, и разстались, одинъ — съ сознаниемъ своей силы, другой — все болѣе и болѣе убѣждаясь въ своемъ безсиліи.

Х.

Не меньшее стеченіе народа, чѣмъ у Тьера, было въ квартирѣ Одилона Барро. Съ семи съ половиною часовъ къ нему начали сходить депутаты, журналисты, члены центральнаго комитета. Между главными представителями лѣвой стороны и радикаловъ были также нѣсколько членовъ лѣваго центра, между прочимъ Дювержье де-Гораннъ, Малевиль, д'Арагонъ, и др. Послѣ обсужденія всѣхъ новѣйшихъ событій, собраніе приступило къ разсмотрѣнію могущихъ произойти отъ нихъ послѣдствій. „Можетъ ли быть принято министерство Моле и Дюфора? Можетъ ли, долженъ ли лѣвый центръ составить кабинетъ изъ однихъ своихъ членовъ? Не необходимо ли, напротивъ того, соединить въ одномъ кабинетѣ всѣ элементы династической оппозиціи, т. е. лѣвую сторону въ лицѣ Одилона Барро и лѣвый центръ въ лицѣ Тьера.“ Дювержье де-Гораннъ старался доказать, что, по его мнѣнію, необходимо непосредственное вступленіе лѣвой стороны въ кабинетъ, что, дѣйствуя за одно съ лѣвой стороной въ дѣлѣ банкета, онъ не признаетъ такого кабинета, въ числѣ членовъ котораго не будетъ представителя лѣвой стороны. Малевиль доказывалъ то же самое.

Какого же образа дѣйствій слѣдовало держаться? Какъ нужно было дѣйствовать въ отношеніи къ различнымъ парламентскимъ партіямъ, и въ особенности въ отношеніи къ королю? Едва начали разсуждать объ этихъ двухъ вопро-

сахъ, какъ вдругъ послышался съ улицы шумъ, сначала отдаленный, но постепенно приближавшійся. Вотъ что было причиною этого шума.

Возлѣ улицы Монмартръ составилось одно изъ тѣхъ скопищъ, которыя собираются только за тѣмъ, чтобы потомъ разсѣяться по всеѣмъ концамъ города. Недалеко отъ этой толпы была лавка свѣчей и плошекъ, — эта непреодолимая приманка парижскихъ уличныхъ мальчиковъ. Въ одно мгновеніе вся толпа запаслась плошками и факелами; раздались крики: „идемъ къ депутатамъ! идемъ къ Барро!“ и всѣ направились туда. Увеличиваясь постоянно на пути своемъ, толпа эта прошла бульваръ, бросилась въ улицу *Ferme-des-Mathurins* и предъ окнами Барро зажгла свои факелы. Имъ тотчасъ отворили ворота и толпа наполнила дворъ и ступени. Три стороны двора были окружены открытой галереей: депутаты вышли въ нее, осматривая съ высоты нѣсколькихъ метровъ эту толпу, которая, такъ сказать, прикасалась къ нимъ глазами. Огонь факеловъ, доходявшій до второго этажа и потомъ потерявшійся въ густотѣ мрака, сильно освѣтилъ эти восторженные головы. Толпа стояла въ глубокомъ молчаніи, такъ что слова Барро, благодарившаго народъ за эту демонстрацію, слышны были очень далеко.

Въ энергическихъ словахъ Барро изобразилъ постоянныя усилія оппозиціи, ея настойчивость, ея неизбѣжный, хотя и поздній успѣхъ; онъ сказалъ, что избирательная и парламентская реформы обѣщаны и не подлежатъ сомнѣнію; потомъ онъ убѣждалъ народъ сохранять умѣренность, которая одна привела его къ такимъ результатамъ; стараться не портить дѣла какимъ нибудь необдуманномъ поступкомъ, изъ котораго враги прогресса могли бы извлечь пользу; онъ кончилъ тѣмъ, что увѣщевалъ всѣхъ присутствовавшихъ, чтобы каждый изъ нихъ смотрѣлъ на себя какъ на лицо, обязанное заботиться о поддержаніи порядка. Послѣ аплодис-

мента, вызваннаго рѣчью Барро, Гарнье-Пажесъ обратился тоже къ народу: „Результатомъ послѣднихъ событій есть начало лучшаго порядка вещей. Паденіе министерства, есть окончательное, невозвратимое паденіе той системы, которой Франція такъ долго подчинялась.“ Имя Гарнье-Пажеса давно уже было дорого народу, и потому его встрѣтили съ неменьшимъ энтузіазмомъ, который выразился послѣ окончанія его рѣчи. Послѣ этого толпа, съ именами оппозиціонныхъ депутатовъ на устахъ, спокойно разошлась.

Пренія, прерванныя этимъ происшествіемъ, возобновились опять въ присутствіи еще большаго числа лицъ, вновь прибывшихъ, между прочимъ, Изамбера, Шеррона, Биксію, Корбона, Куртэ, и др. Куртэ совѣтовалъ дѣйствіе болѣе энергическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумное. „Единственное средство къ водворенію спокойствія — устранить временное министерство, отправиться во дворецъ и потребовать новое министерство, которое могло бы вполне удовлетворить и успокоить народъ.“ Въ эту минуту въ залу вбѣжали Шамбаронъ, секретарь Барро. Съ испуганнымъ видомъ онъ объявилъ, что огромная толпа народа завладѣла бульварами; что толпа эта, идущая колонной, касается уже фронта войскъ, поставленныхъ у министерства иностранныхъ дѣлъ; что ей, кажется, хотять пересѣчь дорогу и что во главѣ ея идетъ Лагранжъ.... На этомъ словѣ голосъ его былъ прерванъ звукомъ выстрѣла. „Вотъ, вскричалъ Гарнье-Пажесъ, стрѣляютъ въ ваше безстрашное министерство.“

XI.

Этотъ выстрѣлъ былъ началомъ рѣзни на бульварѣ капучиновъ. Объ этомъ печальномъ происшествіи было распространяемо много ложныхъ, неправдоподобныхъ извѣстій. Желая во что бы то ни стало знать истину, я съ религіоз-

нымъ стараніемъ искалъ ее повсюду, во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Вотъ она, въ такомъ видѣ, какъ я занимствовалъ ее изъ всѣхъ письменныхъ источниковъ, какъ я узналъ ее послѣ строгаго изслѣдованія на самомъ мѣстѣ дѣйствія и послѣ увѣреній болѣе трехъ сотъ свидѣтелей, лично принимавшихъ участіе въ этомъ происшествіи.

Читателю извѣстно положеніе зданія министерства иностранныхъ дѣлъ. Стѣны его окружены, съ западной стороны, улицею *Neuve-des-Capucines*; съ южной и восточной сторонъ — частными домами; съ сѣверной стороны выходятъ на бульваръ Капуциновъ его дворъ, обширный флигель и садъ. Этотъ садъ на одинъ метръ выше тротуара, который, въ свою очередь, на столько же возвышается надъ уровнемъ улицы. Съ другой стороны улицы — другой тротуаръ, отдѣленный балюстрадой отъ улицы *Basse-du-Rempart*, которая опускается еще на два метра ниже.

Такъ какъ въ домѣ министерства иностранныхъ дѣлъ была квартира Лизо, то это обстоятельство обращало на него, больше чѣмъ на какое нибудь другое мѣсто, вниманіе народа и привлекало его къ нападенію. Присутствіе муниципальной гвардіи только увеличивало опасность. На него нападали съ самаго утра 22 февраля. Тогда же послали туда подкрѣпленіе, состоявшее изъ пѣхоты и кавалеріи. Но 23 утромъ толпа снова собралась и снова раздались крики: „*Vive la ligne! A bas la garde municipale!*“ Чтобы избѣгнуть этого повода къ волненію, командующій отрядомъ офицеръ приказалъ муниципальной гвардіи войти въ зданіе и спрятаться во дворѣ и въ саду. Съ тѣхъ поръ до самаго начала драки, муниципальные гвардейцы не появлялись на бульварѣ, и нападенія прекратились.

Но внутри зданія министерства спокойствіе однако не водворилось. По требованію Жени, полицейскій комиссаръ Дуае написалъ въ главную квартиру, и оттуда выслали эска-

дронъ подѣ начальствомъ Бракеге (Biaquehé). Всѣ дороги къ зданію были охраняемы достаточными силами. Но страхъ не уменьшился; по мѣрѣ приближенія ночи, обитатели министерства болѣе и болѣе начали опасаться и потребовали новыхъ подкрѣпленій. Тогда прибылъ лейтенантъ-полковникъ Куранъ. Такимъ образомъ зданіе министерства охраняли: внутри, во дворѣ и въ саду, отрядъ муниципальной гвардіи подѣ командой капитана Пети; снаружи отрядъ 1 легкаго пѣхотнаго полка, подѣ командой капитана Рулена; 80 солдатъ 21 линейнаго подѣ командой капитана Обана; 100 человекъ 52 линейнаго, подѣ командой капитана Барабана, и наконецъ 100 кирассировъ 6-го полка, 50 драгунъ 8-го и три роты 14 линейнаго полка.

Прежде войска были поставлены во всю длину зданія, но лейтенантъ-полковникъ Куранъ распорядился иначе. Всѣ войска были поставлены въ карре на тротуарѣ, раздѣляющемъ улицы Neuve-Saint-Augustin и Neuve-des-Capucines, пѣхота по бокамъ, въ срединѣ кавалерія. Для прохода остались свободными тротуаръ бульвара подѣ улицу Basse-du-Rempart, самая улица и другія, прилежащія къ ней. Роты 14 линейнаго полка составили сторону карре, перпендикулярную къ саду, на разстояніи двадцати метровъ отъ того мѣста, гдѣ кончается улица Neuve-Saint-Augustin.

Около девяти часовъ прибылъ полковникъ Талабо со вторымъ батальономъ 2 легіона національной гвардіи. Онъ расположился впереди войска. Въ это время толпа начала стекаться къ министерству. Озлобленный тѣмъ, что окна не были вовсе освѣщены, народъ началъ кричать: „факеловъ! факеловъ! прочь Гизо!“ Тамъ и сямъ слышались угрозы поджечь домъ. Положеніе становилось опаснымъ. Ворвавшись въ отверстіе, выходящее на тротуаръ улицы Basse, толпа бросилась на войско и начала тѣснить его съ неотразимымъ напоромъ. Полковникъ Талабо, капитанъ Алтарошъ и другіе офи-

церы бросились къ толпѣ, которая, уступивъ ихъ увѣщаніямъ, удалилась безъ сопротивленія. Тогда Талабо указалъ полковнику Курану опасность занимаемой имъ позиціи. Находя это замѣчаніе справедливымъ, Куранъ подвинулъ свои войска до самой балюстрады, выходящей на улицу Basse. Такимъ образомъ бульваръ былъ совершенно загороженъ, и люди, шедшіе съ Италіянскаго бульвара, не имѣли другаго хода, кромѣ улицы Neuve-Saint-Augustin съ лѣвой стороны и узкаго прохода улицы Basse съ правой. Національная гвардія осталась на прежней позиціи, спиной къ войску и лицомъ къ бульвару.

Такимъ образомъ проходъ отъ Бастиліи къ Madeleine, прежде свободный по всей линіи бульваровъ, былъ постепенно загорождаемъ въ одномъ пунктѣ — у министерства иностранныхъ дѣлъ. Сначала войска занимали только тротуары вдоль стѣнъ; послѣ они подвинулись и покрыли улицу, оставивъ для прохода тротуаръ улицы Basse; наконецъ они заняли и улицу и тротуаръ, такъ что мѣшали всякому движенію народа.

Со стороны Madeleine распоряженіе это не могло произвести особенныхъ неудобствъ. Съ этой стороны протяженіе бульваровъ слишкомъ незначительно для того, чтобы народъ могъ столпиться въ большой массѣ. Оттуда онъ могъ явиться въ маломъ количествѣ и выстрѣлы кавалеріи и пѣхоты легко разсѣяли бы его. Но совсѣмъ другое было со стороны улицы Neuve-Saint-Augustin. Войска, главная часть которыхъ была обращена въ эту сторону, имѣли предъ собой цѣлую линію бульваровъ. Предположите, что въ какомъ нибудь пунктѣ города образовалась колонна, состоящая изъ одного народа: она проходитъ улицы, увеличиваясь на пути своимъ нѣсколькими тысячами человекъ; она приближается, подходит, и не имѣетъ выхода; движеніе, возбужденное цѣлой массой, не можетъ остановиться; эта колонна должна или преодолѣть препятствіе или позволить ему преодолѣть себя. Въ сущности бояться было

нечего, потому что стоящая впереди войска національная гвардія посредствомъ своего вліянія можетъ, безъ особенныхъ усилій, заставить народъ вернуться. Но если по какому нибудь случаю національная гвардія удалится, и войска останутся лицомъ къ лицу съ толпой? Стычка, ужасная по своимъ послѣдствіямъ, кажется неизбѣжною. Вдругъ національная гвардія дѣйствительно удаляется, и вотъ по какой причинѣ.

Послѣ Гизо, въ общественномъ мнѣніи ниже всѣхъ стоялъ Геберъ, министръ юстиціи. Въ восемь съ половиною часовъ толпа народу, сначала небольшая, но постоянно увеличивавшаяся, собралась возлѣ его дома. Окна не были освѣщены. Толпа волнуется и громко требуетъ факеловъ. Окна остаются запертыми. Тогда толпа бросается на деревянную рѣшетку, окружающую стѣны зданія, разбиваетъ ее, угрожаетъ высадить дверь и подложить подъ нее огонь. Весь этотъ шумъ не имѣлъ ничего важнаго: отрядъ, посланный съ главнаго штаба, разсѣялъ осаждающихъ и отбросилъ ихъ къ Вандомской площади. Но съ устраненіемъ опасности осажденные сочли ее болѣе важною. Министръ послалъ къ полковнику Талабо три приказа, которыми требовалъ прибытія его батальона; опасность казалась неизбѣжною; можетъ быть зданіе министерства уже предано огню? Талабо не колеблется ни минуты. Оставивъ вмѣстѣ съ своимъ батальономъ занимаемую имъ позицію, онъ спѣшитъ къ Вандомской площади. Такимъ образомъ 14 линейный полкъ остался безъ всякаго прикрытія, и штыки его, такъ сказать, упирались прямо въ грудь народа.

XII.

Каково же было въ эту минуту состояніе города? Мы уже описывали его. Паденіе министерства уменьшило враждебное

расположеніе народа, но не потушило волненія; манифестациі постоянно увеличивались, дѣлались сильнѣе и чаще. Все содѣйствовало усиленію ихъ: постоянныя удачи, заразительность примѣра, необходимость новыхъ уступокъ, подозрительная честность короля, имя Моле, недостатокъ гласности въ приглашеніи новыхъ членовъ кабинета, и наконецъ самая непреодолимая страсть народа — любопытство. Все народонаселеніе стеклось на улицахъ; эти безпокойные дѣти Парижа, которыхъ смѣлость и раздраженіе ничто не въ силахъ остановить, бѣгали по всему городу, оглашая воздухъ криками: „факеловъ! факеловъ!“ Почти вездѣ добровольно, и только кое-гдѣ насильно зажженные факелы освѣтили весь городъ. Свѣтъ увеличивается и, подобно многочисленнымъ звѣздамъ, озаряетъ ночь. День кончается какъ будто среди какого то торжественнаго праздника. Мужчины, женщины, дѣти, старики, рабочіе, національные гвардейцы, буржуазія, всѣ классы народа, какъ самыя бѣдныя, такъ и богатые, — все сталкивается въ этой толпѣ, тысяча разъ разбиваемой, тысяча разъ вновь составляемой, иногда по расчету, иногда просто по случаю.

ХІІІ.

На площади Royale многочисленная толпа заняла входъ въ квартиру мера восьмага округа. Национальные гвардейцы, занимавшіе въ немъ постъ, хотя и не боялись нападенія, но сочли благоразумнымъ очистить это мѣсто отъ народа. „Пойдемъ къ Бастиліи!“ сказалъ сержантъ Лонеттъ. „Пойдемъ къ Бастиліи!“ повторили подпоручикъ Бло, поручикъ Шумахеръ и два гвардейца Неве и Коленъ. Затѣмъ гвардейцы взяли за руки близъ стоявшихъ изъ толпы и, составивъ колонну, всѣ отпавились; толчекъ былъ данъ, толпа повиновалась. Площадь была очищена, постъ освобожденъ.

Прибывъ къ іюльской колоннѣ, всѣ снимаютъ фуражки и торжественно обходя вокругъ колонны, кричатъ: «Vive la réforme.» Другой крикъ: «Vive la ligne» раздается на встрѣчу войскамъ, стоящимъ неподвижно на площади. Нѣкоторые изъ толпы замѣтили, что въ казармѣ de Reuilly есть плѣнные и рѣшились освободить ихъ. Толпа отправляется въ Сентъ-Антуанское предместье, доходить до улицы Reuilly и до казармы, гдѣ узнаетъ, что плѣнники уже освобождены. Далѣе она доходить до заставы du Trône, встрѣчается тамъ съ рабочими и часть ихъ уводитъ съ собой; потомъ поворачиваетъ на лѣво, и, чрезъ улицы des Boulets, de Charne, Basfroy, de la Roquette, возвращается на площадь Бастиліи; тамъ войска стоятъ въ томъ же положеніи, твердо, но не обнаруживая никакой непріязни; встрѣтивъ ихъ тѣмъ же симпатическимъ привѣтствіемъ, толпа опять обходитъ іюльскую колонну съ прежней торжественностью.

Съ площади они вышли на бульваръ, въ слѣдующемъ порядкѣ: во главѣ колонны — Шумахеръ, какъ поручикъ, за нимъ подпоручикъ Бло и сержантъ Лонетъ; далѣе Неве, Коленъ и двадцать національныхъ гвардейцевъ; за ними нѣсколько гражданъ съ заряженными ружьями, у которыхъ въ сто штыковъ были маленькія знамена или зажженные свѣчи; потомъ нѣсколько уличныхъ мальчиковъ съ зажженными плошками, два знамена, одно въ рукахъ Дебонера, другое въ рукахъ Констана, нѣсколько другихъ знаменъ въ рукахъ неизвѣстныхъ людей, наконецъ громадная толпа народа, идущая въ воинскомъ порядкѣ, рядъ за рядомъ, взводъ за взводомъ, и тянувшаяся до безконечности.

При входѣ на бульваръ du Temple колонна встрѣтила линейный полкъ, который, занявъ оба тротуара, оставилъ свободной всю улицу, по которой толпа продолжала свое шествіе. Обѣ колонны прошли безъ малѣйшихъ препятствій, при выраженіяхъ взаимной симпатіи и крикахъ «Vive la réforme!

Vive la ligne!“ Въ улицѣ Granconi подобная сцена повторилась съ другимъ линейнымъ полкомъ. Въ Chateau-d'Eau толпа сошлась съ артиллеріей; пушки занимали всю улицу. Желая очистить дорогу, артиллеристы сами отодвигаютъ орудія, и это новое заявленіе симпатіи доводитъ до высшей степени энтузіазмъ обѣихъ сторонъ. Не доходя до l'Ambigu, кортежъ встрѣтилъ отрядъ кирасировъ; и тутъ обѣ стороны прошли безъ малѣйшаго затрудненія. Между Сентъ-Мартенскими и Сентъ-Денискими воротами стоялъ отрядъ войска, подъ командой генерала Гарроба, министерскаго депутата; но и Гарробъ, самъ вдохновившись тѣми чувствами, которыми какъ будто былъ зараженъ воздухъ, пропускаетъ толпу безъ малѣйшаго препятствія; двое изъ его солдатъ вышли изъ рядовъ и смѣшались въ толпѣ между національными гвардейцами. Такимъ образомъ эта огромная колонна продолжала свое мирное шествіе, среди двойнаго ряда ярко освѣщенныхъ домовъ и при громкихъ крикахъ „vivat“ со стороны прохожихъ, которые, увлеченные примѣромъ, сами приставали къ ней.

Вскорѣ они прибыли къ конторѣ „National“, которая находилась тогда при входѣ въ улицу Lepeletier. „Идемъ въ контору „National“,“ послышался голосъ изъ первыхъ рядовъ; крикъ этотъ прошелъ постепенно черезъ все ряды, и толпа остановилась. Шумахеръ, еще съ двумя изъ своихъ спутниковъ, вошелъ въ контору; Лонетъ остался у двери, защищая входъ. Въ это время редакторы были заняты составленіемъ номера. Шумахеръ подошелъ къ нимъ и сказалъ: „народъ не хочетъ, чтобы его болѣе обманывали. На этотъ разъ онъ требуетъ серьезныхъ гарантій: по его мнѣнію, перемѣна министерства есть только пустой призракъ, и онъ желаетъ кореннаго преобразованія правительственной системы. Съ этою цѣлью народъ и его друзья устроили демонстрацію, которая впрочемъ не имѣетъ угрожающаго характера.“ Въ доказательство мирнаго расположенія толпы онъ описалъ все встрѣ-

чи ея съ войсками на всемъ протяженіи бульваровъ. Съ своей стороны Лонетъ увѣрялъ въ томъ же Гетцеля, который былъ посланъ съ цѣлью узнать настоящій характеръ манифестаціи. Послѣ этого на балконъ вышелъ Маррастъ.

Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ благодарилъ толпу за ея довѣріе къ редакторамъ журнала „National“; онъ хвалилъ ея образъ дѣйствій и поздравлялъ съ хорошими результатами; потомъ онъ убѣждалъ ее настойчиво добиваться долго требуемыхъ ею улучшеній, а именно: парламентской и избирательной реформъ, свободы прессы, раснушенія муниципальной гвардіи и преданія суду прежнихъ министровъ. Рѣчь свою онъ заключилъ тѣмъ, что совѣтовалъ народу быть умѣреннымъ, осмотрительнымъ и спокойнымъ. Единодушное браво было отвѣтомъ на эти благоразумные совѣты. Затѣмъ колонна пошла далѣе, встрѣтила при входѣ на бульваръ роту 2 легіона, и послѣ взаимныхъ привѣтствій, отправилась дальше, посреди огромной толпы любопытныхъ. На сосѣднихъ улицахъ пробило девять.

Съ высоты улицы de la Paix въ полутѣни виднѣется силуэтъ Вандомской колонны. Чувство патріотическаго благоговѣнія влечетъ въ ту сторону нерѣшительные шаги первыхъ рядовъ; до нихъ доходить шумъ толпы, собравшейся на этой площади предъ домомъ канцлера. Нужно было избѣжать повода къ безпорядкамъ, и поэтому предшествующій толпѣ кортежъ повернулъ опять на право и направился по линіи бульваровъ. Въ эту самую минуту батальонъ 2 легіона, подъ командой полковника Талабо, оставилъ свой постъ возлѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Порядокъ кортежа былъ прежній: впереди поручикъ Шумахеръ, съ обнаженной саблей въ рукахъ; за нимъ Бло и Лонетъ съ саблями въ ножнахъ; далѣе—знаменосцы; уличные мальчики съ зажженными плошками; далѣе — двадцать

вооруженныхъ человѣкъ, и наконецъ теряющаяся въ отдаленіи толпа народа.

Кортежъ подонелъ уже такъ близко къ министерству, что свободно различать первые ряды стоявшихъ возлѣ него войскъ. Вѣроятно здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, проходъ свободенъ: толпа приближается. Промежутокъ между войскомъ и народомъ замѣтно уменьшается. Опасность дѣлается очевидною. Между этими двумя массами, изъ которыхъ одна движется, воодушевленная, управляемая толчкомъ, какимъ море бросаетъ огромную волну на гранитную скалу и разбиваетъ ее въ дребезги, другая стоитъ неподвижно, съ поднятыми штыками, похожая на желѣзную стѣну, — между этими двумя массами стычка неизбежна. Въ толпѣ нѣкоторые, испуганные, разбѣжались; другіе, остолбенѣвъ отъ ужаса, остановились какъ вкопанные. Нѣсколько болѣе смѣлыхъ рѣшаются на отчаянную попытку: рискуя быть задавленными этими двумя массами, они бросаются въ незанятое еще пространство, и умоляютъ осаждающихъ и осаждаемыхъ. Перренъ, бывшій депутатъ, бросается къ офицеру въ первомъ ряду: „вы погубите себя, говоритъ онъ ему, вамъ невозможно устоять противъ натиска такой огромной толпы.“ — „Растяните войска вдоль сада и пропустите эту колонну, которая не имѣетъ никакихъ дурныхъ намѣреній,“ говоритъ онъ другому офицеру. — „Вамъ легко говорить это, отвѣтилъ офицеръ; но я обязанъ исполнять данныя мнѣ приказанія; вы должны постараться, чтобы меня не заставили исполнить ихъ.“ Между тѣмъ передніе ряды приближаются, дѣлая неимовѣрныя, но безнужныя усилія, чтобы укротить порывъ толпы. Перренъ, Коларъ и нѣсколько другихъ лицъ обращаются къ ней, уговаривая повернуть въ улицы *Neuve-Saint-Augustin*, но слова ихъ теряются въ толпѣ и всѣ усилія остаются безъ пользы.

Народъ приближается. Шумахеръ идетъ къ полковнику Курану, который стоитъ на площади во главѣ войска. „Пол-

ковникъ, вскричалъ онъ, откройте намъ ваши ряды; наши намѣренія—самыя миролюбивыя; вы видите, что отступленіе невозможно, толпа тѣснитъ насъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, толпа съ каждой минутой приближалась. „Это не отъ меня зависитъ, отвѣтилъ полковникъ; вамъ прійти невозможно,“ и сказавъ это, онъ повернулся и ушелъ въ ряды войска. Толпа приблизилась, и передніе ряды этой огромной массы, давимые задними, бросаются въ страшномъ безпорядкѣ на первые ряды войска. „Гренадеры, въ штыки!“ вскричалъ полковникъ. Войска бросились впередъ; съ лѣвой линіи раздался выстрѣлъ*); за нимъ слѣдовали другіе; потомъ, какъ бы вслѣдствіе электрическаго удара, раздался залпъ, за нимъ второй. Толпа была обстрѣлена со всѣхъ сторонъ.

Это было ужасное зрѣлище! Выстрѣлы, направляемые сверху внизъ, попадали прямо, въ упоръ этой многочисленной толпы. Отъ этихъ выстрѣловъ многіе падали какъ скошенные колосы, другіе поднимались, опять падали, вертѣлись, издавая страшные крики, и разбѣгались въ невыразимомъ безпорядкѣ. Въ нѣсколько секундъ, улица наполненная живыми людьми, покрылась кучами труновъ, умирающихъ, раненныхъ, плавающихъ въ собственной крови, посреди ужасной смѣси оружія, знаменъ, горящихъ плошекъ, брошенныхъ платьевъ, и другихъ вещей, обогранныхъ кровью.

Объятые ужасомъ, солдаты останавливаются; ряды ихъ смѣшиваются, пѣхота бросается на кавалерію; всѣми овладѣваетъ паническій страхъ, солдаты начинаютъ разбѣгаться. Нѣкоторые изъ нихъ уже прошли за министерство, но энергическое вмѣшательство офицеровъ останавливаетъ ихъ; войска соединяются и прежній порядокъ возстановленъ.

*) Нѣкоторые очевидцы рассказывали мнѣ, что первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ снизу вверхъ.

XIV.

Изъ трехъ офицеровъ національной гвардіи, шедшихъ впереди, убитъ одинъ подпоручикъ Бло: пуля попала ему прямо въ лобъ. Лонетъ спасся какимъ-то чудомъ: увидѣвъ, что войска готовы начать сраженіе, онъ бросился впередъ съ крикомъ: „вы не должны стрѣлять въ насъ!“ Въ эту минуту помпюнь его каски встрѣтился съ концомъ штыка и упалъ на землю; онъ нагнулся, чтобы поднять его, и пуля проняла мимо его головы. Шумахеръ почувствовалъ на груди дуло ружья; но быстрымъ движеніемъ руки онъ отбросилъ его, и выстрѣлъ вылетѣлъ на воздухъ; отъ быстрого движенія онъ однако упалъ и разбилъ себѣ обѣ ноги. Съ нимъ были его два сына. Испуганный, этотъ несчастный отецъ зоветъ ихъ къ себѣ и ищетъ глазами: одинъ отвѣчаетъ на его голосъ, другой скрылся въ сосѣдней лавкѣ. Одинъ человѣкъ, раненный однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ, падаетъ на Перрена; тотъ, въ свою очередь, увлеченный имъ, тоже падаетъ, и въ этомъ находитъ свое спасеніе. Нѣкто Паке взялъ подъ руки двухъ раненныхъ товарищей; но тѣ падаютъ и увлекаютъ его съ собой. Онъ поднимается, беретъ одного изъ своихъ товарищей — тотъ мертвъ; беретъ другого — тоже мертвъ. Взбѣшенный, онъ бросается на балюстраду улицы Basse, перескакиваетъ чрезъ нее, падаетъ, безъ всякаго поврежденія, съ высоты нѣсколькихъ футовъ, потомъ возвращается назадъ, взваливаетъ на плечи обоихъ товарищей, и той же дорогой несетъ ихъ къ одному аптекарю, на углу улицы Caumartin. Удивительное, но бесполезное самоотверженіе! Въ обоихъ не осталось ни малѣйшаго признака жизни. Одинъ столяръ, по имени Абраамъ, падаетъ, пораженный пулей въ ногу; но онъ находитъ на землѣ ружье національнаго гвар-

дейца, беретъ его, и, взбѣшенный, стрѣляетъ наудачу въ войско.

Въ это время, патруль, состоящій изъ 10 драгунъ, выходитъ съ улицы на бульваръ. Въ него попадаютъ выстрѣлы четвертаго ряда карре. Нѣсколькихъ раненныхъ драгунъ тотчасъ перенесли въ сосѣднюю кондитерскую Гуаша, гдѣ сдали ихъ на попеченіе доктора Серизъ.

Въ улицѣ Basse-du-Rempart тоже были убитые и раненные. Солдаты, стоявшіе на возвышенномъ тротуарѣ, стрѣляли внизъ, прямо въ прохожихъ и въ открытыя лавки. Нѣсколько пуль прошли даже чрезъ окна въ комнаты противоположныхъ домовъ.

Тамъ и сямъ, люди, сбитые съ ногъ страшнымъ патискомъ цѣлой толпы, смѣшавшіеся въ паденіи съ убитыми и ранеными, поднимались, обезображенные, обогранные кровью, и удивленные, чувствуя себя еще въ живыхъ. Одни, объятые ужасомъ, думали только о бѣгствѣ; другіе оставались на мѣстѣ, безумствъ отъ страха; тѣ же, которые думали еще о другихъ, искали своихъ друзей и родственниковъ; люди болѣе твердые и болѣе преданные заботились о подачѣ помощи раненымъ. Всѣ сосѣдніе дома открылись, чтобы приютить этихъ несчастныхъ. Комнаты привратниковъ, аптекарскія лавки, винныя магазины были превращены въ перевязочные пункты, въ которыхъ раздавались стоны раненныхъ и проклятія толпы.

Сколько же было мертвыхъ и раненныхъ? Этого нельзя было узнать съ точностью, потому что многихъ относили прямо въ ихъ квартиры. Но въ педѣльномъ рапортѣ полицейскаго комиссара сказано, что на временныхъ перевязочныхъ пунктахъ было 35 мертвыхъ и 47 раненныхъ.

XV.

Какъ бы то ни было, но когда всѣ пришли немного въ себя, начальники старались узнать, что было главной причи-

ной этого ужаснаго несчастья. „Зачѣмъ вы велѣли стрѣлять,“ вскричалъ кто-то отчаяннымъ голосомъ изъ середины рядовъ. „Это не я, а вы велѣли стрѣлять,“ отвѣтилъ другой голосъ. Солдаты, блѣдные, взволнованные, съ опущенными глазами, стояли въ какомъ-то оцѣпенѣніи; нѣкоторые изъ нихъ даже плакали. На вопросы начальниковъ и упрёки прибѣжавшихъ гражданъ, они не знали, что отвѣчать; каждый объяснялъ свое поведеніе тѣмъ, что услыхалъ много выстрѣловъ, и тоже выстрѣлилъ, противъ собственнаго желанія, какъ-то машинально. Капитанъ 14-го линейнаго полка, помогавшій перенести трупъ Бло въ сѣдельный магазинъ Тэркауфа, на углу улицы Neuve-Saint-Augustin, обнаруживалъ признаки самаго глубокаго отчаянія. „Какое несчастье, какое несчастье! кричалъ онъ. День такъ хорошо начатый! Это недоразумѣніе, страшное недоразумѣніе!“ Жоржъ Лафайэтъ, Бомонъ, Люно, Куртэ и Биксіо, выбѣжавшіе отъ Барро, чтобы узнать о причинѣ страшнаго шума, который доходилъ до нихъ, слышали то же самое.

Изъ редакціи „National“ первый прибѣжалъ Дорне, одинъ изъ редакторовъ, геройски умершій въ послѣдствіи при Іюньскихъ баррикадахъ. вмѣстѣ съ нимъ пришелъ Шарль Беслэ. Увидѣвъ въ чемъ дѣло, Дорне смѣло прошелъ рядъ войскъ. Беслэ, увлеченный негодованіемъ, идетъ къ полковнику и обращается къ нему съ самыми рѣзкими упрёками. „Я огорченъ не меньше васъ,“ отвѣтилъ полковникъ Куранъ, съ выраженіемъ глубокаго отчаянія. „Это несчастный случай! Я командовалъ въ штыки, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ другіе. Первый выстрѣлъ есть не больше, какъ слѣдствіе недоразумѣнія или неловкости какого нибудь солдата.“ Всѣ офицеры поклялись честнымъ словомъ въ справедливости словъ полковника.

Между тѣмъ, когда въ толпѣ прошелъ первый испугъ, мѣсто его заняло всеобщее негодованіе. Какъ искра по по-

роховой питкѣ, такъ и оно распространялось по слѣдамъ бѣжавшихъ, которые издавали крики: „насъ убиваютъ! Это подлая измѣна! Мищеніе, мищеніе. Къ оружію!“ Толпа начала опять стекаться, разражаясь проклятіями и угрозами. „Вотъ послѣдствія вашего поступка, сказалъ Беслѣ полковнику Курану; если вы хотите избѣгнуть новыхъ несчастій, то необходимо послать нѣсколькихъ офицеровъ, которые объяснили бы толпѣ это недоразумѣніе.“ Подобное порученіе было весьма опасно; полковникъ колебался. Но поручикъ Байлле просилъ, чтобы ему предоставили эту опасную честь; взявъ подъ руки Беслѣ, онъ отправился съ нимъ къ народу. Но это самопожертвованіе оказалось безполезнымъ. Бываютъ минуты, когда народъ не слушаетъ никакихъ убѣжденій. Возлѣ китайскихъ банъ толпа народа съ угрожающимъ видомъ окружила Байлле и Беслѣ. Безстрашный Байлле идетъ дальше. Но возлѣ Café de Paris собралась такая тѣсная и грозная толпа, что не было возможности подвинуться ни на шагъ впередъ. Раздались крики: „Смерть! смерть офицеру 14-го полка!“ Напрасно Байлле хочетъ объясниться; напрасно Беслѣ требуетъ отъ народа уваженія къ правамъ человѣка, правамъ, священнымъ даже во время гражданской войны; напрасно онъ бросается, желая остановить ударъ: Байлле схваченъ. Его одежда разорвана, энолеты сняты; одинъ затягиваетъ ему галстухъ, чтобы задушить его, другой поднимаетъ надъ его головой охотничій ножъ; онъ начинаетъ уже изнемогать, какъ вдругъ подошедшій третій баталіонъ 2-го легіона разсѣваетъ толпу и освобождаетъ его. .

XVI.

Такъ разыгралась катастрофа на бульварѣ Капуциновъ. Послѣдствія этой катастрофы до такой степени важны, что

съ ней связывали самыя баснословныя обстоятельства. Нѣкоторые видѣли въ пей слѣды заранѣе задуманнаго плана, между тѣмъ какъ она произошла только вслѣдствіе роковаго стеченія обстоятельствъ.

На всемъ протяженіи отъ Бастиліи до министерства иностранныхъ дѣлъ бульваръ совершенно свободенъ; народу дозволено ходить по пемъ; военные начальники даже покровительствуютъ толпѣ; солдаты симпатизируютъ и аплодируютъ ей; одинъ только пунктъ закрытъ для народа. Между тѣмъ толпа подвигается; въ улицѣ de la Paix она хочетъ повернуть въ сторону, но, благодаря умнымъ совѣтамъ, возвращается на прежній путь. Національная гвардія, эта любимая и уважаемая народомъ милиція, стоитъ у министерства; вдругъ она уходитъ; толпа стремится далѣе, войско удерживаетъ ее; раздается приказъ, худо разслышанный или худо понятый; вслѣдствіе случая, глупости, или можетъ быть смущенія, раздается выстрѣлъ, и кровь полилась. Вотъ истина, почерпнутая на мѣстѣ дѣйствія, изъ разсказовъ самыхъ участниковъ этой драмы, въ принадлежъ ихъ первой откровенности, и подтвержденная вѣрными и согласными свидѣтельствами.

Ко всемъ этимъ доказательствамъ исторія представляетъ намъ еще свидѣтельство самаго правительства. Нѣсколько часовъ спустя послѣ катастрофы, послѣ строгаго, на сколько это позволяло время, слѣдствія, министерство отправило въ редакцію Монитера слѣдующее описаніе, которое появилось на другой день, 24 февраля:

„Сегодня, около 10 часовъ вечера, большая толпа народа, впереди которой нѣсколько человекъ несли знамена и зажженные плашки, шла бульваромъ по направленію къ министерству иностранныхъ дѣлъ. Пѣхотный постъ, стоявшій въ этомъ пунктѣ, требовалъ, чтобы толпа остановилась и командовалъ войскамъ сомкнуть штыки.

„Въ эту минуту раздался выстрѣлъ, и звукъ его до того

поразилъ солдатъ, что подъ вліяніемъ ужаса они начали стрѣлять одинъ за другимъ. Этотъ несчастный случай, увеличенный недостаткомъ бдительности, былъ причиною смерти нѣсколькихъ человѣкъ, навшихъ съ обѣихъ сторонъ.

„Рѣдко бываетъ, чтобы при такихъ безпорядочныхъ и во время ночи продолжающихся движеніяхъ, не приходилось оплакивать подобныхъ печальныхъ случаевъ.“

И такъ въ первую минуту, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, правительство не обвиняло никого; оно само извинялось, говоря, что „этотъ несчастный случай былъ увеличенъ недостаткомъ бдительности,“ что тутъ не было преднамѣреннаго убійства преступника. Но правда, неоспоримая правда должна всегда обнаружиться, признаваемая всѣми *).

*) Вотъ начало и объясненіе различныхъ слуховъ, приписываемыхъ тогда, на болѣе или менѣе долгое время, въ обществѣ:

1° На другой день послѣ катастрофы, одна рота 14 линейнаго, которая принимала участіе въ стрѣльбѣ, стояла на гауптвахтѣ при дворѣ въ Тюльери. Капитанъ Жозефъ Тюрингеръ услышалъ какъ одинъ солдатъ хвасталъ, что онъ первый выстрѣлилъ въ гражданина, который хотѣлъ отнять у него штыкъ. На допросѣ, этотъ солдатъ, по имени Демонтопъ, смѣшался и наконецъ объявилъ, что это неправда. Самъ этого не зная, Демонтопъ повторилъ исторію Юлія Аттика, солдата императорской гвардіи, который, держа въ рукѣ окровавленный топоръ, хвастался передъ Гальбою что онъ убилъ Отона, въ то самое время, когда Отонъ похитилъ имперію у Гальбы.

2° Когда всеобщее волненіе прошло, на тротуарѣ улицы Basse-du-Rempart нашли солдата, по имени Анри. Этотъ несчастный былъ мертвъ. Въ то время когда пуля попала въ него, онъ стоялъ во второмъ ряду, приблизительно на два шага позади другаго солдата, по имени Боае. Другой солдатъ, по имени Поассонъ, былъ раненъ. Такъ какъ ряды солдатъ, немногочисленные на этомъ тротуарѣ, были довольно отдалены другъ отъ друга, то весьма вѣроятно, что какая нибудь пуля невѣрно направленная къъ нибудь изъ солдатъ въ этомъ замѣшательствѣ, или выстрѣлъ работника Абраама убила Анри, пощадивъ Боае. Что касается Поассона, то его рана можетъ съ тою же вѣроятностію быть приписана одному изъ тѣхъ выстрѣловъ, которыя, по свидѣтельству Монитера, солдаты направляли другъ на друга среди паническаго страха.

3° Среди этого паническаго страха повалилась лошадь полковника Кура-

XVII.

Между тѣмъ правительство скоро почувствовало, какъ необходимо было тотчасъ же очистить всякіе слѣды этой кровавой катастрофы. Оно очень хорошо знало, какъ важно было, чтобы инсургенты не завладѣли трупами, потому что самое ужасное знамя гражданской войны есть кровь ея жертвъ. Ребильо, полковникъ перваго жандармскаго легіона, получилъ приказъ заняться этимъ труднымъ дѣломъ; онъ тотчасъ же отправилъ на мѣсто дѣйствія телегу съ нѣсколькими жандармами, переодѣтыми въ гражданское платье. Но уже было поздно: трупы были уже подняты и только потоки крови были признаками рѣзни; все прочее исчезло. Вотъ какъ это происходило:

Въ десять часовъ безъ десяти минутъ, изъ почтоваго двора *Laffitte et Caillard* выѣхала повозка, запряженная одною

на; полковникъ упалъ. Отсюда разсказъ, что первый выстрѣлъ разбилъ ноги лошади полковника и тогда солдаты стали отбиваться. Но на шоссе солдаты были скоплены очень тѣсно другъ возлѣ друга, полковникъ былъ въ рядахъ и пуля не могла попасть въ его лошадь, чтобы не задѣть прежде кого нибудь изъ людей. Далѣе, на шоссе вовсе не было раненной лошади; также лошадь полковника была совершенно здорова; и наконецъ, когда черезъ нѣсколько часовъ прибылъ Беслэ, то полковникъ далъ ему совѣтъ другое объясненіе, именно то, которое мы привели.

4° Другіе утверждали, что первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ сада однимъ муниципальнымъ гвардейцемъ. Это клевета противъ клеветы. Извѣстно, что муниципальные гвардейцы не стрѣляли. Первый огонь показался на шоссе со стороны бульвара, противоположнаго саду.

5° Что касается Лагранжа, этого главнаго героя клеветъ въ этой исторіи, то его и не было на мѣстѣ; онъ въ это время былъ въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Шамборонъ не могъ его видѣть. Можетъ быть какое нибудь сходство обмануло его. Такимъ же заблужденіемъ надо считать всѣ клеветы, противъ которыхъ протестуетъ Лагранжъ, а равно и здравый смыслъ. Это мнѣніе разделяютъ лица бывшія у Барро, когда туда прибылъ Шамборонъ; я слышалъ это отъ многихъ, особенно отъ Малевия.

лошадью, которой правилъ нагрузчикъ, по имени Жюньо. Онъ везъ на Руанскую желѣзную дорогу трехъ эмигрантовъ съ ихъ багажемъ. Доѣхавъ до улицы de la Paix, на углу улицы Neuve-des-Capucines, онъ не могъ проѣхать далѣе по причинѣ огромнаго стеченія народа, и поэтому направился въ улицу Neuve-Saint-Augustin и прибылъ на бульваръ нѣсколько минутъ послѣ десяти. На бульварѣ стоялъ въ это время кавалерійскій офицеръ во главѣ эскадрона. Онъ подошелъ къ повозкѣ и обратился къ Жюньо: „Вы пріѣхали за тѣмъ, чтобы собрать мертвыхъ и раненныхъ?“ „Нѣтъ, отвѣтилъ Жюньо, но если вы прикажете мнѣ дѣлать это, то я исполню ваше желаніе.“ — „Ну, такъ займитесь этимъ,“ сказалъ офицеръ. Жюньо просилъ эмигрантовъ сойти съ повозки и поручилъ ихъ вещи комиссіонерамъ, а самъ повернулъ съ своей повозкой въ улицу. Національные гвардейцы и нѣсколько человекъ изъ буржуазіи тотчасъ свалили на нее валявшіеся на бульварѣ трупы. Всѣхъ труповъ было шестнадцати, въ томъ числѣ трупъ подпоручика Бло и оружейника Генри.

Пока они дѣлали это, толпа окружила повозку со всѣхъ сторонъ, и завладѣвъ ею, начала кричать: „въ Бастилію! въ редакцію „National!“ Взволнованный послѣдней катастрофой, офицеръ не хотѣлъ возбуждать новой, и поэтому позволилъ увезти телегу. Этотъ печальный поѣздъ, которому слѣдовало бы быть гробомъ гражданской войны, сдѣлался ея пьедесталомъ.

XVIII.

Кортежъ смерти и мщенія тронулся. Онъ подвигается далѣе, и лежація въ немъ жертвы орошаютъ своею кровью тотъ самый бульваръ, по которому они еще такъ недавно проходили, веселые, не думая о смерти. Въ концѣ Итальян-

скаго бульвара народъ съ зажженными факелами окружаетъ повозку. Въ улицѣ Lepelletier всѣ останавливаются. Двери редакціи „National„ дрожатъ подъ сильными ударами: ихъ отворяютъ и узнаютъ о прибытіи мертвыхъ. Въ редакціи въ это время были: Дюра, Дегувъ-Денункъ, Горео, Гогенъ, и другіе. Маррасть и другіе его сотрудники, занятые составленіемъ завтрашняго номера, удалились въ сосѣдній домъ, такъ какъ послѣ окончанія дѣла на Капуцинскомъ бульварѣ разнесся слухъ, что редакціи угрожаетъ опасность со стороны войска. Въ конторѣ было также нѣсколько депутатовъ, между прочимъ Вавенъ, д'Арагонъ, Малевиль, Гарнье-Пажесъ, и ихъ политическія друзья, Паньеръ, Біеста, Биссонъ и Малльфиль; послѣдній, извѣстный пылкостью своихъ чувствъ, увидѣвъ входящихъ депутатовъ, вскричалъ: „Можемъ ли мы разсчитывать на депутатовъ? Нужно, чтобы они пошли съ нами!“ „Не знаю, что будутъ дѣлать другіе, отвѣчалъ Гарнье-Пажесъ, но что касается меня, то я готовъ; народъ можетъ разсчитывать на меня.“

Одинъ изъ гражданъ потребовалъ, чтобы надъ мертвыми произнесли надгробное слово. За отсутствіемъ Марраста, Гарнье-Пажесъ былъ приглашенъ произнести его. Онъ подходитъ, окруженный своими друзьями. Отворяютъ окошко, и, при видѣ ужаснаго зрѣлища повозки съ трупами, всѣ въ страшномъ изумленіи останавливаются. Тѣла разнаго пола и возраста, окровавленные лохмотья, разбитые члены, исковерканныя лица, разбитыя головы, ужасная смѣсь разорваннаго, дрожащаго тѣла, клочковъ одежды, — словомъ, смерть подъ всеми ея формами! Кругомъ телеги, рабочіе, освѣщающія блѣдныя лица мертвыхъ тусклымъ свѣтомъ своихъ факеловъ! Другіе зажигаютъ новые факелы, чтобы усилить свѣтъ; далѣе — толпа народа. Не было ни давки, ни шума: смерть внушаетъ почтеніе! только тамъ и сямъ слышится то рыданія, то угрозы, и виднѣются руки, сжимающія одна другую при клят-

вахъ въ мести. Вдругъ посреди тишины раздался взволнованный голосъ: это былъ голосъ Гарнье-Пажеса.

„Ужасное преступленіе, отвратительное злодѣйство совершилось! Баззащитные граждане убиты вѣлѣдствіе жестокаго приказа! Они убиты тогда, когда мы считали войну оконченною! Кровь народа пролита — она должна быть отомщена! (Да, да, браво, мщеніе!) У блюстителей закона будетъ потребованъ строгій отчетъ, и справедливость будетъ оказана! (да, да!) Что касается меня, то я предъ вами и предъ этими несчастными жертвами клянусь безъ отдыха преслѣдовать этихъ министровъ, на которыхъ падаетъ вся отвѣтственность за пролитую кровь! (Да! да! Мщеніе! Да здравствуетъ Гарнье-Пажесъ!)“

Если эти слова и удовлетворили взволнованныя чувства народа, то во всякомъ случаѣ нисколько не успокоили ихъ. Нѣкоторые даже считали ихъ очень умѣренными въ отношеніи къ совершившимся событіямъ. Какъ бы то ни было, но они имѣли дѣйствіе электрической искры. Тысячи голосовъ кричали: „Къ оружію! къ оружію! Мщеніе! Къ церквамъ! Ударимъ въ набатъ! Будемъ сопротивляться! Баррикады! Баррикады!“ Раздраженная до крайности, толпа расходится въ разныя стороны. Въ конторѣ „National“, всеми присутствующими овладѣли тѣ же чувства; послѣ краткаго совѣщанія все рѣшились выйти на улицу и присоединиться къ народу.

Кортежъ съ трупами продолжалъ свое печальное шествіе, внушая своимъ видомъ ужасъ и негодованіе. Онъ направился къ Бастиліи, но возлѣ Сенъ-Денискихъ воротъ ему пересѣкла дорогу баррикада, которую уже устроили на бульварѣ. Онъ возвращается назадъ, проходитъ улицы Пуассоньеръ, Клері, Монмартръ, Жанъ-Жакъ-Руссо, и останавливается на углу улицы Sequillière. Кортежъ состоялъ уже всего только изъ ста пятидесяти человѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторые вошли въ

контору „la Réforme“; онъ опять тронулся чрезъ улицу Coquillicre къ рынкамъ. На этомъ мѣстѣ слышались ружейные выстрѣлы: онъ останавливается у лавки оружейника, который безъ всякаго сопротивленія отдалъ имъ все бывшее у него оружіе. Потомъ онъ возвращается чрезъ улицы Ж. Ж. Руссо, Тиктоннъ, Pavée-Saint-Sauveur, Française, Моконсейль, Сень-Дени, aux Ours, и въ третій разъ останавливается въ улицѣ Saint-Martin предъ баррикадой. Тогда онъ направляется въ улицы Quincampoix, des Cinq-Diamants и des Lombards, въ которой останавливается на десять минутъ, чтобы запастись огнемъ и оружіемъ. Онъ уменьшился уже до 100 человѣкъ. Кучеръ, который, не смотря на неоднократныя попытки, не оставлялъ поводовъ своей лошади, убѣждаетъ кортежъ пройти чрезъ улицы Courtalon и des Lavandières въ мерство четвертаго округа, чтобы тамъ сложить свою печальную поклажу. Спустя нѣсколько минутъ они прибыли на площадь du Chevalier du Guet, къ мѣрству. Это было въ половинѣ втораго утра.

Увидѣвъ эту толпу, эти факелы, это оружіе и эту траурную телегу, часовые заняли постъ, съ крикомъ „къ оружію!“ Двери тотчасъ были заперты. Постъ, состоявшій изъ роты національныхъ гвардейцевъ и двадцати пяти линейныхъ солдатъ, подъ командой полковника, приготовился къ оборонѣ. Но кортежъ приблизился и характеръ его прибытія открывается. Дверь отперлась, повозка провезена во дворъ, трупы свалены и положены пока въ залѣ.—На другой день ихъ перенесли въ Moigüe. Наконецъ, печальное шествіе кончено, и Жюньо могъ безпрепятственно вернуться домой. Было два часа утра. Этотъ похоронный поѣздъ въ продолженіи трехъ часовъ разлѣзжалъ по улицамъ Парижа, и, везя лежавшія въ немъ жертвы, подготавливалъ паденіе іюльской монархіи.

XIX.

Въ самомъ дѣлѣ, ружейная пальба произвела повсюду рѣшительное дѣйствіе. Король, главный штабъ, депутаты, весь городъ, — всѣ убѣдились, что положеніе сдѣлалось чрезвычайно важнымъ.

Король убѣдился въ этомъ около десяти съ половиною часовъ. Онъ былъ глубоко пораженъ. Не обнаруживая особеннаго безнокойства на счетъ послѣдствій борьбы, онъ высказывалъ большое нетерпѣніе видѣть Моле. Моле не являлся. Король послалъ за нимъ Монталиве.

Моле узналъ о катастрофѣ у Тьера; ему сообщилъ о ней Доснъ, тестъ Тьера, бывшій тоже на Капуцинскомъ бульварѣ во время стрѣльбы. Онъ пробылъ тамъ довольно долго, спасшись какимъ то чудомъ, и пришелъ домой сильно взволнованный. Его разсказъ произвелъ сильное впечатлѣніе на этого государственнаго человѣка. Прийдя къ себѣ, Моле засталъ тамъ Пасси, Дюфора и Бильо, которые вполне раздѣляли его мнѣніе въ томъ отношеніи, что при настоящихъ обстоятельствахъ необходимо немедленно призвать въ кабинетъ лицъ, возбуждившихъ мысль о банкетѣ. Они сообщили свое рѣшеніе прибывшему вскорѣ Монталиве, который вовсе не былъ удивленъ имъ и тотчасъ же отправился донести о немъ королю.

Звукъ ружейныхъ выстрѣловъ доходилъ изъ за рѣки до министерства внутреннихъ дѣлъ; но обитатели его ни мало не беспокоились этимъ шумомъ. Какъ оказалось въ послѣдствіи, Гизо и Дюшатель скрылись въ главномъ штабѣ.

Въ главномъ штабѣ всѣ были опечалены. Извѣстія, быстро приносимыя одно за другимъ, съ каждой минутой становились печальнѣе. Генералы, склоненные надъ планами Паризжа, избирали самые удобные стратегическіе пункты. Герцогъ Немурскій видимо неспокойный, отдавалъ приказанія.

Вскорѣ послѣ полуночи прибылъ туда меръ третьяго округа, Деканъ, полковникъ національной гвардіи, Ламберъ, и начальникъ батальона, Говинъ. Меръ, осторожно, но не скрывая истины, представилъ герцогу настоящее положеніе города. Ламберъ подтвердилъ его слова. Говинъ утверждалъ, что необходимо тотчасъ же публиковать печатно и объявить съ барабаннымъ боемъ о составленіи министерства изъ членовъ лѣвой стороны, съ тѣмъ, чтобы на разсвѣтъ это уже было извѣстно народу; что въ противномъ случаѣ бѣдствія, самыя ужасныя, готовы разразиться, и королю угрожаетъ опасность въ слѣдующую ночь не быть уже въ Тюльери. Герцогъ былъ взволнованъ, но не отдавалъ никакихъ новыхъ приказаній.

Когда депутаты, вышедшіе отъ Барро, возвратились туда, съ руками обгагранными кровью раненыхъ, которымъ они подавали помощь, глубокое негодованіе овладѣло всѣми. „Нужно идти къ королю,“ сказалъ одинъ изъ членовъ собранія. — „Чтобы потребовать его отреченія,“ отвѣтилъ другой голосъ. — „Въ эту минуту опять стрѣляютъ,“ сказалъ Куртэ. Жоржъ Лафайетъ совѣтовалъ принять болѣе энергическія мѣры. Бомонъ требовалъ, чтобы депутаты вышли на улицы съ своими медалями, чтобы стать между войскомъ и народомъ. Каждый видѣлъ неизбежность сраженія и необходимость внимательства депутатовъ. Между тѣмъ всякое рѣшеніе отложено было на другой день.

XX.

Но народъ не былъ такъ терпѣливъ и не ждалъ до слѣдующаго дня. Пожаръ, уже готовый потухать, снова разгорѣлся повсюду. Какъ обыкновенно бываетъ при вѣсѣхъ важныхъ историческихъ событіяхъ, — рѣзня на Капуцинекомъ бульварѣ въ тотъ же часъ сдѣлалась извѣстною по всему городу. Одни разсказывали, что они собственными глазами вида-

ли ее, и спаслись только благодаря случаю; другіе сообщали о числѣ убитыхъ, описывали страданія раненныхъ, говорили о злыхъ намѣреніяхъ солдатъ, объ измѣнѣ министерства и о всеобщемъ ужасѣ. Видъ погребальной телеги подтверждалъ эти слухи. Тогда возстаніе сдѣлалось всеобщимъ. Многіе, остававшіеся до сихъ поръ въ сторонѣ, рѣшились дѣйствовать. Съ одиннадцати часовъ безпрестанный звонъ во всѣхъ церквяхъ созывалъ народъ; на улицахъ раздавался барабанный бой; все оружіе, оставшееся у оружейныхъ мастеровъ, было разобрано; во всѣхъ округахъ потребовали открытія оружейныхъ депо; во всѣхъ пунктахъ города начали воздвигаться баррикады.

Вдругъ послышался громъ выстрѣловъ. Эти выстрѣлы произведены были сильною колонною 7 легкаго, подъ командой полковника Люзи-Пелиссакъ, который атаковалъ баррикаду воздвигнутую въ улицѣ du Temple. При этой стычкѣ одинъ солдатъ былъ убитъ и двое ранены.

Въ одиннадцать часовъ народъ осадилъ постъ на Сень-Мартенскомъ рынкѣ. Муниципальная гвардія, защищавшая его, выдержала три сильныя нападенія. Но, ослабѣвъ отъ этого напора и не получая ни отъ куда помощи, она не могла выдержать четвертаго нападенія и разбѣжалась. При этомъ случаѣ въ толпѣ было трое убитыхъ и пять раненыхъ.

Въ то же время постъ возлѣ академіи искусствъ и ремеслъ и бараки сторожей на Сень-Мартенскомъ рынкѣ были преданы огню.

Въ полночь, муниципальная гвардія очистила казармы Сень-Мартенскаго предмѣстья, атакованныя народомъ съ необыкновенной энергіей.

Возмущеніе дошло до Saint-Sulpice и набатъ раздавался повсюду. Начальникъ эскадрона Тиссеранъ, стоявшій въ казармѣ улицы Thompson, отрядилъ къ ближайшей церкви взводъ

муниципальной гвардіи; но, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, толпа овладѣла церковью.

На площади Palais-Royal стоялъ отрядъ изъ ста человѣкъ второй и третьей ротъ перваго батальона 14 линейнаго полка, подъ командой капитана Суно, поручиковъ Перессъ, Бертранъ и Сенъ-Клеръ, и подпоручиковъ Госсъ и Одуи. Капральство муниципальной гвардіи, подъ командой капитана Перрена, защищало постъ въ Château-d'Eau. — Группы народа приходятъ и опять уходятъ. Вдругъ появляется кортежъ, который несетъ раненныхъ, — женщину и двухъ молодыхъ людей; толпа раздражается и кричитъ: „къ оружію!“ Майоръ Гаккаръ, посланный въ главный штабъ съ допоселіемъ объ этомъ происшествіи, возвращается и объявляетъ приказаніе герцога Немурскаго, чтобы „войска тотчасъ же отпавились къ баррикадамъ и во что бы то ни стало завладѣли ими.“ Войска спѣшатъ очистить площадь, арестуютъ тѣхъ, которые сопротивляются и разставляютъ караулы, которые задерживаютъ прохожихъ вопросомъ „кто идетъ?“ и выстрѣлами. Въ улицѣ Valois одинъ человѣкъ убитъ и двое ранены. Въ полночь распространяется извѣстие, что баррикада воздвигнута въ улицѣ Saint-Honoré, на углу улицъ Coq и Croix-des-Petits-Champs. Туда отправляютъ роту муниципальных гвардейцевъ и солдатъ 14 легкаго полка. Одинъ человѣкъ убитъ и двое ранены. Аресты продолжаются и плѣнныхъ отводятъ въ Карусель.

Наконецъ, посреди ужасовъ гражданской войны, кончился день, начавшійся такъ мирно и общавшій народу такъ много хорошаго. Всякая надежда на миръ исчезла. Тысячи рукъ брались за оружіе, готовили патроны, разбивали мостовыя и воздвигали баррикады. Колокольный звонъ, крикъ народа и набатъ въ продолженіе всей ночи возвѣщали о завтрашнемъ погребеніи Іюльской монархіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Выборы 1846 года. — Министерство п оппозиціи лицомъ къ лицу. — Организація партій въ палатѣ. — Организація избирательныхъ силъ страны: центральный избирательный комитетъ Сенскаго департамента; его цѣль, его вліяніе и его составъ; циркуляръ его о выборахъ рѣзко выставляетъ недостатки избирательнаго закона. — Мнѣніе Притчарда становится орудіемъ въ рукахъ оппозиціи. — Цѣль министерства; надежды оппозиціи. — Манифестація и обѣщанія Гизо на банкетѣ въ Лизьё. — Покушеніе на жизнь короля 29 юля; его благопріятное дѣйствіе на провинціальныя выборы въ пользу правительства; вліяніе его на Парижъ выражается тѣмъ, что оппозиція назначаетъ одиннадцать депутатовъ противъ четырнадцати. — Въ суммѣ, министерство имѣетъ двѣсти семьдесятъ членовъ противъ ста восьмидесяти оппозиціонныхъ. — Новая группа депутатовъ прогрессивныхъ и консерваторовъ. — Результаты выборовъ одинаково радуютъ консерваторовъ и радикаловъ: одни гордятся своимъ числомъ, другіе готовятся къ болѣе широкой и оживленной дѣятельности. — Открытіе палатъ: восемнадцатидневное засѣданіе. — Рѣчь короля; его увѣренность въ счастливой будущности своего семейства. — Оппозиція обвиняетъ министерство въ обманѣ, посредствомъ котораго оно дѣйствовало на выборахъ. — Результатомъ послѣднихъ засѣданій была прочная солидарность консерваторовъ съ правительствомъ. — Засѣданіе генеральныхъ совѣтовъ и возобновленіе ихъ по третямъ свидѣтельствуютъ въ свою очередь о могуществѣ консервативной партіи; по муниципальнымъ выборамъ несомнѣнно благопріятны политикѣ кабинета; выборы національной гвардіи враждебны ей. — Народъ осуждаетъ

систему правительства. — Обманы въ морском вѣдомствѣ, въ Рошфорѣ; преслѣдованіе ихъ. — Обманы въ Тулонѣ; пожаръ въ арсеналѣ; административное слѣдствіе, заступившее мѣсто судебного, не огкрываетъ преступленія. — Судебное сословіе приносить себя въ жертву политикѣ; оно распредѣляетъ печатаніе судебныхъ объявленій по извѣстнымъ журпаламъ, и тѣмъ дѣлаетъ косвенное вспоможеніе правительственнымъ органамъ въ разныхъ департаментахъ. — Другія причины неудовольствій; всѣ предсказываютъ неурожай, а правительство изъ безпечности пренебрегаетъ всякими совѣтами; безпорядки вспыхиваютъ; муниципальные совѣты и общественная благотворительность приходятъ въ безпокойство и дѣйствуютъ; правительство дѣлаетъ слѣдствіе и объявляетъ, что безпокоиться не о чемъ; безпорядки продолжаютъ. — Новыя причины безпокойства; подъ тройнымъ вліяніемъ неурожая, увеличенія издержекъ и системы постройки желѣзныхъ дорогъ рождается финансовый кризисъ. — Дефицитъ въ бюджетѣ. — Недостаточность сберегательныхъ кассъ. — Необходимость спекуляціи. — Недостатокъ денегъ въ банкѣ; упадокъ цѣнностей. — Положеніе дѣлъ въ Европѣ; Россія; Пруссія; Австрія; второстепенныя гасударства; Швейцарія; Англія. — Политика французскихъ Бурбоновъ въ отношеніи къ Испаніи. — Проектъ испанскихъ браковъ. — Переговоры въ Château d'Eu съ lordомъ Альбертомъ. — Основанія и условія, предложенныя Англіей. — Lordъ Пальмерстонъ заступаетъ мѣсто lordа Абердина. — Оскорбительная полемика агнлійской прессы противъ Луи-Филиппа. — Несогласіе обоихъ кабинетовъ. Испанскіе браки заключаются въ ущербъ агнлійскому союзу. — Европа пользуется этимъ несогласіемъ; Россія поддерживаетъ бракъ герцога Бордосекаго съ Моденской принцессой. — Россія, Пруссія и Австрія, уничтожаютъ краковскую республику. — 1846 годъ кончается при этихъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ. 1—21

ГЛАВА ВТОРАЯ. Открытіе сессіи 1847 г. — Рѣчь короля, неполненная спокойствіи и заученнаго лакопизма; радикальная пресса указываетъ на несостоятельность словъ короля; министерская пресса и дипломатическій корпусъ заглушаютъ эту критику своею лестью. — Признанія и объясненія министерства по поводу кризиса. — Банковыя вклады уменьшаются въ три мѣсяца на 100 милліоновъ. — Министерство требуетъ выпуска на 56 милліоновъ банковыхъ билетовъ и въ тоже время объявляетъ положеніе дѣлъ совершенно безопаснымъ. — Бюджетъ съ дефицитомъ въ 243 милліона. — Дороговизна хлѣба; безпорядки; убійство въ Бюзансе; усмиреніе вооруженной силой и эшафотомъ; правитель-

ство принимается наконецъ за ввозъ съѣстныхъ припасовъ. — Споры въ палатѣ объ испанскихъ бракахъ; этотъ вопросъ производитъ раздѣленіе въ оппозиціи; новая группа депутатовъ образуется подъ предводительствомъ Дюфора и Билльо; значительное большинство оправдываетъ правительственную систему. — Политическое могущество Луи-Филиппа достигаетъ высшаго предѣла. — Въ окончаніи преній по поводу бюджета, Дювержье-де-Гораннъ дѣлаетъ правительству запросъ о состояніи финансовъ; его предложенія объ измѣненіи финансовой системы отвергнуты. — Адресъ принятъ большинствомъ 248 голосовъ противъ 48. — Новая побѣда правительства; примиреніе лорда Норменби съ Гизо при посредствѣ австрійскаго посланника; покупка русскимъ императоромъ на 50 милліоновъ ренты. — Смерть Мартень-де-Нора; замѣненіе его Геберомъ въ министерствѣ юстиціи; этотъ выборъ выражаетъ злобу правительства; въ отвѣтъ на него палата назначаетъ Геберу въ вице-президенты Леона-де-Маллевиля; раздраженіе кабинета и жестокіе нападки министерской прессы. — Избирательныя реформы; предложеніе Дювержье-де-Горанна; Дюшатель отвергаетъ даже существованіе этого вопроса въ палатѣ; предположеніе Гизо о томъ, что прогрессъ заключается въ ослабленіи чрезмѣрнаго развитія свободы, и урокъ его прогрессивнымъ консерваторамъ; предложеніе его отвергнуто 252 голосами противъ 154. — Парламентская реформа; предложеніе Ремюза; исключеніе офицеровъ и чиновниковъ, служащихъ при королѣ и принцахъ; враждебное расположеніе Тьера къ двору; предложеніе, отвергнутое 219 голосами противъ 170; большинство голосовъ было поддержано 129 чиновниками. — Партія радикаловъ видитъ свою побѣду въ этомъ пораженіи. — Разговоръ Гариье-Пажеса съ Гизо. — Безсиліе кабинета; Демуссо характеризуетъ это состояніе словами: ничего, ничего, ничего! — Эшафотъ въ Бузассе. — Сессія палаты превращается въ засѣданіе ассизнаго суда. — Злоупотребленія по провіантской части въ Парижѣ; воровство, открытое въ поставкахъ правительству; строгое обращеніе и безпорядки по морскому управленію, указанные д'Анжевилемъ и Бенуа Фульдомъ, большинство защищаетъ правительство. — Дѣло Теста и Кюбьера. — Перемѣны въ министерствѣ: Гизо жертвуетъ тремя министрами, болѣе всего пострадавшими въ парламентскихъ преніяхъ; сопротивленіе Лакавъ-Лаплана; назначеніе трехъ новыхъ министровъ объявляется въ Монитерѣ 10 мая; ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ къ палатѣ; недовольствіе консерваторовъ; король, министры и Лакавъ-Лапланъ успокаиваютъ ихъ и министерство окончательно устроивается; это — послѣднее министерство іюльскаго

монархіи.—Радикалы довольны этимъ крайнимъ развитіемъ правительственной системы.—Назначеніе придворныхъ прелатовъ и новыхъ дворянъ.—Волненіе, произведенное въ палатѣ перовъ посягательствомъ на ея достоинство въ одной статьѣ *Presse*, подписанной Эмилемъ-де-Жиранденомъ, въ которой въ тоже время обвиняется въ разныхъ злоупотребленіяхъ министерство внутреннихъ дѣлъ; палата перовъ проситъ разрѣшенія у палаты депутатовъ позвать къ отвѣту Эм. де-Жирандена; въ спорахъ по этому поводу Жиранденъ смѣло поддерживаетъ свои обвиненія; ему отвѣчаютъ Гизо и Дюшатель; палата депутатовъ даетъ разрѣшеніе, требуемое палатою перовъ; Жиранденъ оправданъ палатою перовъ и возвращается въ палату депутатовъ, чтобы поднять и оживить споры новыми съ своей стороны обвиненіями; онъ требуетъ слѣдствія; на предложеніе Морри ствѣчаютъ 225 голосовъ противъ 102, объявляя въ тоже время, что они удовлетворены объясненіями со стороны кабинета. — Споры по вопросу объ Алжирѣ и открытіе по этому поводу новыхъ безпорядковъ. — Охлажденіе большинства. — Министерство, покровительствовавшее католической революціи въ Швейцаріи, противится либеральному движенію въ Португаліи. — Злоупотребленія въ управленіи государственными лѣсами. — Обманъ отвѣтственнаго агента больницы Гро-Калью. — Судъ и приговоръ надъ Тестомъ, Кюбьеромъ и Пармантье; стараніе министерской прессы выставить въ этомъ дѣлѣ безукоризненное поведеніе судей. — Споры о бюджетѣ: громадный дефицитъ; предостереженіе и тревога парламентскаго большинства; требованіе и вотированіе займа въ 350 милліоновъ. — Паденіе всѣхъ проектовъ новыхъ законовъ по поводу разныхъ предприятий. — Последнее разоблаченіе лихоимства, сдѣланное журналомъ «*National*». — Печальное заключеніе, которое дѣлаетъ изъ парламентской сессіи «*Journal de Debat*».

22—56

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Министерство и экстра-парламентскія силы другъ передъ другомъ; безличность министерства. — Составъ этихъ силъ: лѣвая сторона, лѣвый центръ, средняя партія, крайняя лѣвая сторона, крайніе радикалы. — Двѣ послѣднія партіи стремятся къ одной и той же цѣли, но при помощи различныхъ средствъ. — Это несогласіе, выражаемое журналами *National* и *Reforme*, ясно обнаруживается въ рѣчахъ Ледрю-Фоллена въ Майѣ и Гарнье - Пажеса въ Вернелѣ; оба эти журнала поддерживаютъ и развиваютъ борьбу; являются посредники и образуется смѣшанный комитетъ изъ представителей обѣихъ партій; редакторы и комитеты журналовъ *National*

и Reforme. — Тайныя общества: ихъ безсиліе и безпомощность. — Школы: пробужденіе ихъ политическихъ стремленій, ихъ журналы и комитеты. — Соціализмъ, Сентъ-Симонизмъ, ученіе Бюше, Фурьеризмъ, секты коммунистовъ, Кабе, Луи-Бланъ, Ашплъ Коптъ, Пекеръ, Прудонъ, Видалъ, Луи Бонапартъ, разныя безыменныя секты. — Народъ мало по малу проникается идеями социализма; правительство смотритъ на это презрительно и равнодушно; лѣвая и крайняя лѣвая стороны не обращаютъ на это никакого вниманія; радикалы принимаютъ участіе, хотя и дѣйствуютъ иными путями; съ цѣлью сойтись они устраиваютъ собраніе, предложенное редакторомъ журнала l'Atelier; споръ исключительно сосредоточивается на двухъ вопросахъ: о свободной ассоціаціи (поддерживаемой Корбономъ) и вынужденной ассоціаціи (поддерживаемой Луи Бланомъ); первая система вызываетъ большее число сторонниковъ. — Дѣятельная организація центрального комитета сенскихъ избирателей; комитетъ сосредоточиваетъ силы оппозиціи. 57—84

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Морин, поздравляя короля съ выборами 1846 года, напоминаетъ ему объ общаніяхъ Гизо; ироническій отвѣтъ Луи-Филиппа. — Лѣвая сторона рѣшается снова прибѣгнуть къ мирной агитаціи. — Первое собраніе всей оппозиціи у Отъ Барроу согласіе ~~всѣхъ~~ партій, безъ нарушенія принциповъ каждой. — Второе собраніе, на которомъ было рѣшено, что центральный комитетъ приметъ инициативу реформистскаго движенія; Паньеру поручаютъ составить проектъ адреса объ измѣненіи избирательной и парламентской системы; съ цѣлью добиться этихъ реформъ, избираютъ три различныхъ образа дѣйствій: адресъ, излагающій всѣ недостатки избирательнаго закона; банкеты, устраиваемые для учрежденія и скрѣпленія союза всей оппозиціи, и смѣшанный комитетъ, который сосредоточивалъ бы направленіе реформистскаго движенія. — Предвидѣнье Гарнье-Пажеса. — Засѣданіе центрального комитета у Паньера. — Засѣданіе у Ластейри, на которомъ рѣшено, что центральный комитетъ и окружные комитеты Сенскаго департамента дадутъ банкетъ реформистскимъ депутатамъ. — После этого засѣданія, управленіе движеніемъ переходитъ въ руки бюро центрального комитета. — Вліяніе этого бюро на окружные комитеты, которые рѣшаются принять участіе въ движеніи. — Подписка на банкетъ, въ началѣ медленная, увеличивается и далеко переходитъ опредѣленную цифру; комитетъ назначаетъ банкетъ на 7 іюля въ Château-Rouge; министерство запрещаетъ банкетъ и потомъ разрѣшаетъ его; банкетъ

состоялся 9 июля; присутствие на немъ восьмидесяти шести депутатовъ; рѣчи и тосты Ластейри, Рекера, Барро, Паньера Дювержье-де-Горанна, Сепара, Гризье, Ригли, Гамелена, Мари, Гюстава-де-Бомона, Шамболя, Фредерика-де-Горжа и Малевилля; печальныя и подавляющія рѣчи Барро, Дювержье-де-Горанна и Малевилля; громадное дѣйствіе этого банкета на Францію. — Центральный комитетъ вступаетъ въ сношенія съ департаментскими комитетами и журналами; онъ сообщаетъ имъ свою дѣятельность и самоотверженіе. — Банкеты въ Кольмарѣ, Страсбургѣ, Суассонѣ и Сень-Кентенѣ. — Преступленіе Леотада. — Убіиство герцогини Праслень ея мужемъ; глубокое впечатлѣніе, произведенное во Франціи этимъ убійствомъ. — Назначеніе герцога Омальскаго генералъ-губернаторомъ Алжира. — Удаленіе маршала Сульта; назначеніе Гизо президентомъ совѣта. — Ажитация, произведенная банкетомъ, распространяется; на банкетѣ въ Копѣ обнаруживается первое несогласіе между оппозиціонными партіями; судья Гамбонъ протестуетъ противъ тоста въ честь короля, предложеннаго династическою оппозиціей; отрѣшеніе его отъ должности на пять лѣтъ. — Исключительные радикалы, въ началѣ враждебные банкетамъ, рѣшаются принять въ нихъ участіе; Ледрю-Ролленъ и Флоконъ на банкетѣ въ Анлѣ; Барро хочетъ измѣнить условленные тосты предложеніемъ тоста въ честь іюльской монархіи; комиссары отказываютъ Барро въ этомъ желаніи и онъ съ своими друзьями оставляетъ банкетъ. — На банкетѣ въ Авенѣ, Барро выражаетъ свои монархическія убѣжденія, о которыхъ умалчивалъ до сихъ поръ. — Движеніе, произведенное банкетами, продолжаетъ увеличиваться. — Первые результаты этого движенія обнаруживаются: многіе изъ генеральныхъ совѣтовъ высказываются въ пользу реформы; отдѣльные выборы не нравятся правительству; король принужденъ утвердить Берже меромъ втораго парижскаго округа. — Исключительные радикалы устраиваютъ чисто радикальные банкеты; банкеты въ Дижонѣ и Шалонѣ-на-Саонѣ. — Polemica между исключительными и парламентскими радикалами въ Монпелье и Нейбургѣ; радикалы реформисты поддерживаютъ на нихъ свое дѣло. — Соединеніе всѣхъ оппозиціонныхъ партій, съ сохраненіемъ каждой ея принциповъ. — Банкетъ въ Руанѣ; отказъ радикаловъ реформистовъ участвовать въ немъ, по поводу тоста въ честь учреждений іюльской монархіи. — Последний банкетъ, предложенный двѣнадцатымъ парижскимъ округомъ. — Пробужденіе общественнаго мнѣнія, какъ прямой результатъ банкетовъ. 85—122

ГЛАВА ПЯТАЯ. Въ тронной рѣчи король прямо нападаетъ на оппозиціонныхъ депутатовъ, мнѣнія которыхъ онъ называетъ враждебными или слѣпыми страстями; оппозиція сноситъ эту обиду и рѣшается не уступать правительству. — Попытка примиренія, отвергнутая Гизо; предвидѣніе герцога Жуанвилля; его письмо къ герцогу Немурскому; поименныя Монталиве, маршала Жерара и маршала Себастьяни; замѣчанія принцессы Аделаиды; король не слушаетъ никого. — Смерть принцессы Аделаиды. — Вступленіе австрійцевъ въ герцогства Парму и Модену. — Паденіе Зондербунда, не смотря на поддержку со стороны Франціи и Австріи. — Взятіе въ плѣнъ Абд-эль-Кадера. — Дѣло Пети; продажа мѣстъ докладчиковъ въ контрольной палатѣ. — Пренія объ адресѣ въ палатѣ пэровъ; рѣзкая рѣчь Монталамбера. — Палата депутатовъ; запросъ, сдѣланный Барро по дѣлу Пети; отвѣтъ Гизо; слова Лербега; одно изъ опредѣленій принято и заключаетъ въ себѣ выраженіе довѣрія; но нѣсколько консерваторовъ не согласились простить министру его проступокъ. — Пренія по новоду адреса. — Опредѣленіе финансоваго положенія Леономъ Фоше, Фульдомъ и Ластейри; защищеніе Дюмона, министра финансовъ; полный отчетъ, сдѣланный Тьеромъ; онъ предвидитъ близкую катастрофу, увѣренія Дюшателя. — Неутвержденный государственный долгъ въ 880 мил. (замѣтка, найденная въ бюро у Дюмона) — Внутренняя политика: измѣненія въ законахъ о нравственности, предложенныя Билльо; его требованія; жесткія слова Леона де-Малевиля и Эмilia де-Жерардена; мнѣнія Дюфора; предложеніе Билльо отвергнуто. — Иностранная политика: Франція, по словамъ Ламартина, повсюду потеряла свои истинный характеръ; Гизо, угрожающій коалиціей; бомбардированье Палермо; нападеніе Тьера на политику правительства; Гизо отвѣчаетъ ему, что вся разница между ними заключается въ различіи ихъ положеній; Барро объявляетъ, что трактаты 1815 года существуютъ только на бумагѣ; Тьеръ, по поводу швейцарскаго вопроса, увѣряетъ, что, не будучи даже радикаломъ, онъ будетъ всегда на сторонѣ революціи, какъ во Франціи, такъ и въ Европѣ; Гизо возбуждаетъ ропотъ своимъ объявленіемъ, что правительство хочетъ вмѣшаться въ дѣла гельветическаго союза, въ которомъ восторжествовалъ радикализмъ. — Вопросъ о банкетахъ. — Новыя усилія нѣкоторыхъ изъ друзей министра, предлагающихъ ему сдѣлать измѣненія въ примирительномъ духѣ; перѣшительность Дюшателя; рѣшительный отказъ Гизо; оппозиціонные депутаты, собравшіеся у О. Барро, рѣшаютъ, что вопросъ о банкетѣ двѣнадцатаго округа будетъ поднятъ послѣ преній объ адресѣ, такъ какъ всѣ-

ми признана необходимость поддержать это дѣло. — Рѣчи Дювержье де-Горанна, Мари и Малевиля; задѣтый словами этого послѣдняго, Дюшатель не колеблется болѣе и рѣшается на стѣснительныя мѣры; Барро отстраняетъ отвѣтственность своей партіи за послѣдствія его дерзкихъ словъ; Буассель доказываетъ непослѣдовательность между разрѣшеніемъ прежнихъ банкетовъ и запрещеніемъ банкета двѣнадцатаго округа; Геберъ доказываетъ, что все, на что нѣтъ положительнаго дозволенія, запрещено; Ледрю-Ролленъ нападаетъ на это толкованіе и уничтожаетъ его; Геберъ настаиваетъ на своемъ и доходитъ до угрозъ; ропотъ въ палатѣ; слова Одилона Барро; смятеніе увеличивается; президентъ скрывается; общій споръ оканчивается шумомъ; ропотъ въ городѣ, произведенный этимъ бурнымъ засѣданіемъ; записка Дюшателя къ Гизо. — На другой день шумъ увеличивается; измѣненіе, предложенное Дарбле; горячій разговоръ между Барро, Тьеромъ и Гизо; предложеніе объ измѣненіи отвергнуто; измѣненіе, предложенное Демуссо де-Живре, объ исключеніи изъ адреса оскорбительныхъ слово королевской рѣчи; Ламартинъ поддерживаетъ его; глубокое впечатлѣніе, произведенное его рѣчью; измѣненіе не принято 228 голосами противъ 185; такъ какъ президентъ палаты подалъ свой голосъ, то оппозиція объявляетъ ему, что ни одинъ изъ членовъ ея не будетъ болѣе посѣщать его; параграфъ, заключающій въ себѣ оскорбительныя слова принятъ оппозиціею 223 голосами противъ 18; оппозиція не подавала голоса; измѣненіе предложенное Саландрузомъ; Морви предлагаетъ, чтобы министерство дало общае провозвести выгодныя реформы; Гизо на отрѣзъ отказывается; безпорядки; безпокойство консерваторовъ; ихъ настоятельныя требованія у президента совѣта; Гизо непоколебимъ; опасность, угрожающая министерству отъ вотирования; тактика Тьера и Ремюза, считающихъ себя кандидатами въ министры, спасаетъ министерство; измѣненіе отвергнуто; вотированіе цѣлаго адреса; 244 голоса за него. — Критическое положеніе оппозиціи, министерства и короля 123—162

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Маррастъ совѣтуетъ депутатамъ выйти всѣмъ вмѣстѣ въ отставку; собраніе радикаловъ у Мари, съ цѣлью обсудить это предложеніе; рѣшеніе этого вопроса отложено. — Общее собраніе депутатовъ оппозиціи въ café Durand; предложеніе Марраста отвергнуто, равно какъ и предложеніе о подачѣ обвинительнаго акта противъ министерства; оппозиція намѣрена поддерживать право собранія; назначеніе редакцион-

наго комитета, который на слѣдующій день публикуетъ во всѣхъ журналахъ цѣль этого собранія, пренія, въ немъ происходившія, и рѣшенія, къ которымъ онѣ привели. — Одинъ только депутатъ, Эм. де-Жирарденъ, выходитъ въ отставку. — Представленіе адреса королю; ни одинъ изъ членовъ оппозиціи не участвуетъ въ деютаціи; безмолвное неудовольствіе короля. — Разговоръ герцога Монпансье съ Морни. — Частный пріемъ въ Тюльери; визитъ нѣсколькихъ прогрессивныхъ консерваторовъ; холодный и презрительный пріемъ короля. — Недовѣрчивость къ національной гвардіи; всеобщія волненія; состояніе умовъ въ Парижѣ. — Собраніе у Барро членовъ комитета двѣнадцатаго округа; соединеніе ихъ съ общимъ комитетомъ депутатовъ, журналистовъ и избирателей; организація банкета приостановлена; назначеніе комиссіи для завѣдыванія приготовленіями къ банкету; затрудненія въ пріисканіи помѣщенія; предложенія Морни; недовольство. — *Journal de Debat* старается ослабить рѣчь Гизо противъ реформъ; оскорбленіе, нанесенное этимъ самымъ ревностнымъ консерваторамъ. — Военныя приготовленія правительства. — Комиссія назначаетъ банкетъ на 22 февраля; объявленіе объ этомъ въ журналахъ. — Собраніе 19 числа въ *café Dugand*; отчетъ Барро о трудахъ комиссіи; Дарбле пытается, отъ имени нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей консерваторовъ, отвлечь оппозицію отъ ея экстрапарламентскаго способа сопротивленія, Ламартинъ отвѣчаетъ, что въ виду позора и гибели страны остается одно только гражданское мужество; листъ покрывается подписями. — 20 числа оппозиціонныя журналы даютъ отчетъ въ этомъ собраніи и его рѣшеніи, и вызываютъ къ спокойствію народа. — Нѣсколько консервативныхъ депутатовъ дѣлаютъ новыя попытки къ примиренію; король, Гизо и Геберъ отвергаютъ ихъ; Дюшатель склоняется на примиреніе и увлекаетъ за собою большинство совѣта; вслѣдствіе этого министерство назначаетъ для веденія переговоровъ Морни и Вите, а оппозиція — Малевиля, Дюпержье де-Горранна и Верже; заключеніе условій; честь оппозиціи будетъ сохранена поддержкой права собранія; банкетъ долженъ быть отложенъ и вопросъ о немъ отданъ на судъ трибуналовъ. — Флоксы сознаются въ нечальномъ положеніи журнала *la Réforme*. — Исключительные радикалы присоединяются къ реформистской коалиціи; Ледрю-Ролленъ будетъ участвовать на банкетѣ. — Барро соглашается на предложеніе Луи-Блана, чтобы работники занимали особенное мѣсто въ кортежѣ. — Согласіе со школами. — Условія мирной и торжественной манифестаціи приняты всѣми; департаменты выражаютъ свое согласіе и поздравленіе. — Будетъ ли національная гвар-

дія вооружена саблями во время шествія кортежа?—Министерство отдаетъ приказанія, сообразныя съ заключенными условіями. — 21 числа журналы публикуютъ программу манифестаціи. — Программа 163—194

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Впечатлѣніе, произведенное программой; министерство видитъ въ ней оскорбленіе власти; оно уничтожаетъ условія; Морни и Вите отправляются къ Барро предупредить его о разрывѣ; Дювержье де-Гораннь передаетъ имъ для публикаціи замѣтку, въ которой заключаются измѣненія программы; министерство отвергаетъ ея; Морни не полагается на національную гвардію; генераль Жакмино ручается за нее; Морни требуетъ устраненія своей отвѣтственности въ нарушеніи условій и проситъ разрѣшенія объявить прокламаціи; Дюшатель даетъ ему свое согласіе; въ тотъ же вечеръ прокламація объявлена. — Министры отправляются къ королю, который очень доволенъ этимъ разрывомъ. — Разговоръ Гудло съ Гагъ-Нажесомъ. — Слова короля, сказанныя Рамбюто и Дюшателю: его не достигнуть въ распλοхъ. — Министерство рѣшаетъ, что такъ какъ манифестація имѣетъ угрожающій характеръ, то банкетъ будетъ допущенъ только, если на него отправятся по одиночкѣ, но что всякій кортежъ будетъ разрѣшенъ; министерство отдаетъ приказанія въ смыслъ этого рѣшенія. — Генераль Инбюрсъ Себастіани собираетъ генераловъ и полковниковъ парижской арміи; онъ сообщаетъ имъ рѣшеніе правительства и планъ сраженія, на случай битвы въ Парижѣ; его распоряженія приняты холодно. — Приготовленія префекта полиціи. — Засѣданія въ палатѣ депутатовъ; запросъ Барро министерству; горячій споръ съ Дюшателемъ; взаимные промахи обоихъ ораторовъ. — Собраніе у Барро послѣ засѣданія; оживленные споры; принятіе отсрочки банкета. — Прокламація, объявленія и распоряженія правительства. — Вечернее собраніе у Барро членовъ общей комиссіи, депутатовъ центральнаго комитета и комитета двѣнадцатаго округа и журналистовъ; демонстрацію посредствомъ кортежа и банкета замѣняятъ обвинительнымъ актомъ противъ министерства. — Замѣчанія Тьера, Вивьена, общей комиссіи и избирательнаго комитета втораго округа. — Собраніе у Перре, въ редакціи *Siècle*; депутаты посылаютъ на это собраніе двѣ депутаціи; озлобленъ е противъ нихъ; предложеніе Перре; національная гвардія, созванная правительствомъ, устроитъ манифестацію. — Собраніе въ конторѣ *la Reforme*; члены собранія отказываются начать битву; замѣчаніе Флокона; вооруженіе откладываетъ

ся. — Школьный комитетъ предлагаетъ студентамъ быть умѣренными. — Тайныя общества не будутъ дѣйствовать. — Революція 1848 года не было дѣломъ заговора. — При извѣстїи объ этомъ новомъ рѣшеніи оппозиціи, министры внутреннихъ дѣлъ и военный отдають новый приказъ арміи и національной гвардіи. — Обѣ стороны приостанавливаютъ свои приготовленія къ битвѣ. — Торжество въ Тюльери. — Народъ откладываетъ дѣло своего самодержавія до другаго времени . . . 195—235

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Вторникъ, 22 Февраля. — Уничтоженіе приготовленій къ банкету; полицейскіе комиссары и муниципальная гвардія уходятъ съ мѣста, назначеннаго для банкета; офицеры главнаго штаба національной гвардіи расходятся по домамъ. — Волненіе въ латинскомъ кварталѣ: на площади Пантеона составляется колонна изъ молодыхъ людей и рабочихъ; они идутъ на площадь Concorde, окружаютъ палату депутатовъ, но расходятся послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ имъ замѣчаній. — Префектъ полиціи и министръ внутреннихъ дѣлъ узнаютъ о случившемся. — Разговоръ короля съ Горасомъ Верне. — У Барро составляется обвинительный актъ противъ министерства. — Часть студентовъ отправляется къ Барро, другая завязываетъ схватку съ солдатами на Монтрейльскомъ постѣ и долго поддерживаетъ борьбу противъ прибывающихъ подкрѣпленій. — Борьба на площади Madeleine и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. — Студенты возвращаются въ свой кварталъ, дѣлаютъ покушеніе на политехническую школу, а потомъ расходятся. — Первые баррикады. — Стычки въ улицѣ Риволи и въ Елисейскихъ поляхъ. — Возрастающее раздраженіе между народомъ и муниципальной гвардіей. — Народъ кричитъ: «да здравствуютъ линейныя войска! Долой муниципальная гвардія!» — Встрѣча народа съ депутатами, отправляющимися въ палату. — Засѣданіе; Барро предъявляетъ обвинительный актъ; презрѣніе Гизо. — Палата перовъ; приключеніе съ Боасси. — Три депутата города Парижа отправляются къ Сенскому префекту; рѣзкія слова Рамбюто. — Волненіе на улицахъ усиливается, народъ отнимаетъ оружіе у оружейныхъ мастеровъ. — Правительственныхъ распоряженій нигдѣ не видно, и только вечеромъ городъ объявленъ на военномъ положеніи. — Изложеніе стратегическаго плана; его недостатки; исчисленіе войскъ. — Дурное управленіе войскомъ дѣлается еще хуже съ назначеніемъ герцога Немурскаго главнокомандующимъ; распредѣленіе войскъ по стратегическимъ пунктамъ. — Отсутствіе національной гвардіи. — Движеніе на заставахъ; первые выстрѣлы; первыя жертвы. — Сцена

въ Тюльери между королевской фамиліей и батальоннымъ командиромъ національной гвардіи.—Совѣщаніе герцога Немурскаго съ министрами; странное совпаденіе.—Самоувѣренность префекта полиціи. — Спокойствіе правительства. — Ожиданія оппозиціи. — Войска получаютъ приказаніе разойтись по своимъ квартирамъ. — Правительство владѣтъ городомъ. 236—272

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. 23 февраля: утромъ войска занимаютъ прежнія позиціи; командованіе надъ ними сосредоточено въ одномъ пунктѣ. — Борьба начинается въ узкихъ улицахъ пятаго округа; перекрестокъ улицы Neuve - Bourg - l'Abbé; Сентъ-Мартенскій рынокъ; площадь Шателе; баррикады улицъ Rambuteau и Beaubourg; улица des Filles-du-Calvaire.—Борьба усиливается.—Взятіе Моконсейльскаго поста. — Національная гвардія; ея настроеніе; манифестации, произведенныя ею; 1 легіонъ оскорбляетъ депутатовъ оппозиціи; 2 легіонъ при встрѣчѣ съ линейнымъ полкомъ кричить вмѣстѣ съ нимъ: «Vive la Reforme!» и крепъ этотъ доходитъ до Тюльери; 3 легіонъ направляетъ штыки противъ кирасиръ; 4 легіонъ направляется къ палатѣ депутатовъ съ просьбой о немедленномъ удаленіи министровъ и преданіи ихъ суду; батальонъ 10 легіона пересѣкаетъ ему дорогу на мосту Concorde; неизбежность стычки; счастливое вмѣшательство депутатовъ оппозиціи; 5 легіонъ вмѣшивается, въ Сентъ-Мартенскомъ предместьи, въ защиту народа съ отрядомъ муниципальной гвардіи, и заставляетъ послѣдняго возвратиться въ казармы; 6 легіонъ, связанный симпатіей и дѣломъ съ реформистскимъ движеніемъ; въ 7 легіонѣ убитъ одинъ гвардеецъ, желавшій примирить народъ съ войскомъ; офицеры этого легіона отправляются къ Сенскому префекту; въ 8 легіонѣ, національные гвардейцы, принадлежавшіе къ оппозиціи, являются только вечеромъ; 9 легіонъ остается безъ всякаго дѣйствія; 10 легіонъ, его раздѣленіе на консерваторовъ и либераловъ; протестъ одного батальона противъ полковника; 11 легіонъ и разговоръ линейнаго офицера съ офицеромъ національной гвардіи; 12 легіонъ призванъ нослѣ всѣхъ, изъ опасенія его демократическаго направленія; конная національная гвардія объявляетъ своему полковнику о необходимости уступить. — Къ королю доходятъ со всѣхъ сторонъ извѣстія о настроеніи національной гвардіи; опять тревожится имп., — Гизо и Дюшатель въ Тюльери; ихъ отставка — добровольная или вынужденная? — Засѣданіе палаты депутатовъ; пренія о привилегіи Бордосскаго банка; паническій страхъ; случай съ 4 легіономъ; требованіе Вавена; Гизо объявляетъ, что король призвалъ Моле, чтобы составить новый кабинетъ; сильная ажи-

тація; простой и ясной приказъ на слѣдующій день.—Засѣданіе палаты перовъ; требованіе Альтона-Се и Буасси; палата не хочетъ слушать ихъ; пренія о закладахъ и о беззаконіяхъ совершившихся въ Американскихъ колоніяхъ; созваніе засѣданія и на слѣдующій день для того, чтобы услышать мнѣніе морскаго министра, который былъ въ этотъ день нездоровъ; засѣданія закрыто. — Это—послѣднее зсѣданіе палаты перовъ. 273—304

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Паденіе Гизо улучшаетъ положеніе дѣлъ; общая радость въ Парижѣ.—Оппозиція не вѣрнѣе, чтобы Моле могъ содѣйствовать реформѣ.—Двусмысленное положеніе: правительство оставляетъ вооруженныя войска на прежнихъ мѣстахъ; оно не отдаетъ никакихъ новыхъ приказаній, оставляетъ въ совершенной неизвѣстности Сенскаго и полицейскаго префектовъ, главный штабъ національной гвардіи и корпусныхъ командировъ; оно не говоритъ ничего ни народу, ни національной гвардіи; опасность такого положенія.—Освобожденіе плѣнныхъ. — Драматическія сцены въ улицѣ Bourg l'Abbé. — Различныя эпизоды: случай въ складочномъ мѣстѣ винъ, въ академіи искусствъ и ремеселъ, въ полицейской префектурѣ. — Моле требуютъ въ Тюльери; при выѣздѣ его изъ дому, толпа останавливаетъ его карету и требуетъ ее для баррикады; свиданіе Моле съ королемъ.—Министры подають въ отставку. — Обѣды въ Тюльери, въ главномъ штабѣ національной гвардіи, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Попытки Моле у Ремюза, Дюфора, Пасси, Билло и Тьера; отвѣтъ Тьера. — Моле отправляется къ Ремюзу; ихъ разговоръ. — Моле ѣдетъ къ Тьеру; совѣщаніе между ними.—Собраніе у Одилона Барро: пренія объ образѣ дѣйствій, котораго слѣдуетъ придерживатся; эти пренія прерываются приближеніемъ толпы народа, ворвавшейся во дворъ; рѣчи Барро и Гарнье-Пажеса; толпа удаляется; засѣданіе возобновляется, но его снова прерываетъ взрывъ на Кануцинскомъ бульварѣ, передъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; причины взрыва; распоряженія, сдѣланныя для защиты отеля; на площади Royale, передъ домомъ мера 8-го округа, составляется колонна изъ національной гвардіи и народа; свободный проходъ ея между войсками, расположенными по бульварамъ; она останавливается у редакціи National, гдѣ Маррастъ говоритъ ей нѣсколько словъ, потомъ продолжаетъ свой путь къ министерству иностранныхъ дѣлъ, гдѣ встрѣчаетъ войска, заграждающія ей дорогу; невозможность отступленія; солдаты сражаются; первые выстрѣлы; убитые и раненные; страшная сцена.—Истина проясняется на самомъ

мѣстѣ происшествія; объявленіе объ этомъ происшествіи, напечатанное въ *Moniteur*; тѣла убитыхъ складываютъ на телегу и везутъ въ редакцію *National*; рѣчь Гаріе-Пажеса; телегу съ убитыми везутъ дальше, останавливаютъ у редакціи *la Réforme*, и наконецъ достигаютъ 4-го округа, гдѣ и оставляютъ тѣла убитыхъ. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ происшествіемъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, на короля, на гр. Моле; общее состояніе умовъ въ главномъ штабѣ, у Барро, въ цѣломъ Парижѣ—Новыя приготовленія къ борьбѣ; битвы возобновляются 305—352

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848.

III.

ГАРНЬЕ-ПАЖЕ.

ИСТОРІЯ

РЕВОЛЮЦІИ

1848.

ФРАНЦІЯ.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

II.

24 ФЕВРАЛЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ О. И. БАКСТА.

1864.

РЕВОЛЮЦІЯ

Дозволено цензурою. С. Петербургъ. Декабря 10 дня 1864 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. С. ГОЛИЦЫНА.

(Малая Мѣщанская, д. № 11).

24 ФЕВРАЛЯ 1848 ГОДА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Неудача министерства Моле; набатъ; необходимость чистосердечнаго рѣшенія; нерѣшительность короля; его двусмысленная политика; онъ призываетъ Тьера, Бюжо, Гизо и дошаталя. — Назначеніе маршала Бюжо главнокомандующимъ; немедленное вступленіе его въ эту должность; собраніе военнаго совѣта; рѣчь Бюжо. — Прибытіе Тьера въ Тюльери; его разговоръ съ Монталиве; свиданіе съ королемъ. — «Moniteur» объявляетъ о новомъ министерствѣ Тьера и Барро и о назначеніи въ тоже время маршала главнокомандующимъ. — Тьеръ отправляется въ главный штабъ; разговоръ его съ маршаломъ; по возвращеніи домой онъ находитъ у себя Ремюза, замѣчанія котораго заставляютъ его возвратиться въ Тюльери; онъ снова повторяетъ королю свои опасенія по поводу назначенія маршала главнокомандующимъ; король не измѣняетъ этого назначенія. — Стратегическій планъ Парижа. — Послѣ враждебныхъ манифестацій національной гвардіи, войскамъ приказано ступить; это приказаніе исполняется нерѣшительно. — Расположеніе войскъ. — Военныя силы, находящіяся въ распоряженіи маршала. — Недостатокъ военныхъ припасовъ. — Нравственное и матеріальное состояніе войскъ. — Увѣренность маршала въ успѣхѣ; письмо его къ Тьеру; его планъ сраженія; онъ воодушевляетъ войска своимъ личнымъ присутствіемъ и въ одно и тоже время велитъ объявить о назначеніи министерства Тьера и Барро и отдастъ приказъ о немедленномъ очищеніи улицъ отъ баррикадъ; его разговоръ съ генераломъ Бедо; письмо къ Тьеру; онъ приказываетъ Бургону силою сопротивляться попыткамъ народа; рѣзкій пріемъ, сдѣланный имъ Гизо; двусмысленная роль маршала.

I.

Въ то самое время, когда Луи-Филиппъ узналъ отъ Монталиве объ отказѣ Моле, Дюфора и ихъ товарищей, звонъ набата донесся до его слуха. Какъ въ этомъ отказѣ, такъ и въ звонѣ набата самымъ яснымъ образомъ выражалось положеніе дѣлъ. Безсиліе друзей Моле указывало на необходимость немедленныхъ уступокъ, а набатъ предсказывалъ близкую опасность. Надобно было выбрать одно изъ двухъ: или подчиниться необходимости, или преодолѣть угрожающую опасность; надобно было или чистосердечно рѣшиться на уступки, призвать главныхъ членовъ оппозиціи и отдать въ ихъ руки полную власть, или же оставить министромъ Гизо, вручить командованіе войсками человѣку рѣшительному, обратиться съ воззваніемъ къ преданности солдатъ и съ непоколебимою энергіею пойти противъ народа и національной гвардіи.

Но главнымъ образомъ надобно было дорожить временемъ. Восемь часовъ было потеряно на неудачную попытку составить министерство Моле; до разсвѣта оставалось только шесть часовъ. Въ крайнемъ случаѣ, этого времени было еще достаточно для того, чтобы рѣшиться на что нибудь, выбрать одно изъ двухъ: миръ или войну; съ разсвѣтомъ Парижъ долженъ былъ или получить обѣщанныя уступки, которые онъ еще готовъ былъ принять, или—подвергнуться штурму.

Но старый король не былъ уже способенъ ни къ чистосердечію, ни къ строгости. Рѣшиться неотступно слѣдовать тому или другому плану было несогласно съ его характеромъ; онъ хотѣлъ быть на столько свободнымъ, чтобы имѣть возможность выпутаться во всякое время, даже тогда, когда этому препятствовала сила обстоятельствъ. Поэтому онъ рѣшился держаться середины между миромъ и войною, то льстя, то грозя общественному мнѣнію; онъ хотѣлъ примирить враждебные элементы, т. е. достигнуть невозможнаго. Старость

ослабляетъ и помрачаетъ физическія и нравственныя силы человека.

Подъ вліяніемъ этого образа мыслей и этой перѣшительности, король призвалъ Тьера и маршала Бюжо, и въ тоже время потребовалъ къ себѣ Гизо и Дюшателя, подъ предлогомъ посовѣтоваться съ ними въ послѣдній разъ.

II.

Маршалъ немедленно явился къ королю и былъ тотчасъ же назначенъ главнокомандующимъ всѣми войсками и начальникомъ національной гвардіи, съ неограниченною властью дѣйствовать и распоряжаться по своему усмотрѣнію. Не теряя времени, маршалъ, вмѣстѣ съ Гизо и Дюшателемъ, отправился въ главный штабъ, сообщилъ герцогу Немурскому о своемъ назначеніи, созвалъ на Каррусельской площади генераловъ, начальниковъ командъ и офицеровъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, характеристическія мѣста которой сохранились въ памяти слушателей. „Король, говорилъ маршалъ, поручилъ мнѣ главное начальство надъ Парижемъ. Надобно наконецъ покончить съ революціонерами. Вамъ извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ я всегда бывалъ необходимъ, и вы увидите, измѣню ли я себѣ и на этотъ разъ.“—Затѣмъ онъ изложилъ придуманный имъ планъ битвы и въ заключеніе приказалъ зарядить ружья двойными зарядами.

III.

Послѣ свиданья съ Моле, Тьеръ узналъ о катастрофѣ, случившейся на Капуцинскомъ бульварѣ, объ озлобленіи народа и о негодованіи самой національной гвардіи. Одинъ изъ кирасирскихъ эскадронныхъ командировъ сообщилъ ему о взятіи народомъ Сентъ-Мартенскихъ казармъ, объ атакахъ другихъ военныхъ постовъ и наконецъ о лихорадочномъ состояніи всего Парижа. Извѣстія, доходившія до него, становились съ каж-

дой минутой печальнѣе. Его друзья настаивали на томъ, чтобы онъ отправился къ королю, пока еще оставалось хоть малая надежда на спасеніе; онъ не послушался ихъ, но продолжалъ бодрствовать, ожидая извѣстій изъ Тюльери. Вскорѣ дѣйствительно явился къ нему адъютантъ короля — Бертюа, съ приглашеніемъ явиться въ Тюльери. Тьеръ немедленно отправился во дворецъ; задержанный на пути баррикадами, число которыхъ увеличивалось все болѣе и болѣе, и безпрестаннымъ обмѣномъ паролей, онъ пришелъ въ Тюльери въ два часа ночи, въ ту самую минуту, когда Гизо и Дюшатель выходили отъ короля.

Какъ только доложили о приходѣ Тьера, къ нему на встрѣчу вышелъ Монталиве. „Мы очень тронуты тѣмъ, что вы пришли сюда,“ сказалъ ему этотъ вѣрный другъ Луи-Филиппа. „Король всегда надѣялся на вашу преданность; но, умоляю васъ, пощадите короля“. — „Пощадить короля! Я долженъ высказать ему всю истину — это моя прямая обязанность“.

Затѣмъ онъ видѣлся съ герцогами Немурскимъ и Монпансье, сдѣлавшими ему очень благосклонный пріемъ, дождался еще немного и наконецъ представился Луи-Филиппу. Въ это время было два съ половиною часа.

IV.

Настроеніе Луи-Филиппа какъ нельзя лучше объясняло смыслъ словъ, сказанныхъ Тьеру Монталиве — „пощадите короля.“ Король, принужденный обратиться къ посредничеству Тьера, отдать въ его руки власть и подчиниться предложеннымъ имъ условіямъ, вмѣсто того чтобы самому предписывать свои условія, — чувствовалъ себя униженнымъ и побѣжденнымъ. Но передъ лицомъ своего подданнаго онъ стѣснялся выказать раздраженіе своего оскорбленнаго самолюбія.

„— Вамъ извѣстно положеніе дѣлъ. Я призвалъ Моле, — онъ отказывается. Теперь я принужденъ обратиться къ вамъ. Есть ли у васъ министры? Мнѣ нужно ихъ сейчасъ же.“

„— Государь, я не ожидалъ, что меня призовутъ. Я не имѣю готовыхъ министровъ.

„— А, да! гордо и язвительно сказалъ король, я слышалъ, что вы вовсе не хотите служить правительству!

„— Да, государь, я дѣйствительно не хотѣлъ ему болѣе служить,“ съ достоинствомъ отвѣчалъ Тьеръ, справедливо оскорбившійся словами короля.

Этотъ отвѣтъ далъ понять королю, что онъ уже слишкомъ много позволилъ себѣ. Оставаясь при прежнемъ образѣ мыслей, онъ перемѣнилъ однако тонъ рѣчи: „Надобно немедленно предупредить вашихъ товарищей. Вы конечно знаете о печальномъ происшествіи, бывшемъ на Капуцинскомъ бульварѣ. Вы знаете также, что правительство ни въ чемъ здѣсь не виновато, что это чистая случайность. Но послѣдствія этой случайности очень печальны. Надобно призвать оппозиціонное министерство. Кого вы выберете? Я предвижу, что вы потребуете Барро. Я согласенъ на это: онъ честный человѣкъ, хотя вовсе не политикъ. Но я соглашаюсь на этотъ выборъ только съ тѣмъ условіемъ, что предсѣдателемъ совѣта министровъ будете вы, а не онъ. Надобно дѣйствовать съ твердостью, и я рассчитываю только на васъ.

„— Я предлагаю г-на де-Ремюза?

„— Превосходно!

„— Дювержье де-Горанна?

— „А! Дювержье!...“ При этомъ имени на лицѣ короля выразилось отвращеніе.

„— Это человѣкъ съ твердымъ характеромъ,“ замѣтилъ Тьеръ.

„— Да твердый, твердый въ ущербъ миѣ. Но, что же дѣлать— всѣ они ваши друзья; вы будете управлять ими. Пусть будетъ по вашему, любезный другъ, — я не стану, пренятствовать вашему выбору. Но какихъ реформъ вы потребуете отъ меня? Способныхъ людей.... Несовмѣстностей?“... И при этомъ онъ иронически ударялъ на каждомъ слогѣ.

„— Надобно необходимо рѣшиться на избирательную и парламентскую реформу. Вашихъ адъютантовъ....

„— А, понимаю, вы хотите выгнать моихъ адъютантовъ.

„— Они приносятъ вамъ немного пользы въ парламентѣ. Что касается до меня, то я никогда не былъ горячимъ сторонникомъ избирательной реформы, но въ самомъ дѣлѣ — настоящіе избирательные законы слишкомъ стѣснительны; они даютъ возможность небольшому числу людей злоупотреблять всѣми правами администраціи....

„— Вы вѣроятно хотите навязать мнѣ палату съ огромнымъ числомъ депутатовъ, съ массой избирателей?

„— Нѣтъ, всего только съ пятидесятью депутатами, и ста пятидесятью тысячами избирателей. Это не много.

„— Ну, мы посмотримъ!

„— Но я еще не все сказалъ.

„— Что же вамъ еще нужно?

„— Намъ невозможно будетъ управлять при этой палатѣ, враждебной намъ....

„— А! вы хотите, чтобъ я распустилъ ее! — нѣтъ! — этому не быть! на это я никогда, ни за что не соглашусь.

„— Въ такомъ случаѣ ни одинъ изъ моихъ товарищей, которые мнѣ необходимы, не согласится вступить въ министерство.“

V.

Луи-Филиппъ всталъ съ мѣста взволнованный и въ дурномъ расположеніи духа. Прошла минута молчанія. Успокоившись, онъ сѣлъ. „Въ настоящую минуту мнѣ нужны министры; ступайте, отыщите мнѣ ихъ. На остальномъ мы сойдемся впоследствии. Я соглашаюсь на все, чего вы требуете отъ меня, исключая распущенія палаты.

„— Этого-то именно и будутъ добиваться мои товарищи.

„— Во всякомъ случаѣ я объявлю въ Мониторѣ, что вы

призваны мною для составленія министерства; это фактъ, который уже состоялся и который я могу сдѣлать извѣстнымъ“.

Тьеръ посоветовалъ королю прибавить въ объявленіи къ его имени и имя Барро. Король согласился на это и самъ написалъ подъ диктовку Тьера слѣдующую записку:

„Король призвалъ Тьера, чтобъ поручить ему составить новый кабинетъ. Тьеръ просилъ, чтобы король позволилъ ему взять себѣ въ товарищи Барро. Король согласился на это предложеніе.“

Когда записка была написана, король спросилъ: „Когда же вы возвратитесь ко мнѣ? (Въ это время было три часа).“

„— Я найду отыскивать для васъ министровъ.“

„— Сколько времени вамъ нужно для этого?“

„— До разсвѣта.“

„— Въ такомъ случаѣ я лягу отдохнуть. Приходите между восемью и девятью часами.“

„— Но вѣдь мы не согласились съ вами въ самомъ главномъ вопросѣ.“

„— Да, я это знаю.“

„— Въ такомъ случаѣ, само собою разумѣется, что если мы не успѣемъ сойтись съ вами, то и не вступимъ въ министерство и будемъ свободны отъ всякихъ обязательствъ.“

„— Я тоже думаю одинаково съ вами, потому что я такъ же ничѣмъ не связанъ.“

„— Необходимо, чтобы все это было немедленно опубликовано“.

Король позвонилъ, велѣлъ позвать Фена (Fain) и отдалъ ему записку, приказавъ, чтобъ она была немедленно напечатана въ Мониторѣ, а поутру распространена въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ.

„— Да, прежде чѣмъ вы уйдете, я долженъ вамъ сказать еще объ одномъ дѣлѣ. Я назначилъ Бюжо начальникомъ воен-

ной силы; онъ — вашъ короткій другъ; онъ сказалъ мнѣ, что исполнѣтъ полагается на васъ; тоже самое вы мнѣ говорили о немъ. Такимъ образомъ, вы какъ нельзя лучше можете сойтись съ нимъ. И слишкомъ поздно назначилъ Бюжо, потому что надобно было цѣлую ночь отыскивать Дюшателя. Ступайте къ Бюжо; онъ въ главномъ штабѣ“.

Король замолчалъ. Тьеръ не отвѣчалъ ему ни слова.

„— Вы меня удивляете. Можно подумать, что вы недовольны назначеніемъ Бюжо.

„— Государь, я очень люблю маршала; я считаю его первымъ воиномъ нашего времени; но я не думаю, чтобы это назначеніе было умѣстно послѣ происшествій, бывшихъ у министерства иностранныхъ дѣлъ. Образуя оппозиціонное министерство, вы имѣете въ виду успокоить общественное мнѣніе. Въ такомъ случаѣ это противорѣчіе....

„— Но вы конечно не хотите отнять у меня Бюжо въ эту критическую минуту!

„— Дѣйствительно, государь, нельзя теперь и думать о томъ, чтобы лишить васъ этой правой руки вашей. Но дѣло въ томъ, что мы должны прибѣгать къ мѣрамъ, противорѣчащимъ одна другой: оппозиціонному министерству, цѣль котораго успокоить народъ, и Бюжо, который долженъ раздражить его. Нѣтъ, я не намѣренъ требовать отъ васъ смѣщенія маршала, а постараюсь склонить моихъ товарищей признать это назначеніе“.

Нѣсколько часовъ спустя Мониторъ объявлялъ въ своей неофициальной части о будущемъ учрежденіи министерства Тьера и Барро. Въ официальной части этого журнала были помѣщены два приказа, относившіеся къ двойному назначенію маршала Бюжо начальникомъ войскъ и національной гвардіи; одинъ приказъ былъ подписанъ военнымъ министромъ, генераломъ Трезелемъ, другой — министромъ внутреннихъ дѣлъ, Дюшательемъ.

VI.

По выходѣ отъ короля, Тьеръ отправился прямо въ главный штабъ. Какъ только маршалъ увидѣлъ его, то дружески протянулъ руку, обрадовавшись назначенію его первымъ министромъ, и сказалъ, что онъ объявитъ въ прокламаціи объ этомъ важномъ обстоятельстве. Тьеръ отвѣчалъ ему, что пока онъ еще не министръ, но полагаетъ, что при томъ положеніи, въ которомъ находится король, ему ни въ чемъ нельзя отказать. Что касается прокламаціи, то Тьеръ считалъ ее бесполезною; для этого по его мнѣнію достаточно было объявленія, напечатаннаго въ Монитерѣ. Но по настоятельной просьбѣ маршала, Тьеръ согласился на его предложеніе, требуя однакожъ, чтобы имя Барро, имѣющаго больше вліянія на національную гвардію, было упомянуто на ряду съ его именемъ. „Хорошо, прибавилъ маршалъ, поспѣшите собрать вашихъ товарищей“. Затѣмъ онъ жатовался Тьеру на недостатокъ средствъ, на малочисленность и разбросанность войскъ. Болѣе озабоченный чѣмъ встревоженный, маршалъ, разговаривая, въ тоже время наводилъ справки, принималъ рапорты, диктовалъ инструкціи, посылалъ приказы, вникалъ во всѣ подробности, и своей рѣшительностью возстановлялъ упавшій духъ генераловъ и солдатъ.

VII.

Возвратившись домой, Тьеръ засталъ у себя Ремюзѣ, котораго пригласилъ къ себѣ черезъ Вертуа. Онъ повторилъ ему вкратцѣ свой разговоръ съ королемъ и объявилъ о назначеніи маршала. Ремюзѣ, человѣкъ быстрого и живаго ума, прямо возсталъ противъ этого назначенія, до того было очевидно противорѣчіе обѣихъ мѣръ; по его мнѣнію это противорѣчіе влекло за собою самую ужасную опасность. „Это слишкомъ ясно, сказалъ Тьеръ; возвратимся въ Тюльери“.

Король уже собирался спать. „Государь, сказалъ входя къ нему Тьеръ, я очень хорошо предвидѣлъ, что встрѣтятся затрудненія. Я привелъ къ вамъ Ремюза. Онъ полагаетъ, что вы хотите призвать насъ съ цѣлью загладить послѣдствія убійствъ, совершенныхъ на Капуцинскомъ бульварѣ, и что велѣдствіе этого Бюжо....

„ — Вы правы; но согласитесь, что будетъ слишкомъ опасно удалить войска. Вы не можете лишить меня моей опоры!“

Наступило молчанье, полное раздумья. Король понималъ свою ошибку; Тьеръ и Ремюза чувствовали, какъ важно было поправить ее. Конечно, назначеніе маршала было препятствіемъ къ примиренію; но если начнется битва, то какъ начать ее безъ него? Никто больше его не внушалъ довѣрія солдатамъ: притомъ онъ уже вступилъ въ свою должность; его приказы уже разошлись по полкамъ. Было бы слишкомъ нѣосторожно лишить его власти передъ лицомъ солдатъ, въ самую минуту сраженія. Такимъ образомъ боязнь отвѣтственности превозмогла благоразумныя внушенія политики. Маршалъ остался на своемъ мѣстѣ.

VIII.

Для того чтобы понять дальнѣйшій ходъ событій, необходимо знать, какія измѣненія произошли въ расположеніи войскъ на различныхъ стратегическихъ пунктахъ, новое положеніе различныхъ командъ, количество людей и запасовъ, и каково было физическое и нравственное состояніе солдатъ.

IX.

Мѣстность, на которой должны были дѣйствовать войска, можетъ быть опредѣлена слѣдующими пунктами:

Бульвары и набережныя составляютъ двѣ главные стратегическія линіи. По концамъ бульваровъ двѣ площади: пло-

щадь Согласія и Бастильская, соединенныя между собой Сень-Денискими воротами. Къ этимъ же самымъ площадямъ сходятся концы набережной лѣваго берега Сены, соединенныя Каррусельскою площадью и городскою Думой. Въ центрѣ этой линіи находится площадь Побѣды и Pointe Saint-Eustache.

На лѣвомъ берегу Сены—вторая линія набережныхъ, защищенная огнемъ праваго берега; военное училище и площадки инвалиднаго дома, на которыхъ расположены резервные войска; бурбонскій дворецъ, префектура полиціи и Пантеонъ.

Затѣмъ, между этими главными пунктами были расположены зубчатая кордегардіи и казармы, снабженныя снарядами и съѣтными припасами.

Наконецъ—вокругъ всего Парижа—непрерывная стѣна, а за ней Венсенскій замокъ, и съѣтъ отдѣльныхъ фортовъ.

X

Впродолженіе 22 числа и до самаго вечера 23 войска занимали всѣ эти позиціи. Нѣсколько отдѣльныхъ карауловъ, слишкомъ слабыхъ своею численностью, оставили свои мѣста; но эти передвиженія не имѣли никакой важности относительно положенія войскъ. Потери были самыя незначительныя, общая численность войскъ все таки простиралась до двадцати-пяти тысячъ солдатъ.

До тѣхъ поръ, пока рассчитывали на помощь національной гвардіи, войска оставались на прежнихъ позиціяхъ, и это было вполнѣ благоразумно въ томъ отношеніи, что, находясь во всѣхъ частяхъ города, они имѣли возможность вездѣ поддерживать усердіе національной гвардіи. Но когда рѣшительныя манифестаціи явно обнаружили враждебное расположеніе національной гвардіи, то надобно было устранивъ войска отъ двойной опасности, которая могла произойти отъ неожидан-

наго столкновѣнія и отъ соблазна. На этомъ основаніи имъ велѣно было стянуться. Къ несчастію для правительства этотъ планъ, вѣло составленный, вѣло приводился въ исполненіе. Французскій солдатъ дурно исполняетъ то, чего онъ не понимаетъ. Солдаты, переходившіе безъ видимой причины отъ одного поста къ другому, видѣли во всѣхъ этихъ передвиженіяхъ одни только бесполезныя марши и контръ-марши. Усталость привела въ уныніе даже высшихъ офицеровъ и начальниковъ.

XI.

Вслѣдствіе этого приказанія, войска, занимавшія площадь Побѣды, очистили ее къ восьми часамъ вечера 23 числа, оставивъ только сильный отрядъ для охраненія банка.

Между первымъ и вторымъ часомъ ночи, генераль Сентъ-Альдерондъ, занимавшій Pointe Saint-Eustache, отошелъ къ Каррусельской площади съ первымъ легкимъ полкомъ, тремя батальонами 21-го, 29-го и 69-го линейныхъ полковъ, съ отрядомъ кирасиръ и одной пушкой.

Около полуночи генераль Гарробъ оставилъ Сентъ-Денискія ворота и привелъ на Каррусельскую площадь всю свою бригаду.

Въ это же самое время генераль Дюго получилъ приказаніе отвести въ казармы войска, занимавшія Бастильскую площадь, а на другой день въ шесть часовъ утра, привести ихъ на Каррусельскую площадь. Но немного погодя онъ получилъ депешу отъ маршала Бюжо, который приказывалъ ему возвратиться на прежнее мѣсто.

Предавъ огню остатки побоища и уничтоживъ слѣды крови, начальники войскъ, расположенныхъ на Кануцинскомъ бульварѣ, предувѣдомленные о движеніи цѣлой массой жителей предмѣстій, рѣшились было отступить, въ то самое время, когда офицеръ главнаго штаба, развозившій приказанія, оставилъ ихъ у церкви св. Магдалины. Немного спустя эти

войска были растянуты вдоль бульваровъ, между церковью св. Магдалины и улицей Мира и поступили подъ команду генерала Реню-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели, командовавшего кавалеріей, расположенной на площади Согласія. Къ пяти часамъ утра нѣсколько ротъ 14-го линейнаго полка были отправлены въ Тюльери.

Два батальона, нѣсколько ротъ артиллеріи съ большимъ количествомъ орудій и отрядъ муниципальной гвардіи остались въ городской Думѣ подъ начальствомъ генерала Таландые.

Большой отрядъ муниципальной гвардіи и нѣсколько отрядовъ линейныхъ войскъ прикрывали префектуру полиціи.

55-й линейный полкъ подъ командой генерала Рено занималъ площадь Пантеона.

У Тронуи заставы сильный резервъ оберегалъ складъ патроновъ и поддерживалъ сообщеніе съ Венсенскимъ замкомъ.

XII.

Такимъ образомъ въ ночь съ 23 на 24 число, когда командованіе войсками перешло въ руки маршала Вюжо, большая часть войскъ была собрана въ недалекомъ разстояніи отъ главнаго штаба: въ Тюльери, на Каррусельской площади, въ Луврѣ и окрестностяхъ этихъ мѣстъ. Остальная часть войскъ помѣщалась въ казармахъ и въ вышепоименованныхъ мѣстахъ. Линія бульваровъ, между улицей Мира и Бастильской площадью оставалась незащищенной, и весь центръ Парижа находился въ рукахъ возставшаго народа. Ближайшіе гарнизоны, призванные наскоро по телеграфу или эстафетами, прибывали въ Парижъ по желѣзнымъ дорогамъ. Всѣ генералы и начальники командъ, находившіеся въ Парижѣ, собрались въ главный штабъ къ маршалу, готовые исполнять его приказанія. Военный министръ былъ подчиненъ маршалу. Всѣ офицеры арміи и главнаго штаба національной гвардіи ожидали его приказаній. Жандармы и агенты въ гражданскомъ

платяѣ готовы были отправиться всюду, куда не могъ уже проникнуть мундирь. Маршалъ, облеченный королемъ полною властью, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ командованіе всеѣми войсками.

XIII.

Недостатокъ военныхъ запасовъ возбуждалъ большія жалобы, не смотря на то, что парки Военнаго училища, Тронной площади, Венсенскаго замка и Шарантона составляли вмѣстѣ запасъ въ миллионъ двѣсти тысячъ патроновъ. Кромѣ артиллерійскихъ батарей, расположенныхъ на стратегическихъ пунктахъ и находившихся на Каррусельской площади, въ Военномъ училищѣ было четыре орудія, у Тронной заставы и въ Венсенскомъ замкѣ находились двѣ батареи въ полномъ комплектѣ (двѣнадцать орудій), запряженные и снабженные зарядами. Если-бы сообщенія были прерваны на бульварахъ внутри и внѣ города, то они оставались еще свободными по всей линіи набережныхъ, и было достоверно извѣстно, что эти сообщенія были дѣйствительно свободны въ продолженіе всей ночи.

Матеріальное продовольствованіе войскъ было неудовлетворительно. Безпрестанные патрули, бесполезныя передвиженія и ошибочныя марши при дурной погодѣ сильно утомляли солдатъ. Ко всему этому надобно прибавить недостатокъ или иногда даже полное отсутствіе съѣстныхъ припасовъ. Но строго разсуждая, армія, находящаяся въ походѣ, не можетъ избѣжать большихъ трудностей, а что касается съѣстныхъ припасовъ, то ихъ легко можно было купить на мѣстѣ.

Такимъ образомъ ничто еще не было потеряно и человѣкъ съ твердой волей могъ еще исполнѣ поправить положеніе дѣлъ.

XIV.

Настоящая опасность заключалась въ нравственномъ состояніи войскъ. Сочувствіе народа, пожертвованія и усердная за-

ботливость гражданъ, любезное обращеніе національной гвардіи, вліяніе общественнаго мнѣнія, презрѣніе къ власти, которой неспособность высказывалась на каждомъ шагѣ, — все это внушало солдатамъ непреодолимое отвращеніе къ гражданской войнѣ. Разумѣется, они готовы были сражаться, — но зачѣмъ же вмѣстѣ съ тѣмъ заставлятъ ихъ проливать кровь гражданъ? Развѣ дѣло, которое они должны защищать, такъ справедливо, что заслуживаетъ подобной жертвы?... Одна только дисциплина удерживала солдатъ въ повиновеніи правительству; но сердца ихъ уже не принадлежали ему.

XV.

Удостоверившись въ такомъ состояніи войска, главнокомандующій исполнилъ сдѣлать своевременныя распоряженія. Онъ отнялъ данное войскамъ приказаніе стиснуться къ Тюльери и оставилъ ихъ на прежнихъ позиціяхъ: на Бастильской площади, у городской Думы, въ префектурѣ полиціи, на бульварѣ Madeleine и у Пантеона. Не смотря на его безпрестанныя жалобы, можетъ быть даже преувеличенныя, на недостатокъ войска, снарядовъ и провіанта, онъ не сомнѣвался въ побѣдѣ. Онъ писалъ Тьеру: — „Когда мы подавимъ возстаніе, а мы его подавимъ навѣрно....“ Но чтобы подавить возстаніе надобно было сражаться, надобно было вступить въ битву, которая должна была быть кровавою. Устремивши глаза на карту Парижа, маршалъ составлялъ планъ битвы и съ своею обычною рѣшительностью торопился привести его въ исполненіе. Въ пять часовъ утра онъ былъ уже готовъ.

Его основная мысль была та, чтобы атакою предупредить нападеніе народа. Въ этомъ соображеніи, онъ рѣшился двинуть всѣ свои силы противъ баррикадъ, взять ихъ приступомъ и двинуться впередъ на всѣ пункты, гдѣ только онъ могъ встрѣтить сопротивленіе.

Для этой цѣли онъ раздѣлилъ войска на три главныя колонны.

XVI.

Первая колонна состояла изъ 30-го линейнаго полка, изъ одного батальона 44-го полка и одного батальона 69-го, эскадрона кирасиръ и двухъ орудій. Эта колонна была сперва ввѣрена генералу Рюльеру, который сильно добивался этого; но потомъ на мѣсто его былъ назначенъ генераль Тибуретъ Себастьяни, который самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ себѣ этого почетнаго вознагражденія за свои прежнія услуги. Себастьяни получилъ приказаніе двинуться къ городской Думѣ вдоль улицъ Сентъ-Оноре, Пруверъ и Рамбюто. Двинувшись въ четверть шестаго часа утра, онъ встрѣтилъ на дорогѣ генерала Таландье, которому приказано было соединиться съ нимъ. Послѣ непродолжительной схватки съ защитниками баррикады на углу улицъ Бобуръ и Рамбюто, во время которой было ранено нѣсколько человѣкъ, колонна пришла къ городской Думѣ въ семь часовъ.

Вторая колонна была ввѣрена генералу Бедо. Она состояла изъ двухъ тысячъ человѣкъ, а именно: двухъ батальоновъ 1-го легкаго полка, двухъ батальоновъ 21-го линейнаго полка, отряда нѣшихъ стрѣлковъ 6-го батальона и эскадрона 8-го драгунскаго полка; съ ними было два орудія. Въ пять съ половиною часовъ утра эта колонна двинулась къ Бастильской площади по улицамъ Ришелье, Вивьенъ, Фейдо, Монмартръ и черезъ бульвары. Она заняла безъ выстрѣла нѣсколько баррикадъ, разрушила ихъ, обмѣнялась выстрѣлами съ защитниками двухъ баррикадъ, расположенныхъ при входѣ въ предмѣстье Монмартръ, у бульвара, потеряла въ этой перестрѣлкѣ трехъ солдатъ и продолжала идти своей дорогой. Мы встрѣтимъ ее впослѣдствіи.

Третья колонна должна была слѣдить за первыми двумя, съ цѣлью препятствовать возобновленію разрушенныхъ уже баррикадъ. Маршалъ Бюжо лично командовалъ этою колонною.

Четвертая колонна, подъ начальствомъ полковника Брюне, выступила въ шестомъ часу. Она состояла изъ 15-го линейнаго полка, двухъ ротъ 14-го и 170 человекъ 52-го полка. Эта колонна двигалась по улицамъ св. Отцевъ, Іакова, Сены и Турпонъ, черезъ площадь С. Мишель и улицу С. Доминикъ до Пантеона, куда она пришла благополучно для усиленія войскъ генерала Рено. Съ прибытіемъ этой колонны, генералъ Рено послалъ отрядъ 55-го полка, чтобы уничтожить баррикады, воздвигнутыя въ сосѣднихъ улицахъ. Одна только баррикада въ улицѣ Декартъ защищалась съ нѣкоторою энергіею.

Резервъ парижской арміи находился на Каррусельской площади подъ начальствомъ генерала Рюльера.

Что касается національной гвардіи, то маршалъ, какъ видно, не заботился о ней. „Не разсчитывая на ея содѣйствіе, онъ пренебрегалъ ею, рѣшившись“, говорилъ онъ, „дѣйствовать съ нею вмѣстѣ, или безъ нея, и не останавливаться ни передъ ея бездѣйствіемъ, ни передъ отсутствіемъ помощи съ ея стороны“).

XVII.

Разославъ повсюду приказанія, маршалъ лично сталъ наблюдать за приведеніемъ въ исполненіе своего плана. Онъ присутствовалъ при выступленіи всѣхъ колоннъ, внушалъ солдатамъ увѣренность въ успѣхѣ, которая воодушевляла его самого, возбуждалъ ихъ своими энергическими и краснорѣчивыми рѣчами, объяснялъ начальникамъ свои инструкціи, способъ атаковать баррикады, проникать въ дома, прикрываться и прочее.

„Вы объявите вездѣ, прибавлялъ онъ, объ образованіи новаго министерства Тьера и Барро, и если встрѣтите сопротивленіе — нападайте энергически.“ Генералу Бедо онъ ска-

*) Письмо къ Тьеру.

заль: „Бедо! надѣюсь, что вы блистательно кончите дѣло.“ — „Можете положиться на меня,“ отвѣчалъ генераль.

XVIII.

Этотъ странный разговоръ ясно указываетъ на умственную и нравственную анархію того времени. Нѣкоторые интересные факты еще яснѣе доказываютъ это.

Въ ту самую минуту, когда маршаль отиралилъ свои колонны, онъ писалъ къ Тьеру: „Я давно уже предвидѣлъ, любезнѣйшій Тьеръ, что мы оба будемъ призваны свести монархію. Я твердо рѣшился дѣйствовать.... Когда я подавлю возстаніе, а этого я достигну, потому что бездѣйствіе и равнодушіе національной гвардіи не могутъ мнѣ помѣшать, тогда я охотно вступлю въ качествѣ военного министра въ кабинетъ, который поручено вамъ составить, если только не помѣшаетъ мнѣ предполагаемая моя непопулярность, которую мнѣ ставятъ въ упрекъ. — Въ послѣднемъ случаѣ я не колеблюсь посоветую вамъ взять на это мѣсто Бедо, отличнаго офицера, и присоединить къ нему въ качествѣ помощника государственнаго секретаря, депутата Маня, въ замѣчательныхъ снособностяхъ котораго я лично убѣдился.“

Въ это же самое время переодѣтый жандармъ подалъ Бургону, полковнику 70-го линейнаго полка, прибывшему ночью изъ Амьена, письмо слѣдующаго содержанія:

„Король только что назначилъ Тьера и Барро министрами; мнѣ поручили начальство надъ войсками и національной гвардіей. Вы отиравитесь на Каррусельскую площадь по улицѣ Лафаетъ, черезъ предмѣстіе Пуасоньеръ, бульваръ и улицу Ришелье, и будете отражать силою всякое сопротивленіе.“ Въ силу этого приказанія, полковникъ немедленно велѣлъ зарядить ружья и выступилъ въ походъ. Въ это время было семь часовъ утра.

XIX.

Въ семь часовъ утра Гизо вошелъ въ комнату, въ которой находился маршалъ; при входѣ его маршалъ не всталъ съ своего мѣста, и такъ какъ Гизо подходилъ къ нему въ то время, когда онъ отдавалъ приказанія, то Бюжо быстро оборотился къ нему и сказалъ: „Вы видите, милостивый государь, что мнѣ некогда говорить съ вами“.

Такимъ образомъ маршалъ, подобно королю, хотѣлъ въ одно и тоже время мира и войны; будучи политическимъ врагомъ лѣвой стороны, онъ въ тоже время предвидѣлъ ея побѣду. Нападая постоянно на Барро и его друзей, онъ хлопоталъ теперь о томъ, чтобы сдѣлаться ихъ товарищемъ; будучи орудіемъ консервативной партіи, онъ въ тоже время жестоко унижалъ главу ея. Человѣкъ немилосердно жестокій, онъ не хотѣлъ вѣрить въ свою непопулярность. И въ тоже время онъ не чувствовалъ двусмысленности своего положенія. Рѣшившись устранить опасность, угрожавшую королевской власти, онъ не понималъ того, что въ тоже время онъ самъ, лично, былъ самою главною и истинною причиною опаснаго положенія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приготовление народа къ битвѣ въ продолженіе ночи; значительное количество баррикадъ. — Возможность успокоить народъ до назначенія маршала Бюжо; скромныя требованія журналовъ «National» и «Réforme» и демократическаго избирательнаго комитета; безмолвіе правительства и назначеніе маршала главнокомандующимъ заставляютъ народъ взяться за оружіе. — Тьеръ и Ремюза убѣждаютъ Дювержье де-Горанна вступить въ новое министерство. — Они просятъ содѣйствія Барро, который отказывается отъ участія въ министерствѣ по поводу назначенія маршала, но наконецъ уступаетъ ихъ просьбамъ. — Товарищи ихъ по министерству принадлежатъ къ лѣвой парламентской сторонѣ и къ лѣвому центру. — Воззваніе къ средней партіи; Тьеръ у Пасси; Барро у Бильо; отказъ Пасси, Дюфора и Бильо; согласіе генерала Ламорисьера; депутаты лѣвой стороны у Тьера; Берже сообщаетъ свѣдѣнія о возстаніи. — Реймсъ и Маррасть. — Тьеръ и Барро вмѣстѣ съ своими друзьями отправляются въ Тюльери; видъ Парижа по пути ихъ; народъ кричитъ имъ: васъ обманываютъ! — Время, потерянное королемъ. — Затруднительное положеніе будущихъ министровъ; нерѣшительность Барро: онъ останавливается передъ входомъ въ Тюльери; Тьеръ и Ламорисьеръ увлекаютъ его. — Улица S.-Croix de la Bretonnerie; войска отступаютъ передъ національною гвардіей и соединяются съ ней въ ратушѣ девятаго округа; въ двѣнадцатомъ округѣ Делестръ вступаетъ въ управленіе ратушей и приказываетъ отбить караулъ въ Val-de-Grâce; ученики политехнической школы выходятъ изъ училища противъ воли своего генерала и присоединяются къ возстанію; успешная атакка народомъ казармъ: Saint-Victor, de Tournon, des Grés, de Reuilly, des Minimes. — Меръ восьмага округа отправляется въ префектуру сенскаго департамента; префектъ уполномочиваетъ его объявить прокламацію; меръ отправляется на королевскую площадь и объявляетъ о министерствѣ Тьера и Барро; сопровождаемый колонной національной гвардіи и народа, меръ отправляется читать свою прокламацію и на Бастильскую площадь; кровавое приключеніе, подобное тому, которое было на Кануцинскомъ бульварѣ; войска оставляютъ Бастильскую площадь. — Побѣды, одержанныя народомъ къ девяти часамъ ура.

I.

Въ продолженіе этого времени парижскій народъ приготовлялся къ возстанію. Невозможно описать всѣхъ чудесныхъ подвиговъ, совершенныхъ имъ въ эту памятную ночь.

Камни мостовой, съ невѣроятной быстротой сдвинутые съ своихъ мѣстъ, складываются цѣлыми кучами; баррикады поднимаются со всѣхъ сторонъ. Вокругъ cadaго поста, cadaго отряда поднимаются со всѣхъ сторонъ каменныя стѣны. Самыя большія деревья бульваровъ срублены. Заставы сожжены и заставлены баррикадами. Къ утру сообщенія въ городъ прерваны. Отъ центра къ окружности города и у самихъ почти оконъ Тюльери возставшій народъ готовъ былъ защищаться за своими стѣнами. Эти укрѣпленія, сдѣланныя народомъ не были безобразны, подобно возведеннымъ наканунѣ, не были сдѣланы кое какъ, на скорую руку. Итъ, эти знаменитые работники, которымъ завидуетъ цѣлый міръ, эти каменщики, плотники, кузнецы, механики, это удивительное населеніе Парижа, которое въ безконечномъ разнообразіи своихъ способностей и ихъ примѣненія, угадываетъ то, чего не знаетъ,—этотъ народъ сдѣлалъ изъ своихъ баррикадъ настоящія произведенія искусства! Увѣчанная зубцами, съ выходами закрытыми для осаждающихъ, большая часть баррикадъ возвышалась до перваго этажа домовъ, а нѣкоторыя и до втораго. Значительнѣйшія по своему положенію баррикады могли выдержать артиллерійскій огонь. Число баррикадъ было еще замѣчательнѣе ихъ устройства. Капитанъ національной гвардіи Альтарошъ, посланный полковникомъ Талабо съ порученіемъ быть посредникомъ между войскомъ и народомъ, долженъ былъ пройти черезъ 53 баррикады на небольшомъ разстояніи между Момартрскимъ и Пуассоньерскимъ предместьями. По свѣдѣніямъ, тщательно собраннымъ городскими агентами и инженернымъ полковникомъ Лебланомъ, въ эту ночь было построено не ме-

нѣе 1,512 баррикадъ, срыто 1,277,000 камней и срублено 4,013 деревьевъ.

II.

Оружіе было куплено у ружейныхъ мастеровъ, взято у гражданъ, которые не хотѣли сами употребить его въ дѣло, и въ постахъ, которые были одинъ за другимъ заняты народомъ. Сентъ-Мартенскія казармы доставили довольно большое количество оружія; другія вскорѣ доставили еще большіе. Пули и патроны были заготовлены тысячами. Тамъ, гдѣ не доставало пороху, работники-химики приготавливали гремучую хлопчатую бумагу.

Разбитыя бутылки, стаканы, горшки, разбросанные во всѣхъ мѣстахъ, удобныхъ для дѣйствія кавалеріи, дополняли это грозное цѣлое.

III.

Эта быстрая ночная работа не только не ослабила пылкости народа, но еще усилила ее. Неправда народа въ правительству увеличивалась еще болѣе подозрѣніями. „Ага, говорилъ народъ, правительство объявляетъ о перемѣнѣ министерства, а когда довѣрчивый народъ безъ всякаго злаго умысла прогуливается по улицамъ, то его убиваютъ! На его довѣрчивость отвѣчаютъ западней, подлой измѣной! Не скрывается ли въ этой предполагаемой перемѣнѣ какая нибудь гнусная ложь? Гдѣ же прокламаціи? Гдѣ объявленія? Гдѣ доказательства, гдѣ гарантіи этихъ обѣщаній? Справедливаго во всемъ этомъ одно только назначеніе Бюжо, — орудія той политики, представитель которой Гизо, этого желѣзнаго человѣка, котораго безпощадная энергія выказалась уже въ пролитіи крови народа. Министерство Тьера и Барро, уступки и обѣщанныя реформы — все это не болѣе какъ приманка. Назначеніе Бюжо — вотъ настоящее выраженіе политики этого правительства“.

Эти толки, отчасти основательные, отчасти преувеличенные,

но оправдываемые наружною стороною дѣла, въ высшей степени возбуждали страсти народа. Въ то же время поведеніе національной гвардіи рождало въ сердцѣ народа смѣлую увѣренность въ успѣхѣ. Національные гвардейцы, сбѣжавшіеся въ ратуши въ большемъ количествѣ чѣмъ прежде, высказывали полное нерасположеніе къ правительству; между ними вовсе не было консерваторовъ; самые робкіе изъ нихъ остались у себя дома, другіе же, недовольные безпомощностью Гизо, сами отступились отъ своего дѣла. Меры не получали ни откуда приказаній; полковники и офицеры, преданные правительству, не имѣли никакого вліянія на солдатъ. Національная гвардія слушалась только однихъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ реформистской партіи; она хотѣла вмѣстѣ съ ними сдѣлаться посредницей между народомъ и войскомъ, воспрепятствовать пролитію крови и въ случаѣ если начнется рѣзня, вступить за народъ. А въ союзѣ съ такою силою народъ, укрѣпившійся за своими безчисленными баррикадами, чувствовалъ себя сильнѣе всякой монархической арміи.

IV.

Но во всякомъ случаѣ можно положительно сказать, что еслибы ночью были приняты и своевременно объявлены народу какія нибудь мѣры, то можно было избѣгнуть битвы. Удаленіе войскъ, назначеніе на мѣсто Бюжо генерала менѣ непопулярнаго, положительное утвержденіе оппозиціоннаго министерства, избирательная и парламентская реформы, распущеніе палатъ и наконецъ преданіе суду министровъ,— вотъ все, что даже послѣ происшествій на Кашуцинскомъ бульварѣ, составляло предметъ требованій народа. Люди, наиболѣе нерасположенные къ правительству, хотѣли только измѣненія системы; они не вѣрили и не надѣялись еще на возможность перемены образа правленія. Доказательствомъ этого могутъ

служить республиканскіе журналы, появившіеся 24 утромъ. „National“ выражался слѣдующимъ образомъ:

„Къ концу вчерашняго дня можно было еще удовлетвориться совершенною переменною системы управленія, распущеніемъ палатъ и реформами, которыхъ требовалъ народъ. Одна ночь сдѣлала это удовлетвореніе недостаточнымъ. Правительство сдѣлало преступленіе.... справедливость требуетъ возмездія....“

Къ этимъ уступкамъ, которыхъ требовали наканунѣ 24 февраля, „National“ прибавлялъ еще слѣдующія: „Распущеніе муниципальной гвардіи, удаленіе пенсенскихъ стрѣлковъ и преданіе суду министровъ.“

„La Réforme“ была еще менѣе требовательна. Она хотѣла „освобожденія арестованныхъ гражданъ и преданія суду министровъ; права собранія, фактически утвержденнаго банкетомъ въ будущее воскресенье; избирательной реформы, основанной на участіи народа, уничтоженія сентябрьскихъ законовъ; распущенія муниципальной гвардіи; общей амнистии. Этими мѣрами можно будетъ быстро возстановить порядокъ“.

V.

Съ своей стороны демократическій избирательный комитетъ, составленный изъ приверженцевъ журналовъ „La Réforme“ и „National“, собравшійся у Дюрантъ-Сентъ-Амана, составлялъ программу, напечатанную 24 числа въ журналахъ. Содержаніе этого документа слѣдующее:

„Законная манифестація, давно возвыщенная, была вдругъ уничтожена угрозой гибельной для свободы, угрозой, брошенной министромъ съ трибуны. Правительство выставило громадную военную силу, какъ будто иноземный врагъ находится не только у воротъ Парижа, но въ самомъ центрѣ его. Солдаты напали на взволнованный и безоружный народъ: геройская кровь была пролита....“

„Принимая въ соображеніе, что вмѣшательство военной силы для усмиренія гражданскихъ смуть оскорбляетъ достоинство свободнаго народа и приноситъ вредъ нравственности самой арміи.... что употребленіе военной силы есть преступленіе противъ справедливости.... что національная гвардія была учреждена именно съ цѣлью обезпечивать спокойствіе города и защищать свободныя учрежденія народа.... и проч. и проч.

„Нижеподписавшіеся граждане требуютъ, чтобы весь народъ вошелъ въ составъ національной гвардіи; чтобы муниципальная гвардія была распущена; кромѣ того они требуютъ закона, который на будущее время запретилъ бы арміи участвовать въ усмиреніи гражданскихъ смуть“.

Такимъ образомъ въ ночь съ 23 на 24 число никто не заявилъ еще о сверженіи королевской власти и о республикѣ; республиканцы еще молчали; ни одинъ изъ нихъ не рассчитывалъ на непосредственное паденіе монархіи. Они были убѣждены въ то, что требуемыя перемены будутъ достаточны для успокоенія громаднаго большинства націи, и что если они потребуютъ еще большаго, то никто не поддержитъ ихъ требованій.

Но поутру, когда увидѣли, что оппозиціонное министерство не было ни окончательно назначено, ни официально объявлено; что маршалу Бюжо было ввѣрено главное начальство надъ войскомъ; что атакующія колонны уже пошли въ дѣло; что битва становится неизбежною; что она уже почти началась, — тогда всѣ энергическіе люди бросились въ битву и сдѣлались предводителями народа, рѣшившись бороться до тѣхъ поръ, пока демократія восторжествуетъ.

VI.

Между тѣмъ Тьеръ и Ремюзъ, вышедши изъ Тюльери, пришли къ Дювержье де-Горанну. Главный двигатель банкетовъ,

неутомимо работавшій перомъ и словомъ въ продолженіе этой борьбы, Дювержье былъ самый необходимый членъ будущаго оппозиціоннаго министерства. Но каждый человѣкъ испытываетъ тѣ чувства, которыя онъ самъ внушаетъ другому: король ненавидѣлъ Дювержье; Дювержье питалъ ненависть къ политикѣ короля. Полный пламеннаго желанія бороться, онъ не могъ подумать безъ отвращенія о служебной подчиненности. Для него, какъ для человѣка болѣе оппозиціоннаго, чѣмъ правительственнаго, власть не имѣла той непреодолимой приманки, которая соблазняетъ людей или истинно способныхъ, или во-все негодныхъ къ управленію. Оттого онъ съ совершенною искренностью отказался отъ предложенія вступить въ новый кабинетъ. Побѣжденный наконецъ настоятельными просьбами Тьера, онъ, по долгу гражданина, уступилъ предъ этими просьбами. (Въ это время было четыре съ половиною часа ночи.) Всѣ они втроемъ отправились къ Барро.

При имени маршала Бюжо, Барро обнаружилъ сильное волненіе. Тьеръ представилъ ему всѣ извѣстные уже доводы въ оправданіе этого избранія: неувѣренность въ мирномъ рѣшеніи дѣла, не смотря даже на сдѣланныя уступки, невозможность положительно гарантировать спокойный исходъ дѣла, наконецъ, отвѣтственность, которая надетъ на тѣхъ, кто лишитъ короля его правой руки. Слѣдуетъ ли рисковать всѣмъ ради этого требованія, какъ бы оно ни было справедливо и основательно? Король, несговорчивый относительно вопроса о смѣщеніи маршала, легко уступить въ остальномъ. Онъ соглашается на реформу. Онъ не согласился на одно только условіе, — распушеніе палаты.

„— Но въ такомъ случаѣ, горячо возразилъ Барро, намъ ничего нельзя сдѣлать.

— Опасность слишкомъ велика для того, чтобъ мы могли отказаться отъ дѣла. Впрочемъ всѣ наши условія извѣстны королю и мы можемъ считать себя свободными отъ вся-

кихъ обязательствъ, если король не согласится на все то, что мы почтемъ нужнымъ требовать отъ него.

Барро уступилъ, и они продолжали разговаривать.

VII.

Относительно состава новаго министерства король ни въ чемъ не противорѣчилъ. Кандидатами новаго кабинета были назначены: Тьеръ, Барро, Ремюза, Дювержье де-Гораннь, Маллевилъ, Гюставъ де-Бомонъ и Ламорпьеръ. Всѣ они принадлежали къ лѣвой парламентской сторонѣ и лѣвому центру; надобно было еще выбрать кого нибудь изъ средней партіи. Тьеръ предложилъ выбрать Пасси и Дюфора; Барро взялся повидаться съ Билло и его друзьями. Затѣмъ условились, что всѣ члены будущаго кабинета соберутся у Тьера между семью и восемью часами и немедленно отправятся въ Тюльери, не дожидая часа, назначеннаго накануне королемъ.

Тьеръ немедленно отправился къ Пасси, у дверей котораго онъ потерялъ много драгоценнаго времени. Ознакомившись быстро съ положеніемъ дѣла. Пасси объявилъ, что съ своей стороны онъ не сдѣластъ никакого возраженія, но что относительно Дюфора, съ которымъ онъ связанъ обязательствами, которыхъ не можетъ и не желаетъ нарушить, онъ предвидитъ непреодолимые возраженія. Въ скоромъ времени Пасси дѣйствительно принесъ Тьеру отказъ Дюфора. Немного погодя Барро возвратился съ тѣмъ же отвѣтомъ отъ Билло.

Не столь осторожный, или можетъ быть болѣе преданный, Ламорпьеръ отвѣчалъ Ремюза: „Теперь дѣло идетъ не о министерствѣ, — надобно торопиться какъ можно скорѣе.

„— Вы правы, генераль: дѣло идетъ о нашемъ существованіи, и вы не можете отказаться.

„— Пусть будетъ новашему—я согласенъ, но когда все успокоится, я удалюсь отъ дѣла“.

VIII.

Въ этотъ промежутокъ времени, Тьеръ, изнуренный усталостью, собирался немного отдохнуть, когда къ нему приближалъ Берже. Онъ принесть мрачныя новости: возмущеніе распространялось по всему Парижу; національная гвардія была противъ правительства; событія шли съ роковою быстротой. Что можно было еще сдѣлать теперь, того нельзя уже было сдѣлать часомъ позже; надобно было торопиться, чтобы событія не сдѣлали всѣхъ усилій безплодными; а можетъ быть даже и теперь было поздно.... Подъ вліяніемъ подобныхъ впечатленій, къ Тьеру постепенно сошлись члены будущаго кабинета и кромѣ того: Барошъ, Абаттучи, Авентъ, Кинеттъ, Меррю, главный редакторъ журнала „*Constitutionnel*“, и де-Реймсъ, секретарь и другъ Тьера, которому было поручено собрать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ; въ конторѣ „*National*“ онъ не нашелъ никого; оттуда онъ пошелъ къ Маррасту, которому сообщилъ о составленіи министерства Тьера и Барро, *объ условіяхъ* принятыхъ королемъ.... „Этого недостаточно, прервалъ его знаменитый журналистъ. До полудня король долженъ отречься отъ престола; послѣ полудня будетъ уже слишкомъ поздно“. Взволнованный этими грозными словами, Реймсъ поспѣшилъ передать ихъ Тьеру. „Еще бы онъ не говорилъ этого; вѣдь въ этомъ случаѣ онъ адвокатъ своего святаго,“ насмѣшливо сказалъ Дювержье де-Гораннъ. И изъ всѣхъ этихъ политиковъ, ни одинъ не подумалъ серьезно объ этомъ совѣтѣ.

IX.

Въ это самое время Тьеръ получилъ письмо Бюжо, содержаніе котораго уже извѣстно. Депутаты немедленно отправились въ Тюльери по улицамъ: Notre-Dame de Lorette, Laffitte, Sainte-Anne и de l'Échelle. Баррикады уже загородили всѣ сообщенія. Для того чтобы пройти по улицамъ, депутаты должны были сказать свое имя, куда идутъ и съ ка-

кою цѣлю. „Васъ обманываютъ, васъ обманываютъ!“ кричали имъ народъ; „васъ призываютъ только затѣмъ, чтобы занять чѣмъ нибудь общественное мнѣніе. Король не хочетъ уступить. Онъ назначилъ Бюжо для того, чтобы убивать насъ. Вчера еще онъ хотѣлъ призвать Моле, и въ тоже время приказалъ убивать на бульварахъ невинныхъ мушкетъ, женщинъ и дѣтей!“ Барро, пользовавшійся большою популярностію, чѣмъ его товарищи, обратился съ рѣчью къ народу; онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы вселить народу довѣрчивость, которой не было у него самого; онъ убѣждалъ національных гвардейцевъ возстановить порядокъ, уговаривалъ народъ разрушить баррикады. Дѣйствительно по совѣту Барро баррикады исчезали, но снова появлялись, когда онъ уходилъ далѣе. Это было доказательствомъ того, что народъ принялъ твердое, неотмѣнное рѣшеніе, и это не ускользнуло отъ бдительной провицательности генерала Ламорисьера. Сильная баррикада, построенная на перекресткѣ улицъ *Sainte-Anne, d'Argenteuil, Lévêque* и *des Frondeuses*, перерывала дорогу. Между защитниками этой баррикады и солдатами, стоявшими въ улицахъ *de l'Échelle* и *de Rohan*, произошла перестрѣлка. Пройти черезъ это мѣсто было опасно, депутаты рисковали попасть между двухъ огней. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, они успѣли обойти это послѣднее препятствіе и такимъ образомъ достигли входа въ Тюльери. Въ это время было около восьми съ половиною часовъ.

Х.

Такимъ образомъ въ переговорахъ съ Моле пропало восемь часовъ, Тьеръ употребилъ на переговоры болѣе пяти часовъ. Это время было потеряно невозвратно. Но передъ лицомъ исторіи отвѣтственность за него падетъ не на нихъ, — а на короля. Будучи свидѣтелями нерѣшительности государя, не безъ основанія подозрѣвая въ немъ заднюю мысль, не зная

на какихъ условіяхъ имъ будетъ вѣрена власть, которую какъ будто оспаривали у нихъ, принужденные бѣгать ночью посреди баррикадъ, изъ улицы въ улицу, изъ дому въ домъ, будить другъ друга, рассказывать о случившихся событіяхъ, о сдѣланныхъ предложеніяхъ, спорить о вѣроятности успѣха, о требованіяхъ разныхъ лицъ, — они, не смотря на это, благодаря своей дѣятельности, успѣли прійти въ Тюльери даже ранѣе срока, назначеннаго королемъ.

Совсѣмъ другое было бы, если бы Луи-Филиппъ, убѣдившись въ неспособности Моле, немедленно вручилъ бы власть Тьеру! Какъ только его назначили бы министромъ, онъ созвалъ бы немедленно своихъ товарищей, составилъ прокламаціи, опубликовалъ списокъ новыхъ министровъ, обнародовалъ реформу, объявилъ распущеніе палатъ, обратился съ воззваніемъ къ національной гвардіи, къ народу и принялъ бы безотлагательно всѣ мѣры къ мирному исходу дѣла.

Но Тьеръ не добился подписи монарха; король отказалъ въ ней депутатамъ оппозиціи, представителямъ нравственной силы, чтобы дать ее маршалу, представителю физической силы. Послѣдній могъ сдѣлать все для войны, первые ничего для мира. Долженъ ли былъ Тьеръ требовать для себя полномочія, или удалиться? Разумѣется онъ долженъ былъ дѣйствовать. Но зналъ ли онъ до какой степени опасность была неминуема? Зналъ ли онъ, что одинъ потерянный часъ погубить все дѣло? И даже теперь, въ эту самую минуту, когда депутаты явились къ королю, развѣ эти будущіе министры знали настоящія намѣренія короля? Развѣ не была ясно видна недовѣрчивость короля? Развѣ нельзя было предположить, что онъ будетъ настойчиво отказываться отъ распущенія палатъ, — необходимаго условія для восстановленія спокойствія и не откажется отъ желанія оставить начальство надъ арміей за маршаломъ, котораго непопулярность только усиливала возмущеніе?

Надобно сказать правду: тяжело и ужасно было положеніе

этихъ политическихъ дѣятелей, призванныхъ по неволѣ, въ послѣднюю минуту, подѣ влияніемъ тягостной необходимости и послѣ ужасной рѣзни! Они видѣли весь городъ въ возстаніи, буржуазію враждебную правительству, неумолимый народъ и неминуемую, уже начатую гражданскую войну. Эти слова, очевидно справедливыя: „васъ обманываютъ, васъ обманываютъ!“ еще раздавались въ ихъ ушахъ среди жалобъ, утѣшекъ, недовѣрчивости и всеобщаго негодованія противъ маршала Бюжо. Служа, такъ сказать, примирительнымъ началомъ кризиса, министры должны были въ тоже время нести на себѣ отвѣтственность за это имя, которое само по себѣ было равносильно объявленію войны, войны безпощадной! Рѣшатся ли они, будучи главными дѣятелями банкетовъ, противопоставить предводителямъ манифестаціи, вызванной ими самими иную силу, кромѣ нравственной? Будутъ ли они достаточно смѣлы, чтобы стрѣлять въ этотъ народъ, котораго страсти они сами же взволновали? Въ крайности можно еще было рассчитывать на то, что Тьеръ согласится представить народу программу и списокъ новаго кабинета и въ тоже время станетъ ему угрожать строгими мѣрами, если онъ сейчасъ же не положитъ оружія. Но Барро, но Дювержье де-Гораннъ, по Маллевилю и ихъ друзья, могли ли они, чтобы ни случилось, взять на себя другую роль, кромѣ роли мирныхъ посредниковъ? И, наконецъ, надобно еще разъ сказать: было ли возможно примиренье, когда Бюжо стоялъ во главѣ арміи?

Эти тяжкія размышленія терзали Барро, Подавленный внутренней борьбой, которую испытывало его честное сердце, въ отношеніи къ его обязанностямъ передъ королемъ, передъ своею совѣстью и передъ народомъ, онъ остановился у входа въ Тюльери: „Нѣтъ,“ сказалъ онъ, „я не могу итти далѣе. Одно имя маршала Бюжо дѣлаетъ войну неизбежною. Я удаляюсь.

„Я не отрицаю, что опасность велика, возразилъ Тьеръ, но убѣждены ли вы въ томъ, что одни наши имена будутъ

достаточно сильны для того, чтобы остановить это движеніе? Можете ли вы поручиться за это? Развѣ вы хотите, въ случаѣ неудачи, взыскать на насъ всю отвѣтственность въ томъ, что мы лишили короля его правой руки? Можемъ ли мы въ настоящее время отозвать съ поля битвы маршала Франціи?“

Возбужденный этими словами, генераль Ламорисьеръ почувствовалъ, какъ въ немъ зашевелились всѣ чувства воинскаго долга; онъ съ страстною энергіею поддержалъ доводы Тьера. Вліяніе слова могущественно! Барро переступилъ порогъ Тюльери.

XI.

Какіе же однако были результаты этой двойственной политики короля и его проблематическаго министерства?

Съ семи часовъ утра всѣ стратегическіе пункты были окружены народомъ. всѣ отряды войскъ, находившіеся въ походѣ, были отрѣзаны и сообщались между собою и съ главнымъ штабомъ только посредствомъ переслѣдѣтыхъ агентовъ или національныхъ гвардейцевъ.

Въ это время генераль Таландь получилъ приказаніе открыть свободное сообщеніе между городскою Думою и бульварами съ тою цѣлью, чтобы поддержать, если понадобится, движенія генерала Бедо. Вслѣдъ за этимъ, онъ выступаетъ во главѣ одного баталіона 69-го полка. Въ улицѣ Sainte-Croix de la Bretonnerie его задерживаетъ громадная баррикада. Онъ уже готовится къ атакѣ, но національная гвардія соединяется съ вооруженнымъ народомъ — и онъ колеблется. Моро, депутатъ и меръ седьмага округа, и Лавессьеръ, полковникъ національной гвардіи, оба извѣстные преданностью конституціонной монархіи, являются посредниками; они представляютъ генералу, что если онъ захочетъ во что бы то ни стало очистить себѣ дорогу, то ему не избѣжать кроваваго столкновенія. На-

конецъ генераль послушался ихъ убѣжденій и далъ имъ время сбѣгать въ городскую Думу, гдѣ они получили отъ генерала Себастьяни приказаніе отступить.

ХІІ.

Подлѣ городской Думы, въ улицѣ Жофруа-Ланье, находится ратуша девятого округа; она была занята небольшимъ отрядомъ національныхъ гвардейцевъ, принадлежащихъ къ партіи реформистовъ. Они требуютъ патроновъ. Мэръ, Локе, преданный консерваторъ, и нѣсколько высшихъ офицеровъ, также консерваторы, отказываютъ имъ въ этомъ требованіи. Но голосъ ихъ заглушается общимъ шумомъ и они принуждены удалиться. Капитанъ Фавьеръ, Желе, Шумахеръ и другіе реформисты принимаютъ начальство надъ національною гвардіею, идутъ къ солдатамъ, содержащимъ въ ратушѣ караулъ, предлагаютъ караульному офицеру составить смѣшанную колонну, увлекаютъ за собою солдатъ и обходятъ вмѣстѣ съ ними кварталъ съ криками: Да здравствуетъ реформа!

Ратуша двѣнадцатаго округа находится не далеко отъ Пантеона, въ улицѣ Св. Іакова, на виду, подѣ самымъ огнемъ отряда генерала Рено. Членъ муниципальнаго совѣта Делестръ проникаетъ въ ратушу въ семь часовъ утра. Не смотря на сопротивленіе, Делестръ, поддержанный реформистами и работниками, беретъ на себя и подѣ свою отвѣтственность управленіе дѣлами и приказываетъ ударить сборъ; національная гвардія признаетъ его мѣромъ и изъявляетъ ему повиновеніе. Онъ узнаетъ, что ученики, живущіе въ школѣ Val-de-Grâce, хотятъ оставить свое заведеніе, чтобы принять участіе въ возмущеніи, но что караулъ не выпускаетъ ихъ. Взводъ національныхъ гвардейцевъ спѣшитъ въ Val-de-Grâce, требуетъ чтобы караулъ сдался и, получивши отказъ, нападаетъ на него, выпускаетъ учениковъ и овладѣваетъ всѣми снарядами и оружіемъ.

Въ девять часовъ утра воспитанники политехнической школы рѣшаются принять участіе въ движеніи. Они отказываются повиноваться своему генералу, надѣваютъ мундиры, уходятъ изъ училища и отправляются въ ратушу двѣнадцатаго округа, откуда, по совѣту Делестра, направляются отдѣльными отрядами къ различнымъ ратушамъ.

XIII.

Въ семь часовъ муниципальные гвардейцы, находящіеся въ казармѣ Saint-Victor, подъ начальствомъ капитана Обе-де-Бракемона, видя невозможность сопротивляться національной гвардіи и народу, рѣшаются сдаться на капитуляцію. Офицеры сохраняютъ свои шпаги; солдаты оставляютъ оружіе; народъ и національная гвардія занимаютъ казармы.

Въ то же время эскадронный командиръ муниципальной гвардіи Тиссеранъ, завѣдующій казармой, находящейся въ улицѣ Турнонь, сознаетъ необходимость уступить свою власть національной гвардіи одиннадцатаго округа.

Немного погодя, поручикъ Мальярме сдаетъ казарму des Grès полковнику легіона національной гвардіи Булэ-де-ла-Мертъ. Въ казармѣ хранилось пять сотъ связокъ патроновъ, которые и были немедленно розданы національной гвардіи.

Стратегическій пунктъ у Бастильской площади находится еще въ болѣе опасномъ положеніи. Значительная толпа народа угрожаетъ патронному парку, находящемуся у Тронной заставы; другая толпа народа собирается подлѣ казармы de Reuilly, въ которой также помѣщается значительное количество запасовъ. Если вся эта добыча достанется народу, то у него будетъ больше снарядовъ, чѣмъ у солдатъ. Чтобы отразить эту опасность, полковникъ 16-го легкаго полка, Маршезанъ, выступаетъ изъ казармы во главѣ колонны изъ трехъ сотъ человѣкъ и идетъ противъ инсургентовъ. Но не имѣя точныхъ инструкцій, видя что національная гвардія распо-

жена скорѣе дѣйствовать за народъ, чѣмъ противъ него, что она не сопротивляется постройкѣ баррикадъ, что сообщенія вездѣ становятся затруднительными и даже почти отрѣзанными, онъ начинаетъ опасаться, чтобы не былъ взятъ паркъ, ввѣренный одному изъ его батальоновъ, вслѣдствіе чего даетъ приказаніе отступить къ Венсенскому замку и уходитъ снова въ свою казарму.

Тридцати муниципальнымъ гвардейцамъ поручено было охранять ратушу восьмага округа, находящуюся на Королевской площади. Рѣшетки площади были заперты. На разсвѣтъ приходитъ сюда національная гвардія, сопровождаемая колонной народа и предводительствуемая Гинаромъ, Серкелемъ, Кентеномъ и командиромъ Бурдономъ. Народъ требуетъ оружія; муниципальные гвардейцы соглашаются оставить свой постъ, но отказываются отдать оружіе. Народъ грозитъ взять ихъ приступомъ, но въ дѣло вступаетъ національная гвардія, она доказываетъ муниципаламъ рѣшительную невозможность сопротивляться и заставляетъ ихъ отпереть ворота. Толпа входитъ въ ратушу; муниципалы оставляютъ свое оружіе и патроны въ залѣ сохранной кассы и безъ всякаго другаго приключенія уходятъ чрезъ улицу *des Tournelles*.

Отсюда осаждающіе бѣгутъ въ казарму *des Minimes*, объявляютъ муниципаламъ о взятіи ратуши и безъ боя овладѣваютъ и казармой и оружіемъ.

XIV.

Въ то время когда все это происходило, Эрнестъ Моро, мэръ восьмага округа, узнавши, что предмѣстье застраивается баррикадами, поспѣшилъ за инструкціями въ префектуру Сенскаго департамента. Его сопровождалъ Перре, членъ генеральнаго совѣта. Представленные префекту Рамбюто, находившемуся въ одной изъ залъ, гдѣ нѣсколько генераловъ наставляли булавами плащъ Парижа, они узнали отъ него

о составленіи новаго министерства и о назначеніи маршала Бюжо.

Но какимъ образомъ такая новость не распространена еще до сихъ поръ по городу? Отчего до сихъ поръ прокламаціи не выставлены на улицахъ? Моро горячо возстаетъ противъ такой безпечности.

„Напишите сами прокламацію,“ говоритъ Рамбюто, и даетъ ему немедленно письменное разрѣшеніе.

Эрнестъ Моро и Перре поспѣшно возвращаются въ ратушу, которая въ это время уже была занята національной гвардіей. Въ ихъ отсутствіе завязалась жестокая ссора между офицерами консерваторами и реформистами. Бѣденъ, начальникъ легіона и въ тоже время министерскій депутатъ, принужденъ былъ удалиться; командиръ Бурдонъ принялъ главное начальство надъ легіономъ; національные гвардейцы побратались съ солдатами 45-го линейнаго полка, который отошелъ къ Бастильской площади.

XV.

Не теряя времени мэръ составляетъ прокламацію, призываетъ своихъ двухъ помощниковъ, членовъ генеральнаго окружнаго совѣта, требуетъ себѣ конвоя изъ національныхъ гвардейцевъ подъ командой капитана Серкея и, сопровождаемый колонной народа, выступаетъ на середину Королевской площади. Барабанный бой даетъ знакъ къ тишинѣ и вниманію. Прокламація прочитана; въ ней возвыщено министерство Тьера и Барро, но пропущено съ умысломъ имя маршала Бюжо. Народъ радостно привѣтствуетъ прокламацію. Мэръ присоединяетъ къ ней нѣсколько горячихъ словъ, въ которыхъ уговариваетъ народъ примириться съ правительствомъ; толпа снова аплодируетъ. Затѣмъ процессія направляется къ Бастильской площади, увеличивается по дорогѣ большой колонной національныхъ гвардейцевъ и работниковъ изъ пред-

мѣстій и проходить въ полномъ порядкѣ передъ Іюльской колонной. Въ это время было около восьми съ половиною часовъ.

На площади были расположены войска генерала Дюго, вытнутыя въ линію, лицомъ къ бульвару, спиной къ кордегардіи, занятой муниципалами. Рота 23-го легкаго полка подъ командой капитана Вандервекена, посланная для осмотра баррикады, построенной въ улицѣ Рокеттъ, при видѣ этого кортежа, остановилась по другой сторонѣ площади и повернувшись къ нему фронтомъ, стала между этой улицей и каналомъ.

Подоспѣвши къ подножію колонны, мэръ во второй разъ читаетъ прокламацію. Народъ выражаетъ снова свое удовольствіе. Войска стоятъ неподвижно, держа ружья на плечѣ. Кортежъ, проходя между двойной линіей солдатъ генерала Дюго и капитана Вандервекена, продолжаетъ свой путь къ Сентъ-Антуанскому предмѣстью.

XVI.

Уже первые ряды кортежа вступали въ предмѣстье и офицеръ національной гвардіи обмѣнивался нѣсколькими словами съ капитаномъ 23-го полка, когда работники пробрались за линію солдатъ. „Отдай-ка мнѣ твое ружье!“ говорили работники удивленнымъ солдатамъ. Услышавши эти слова, капитанъ быстро оборачивается и энергически вскрикиваетъ: „Пусть каждый остается при своемъ оружіи!“ Солдаты сопротивляются, работники продолжаютъ настаивать на своемъ. Оспариваемое оружіе вертится въ воздухѣ, то опускается, то поднимается и въ этой суматохѣ раздается выстрѣлъ, другой и, вслѣдствіе увлеченія, подобнаго тому, которое было наканунѣ, огонь распространяется по всей площади. Паническій страхъ овладѣлъ всѣми; солдаты выстрѣлили цѣлой массой. Огонь неправильный, непрерывный и ма-

шинальный продолжался всего двѣ минуты. Кортесъ, попавшій между двухъ огней, обратился въ бѣгство. Нѣсколько человѣкъ было убито, еще большее число ранено, остальные бросились бѣжать; Моро былъ опрокинутъ, затоитанъ погами; большая часть людей, его окружавшихъ, повалились вслѣдъ за нимъ.

Два солдата 23-го легкаго полка были убиты, три—ранены. Однакожъ это несчастье было не такъ велико какъ то, которое было наканунѣ: большая часть выстрѣловъ не причинила никакого вреда, потому что была сдѣлана на воздухъ. Солдаты, изумленные этой печальной стрѣльбой, съ ужасомъ смотрѣли на ея послѣдствія. Вдругъ, повинувшись общему чувству, они поднимаютъ свои ружья прикладами кверху и громко кричатъ: Да здравствуетъ національная гвардія!

Генераль Дюго, встревоженный настроеніемъ своихъ солдатъ, отступаетъ вдаль по набережнымъ къ Венсенскому замку. Муниципалы оставляютъ свой постъ и слѣдуютъ за войсками. Кордегардію сжигаютъ и Бастильская площадь пустѣетъ; на ней остаются только нѣсколько труповъ, лежащихъ въ лужахъ крови.

Такимъ образомъ ранѣ девяти часовъ утра большее число постовъ было взято; пять казармъ были въ рукахъ народа, который мужественно осаждалъ другія; онъ завладѣлъ большою частью ратушъ; всѣ стратегическіе пункты внутри города: Сенъ-Денискія ворота, площадь Побѣдъ и Pointe Saint-Eustache, были уничтожены; Бастильская площадь оставлена войсками; патронный паркъ, находившійся у Тронной заставы, отошелъ къ Венсенскому замку; кавалерія, осужденная на бездѣйствіе, неподвижно стояла на площади Согласія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Генераль Весто передъ театромъ Guynase; онъ объявляетъ о составленіи министерства Тьера и Барро; народъ не вѣритъ этому; внимательство національной гвардіи; прекращеніе военныхъ дѣйствій; генераль Весто требуетъ прокламацій и инструкцій отъ маршала Бюжо, который посылаетъ ему ихъ; дурное вліяніе ихъ на народъ; въ то время когда генераль собирается двинуться впередъ, онъ получаетъ отъ маршала приказаніе отступить. — Обстоятельства, предшествовавшія этому распоряженію: Баррикады доходятъ до самаго Тюльеріискаго дворца; генераль Сентъ-Арно уничтожаетъ баррикаду въ Ришельевской улицѣ; донесенія становятся все болѣе и болѣе тревожными; увѣренность въ успѣхъ слабѣетъ въ главномъ штабѣ; герцогъ Немурскій и Монпансье не могутъ снова возбудить се; свиданіе Тьера съ маршаломъ, который жалуется на состояніе войскъ, боевыхъ снарядовъ и стѣсныхъ припасовъ; въ главный штабъ является Фовель-Дельбарръ; онъ добивается отъ маршала приказанія генералу Весто отступить. — Приказаніе прекратить огонь было логическимъ слѣдствіемъ двойственнаго положенія, созданнаго королемъ. — Свиданіе депутатовъ съ королемъ должно имѣть тотъ же результатъ. — Сдѣлка между Тьеромъ и Барро: маршалъ Бюжо остается начальникомъ арміи; Ламорисьеръ — національной гвардіи. — Разговоръ короля съ Тьеромъ. — Тьеръ, Барро и другіе депутаты лѣвой стороны у короля. — Король одобряетъ сдѣлку между Тьеромъ и Барро; онъ не соглашается на распушеніе палаты; король оборачивается спиною къ Барро; настоятельныя требованія депутатовъ. — Какъ надобно было поступать? — Тьеръ и Ремюзъ сообщаютъ маршалу о назначеніи Ламорисьера; маршалъ выражаетъ свое согласіе. — Свиданіе двухъ главныхъ начальниковъ. — Ламорисьеръ импровизируетъ себѣ костюмъ, садится на лошадь и спѣшитъ къ баррикадамъ, чтобы прекратить битву. — Барро и его друзья отправляются съ тою же цѣлью. — Тьеръ хочетъ слѣдовать за ними, маршалъ удерживаетъ его насильно. — Распоряженія и мѣры маршала къ примиренію; его ошибка въ томъ, что онъ не сосредоточилъ въ одномъ мѣстѣ всѣхъ своихъ войскъ. — Тьеръ, Ремюзъ и Дювержье де-Гораннъ возвращаются

къ королю, который продолжаетъ сопротивляться; внимательство герцога Немурскаго; приходъ Жирардена; герцогъ добивается распушенія палаты.— Прокламація. — Барро торжествуетъ на Итальянскомъ бульварѣ; у Сень-Дениескихъ воротъ его встрѣчаютъ криками: Долой Луи-Филиппа; Барро возвращается; онъ встрѣчаетъ Ламорисьера, который также возвращается послѣ безуспѣшнаго посредничества.—Барро идетъ домой, сопровождаемый народомъ; Гарнье-Паже обращается къ толпѣ изъ окна квартиры Барро; народъ расходится.— По возвращеніи въ Тюльери Ламорисьеръ встрѣчаетъ тамъ герцога Немурскаго и маршала Бюжо; онъ даетъ имъ отчетъ о результатѣ возложеннаго на него порученія и не скрываетъ непопулярности маршала. — Маршалъ встрѣчаетъ дурной пріемъ у національной гвардіи.

I.

Генераль Бедо шель съ своими войсками вдоль бульваровъ; его колонна двигалась по срединѣ шоссе. Немного впереди, съ правой и лѣвой стороны, шли офицеры главнаго штаба національной гвардіи, которымъ поручено было объявлять прохожимъ о назначеніи министерства Тьера и Барро. Бульвары были пустыни; изрѣдка только безпокойно выглядывалъ кто нибудь изъ оконъ домовъ. Вдругъ, не доходя ста или двухъ сотъ шаговъ до театра *St-martin*, генераль замѣтилъ довольно значительную толпу національныхъ гвардейцевъ, гражданъ и работниковъ, приближавшуюся къ его колоннѣ. Онъ приказываетъ ей остановиться. Толпа приближается: въ ней незамѣтно ничего враждебнаго. Въ это время приходятъ сюда же: Перре, главный редакторъ журнала „*Siècle*“, и капитанъ 3-го легіона съ нѣсколькими національными гвардейцами своей роты, Эдмондъ Адамъ, нѣсколько взводовъ 5-го легіона подъ командою Грегуара, капитана Фавреля, Лабелони и другихъ. Эти взводы только что ходили на рекогносцировку грозной баррикады, построенной на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно стояли войска генерала Гарроба, и при которой находился вооруженный народъ, рѣшившійся защищать ее.

II.

Сообразно данному приказу генераль объявляетъ лично и

чрезъ своихъ офицеровъ о составленіи новаго министерства изъ членовъ лѣвой стороны и о назначеніи маршала Бюжо. Толпа выражаетъ при этомъ извѣстіи свое удивленіе: „Ничто до сихъ поръ не обнаруживало этого важнаго обстоятельства. Къ чему это опасное промедленіе? Это извѣстіе могло бы успокоить народъ прежде, чѣмъ онъ началъ приготовляться къ войнѣ; тогда улицы не были еще заставлены баррикадами и эта новость могла бы быстро разойтись по всему городу. Между тѣмъ сколько нужно употребить времени сегодня на то, чтобы сдѣлать ее извѣстною? Надобно будетъ вести переговоры при входѣ въ каждую улицу! Да при томъ—дѣйствительно-ли справедлива эта новость? Если Барро будетъ министромъ, то зачѣмъ тутъ Бюжо? Если правительство искренно желаетъ мира, зачѣмъ въ тоже время оно даетъ поводъ къ войнѣ?“

„Да, обстоятельство это не подлежитъ сомнѣнію,“ отвѣчалъ генераль; „Тьеръ и Барро назначены министрами; они были призваны сегодня ночью. Сверхъ того король соглашается и на другія реформы. Вы можете объявить объ этомъ всѣмъ. Правительство прежде всего желаетъ, чтобы все кончилось мирнымъ путемъ. Мы всѣ, и маршалъ Бюжо больше чѣмъ кто нибудь, желаемъ того же. Маршалъ благородно сражался въ Африкѣ противъ враговъ Франціи. Я служилъ у него поручикомъ. Я убѣдительно прошу всѣхъ добрыхъ гражданъ прекратить это сопротивленіе, которое не имѣетъ болѣе никакой цѣли, и открыть баррикады для прохода колонны; но если мнѣ будутъ сопротивляться, то я имѣю приказаніе дѣйствовать силою.“

„Какъ! опять стрѣлять, опять убивать народъ! Но вѣдь эти люди, которые находятся за баррикадами, ничего не знаютъ о перемѣнѣ министерства, которая должна обезоружить ихъ. Повремените! въ этомъ нѣтъ никакой опасности; какъ только перемѣна министерства сдѣлается извѣстною, вамъ не нужно будетъ силою брать баррикады: онѣ сами откроются передъ

вами. Съ вами пойдетъ національная гвардія. Въ противномъ случаѣ, если теперь же завяжется перестрѣлка, то національная гвардія не позволитъ убивать народъ, какъ это было вчера на Кануинскомъ бульварѣ.“

„Нѣтъ, нѣтъ! рѣшительно отвѣчаетъ генералъ, никто не намѣренъ убивать людей, хотятъ только возстановить порядокъ!“ И въ тоже время онъ приказываетъ своимъ войскамъ двинуться впередъ. Но офицеры національной гвардіи настаиваютъ на своемъ; они доказываютъ генералу, что его вмѣшательство неминуемо вызоветъ враждебное столкновеніе, что волненіе, которое правительство желаетъ усмирить мирными средствами, еще болѣе усилится новымъ кровопролитіемъ. Они повторяютъ ему, что національная гвардія готова соединиться съ войсками, если король дѣйствительно сдѣлалъ уступки, но что она въ тоже время рѣшилась соединиться съ народомъ, въ случаѣ если противъ него стануть употреблять насиліе, прежде чѣмъ онъ узнастъ объ уступкахъ правительства; и они убѣждаютъ его не идти далѣе до тѣхъ поръ, пока прокламаціи не сдѣлаются извѣстными за баррикадами, для чего нужно только полчаса, или самое большее — часъ....

III.

Эти доводы были голосомъ мудрости, здраваго смысла и человеколюбія. Развѣ честь воина запрещала слушать эти совѣты? Развѣ она приказывала отвѣчать выстрѣлами на эти слова мира, возобновлять по доброй волѣ, среди бѣлаго дня, неожиданную рѣзню, бывшую прошлой ночью? Повелѣвала ли эта честь увеличить нравственную силу возстанія посредствомъ ужаса насилія, на которое и главный штабъ и самъ дворъ смотрѣли, какъ на самое ужасное несчастіе? Повелѣвала ли наконецъ она грубо отказывать гражданамъ въ томъ, въ чемъ не отказываютъ даже виѣшнему врагу? Генералъ думалъ

иначе: по его мнѣнію, прекращеніе на короткое время военныхъ дѣйствій не представляло никакой опасности; этимъ ничто не компрометировалось, напротивъ, этимъ могло быть все спасено; генераль уступилъ просьбамъ. Дѣйствительно національная гвардія тотчасъ же присоединилась къ нему. Соединившись со взводами линейныхъ полковъ, отряженныхъ по приказанію генерала, національная гвардія отправилась въ сосѣдніе кварталы, чтобы успокоить ихъ извѣстіемъ объ уступкахъ, сдѣланныхъ королемъ.

Въ то же время генераль поручилъ гражданину этого округа Ависсу, и вслѣдъ за нимъ Врейеру, офицеру главнаго штаба національной гвардіи, отправиться къ маршалу и разсказать обо всемъ происшедшемъ. Нѣсколько минутъ спустя, около восьми часовъ, отправился съ тою же цѣлью одинъ гражданинъ, котораго генераль замѣтилъ за его горячее усердіе предупредить столкновеніе, — Фовель-Дельбарръ, въ сопровожденіи Курнона, офицера главнаго штаба національной гвардіи. Кромѣ того, генераль написалъ маршалу, что онъ находится среди народа, который часто обманывали и который не вѣритъ въ перемѣну министерства и продолжаетъ кричать: „Да здравствуетъ реформа!“, что необходимо распространить прокламаціи и что онъ остановился здѣсь съ тою цѣлью, чтобы облегчить соединеніе національной гвардіи съ своей колонной.

Маршалъ немедленно послалъ прокламаціи черезъ Ависса и черезъ полковника Нельи, переодѣтаго въ штатское платье. Онъ отвѣчалъ генералу, что онъ одобряетъ его образъ дѣйствій; что онъ посылаетъ ему прокламаціи и поручаетъ распространить ихъ всевозможными путями, потому что необходимо, чтобы онѣ были извѣстны; но что во всякомъ случаѣ слѣдуетъ дѣйствовать относительно возмущенія какъ было условлено поутру: требовать, чтобы толпа разошлась и въ случаѣ надобности употреблять вооруженную силу.

IV.

Прокламація была слѣдующаго содержанія:

«Восемь часовъ утра.

„Король, въ силу власти данной ему конституціей, поручилъ гг. Тьеру и Барро составить новый кабинетъ.

„Въ тоже время его величество поручилъ маршалу Бюжо, герцогу д'Исли, главное начальство надъ національной гвардіей и войсками.

Парижъ, 24 февраля 1848.

Подлинное подписаль

маршаль герцогъ д'Исли.»

Маршалъ такъ хорошо понималъ крайнюю необходимость объявить о составленіи новаго оппозиціоннаго министерства, что въ одно и тоже время диктовалъ и самъ писалъ прокламацію.

Эти прокламаціи были немедленно распространены. Но имя маршала Бюжо опять уничтожало дѣйствіе, которое могло произвести на умы призваніе оппозиціоннаго министерства. Здравый смыслъ народа возставалъ противъ такого непримиримаго противорѣчія. Этотъ крикъ, который слышался въ началѣ дня: „васъ обманываютъ, васъ обманываютъ!“ и въ которомъ заключалось достойное возмездіе этой недобросовѣстной, хотя и долго торжествовавшей политики, — этотъ крикъ настойчиво повторялся народомъ. Толпа увеличивалась все болѣе и болѣе.

Рѣшившись пробиться сквозь народъ, генераль Бедо поторопился отозвать взводы венсенскихъ стрѣлковъ, которые онъ отрядилъ вмѣстѣ съ національной гвардіей. Когда стрѣлки пришли на мѣсто, генераль согласился, чтобы Лабелони и

Арронзонъ отправились депутатами въ главный штабъ; онъ подписывалъ пропускной билетъ, когда прибѣжалъ запыхавшійся отъ усталости Фовель-Дельбарръ и отдалъ ему отъ маршала записку слѣдующаго содержанія:

Главный Штабъ.

Національная гвардія Сенскаго департамента.

Парижъ, 24 февраля 1848.

„Любезнѣйшій генераль,

„Я измѣнилъ свои распоряженія. Объявите вездѣ, что военное вмѣшательство прекращается и что національная гвардія будетъ нести полицейскую службу. Старайтесь примирительно дѣйствовать на народъ.

«Маршалъ герцогъ д'Исли.

„P. S. Отступите къ Каррусельской площади“.

Получивши въ девять часовъ это формальное приказаніе, генераль велѣлъ отступать. Толпа пришла въ восторгъ, но обошлась безъ оскорбленій и угрозъ.

V.

Въ это время колонна занимала часть бульвара между театромъ Gymnase и улицею Ружмонъ. Всѣ улицы справа и слѣва были заперты баррикадами, хорошо построенными и занятыми сильными отрядами народа; во главѣ колонны, у Сенъ-Денискихъ воротъ, возвышалась баррикада, имѣвшая видъ настоящей крѣпости; далѣе, до самой Бастильской площади, воздвигалась цѣлая цѣпь баррикадъ. Еслибы маршалъ Бюжо не приказалъ отступить, Бедо пошелъ бы впередъ; онъ бы двигался подъ тройной линіей перекрестнаго огня; можетъ быть онъ успѣлъ бы пройти, опрокинулъ бы и разрушилъ всѣ

баррикады, покрывши землю трупами, обгадивши мостовую кровью народа и солдатъ; можетъ быть онъ дошелъ бы до Бастильской площади. Но потомъ.... потомъ онъ не нашелъ бы генерала Люго, съ войсками котораго онъ долженъ былъ соединиться, и тогда онъ остался бы одинъ съ своимъ полустребленнымъ отрядомъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ баррикадами, которыя снова бы воздвигались сзади его, онъ былъ принужденъ или бесполезно защищаться на мѣстѣ, или же рѣшиться на кровопролитное отступленіе.

VI.

Приказъ прекратить военныя дѣйствія былъ написанъ Фабаромъ, *post-scriptum* — Трошю; оба они были адъютантами маршала Бюжо, который самъ диктовалъ этотъ приказъ и подписалъ его собственноручно. Приказъ составленъ ясно и опредѣленно; онъ составляетъ самое важное событіе этого дня, событіе, послужившее поводомъ ко множеству самыхъ живыхъ и разнообразныхъ споровъ. Теперь этотъ фактъ сталъ совершенно яснымъ и сомнѣніе относительно его невозможно. Чтобы сдѣлать понятными тѣ событія и чувства, которыя своимъ вліяніемъ послѣдовательно измѣняли рѣшенія, принятыя маршаломъ, и которыя заставили его дать этотъ приказъ генералу Бедо, надобно разсказать то, что происходило въ главномъ штабѣ.

VII.

Маршалъ скоро узналъ объ оставленіи войсками разныхъ стратегическихъ пунктовъ, о взятіи казармъ, объ удивительной дѣятельности народа въ продолженіе ночи и прочее. Народъ шелъ все дальше и дальше впередъ за отступавшими войсками. Возмущеніе распространялось съ грозною силою выступившей изъ береговъ воды, съ непреодолимымъ могуществомъ огня. На одномъ только пунктѣ дѣйствія войскъ были

еще свободны и этотъ пунктъ былъ главная квартира, занятая самимъ маршаломъ, Каррусельская площадь и наружный дворъ Тюльери. Оѣтъ баррикадъ быстро приближалась къ этому завѣтному мѣсту....

Маршалъ приказалъ уничтожить эти близкія баррикады. Генераль Сентъ-Арно, во главѣ двухъ батальоновъ 25-го и 70-го линейныхъ полковъ, вступилъ въ улицу Ришелье. Входъ въ нее былъ закрытъ тремя баррикадами: первую — на углу улицы Жаннисонъ; второю, у фонтана Мольера, и третью, подлѣ улицы *Neuve des Petits-Champs*. Первая баррикада, мужественно атакованная въ штыки, была взята. Вдругъ изъ улицы Жаннисонъ раздаются два ружейныхъ выстрѣла и изъ оконъ летятъ бутылки и другіе снаряды, впрочемъ не очень опасные, тотчасъ же нѣсколько человѣкъ саперовъ направляются въ эту улицу и стрѣляютъ. Характеристическимъ обстоятельствомъ этой странной битвы было то, что здѣсь, подобно тому какъ и на Капучинскомъ бульварѣ и на Бастильской площади, солдаты невольно увлеклись первымъ выстрѣломъ, стрѣляя въ безпорядкѣ, безъ цѣли, направо и налево, впередъ и назадъ, на воздухъ, въ окна, въ стѣны домовъ, — всюду куда только можно было стрѣлять. Къ несчастію многіе выстрѣлы попали въ людей совершенно невинныхъ: одинъ разнощикъ хлѣба былъ убитъ; нѣсколько мужчинъ и женщинъ ранено. Колонна двинулась дальше, не встрѣтивши болѣе сопротивленія, разрушила баррикады и возвратилась на Каррусельскую площадь.

Но когда она пришла сюда, баррикады были уже возобновлены.

VIII.

Это дѣло, совершенно бесполезное, произвело очень дурное впечатлѣніе. Ни нападеніе, ни сопротивленіе не были серьезны. Люди, не имѣвшіе враждебнаго расположенія къ пра-

вительству, порицали эту неумѣренную стрѣльбу въ народъ. Другіе были до крайности раздражены убійствомъ разнощика хлѣба и это раздраженіе было такъ сильно, что полицейскій комиссаръ Вассаль долженъ былъ извѣстить объ этомъ маршала, который далъ ему прокламацію, написанную имъ собственноручно. Заботы маршала умножались все болѣе и болѣе.

Донесенія разныхъ начальниковъ становились все тревожнѣе и тревожнѣе. Днемъ открылись всѣ тѣ препятствія, которыя были скрыты ночью. Теперь дѣло шло уже не о нападеніи, — надобно было думать о защитѣ. Въмѣсто того, чтобы подавить революцію, надобно было отступать передъ нею. А какъ далеко придется отступать?... Въ главномъ штабѣ, какъ и вездѣ, думали, что нравственное вліяніе было необходимѣе, настоятельнѣе физической силы. Прокламаціи, написанныя маршаломъ, служили самымъ неопровержимымъ тому доказательствомъ.

IX.

Герцоги Немурскій и Монпансье, съ самаго начала слѣдовавшіе за всѣмъ этимъ движеніемъ и знавшіе всѣ степени его развитія, не скрывали болѣе своихъ опасеній. „Отчаянное положеніе!“ говорили они депутатамъ, находившимся во дворѣ Тюльерійскаго дворца. „Теперь всѣ усилія безуспѣшны. Состояніе войскъ ужасно: они утопаютъ въ грязи, имъ не достаетъ снарядовъ. Одинъ батальонъ посланъ за партіей патроновъ; если онъ и успѣетъ пройти, то все таки не можетъ поспѣть ранѣе полудня!...“ Ватузмѣтилъ при этомъ, что не было никакой возможности обнародовать объявленіе о новомъ министерствѣ.

Прежде, чѣмъ явиться къ королю, Тьеръ хотѣлъ узнать отъ самаго маршала истинное положеніе дѣлъ. Съ этою цѣлью онъ отправился съ герцогомъ Немурскимъ въ главный штабъ.

Маршалъ не былъ увѣренъ въ себѣ съ самаго начала своего назначенія: онъ чувствовалъ какъ слабѣла его власть.

Теперь, еще съ большимъ прискорбіемъ чѣмъ ночью, онъ жаловался на малочисленность войскъ, на недостатокъ снарядовъ и стѣстныхъ припасовъ. Колонны, отправленныя въ центръ города, имѣли еще достаточное количество боевыхъ снарядовъ, но войска, стоявшія на Каррусельской площади, имѣли только по десяти патроновъ на человѣка. Магазины были наполнены снарядами, но до нихъ было далеко. Для защиты Тюльери оставалось не болѣе четырехъ, пяти тысячъ человѣкъ. Всѣ почти сообщенія были прерваны. Въ эту самую минуту Ависсъ и Браие сообщили герцогу Немурскому и маршалу первыя свѣдѣнія о положеніи генерала Бедо. Маршалъ и Тьеръ, опечаленные, обмѣнялись нѣсколькими замѣчаніями о серьезномъ положеніи дѣлъ; послѣ этого разговора, продолжавшагося нѣсколько минутъ, Тьеръ удалился, торопясь къ своимъ товарищамъ, которые отправлялись къ королю. Въ это время входилъ въ главный штабъ Фовель-Дельбарръ, въ сопровожденіи Курпона.

Х.

Таково было расположеніе умовъ принца и маршала, когда они, спускаясь съ лѣстницы, чтобы выйти на площадь, увидѣли Курпона, который увѣдомилъ ихъ, что одинъ изъ обитателей той части города, гдѣ въ то время находился генералъ Бедо, явился въ качествѣ парламентера. „Было бы гораздо лучше, еслибъ національная гвардія возстановила порядокъ!“ сердито сказалъ маршалъ, и, опираясь на перила, имѣя съ лѣвой стороны герцога и окруженный толпою офицеровъ разныхъ чиновъ, онъ подозвалъ къ себѣ Фовеля, который въ это время поднимался по лѣстницѣ.

Фовель, одѣтый въ обыкновенное городское платье, покрытый потомъ, съ взволнованнымъ лицомъ, находился въ какомъ то лихорадочномъ состояніи. Не будучи въ состояніи

ни побѣдить свое волненіе, ни умѣрить тонъ своего голоса, ни обдумать свои слова, онъ съ большимъ воодушевленіемъ сталъ говорить о раздраженіи народа, о его недовѣрчивости, озлобленіи, о критическомъ положеніи войскъ, о необходимости, для избѣжанія неминуемой битвы, смѣнить солдатъ и представить національной гвардіи заботу о возстановленіи порядка. Такъ какъ Фовель все болѣе и болѣе горячился, возвышая голосъ и обвиняя правительство въ его продолжительномъ молчаніи, то его рѣчь была прервана ропотомъ окружавшихъ маршала. „Кто вы такой, что позволяете себѣ такъ говорить съ маршаломъ Франціи, исполняющимъ великій долгъ? ска-заль Мориссо, одинъ изъ офицеровъ главнаго штаба. — „Да,“ прибавляетъ маршалъ, „кто вы такой? — мэръ, его помощникъ, или какой нибудь гражданскій чиновникъ вашего округа? — враждебный или благонамѣренный вы человекъ?“ Фовель отвѣчаетъ, что его знаютъ многія лица (при этомъ онъ называетъ имена) близкія къ маршалу, что всѣмъ извѣстно его желаніе спокойствія, что онъ имѣетъ самыя миролюбивыя намѣренія, что онъ самъ фабрикантъ и знакомъ съ духомъ рабочихъ; что маршалъ Бюжо со славой побѣждалъ Арабовъ, но на этотъ разъ онъ не побѣдитъ работниковъ въ Парижѣ, который сдѣлался неприступною крѣпостью, и что онъ убѣждаетъ маршала и герцога Немурскаго предупредить кровавую битву, которая можетъ все погубить.

XI.

Маршалъ, уже поколебленный въ своей увѣренности въ успѣхъ военнаго вмѣшательства, не желалъ ничего болѣе какъ только уничтожить всякій поводъ къ сопротивленію; но за то онъ не имѣлъ никакой увѣренности въ чувствахъ національной гвардіи. Не слѣдовало ли опасаться, что отступленіе войскъ послужитъ поводомъ къ возбужденію волненія? Фовель, еще болѣе возбужденный этой нерѣшительностію маршала, настаи-

ваетъ на необходимости немедленнаго отступленія войскъ, которыя не должны отвѣчать даже на выстрѣлы народа.... „Но вѣдь это позоръ!“ восклицаютъ оскорбленные офицеры; „вѣдь такое положеніе безчестно! Такъ вы хотите, чтобы убивали нашихъ солдатъ?“ — Нѣтъ, нѣтъ! я говорю, что если войска отступятъ, то по нимъ вовсе не будутъ стрѣлять; я говорю, что если какая нибудь случайно пущенная пуля попадетъ въ солдата, то не надобно, чтобы тысячи пуль и ядеръ обогрили улицы потоками крови, въ которыхъ погибнетъ среди проклятій тронъ Луи-Филиппа!“ — „Ну, подождите моего отвѣта!“ сказалъ маршалъ, и съ герцогомъ Немурскимъ удался изъ первой залы, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, въ сосѣднюю комнату, дверь которой оставалась полурастворенною. Возвратившись черезъ пять минутъ, маршалъ обратился къ Фовелю: „Ступайте, сказалъ онъ ему, я убѣжденъ, что вы честный человѣкъ; я вручаю вамъ приказъ, котораго вы просите у меня.“

Цѣлзя было медлить ни минуты: этотъ приказъ, какъ мы уже видѣли, былъ немедленно врученъ генералу Бедо.

Не одни только доводы Фовеля заставили маршала и герцога рѣшиться прекратить огонь, — другіе люди желали того же самаго; сами обстоятельства того требовали. На этотъ разъ усердіе Фовеля было только поводомъ къ тому, чтобы выразить на бумагѣ то, что существовало на самомъ дѣлѣ. Герцогу Немурскому и маршалу Бюжо достаточно было поговорить только нѣсколько минутъ, чтобы уступить могущественной силѣ обстоятельствъ и движенію, которое ихъ увлекало. Нельзя не сказать еще разъ, что все это было роковымъ послѣдствіемъ двухъ противурѣчивыхъ мѣръ, которыми дѣйствовало правительство, въ одно и тоже время обращаясь къ оппозиціи и опираясь на Бюжо, — мѣръ, взаимно уничтожавшихъ другъ друга.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій было такимъ логическимъ слѣдствіемъ обстоятельствъ и такъ вытекало изъ самаго по-

ложенія дѣлѣ, что въ то самое время, когда этотъ приказъ исходилъ изъ главнаго штаба, онъ долженъ былъ выйти изъ Тюльери, вслѣдствіе разговора короля съ депутатами *).

*) Исторія должна собрать всѣ факты, которые могутъ объяснить это важное обстоятельство. Маршалъ Бюжо старался впоследствии сложить ответственность данного имъ приказа не на требованія обстоятельствъ, но на депутатовъ и самого короля. Вотъ что онъ писалъ 19 октября:

«Около семи съ половиною часовъ толпа очень прилично одѣтыхъ буржуа приближала ко мнѣ, со слезами на глазахъ, изъ разныхъ частей города, находившихся въ возстаніи, чтобы просить меня отозвать войска, которыя только раздражали народъ, и предоставить національной гвардіи, которая начинала уже собираться, заботу объ усмиреніи бунта. Я старался представить имъ всю опасность, которая могла возникнуть, въ случаѣ, если бы я воспользовался ихъ совѣтомъ, какъ вдругъ явились Тьеръ и Барро съ приказаніемъ отъ короля отозвать войска и употребить въ дѣло только національную гвардію, которой я до сихъ поръ не видѣлъ, за исключеніемъ одного или двухъ взводовъ, находившихся на Каррусельской площади. Въ началѣ я также сталъ сопротивляться министрамъ, какъ и буржуа, но когда герцогъ Немурскій принесть повторить мнѣ приказаніе короля, то я рѣшилъ, что не имѣю права долѣе оставлять на себѣ эту ответственность. Тогда я размѣстилъ вокругъ стола человѣкъ двѣнадцать офицеровъ главнаго штаба и продиктовалъ имъ приказъ отступить войскамъ, въ слѣдующихъ почти выраженіяхъ: «По приказанію короля и министровъ вы должны отойти къ Тюльерійской площади. Пусть ваше отступление внушитъ народу страхъ; если васъ атакуютъ, — возвратитесь, перейдите въ наступательное положеніе и тогда дѣйствуйте сообразно съ моими инструкціями, данными по утру». Это обстоятельство все погубило...

«Тьеръ и Барро возвратились къ десяти часамъ и представили мнѣ Ламорисьера.»

Разсказъ маршала совершенно не вѣренъ. При первомъ свиданіи маршала съ Тьеромъ, ни Тьеръ, ни Барро не видѣлись еще съ королемъ; они ходили къ королю совѣтоваться на счетъ состава министерства, — слѣдовательно они не могли передавать маршалу Бюжо королевскаго повелѣнія, котораго они никакъ не могли получить; когда же они возвратились къ маршалу, то приказаніе прекратить военныя дѣйствія было уже продиктовано и отправлено. Что они подтвердили необходимость этого распоряженія, это нисколько не подлежитъ сомнѣнію. Дальнѣйшій разсказъ представить результаты этого свиданія.

Что же касается до редакціи самаго приказа, то сравнивши тотъ, который былъ подписанъ и отправленъ къ Бедо, съ тѣмъ, который находится въ мемуарахъ маршала, можно судить, на сколько этотъ послѣдній невѣренъ.

XII.

Входя въ комнаты короля, депутаты *) вносили съ собою глубокое убѣжденіе, что военныя средства для подавленія возстанія никуда не годятся; что однѣ только искреннія и немедленныя уступки могутъ прекратить возстаніе; что малѣйшее колебаніе можетъ погубить монархическую власть.

Въ то время, когда Луи-Филиппу докладывали о прибытіи депутатовъ, Барро началъ снова высказывать своимъ товарищамъ свои опасенія относительно непопулярности маршала и совершенной невозможности оставить его главнокомандующимъ. Тьеръ, напротивъ того, возмущался даже мыслью, о смѣнѣ маршала Франціи предъ самимъ началомъ битвы. Но надобно же было наконецъ на что нибудь рѣшиться, и они рѣшили такъ, чтобы маршалъ, сохранивъ главное начальство надъ арміей, уступилъ генералу Ламорисьеру высшее начальство надъ національной гвардіей.

XIII.

Король, извѣщенный о приходѣ Тьера, велѣлъ позвать его къ себѣ. „Ну что же, мой любезнѣйшій министръ?“ — Мы изъ преданности пришли сюда, чтобы сойтись съ вами, государь; но мы все еще пока не министры.

— Сейчасъ будете министрами. Но что же слѣдуетъ мнѣ дѣлать? Дайте мнѣ совѣтъ.“

— Въ Парижѣ, еще никто не знаетъ, что вы призвали насъ.

Король, казалось, былъ удивленъ и встревоженъ этими словами. Онъ позвалъ къ себѣ Фэна. Послѣдній подалъ ему письмо Делессера, въ которомъ тотъ извѣщалъ, что его

*) На свиданіи съ королемъ были слѣдующія лица: Тьеръ, Барро, Ламорисьеръ, Дювержье де-Гораннъ, Ремюза, Гюставъ де-Бомонъ, Жюль-де-Ластейри, Аббаттуччи, Авенъ, Кузень, Кинетъ, Меркю и де-Реймсъ.

осадили въ префектурѣ полиціи и что никто изъ его агентовъ не могъ выставить на улицѣ ни одного объявленія.

„— Это ужасно!“ сказалъ король; потомъ онъ вошелъ въ залу, гдѣ его ожидали депутаты, привѣтствовалъ каждого, называя ихъ по имени, и обращался со всѣми съ тою заученною любезностью, которая составляетъ отличительную черту придворной вѣжливости.

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ о состояніи города, неусиыхъ въ распространеніи ночью прокламацій и необходимости распространить ихъ въ возможно-большемъ количествѣ, Барро началъ говорить обдуманно и ясно о влияніи, которое производитъ на народъ имя маршала Бюжо, и о трудностяхъ, которыя представляетъ это назначеніе къ успокоенію умовъ.

Тьеръ объявилъ королю о недостаточности средствъ, о чемъ онъ узналъ отъ самого маршала.

„— Я знаю объ этомъ,“ сказалъ король тономъ жалобы, смѣшанной съ какимъ то тайнымъ упрекомъ.

„Чтобы избѣжать битвы, которая погубитъ все, сказалъ Тьеръ, мы должны сдѣлать все возможное; но ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться смѣнить маршала. (Король словомъ и движеніемъ выразилъ свое одобреніе). Можно, не лишая власти знаменитаго маршала, удвоить его силу, присоединивъ къ нему человѣка съ болѣе популярнымъ именемъ.“ Приэтомъ онъ упомянулъ имя генерала Ламорисьера.

„Такъ. Превосходно!“ сказалъ Луи-Филиппъ, одинаково обрадованный какъ самимъ средствомъ, такъ и будущимъ результатомъ его, и съ какою то искусственной, грубой фамиллярностью, составлявшей одну изъ особенностей его политики, прибавилъ: „Но только вы одни можете уломать Бюжо. Заставьте его проглотить эту пилюлю. Надобно будетъ также объявить объ этомъ національной гвардіи и народу.“

„Да, отвѣчалъ Тьеръ, надобно употребить всѣ средства,

чтобы успокоить волненіе, и если, послѣ всѣхъ уступокъ, мы ничего не сдѣлаемъ, тогда надобно сражаться!”

XIV.

Но самымъ щекотливымъ вопросомъ все таки было распусценіе палаты. До тѣхъ поръ пока теперешняя палата оставалась, король былъ еще во всей силѣ; консервативная партія всѣмъ управляла; король, министры, депутаты — принадлежавшіе къ этой партіи, всѣ питали надежду, и вѣрную надежду, на возвращеніе счастливаго времени. Но если бы Луи-Филиппъ согласился распустить парламентъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть навсегда отказался бы отъ личнаго управленія. Этой мысли не могла вынести его гордость. Оттого слова Барро такъ сильно взволновали его. Распустить палату! Онъ не согласится на это ни за что, никогда! И онъ большими шагами ходилъ по комнатамъ, выражая своими движениями то, чего приличіе не позволяло ему высказать. Барро продолжалъ почтительно, но твердо настаивать на своемъ. „Надобно распустить палату!“ говорилъ Дювержье де-Гораннъ. Но король, казалось, былъ глухъ. Повременамъ онъ уходилъ въ сосѣднюю комнату, возвращался оттуда съ непреклоннымъ выраженіемъ лица и съ удвоенной энергіей продолжалъ настаивать на своемъ. Какой злой геній, жаждавшій его гибели, нашептывать ему этотъ роковой совѣтъ? Черезъ полуразтворенную дверь депутаты какъ будто бы видѣли силуэтъ Гизо: зрѣніе не обманывало ихъ.

XV.

Между тѣмъ время шло. Одинаково рѣшившись не уступать ни въ чемъ и въ тоже время не прерывать переговоровъ, король сердился на настойчивость депутатовъ, депутаты съ своей стороны были раздражены сопротивленіемъ коро-

ля *). Разстроенные, раздраженные, чувствуя какъ время уносило все, даже самую силу ихъ преданности, депутаты очень хорошо понимали, что самая честь ихъ требовала удалиться отъ короля. Надобно было однакожь положить конецъ этому неловкому положенію. Король сказалъ Тьеру, чтобы онъ отправился къ маршалу убѣдить его согласиться на назначеніе Ламорисьера и просилъ депутатовъ употребить свое вліяніе, чтобы успокоить народъ, прибавивъ при этомъ, что остальное уладится потомъ. — Потомъ! — обманчивое слово, смыслъ котораго будетъ зависѣть отъ успѣха, или неудачи.

XVI.

Но какимъ образомъ стать посредникомъ между народомъ и правительствомъ, въ качествѣ кого явиться народу? Въ качествѣ депутатовъ? Но вѣдь они сами были виновниками манифестацій; нѣкоторыхъ изъ нихъ честь обязывала принимать участіе въ этихъ манифестаціяхъ. Явиться въ качествѣ министровъ? — но призванные по необходимости, принятые королемъ съ отвращеніемъ, они пока еще вовсе не были министрами. Настоящими министрами были еще официальные министры, тѣ, которымъ принадлежала власть, которые пользовались довѣріемъ короля, съ которыми онъ совѣтовался почти открыто, которыхъ совѣты имѣли силу; это были: Гизо, Дюшатель, Геберъ.

Развѣ вліяніе, которое депутаты могли имѣть на народъ и къ которому взывалъ Луи-Филиппъ, не было уже заранѣе ослаблено? И что же они скажутъ народу? Что король измѣнитъ систему управленія? Но вѣдь основаніе этой системы, орудіе личнаго правленія — это существующій парламентъ, а король съ упрямствомъ отказывается распустить его. Сказать

*) Въ минуту дурнаго расположенія духа король повернулся спиной къ Барре.

народу, что король даетъ реформы? Но какія же это именно реформы? Развѣ онъ подписалъ уже что нибудь? Сказать, что онъ удаляетъ Гизо, что онъ ввѣряетъ власть оппозиціи? Но гдѣ повелѣніе объ отставкѣ и назначеніи?

Слѣдовало ли депутатамъ высказывать народу краснорѣчивыя увѣренія? — но народъ потребуетъ доказательствъ; — дѣлать ему намеки на вѣроятность того или другаго? — но народъ потребуетъ увѣреній; — дать народу обѣщанія? — но онъ спроситъ что стало съ обѣщаніями, данными въ дни іюльскаго переворота?

Такимъ образомъ вмѣшательство депутатовъ, при своей видимой опасности, было бы въ тоже время и бесполезно. Только одно дѣйствительное средство могло бы побѣдить недовѣрчивость народа: это истина. Но этой то могущественной силы, которой не можетъ замѣнить ни популярность, ни краснорѣчіе, ни мужество, ни преданность, — этой истины и не доставало тогда.

Депутатамъ была открыта другая дорога, имъ предстояло исполнить другой долгъ. Распущеніе парламента было необходимо для сохраненія достоинства и безопасности кабинета. Раньше чѣмъ парламентъ будетъ распущенъ, народъ не станетъ вѣрить въ искренность короля, а пока онъ не получитъ этой увѣренности, до тѣхъ поръ онъ не броситъ своего оружія. Депутатамъ не слѣдовало въ этомъ отношеніи соглашаться ни на какія сдѣлки: надобно было немедленно сломить упрямство короля и, не уходя отъ него, добиться положительнаго и неизмѣннаго рѣшенія.

Если бы король уступилъ, то новое министерство еще могло бы, не смотря на потерянную ночь, занять свое мѣсто въ Тюльерійскомъ дворцѣ, пустить въ ходъ прокламаціи, обратиться съ воззваніемъ къ народу, стать подъ защиту національной гвардіи, созванной всею массою къ Тюльерійскому дворцу, и искренностью своихъ дѣйствій и положительными

гарантіями уничтожить всякій поводъ къ возмущенію и ослабить его моральное значеніе.

Если же, напротивъ, король сталъ бы настоятельно требовать отъ нихъ невозможнаго, то они тогда должны были бы удалиться, объявить о прекращеніи всякихъ переговоровъ, отклонить отъ себя всякую отвѣтственность и громко заявить передъ исторіей и народомъ свою непричастность къ дѣлу правительства.

Въ такомъ поведеніи не было бы ничего, что бы могло подать поводъ къ обвиненію министровъ въ томъ, что они не хотятъ защищать тронъ, скрываются отъ опасности и покидаютъ короля. Указать ясно королю на условія, на которыхъ они готовы дать ему просимую имъ помощь, — было бы съ ихъ стороны дѣломъ, достойнымъ честныхъ людей. Представивъ ему странную дѣйствительность, можно было этимъ самымъ просвѣтить его невѣдѣніе и можетъ быть даже спасти его. Осторожнымъ обращеніемъ они наизвѣстно губили его. Преданность и угодливость не одно и тоже: первая спасаетъ государства, а вторая губить ихъ.

Вслѣдствіе заблужденія, великодушія или увлеченія, депутаты, поставленные между народомъ и королемъ, согласились казаться министрами, не будучи ими на самомъ дѣлѣ, согласились испытать разныя средства къ примиренію, которыхъ имъ еще не дали, согласились взять на себя отвѣтственность той власти, которой они еще не имѣли. Разумѣется, въ этомъ поведеніи было много мужества, но основаніе его было ложно, и эта политика была заранѣе осуждена на совершенную неудачу.

XVII.

Надобно было увѣдомить обо всемъ маршала Бюжо и получить его согласіе. Принцы, Тьеръ и Ремюза, всѣ обращались къ нему отдѣльно. „Мы только что были у короля,“

сказать Тьеръ. „Его величество знаетъ, какъ велика опасность; онъ убѣжденъ въ необходимости успокоить умы и прекратить на время военныя дѣйствія.“

„— Я также убѣжденъ въ этомъ,“ не колеблясь возразилъ маршалъ, „и я уже отдалъ приказанія въ этомъ смыслѣ.“

„— Надобно опасаться, что ваше и мое имя не будутъ имѣть достаточно силы, чтобы уничтожить вредное дѣйствіе происшествія на Кануцинскомъ бульварѣ. Намъ нужны болѣе популярныя имена. У насъ уже есть Барро. Король думаетъ, что было бы не дурно назначить Ламорисьера начальникомъ національной гвардіи....“

„— Я охотно соглашаюсь на это,“ сказалъ маршалъ. „Въ политическихъ вопросахъ мы не сходились съ нимъ, но онъ отличный офицеръ; онъ долго находился подъ моимъ начальствомъ. Я очень радъ служить съ нимъ. Пошлите за нимъ сейчасъ же.“

„— Народъ, какъ видно, совершенно не знаетъ рѣшеній короля; надобно немедленно объявить ихъ ему. Будемъ стараться избѣгать битвы; подождемъ пока народъ сдѣлаетъ нападеніе; и если наши усилія успокоить его будутъ бесполезны, ну — тогда мы увидимъ, что нужно будетъ дѣлать!“

Генераль Ламорисьеръ, немедленно призванный, былъ очень любезно принятъ маршаломъ. Послѣ разныхъ любезностей было условлено, что Барро и генераль отправляются къ баррикадамъ лично объявить о новомъ оппозиціонномъ министерствѣ, о реформахъ, обѣщанныхъ уступкахъ, о прекращеніи военныхъ дѣйствій, а маршалъ съ своей стороны разошлетъ всѣмъ войскамъ приказаніе прекратить огонь на всѣхъ пунктахъ.

XVIII.

Новый начальникъ національной гвардіи былъ одѣтъ въ городское платье. Ему надобно было импровизировать себѣ

костюмъ. Въ нѣсколько секундъ онъ приладилъ къ своимъ сѣрымъ панталонамъ и штіблетамъ узкую шинель офицера главнаго штаба Курпона, надѣлъ эполеты генерала Карбонели, взялъ у одного шляпу, у другаго саблю и сѣлъ на лошадь Бори де-Репода. Многіе изъ офицеровъ: Курпонъ, Мориссо, де-ла-Галиссери, одинъ изъ его друзей, артиллерійскій капитанъ Бенцманъ, предложили ему составить изъ себя конвой; Жюль-де-Ластейри отправился также сопровождать его. Съ глазами, горищими огнемъ самоотверженія, съ гордымъ выраженіемъ лица, послушный какъ солдатъ, которому приказано идти въ огонь, молодой генералъ летитъ отыскивать своихъ солдатъ, не зная ни количества ихъ, ни мѣста ихъ расположенія, и точно также совершенно незнаемый ими.

XIX.

Съ своей стороны Барро отправился въ сопровожденіи Аббаттуччи, Авена, Гюстава де-Вомона, Оскара Лафаста, Кинетта, Кузена, Бароша и двухъ офицеровъ главнаго штаба національной гвардіи: Гораса Верне и де-Лажя. Тьеръ хотѣлъ также присоединиться къ нему. Этому предприимчивому уму хотѣлось еще разъ испытать свою недавнюю популярность. Но эта минутная благосклонность къ нему народа уже прошла. Возставшій народъ еще кричалъ: Да здравствуетъ Барро! и уже кричалъ: Долой Тьера! Горасъ Верне слышалъ этотъ крикъ; онасность была слишкомъ явная; онъ предупредилъ объ этомъ Тьера. Тьеръ оскорбляется этимъ обиднымъ для его мужества предостереженіемъ и хочетъ идти къ баррикадамъ. Тогда въ дѣло вмѣшивается маршалъ, онъ беретъ Тьера на руки, какъ ребенка и бросаетъ его въ проходъ, ведущій въ кабинетъ, говоря ему: „Оставайтесь! Мнѣ нуженъ здѣсь какой нибудь рѣшительный чловѣкъ. Если примиреніе не удастся, то здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, будетъ главное дѣло, и мнѣ нуженъ кто нибудь, который

не побоятся взять на себя вмѣстѣ со мной отвѣтственность.“
Тьеръ остался.

При выходѣ изъ штаба Барро встрѣтилъ Паньера и сказалъ ему: „Пойдемъ вмѣстѣ, мнѣ нуженъ республиканецъ такой какъ вы“. Паньеръ присоединился къ нему. Въ это время было девять часовъ утра.

XX.

Такимъ образомъ король, принцы, маршалъ, депутаты, государственные и военные люди, — всѣ сознавали недѣйствительность оружія противъ нравственной силы возмущенія, и всѣ прибѣгли къ средствамъ моральнымъ. Въ то время какъ Барро шелъ проповѣдывать миръ передъ баррикадами, маршалъ Бюжо повторялъ всѣмъ начальникамъ отрядовъ формальное приказаніе прекратить военныя дѣйствія. У меня въ рукахъ находится подобный приказъ, посланный къ полковнику 57-го линейнаго полка. Этотъ полковникъ, отравившійся изъ Лиля 23 числа вечеромъ, пріѣхалъ на станцію Сѣверной желѣзной дороги 24 числа въ пять часовъ вечера, а въ десять часовъ получилъ черезъ посредство переодѣтаго агента слѣдующую депешу:

„Расположитесь у станціи желѣзной дороги съ двумя вашими батальонами. Надобно надѣяться, что спокойствіе восстановится при помощи національной гвардіи. Старайтесь дѣйствовать въ духѣ примиренія. Огонь долженъ быть прекращенъ на всѣхъ пунктахъ.

«Маршалъ, герцогъ д'Исли.

Послѣ словъ: „Огонь долженъ быть прекращенъ на всѣхъ пунктахъ,“ маршалъ прибавилъ было: „до тѣхъ поръ пока....“ но потомъ, одумавшись вслѣдствіе какой нибудь смутной мысли, пробѣжавшей въ его умѣ, онъ сильно зачеркнулъ это мѣсто, впрочемъ такъ, что еще можно было явственно разобрать эти слова.

Маршалъ продолжалъ самъ и заставлялъ другихъ писать прокламаціи. Онъ приказалъ всѣмъ офицерамъ главнаго штаба національной гвардіи распространить прокламаціи по всѣмъ частямъ города, и когда одинъ изъ высшихъ офицеровъ сказалъ ему, что мундиръ можетъ служить поводомъ къ тому, что народъ будетъ стрѣлять по офицерамъ и что, исполняя это порученіе, можно рисковать быть убитымъ, то маршалъ съ презрѣніемъ отвѣтилъ ему: „Я не приказываю вамъ быть убитымъ; я приказываю вамъ идти.“

XXI.

Рѣшительно непонятнымъ остается то, что маршалъ, приказавъ своимъ войскамъ прекратить огонь, въ тоже время не призвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ. Самый простой здравый смыслъ показывалъ, какъ было опасно оставлять войска на улицѣ, среди возмущенія. Народъ, постоянно приходившій съ ними въ столкновеніе, могъ окружить ихъ, сжать, разбить на части, и отнять у нихъ оружіе. Уже было два ужасныхъ столкновенія, сколько еще могло случиться другихъ! И если атака возобновится въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, — всѣ усилія возстановить спокойствіе будутъ бесполезны и борьба снова начнется во всемъ городѣ. Народъ, разсвирѣпѣвшій отъ мысли, что ему измѣнили, будетъ драться съ остервененіемъ; войска съ своей стороны будутъ дѣйствовать нерѣшительно, растерявшись подъ вліяніемъ разныхъ чувствъ, сбивчивыхъ приказаній и разныхъ печальныхъ столкновений. Да, когда возмущеніе приняло уже такіе опасные размѣры, когда оно распространилось уже по всему городу, когда національная гвардія, вмѣсто того, чтобы подавлять возмущеніе, поддерживала его, — было огромной ошибкой не сосредоточить всѣхъ войскъ, для того чтобы сдѣлать этимъ послѣднее усиліе къ достиженію мира. Не одинъ разъ, впослѣдствіи, маршалъ Бюжо долженъ былъ горько упрекать себя въ этой

ошибкѣ. Разумѣется, уже не было никакой возможности спасти королевскую власть Луи-Филиппа: паденіе его было рѣшено самой судьбой, но, не смотря на это, была возможность спасти еще достоинство трона. Пятнадцать или двадцать тысячъ войска, сосредоточеннаго въ рукахъ рѣшительнаго человѣка, могли обезпечить возможность заключить почетную капитуляцію. Тогда, можетъ быть, король не унесъ бы въ своемъ печальномъ бѣгствѣ короны своего внука *).

XXII.

Обстоятельства требовали, чтобы король немедленно и окончательно рѣшился на что нибудь. Часы его были сосчитаны. Тьеръ, Ремюзъ и Дювержье де-Гораннъ поспѣшили возвратиться въ Тюльери. „Государь, сказалъ Тьеръ, маршалъ согласенъ на назначеніе Ламорисьера; Барро и генералъ отправились къ баррикадамъ.“ Затѣмъ онъ ясно изложилъ условія, на которыхъ онъ согласенъ принять на себя власть. Тогда опять возобновились уже бывшія сцены: восклицанія, сопротивленіе короля, быстрыя прогулки его по комнатѣ и совѣщанія въ сосѣдней комнатѣ. Въ залѣ, смѣжной съ кабинетомъ короля, Ремюзъ сочинялъ, диктовалъ и, диктуя, измѣнялъ выраженія прокламаціи, въ которой должно было быть объявлено рѣшеніе короля, какъ только оно будетъ дано. Подъ вліяніемъ лихорадочнаго нетерпѣнія, Дювержье де-Гораннъ едва удерживалъ тягостное волненіе, которымъ было наполнено его сердце.

*) Изъ точнаго разсказа событій можно видѣть, что приказаніе прекратить военныя дѣйствія или, по крайней мѣрѣ, остановить ихъ на время, было единственнымъ желаніемъ короля, принца, маршала Вьжо, Тьера, Барро, ихъ товарищей и всѣхъ безъ исключенія, желаніемъ высказаннымъ ими или послѣдовательно или одновременно. Бывшіе впоследствии споры и взаимныя обвиненія доказываютъ только сожалѣніе о потерянномъ, но не искажаютъ истины.

Наконецъ, выведенный изъ терѣнія, Тьеръ обращается къ герцогу Немурскому: „Вы видите! мы только убиваемъ время. Король не рѣшается на распущеніе парламента; вѣдь мы не министры, мы ничего болѣе не можемъ сдѣлать съ своей стороны.“

„— Вы правы, сказалъ принцъ, дайте, я постараюсь что нибудь сдѣлать; я пойду къ королю.“ И герцогъ отправился въ гостиницу королевы.

Въ ту же самую минуту Эмиль де-Жиранденъ вошелъ къ депутатамъ. „Вамъ нельзя терять ни одной минуты,“ воскликнулъ онъ, „волненіе уже достигло самихъ воротъ Тюльери. Единственное средство спасенія — немедленно объявить о новомъ министерствѣ, о распущеніи парламента и прочее.“

„— Я очень хорошо это знаю, возразилъ Тьеръ, но мы не можемъ добиться всего этого.“

Наконецъ герцогъ Немурскій возвратился къ депутатамъ и объявилъ имъ, что король согласенъ распуститъ парламентъ, что онъ уполномочиваетъ новыхъ министровъ объявить объ этомъ посредствомъ прокламаціи, но подъ ихъ отвѣтственностію и съ устраненіемъ его имени. Это условіе было или слѣдствіемъ пустой предосторожности или поставлено преднамѣренно. Никто не обратилъ вниманія на это странное обстоятельство. Прокламація слѣдующаго содержанія была сейчасъ же составлена:

«Парижъ, 24 февраля 1848 г., десять часовъ утра.

„Парижскіе граждане!

„Сдѣлано распоряженіе прекратить огонь на всѣхъ пунктахъ.

„Король только что поручилъ намъ составить новое министерство.

„Парламентъ будетъ распущенъ. Правительство обратилось съ воззваніемъ къ народу.

„Генераль Ламорисьеръ назначенъ начальникомъ національной гвардіи.

„Тьеръ, Барро, Ламорисьеръ, Дювержье де-Гораннъ назначены министрами.

«Подписали: Тьеръ, Одилонъ Барро,
генераль Ламорисьеръ, Дювержье де-
Гораннъ.

«Свобода, порядокъ, реформа!»

Чрезвычайно важно было то, чтобы эта прокламація была немедленно напечатана, выставлена на улицахъ и опубликована въ газетахъ. Но, повѣрить ли этому, ни въ Тюльери, ни въ главномъ штабѣ не было печатнаго станка! Въ продолженіе цѣлой ночи и цѣлаго утра, офицеры, генералы, самъ маршалъ переписывали безъ отдыха прокламацію маршала, и никто изъ нихъ не подумалъ позвать типографщиковъ. Это была роковая непредусмотрительность, за которую они жестоко поплатились! „За недостаткомъ печатнаго станка должна погибнуть монархія!“ горестно вскрикнулъ Эмиль де-Жирарденъ. Реймсъ, Меррюо и самъ Эмиль де-Жирарденъ бѣгутъ въ конторы журналовъ *Siècle*, *Constitutionnel*, *Presse*. Но, какъ всегда случается въ минуту великаго переворота, если явится какое набудь разумное рѣшеніе, то не достаетъ времени, чтобы привести его въ исполненіе. Событія шли быстрѣе, чѣмъ работа типографщиковъ!

XXIII.

Между тѣмъ Одилонъ Барро шелъ къ бульвару по улицамъ: *de l'Échelle*, *Sainte-Anne* и *Grammont*; по дорогѣ ему вездѣ попадались баррикады, но нигдѣ онъ не замѣтилъ враждебнаго расположенія народа. Большею частію ему отворяли проходъ чрезъ баррикады; иногда же онъ долженъ былъ переѣзжать черезъ нихъ. При каждой остановкѣ онъ повторялъ, что ми-

нистерство будетъ составлено изъ членовъ оппозиціи, что всѣ жалобы честныхъ людей будутъ удовлетворены, что либеральная политика взяла наконецъ верхъ, что войскамъ приказано вступить въ казармы и повсемѣстно прекратить огонь; рѣчь свою онъ оканчивалъ горячими убѣжденіями примириться и довѣриться правительству. Не смотря на неопредѣленность его доводовъ, они все таки производили сильное вліяніе. Толпа привѣтствовала ихъ криками: Да здравствуетъ Барро! Да здравствуетъ реформа! Но въ то же время слышался крикъ: Долой Бюжо! и даже — Долой Тьера! — На Итальянскомъ бульварѣ толпа была громадная; тамъ собралось множество работниковъ, но еще больше буржуа. Народъ симпатично встрѣтилъ Барро; Барро обратился къ нему съ рѣчью. Рѣчь произвела громадный энтузіазмъ: народъ окружилъ оратора, аплодировалъ ему, благодарилъ, одобрялъ, поднималъ его на руки. Въ эту минуту Барро могъ подумать, да онъ повидимому и подумалъ, что все дѣло зависитъ исключительно отъ него.

Тѣ же самыя восклицанія Барро встрѣчалъ до самыхъ Сентъ-Денискихъ воротъ. Но здѣсь раздался крикъ, котораго онъ еще не слыхалъ до сихъ поръ: Долой Луи-Филиппа! Паньеръ обратилъ вниманіе Барро на этотъ крикъ: „Видите ли, прибавилъ онъ, его уже не желаютъ имѣть королемъ; отреченіе необходимо; потребуйте его немедленно; въ противномъ случаѣ будетъ революція!“ Однако еще не слышно было крика: Да здравствуетъ республика!

У подножія Сентъ-Денискихъ воротъ возвышалась та громадная постройка, о которой мы уже говорили. Перешедши черезъ нее, Барро увидѣлъ страшное зрѣлище: по четыремъ сторонамъ бульвара и двумъ улицамъ, его пересѣкающимъ, четыре баррикады составляли настоящій редутъ. На верху этихъ окоповъ стояла толпа людей, которыхъ гордые лица выражали неукротимую смѣлость. Они стояли уже нѣсколько часовъ въ какихъ нибудь 100 шагахъ отъ генерала Бедо, ожидая

приступа и рѣшившись выдержать его. Это были самые отборные люди парижскаго революціоннаго населенія, энергичскіе, неукротимые, закаленные, рѣшившіеся на битву. Красное знамя развивалось надъ ними. Первымъ ихъ движеніемъ было прицѣлиться въ приближающихся. Барро, удивленный этимъ пріемомъ, но не уstraшенный угрозой, идетъ впередъ съ непокрытой головой, съ гордымъ выраженіемъ лица, съ смѣлыми и повелительными движеніями. Воспламененный величіемъ своей обязанности, онъ говоритъ народу воодушевленнымъ голосомъ, но передъ нимъ стоятъ люди съ такимъ же какъ онъ сильнымъ убѣжденіемъ: слова его разбиваются объ эти желѣзныя груди. Его рѣчь заглушается смутнымъ ропотомъ. Ораторъ парламентскаго либерализма встрѣтилъ здѣсь предѣлъ своему вліянію.

XXIV.

Итти далѣе было бесполезно и могло быть даже опасно. Друзья Барро совѣтовали ему возвратиться. Изнуренный усталостью, печальный, убитый, онъ возвращался по той же дорогѣ, по которой онъ только что прошелъ въ полномъ упоеніи популярности, довѣрчивости и триумфа. Толпа, подобно ему, казалось, измѣняла свои чувства. Крики: Долой Тьера! Долой Луи-Филиппа! раздавались еще чаще. Подъ симпатіею народа уже слышалась угроза и въ хаосѣ страстей, еще не опредѣлившихся, зоркій глазъ уже могъ различить рѣшительную волю и цѣль.

XXV.

Съ своей стороны и Ламорисьеръ не имѣлъ лучшаго уснѣха. Блестящія заслуги, пріобрѣвшія ему популярность, его молодость, смѣлость его словъ, выражавшая смѣлость характера, все, даже самая оригинальность его костюма, неотразимо обольщали воображеніе народа. Всеобщіе восторженные крики привѣтствовали этого генерала, славнаго завоевателя Констан-

тины, счастливаго побѣдителя Абдъ-эль-Кадера. Полный жара, увлеченія, присутствія духа, онъ вездѣ встрѣчалъ рукоплесканія, но нигдѣ не встрѣтилъ довѣрія къ правдивости своихъ обѣщаній. Баррикады или не отворялись передъ нимъ, или же закрывались по его удаленіи. „Вы — хорошо! Барро — хорошо!“ кричалъ народъ, узнавъ отъ него о созваніи новыхъ министровъ, о реформахъ, о прекращеніи военныхъ дѣйствій: — „Бюжо — ненужно! Тьера — ненужно! Долой Тьера! Долой Бюжо!“

Генералъ не хотѣлъ итти наперекоръ. У второй баррикады онъ уже не упоминалъ имени маршала; у третьей—онъ выпустилъ и имя Тьера; далѣе, повинуясь силѣ обстоятельствъ, онъ просто объявлялъ уже о министерствѣ Барро. Онъ, гордившійся въ началѣ честію командовать храброю парижскою національною гвардіей, теперь объявлялъ, что гордится тѣмъ, что ему досталось быть начальникомъ и національной гвардіи и дѣтей Парижа! Ловкость слова, конечно удивительная въ военномъ человѣкѣ, но которая, выражая силу его ума, доказывала въ то же время требованіе времени и неудачу возложеннаго на него порученія!

XXVI.

Послѣ одинаковыхъ спенъ и одинаковой опасности, перенесенныхъ съ одинаковой энергіей ради общаго долга, Ламорисьеръ и Барро встрѣтились на Итальянскомъ бульварѣ. Въ это время было десять или десять съ половиною часовъ утра. Генералъ слѣзъ съ лошади и они обнялись. Это была трогательная, но печальная сцена; она выражала болѣзненное сознаніе въ общей неудачѣ. Ораторъ и генералъ, не смотря на горячее сочувствіе къ нимъ народа, чувствовали себя побѣжденными.

И что же въ самомъ дѣлѣ могло выйти изъ этого предпріятія, разумѣется, очень смѣлаго, но не благоразумнаго? По-

нятно, что вліяніе какой нибудь личности можетъ имѣть мѣсто гдѣ нибудь на форумѣ, въ Генуѣ, во Флоренціи, въ Венеціи, словомъ въ городѣ, гдѣ отъ одного конца до другаго можетъ быть слышенъ человѣческій голосъ, гдѣ каждый извѣстенъ въ лицо; понятно, что въ такихъ мѣстахъ самая буйная толпа уступаетъ вліянію какого нибудь знаменитаго оратора или храбраго генерала. Но въ Парижѣ, среди этой несмѣтной толпы, въ которой заключается столько всякихъ разнородныхъ массъ, раздробленныхъ на тысячи отдѣльныхъ группъ, на такихъ огромныхъ пространствахъ, что можетъ сдѣлать самое увлекательное краснорѣчіе? Какое вліяніе можетъ имѣть самая заслуженная, самая громадная популярность? — ровно никакого! Въ нѣсколькихъ шагахъ голосъ теряется въ воздухѣ, наплывъ новой массы народа уничтожаетъ дѣйствіе, произведенное рѣчью; въ сосѣдней улицѣ видно, но за то ничего не слышно. Мѣсто Барро, Ламорисьера и другихъ политическихъ дѣятелей, призванныхъ королемъ, было въ Тюльери. Отсюда они могли и должны были дѣйствовать своимъ вліяніемъ. Но чтобы имѣть возможность дѣйствовать и заставлять дѣйствовать другихъ, для этого нужна была власть, а ее то они и не имѣли. Въ десять часовъ король еще торговался съ ними.

Эти два министра одного часа, уже почти прошедшаго, шли вмѣстѣ до улицы Мира; уставшій Барро согласился сѣсть на лошадь офицера Бенцмана, предложенную ему генераломъ. Народъ, толпившійся вокругъ нихъ, кричалъ: „Въ Тюльери, въ Тюльери!“ Если бы они согласились стать во главѣ этого кружка, они могли бы завладѣть дворцомъ.

Барро объявлялъ, что онъ хочетъ возвратиться къ себѣ домой. Въ десять съ половиною часовъ онъ пріѣхалъ усталый, сопровождаемый все тою же толпой, кричавшей по прежнему. Собравшіеся у Барро въ большомъ количествѣ депутаты, журналисты, вліятельнѣйшіе изъ избирателей, члены центрального комитета, ожидали его, нетерпѣливо желая узнать, что

происходило въ Тюльери, на бульварахъ, что нужно было дѣлать и на что можно было надѣяться. Въ отсутствіе своего мужа г-жа Барро и ея мать г-жа Дефоссе принимали гостей съ удивительной простотой и спокойствіемъ духа.

Толпа, собравшаяся около дома, все еще продолжала кричать. Гарнье-Паже обратился къ ней съ рѣчью и толпа, повинувшись голосу этого популярнаго человѣка, начала мало по малу расходиться. „Видите ли, Барро, сказалъ Гарнье-Паже, надобно торопиться, — насъ увлекаютъ событія. Сегодня вы еще въ силѣ, завтра на вашемъ мѣстѣ уже будутъ мои друзья и я, послѣ завтра будетъ Ледрю-Ролленъ.“

XXVII.

Что касается генерала Ламорисьера, то онъ, смущенный тѣмъ, что толпа, требовавшая, чтобы онъ велъ ее въ Тюльери, сдѣлала изъ него революціоннаго предводителя, приниорилъ свою лошадь и, проѣзжая рысью по улицѣ Мира, поскакалъ во дворецъ, сопровождаемый небольшою толпою.

Въ улицѣ Риволи, не далеко отъ угла улицы Пирамидъ, подлѣ самой рѣшетки Тюльерійскаго дворца, онъ встрѣтился съ маршаломъ Бюжо и герцогомъ Немурскимъ, которые подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя направлялись къ площади Со-гласія, откуда только что слышалась сильная перестрѣлка. Лица ихъ были озабочены. Они остановились. Генералъ отдалъ отчетъ въ своемъ порученіи, стараясь какъ можно мягче, высказать непопулярность маршала. „Да, господинъ маршалъ, прибавилъ одинъ изъ офицеровъ главнаго штаба національной гвардіи, Мориссо, — мнѣ очень прискорбно, но я обязанъ вамъ сказать, что ваше имя встрѣтило дурной пріемъ, я слышалъ вездѣ одинъ и тотъ же крикъ: Долой Бюжо!“

XXVIII.

Маршалъ уже лично убѣдился въ этой непріятной истинѣ.

На Каррусельской площади его очень холодно встрѣтилъ третій батальонъ 10-го легіона. Немного погодя онъ отправился въ улицу Риволи, чтобы осмотрѣть два батальона 2-го легіона и когда скомандовалъ одному изъ нихъ зайти по отдѣленіямъ и слѣдовать за нимъ, то батальонный командиръ не послушался его; онъ повторилъ свое приказаніе офицерамъ, — офицеры тоже не послушались. Тогда одинъ изъ офицеровъ главнаго штаба рѣшился сказать ему: „Маршалъ, съ большимъ сожалѣніемъ я долженъ вамъ сказать, что національная гвардія не желаетъ имѣть васъ своимъ начальникомъ.“ Маршалъ удалился, не сказавъ ни слова.

Въ десять часовъ первый батальонъ 1-го легіона пришелъ въ главный штабъ на смѣну втораго батальона 8-го легіона, который былъ въ караулъ съ 23 на 24 число. 1-й легіонъ подобно 10-му былъ преданъ династїи, королю и его политикѣ. Маршалъ обратился съ рѣчью къ этому батальону. Въ отвѣтъ на эти слова солдаты выразили желаніе реформъ. „Разумѣется, сказалъ маршалъ, король готовъ дать всевозможныя реформы, или по крайней мѣрѣ большую часть ихъ....“ Это злополучное слово вызвало ропотъ, раздались многочисленные крики: Да здравствуетъ реформа! И только нѣсколько голосовъ кричало: Да здравствуетъ король!

Генераль продолжалъ говорить съ герцогомъ Немурскимъ и маршаломъ, когда прибѣжалъ полицейскій комиссаръ и объявилъ, что конвой не можетъ итти дальше, не подвергаясь неминуемой опасности. Не обращая вниманія на это предупрежденіе и видимо взволнованный нерасположеніемъ къ нему народа, маршалъ повернулъ свою лошадь назадъ и вмѣстѣ съ герцогомъ возвратился въ Тюльери.

XXIX.

Непріязнь къ маршалу сдѣлалась всеобщей: народъ былъ недоволенъ имъ за его жестокіе поступки и еще болѣе жесто-

кія слова; либеральная буржуазія — за его политическую дѣятельность; консервативная буржуазія — потому, что непопулярность маршала вела къ неминуемой опасности. Эта опасность была тѣмъ серьезнѣе, что возможность ея допускалъ самъ маршалъ. Онъ чувствовалъ, что его имя парализовало всѣ его усилія къ возстацвленію мира. Поставленный въ это ложное положеніе, которое не было ни миромъ ни войной, получая со всѣхъ сторонъ самыя мрачныя извѣстія, удивляясь противорѣчіямъ, волновавшимъ его мысли, видя неудачу во всемъ: въ уступкахъ, общаніяхъ, прокламаціяхъ, даже въ дѣйствіяхъ самыхъ популярныхъ личностей,—онъ терялъ силу воли, до сихъ поръ несокрушимую. Будучи смѣлымъ орудіемъ нерѣшительности короля и добровольнымъ или невольнымъ соумышленникомъ скрытыхъ мыслей его, онъ былъ въ то же время и жертвой этого положенія!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Трудное отступление генерала Бедо на бульварахъ; безирестанныя пренятствія, встрѣчаемыя имъ; встрѣча съ Барро и его друзьями; пушки не могутъ двигаться впередъ, ихъ отводятъ въ ратушу втораго округа; ящики открываютъ и боевые припасы раздаются народу; предводительствуемая національной гвардіей и народомъ, колонна генерала Бедо вступаетъ на площадь Согласія; муниципальные гвардейцы, содержащіе караулъ въ постѣ Пейронне, стрѣляютъ въ народъ; кровавая стычка, взятіе поста. — Перестрѣлка линейныхъ войскъ у Font-Tougnant; убиство депутата Жюливе. — Сдача казармъ de Reuilly. — Капитуляція поста Vandoyen. — Стычка на баррикадахъ лѣваго берега Сены, у Политехнической школы. — Разрушеніе и сожженіе заставъ. — Разрушеніе помпінныхъ и мостовыхъ заставъ. — Сдача остальныхъ казармъ. — городская Дума; войска соединяются съ національной гвардіей и народомъ; караулъ муниципальных гвардейцевъ хочетъ дѣйствовать противъ народа; онъ принужденъ запереться въ казарму; рабочіе завладѣваютъ Городскою Думою; присутствіе духа привратника Мартена передъ угрозою сжечь бібліотеку; отчаяніе префекта; на предложеніе совѣтниковъ муниципалитета созвать совѣтъ, онъ имъ отвѣчаетъ: «Дѣлайте что хотите!»; на требованіе офицера національной гвардіи, Журдана, оставить свою должность, онъ оставляетъ Думу; генералы-начальники отрядовъ слѣдуютъ его примѣру; войска удаляются и отдаютъ свое оружіе; народъ торжествуетъ; муниципальные совѣтники, находящіеся на лицѣ въ Думѣ, отказываются признать импровизированную власть Журдана и созываютъ муниципальный совѣтъ. — Министерство внутреннихъ дѣлъ: Гизо и Брольи у Дюшателя; приходъ Малевилля; онъ предупреждаетъ ихъ о событіяхъ и объ опасностяхъ, которыя имъ угрожаютъ; слова г-жи Дюшатель; оба министра спасаются бѣгствомъ; передѣваніе Гизо; Малевиль приказываетъ нѣсколькимъ національнымъ гвардейцамъ отразить нападеніе, сдѣланное на министерство; онъ увѣдомляетъ Барро, что будетъ ожидать его. — Многочисленное собраніе членовъ оппозиціи у Барро. —

Отречение короля и назначеніе регентства, провозглашенныя утромъ Ледрю-Ролленомъ и Маррастомъ, приняты радикалами всѣхъ партій, какъ неожиданная побѣда; Барро, Аверъ, Паньеръ, Гарнье-Паже и другіе отправляются въ министерство внутреннихъ дѣлъ; народъ, національная гвардія и войска встрѣчаютъ ихъ съ восторгомъ; нерѣшительность Барро; онъ понимая изъ положенія, принятаго народомъ, необходимость отреченія; онъ проситъ Дюпена и Жанаіе объяснить королю положеніе дѣлъ; нападки на поведеніе Барро и его оправданіе. — Главный штабъ: состояніе умовъ.

I

Перестрѣлка, обратившая на себя вниманіе герцога Немурскаго и маршала, была опять новымъ слѣдствіемъ печальнаго недоразумѣнія.

Мы уже говорили, что колонна генерала Бедо занимала весь шоссе отъ Театра Gymnase до улицы Rougemont. Мы сказали также, что со вчерашняго вечера постройка баррикады увеличивалась съ необыкновенной быстротой. Всѣ улицы, выходившія на бульваръ, были послѣдовательно баррикадированы, такъ что когда генералъ получилъ приказаніе отступить, то онъ увидѣлъ себя запертымъ со всѣхъ сторонъ. Съ высоты этихъ редутовъ вооруженный народъ, готовый къ нападенію и защитѣ, могъ стрѣлять по колоннѣ почти въ упоръ. Если бы тутъ завязалась битва, то она кончилась бы страшной рѣзней и исходъ ея былъ бы сомнителенъ. Такимъ образомъ отступленіе генерала Бедо было необходимо какъ съ военной, такъ и съ политической точки зрѣнія.

Но отступленіе это было сопряжено съ неимовѣрными трудностями. Дорога, по которой приходилось отступать, была загромождена баррикадами, грудями камней, траншеями и кучами срубленныхъ деревьевъ. Толпа, до сихъ поръ совершенно смирная, но значительная по количеству, взволнованная, гордая своимъ могуществомъ, составляла также не малое препятствіе. Какимъ образомъ можно было удержать толпу, не отодвинувъ ее, и какъ отодвинуть ее, безъ столкновенія? Между тѣмъ генералу было приказано избѣгать всякихъ столкновеній.

Личное наблюденіе надъ солдатами на такомъ огромномъ протяженіи было для него невозможно. Но Бедо принялъ всѣ мѣры предосторожности. Онъ поставилъ впереди колонны сильный отрядъ національныхъ гвардейцевъ, во главѣ котораго шли люди, которыхъ вліяніе и честность были ему извѣстны; эти люди были: Лабелони, Деландръ, Тіу, Поперъ, Эрбе и другіе. Артиллерія шла подъ прикрытіемъ съ одной стороны тяжелой кавалеріи, съ другой — національной гвардіи. Защищенный такимъ образомъ, онъ двинулся впередъ.

На каждомъ шагѣ надобно было добиваться пропуска, надобно было, не прибѣгая къ силѣ, истощать всѣ средства убѣжденія. При пересѣченіи бульвара съ Монмартрскимъ предмѣстіемъ, подобно тому какъ у Сенъ-Денискихъ воротъ, находилось каре, составленное изъ баррикадъ: послѣ нѣсколькихъ минутъ страшнаго смятенія, колонна успѣла пройти черезъ это мѣсто. У пассажа des Rapogamas къ генералу присоединилась рота 2-го легіона подъ командой Альтароша; съ одной стороны это было для него помощію, но съ другой, по причинѣ тѣсноты, — новымъ затрудненіемъ. На Итальянскомъ бульварѣ опять та же тѣснота, страшное движеніе, крики восторга и неудовольствія. Генеральъ выѣзжаетъ впередъ и видитъ Барро. Оба кортежа останавливаются: Да здравствуетъ армія! кричатъ національные гвардейцы, поднимая кверху ружейные приклады; солдаты, подражая этой мирной демонстраціи, поднимаютъ также приклады и отвѣчаютъ: Да здравствуетъ національная гвардія!

II.

До сихъ поръ движеніе колонны не было ничѣмъ остановлено, не смотря на множество затрудненій. Съ помощію народа войска успѣли очистить дорогу для артиллеріи и пороховыхъ ящиковъ. Но у улицы Choiseul огромныя массы народа, сдавленные противоположнымъ движеніемъ войска, а также

деревья и камни представляли для артиллеріи непреодолимое препятствіе. Сверхъестественныя усилія солдатъ, энергическая помощь національной гвардіи, увѣщанія и усердное посредничество нѣкоторыхъ рабочихъ, въ числѣ которыхъ были: Корбонъ, Паскаль и ихъ друзья—сотрудники журнала „Atelier“, увѣщанія генерала, помощника Бедо, — ничто не помогало. Генераль, не имѣя возможности предупредить Бедо, увидѣлъ необходимость оставить артиллерію на понеченіи батальоннаго командира національной гвардіи, который обязался отвести орудія и ящики въ ратушу втораго округа и сохранять ихъ тамъ въ цѣлости. Это было честное обѣщаніе, но его не въ силахъ была исполнить человѣческая воля: одни только орудія были спасены, ящики же, оставшіеся въ рукахъ рабочихъ, были открыты, патроны взяты и розданы народу.

Но передніе ряды колонны все таки подвигались впередъ.

III.

У церкви св. Магдалины генераль Бедо далъ войскамъ отдыхъ. Отсюда были видны караулы кавалерійской дивизіи, стоявшей на площади Согласія, и взводъ муниципальных гвардейцевъ, занимавшихъ постъ Reuquet. Начальникомъ этого пункта былъ генераль Рено-де-Сенъ-Жанъ д'Анжели.

Извѣщенный черезъ адъютанта, эскадроннаго командира главнаго штаба, Эспивана, о прибытіи генерала Бедо, генераль Рено выразилъ большое безпокойство. Ему извѣстна была взаимная ненависть народа и муниципальной гвардіи и враждебное расположеніе послѣдней даже къ національной гвардіи, и онъ боялся столкновенія. Чтобы избѣжать его, онъ черезъ Эспивана приказываетъ муниципаламъ войти въ кордегардію; но муниципальные гвардейцы отказываются повиноваться. Гофъ-фурьеръ Фуке, который въ продолженіе трехъ дней защищалъ съ двадцатью семью человѣками постъ Reuquet,

выстраиваетъ въ линію своихъ солдатъ. Было около десяти съ половиною часовъ утра.

Въ это время колонна генерала Бедо выступаетъ изъ Королевской улицы на площадь, имѣя во главѣ національную гвардію и по бокамъ нѣсколько кучекъ народа. Національная гвардія, чтобы дать мѣсто войскамъ, которыя слѣдуютъ за ней, поворачиваетъ на право, по направленію къ посту Reugonnet. Эспиванъ спѣшитъ къ національной гвардіи и говоритъ торопливымъ голосомъ: „Берегитесь, муниципальные гвардейцы не хотятъ войти въ кордегардію.“ Долой муниципаловъ! кричитъ народъ. Вслѣдствіе ли озлобленія за прежнія неудовольствія, или вслѣдствіе минутнаго раздраженія, или же изъ страха нападенія этой толпы, поднимающей враждебный крикъ, гофъ-фурьеръ Фуке командуетъ стрѣлять: залпъ, сдѣланный по этой сплошной массѣ народа, убиваетъ и ранитъ многихъ людей. Изъ среды толпы раздается страшный взрывъ гнѣва: „Измѣна! Это повтореніе того, что было вчера на Капупинскомъ бульварѣ! Къ оружію!“ И вмѣсто того чтобы обратиться въ бѣгство, раздраженный народъ бросается впередъ.

Генералъ Бедо видѣлъ огонь послѣднихъ выстрѣловъ, онъ бросается во всю прыть въ промежутокъ между народомъ и муниципалами и приказываетъ послѣднимъ войти въ свой постъ; потомъ обращается къ національной гвардіи и закликаетъ ее не отбиваться. Но муниципальные гвардейцы снова зарядили свои ружья и продолжаютъ стрѣлять черезъ бойницы кордегардіи. Всѣ, кто только былъ вооруженъ, отвѣчаютъ на эти выстрѣлы. Даже венсенскіе стрѣлки, раздѣляя негодованіе національной гвардіи, хотятъ наказать этотъ поступокъ, приписываемый измѣнѣ; но настойчивое требованіе генерала удерживаетъ ихъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ огнемъ, храбрый генералъ пренебрегаетъ своею жизнью, чтобы исполнить свой долгъ; онъ употребляетъ всѣ свои силы,

чтобы отклонить битву, но всё усилія самаго великодушнаго самоотверженія остаются безплодными, — постъ уже взятъ приступомъ, двери взломаны, муниципалы въ рукахъ народа; два изъ нихъ убиты во время вторженія народа, нѣкоторые ранены, остальные должны поплатиться жизнью за свое дерзкое нападеніе. Но послѣ побѣды, человѣколюбіе вступаетъ въ свои права: генералъ, офицеры національной гвардіи и рабочіе успѣваютъ спасти этихъ несчастныхъ отъ мести народа. Спрятанные между рядами національной гвардіи и венсенскихъ стрѣлковъ, между кирасирскими лошадьми, въ турецкомъ посольствѣ, въ морскомъ министерствѣ, одѣтые наскоро въ спасительную блузу, муниципальные гвардейцы были скоро внѣ опасности.

IV.

Этотъ кровавый эпизодъ имѣлъ страшный конецъ. Рѣшетка Pont-Tournant, которая отдѣляетъ Тюльерійскій садъ отъ площади Согласія, была заперта, какъ обыкновенно дѣлается въ смутное время. Два отряда занимали постъ; одинъ состоялъ изъ пятидесяти человѣкъ 74-го линейнаго полка, подъ начальствомъ подпоручика Дюкермона; другой, изъ ста человѣкъ 69-го полка, подъ начальствомъ поручика Тапуля. Встревоженные перестрѣлкой, они смотрятъ на площадь и видятъ человѣка, въ военномъ платьѣ, уходящаго отъ работниковъ и буржуа, бѣгущихъ за нимъ въ погоню, по направленію къ Pont-Tournant. Этотъ человѣкъ былъ гофъ-фурьеръ Фуке, тяжело раненный, съ окровавленнымъ лицомъ; спрятавшись сначала за кирасирскими лошадьми, онъ хочетъ найти еще болѣе вѣрное убѣжище въ Тюльерійскомъ саду, и бѣжитъ черезъ площадь Согласія; вслѣдъ за нимъ бѣгутъ нѣсколько человѣкъ, чтобы помочь ему, и кричатъ, чтобы онъ остановился; но онъ продолжаетъ бѣжать. Въ двадцати шагахъ отъ Pont-Tournant онъ задыхающимся голосомъ умо-

ляетъ солдатъ, содержащихъ караулъ, спасти его: „Спасите, спасите!“ кричитъ онъ. Сзади его одинъ буржуа, въ знакъ мира, машетъ ему бѣлымъ платкомъ. При видѣ этого окровавленнаго человѣка, преслѣдуемаго и умоляющаго, не видя или не понимая знака, который имъ дѣлають, солдаты стрѣляютъ *). Четыре человѣка падаютъ, три изъ нихъ убиты; одинъ раненый поднимается, остальные бѣгутъ. Тогда солдаты отворяютъ рѣшетку и идутъ поднять тѣла убитыхъ. Между ними находился человѣкъ съ бѣлымъ платкомъ. Поручикъ 69-го полка, наблюдѣвшій отъ испуга, узнаетъ въ этомъ убитомъ друга своего семейства, Жоливе — консервативнаго члена палаты депутатовъ.

Услышавъ выстрѣлы, генераль Бедо прибѣжалъ съ другой стороны площади. Но уже было поздно. Глубоко тронутый этой сценой, онъ приказалъ уничтожить слѣды этой катастрофы. Солдаты спрятали труны несчастныхъ жертвъ этой печальной ошибки въ кучу песка у терассы. Но слѣды крови забыли уничтожить.

Таковы были обстоятельства этой перестрѣлки, которая слышна была даже во дворцѣ. Это обстоятельство возбудило въ Тюльери сильную тревогу, а въ народѣ — новую жажду мести.

V.

Эти невольные выстрѣлы составляютъ самую рѣзкую черту этой странной борьбы. Нигдѣ причиной перестрѣлокъ не была обдуманная воля правительства, или самаго войска, или народа, или же отдѣльнаго человѣка, — причиной всему была случайность. Вездѣ и независимо одно отъ другаго, повторялось одно и то же. Но сдѣленіе однихъ и тѣхъ же случай-

*) Солдаты говорили, что они слышали какъ одинъ изъ зрителей Тюльери кричалъ имъ съ терассы: «Стрѣляйте же, стрѣляйте!»

ностей удесятѣряетъ ихъ значеніе, раздражаетъ народъ, деморализуетъ войска, ослабляетъ власть военачальниковъ, уничтожаетъ дѣйствія правительства и окончательно губитъ монархическую власть.

Въ этотъ день, 24 февраля, послѣ несчастнаго происшествія на Бастильской площади, возмущеніе быстро проникло въ Сентъ-Антуанское предмѣстіе. Весь народъ былъ въ движеніи, окруживъ посты и казармы. Казарма de Reuilly, въ которой находился большой складъ снарядовъ, была окружена народомъ, требовавшимъ оружія. Солдаты сопротивляются. Въ дѣло вмѣшивается національная гвардія. Мэръ этого округа является посредникомъ; Перре, Рекюръ и другіе поддерживаютъ его. Народъ занимаетъ дворы; старается захватить ружья; но ихъ хотять увезти. Осаждающіе становятся смѣлѣе; шумъ, беспорядокъ, крики удваиваются. Солдаты, отодвинутые въ средину зданія, готовы стрѣлять изъ оконъ. Рабочіе угрожаютъ зажечь казарму. Эта сцена борьбы, толпленія, переговоровъ, эти крики и шумъ продолжались два часа безъ всякой развязки. Наконецъ полковникъ, извѣщенный объ отступленіи генерала Дюго, спрашиваетъ мнѣнія офицеровъ и рѣшается передать казарму національной гвардіи, которая будетъ сопровождать войска за самую заставу. Было одиннадцать часовъ утра.

VI.

Подлѣ городской Думы, на площади св. Іоанна по той сторонѣ, къ которой примыкаютъ улицы: de la Verrerie, Bourgibourg, de Bergu и площадь Baudoyer, возвышалась зубчатая кордегардія, защищавшаяся отрядомъ 46-го линейнаго полка. Съ утра уже эта кордегардія была окружена цѣлою сѣтью баррикадъ. Къ десяти часамъ мэръ седьмага округа, предвидя нападеніе, пригласилъ солдатъ отступить, пока еще есть время и сдать свой постъ національной гвардіи. Солдаты не

послушались этого совѣта. Толпа безпрестанно увеличивалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и раздраженіе.

Народу предлагаютъ удалиться, — онъ отказывается, смѣло идетъ впередъ и начинаетъ атаку. Солдаты запираются въ кордегардію и стрѣляютъ изъ бойницъ. Народъ отвѣчаетъ на выстрѣлы. Съ обѣихъ сторонъ убито нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ со стороны войска два офицера: подпоручикъ 45-го полка Манистраль и старшій адъютантъ капитанъ Гертельцеръ, который прибѣжалъ къ отряду съ приказаніемъ отступить. Извѣщенный объ опасномъ положеніи этого поста, генераль Себастьяни посылаетъ ему на помощь батальонъ. Но баррикада, построенная до высоты втораго этажа въ улицѣ Рено-Лефебвръ, представляетъ непреодолимое препятствіе. Тогда, депутатъ этого округа Моро, полковникъ легіона Лавесьеръ и офицеры, повинуваясь голосу челоѣколюбія, мужественно бросаются въ огонь. Войска соглашаются сдаться. Подъ прикрытіемъ національной гвардіи они уходятъ въ ратушу. Народъ занимаетъ кордегардію и предаетъ ее огню.

VII.

На лѣвомъ берегу Сены въ окрестностяхъ Пантеона господствовало сильное волненіе, поддерживавшееся и усиливавшееся небольшими стычками, бывшими у различныхъ баррикадъ. Напримѣръ подлѣ Collège de France толпа учениковъ, между которыми были: Эмиль Дарно, сынъ консервативнаго депутата, Буржонъ, Лемеръ, Ватрипонъ и др., храбро отстаивала одну баррикаду противъ роты 14-го линейнаго полка. Рота 55-го полка не могла ничего сдѣлать противъ учениковъ, защищавшихъ баррикаду на углу улицъ: Реймской, des Amandiers и de Sept-Voies. Съ обѣихъ сторонъ было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ.

Болѣе серьезная борьба завязалась передъ Политехнической школой. Рано утромъ воспитанники взломали двери

своего заведенія и присоединились къ возстанію, начавши помогать своимъ оружіемъ и своимъ вліяніемъ. Даже больные оставили школу, въ которой остался всего только одинъ воспитанникъ. Въ школѣ находился только начальникъ ея, генераль Опикъ, его офицеры, главный докторъ Оланье и разные служащіе. Между тѣмъ толпа собравшагося народа угрожала занять дворъ. Двѣ роты 55-го полка, посланныя генераломъ Рено, прибыли къ одиннадцати часамъ и выстроились въ линію передъ школой. Войсками командовали двое молодыхъ людей, происходившихъ изъ знатныхъ фамилій: Калонъ и Коленкуръ.

Спустя нѣсколько времени толпа народа ворвалась на площадь; эта толпа, привѣтствуя поочередно реформу и солдатъ, не имѣла никакого враждебнаго намѣренія. Немного погодя пришла другая колонна народа, которая только что завладѣла казармой Муфтаръ; гордая своимъ успѣхомъ, она приближается съ барабаннымъ боемъ къ солдатамъ и требуетъ у нихъ оружія. Въ это время мальчишка, вскорѣившійся на фонтанѣ, стрѣляетъ; за этимъ выстрѣломъ слѣдуютъ другіе. Капитанъ командуетъ: Въ штыки! Солдаты, стѣсненные толпой, не могутъ исполнить это приказаніе; чтобы освободиться отъ народа, они отступаютъ назадъ и стрѣляютъ залпомъ. Тогда съ обѣихъ сторонъ начинается перестрѣлка; три солдата убиты, одиннадцать ранено; столько же жертвъ падаетъ со стороны народа. Болѣе серьезное столкновеніе дѣлается неизбежнымъ. Войскамъ приказано занять школу; народъ устремляется за ними. Самые смѣлые уже проникли въ дворъ; въ это время является начальникъ школы; онъ хочетъ говорить къ народу; озлобленный народъ схватываетъ его и грозитъ убить, но онъ успѣваетъ освободиться. Наконецъ національные гвардейцы съ помощію нѣкоторыхъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ студентъ медицины Жакъ отличился своею храбростію и самоотверженіемъ, успѣваютъ успокоить эту разъяренную толпу, которая оставляетъ школу.

Вечеромъ солдаты подъ прикрытіемъ учениковъ вышли изъ школы въ совершенной безопасности.

VIII.

Изъ всего этого видно, что всѣ стычки, которыя предшествовали революціи 1848 года и создали ее, не были правильными сраженіями. Они нисколько не были похожи на тѣ великія битвы, которыя въ 1830 и 1832 годахъ обогрили кровью столицу Франціи. Тутъ все происходитъ случайно, вездѣ нечаянныя столкновенія, вездѣ случайныя стычки, которыя кончаются ничѣмъ; народъ и войско то протягиваютъ другъ другу руку, то стрѣляютъ другъ въ друга. Послѣ нерестрѣлки народъ, національная гвардія, солдаты поднимаютъ приклады къ верху и дружатся между собою. Солдаты отстаиваютъ свое оружіе, потомъ отдаютъ его. Однихъ только муниципальных гвардейцевъ атакуютъ съ остервененіемъ и они только одни запишутся до послѣдней крайности. Подлость ли это со стороны солдатъ? Кто рѣшится утверждать это?...

Нѣтъ, не было ничего низкаго въ поведеніи этихъ солдатъ, отдававшихъ національной гвардіи и народу свое оружіе, съ которымъ они, подъ вліяніемъ противорѣчивыхъ приказаній, не знали что дѣлать! Поведеніе этихъ офицеровъ, оставленныхъ, по непредусмотрительности начальниковъ, среди возмущившагося народа и уступавшихъ только передъ огромнымъ превосходствомъ силъ, не было низко! Не было также низко поведеніе этихъ генераловъ, которые, отступая вслѣдствіе официальныхъ приказаній, встрѣчали на пути тысячи опасностей и затрудненій! Если въ эти смутные дни были люди, поступившіе безчестно, то это были не они. Если были люди слабые, то это тоже были не они. Если лежитъ на комъ нибудь отвѣтственность, то не на нихъ. Дѣлая Бюжо начальникомъ войскъ, король тѣмъ самымъ какъ бы приказывалъ

ей начать войну. Назначая Тьера и Барро министрами, онъ приказывалъ ему заключить миръ. Самъ маршалъ своими неопредѣленными прокламаціями окончательно обезоружилъ армію. Что могутъ сдѣлать руки тамъ, гдѣ безсильна голова?

IX.

Пока все это происходило, народъ, жившій въ частяхъ города, близкихъ къ заставамъ и къ рѣкѣ, протестовалъ огнемъ и мечемъ противъ акцизныхъ и мостовыхъ пошлинъ.

У заставы Клиши была разрушена кордегардія и обѣ рогатки сожжены. Заставамъ *Blanche, des Martyrs, Monmaitre* и *Rochechouart* угрожала та же участь, но онѣ были спасены. Обѣ рогатки и навильонъ Сенъ-Денисской заставы были разрушены. То же самое послѣдовало съ рогаткой *de la Boyauderie*. У заставы *du Combat* многочисленная толпа народа строить баррикаду изъ экипажей, деревьевъ, столовъ, изъ разныхъ столярныхъ предметовъ, изъ всякой домашней утвари, взятой изъ акцизныхъ конторъ; рогатка зажжена, но огонь сейчасть же потушенъ. У заставы *de la Chopinette* новая, но неудачная попытка зажечь. У *Belleville* четыреста человѣкъ нападаютъ на контору, сжигаютъ рогатку, вынимаютъ и разливаютъ вино, бывшее въ погребахъ. Застава *Ramponeau* уничтожена. У *Amandiers* разграблены всѣ принадлежности конторы. На Тронной площади толпы народа, долго удерживаемыя войсками, бросаются по уходѣ войскъ къ заставѣ; обѣ рогатки преданы огню. У *Pierus* взламываютъ дверь заставы и грабятъ погребы. У *Charenton* осаждающіе обезоруживаютъ караулъ; потомъ разбиваютъ рогатку и сжигаютъ подъемный мостъ. У *Râpée* уничтожаютъ рогатку и все имущество въ присутствіи національной гвардіи, которая не препятствуетъ имъ ни въ чемъ. Въ четыре часа утра національная гвардія оставляетъ Итальянскую заставу; въ одиннадцать часовъ толпа

народа, предводительствуемая женщиной, которая держитъ въ рукахъ огромную саблю, разрушаетъ рогатку и подъемный мостъ и передаетъ ихъ огню. Аркёльская застава спасена, благодаря остроумному замѣчанію одного изъ гражданъ, что „гораздо благоразумнѣе затопить у себя печку, чѣмъ дѣлать пожаръ на открытомъ воздухѣ.“

X.

Послѣ заставъ принимаются за мосты, обложенные пошлиной. Народъ питаетъ самую сильную ненависть ко всякимъ препятствіямъ къ свободному движенію по городу. Въ восемь часовъ сожжены: контора мостового сбора у Аустерлицкаго моста и кордегардія, которая ее защищала. Къ одиннадцати часамъ толпа народа устремляется на Даміетскій мостъ, протянутый отъ восточной стороны острова Saint-Louis до набережной des Célestins. Контора мостового сбора, находившаяся у набережной, сожжена при крикахъ: „Долой пошлина!“ Вдругъ раздается странный трескъ; цѣпи, протянутыя черезъ контору, пропитанныя смолой, раскаляются до красна и разрываются съ грохотомъ; мостовая пастилка между средней аркой и набережной des Célestins обрушивается въ рѣку. И контора и мостъ уничтожены за одинъ разъ. Развалины Даміетскаго моста, какъ памятникъ безумнаго разрушенія, остаются до сихъ поръ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были оставлены послѣ пожара.

Къ счастью при этомъ случаѣ никто не погибъ; но страшный урокъ ожидалъ разрушителей. Мостъ Луи-Филиппа, называемый теперь мостомъ Реформы, соединяетъ оба рукава рѣки у западной оконечности острова Saint-Louis. Названіе моста еще болѣе увеличивало неудовольствіе къ самой пошлинѣ. Въ два часа контора разрушена. Большое количество смолы, сложенной у мостового быка, обращеннаго къ улицѣ Saint-Louis, составляло отличный матеріалъ для пожара. Яв-

ляются зажигатели; пламя вспыхиваетъ и, вырываясь съ страшною силою, обнимаетъ мостовыя цѣпи; впродолженіи десяти минутъ цѣпи накаляются, трещать и ломаются, въ то же время обрывается мостовая настилка и увлекаетъ въ своемъ паденіи съ десятокъ зажигателей, не успѣвшихъ спастись. Большая часть ихъ потонула.

Наученные, но не исправленные этимъ несчастнымъ случаемъ, опустошители продолжали свое дѣло съ большимъ благоразуміемъ. Разрушивъ контору при мостѣ д'Арколь, они не сожгли развалинъ ея, а перенесли ихъ на набережную. — Мостикъ de Constantine былъ защищенъ національною гвардіей.

XI.

Такимъ образомъ по всей верхней части рѣки сообщенія одного берега съ другимъ были прекращены для войскъ, но оставались свободными для народа. Подкрѣпленія не могли проникнуть въ городъ безъ отчаянной борьбы. Пытаться пройти черезъ заставы значило отдавать солдатъ на жертву, кровавую и бесполезную. Всѣ отдѣльныя кордегардіи были обезоружены, заняты или сожжены. Военная тюрьма de l'Abbaye и долговая тюрьма были отперты и заключенные освобождены. Другія тюрьмы были тщательно охраняемы народомъ. Нѣкоторыя изъ казармъ, оставшіяся еще въ рукахъ солдатъ, были осаждены, блокированы большими массами народа и постепенно принуждаемы къ сдачѣ вмѣстѣ со всѣмъ оружіемъ и боевыми припасами.

Всѣ были проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ. Народъ, соединившійся съ національною гвардіей, казалось составлялъ съ нею одно цѣлое. Мундиръ и блуза, смѣшанные между собою, составляли уже толпы въ нѣсколько сотъ, а вскорѣ и въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Горячее желаніе дѣйствовать давало народу еще болѣе силы. Какой нибудь ораторъ, какой нибудь случай или встрѣча, — и сейчасъ же

начиналось и самое дѣло: аттака кордегардіи, осада казармы, защита баррикады. Все должно было надать и дѣйствительно падало передъ такою силою; и точно вслѣдствіе общаго толчка всѣ колонны приближались постепенно къ двумъ позиціямъ, имѣвшимъ весьма важное стратегическое и политическое значеніе: къ Тюльери и городской Думѣ, — къ центру революціоннаго управленія и ко дворцу монархической власти.

ХІІ.

Городскую Думу защищала дивизія пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи подъ командой генераловъ Себастьяни, Таландые и Гарроба. Съ десяти часовъ утра 23 числа капитанъ Морлэ занималъ съ пятьюдесятью восемью человѣками обыкновенный караулъ, содержимый муниципальной гвардіей.

Около восьми съ половиною часовъ, генералъ Себастьяни получилъ отъ маршала депешу слѣдующаго содержанія: „Сосредоточьте свои войска и не начинайте никакой битвы.“ Нѣсколько часовъ спустя колонна національной гвардіи 7-го легіона, сопровождаемая толпою народа частью вооруженнаго, частью безоружнаго, выступаетъ изъ улицы des Coquilles на площадь, машетъ прикладами, поднятыми къ верху и кричитъ: „Да здравствуетъ реформа! Да здравствуетъ армія!“ Солдаты, увлеченные этимъ примѣромъ, также поднимаютъ приклады къ верху и кричатъ: „Да здравствуетъ національная гвардія! Да здравствуетъ реформа!“

Около десяти часовъ другая колонна, образовавшаяся у ратуши девятаго округа, привлеченная на Бастильскую площадь шумомъ перестрѣлки, видитъ площадь оставленною, кордегардію въ огнѣ, видитъ труны, лежащія въ лужахъ крови, проходитъ мимо ратуши восьмага округа, гдѣ обмѣнивается съ войсками крикомъ: „vivat“, возвращается на площадь Saint-Gervais, переговаривается съ кирасирами, по набережной des Gèvres входитъ на площадь городской Думы, проходитъ ее

среди войскъ, которыя вмѣстѣ съ ней кричатъ: „Да здравствуетъ реформа!“ и уходить черезъ улицу de la Tixeranderie.

Вслѣдъ за ней другая колонна, изъ національной гвардіи и народа, составленная въ восьмомъ округѣ Гинаромъ и Серкелемъ, проходитъ, сопровождаемая точно такими же демонстраціями.

Немного погодя является четвертая колонна подъ предводительствомъ отряда 7-го легіона, съ барабаннымъ боемъ и поднятыми прикладами. Въ это время капитанъ Морлэ, оставшійся до сихъ поръ внутри зданія, приказываетъ своимъ солдатамъ выйти, строить ихъ въ боевомъ порядкѣ передъ дверьми квартиры префекта и идти къ полковнику 7-го легкаго полка. Народъ, увидѣвъ муниципаловъ, съ гнѣвнымъ крикомъ бросается на нихъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, отрѣзанные, схваченные тысячами рукъ, муниципалы обезоружены раньше, чѣмъ успѣваютъ защититься или спрятаться въ кордестардію. Войска стояли неподвижно и ни въ чемъ не препятствовали народу. Прибѣжавшій Морлэ ввелъ людей и лошадей на дворъ; двери быстро заперли за ними и они были въ безопасности. Народъ ушелъ съ площади.

XIII.

Въ то время, когда все это происходило передъ главнымъ фасадомъ городской Думы, толпа рабочихъ въ двѣсти чело-вѣкъ, вышедшая изъ улицы Лобо, пришла къ заднему фасаду Думы, выломала одну изъ дверей и вошла внутрь зданія. Толпа, распространившаяся по всей Думѣ, угрожаетъ зажечь залу св. Іоанна и выломать дверь въ библіотекѣ. Привратникъ Мартенъ, одинъ съ своимъ сыномъ, удерживаетъ изступленный народъ слѣдующими простыми словами: „Что вы хотите дѣлать? Тамъ книги! ваши книги, которыя вы можете читать, если хотите!“ Сейчасъ же одинъ изъ работниковъ

пишетъ на дверяхъ: „Уваженіе къ наукамъ и искусствамъ!“ Самые горячіе изъ рабочихъ утихаютъ и толпа удовлетворена.

Вмѣстѣ съ толпой вошелъ въ Думу одинъ чиновникъ; онъ бѣжитъ къ комнатамъ префекта, находить его въ кабинетѣ вмѣстѣ съ генераломъ Себастьяни и другими генералами и объявляетъ ему, что народъ уже въ городской Думѣ и грозить зажечь ее. „Что же мнѣ дѣлать!“ отвѣчалъ Рамбюто.

XIV.

Это чрезмѣрное отчаяніе перваго должностнаго лица въ городѣ можетъ быть очень легко объяснено. Съ самаго начала волненія, то есть въ продолженіе цѣлыхъ трехъ дней, онъ не получалъ никакого приказанія, никакого извѣщенія ни о перемѣнѣ министерства, ни о назначеніи маршала Бюжо, ни о рѣшеніяхъ правительства. Онъ узналъ о важности событій по свѣдѣніямъ, собраннымъ имъ лично, по слухамъ, сообщеннымъ ему членами общаго совѣта, Сеемъ, Тьерри, Манлетеномъ, Ферономъ, Журне и Флоттаромъ, членомъ конторы училищъ. На просьбы ихъ собрать муниципальный совѣтъ и на слова Делестра: „берегитесь—вѣдь это готовится революція!“—онъ съ грустію отвѣчалъ: „Я достаточно предупреждать! Меня уже давно не слушаютъ!“ Онъ былъ недоволенъ и имѣлъ право быть недовольнымъ. Но сверхъ того онъ упалъ духомъ и вскорѣ подчинился той деморализаціи, которая мало по малу овладѣвала всѣми гражданскими и военными властями и лишала ихъ способности дѣйствовать. Когда Сей, Дежамтель, Журне и Флоттаръ умоляли его, въ присутствіи генераловъ Себастьяни, Таландье и Гарроба, созвать совѣтъ, чтобы принять необходимыя мѣры для общей безопасности, онъ съ уныніемъ отвѣчалъ: „Нѣтъ болѣе министровъ, нѣтъ правительства! Я не имѣю никакихъ приказаній! Дѣлайте что хотите!“

Лишенный всякой нравственной силы, онъ видитъ, что въ

его кабинетъ входитъ офицеръ національной гвардіи (было одиннадцать часовъ) въ сопровожденіи учениковъ Политехнической школы. Этотъ офицеръ былъ Журданъ, капитанъ 8-го легіона. Съ невѣроятною смѣлостію онъ прошелъ площадь, наполненную войсками, и черезъ большія двери вошелъ въ Думу, въ самый кабинетъ префекта. „Кто изъ васъ, господа, префектъ?“ спросилъ онъ. Рамбюто подходитъ къ нему. Тогда Журданъ продолжаетъ: „Народъ овладѣлъ предмѣстіями. Национальная гвардія на сторонѣ народа. Я пришелъ завладѣть городской Думой во имя народа. Здѣсь больше не ваше мѣсто.“ Рамбюто, пораженный этими словами, падаетъ на диванъ и произноситъ запинаясь: „Въ такомъ случаѣ я удаляюсь и не отвѣчаю больше ни за что.“ Генералы, смущенные, молчатъ. „Но надобно еще, чтобы вы меня представили своимъ подчиненнымъ,“ прибавляетъ капитанъ Журданъ. Эти слова оживляютъ префекта. „Этого бы только недоставало!“ замѣчаетъ онъ съ печальнымъ и любительнымъ улыбкою.

XV.

Нѣсколько минутъ спустя префектъ оставилъ городскую Думу, которая въ продолженіе столькихъ лѣтъ была свидѣтельницею его благородства, его обворожительнаго ума, его любезнаго обхожденія. Генералы также ушли, каждый въ свою сторону. Одинъ изъ нихъ старался подъ своимъ длиннымъ плащомъ скрыть свой мундиръ. Офицеры подошли къ нему за приказаніями, но онъ, не останавливаясь, отвѣчалъ: „Самое благоразумное будетъ удалиться какъ можно скорѣе!“ и послѣ этого исчезъ. Наканунѣ этого дня этотъ самый генералъ былъ начальникомъ Парижской арміи; въ этотъ же день онъ убѣдительно просилъ сдѣлать ему честь — назначить его командиромъ дивизіи и послать его въ городскую Думу; это былъ одинъ изъ придворныхъ любимцевъ, личный другъ самого короля, генералъ Себастьяни!

XVI.

Въ одиннадцатъ съ четвертью часовъ народъ окончательно овладѣлъ городскою Думою и ея окрестностями. Войска, предоставленныя собственной волѣ, не препятствовали ни въ чемъ народу: пѣхота отдала свои ружья, кирасиры свои сабли, артиллеристы не мѣшали народу отнимать у себя орудія; войска оставляли свои позиціи и возвращались на квартиры. Одни только муниципальные гвардейцы оставались у своихъ постовъ, во дворѣ квартиры префекта. Хотя они были обезоружены, но гнѣвъ народа противъ нихъ былъ такъ великъ, что можно было ожидать самыхъ страшныхъ насилій. Дѣйствительно, народъ, какъ и прежде, увидѣвши муниципаловъ, бросился на нихъ. Но въ то же время нѣсколько великодушныхъ гражданъ являются защитниками. Сей, Флоттаръ, чиновники, экзекуторы, національные гвардейцы 1-го, 7-го и 9-го легіоновъ, полковникъ 9-го легіона Вутарель, Лиронъ, одинъ изъ работниковъ, Перспье, и нѣсколько другихъ лицъ, становятся впереди этихъ несчастныхъ и успѣваютъ спасти ихъ.

Когда ушелъ префектъ, Журданъ отправился въ залу Зодіака, гдѣ находились уже сопровождавшіе его три офицера національной гвардіи: Настъ, Филиппъ и Саше, и только что вошедшіе ученики Политехнической школы. Сей, Лежамтель, Журне, Тьерри и Флоттаръ находились также въ залѣ. Болѣе твердые характеромъ, чѣмъ Рамбюто, эти представители городского сословія отъезались признать импровизированную власть капитана 8-го легіона. Явившись въ качествѣ представителей муниципальной власти, они немедленно созвали своихъ товарищей съ цѣлію взять въ свои руки, отъ имени города, власть, выпавшую изъ рукъ правительства. Они немедленно разослали самыя настоятельныя письма. Ученики Политехнической школы служили имъ секретарями. — Часы пробили одиннадцатъ съ половиною.

XVII.

Власть, свергнутая такимъ образомъ въ городской Думѣ, колебалась и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Министръ, удалившись въ комнаты своей жены, слушалъ отчеты помощника статсъ-секретаря, Антуана Пасси; въ это время вошелъ Гизо. Послѣ гибельныхъ совѣтовъ, которые онъ давалъ королю, онъ оставилъ Тюльери, отправился неизвѣстно зачѣмъ въ штабъ 1-й армейской дивизіи, потомъ къ Брольо и наконецъ вмѣстѣ съ этимъ приверженцемъ его политики пришелъ къ Дюшателю. Что происходило между этими людьми — я могу рассказать. Подавленные своимъ паденіемъ, искушая свои прежніе успѣхи, доведенные до безсилія, но оставаясь еще по имени министрами, они сознавали пустоту формальныхъ общаній, данныхъ наканунѣ въ палатѣ депутатовъ, — твердо держать въ своихъ рукахъ управленіе до тѣхъ поръ, пока другіе не будутъ призваны на ихъ мѣсто; они предавались томительнымъ и неопредѣленнымъ разглагольствованіямъ и въ какомъ то болѣзненномъ бездѣйствіи выжидали событій. Одна только г-жа Дюшатель держала себя съ достоинствомъ и твердостью. Сердце женщины есть средоточіе великихъ чувствъ.

Въ такомъ положеніи находились они, испытывая самыя жестокія ощущенія, когда имъ объявили о приходѣ Малевиля (было десять съ половиною часовъ).

Позванный еще утромъ къ Тьеру, Малевиль торопился поскорѣе прійти, но задержанный баррикадами и разными другими препятствіями, встрѣчавшимися на улицахъ, онъ пришелъ только тогда, когда депутаты уже отправились въ Тюльери. Малевиль поспѣшилъ вслѣдъ за ними. Онъ уже входилъ на крыльце павильона Марсанъ, когда Эмиль-де-Жирарденъ, вышедшій изъ дворца, чтобы отнести въ типографію своего жур-

нала уже извѣстную прокламацію, увѣдомилъ его, что его будущіе товарищи послали отыскать его и требовали, чтобы онъ отправился въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Малевиль, какъ человѣкъ рѣшительный и не боявшійся взять на себя отвѣтственности, не ожидая другихъ совѣтовъ, тотчасъ же пошелъ.

XVIII.

Удивленный извѣстіемъ, что Дюшатель еще находился на половинѣ своей жены, Малевиль поспѣшилъ къ нему. Онъ энергически высказалъ ему всю опасность, въ которой находились дѣла. Дюшатель былъ пораженъ этой быстротой событій. Гизо удалился. Г-жа Дюшатель, опечаленная, не могла удержаться, чтобы не сказать этихъ странныхъ словъ: „Мы погибли! Не даромъ мнѣ говорили, что Паньеръ находится въ предмѣстіяхъ!“ — „О, сударыня, возразилъ Малевиль, дай Богъ, чтобъ Паньеръ управлялъ движеніемъ. Мы съ нимъ въ продолженіе цѣлой ночи старались отклонить грозу.“ Вѣроятно Малевиль уже предвидѣлъ, что отреченіе короля будетъ единственнымъ средствомъ отклонить эту грозу; иначе его отвѣтъ явно бы противорѣчилъ мыслямъ, желаніямъ, поведенію и поступкамъ Паньера.

Какъ бы то ни было, но опасность была неминуема. Въ окрестностяхъ министерства уже показывался народъ. Слабый караулъ муниципальныхъ гвардейцевъ не только не могъ служить защитой, но еще увеличивалъ опасность. Дюшатель, Гизо, Брولى и только что пришедшіе Жанвье ушли какъ можно скорѣе черезъ ворота министерскаго сада, выходящія въ улицу Hillerin-Bertin *). Г-жа Дюшатель пошла впереди министровъ, защищая ихъ своимъ поломъ и мужествомъ. Сколько

*) Этой улицы болѣе не существуетъ. На ея мѣстѣ находится удлиненная улица Bellechasse.

волненій испытано было ими въ этомъ краткомъ переходѣ! Бѣглецы встрѣчались на каждомъ шагу съ работниками, приходившими и уходившими съ криками: Да здравствуетъ реформа! Долой министровъ! Къ счастью изъ нихъ никто не былъ узнавъ. Домъ подъ № 27 въ улицѣ Ванно принадлежалъ человѣку, преданному правительству; Дюшатель подаль знакъ Гизо, чтобы онъ вошелъ въ этотъ домъ и тутъ въ безопасности они могли перевести духъ. Вскорѣ Гизо нашелъ, что здѣсь не совсѣмъ безопасно; онъ одѣлся въ женское платье и съ наступленіемъ ночи, костюмированный такимъ образомъ, скрывая свое лицо въ широкомъ чепчикѣ, укрылся у знамени-той артистки, г-жи Мирбель.

Такъ плачевно эти люди лишились власти, которою они такъ надменно пользовались.

Страдая болѣе отъ замираній своего сердца, чѣмъ отъ ненависти къ нимъ народа, проклятія котораго раздавались надъ ними, они убѣгаютъ въ потаенную дверь, унижая смѣшными предосторожностями свои гордые лица и укрывшись подъ защиту женщины.

XIX.

Едва только ушли эти недавніе повелители, какъ народъ началъ осаждать министерство. Усилія нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ были достаточны, чтобы удержать эту толпу, не столько страшную, сколько шумную.

Присутствіе муниципальныхъ гвардейцевъ могло повести къ печальному столкновенію. Малевиль приказалъ имъ уйти, принявъ предосторожности, необходимыя для ихъ безопасности. Потомъ онъ увѣдомилъ Барро, что будетъ ждать его. (Было одиннадцать часовъ).

XX.

Мы уже знаемъ какъ Барро послѣ своего мужественнаго,

но бесполезнаго предпріятія, возвратился домой. Изнуренный усталостью, онъ употребилъ только полчаса на необходимый отдыхъ.

Его пріемныя комнаты были полны народомъ. Оппозиціонныя партіи всѣхъ оттѣнковъ, кромѣ однихъ исключительныхъ радикаловъ, устроили у него свою главную квартиру. Теперь уже громко высказывались даже въ этой династической средѣ такія требованія, которыя до этого дня могли казаться чрезвычайными. Въ то время, когда депутаты лѣвой стороны видѣли въ распущеніи парламента крайній предѣлъ уступокъ, Гаріе-Паже, Паньеръ и ихъ друзья открыто требовали отреченія короля. Собравшись на совѣщаніе еще съ восходомъ солнца, они пришли къ убѣжденію, что паденіе системы правительства должно повлечь за собой и паденіе самаго короля и что одно только отреченіе можетъ предупредить неминуемое кровопролитіе.

Въ это же самое время Маррасть говорилъ то же самое Тьеру черезъ посредство Рейжеса. Нѣсколько часовъ спустя тоже самое въ свою очередь говорилъ Ледрю-Ролленъ въ залѣ Конференцій въ кружкѣ людей, между которыми находились: Кехлинъ, де-Морни и д'Этшегоаянъ. „Вамъ нельзя терять времени, говорилъ онъ, если черезъ часъ не будетъ объявлено отреченіе короля и регенства, — явятся радикалы, уничтожатъ Собраніе и тогда будетъ настоящая революція.“ Онъ былъ такого мнѣнія еще тогда, когда на площади Согласія обратился къ генералу Бедо съ словами, исполненными примирительной умѣренности.

XXI.

Надо сказать правду! Въ эту минуту еще никто не кричалъ: Да здравствуетъ республика! Добросовѣстнѣйшіе республиканцы, рѣшившіеся пожертвовать своимъ состояніемъ и жизнію для торжества республики, тѣ, которые страстно

желали ея быстрого осуществленія, — и тѣ еще не смѣли надѣяться. Наканунѣ 24 февраля они требовали только реформъ и распущенія парламента, и исполненіе этихъ требованій казалось имъ самымъ значительнымъ успѣхомъ. Изгнаніе же Луи-Филиппа съ престола представляло даже для крайнихъ республиканцевъ громадное удовлетвореніе.

Люди, принадлежавшіе къ лѣвой парламентской сторонѣ, не требовали еще такъ много: они считали это требованіе бессмысленнымъ и дерзкимъ. Сильно раздраженный положеніемъ короля, его упрямствомъ и ослѣпленіемъ, Барро еще не зналъ, согласился ли король распустить палату, не зналъ, было ли окончательно утверждено новое министерство и имѣло ли оно другую силу, кромѣ силы своей популярности. „Король презрительно повернулся ко мнѣ спиной,“ говорилъ онъ, и не хотѣлъ возвратиться въ Тюльери. Его справедливое неудовольствіе къ королю не выражалось больше ничѣмъ. На настоятельныя требованія Гарнье-Паже и Паньера относительно отреченія, онъ отвѣчалъ энергическимъ отказомъ. „Вы требуете отреченія, — возразилъ Аббаттуччи, тогдашній другъ Барро и имѣвшій на него сильное вліяніе, — но это безуміе!“ Бомонъ (департаментъ Сомы), Фоше, всѣ возстали противъ такой неслыханной и безразсудной дерзости. Только Дегувъ-Денункъ и Эли, возвратившіеся изъ редакціи National, говорили, что отреченіе необходимо. Было одиннадцать часовъ.

XXII.

Въ переговорахъ уходило только время, а потому рѣшено было отправиться немедленно въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Гарнье-Паже, Аббаттуччи, Авенъ и Биста сѣли вмѣстѣ съ Барро въ его карету и чтобы предупредить всякое непріятное недоразумѣніе, Паньеръ и Дегувъ-Денункъ сѣли на козлы въ мундирѣ національныхъ гвардейцевъ. Едва только

карыта паказалася на вуліцы, якъ была сейчасъ же акаружана аагромай толпой народа. Лошадн едвд моглн двнгатся. Это была непарывная оваця. Вмѣстѣ съ Барро народъ прнвѣтствовааь Гарнье-Паже, котораго онъ уважалъ за его прнверженностъ къ республнканскнмъ началамъ н любнль въ воспоананнѣ заслугъ его брата. Впередн кареты шла молодая дѣвушка съ трехцвѣтнмъ знаменемъ, въ сопровожденн нацнональныхъ гвардейцевъ. Народъ толплся у дверець кареты н обмѣннвался съ депутатами крѣпкнми рукопожатнями. На площади Согласня подѣхалъ генераль Бедо н подаль руку Барро. Солдаты н народъ, соединенные общнмъ чувствомъ, вндѣлн въ этомъ кортежѣ торжествующей оппозицнн конецъ губельной боръбы н на перерывѣ прнвѣтствовааи депутатовъ. Великолѣпное небо освѣщало эту картину....

XVIII.

Дворъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ наполненъ народомъ. Нѣкоторые изъ депутатовъ обратились къ толпѣ и она разошлась. (Было одиннадцать съ половиною часовъ).

Антуанъ-Пасси, помощникъ статсъ-секретаря, встрѣтилъ Барро. Вѣрный своему долгу, спокойный среди волненія народа, онъ не покинулъ своего поста; онъ держалъ себя съ достоинствомъ и твердостью.

Теперь наступила для Барро томительная минута: состояніе умовъ ясно обнаруживало настоятельную необходимость отреченія короля. Но какъ потребовать этого отъ государя, который долженъ былъ облечь его самого властью? Подавленный этимъ затруднительнымъ положеніемъ, борьбой съ настоятельными требованіями сопровождавшихъ его радикаловъ и собственнымъ убѣжденіемъ, Одилонъ Барро долго колебался. Болѣе получаса прошло въ этой внутренней борьбѣ чистой, по первѣшительной совѣсти. Наконецъ, не рѣшаясь самъ итти въ Тюльери, но укрѣпившись поддержкой

какъ оппозиціи, такъ и консервативной партіи *), принедевшей также въ министерство, онъ попросилъ Дюпена и Жанвье объяснить королю положеніе дѣлъ.

XXIV.

Впослѣдствіи упрекали Барро въ его нерѣшительности; даже его друзья порицали его за то, что онъ у себя дома и въ министерствѣ потерялъ невозвратное время. Но основательны ли эти упреки? — Я не думаю.

Барро былъ принятъ королемъ двусмысленно и даже оскорбительно. Оставляя короля въ девять часовъ утра, онъ не могъ добиться никакой значительной уступки, не получилъ никакой власти. Обстоятельства привели его въ министерство внутреннихъ дѣлъ; тутъ онъ могъ дѣйствовать только по своей преданности и любви къ нему народа. Никакое королевское повелѣніе не назначало его министромъ и онъ въ самомъ дѣлѣ не былъ еще имъ. Онъ испытывалъ на себѣ роковыя послѣдствія того ложнаго положенія, въ которое его поставилъ отказъ Луи-Филиппа. Онъ не могъ принудить себя сдѣлаться палачемъ королевской власти, воплощенной въ лицѣ старика, въ то время какъ онъ считалъ себя призваннымъ поддержать эту власть въ лицѣ ребенка. Будучи человѣкомъ не столько дѣятельнымъ, сколько мужественнымъ, онъ не рѣшился въ эту торжественную минуту на какое нибудь смѣлое дѣло, только потому, что не считалъ себя способнымъ основать что нибудь прочное на краю пропасти. Если онъ и сдѣлалъ ошибку въ этотъ замѣчательный день, то эта ошибка имѣла свое основаніе въ предъидущихъ событіяхъ. Онъ долженъ былъ утромъ рѣшительно потребовать у короля необходимыхъ уступокъ: удаленія маршала Бюжо, распущенія парла-

*) Шамболь, Бюро-де-Шюзи, Лербетъ, Периньонъ, Вавенъ, Демарсе, Куртъ, Жанвье, Дюпенъ старшій и др.

мента и прочее; словомъ — онъ долженъ былъ или заставить принять свои условія или же удалиться; въ это время его популярность была еще сильна. Но въ одиннадцать часовъ, въ то время, когда король сдѣлался уступчивѣе, вліяніе Барро уже было подорвано. Побѣжденный радикализмомъ у Сентъ-Денискихъ воротъ, онъ встрѣтилъ на площади Согласія послѣднюю овацію, произведенную въ его честь. Справедливая исторія всегда соразмѣряетъ отвѣтственность съ обширностію власти.

XXV.

Весь интересъ этой драмы сосредоточился въ Тюльери. Съ тѣхъ поръ, какъ народъ овладѣлъ городской Думою, угрожалъ завладѣть префектурой полиціи и блокировалъ Пантеонъ, — съ тѣхъ поръ дворецъ представлялъ послѣднюю защиту правительства противъ возмущенія. Вся сила нападенія должна была обратиться на Тюльери. Со всѣхъ сторонъ уже шли къ нему колонны національныхъ гвардейцевъ, буржуа, студентовъ и работниковъ. Эти колонны, послѣдовательно выступившія изъ всѣхъ частей города, сближались между собою; онѣ шли въ такомъ порядкѣ, какого не могъ бы добиться самый искусный генералъ отъ самаго закаленного войска и притомъ на отлично изслѣдованномъ полѣ битвы.

XXVI.

Главный штабъ былъ уже извѣщенъ о приближеніи этой лавины. Новости смѣнялись тамъ однѣ другими, все болѣе и болѣе мрачными: безпрестанное увеличеніе баррикадъ, сожженіе заставъ, мостовъ, кордегардій, занятіе и блокированіе казармъ, взятіе оружія и боевыхъ припасовъ, обезоруженіе и отступленіе войскъ, изгнаніе антиреформистскихъ мэровъ и полковниковъ, соединеніе національной гвардіи съ народомъ, все-

общее раздраженіе, вліяніе общественнаго мнѣнія на солдатъ, взаимныя выраженія сочувствія, взятіе городской Думы и капитуляція всей дивизіи генерала Себастьяни, — всѣ эти извѣстія постепенно доходили до главнаго штаба. И какъ всегда бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, одни и тѣ же факты, переходя изъ устъ въ уста, принимали самыя разнообразныя формы. Люди слабые преувеличивали истину, люди болѣе сильные уменьшали ея значеніе; а неопредѣленные слухи о неминуемой опасности придавали этой опасности страшные размеры.

Тогда генералы начали предаваться самымъ опаснымъ размышленіямъ: заботы о будущемъ, поколебленная преданность, тягость присяги, разсужденія о предѣлахъ военной власти — все это мучило ихъ. Самъ маршалъ колебался; напрасно онъ призывалъ на помощь свою прежнюю воинственную энергію; эта энергія, ослабленная сомнѣніемъ, отказывалась повиноваться уму. Чувствуя, что его власть подорвана сразу и вездѣ, что какъ миръ такъ и война одинаково гибельны, онъ боролся съ этимъ томленіемъ, расслабляющимъ дѣятельнаго челоуѣка, которому не достаетъ цѣли и средствъ.

Принцы въ сопровожденіи Тьера дѣлали смотръ войскамъ на Каррусельской площади. Слишкомъ взволнованные, чтобы скрывать чувства, мучившія ихъ, они вовсе не думали о томъ, какъ опасно было обнаруживать смущеніе. Они осматривались кругомъ, старались разгадать настроеніе солдатъ и внушить имъ довѣрчивость, которой не было у нихъ самихъ.

XXVII.

Въ дополненіе къ этой печальной картинѣ около десяти съ половиною часовъ офицеръ главнаго штаба національной гвардіи и эскадронный командиръ пришли разсказать маршалу всю исторію отступленія генерала Бедо, исполненнаго по приказанію маршала; они разсказали какъ солдаты дружились съ

народомъ, поднимали ружья прикладами къверху, какъ были разбиты ящики и розданы патроны при громкихъ крикахъ народа. Почти въ это же самое время была слышна перестрѣлка на площади Согласія. Въ это же время произошли поспѣшный выѣздъ герцога Немурскаго и маршала Бюжо въ улицу Риволи, встрѣча ихъ съ генераломъ Ламорисьеромъ, благоразумныя увѣщанія полицейскаго комиссара Вассаля и быстрое возвращеніе въ Тюльери.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Королевская фамилія въ послѣдній разъ завтракаетъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ; приходѣ Дювержье де-Горанна и Ремюза. — Лобенепъ сообщаетъ свѣдѣнія о колоннѣ генерала Бедо и о кровавой сценѣ, бывшей на площади Согласія; пока Ластейри и Эльшингенъ отправляются узнать подробности этихъ происшествій, король вмѣстѣ съ принцами, Тьеромъ, Ремюзомъ и Дювержье де-Горанномъ разсуждаютъ о томъ, какія мѣры надобно принять для успокоенія города; генералъ Бедо сообщаетъ успокоительныя новости; Тьеръ совѣтуетъ королю удалиться вмѣстѣ съ войсками въ Сентъ-Клу; король уходитъ изъ залы Совѣта, не рѣшившись ни на что. — Тьеръ идетъ къ Бюжо сообщить ему свой проектъ, маршалъ соглашается съ Тьеромъ и, чтобы привести этотъ проектъ въ исполненіе, ставитъ батальонъ солдатъ въ Тюльерійскомъ саду. — Король выходитъ на Каррусельскую площадь, чтобы сдѣлать смотръ войскамъ и національной гвардіи; угрожающій крикъ батальона 4-го легіона; король, глубоко опечаленный, возвращается во дворецъ; слова его къ Тьеру: «Все кончено!» — Парижъ требуетъ отреченія короля; Реймсъ и Артинъ идутъ въ Тюльери сообщить эту новость Тьеру, который передаетъ ее принцамъ. — Тьеръ выставляетъ королю требованія обстоятельствъ; герцогъ Немурскій говоритъ объ отреченіи и въ то же время о своемъ отказѣ отъ регентства; король спрашиваетъ: согласенъ ли онъ своимъ отреченіемъ тронъ своего внука; онъ призываетъ къ себѣ все свое семейство. — Первое столкновеніе у Château d'Eau; озабоченность генерала Ламорисьера по этому поводу; принятія предосторожности и приказанія, отданныя генераломъ, чтобы предупредить столкновеніе у Тюльери. — Ламорисьеръ у баррикады подлѣ Молюровскаго фонтана. — Ламорисьеръ въ Тюльери. — Свиданіе генерала съ королемъ, который становится бодрѣе послѣ совѣщанія съ своимъ семействомъ; генералъ сообщаетъ королю о томъ, что народъ требуетъ отреченія; король отвѣчаетъ, что этого добьются только съ его смертію, и герцогъ Немурскій говоритъ, что надобно идти впередъ; генералъ отправляется въ глав-

ный штабъ. — Колонна народа врывается на Каррусельскую площадь; храбрость маршала Бюжо, который принуждаетъ колонну отступить. — Кремье входитъ въ кабинетъ короля; онъ говоритъ королю о необходимости назначить Барро президентомъ Совѣта министровъ и смѣнить маршала Бюжо; король соглашается; въ это время входитъ Эмиль-де-Жирарденъ. — Происшествіе на площади Пале-Рояль; развязка борьбы; стеченіе народа и національныхъ гвардейцевъ въ окрестностяхъ Château d'Eau и Тюльери; борьба становится безпощаднѣе; безполезныя усилія прекратить огонь; вмѣшательство генерала Ламорисьера; онъ раненъ и принужденъ удалиться; вмѣшательство генерала Перро; онъ раненъ и взятъ въ плѣнъ.

I.

Посмотримъ теперь, какое впечатлѣніе произвела на короля борьба, вызванная муниципалами на площади Согласія.

Луи-Филиппъ только что вышелъ въ обыкновенную семейную столовую. Его окружало все его семейство. Королева, блѣдная, съ глазами раскраснѣвшими отъ усталости, смотрѣла по сторонамъ взглядомъ исполненнымъ безпокойства и подозрѣнія. Принцессы всматривались въ лица короля и приближенныхъ, стоявшихъ вокругъ стола. Луи-Филиппъ чувствовалъ незанятое подлѣ себя мѣсто своей сестры, этого надежнаго товарища и совѣтника въ минуты великихъ переворотовъ. Потрясенный, но еще не упавшій духомъ, король былъ особенно далекъ отъ мысли, что его семейство въ послѣдній разѣ вѣсть въ королевскомъ дворцѣ.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ перестрѣлки, Ремюза и Дювержье де-Гораннъ быстро вошли во дворецъ. При видѣ всего королевскаго семейства, собравшагося вмѣстѣ, они остановились, пораженные глубокимъ сожалѣніемъ. Королева, пораженная въ свою очередь, уже предчувствуетъ новыя несчастія. „Развѣ случилось что нибудь еще серьезнѣе?“ восклицаетъ она сильно взволнованнымъ голосомъ. Дювержье де-Гораннъ молчитъ; Ремюза, посматривая на принцевъ, отвѣчаетъ уклончиво. Принцы, понимая въ чемъ дѣло, встаютъ и отправляются въ сосѣдную комнату. Король встаетъ и также

уходитъ за ними. При входѣ король встрѣчаетъ Тьера, разговаривающаго съ эскадроннымъ командиромъ главнаго штаба.

Этотъ офицеръ, Лобененъ, сопутствовалъ генералу Бедо, онъ былъ свидѣтелемъ могущественнаго возмущенія и знаменательныхъ событій, сопровождавшихъ отступление; когда онъ увидѣлъ на площади Согласія энергію народа, бездѣйствіе войскъ, разбитіе муниципаловъ и взятіе ихъ поста, то немедленно отправился въ Тюльери. Король лично зналъ Лобенена; онъ не могъ сомнѣваться въ его преданности. Пораженный кровавыми сценами, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, Лобененъ сообщилъ своимъ слушателямъ впечатлѣніе, которое онъ произвели на него самого. Что будетъ, если народъ, уже овладѣвшій городской Думою и который можетъ быть скоро овладѣетъ Пале-Роялемъ, займетъ еще площадь Согласія? Войска будутъ отброшены, смяты и разбиты, Тюльери взять приступомъ и тогда всякій выходъ будетъ закрытъ! Во время приступа открытою силою можно ожидать всего, чтобы спасти королевское семейство, нельзя было терять ни одной минуты!

Король понялъ всю опасность этого положенія. Неумолимый до этого времени, упорно противившійся требованіямъ здраваго смысла, онъ приходитъ теперь въ смущеніе. Только что не хотѣвшій слушать о распущеніи налаты, — теперь онъ самъ возбуждаетъ вопросъ о необходимости бѣгства.

II.

Прежде всего были посланы депутаты Жюль-де-Ластейри и д'Эльшингенъ, чтобы лично убѣдиться въ настоящемъ положеніи дѣлъ на площади Согласія. Затѣмъ приказано было на случай выѣзда приготовить придворные экипажи.

Затѣмъ началось совѣщаніе. Наступила-ли уже минута думать только о спасеніи короля и его семейства? Слѣдуетъ ли оставить Тюльери? Нельзя ли еще защищаться?—На эти вопросы принцы отвѣчали, что они не боятся за себя, что

они лично готовы выдержать приступъ, но что они не допускаютъ мысли, чтобы ихъ семейства были подвергнуты всѣмъ случайностямъ борьбы. Были поданы различные совѣты, не приведшіе ни къ какому заключенію, какъ это бываетъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда разсуждаютъ, вмѣсто того чтобы дѣйствовать.

Въ это время явился адъютантъ генерала Бедо. Генераль сообщалъ, что опасенія, возникнувшія по поводу битвы съ муниципалами, преувеличены, что спокойствіе восстановлено, что народъ разошелся и войска въ совершенномъ порядкѣ охраняютъ площадь и аллеи.

III.

Тогда совѣщаніе приняло иной характеръ. Удаленіе короля, переставъ быть съ этой минуты мѣрой личнаго и немедленнаго спасенія, сдѣлалось политическимъ вопросомъ.

Всѣ находившіеся на совѣщаніи сидѣли какъ на обыкновенномъ совѣтѣ. Одинъ Тьеръ не садился, онъ ходилъ взадъ и впередъ съ видимымъ нетерпѣніемъ. Король спросилъ его мнѣнія.

Тьеръ остановился, вынулъ часы и, смотря на нихъ, сказалъ: „Черезъ два часа мы всѣ будемъ поглощены. Если бы было въ моей власти!...

„— Что бы вы сдѣлали?

„— Это возмущеніе ужасно! Усиливаясь съ самаго утра, оно уничтожаетъ всѣ предположенія. Если мы вздумаемъ съ нашими ничтожными силами схватить быка за рога, то мы будемъ раздавлены. Если бы было въ моей власти — я бы удалился въ Сень-Клу, собралъ бы вокругъ себя пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячъ войска и черезъ три дня вошелъ въ Парижъ.

„— Но какимъ образомъ оставить Парижъ, и зачѣмъ

же отправляться въ Сентъ-Клу? Не лучше ли отправиться въ Венсенскій замокъ?

„— Венсенскій замокъ — тюрьма. Сентъ-Клу же очень сильная военная позиція, гдѣ удобно помѣститься и поддерживать сообщенія съ западными и сѣверными гарнизонами.

„— Можетъ быть вы и правы!“ сказалъ король. Потомъ онъ всталъ, пошелъ къ королевѣ и шп на что не рѣшился.

Тьеръ отправился къ маршалу Бюжо, повторить ему предложеніе, только что сдѣланное королю. Маршалъ согласился съ нимъ и поспѣшилъ начать приготовленія, помѣстивши въ самомъ Тюльерійскомъ саду батальонъ, который долженъ былъ служить прикрытіемъ при выходѣ короля изъ дворца на площадь Согласія. Это распоряженіе служить яснымъ доказательствомъ, что маршалъ считалъ дѣло совершенно потеряннымъ.

IV.

Отчаянный совѣтъ Тьера служить тому еще болѣе явнымъ доказательствомъ. Въ гражданскихъ войнахъ побѣда принадлежитъ тому, кто дѣйствуетъ настойчиво; тотъ, кто отступаетъ—остается побѣжденнымъ. Тотъ, кто властвуетъ въ Парижѣ, долженъ оставаться въ немъ пока онъ живъ; оставляя его онъ влечетъ за собой общее паденіе.

Въ 1830 году Карлъ X былъ въ Сентъ-Клу; онъ окружилъ себя войсками, изгнанными изъ Парижа, и своимъ военнымъ штатомъ; войска шли изъ Люневильскаго лагеря на помощь къ нему; Сентъ-Уирская школа, преданная ему вслѣдствіе соперничества съ возмущившеюся Политехническою школою, защищала посты въ Сентъ-Клу и Севрѣ, рѣшившись скорѣе умереть, чѣмъ впустить туда когонибудь. Парижъ былъ въ ошьяненіи отъ побѣды, но въ то же время былъ удивленъ ею и легко могъ быть застигнутъ въ расплохъ. И однакожъ, что же было! — Исторія говоритъ объ этомъ. Карлъ X, бывшій въ Сентъ-Клу и не бѣжавшій изъ Парижа, былъ принужденъ ос-

тавить эту военную позицію и отступить. Былъ ли этотъ поступокъ низкимъ? — Нѣтъ. Самъ Дофинъ лично дошелъ до заставы Звѣзды. Но тогда не доставало средствъ итти далѣе. Потеря нравственнаго вліянія увлекала за собой и матеріальную силу. Не было возможности заставить войска бомбардировать Парижъ.

Луи-Филиппъ, столь же старый какъ Карлъ X, внушалъ меньше его расположенія къ себѣ, и сверхъ того, побѣжденный, бѣжавшій, онъ вѣроятно не былъ бы поддержанъ подобнымъ доказательствомъ преторіанской преданности. Армія, которою онъ командовалъ, не состояла изъ приверженцевъ деспота, — эта армія была національною арміею. Что бы онъ ни дѣлалъ съ цѣлю ея соблазнить, она бы навѣрное отказалась совершить какое нибудь преступленіе.

V.

Было одиннадцать часовъ. Луи-Филиппъ хотѣлъ лично удостовѣриться въ нравственномъ состояніи войскъ и національной гвардіи. Можетъ быть онъ льстилъ себя надеждою, что обаяніемъ своей личности онъ возбудитъ энтузіазмъ къ королевскому достоинству!

Четыре тысячи человѣкъ войска при шестнадцати орудіяхъ стояли одни на Каррусельской площади; остальные войска состояли изъ колоннъ Бедо, Себастьяни и Рено и подкрѣпленій, посланныхъ въ разное время въ префектуру полиціи и въ другія мѣста. Представителями національной гвардіи были: ничтожный кавалерійскій отрядъ подъ командой Монтализе, нѣсколько взводовъ 10-го легіона, батальонъ 1-го и почти весь батальонъ 4-го легіона, составленный изъ людей, принадлежавшихъ ко всѣмъ ротамъ этого легіона.

Этотъ батальонъ, содержавшій караулъ вдоль набережныхъ, заставлялъ своего командира отправиться къ Тюльери черезъ мостъ des Saints-Pères и взшелъ на Каррусельскую площадь

съ барабаннымъ боемъ, не смотря на замѣчанія нѣкоторыхъ высшихъ армейскихъ офицеровъ; онъ построился въ боевомъ порядкѣ лицомъ къ дворцу, спиною къ домамъ. 10-й легіонъ, стоявшій спиною къ Hotel de Nantes, — отдѣльному дому на площади, близъ улицы de Rohan, — стоялъ также лицомъ къ дворцу. Съ другой стороны, спиною къ рѣшеткѣ, отдѣляющей Каррусельскую площадь отъ Тюльери, стоялъ 1-й легіонъ. По срединѣ стояли войска, размѣстившіяся въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они прибывали на площадь.

VI.

Король выѣхалъ верхомъ въ своемъ обыкновенномъ мундирѣ генерала національной гвардіи, съ большою лентою Почетнаго Легіона; за нимъ шли пѣшкомъ принцы, маршалъ, генералы: Ламорисьеръ, Трезель, Рюльеръ, Деларю, Карреле, Дюма, Вертуа и Перро, два адъютанта: де Рюмини и Гурго, и наконецъ Тьеръ и Ремюза. Королева, принцессы, дѣти, стояли у оконъ дворца и провожали глазами любимаго старика; дрожа отъ страха, волненія и надеждъ, съ распростертыми руками, они посылали ему поцѣлуи — страстные знаки одобренія, надежды и любви. Король медленно двигался впередъ, лицо его опало отъ усталости, его унылое выраженіе скорѣе возбуждало соболѣзнованіе, чѣмъ уваженіе.

При вѣздѣ на Каррусельскую площадь онъ встрѣтилъ прежде всего 1-й легіонъ. Между рядами раздались крики: Да здравствуетъ король! смѣшанные съ криками: Да здравствуетъ реформа! Король подъѣхалъ къ командиру Русселю. „Вы можете, сказалъ король, увѣрить національныхъ гвардейцевъ, находящихся подъ вашею командою, что они получаютъ реформу. Они бы имѣли ее раньше, если бы я зналъ, что они такъ сильно желаютъ ее имѣть.“ При этихъ словахъ, которыя король повторяетъ громкимъ голосомъ, національные гвардейцы согласнѣе выражаютъ свои реформистскія желанія.

Тотъ же пріемъ встрѣтилъ король въ 10-мъ легіонѣ. Нѣсколько человѣкъ буржуа и рабочихъ, пробравшихся за ряды солдатъ, кричали сильнѣе національныхъ гвардейцевъ. Король подъѣхалъ къ нимъ и сказалъ съ нѣкоторою твердостію: „Друзья мои, вы получите реформу, вы получите ее. Теперь нѣтъ болѣе никакого предлога къ волненію: уходите домой!“

Но у національныхъ гвардейцевъ 4-го легіона ждала его совсѣмъ другая встрѣча. Какъ только Луи-Филиппъ подъѣхалъ къ фронту батальона, раздался всеобщій, исключительный крикъ: Да здравствуетъ реформа! Долой министровъ! Король хочетъ говорить, но шумъ покрываетъ его голосъ. „Друзья мои у васъ будетъ реформа, кричить онъ съ усиленіемъ: — министры смѣнены.“ Но его не слушаютъ. Офицеры поднимаютъ свои шпаги, національные гвардейцы — ружья; лица ихъ оживляются и волненіе страшно усиливается. Затѣмъ раздаются болѣе враждебные крики: „Долой систему! Долой Гизо!“ Гвардейцы грозятъ руками. Конвой приближается къ королю и окружаетъ его. Крики усиливаются.

Король, испуганный, удаляется. Голова его склоняется на грудь. Не обращая вниманія на войска, которыя его ожидаютъ, не осмотрѣвши ихъ, онъ уѣзжаетъ черезъ триумфальную арку, слѣзаетъ съ лошади у павильона Флоры и, обращаясь къ Тьеру, бывшему при немъ неотлучно, печально говоритъ: „Да, я вижу теперь — все кончено!“

VII.

Этотъ болѣзненный крикъ былъ справедливъ, потому что дѣйствительно все было кончено. Агонія монархической власти уже начиналась; часъ ея смерти былъ близокъ.

Когда-то, въ этомъ же самомъ дворцѣ, окруженный многими друзьями, покинутый другими, король нашелъ помощь въ самомъ себѣ. Съ высоко поднятой головой, съ твердымъ

голосомъ, съ рѣшительнымъ взглядомъ, онъ явился къ войску, къ раздѣленной національной гвардіи и побѣдилъ ихъ. Потомъ онъ пошелъ противъ взбунтовавшагося народа и тоже побѣдилъ его. Но теперь этой энергіи уже не доставало ему. Ни крайняя опасность, ни мужественныя увѣщанія королевы не могли заставить его рѣшиться на что нибудь. Угрюмый, унылый, пораженный нравственнымъ и физическимъ бездѣйствіемъ, онъ все болѣе и болѣе падалъ духомъ.

Кругомъ его все рушилось. Въ сосѣдней комнатѣ, прислушиваясь къ уличному шуму, находилось нѣсколько генераловъ, офицеровъ, депутатовъ, приближенныхъ, ожидавшихъ послѣдней минуты. Кромѣ лести, нѣсколькихъ угодливыхъ словъ, — король ничего не слышалъ отъ нихъ. Въ нихъ не было ни истинной преданности, ни той смѣлости, которая спасаетъ погибшее дѣло, ими не было сказано ни одного изъ тѣхъ магическихъ словъ, которыя, исходя изъ могучей души, проникаютъ въ самую душу народа и побѣждаютъ его. Разумѣется, эти генералы, покрытые ранами, эти молодые офицеры, испытанные уже въ огнѣ Арабовъ и готовые идти на смерть за одно слово, были храбры. Но имъ не доставало вѣры въ успѣхъ и самоотверженія, этихъ неизсякаемыхъ источниковъ нравственнаго могущества.

VIII.

Есть всегда нѣчто величественное въ паденіи династій и правительства. Но паденіе Луи-Филиппа, его ослѣпленіе, его невѣріе, пренебреженіе къ опасности, которой онъ не видѣлъ собственными глазами, и за тѣмъ его страхъ, сомнѣніи, жалобы на судьбу и желаніе избѣгнуть ея, — все это наводило на душу печаль. Послѣднія минуты монархіи производили впечатлѣніе, раздиравшее сердце.

Король находился въ своемъ кабинетѣ; казалось, онъ не спѣлъ, а повалился въ кресло. Онъ глядѣлъ въ окно на го-

лѣя деревья и не видѣлъ ихъ. Принцы, Тьеръ, Дювержье де-Горантъ, не столь унылые какъ онъ, но не менѣе его безсильные, печально смотрѣли на него.

Кто-то позвалъ Тьера. Это былъ его секретарь, Реймсъ, пришедшій въ сопровожденіи одного друга, котораго еще не зналъ тогда Тьеръ, Артига, чловѣка съ республиканскимъ образомъ мыслей. Реймсъ, которому была отдана прокламація для печатанія, отправился въ типографію „*Moniteur parisien*“, а оттуда въ типографію „*National*“. Тамъ онъ услышалъ лично отъ Артига серьезныя извѣстія: множество національныхъ гвардейцевъ 2-го легіона, преданныхъ монархіи, не боялись громко высказать свое мнѣніе; что касается до нихъ, то они удовлетворились бы министерствомъ Барро, но обстоятельства были такого рода, что даже и этого было уже недостаточно; чтобы успокоить умы, — необходимо было немедленно отречься отъ престола и назначить регентство; а въ скоромъ времени и этого оудеть мало. Видя такимъ образомъ, какъ рушатся надежды его друзей и какъ быстрый ходъ переворота опередилъ ихъ прокламацію, Реймсъ привелъ съ собою Артига въ Тюльери и представилъ его Тьеру, какъ несомнѣннаго и честнаго свидѣтеля.

Тьеръ, изумленный, зоветъ немедленно принцевъ. Оба слушаютъ его; герцогъ Немурскій не выражаетъ никакого удивленія, герцогъ Монпансье волнуется. „Отреченіе есть послѣднее и единственное средство спасти монархію, говоритъ Реймсъ, надо торопиться!“ — „Но, возражаетъ герцогъ Монпансье, мы дѣлаемъ со вчерашняго дня уступки, которыя ни къ чему не служатъ. Будетъ ли это наконецъ крайнею уступкой. Кто здѣсь по крайней мѣрѣ можетъ намъ поручиться за ея дѣйствительность?“ Всѣ молчатъ. „Каковы однакожъ мнѣнія?“ говорятъ принцы, обращаясь къ Тьеру, Ремюзэ и Дювержье. Они переглядываются между собою, колеблются. Принцы настаиваютъ. Тогда Тьеръ объявляетъ, что отреченіе

можетъ быть еще послѣднимъ средствомъ спасенія, но что никто не въ силахъ ручаться за его дѣйствительность. „Надобно сказать объ этомъ королю,“ сказалъ герцогъ Немурскій; потомъ, оборотившись, прибавилъ: „Вы упоминали о регентствѣ; вѣроятно о регентствѣ Елены, — не правда ли, господа?“ Это были твердыя, но печальныя слова, въ которыхъ заключался въ то же время отказъ отъ своихъ правъ и сознаніе въ тягостной непопулярности! Это были благородныя чувства, благородно высказанныя.

IX.

Когда они вошли къ королю вмѣстѣ съ Гюставомъ де-Бомономъ, который возвращался съ бульваровъ, куда онъ сочувствовалъ Барро, король посмотрѣлъ на нихъ взглядомъ, исполненнымъ предчувствій и вопросовъ. Подъ вліяніемъ волненія, произведеннаго этою важною новостію, никто не могъ сразу отвѣчать на этотъ нѣмой вопросъ. Въ комнатѣ воцарилось торжественное, почти гробовое молчаніе. Наконецъ Тьеръ, съ уваженіемъ, которое уменьшало горечь истины, объяснилъ новое положеніе дѣлъ. „Теперь не время обращаться къ политическому совѣту: положеніе дѣлъ и семейные интересы одни могутъ внушить королю рѣшимость.“ Смыслъ его словъ выражалъ необходимость отреченія. Онъ необыкновенно искусно указалъ на это обстоятельство, не говоря прямо о немъ. Король понялъ, но не отвѣчалъ.

Тогда герцогъ Немурскій рѣшился съ своей сыновней преданностію сказать эти слова, столь жестокія для слуха его отца: „Если король считаетъ необходимымъ отречься, то я прошу его отречься въ то же время и за меня отъ регентства.“ Такимъ образомъ первый шагъ былъ сдѣланъ.

Луи-Филиппъ сдѣлалъ видимое усиліе надъ собою и сказалъ: „Вѣрите ли вы, что моимъ отреченіемъ я спасу тронъ моего внука?“

„— Сомнительно, государь.

„— Въ такомъ случаѣ, что вы совѣтуете мнѣ?

„— Мы не знаемъ, что сказать вамъ въ этомъ случаѣ; это выше нашей отвѣтственности и нашего долга. Только сами вы, только ваше семейство, могутъ рѣшить этотъ вопросъ.“
Всѣ молчали. Черезъ нѣсколько секундъ одинъ изъ присутствующихъ воскликнулъ: „Какъ! удалиться безъ боя?“ — „Но какія же у насъ средства для сопротивленія?“ съ хладнокровіемъ и достоинствомъ возразилъ герцогъ Немурскій. Снова наступило молчаніе.

Такимъ образомъ и тутъ оказался недостатокъ въ энергіи и рѣшимости. Депутаты не рѣшались совѣтовать королю, король же все откладывалъ. Только — странное дѣло! — сопротивленіе короля, столь сильное въ началѣ, въ восемь часовъ утра, — теперь, въ одиннадцать съ половиною, превратилось въ какое-то бездѣйствіе. Увлекаемый событіями, принужденный безпрестанно переходить отъ одного положенія къ другому, онъ дѣлалъ уступку за уступкою, которыя оказывались только безплодными жертвами.

Король позвалъ къ себѣ свое семейство. Депутаты удалились.

Х.

Нѣсколько минутъ спустя, генераль Ламорисьеръ пришелъ во дворецъ; его привели туда важныя обстоятельства.

Встрѣча, сдѣланная королю на Каррусельской площади, дала ему очень хорошо понять, что если битва завяжется въ какой нибудь части города, то она сейчасъ же распространится повсюду; что тогда всѣ успія къ примиренію будутъ бесполезны, что побѣда народа будетъ несомнѣнна, и что можетъ быть даже Тюльери сдѣлается свидѣтелемъ кровавыхъ событій, подобныхъ событіямъ 1792 года.

И даже въ самомъ сосѣдствѣ Тюльери онъ чувствовалъ опасность битвы. Въ двухъ шагахъ отъ Каррусельской пло-

щади, при входѣ въ улицы: Saint-Thomas-du-Louvre, des Chartres и Froidmanteau и на площади Пале-Рояля стоялъ, лицомъ къ дворцу, Château-d'Eau, строеніе оригинальной, тяжелой архитектуры, превращенное въ кордегардію. Съ крыльца, тянувагося во всю длину фасада и значительно возвышавшагося надъ уровнемъ улицы, была одна только дверь. (вѣтъ проникалъ въ это зданіе черезъ узкія и невысокія отверстія, не то окна, не то бойницы. Расположенный между двумя дворцами, Château-d'Eau служилъ прикрытіемъ для обоихъ.

Утромъ 24 февраля эта кордегардія была занята небольшимъ отрядомъ муниципаловъ; на площади, у крыльца, стоялъ сильный пикетъ третьей роты перваго батальона 14-го линейнаго полка. Въ девять часовъ оба отряда получили словесное и письменное приказаніе прекратить огонь и не стрѣлять ни подъ какимъ предлогомъ. Вслѣдствіе этого, капитанъ Суно, командовавшій пикетомъ, велѣлъ поставить ружья въ рогатки. Для большей предосторожности муниципаламъ отдано было приказаніе отойти къ Тюльери, и вслѣдствіе этого, капитанъ Церренъ передалъ около одиннадцати съ половиною часовъ свой постъ капитану Суно, котораго въ скоромъ времени должна была смѣнить національная гвардія. А до того времени, чтобы дать ясное доказательство мирныхъ намѣреній своего отряда, капитанъ приказалъ вложить штыки въ ножны. Солдаты заняли постъ, держа ружья на плечѣ.

XI.

Вслѣдъ за уходомъ солдатъ къ посту подошла кучка людей: буржуа, національныхъ гвардейцевъ и рабочихъ, различнымъ образомъ вооруженныхъ. Это былъ цвѣтъ партіи „Реформы.“ Во главѣ ихъ находились Этьенъ Араго, Бонъ, Лагранжъ, Гарно, Шансель, Файоль, Геллинкъ, Коссанель (de Rhodéz) и другіе. Они обезоружили караулъ стоявшій у поч-

тамта и теперь пришли къ Château-d'Eau требовать также выдачи оружія. Самые смѣлые изъ нихъ, взойдя на крыльцо, проникли въ самую кордегардію. Офицеры стараются загородить имъ дорогу. „Что вамъ нужно?“ говорятъ они. „Вы видите, мы не имѣемъ никакихъ враждебныхъ намѣреній; наши штыки въ ножнахъ“. — „Мы хотимъ взять ваше оружіе.“ Офицеры рѣшительно отказываютъ имъ. Ихъ рѣшительный и хладнокровный, хотя и печальный видъ, внушаетъ къ нимъ уваженіе. Однакожъ осаждающіе продолжаютъ настаивать на своемъ. „А что, вскрикнулъ тогда капитанъ Супо, еслибъ вы были солдатами, — вы отдали бы свое оружіе?“ Эти слова приводятъ осаждающихъ въ смущеніе; они останавливаются и, какъ честные люди, уступаютъ этому честному воззванію. Готовые двинуться на Тюльери, они уходятъ: одни къ баррикадѣ, находящейся на углу улицы Валуа, другіе къ баррикадѣ у Мольеровскаго фонтана.

Очевидно, что эта первая кучка людей была только авангардомъ.

Убѣжденный теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, въ неминуемой опасности столкновенія, генераль Ламорисьеръ отирается на площадь Пале-Рояля, чтобы лично увидѣть положеніе дѣлъ и извѣстить войска, что онъ ихъ смѣнитъ національной гвардіей. Онъ бросается въ Ришельевскую улицу и встрѣчаетъ гренадерскую роту 2-го легіона, подъ командой капитана Баррера; онъ приказываетъ ей итти ускореннымъ шагомъ на смѣну караула въ Château-d'Eau. Рота колеблется. Генераль становится на флангъ и командуетъ: „Впередъ!“ Национальные гвардейцы, увлеченные, слѣдуютъ за нимъ. Онъ отправляется лично смѣнить капитана Супо капитаномъ Барреромъ. Но на дорогѣ онъ узнаетъ, что битва, которой онъ опасался, уже готова разразиться у баррикады подлѣ Мольеровскаго фонтана. Онъ немедленно идетъ туда и снова бросается въ улицу Ришелье.

XII.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ баррикады въ генерала и въ его конвой прицѣливаются. Они смѣло встрѣчаютъ эту угрозу. Но Боннъ, Лагранжъ и ихъ друзья не рѣшаются стрѣлять въ упоръ въ людей беззащитныхъ. Ружья опускаются и обѣ стороны вступаютъ въ переговоры. Генераль объявляетъ объ уступкахъ короля: о реформѣ, перемѣнѣ министерства и распущеніи палаты. „Этого уже недостаточно; мы не хотимъ болѣе терпѣть правительства, строившаго противъ насъ укрѣпленія! Мы хотимъ теперь всеобщей подачи голосовъ. Надобно чтобы Луи-Филиппъ отрекся отъ престола! Да притомъ-же, кто намъ поручится, что вы говорите правду?“ — Поручаюсь — мое честное слово! съ жаромъ отвѣчалъ генераль. — „Вотъ вамъ Монiteur, возражаетъ одинъ изъ защитниковъ баррикады, показывая журналъ; тутъ есть о назначеніи Бюжо; объ остальномъ ни слова. — (Сверхъ того, прибавляетъ Лагранжъ, имѣете ли вы подписанное повелѣніе, уполномочивающее васъ на переговоры? Если его нѣтъ, ступайте за нимъ.“ Дальнѣйшая настойчивость была бы бесполезна; генераль отправляется назадъ. У Французскаго театра онъ встрѣчаетъ Этьена Араго, который кричитъ ему: „Теперь намъ нужно не то!“

Ламорисьеръ былъ обязанъ предупредить обо всемъ короля, и поэтому отправился въ Тюльери. Но, озабоченный по прежнему положеніемъ Château-d'Eau и желая уничтожить всякій поводъ къ недоразумѣнію, которое могло бы испортить все дѣло, онъ послалъ одного за другимъ двухъ офицеровъ главнаго штаба, Галиссери и Мориссо, повторить отъ его имени приказаніе линейнымъ войскамъ смѣниться національною гвардіей. Затѣмъ онъ пошелъ къ королю.

XIII.

Что же произошло въ это время въ семейномъ кабине-

тѣ, о которомъ мы уже говорили? Такъ какъ я не имѣю объ этомъ непосредственныхъ свѣдѣній, то и не рѣшаюсь ничего сказать. Положительно извѣстно только то, что король вышелъ оттуда ободреннымъ. потому ли, что нѣжное участіе его семейства внушило ему энергію, или можетъ быть потому, что королева сообщила ему отчасти свою твердость.

Король былъ одинъ съ герцогомъ Немурскимъ, когда вошелъ Ламорисьеръ. „Что новаго, генераль?“ спросилъ король. Генераль отвѣчалъ, что, будучи назначенъ начальникомъ національной гвардіи, онъ на самомъ дѣлѣ не командовалъ ею; что она не находится въ его распоряженіи; что онъ вездѣ искалъ ее и нигдѣ не находилъ; что сверхъ того, не будучи официально облеченъ властью, онъ не имѣетъ возможности заставить повиноваться себѣ и поэтому требуетъ официальной, неоспоримой власти. „Я употребляю безполезныя усилія, сказалъ онъ, я вездѣ объявляю о перемѣнѣ министерства, о реформахъ, но народъ не удовлетворяется тѣмъ, что я объявляю объ этомъ отъ имени вашего величества. Уже многіе требуютъ.... другаго.“

Король быстро прервалъ его: „Другаго! г-нъ Ламорисьеръ; то есть, моего отреченія! а такъ какъ я дамъ его только съ моею смертію, то они и не получаютъ его.“

При этихъ словахъ, произнесенныхъ очень энергически, герцогъ Немурскій встаетъ и говоритъ: „И такъ—впередъ!“

„— И такъ — впередъ!“ машинально повторяетъ генераль и прибавляетъ про себя: „Да, впередъ, но спрашивается, съ чѣмъ!“ Вслѣдъ за тѣмъ генераль удалился и пошелъ въ главный штабъ.

XIV.

Въ это самое время (одиннадцать съ половиною часовъ), колонна народа и національныхъ гвардейцевъ, съ пяти до шести сотъ человѣкъ, вооруженныхъ саблями, ружьями, пи-

стоletами и желѣзными палками, выходила изъ улицы Rohan на Каррусельскую площадь. Устремившись на площадь въ безпорядкѣ, въ которомъ однако выражалось много силы, эта колонна храбро шла впередъ, въ виду войска, выстроившагося въ боевомъ порядкѣ. Маршалъ Бюжо, верхомъ, находился на площади. Пораженный этою дерзостью, онъ смѣло бросился къ колоннѣ; генералъ Гурго, офицеры: Серсе, Трошю и другіе послѣдовали за нимъ. Воинственное лицо маршала было полно выраженія его душевной силы. Онъ обращается къ колоннѣ тономъ челоуѣа, привыкшаго командовать и увѣреннаго въ своей силѣ. Толпа останавливается, смотреть на эту воинственную фигуру, которая ей незнакома. Но во главѣ ея идутъ люди рѣшительные. Одинъ изъ предводителей колонны, Монжпье, національный гвардеецъ 5-го легіона, твердымъ голосомъ отвѣчаетъ, что народъ требуетъ суда надъ министрами, освобожденія плѣнныхъ, уничтоженія сентябрьскихъ законовъ, амнистіи, реформы и распущенія парламента. Маршалъ отвѣчаетъ, что народъ будетъ удовлетворенъ и что онъ можетъ въ этомъ положиться на него, на маршала Бюжо. „А! такъ вы маршалъ Бюжо?“ раздаются грозные голоса. — Да, это я! — „Вы врагъ свободы печати, вы убійца нашихъ братьевъ въ улицѣ Transnonain?“ Маршалъ отвѣчаетъ съ твердостью: Неправда — это клевета! Я не былъ тамъ. Да, я маршалъ Бюжо! Я выигралъ двадцать сраженій. Уйдите отсюда!—Его твердость дѣйствуетъ на толпу, которая всегда любитъ мужество. Нѣкоторые даже приближаются къ нему и протягиваютъ ему руки; другіе, въ небольшомъ числѣ, кричатъ: Да здравствуетъ маршалъ! — Въ это время подъѣзжаетъ генералъ Ламорисьеръ въ сопровожденіи офицеровъ главнаго штаба. Онъ присоединяетъ свои усилія къ усиліямъ маршала и толпа расходится.

Опасность была устранена на одномъ пунктѣ и то не на долго. Но чтобы устранить повсемѣстно эту опасность, мало

было одной воинской храбрости, и побѣдитель Исли не находилъ въ своей душѣ того великаго вдохновенія, которое отвращаетъ великія бѣдствія.

XV.

Въ это время въ Тюльери все уже было приготовлено къ бѣгству. Караулы были сняты, никто не отдавалъ приказаній, всѣ двери были отперты, доступъ открытъ всѣмъ: генераламъ, офицерамъ, депутатамъ, журналистамъ, лицамъ знакомымъ и незнакомымъ. Всякій входилъ куда и какъ хотѣлъ, даже въ комнаты, сосѣднія съ королевскимъ кабинетомъ. Только въ кабинетъ, въ это послѣднее убѣжище короля, не проникла нескромность толпы. Тамъ были одни только принцы, будущіе министры и адъютанты.

Около полудня Тьеръ, Дювержье де-Гораннъ, Ремюзэ, Ластейри и другіе стояли подлѣ короля, сидѣвшаго на томъ же креслѣ и у того же окна, у котораго онъ сидѣлъ прежде; въ это время къ нему вошли герцогъ Монпансье и Кремье. Этотъ послѣдній, принадлежавшій къ оппозиціи сильной, но не враждебной правительству, обошелъ въ продолженіе утра всѣ главные кварталы четвертаго округа. Онъ пришелъ рассказать теперь то, что слышалъ. Его воодушевленный рассказъ представилъ вещи въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ можно было ожидать; по его словамъ, еще не все было потеряно, народъ готовъ былъ еще удовлетвориться оппозиціоннымъ министерствомъ, реформой и распущеніемъ парламента. „Только, заключилъ онъ, присутствіе г. Тьера въ совѣтѣ, какъ перваго министра, самая опасная сторона вопроса. Г. Тьеру очень хорошо извѣстно, что я не имѣю противъ него ничего враждебнаго, но пусть онъ позволитъ мнѣ сказать, что онъ не можетъ быть первымъ министромъ, — имя его внушаетъ непреодолимое отвращеніе.

„— Ваше величество, сказалъ рѣшительно Тьеръ, я готовъ удалиться.

„— Кого же бы вы мнѣ предложили? спросилъ король у Кремье.

„— Государь! Одилона Барро, который имѣлъ бы полную свободу выбрать себѣ министровъ изъ самыхъ рѣзкихъ представителей лѣвой стороны.

„— Хорошо! сказалъ король, пусть позовутъ Фэна и готовятъ указъ.“ Онъ готовъ былъ на все согласиться съ тѣхъ поръ, какъ услышалъ о требованіи отреченія.

Кремье продолжалъ: „Позволите ли мнѣ, ваше величество, сдѣлать еще одно замѣчаніе?“

„— Говорите.

„— Тотъ кто посовѣтовалъ вамъ призвать маршала Бюжо, далъ вамъ самый скверный совѣтъ.

„— А кто же по вашему мнѣнію можетъ замѣнить его?

„— Маршалъ Жераръ, не смотря на его стратегическій планъ Парижа. А еще лучше генераль Ламорисьеръ, котораго вы бы могли назначить военнымъ министромъ.

„— Хорошо!“ Кремье вышелъ.

„— И такъ, мой милый Тьеръ, вы также не популярны какъ я,“ сказалъ Луи-Филиппъ съ неизъяснимымъ выраженіемъ; потомъ, дружески пожимая ему руку, прибавилъ: „Я хотѣлъ вамъ сдѣлать довольно непрятный подарокъ, поручивъ вамъ власть въ такую минуту. Теперь я немного отнимаю у васъ. Положеніе слишкомъ критическое, — оставайтесь при мнѣ.

„— Я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока не минуетъ опасность.

Вошелъ Фэнъ, чтобы составить указъ о назначеніи Барро президентомъ совѣта. Генераль Трезель, единственный изъ прежнихъ министровъ, оставшійся въ Тюльери, приготовлялся скрѣпить указъ, король взялъ перо и готовъ былъ под-

писать *), когда неожиданно вошелъ Эмплъ-де-Жирарденъ съ пакетомъ бумагъ въ рукѣ, съ оживленнымъ взглядомъ и рѣшительными жестами. Въ это же время послышалась живая перестрѣлка со стороны Пале-Рояля.

XVI.

Извѣстно, какія были приняты предосторожности для предупрежденія даже всякаго повода къ битвѣ въ окрестностяхъ Тюльери. Муниципальные гвардейцы, отозванные и замѣненные линейными войсками; національная гвардія, поставленная какъ щитъ между народомъ и войскомъ; предусмотрительность генерала Ламорисьера; его личныя усилія; заботы офицеровъ главнаго штаба; вторженіе на Каррусельскую площадь, остановленное вмѣшательствомъ Бюжо; толпа, побѣжденная его словами, — ничто не могло превозмочь рѣшеній судьбы!

Мориссо, одинъ изъ офицеровъ, посланныхъ Ламорисьеромъ, не могъ пробиться сквозь толпу, собравшуюся у крыльца Château-d'Enn. Другой офицеръ, Галиссери, пробрался къ капитану Супо. Но этотъ послѣдній отказался повиноваться приказанію, которое ему передавалъ офицеръ другаго оружія; напрасно капитанъ Барреръ представлялъ ему крайнюю опасность; напрасно онъ указывалъ ему на несмѣтную толпу, на оживленные лица, на неминуемое нападеніе, — капитанъ упорно отказывался уйти до полученія письменнаго приказа или подкрѣпленія. Народъ уже взошелъ на крыльцо и обезоружилъ часоваго; одинъ офицеръ, поручикъ Госсъ, увлеченный этимъ вихремъ, потерялъ свою саблю и эполеты; но капитанъ все таки стоялъ на своемъ. Шумъ увеличивается; крики и напоръ толпы усиливаются; не смотря на вмѣшательство національной гвардіи, толпа готова ворваться силою. Тогда,

*) Тьеръ и Дювержье говорятъ, что указъ былъ подписанъ. Но я предпочитаю рассказъ самаго Фэна. Трезель заявилъ, что онъ не скрѣплялъ указа.

видя, что сопротивление невозможно, что оно поведетъ только къ кровопролитію, а въ то же время къ нарушенію полученнаго имъ формальнаго приказанія о томъ, чтобы избѣгать во что бы то ни стало всякаго столкновенія, — начальникъ поста рѣшается уступить. Онъ условливается съ капитаномъ Барреромъ, что народу будетъ передано оружіе, а національной гвардіи — постъ и что войска отойдутъ въ цѣлости къ Тюльери.

XVII.

Условившись такимъ образомъ, они объявляютъ объ этомъ народу, который останавливается и привѣтствуетъ ихъ криками: Да здравствуетъ армія! Да здравствуетъ капитанъ! Гренадеры капитана Баррера выступаютъ впередъ, чтобы войти въ постъ. Солдаты отказываются уступить свое мѣсто и отдать оружіе. Но въ то время, когда формальные приказанія ихъ командира и національныхъ гвардейцевъ должны были преодолѣть ихъ сопротивление, впереди поста, во дворѣ Пале-Рояля, раздается выстрѣлъ. Въ то же время изъ середины кордегардіи отвѣчаютъ двумя выстрѣлами *). Пули пробили насквозь пуховыя шапки двухъ grenадеръ. Толпа, пораженная, отшатнулась назадъ, увлекая въ своемъ водоворотѣ національныхъ гвардейцевъ, двухъ солдатъ уже оставившихъ постъ, двухъ офицеровъ: Сень-Клера и Госса и даже самого капитана Сушо. Благодаря самоотверженію нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ и рабочихъ, они усиѣваютъ добраться до Каррусельской площади.

Были ли эти два выстрѣла сдѣланы добровольно двумя раздраженными солдатами? Были ли они, какъ увѣрялъ впо-

*) Было около полудня. Эта сцена продолжалась около получаса.

слѣдствіи одинъ офицеръ 14-го линейнаго полка, невольнымъ слѣдствіемъ насилія, съ которымъ осаждающіе отнимали ружья у солдатъ? Не вѣрнѣ-ли предположить, что, услышавъ выстрѣлъ въ Пале-Рояль, эти два солдата, думая, что на нихъ нападаютъ, выстрѣлили, повинувъсь инстинкту самосохраненія? Какое бы значеніе ни имѣли всѣ эти объясненія, но настоящею, первоначальною причиною этого случая, была ошибка маршала Бюжо, оставившаго войска среди возмущеннаго народа послѣ приказанія прекратить огонь и замѣстить войска національною гвардіею. Ясно, что войска, поставленные въ такое положеніе, дѣлались жертвой, отданной заранѣе на произволъ возмущенія; это доказывается тѣмъ, что постъ, поставленный внутри двора Пале-Рояля, забытый подобно посту въ Château-d'Eau, былъ поглощенъ громадною массою народа, разбитъ и обезоруженъ. Въ восторгъ отъ этой легкой побѣды, нѣкоторые изъ инсургентовъ выстрѣлили въ воздухъ изъ отнятыхъ ружей. Можетъ быть эти радостные выстрѣлы вызвали страшный отвѣтъ со стороны солдатъ въ Château-d'Eau? Страшный именно для монархіи, потому что каждый выстрѣлъ наносилъ ей ударъ. Не будь рѣзни вечеромъ наканунѣ 24 февраля — замѣщеніе Гизо министерствомъ лѣваго центра и лѣвой парламентской стороны могло бы вѣроятно остановить волненіе. Не будь битвы у Château-d'Eau — отреченіе короля могло бы еще въ полдень 24 февраля остановить революцію.

XVIII.

Изумленіе народа продолжалось не болѣе одной секунды; вскорѣ перестрѣлка началась со всѣхъ сторонъ. Маіоръ Гаккаръ, увлеченный толпою изъ кордегардіи и потомъ снова отброшенный обратнымъ движеніемъ къ крыльцу, былъ раненъ; солдаты бросаются въ кордегардію и задираютъ за со-

бою дверь; по голосу сержанта дверь отворяется и снова запирается. Инсургенты, укрѣпившись за баррикадами улицъ Valois и Saint-Honoré, за углами воротъ, у оконъ домовъ, за колоннами дворца, а самые смѣлые стоя на открытыхъ мѣстахъ по краямъ площади, направляютъ на постъ неправильный, но постоянно поддерживаемый огонь. Солдаты съ своей стороны, защищенные толстыми стѣнами Château-d'Eau, искусно стрѣляютъ изъ всѣхъ отверстій кордегардіи; въ надеждѣ ли получить подкрѣпленіе съ Каррусельской площади, или изъ убѣжденія, что все спасеніе ихъ заключается въ отчаянной борьбѣ, солдаты дерутся съ слѣпымъ и отчаяннымъ остервененіемъ.

XIX.

Но предчувствія генерала Ламорисьера уже начинаютъ оправдываться. Всеобщая тревога, произведенная шумомъ перестрѣлки, съ электрической быстротой пронеслась ко всѣмъ концамъ города и увлекла за собой къ Тюльери волнующіяся массы народа.

Первыми были редакторы и кліенты журнала „Réforme“, о смѣлой попыткѣ и благородномъ отступленіи которыхъ мы уже говорили. Безпрестанно обманываемые тайнымъ агентомъ Делессера (префекта), Делагоддомъ, водимые имъ отъ одного мѣста къ другому, отъ одной западни къ другой, они наконецъ соединились въ части города, принадлежавшей къ 3-му легіону, преданность котораго реформистскому дѣлу общала имъ содѣйствіе. Люди рѣшительные, съ твердыми убѣжденіями, они поочередно то сопротивлялись, то нападали, дѣйствуя постоянно съ тою несокрушимую твердостью, которая не измѣнила имъ ни на одну минуту, нигдѣ и ни передъ какою опасностію.

Вслѣдъ за ними пришла къ Тюльери та колонна, обра-

зовавшаяся въ пятомъ округѣ, смѣлое движеніе которой было удержано маршаломъ Бюжо при входѣ ея на Каррусельскую площадь.

Сюда же вслѣдъ за ними пришли, черезъ бульвары и улицы Вивьенъ и Ришельё, три или четыре тысячи человѣкъ, предводимые мэромъ пятого округа Веэ, подполковникомъ легіона Денисомъ, Оберъ-Рошемъ, Виньялемъ и другими. Они имѣли намѣреніе отправиться въ палату требовать реформы; но сила теченія увлекла ихъ къ Тюльери и Пале-Роялю.

За ними шла еще колонна, вышедшая изъ ратуши шестаго округа, подъ предводительствомъ полковника Гюссона, съ цѣлымъ штабомъ офицеровъ національной гвардіи.

Въ то же время шли изъ третьяго округа части разныхъ отрядовъ подъ предводительствомъ своихъ офицеровъ: Перре, Жуанна, Тиріона и подъ общимъ начальствомъ Овена. Онѣ входятъ съ барабаннымъ боемъ на площадь, проходятъ черезъ нее съ смѣлостью старыхъ солдатъ, хотятъ стать между сражающимися, выдерживаютъ въ полномъ порядкѣ перекрестный огонь народа и солдатъ и присоединяются къ осаждающимъ. Другія роты того же легіона, съ мэромъ, подполковникомъ и майоромъ въ главѣ, пытаются примирить сражающихся, но, видя бесполезность своихъ усилій, расходятся.

Нѣсколько ротъ втораго легіона, изъ которыхъ одною командуетъ капитанъ Бюше, другою — капитанъ Альтарошъ, а остальными — капитанъ Баньеръ, услышавъ перестрѣлку, сбѣгаются съ цѣлью или воспрепятствовать битвѣ, или броситься въ нее.

Безпорядочныя толпы выступаютъ изъ кварталовъ, идущихъ вдоль праваго берега Сены. Народъ, завладѣвшій городской думою, посылаетъ на помощь осаждающимъ два орудія подъ сильнымъ прикрытіемъ. Съ лѣваго берега Сены выступаетъ рота 10-го легіона, предводительствуемая докторомъ

Дюное; проходить подъ выстрѣлами мостъ des Saints-Pères и смѣло вступаетъ на Каррусельскую площадь.

Наконецъ со всѣхъ сторонъ сходятся толпы народа и отдѣльныя лица, паціональные гвардейцы, буржуа, рабочіе и студенты. Всѣ эти колонны, разстроенныя скопленіемъ народа, отступаютъ въ сосѣднія улицы, отбрасываютъ всѣхъ любопытныхъ въ сторону и оставляютъ на самыхъ открытыхъ мѣстахъ безпрестанно прибывающихъ бойцовъ.

XX.

Чѣмъ больше прибывало народу, тѣмъ оживленнѣе становилась борьба. Правильный и безпрестанный огонь солдатъ и беспорядочная перестрѣлка инсургентовъ, торопливо стрѣлявшихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ площади, часто на удачу и даже другъ въ друга, увеличивали число жертвъ; казалось, ничто не было въ силахъ прекратить это бесполезное кровопролитіе.

Услышавъ пальбу, генераль Ламорисьеръ бросился съ Каррусельской площади къ Пале-Роялю. Въ улицѣ Saint-Honoré, между улицей Ришелье и площадью, противъ табачнаго магазина la Civette, уличный мальчишка прицѣливается въ него; къ счастью ружье даетъ осѣчку; но въ это время другой мальчишка колетъ его штыкомъ въ правую руку. Генераль, не чувствуя ни, боли ни опасности, крѣпко обвязываетъ свою рану платкомъ, скачетъ на площадь, летитъ къ посту и приказываетъ солдатамъ перестать стрѣлять. Солдаты отвѣчаютъ выстрѣлами, инсургенты стрѣляютъ въ свою очередь. Среди огня и тысячи опасностей онъ геройски продолжаетъ свое дѣло. Но наконецъ, отчаявшись въ успѣхѣ и видя, что онъ бесполезно идетъ на явную смерть, онъ возвращается назадъ, добирается до Каррусельской площади, гдѣ встрѣчаетъ генерала Рульера и умоляетъ его послать приказанія въ Château-d'Eau, чтобы устранили солдатъ отъ этой гибельной борьбы.

Генераль Рутьеръ посылаетъ генерала Перро, парижскаго коменданта.

Генераль Перро отправляется къ посту, подъ прикрытіемъ двухъ національныхъ гвардейцевъ: подполковника 5-го легіона, Дениса, и простаго гвардейца 3-го легіона, Лежанвра. Солдаты стрѣляютъ въ него. Тогда онъ поднимаетъ на концѣ пшави свою шляпу, какъ парламентарскій знакъ, — огонь не прекращается. Онъ раскрываетъ свой плащъ, показываетъ солдатамъ свои ордена: солдаты, ослѣпленные порохомъ и упоенные битвой, не видятъ ничего и продолжаютъ стрѣлять въ генерала. Тогда онъ всходитъ на крыльцо и накрываетъ своею шляпою ружье одного солдата, который готовился стрѣлять черезъ отворенную дверь; кругомъ генерала со всѣхъ сторонъ визжатъ пули; одна изъ нихъ, сдѣлавъ рикошетъ, взрываетъ кожу на его черепѣ и обагрываетъ его кровью; въ то же самое время осколокъ дерева ранить его въ лѣвый глазъ. Платье его пробито пулями и кажется нѣтъ ему спасенія отъ смерти. Но Лежанвръ мужественно бросается къ нему, увлекаетъ его за собой и вводитъ къ одному винному торговцу, на углу улицы du Musée. Его прячутъ въ комнату, наполненную трупами. Огонь продолжается съ прежнимъ остервененіемъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Эмиль-де-Жиарденъ требуетъ отъ короля отреченія и назначенія регентства герцогини Орлеанской; король соглашается на отреченіе.—Эмиль-де-Жиарденъ и герцогъ Немурскій выходятъ изъ дворца, чтобы объявить эту новость. — Королевская фамилія окружила Луи-Филиппа; его печаль и сожалѣніе; твердость королевы; ея гнѣвные слова къ герцогинѣ Орлеанской, которую королевское семейство подозрѣваетъ въ сообщничествѣ съ депутатами лѣвой парламентской стороны; слова одной изъ принцессъ къ Ластейри. — Совѣтъ Пискатори; желаніе короля взять назадъ свое отреченіе: его вопросъ: можно ли защищать Тюльери?; отрицательный отвѣтъ. — Приходъ маршала Жерара; король и королева умоляютъ его о спасеніи; маршалъ садится верхомъ и отправляется на Пале-Рояльскую площадь; дорогой онъ поручаетъ Лакросу и Серсе принести актъ объ отреченіи, чтобы лично прочесть его передъ народомъ. — Лакросъ и Серсе объявляютъ о своемъ порученіи; король подписываетъ свое отреченіе въ пользу графа Парижскаго; сцена, сопровождавшая подпись; нетерпѣніе герцога Монпасье; порывъ энергіи и достоинства у короля; нѣжность и гнѣвъ королевы; трогательная скромность присутствующихъ; приходъ Кремьё; онъ противится регентству герцога Немурскаго; жалобы герцогини Орлеанской на ея трудное положеніе; слова маршала Бюжо о положеніи дѣлъ; всеобщая безпомощность. — Герцогъ Немурскій принимаетъ верховное командованіе надъ войскомъ; его обращеніе къ маршалу Бюжо; онъ удаляетъ войска съ Каррусельской площади. — Актъ отреченія Луи-Филиппа, отправленный къ маршалу Жерару, попадаетъ въ руки одного гражданина — Маршалъ Жераръ пріѣзжаетъ на площадь Пале-Рояля; его вмѣшательство оказывается безсильнымъ; онъ удаляется. — Генераль Ламорисьеръ и Лагранжъ употребляютъ геройскія, но безполезныя усилія, чтобы остановить битву у Château-d'Еан. — Ламорисьеръ возвращается къ сражающимся; онъ раненъ и взятъ въ плѣнъ; встрѣча его съ генераломъ Перро въ компаніи за лавкой виноторговца. — Безполезныя усилія Кремьё и Гурго остановить битву.—Одиночество королевской фамиліи. — Убіеніе королевскаго рейткнехта при переходѣ черезъ Каррусельскую площадь; придворныя

кареты взяты народомъ и сожжены. — Кремьё спѣшить увѣдомить короля объ атакѣ, угрожающей Тюльери. — Картина отчаянія королевской фамилии. — Отлѣздъ. — Приключеніе въ саду. — Прибытіе на площадь Со-
гласія. — Вѣгство. — Тьеръ и Бюжо оставляютъ Тюльери.

I.

Въ это время Эмиль-де-Жиарденъ, пробравшись черезъ толпу любопытныхъ, еще наполнявшихъ Тюльери, входилъ, какъ мы объ этомъ уже говорили, въ кабинетъ короля. „Что новаго, господинъ де-Жиарденъ?“ спросилъ король.

„А то, государь, сказалъ онъ рѣшительно, что васъ заставляютъ терять драгоцѣнное время. Хотятъ ли еще сопротивляться волненію, которое уже приближается черезъ Шартрскую улицу, или готовы рѣшиться на самыя большія пожертвованія, во всякомъ случаѣ, каждая минута теперь равняется часу. Если потеряютъ еще минуту — черезъ часъ не будетъ во Франціи ни короля, ни королевской власти“.

„— Убѣждены ли вы вполне въ томъ, что говорите?“ возразилъ Ремюза.

„— Спросите у Меррюо, который находится здѣсь, какъ рвутъ ваши прокламаціи, какъ поступаютъ съ людьми, которымъ поручено распространять ихъ. Теперь уже не хотятъ ни Тьера, ни Барро.“

Меррюо подтверждаетъ слова Жиардена.

„— Что же дѣлать?“ спросилъ король голосомъ болѣзненнаго безпокойства.

„— Отречься, государь! Отречься въ пользу регентства герцогини Орлеанской. Герцога Немурскаго не желаютъ. Вотъ совѣмъ готовая прокламація, прикажите ее немедленно напечатать, чтобы сберечь тѣ немногія минуты, которыя отъ насъ уходятъ.“ И Жиарденъ прочиталъ бумагу, которую онъ держалъ въ рукѣ *):

*) По другимъ разсказамъ герцогъ Немурскій, взявъ эту бумагу отъ Жиардена, лично отдалъ ее королю.

„Отреченіе короля.

„Регентство герцогини Орлеанской.

„Распущеніе парламента.

„Всеобщая амнистія“.

„— Если дѣла находятся въ такомъ положеніи, какъ увѣряетъ Жиранденъ, то нечего колебаться, государь — отрекитесь!“ немедленно сказалъ герцогъ Монпансье.

Послѣдняя борьба, казалось, смутила сердце короля: чувство униженія отъ подобнаго паденія боролось въ его душѣ со страхомъ, что дальнѣйшее сопротивленіе могло сдѣлать народъ неумолимымъ даже къ его семейству. Наконецъ онъ сказалъ: „Я всегда былъ миролюбивымъ государемъ.... Я отрекаюсь.“ Эти важныя слова старикъ произнесъ машинально, безъ твердости и безъ слабости, подобно тому, какъ утопающій безъ борьбы позволяетъ уносить себя теченію.

Онъ и его окружающіе боялись, чтобы не повторилось 10 августа. Ихъ главною заботою было предупредить вторженіе во дворецъ. Поэтому, когда король произнесъ свое отреченіе, каждый торопился Жирандена поскорѣ объявить объ этомъ. Жиранденъ выходитъ, спѣшитъ въ Пале-Рояль, входитъ смѣло на площадь, хочетъ сообщить объ отреченіи, подъ градомъ пуль усиливается заставить выслушать себя, но его бесполезныя усилія теряются въ шумѣ толпы и ружейныхъ выстрѣловъ и онъ принужденъ возвратиться.

Герцогъ Немурскій, вышедшій въ одно время съ Жиранденомъ, входитъ въ залъ, сосѣдній съ кабинетомъ короля, и объявляетъ громкимъ голосомъ: „Господа, король отрекся отъ престола! Герцогиня Орлеанская назначена регентшей! Объявите объ этомъ повсюду.“ Потомъ онъ выходитъ въ дворъ Тюльери и повторяетъ окружающимъ его офицерамъ: „Господа, король только что отрекся отъ престола въ пользу графа Парижскаго.“

II.

Впродолженіе всей этой сцены Луи-Филиппъ сидѣлъ, какъ убитый, въ своемъ креслѣ. Произнеся слова: я отрекаюсь, онъ медленно всталъ и пошелъ самъ отворить дверь комнаты, гдѣ были королева, герцогиня Орлеанская и другія принцессы королевской фамилии. Всѣ подошли къ нему въ глубокомъ волненіи. Король повторилъ имъ: „Я отрекаюсь.“ — Нѣтъ — вы не отречетесь! горячо вскрикнула королева. Король сѣлъ снова въ кресло подлѣ окна, вся фигура его выражала уныніе, руки бессильно упали на колѣни. Пораженные сильною скорбью короля, королева и принцессы окружили его, брали его за руки, прикасались къ его платью и съ нѣжностью и сдержанными рыданіями цѣловали его въ голову.

Тутъ было чѣмъ растрогаться даже человѣку, привыкшему видѣть всѣ превратности судьбы. Духовное волненіе овладѣло недвижной толпой, наполнявшей сосѣднія комнаты. Забывъ этикетъ, генералы, офицеры, депутаты, придворные, всѣ толпились вокругъ несчастнаго семейства и смотрѣли съ мрачною печалью на эту картину, способную тронуть сердце самаго врага.

Но королева при всей своей скорби была исполнена твердости духа. Чтобы ридать бодрости королю, она употребила въ дѣло все, что можетъ внушить женѣ супружеская любовь, женщинѣ — величіе души и королевѣ — царственное достоинство. „У тебя хотятъ вырвать скипетръ, говорила она, но ты одинъ только въ состояніи держать его въ своихъ рукахъ! Лучше умереть съ храбростью, чѣмъ отречься! Садись на лошадь: армія пойдетъ за тобою!“ Потомъ, обратившись къ толпѣ, она прибавила: „Я не понимаю, какъ вы оставляете короля въ подобную минуту! Вы раскаетесь въ этомъ!“

Она посмотрѣла на герцогиню Орлеанскую и не могла удержаться отъ гнѣвныхъ взглядовъ, которые глубоко опечалили эту принцессу. Несчастливая герцогиня, въ слезахъ, искала защиты близъ короля. Наклонившись надъ нимъ, съ глазами полными слезъ, съ сердцемъ исполненнымъ скорби, она умоляла его оставить за собой власть, слишкомъ тяжелую для женщины. Принцессы, выражая свою скорбь, каждая по свойству своего характера, окружали своими нѣжными заботами главу семейства. Однѣ изъ нихъ враждебно смотрѣли на свою невѣстку, другія даже отворачивались отъ нея.

Съ давнихъ поръ герцогиня Орлеанская была предметомъ прискорбныхъ подозрѣній: говорили, что она самолюбива, не можетъ забыть оскорбленія, нанесеннаго ей отнятіемъ у нея регентства, принадлежавшаго ей по правамъ вдовы и матери, способна даже рѣшиться на заговоръ для возвращенія своихъ правъ. Въ домашнихъ совѣщаніяхъ ей не разъ ставили въ вину ея слова, поступки, сношенія, скрытность, умственное превосходство, все — даже ея постоянный трауръ. Все это были несправедливыя обвиненія, которыя подерживались женскимъ мелочнымъ соперничествомъ. Эти чувства, болѣе или менѣе скрывавшіяся до сихъ поръ, высказывались теперь подъ вліяніемъ катастрофы. Не зная причины событій, несчастныя принцессы не могли понять, какимъ образомъ такъ неожиданно и страшно разразились эти несчастія. Онѣ не видѣли въ этомъ переворотѣ логическаго и неизбежнаго послѣдствія длиннаго ряда ошибокъ и непредвидимыхъ случайностей. Для нихъ все это было дѣломъ давно задуманнаго заговора, часъ исполненія котораго насталъ въ эту минуту; депутаты оппозиціи, по ихъ мнѣнію, были главными заговорщиками; герцогиня Орлеанская — ихъ тайнымъ главою или сообщникомъ. „Вы здѣсь только для того, чтобы измѣнить намъ!“ сказала одна изъ принцессъ Жюлю-де-Ластейри, съ жаромъ схвативъ его за руку.

III.

Къ возбуждательнымъ словамъ королевы и мольбамъ герцогини Орлеанской, нѣкоторыя изъ преданныхъ лицъ присоединили свои энергическія, настоятельныя просьбы. Особенно Пискатори негодовалъ на совѣты слабыхъ людей. „Не отрекайтесь, государь, говорилъ онъ, не отрекайтесь, если не ради себя, не ради потерянной королевской власти, то по крайней мѣрѣ для насъ, для всей страны. Я только что обошелъ Парижъ. Если вы можете подъ защитою стѣнъ и рѣшетокъ этого дворца продержаться еще четыре часа, а вы это можете сдѣлать при помощи войскъ, еще окружающихъ васъ, то я убѣжденъ, что все будетъ спасено. Но если, не смотря на наши просьбы, вы рѣшились уступить, то не здѣсь слѣдуетъ отречься, а въ Венсенскомъ замкѣ или на Валеріанской горѣ.“ Нельи и другіе поддерживали это мнѣніе. Вслѣдствіе ли эгоистическихъ внушеній, или же по причинѣ болѣе здраваго пониманія дѣла, большинство присутствующихъ молчало.

Король былъ видимо потрясенъ. Глухой къ совѣтамъ мужественныхъ людей, онъ пробуждался при малѣйшей надеждѣ. Въ этой душѣ, ослабленной старостью, загоралась искра желанія. Царствовать снова? О! еслибы можно было возвратить время, овладѣть снова счастьемъ, трономъ, достоинствомъ, потеряннымъ въ унижительномъ пораженіи!... Волнуемый то страхомъ, то надеждой, онъ на вторичный вопросъ Серсе, отрекается ли онъ, отвѣчалъ: „нѣтъ, я еще ничего не подписалъ!“ Примѣ дѣло мало-мальски благоприятный оборотъ,—и онъ былъ бы готовъ взять назадъ слово, данное публично.

Но ружейные выстрѣлы, казалось, приближались къ дворцу. 10 августа предстало предъ умомъ или предъ совѣстью короля. То же самое чувство страха остановило на губахъ самыхъ преданныхъ друзей всѣ энергическіе совѣты. Нѣмой свидѣтель этой великой сцены, маршалъ Сульть неподвижно смотрѣлъ

на нее. Тьеръ, Ремюза, Дювержье де-Горанья, Гюставъ де-Бомонъ, Жюль-де-Ластейри и Кузенъ, опустивъ глаза, казалось были поражены громадностью несчастія; другіе присутствовали при этой агоніи королевской власти, какъ семейство, теряющее одного изъ своихъ членовъ.

Между тѣмъ принцы, узнавъ, что въ душѣ короля снова возродились слабыя желанія, возвратились къ нему и объявили, что они уже вездѣ обнародовали отреченіе и что теперь трудно или даже невозможно взять назадъ рѣшеніе, которое сдѣлалось публичнымъ обязательствомъ. Герцогъ Монпансье особенно настаивалъ на этомъ.

Тогда король слабымъ голосомъ спросилъ у присутствующихъ генераловъ: „Возможно ли защищать Тюльери?... Я думаю, что можно защищать Тюльери!“ Два или три изъ нихъ отвѣчали утвердительно. Но большинство было противнаго мнѣнія; поднялся смутный говоръ, въ которомъ можно было разслышать слова: „Нѣтъ, нѣтъ, защищаться невозможно!“ При этихъ словахъ король всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и сказалъ: „Такъ какъ невозможно защищаться, то я не хочу бесполезно проливать кровь. Я отрекаюсь отъ престола!“ — Но это все таки было не болѣе, какъ словесное объявленіе.

IV.

Въ это время явился маршалъ Жераръ, котораго требовали къ одиннадцати съ половиною часамъ. Королева бросилась къ нему: „Мой добрый маршалъ, спасите насъ! Спасите все, что только можно спасти. Садитесь на коня!“ Король съ своей стороны умолялъ этого стараго воина не отказать въ своей службѣ королевской фамиліи, въ этомъ крайнемъ положеніи ея. Старый маршалъ, который самъ испыталъ недавно жестокую семейную потерю, почувствовалъ глубокую печаль при видѣ несчастія королевской фамиліи, которой онъ такъ долго служилъ и которую любилъ. Наклонившись къ

королевъ, онъ обѣщалъ ей свою преданность и свою жизнь. Герцогъ Немурскій увлекъ его сейчасъ же за собою, сказалъ ему, что національная гвардія желаетъ имѣть его начальникомъ, что король отрекся отъ престола и что необходимо, не теряя ни минуты, объявить эту новость, чтобы успокоить народъ словами мира и остановить битву.

Въ самомъ дѣлѣ, отреченіе было послѣдней уступкой въ пользу мира. Изъ нея непосредственно вытекали двѣ мѣры: торжественное объявленіе акта объ отреченіи и отступленіе войскъ съ Каррусельской площади къ Тюльери, съ цѣлью избѣжать опаснаго во всѣхъ отношеніяхъ столкновенія солдатъ съ народомъ.

V.

Не давъ времени маршалу, одѣтому въ гражданское платье, надѣть мундиръ, герцогъ Немурскій заставилъ его сѣсть на лошадь. Случайно ли или желая польстить маршалу, конюхъ подвелъ ему лошадь короля. Маршалу дали пальмовую вѣтвь, въ знакъ мира, и онъ отправился къ площади Пале-Рояля, сопровождаемый нѣсколькими лицами, окружавшими его: Лакросомъ, Бомономъ, Ланлеберомъ, Лебулемъ, Серсе и другими. Дряхлый и разслабленный болѣзнію и печалію, безъ голоса и энергіи, онъ ѣхалъ къ баррикадамъ испытать счастья, которое не склонилось ни передъ краснорѣчіемъ великаго оратора, ни передъ разумною храбростію молодого генерала!

Въ ту минуту, когда маршалъ выѣзжалъ за рѣшетку, отдѣляющую Тюльери отъ Каррусельской площади, Лакросъ замѣтилъ ему, что вооруженный народъ скорѣе послушалъ бы его въ томъ случаѣ, если бы онъ могъ публично прочитать самый актъ отреченія. „Вы правы,“ отвѣчалъ маршалъ, и попросилъ Лакроса и Серсе отправиться за этимъ актомъ, или за подлиннымъ спискомъ съ него.

VI.

Оба посланные, явившись въ кабинетъ короля, объяснили ему свое порученіе. Герцогъ Монпансье, взявъ тотчасъ листъ бумаги на бюро, стоявшемъ посреди кабинета, подалъ его королю и сказалъ: „Государь! Надобно подписать ваше отреченіе. Дѣло идетъ о спасеніи королевской фамилии. Пишите!“ и, сопровождая эти слова пригласительнымъ жестомъ, онъ положилъ листъ на бюро. Король развелъ руками, какъ будто призывая какую то невидимую силу въ свидѣтели того, что онъ покоряется судьбѣ, и глухимъ голосомъ сказалъ: „Ну, если всѣ хотятъ этого!...“ Потомъ онъ сѣлъ къ бюро, взялъ стальное перо, большой листъ бумаги и медленно написалъ своимъ крупнымъ почеркомъ:

„Я отрекаюсь отъ этой короны, которую народный голосъ пригласилъ меня возложить на себя, въ пользу моего внука, графа Парижскаго.

„Да успѣетъ онъ въ трудномъ дѣлѣ, которое выпадаетъ теперь на его долю.

24 Февраля 1848 года.

Луи-Филиппъ.“

Въ то время, когда король писалъ, слыъ его, герцогъ Монпансье, обнаруживалъ признаки самаго сильнаго нетерпѣнія; казалось, онъ хотѣлъ своей рукой ускорить слишкомъ медленное движеніе руки старика. Чей-то неизвѣстный голосъ произнесъ вдругъ: „Торопитесь, государь; — уже стрѣляютъ на Каррусельской площади!“ При этихъ словахъ король выказалъ нѣкоторую твердость духа. Онъ положилъ перо и, устремивъ на говорящаго взглядъ, исполненный достоинства и строгости, сказалъ: „Дайте же мнѣ время. Что будетъ, то будетъ; я не могу писать скорѣе!“ Потомъ онъ снова медленно взялъ перо, окончилъ писать и подписался.

Потомъ онъ остановился, посмотрѣлъ на бумагу и тихо прочиталъ ее. Королева бросилась въ его объятія. „Прибавь, съ нѣжностію сказала она королю, что ты желаешь, чтобъ онъ (графъ Парижскій) былъ похожъ на тебя; потому что король, милостивые государи, чести́те васъ всѣхъ!“ Эти оскорбительныя, неприличныя въ устахъ такой женщины слова извинились глубокою печалью, оправдывающею всѣхъ женщинъ. „Вы получили наконецъ это отреченіе, прибавила она, какъ будто обращаясь къ врагамъ, — вы пожалѣете объ этомъ!“

Король читалъ вслухъ написанную имъ бумагу и подалъ ее присутствующимъ. „Вотъ мое отреченіе, сказалъ онъ, надобно отнести его къ маршалу Жерару.“ Изъ уваженія и скромности никто не хотѣлъ взять бумагу; нѣкоторые даже отошли назадъ, почтительно поклонившись.

„Надобно же наконецъ, чтобы кто нибудь взялъ эту бумагу,“ сказалъ король, тронутый всеобщимъ умиленіемъ. ~~Серсе подошла къ герцогу Немурскому и спросила:~~ „Желаете ли вы, чтобы я ее отнесъ?“ — „Нѣтъ, сказалъ герцогъ, вамъ нельзя будетъ пробраться черезъ толпу, лучше поручить это чело-
вѣку, одѣтому въ статское платье.“ Боденъ, сынъ, ближе другихъ стоявшій къ королю, поклонился, протянулъ руку, принялъ актъ объ отреченіи изъ рукъ самаго Луи-Филиппа и отправился, чтобы отнести его маршалу Жерару.

VII.

Въ то время какъ король подписывалъ отреченіе, пришелъ Кремье. „Государь, сказалъ онъ ему, конечно вы отказываетесь отъ престола не въ пользу регентства герцога Немурскаго, потому что въ такомъ случаѣ дѣло нисколько не подвинется впередъ?“ — „Нѣтъ, милостивый государь, возразилъ король, регентшей будетъ герцогиня Орлеанская.“ Другіе приписываютъ королю слѣдующія слова: „Не мнѣ неремѣ-

нять законы. Это могутъ сдѣлать другіе.“ Оба эти выраженія были переданы намъ личными свидѣтелями, одинаково достойными вѣроятія, и, какъ они ни противорѣчатъ одинъ другому, имъ обоимъ можно повѣрить, если принять во вниманіе безпокойство, въ которомъ находился король.

Какъ бы то ни было, а въ актѣ объ отреченіи нѣтъ ни одного слова о регентствѣ. Разумѣется, Луи-Филиппъ, принужденный согласиться на регентство своей невѣстки, не хотѣлъ собственноручно уничтожить право, данное имъ самимъ герцогу Немурскому; по описанію фактовъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ отреченіе, съ неотразимою очевидностію доказываетъ, что для свидѣтелей этой сцены, для герцога Немурскаго и для самаго короля, весь вопросъ заключался именно въ регентствѣ герцогини Орлеанской. Это обстоятельство достаточно доказывается язвительными словами королевы, враждебнымъ расположеніемъ принцессъ и слезами самой герцогини. И когда король подписывалъ отреченіе, то молодая вдова стала жаловаться на свое положеніе, на тяжесть бремени, выпавшаго на ея долю въ эту минуту, и умоляла окружающихъ помочь ей. „О великій Боже, съ волненіемъ вскрикнула она, какое бремя! Не покидайте меня, поддержите, помогите мнѣ совѣтами!“

Въ это время было двѣнадцать съ половиною часовъ. Въ десять часовъ Луи-Филиппъ еще говорилъ, что никогда не согласится на распущеніе парламента; въ одиннадцать часовъ онъ восклицалъ, что подпишетъ отреченіе вмѣстѣ съ своею смертію; въ полдень онъ уже не царствовалъ. Двухъ часовъ было достаточно, чтобы свергнуть его съ высоты его трона и гордости. Если есть въ исторіи болѣе великія трагедіи, то нѣтъ ни одной, которая была бы такъ непродолжительна.

VIII.

Какъ только отреченіе короля разорвало династическую

связь, все пришло въ разстройство. Маршалъ Бюжо, узнавши отъ Кремье объ этомъ паденіи королевской власти, которую онъ обѣщалъ спасти, не нашелъ въ своей душѣ ничего, кромѣ желанія выругаться по солдатски. „А! вскрикнулъ онъ, все пошло къ чертямъ!“ Въ это время вошелъ Тьеръ, который въ другихъ выраженіяхъ высказалъ всю горечь, наполнявшую его сердце. Эти два государственные мужа, изъ которыхъ одинъ писалъ другому нѣсколько часовъ тому назадъ: „Я давно предвидѣлъ, что мы оба назначены спасти монархію!“, подавленные чувствомъ своего безсилія, не могли ничѣмъ другимъ оправдать своего безполезнаго вмѣшательства, какъ жалобой: „Насъ призвали очень поздно!“ Однакожь они еще оставались въ Тюльери. Всѣ же остальные какъ будто обратились въ бѣгство. Генералы, офицеры, депутаты, большая часть всѣхъ приближенныхъ ушли, распространяя вокругъ себя смятеніе и деморализацію, крича повсюду: „Все потеряно! Защищаться невозможно! Это страшное бѣдствіе!“ Другіе же, совершенно пораженные, уходили молча, не спрашивая даже себя о томъ, не могутъ ли они быть полезны королевской фамилии, или необходимы герцогинѣ Орлеанской въ дѣлѣ признанія ея регентства и королевскаго достоинства ея сына.

IX.

Послѣ отреченія короля герцогъ Немурскій тотчасъ же снова принялъ на себя начальствованіе войсками. И такъ какъ маршалъ Бюжо хотѣлъ продолжать отдавать приказанія, то герцогъ нетерпѣливо сказалъ ему: „Ради Бога, маршалъ, будьте воздержнѣе. Бунтовщики раздражены противъ васъ,—они будутъ стрѣлять въ васъ. Воздержитесь!“ И маршалъ воздержался.

Герцогъ поручилъ генералу Курго отдать войскамъ приказаніе отойти съ Каррусельской площади на дворъ Тюльери.

Отперли рѣшетки, и войска вошли во дворъ. Это движеніе было неизбѣжно, хотя имѣло дурныя послѣдствія, потому что, если оно и отстранило опасность столкновенія войскъ съ народомъ, но за то увеличило общую деморализацію. Муниципальные гвардейцы, находившіеся, въ числѣ около трехъ сотъ человѣкъ, въ большой Луврской галереѣ, представляли своими мундирами неизбѣжный поводъ къ возбужденію народной ненависти. Внутри дворца былъ размѣщенъ пѣхотный полкъ. Велѣдъ за тѣмъ рѣшетки были немедленно заперты. На одну минуту Каррусельская площадь опустѣла.

Х.

Въ это время маршалъ Жераръ, привѣтствуемый національными гвардейцами, находившимися въ главномъ штабѣ, медленно двигался среди толпы, которая встрѣчала его съ сочувствіемъ. Одѣтый въ черное платье, показывая народу вѣтвь мира, которую вложилъ въ его руку герцогъ Немурскій, съ трубачемъ впереди и сопровождаемый своимъ ничтожнымъ конвоемъ, онъ объявлялъ объ отреченіи короля, призывалъ народъ къ спокойствію и прекращенію борьбы. Лакросъ, не успѣвшій добратъся до Луи-Филиппа, возвратился безъ подлинной копіи отреченія. Маршалъ нетерпѣливо ждалъ этого акта, которому не суждено было дойти до него.

Извѣстно, какимъ образомъ Боденъ сынъ получилъ изъ рукъ короля торжественную бумагу. Встрѣтивъ дорогою офицера конной артиллеріи, онъ подумалъ, что врученная ему бумага скорѣе и легче дойдетъ черезъ такого посланца. Этотъ офицеръ, Пренсето, дѣйствительно отправился со всею скоростію, но сплошная масса народа задержала его. Добравшись наконецъ послѣ невѣроятныхъ усилій до маршала, онъ всталъ на стремена, чтобы подать ему бумагу, но въ это время кто то отнялъ ее у него. Это былъ Оберъ-Рошъ, офицеръ національной гвардіи; онъ прочиталъ бумагу и увидѣвши под-

писъ, громко сказалъ: „Это отреченіе Луи-Филиппа.“ Такъ какъ онъ хотѣлъ, чтобы этотъ важный документъ остался въ рукахъ народа, то отказался отдать его маршалу и передалъ его Лагранжу. Изъ рукъ Лагранжа эта бумага перешла къ Ламорисьеру, который прочиталъ ее и отдалъ Лагранжу, прося его сообщить объ этомъ народу. Лагранжъ оставилъ эту бумагу у себя. Она и до сихъ поръ находится у него.

Я не знаю, представляетъ ли исторія еще хоть одинъ примѣръ такого столкновенія случайностей. Всѣ отреченія, о которыхъ она говоритъ, имѣютъ свой особенный характеръ. Отреченіе Луи-Филиппа, написанное имъ самимъ и въ томъ дворцѣ, въ которомъ онъ еще царствуетъ, дѣлается немедленно достояніемъ простаго человѣка, который хранитъ его какъ трофей.

XI.

Между тѣмъ огонь на площади Пале-Рояля все еще не прекращался. Но неужели раздраженные солдаты не признаютъ власти маршала Франціи? Сопровождаемый Ламорисьеромъ и многими офицерами, герой битвы при Линьи ѣдетъ впередъ. Ихъ встрѣчаетъ залпъ изъ поста; они выдерживаютъ огонь со смѣлостію людей; знакомыхъ съ битвою и продолжаютъ свое движеніе. Но лѣта измѣняютъ силамъ благороднаго маршала: голосъ его теряется въ шумѣ и онъ ѣдетъ назадъ, чтобы отдать отчетъ герцогу Немурскому въ результатъ своихъ безполезныхъ усилій.

Всѣ, какъ инсургенты, такъ и друзья короля, желали прекратить эту безразсудную битву. Генераль Ламорисьеръ подошелъ къ одному человѣку, котораго онъ уже видѣлъ у баррикады близъ Мольеровскаго фонтана, и сказалъ ему: „Слушайте — пойдемъ вмѣстѣ и постараемся остановить эту бессмысленную борьбу.“ И оба они бросились къ посту, дѣлая солдатамъ знакъ, чтобы они не стрѣляли. Но ихъ храбрость безполезна, ихъ смѣлость ни къ чему не ведетъ. Солдаты

14-го полка, опьяненные порохомъ, кровью и огнемъ, ничего не слышать, ничего не видятъ и продолжаютъ стрѣлять съ тѣмъ же остервененіемъ. Раздраженіе инсургентовъ одинаково сильно. Пули жужжатъ по площади. Генераль и его спутникъ, стоя среди этого огненного дождя, обмѣниваются быстрыми взглядами; первый изъ нихъ съ удивленіемъ смотритъ на это ясное, спокойное, безстрастное лице своего собесѣдника. „Дайте мнѣ вашу руку! говоритъ генераль въ порывѣ энтузіазма. Если мы не будемъ убиты и встрѣтимся когда нибудь, то пообѣдаемъ вмѣстѣ“. Оба героя вовсе не знали другъ друга. Они расстаются и каждый изъ нихъ уходитъ въ свое мѣсто: генераль къ войскамъ, гражданинъ къ—баррикадамъ. Этотъ храбрецъ, который такъ просто рисковалъ своею жизнію, чтобы остановить кровопролитіе, былъ Лагранжъ.

XII.

Понявъ, болѣе чѣмъ когда нибудь, всю важность преранченія этой роковой битвы, которая приводила въ трепетъ Тюльери и призывала народъ къ осадѣ его, Ламорисьеръ рѣшился въ отчаяніи или достигнуть успѣха, или умереть. Сопровождаемый Брейе, Триганъ-де-ла-Туромъ, Бенциманомъ и Оскаромъ Лафайетомъ, онъ обходитъ Château-d'Eau по улицѣ Rohan и площади Согласія и черезъ улицу Музея *) входитъ еще разъ на площадь. Подойдя на десять шаговъ отъ поста, онъ своимъ громовымъ голосомъ кричитъ солдатамъ, чтобы они перестали стрѣлять. Но солдаты стрѣляютъ, инсургенты отвѣчаютъ имъ тѣмъ же. Пули свищутъ кругомъ его головы, трещатъ подъ ногами; лошадь подъ нимъ убита и генераль падаетъ на землю. Въ ту же минуту лошадь Брейе, раненная двумя пулями, падаетъ также, увлекая за собой своего сѣдока. Триганъ-де-ла-Туръ раненъ въ плечо. Генераль,

*) Бывшая улица Froidmanteau.

по какому то неслыханному чуду, не раненъ. Онъ встаетъ, видитъ ниткѣ у своей груди, бросается въ сторону и чувствуетъ какъ холодное желѣзо прокалываетъ ему руку. Но его узнають и его имя спасаетъ его; его уводятъ плѣннымъ въ лавку виноторговца, гдѣ лежитъ уже раненный и плѣнный генералъ Перро. Брейе окруженъ и схваченъ раздраженнымъ народомъ, но его спасаютъ національный гвардеецъ и два другихъ человѣка и вырываютъ изъ рукъ нападающихъ.

XIII.

Въ то же время другія лица дѣлали не менѣе благородныя, но столь же безполезныя попытки. Сейчасъ же послѣ отреченія короля, Кремье и Гурго пришли къ Château-d'Eu. Кремье, съ ружьемъ поднятымъ прикладомъ къ верху, подѣхалъ къ посту, крича своимъ звонкимъ голосомъ: „Не стрѣляйте, не стрѣляйте!“ Солдаты почти въ упоръ выстрѣлили въ него. Избѣгнувъ безъ раны вѣрной смерти, онъ съ ужасомъ увидѣлъ страшную массу народа, собравшуюся около Тюльери, понялъ ея разъяренныя страсти и невозможность долго удерживать ихъ, близость нападенія на дворецъ и необходимость увѣдомить обо всемъ короля; и онъ поскорѣе возвратился въ дворецъ.

XIV.

Въ дворцѣ пустота замѣнила прежній безпорядокъ; прислуга бѣгала взадъ и впередъ; въ пустыхъ комнатахъ раздавался стукъ дверей; вездѣ были слѣды печальнаго опустѣнія. Королевское семейство находилось въ кабинетѣ короля, оставленное всѣми, кромѣ нѣкоторыхъ людей, преданныхъ династїи, и тоскливо ожидало послѣдствій внимательства маршала Жерара. Крики волнующагося народа неслись по прежнему со стороны Пале-Рояля; по временамъ казалось даже, что крики эти начинали усиливаться, когда, вѣроятно, какое нибудь об-

стоятельство увеличивало ярость народа. Неужели и попытка маршала была также неудачна? Неужели, сдѣлавъ всѣ пожертвованія для спасенія династїи, прїидется отказаться отъ надежды на личное спасеніе? Скоро открылась печальная истина. Одно за другимъ получены были извѣстія о неудачахъ маршала, объ опасности, которой подвергался Ламорисьеръ, о неудачномъ исходѣ его посредничества и наконецъ о его плѣнѣ.

XV.

Въ ту же минуту раздался выстрѣлъ на Каррусельской площади. Принцессы вскрикнули въ ужасѣ, король въ испугѣ обратился къ окружающимъ съ безмолвнымъ вопросомъ. Ему пришли сообщить печальную новость: кареты, приготовленные на случай отбѣзда, выѣхали по улицѣ Saint-Thomas-du-Louvre, въ томъ мѣстѣ, гдѣ были прежде придворныя конюшни, чтобы полѣхаться ко дворцу. Въ небольшомъ разстояніи отъ каретъ ѣхалъ рейткнехтъ Геронъ. Въ то время когда онъ проѣзжалъ въ галопъ по Каррусельской площади, его блестящее платье обратило на себя вниманіе нѣсколькихъ стрѣлковъ изъ народа, пробравшихся на концы площади, и національных гвардейцевъ 10-го легіона, пришедшихъ черезъ входъ des Saints-Pères. Рейткнехтъ былъ принятъ за ординарца и съ обѣихъ сторонъ по немъ выстрѣлили; онъ былъ убитъ*. Потомъ національные гвардейцы и народъ бросились къ каретамъ и заставили ихъ ѣхать назадъ. Прибавляли, что самые ярые начали было ихъ поджигать.

Такимъ образомъ бунтъ уже былъ у самого дворца; уже королевскихъ слугъ убивали почти на глазахъ короля! Значить всѣ ходы были во власти народа! Войска не защищали уже ихъ! Скоро начнется осада! Надобно было бѣжать, но народъ уже отнялъ средства къ бѣгству. Всѣ эти мысли

*) Было половина перваго.

преслѣдовали королевское семейство и приводили его въ отчаяніе.

XVI.

Приходъ Кремье окончательно привелъ всѣхъ въ ужасъ. Онъ былъ весь въ поту, платье его было въ безпорядкѣ, все въ немъ изобличало сильное внутреннее волненіе. „Государь, сказалъ онъ задыхаясь, нельзя болѣе терять ни минуты. Народъ уже близко. Еще нѣсколько минутъ—и онъ будетъ въ Тюльери!“ Король, не говоря ни слова, всталъ, снялъ свою большую ленту Почетнаго Легіона и мундиръ, надѣлъ съ помощію королевы статское платье, потомъ спросилъ свои часы *), портфель и маленькую связку ключей, которую онъ обыкновенно носилъ съ собою. Принцессы рыдали; герцогиня Монпансье бросилась въ объятія своего мужа; дѣти съ какимъ то любопытствомъ и страхомъ смотрѣли на эту непонятную для нихъ сцену. Герцогиня Орлеанская, взволнованная чужимъ несчастіемъ, держала себя съ достоинствомъ, потому что чувствовала свою невинность.

Король наскоро простился съ герцогиней Орлеанской и первый подаль знакъ къ отъѣзду.

XVII.

Узкій и темный проходъ, освѣщенный лампой и соединявшій посредствомъ двойной двери рабочій кабинетъ короля и его туалетную, выходилъ къ павильону de l'Horloge. Король вышелъ этимъ скрытымъ ходомъ. Королева, бодрость которой превосходила ея несчастіе поддерживала короля рукою, которой придавалъ силу героизмъ ея души. Подойдя къ дверямъ павильона, она увидала Ари-Шеффера, подозвала его и сказала: „Король отказался отъ престола. Мы уѣзжаемъ.

*) «Часы, часы! А, они у меня. Возьмите этотъ портфель.»

Прикрывайте короля съ лѣвой стороны.“ Въ саду, у самаго дворца, они встрѣтили Монталиве съ тридцатью человѣками конной стражи. Національные гвардейцы 1-го легіона занимали ворота; они сдѣлали на карауль. Садъ былъ совершенно пустъ. Въ немъ царствовало то страшное молчаніе, которое обыкновенно господствуетъ въ мѣстѣ, близкомъ отъ театра мятежа, но куда этотъ мятежъ еще не достигъ. Звукъ стрѣльбы едва доходилъ сюда, встрѣчая преграду въ высокихъ стѣнахъ дворца. Изъ отдаленныхъ частей города неся смутный шумъ и изрѣдка слышались выстрѣлы. Королевская фамилія, одѣтая въ траурныя платья по случаю смерти сестры короля, казалось въ то же время надѣла трауръ по монархіи.

XVIII.

Было около сорока минутъ перваго. Печальный кортежъ двинулся по большой аллеѣ. Впереди шелъ герцогъ Монпансье вмѣстѣ съ Кремье, который обѣщалъ ему не покидать его. За ними шелъ король, опираясь на руку королевы; съ лѣвой стороны короля шелъ Ари-Шефферъ. Далѣе слѣдовали: герцогиня Немурская, герцогъ Саксенъ-Кобургскій съ своей женой, принцессой Клементиной. Герцогиня Монпансье опиралась на руку Жюля-де-Ластейри, своего вѣрнаго друга, попеченіямъ котораго повѣрилъ ее ея мужъ. Шестъ человѣкъ свиты несли дѣтей. Де-Гравъ, Фріанъ, Дюма, Арнольдъ Шефферъ и слуги замыкали шествіе *). Это была вся свита человѣка, который часъ тому назадъ былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей Европы. Монталиве со своими національными гвардейцами и небольшая часть войска, присланнаго изъ Тюльери, прикрывали кортежъ. Герцогъ Немурскій, оставшійся во дворцѣ по долгу начальника арміи, съ печальнымъ вниманіемъ слѣдилъ за кортежомъ.

*) Принцъ Александръ Вюртембергскій, мужъ принцессы Маріи, и его сынъ уѣхали изъ Тюльери отдѣльно отъ другихъ.

Передъ первымъ прудомъ король замѣтилъ, что забыли взять его портфель. Одинъ изъ свиты отправился за нимъ. Посрединѣ аллеи случилось приключеніе. Лошадь одного національнаго гвардейца поднялась на дыбы и упала на своего всадника. Герцогъ Монпансье невольно задрожалъ, крѣпко сжалъ руку Кремье и, быстро осматриваясь во все стороны, спросилъ: „Какъ вы думаете: могутъ ли напасть на короля?“ — „Бѣдный молодой человекъ!“ вскрикнула королева, бросившись на помощь къ національному гвардейцу. Луи-Филиппъ, протянувъ руку къ лошади, загромоздившей дорогу, повторялъ съ какимъ-то дикимъ испугомъ: „Оттащите эту лошадь!...“

Герцогъ Монпансье по временамъ обращался къ королю и говорилъ ему: „Торопитесь, государь!“ У рѣшетки Pont-Tourpant, подпоручикъ 69-го полка, командовавшій карауломъ, хотѣлъ было приказать бить походъ, но барабанщику дали знакъ молчать. Тутъ король остановился, подозвалъ Монталиве и спросилъ, увѣренъ ли онъ въ возможности проводить его до Сенъ-Клу. Монталиве отвѣчалъ утвердительно. Тогда Луи-Филиппъ вышелъ за рѣшетку и направился на площадь Согласія. Проходя черезъ то мѣсто, гдѣ были убиты Жюливе и три другихъ человека, король, шедшій съ опущенной головой, увидѣлъ кровь этихъ жертвъ и ужаснулся. Герцогъ Монпансье, пробѣгая мимо группы национальныхъ гвардейцевъ, кричалъ имъ: „Мы жертвуемъ собою, чтобы избѣжать кровопролитія!“

XIX.

Единственные экипажи, какіе могли прислать изъ Тюльери, были три дрянныхъ кареты, каждая въ одну лошадь. Одинъ изъ экипажей принадлежалъ къ числу маленькихъ каретъ, называемыхъ: Brougham, другой былъ дрянная крытая коляска, третій — кабріолетъ. Эти экипажи стояли у обелиска. Увидѣвши ихъ жалкую наружность, нѣкоторые спросили:

„Гдѣ же карета короля? — Болѣе нѣтъ никакихъ экипажей,“ отвѣчали имъ. Тогда король самъ открылъ дверцы кареты, но она уже была занята принцессами и дѣтьми. „Выходите всѣ!“ сказалъ онъ съ какою-то торопливостію. Потомъ быстро вошелъ въ карету и бросился на заднюю скамейку. Подлѣ него сѣла королева. Спереди помѣстились оба молодые Кобургскіе принца, сыновья принцессы Клементины, и маленькій герцогъ д'Алансонъ, сынъ герцога Немурскаго. Во второй экипажъ сѣли: герцогиня Немурская, ея старшій сынъ и дочь, дочь принцессы Клементины и три придворныхъ женщины. Въ кабриолетѣ помѣстились: герцогъ Монпансье, генералъ Дюма, одна изъ горничныхъ королевы, а на козлахъ слуги. Такимъ образомъ пятнадцать человѣкъ взгромоздились въ три экипажа, заключающихъ всего только восемь мѣстъ. Принцесса Клементина, которой не доставало мѣста, принуждена была оставить своихъ дѣтей, и отправилась къ герцогинѣ Монпансье, приютившейся у Жюль Ластейри.

XX.

„Пошелъ!“ сказалъ король. Въ это время верховой скакалъ съ королевскимъ портфелемъ. Онъ подаль его въ окно кареты, но окно было слишкомъ узко. Король выразилъ сильное нетерпѣніе. Кремье, взявъ портфель, успѣлъ просунуть его черезъ дверцы, и король снова крикнуть кучеру: „Пошелъ! Пошелъ!“ Экипажи поскакали, сопровождаемые конными національными гвардейцами, подъ командой Монталиве, и двумя эскадронами кирасиръ, подъ командой генерала Реньо-де-Сенъ-Жанъ д'Анжели.

Войска, стоявшія на площади Согласія, не были увѣдомлены объ отъѣздѣ короля. Они съ какимъ-то изумленіемъ смотрѣли на эту странную и непонятную сцену. Национальные гвардейцы и другія лица, привлеченныя движеніемъ, разспрашивали, старались объяснить себѣ то, что они видѣли. Нѣ-

сколько голосовъ изъ этой толпы крикнуло: Да здравствуетъ король! Этотъ крикъ выражалъ или послѣдній знакъ уваженія къ королевскому достоинству, или состраданіе къ великому несчастію.

XXI.

Таковъ былъ этотъ отъѣздъ, это бѣгство *); исторія не представляетъ ничего печальнѣе этого событія. Конечно, два предшествовавшихъ поколѣнія были свидѣтелями многихъ превратностей, но никогда не видѣли ничего подобнаго. Если Людовикъ XVI, эта искупительная жертва преступленій своего дѣда, свергнутый страшнымъ рокомъ, со стыдомъ потерялъ свою корону, за то онъ умѣлъ умереть благородно. Неожиданный ударъ погубилъ посредствомъ измѣны и убійства великихъ представителей Комитета общественнаго блага. Сама Директорія, уничтоженная смѣлостію непокорнаго солдата, пала съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Первое паденіе Наполеона было исполнено величія и второе также не было совершенно лишено его. Карлъ X, неспособный занимать тронъ, не бѣжалъ отъ него; онъ покинулъ его. Но Луи-Филиппъ.... Часто въ дни своего счастья онъ любилъ повторять передъ толпою своихъ льстецовъ: „Я никогда не сдѣлаю ошибокъ Карла X и не подвергнусь его участи.“ И вотъ онъ убѣгаетъ со всею быстротой, по той самой дорогѣ, по которой послѣдній изъ Бурбоновъ шелъ медленно, съ оружіемъ въ рукахъ, подобно полководцу отступающей арміи. Если ему чего и недоставало въ эту торжественную минуту, то уже никакъ не военной силы!

Онъ имѣлъ подъ рукой въ Тюльери отъ 4 до 5 тысячъ человекъ подъ командой генерала Рульера; на площади Со-

*) Исторія иногда представляетъ много случайностей. Пароль, данный утромъ 24 февраля былъ — *Навге*; отзывъ — *Навгесас* (ранецъ, сумка). Нѣсколько дней спустя, король съ маленькимъ узелкомъ бѣжалъ въ Англию черезъ Гавръ.

гласія—2000 человекъ, подъ командой генерала Бедо; шесть эскадроновъ кавалеріи генерала Реньо де-Сентъ-Жанъ д'Анжели; резервы военного училища и стражу палаты депутатовъ. Всѣ эти войска составляли вмѣстѣ отъ 8 до 10,000 человекъ. Луи-Филиппъ могъ собрать ихъ въ палатѣ депутатовъ и занять ими всѣ выходы. Здѣсь, подъ защитой почти непреодолимой, онъ могъ бы отречься съ достоинствомъ и торжественностію, провозгласить своего внука королемъ, воодушевить своихъ сторонниковъ и застрашать враговъ. Еслибы и пришлось сдаться на капитуляцію, то онъ могъ бы сдаться благородно, какъ бы по доброй волѣ, а не насильно. Но онъ поступилъ совсѣмъ иначе: будучи обязаннымъ защищать свою корону, корону своего внука, регентство своей невѣстки, положеніе своихъ дѣтей и свою честь, — онъ не защищалъ ничего. Онъ даже не сумѣлъ защищать своей жизни, потому что старался только спасти ее. Онъ спасъ свою жизнь печальнымъ бѣгствомъ, безъ друзей, безъ защитниковъ. безъ сочувствія и—даже безъ оскорбленій!

XXII.

Тьеръ и маршалъ Бюжо, оставшіеся вдвоемъ, лишенные оба своей непродолжительной власти, оплакали это великое несчастіе, крѣпко обняли другъ друга и покинули это мѣсто, бывшее свидѣтелемъ ихъ кратковременной власти. Тьеръ вышелъ изъ дворца черезъ Тюльерійскій садъ вмѣстѣ съ Дювержье де-Горанномъ и Ремюзѣ, но у Pont-Tournant потерялъ ихъ въ толпѣ, потомъ пришелъ въ Парламентъ и пробѣгая мимо депутатовъ, окружавшихъ его, торопливо и съ испугомъ произнесъ: „Что дѣлается, что дѣлается! Волны растутъ, растутъ! Все потеряно!“ и исчезъ. Въ сопровожденіи Талабо онъ отправился извилистымъ путемъ домой, куда добрался, избѣгнувъ два раза опасности, угрожавшей его

жизни. Маршалъ Бюжо поѣхалъ верхомъ шагомъ вдоль набережныхъ лѣваго берега Сены, сопровождаемый однимъ только адъютантомъ. Народъ два раза узнавалъ его, окружалъ и грозилъ ему, но и здѣсь, подобно тому какъ на Каррусельской площади, онъ избавился отъ опасности благодаря своей замѣчательной неустрашимости и присутствію духа.

Ни тотъ ни другой не пришелъ помочь герцогинѣ Орлеанской, когда она пришла въ палату оспаривать у революціи тронъ своего сына.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Герцогиня Орлеанская удаляется въ свои комнаты. — Барро отправляется въ Тюльери; не найдя герцогини Орлеанской, онъ возвращается въ министерство внутреннихъ дѣлъ. — Герцогъ Немурскій совѣтуетъ герцогинѣ Орлеанской оставить Тюльери и защищать ея выходъ. — Наружная рѣшетка дворца открыта для народа. — Вторженіе народа въ садъ. — Герцогиня Орлеанская у Pont-Tournant; Биеста и Алень передаютъ герцогинѣ совѣтъ Барро отправиться въ городскую Думу; герцогиня колеблется; Дюпенъ и его друзья увлекаютъ ее въ Палату. — Герцогъ Немурскій идетъ вмѣстѣ съ герцогиней раздѣлять ея опасное положеніе; приготовленія къ отъѣзду. — Барро ничего не знаетъ обо всемъ что происходило: его перѣшительность; Гюставъ де-Бомонъ, Гарнье-Паже и Леонъ де-Малевиль отправляются въ городскую Думу. — Засѣданіе муниципальнаго совѣта; присутствіе и помощь нѣсколькихъ гражданъ; приходъ трехъ депутатовъ; вопросъ Фанжа; отвѣтъ Гарнье-Паже, объявляющаго объ отреченіи; Фанжа требуетъ лишенія правъ на престолъ и осужденія на смерть; негодование и протестъ муниципальнаго совѣта; нумная сцена; прокламація муниципальнаго совѣта объ отреченіи; присутствующіе требуютъ лишенія правъ на престолъ; возраженіе Делестра; Гарнье-Паже и Малевиль садятся за бюро; записка Гарнье-Паже къ Барро; Гарнье-Паже провозглашеніе парижскимъ мэромъ; народъ хочетъ провозгласить Малевилья его товарищемъ; Малевиль отказывается; народъ провозглашаетъ Рекюра и Паньера; толпа требуетъ провозглашенія республики; отвѣтъ Гарнье-Паже; Гарнье-Паже сходитъ на площадь городской Думы, чтобы провозгласить низложеніе Орлеанской фамиліи и образованіе республики; восторгъ народа и крики: Да здравствуетъ республика!

I.

Представителями конституціонной монархіи оставались только герцогиня Орлеанская, ея сынъ, графъ Парижскій, и обѣ Палаты. Человѣкомъ, способнымъ защищать эту монархію про-

тивъ революціи, оставался только одинъ Одилонъ Барро, глава лѣвой династической стороны.

По отъѣздѣ короля, герцогиня вмѣстѣ съ графомъ Парижскимъ и герцогомъ Шартрскимъ удалилась въ свои покои черезъ внутренніе проходы дворца. Безъ арміи, безъ генераловъ, безъ министровъ, не зная какъ быть и что дѣлать, окруженная нѣкоторыми лицами своего двора: Шабо-Латуромъ, Буамилономъ, Ренье, Куржономъ и г-жами де-Ванъ и Ренье, герцогиня ожидала развязки дѣла.

II.

Узнавши объ отреченіи короля, Одилонъ Барро, сопровождаемый Авенонъ, Аббатуччи и Бьеста, отправился изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Тюльери. Быстрое отступленіе войскъ затрудняло движеніе по городу; однакоже Барро и его друзья успѣли пробраться во дворъ. Съ Каррусельской площади уже начали стрѣлять по дворцу. Герцогъ Немурскій, сидя на лошади, отдавалъ приказанія. Герцогъ не могъ указать Барро въ какой части дворца находилась его невѣстка и съ благосклоннымъ вниманіемъ сказалъ ему: „Слышите ли, какъ свистятъ пули? Не оставайтесь дольше подлѣ меня.“

Барро и его друзья, провожаемые Герну, пошли искать герцогиню Орлеанскую въ павильонъ Marsan, гдѣ находились ея покои, но не нашли ея. Имъ указали на павильонъ Римскаго короля, но герцогини и тамъ не было.

Барро, выведенный изъ терпѣнія этими бесполезными поисками, поручилъ Бьеста и Авену объявить герцогинѣ, что онъ возвращается въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобы объявить Франціи о регентствѣ; что онъ того мнѣнія, что мать графа Парижскаго должна отправиться черезъ бульвары въ городскую Думу; что онъ совѣтуетъ ей поступить такимъ образомъ и что онъ будетъ ее сопровождать. Потомъ вмѣстѣ съ Аббатуччи и Бомономъ онъ вышелъ изъ Тюльери черезъ

большую аллею. У Pont-Tournant онъ увидѣлъ бѣгущій вдали кортежъ короля, остановился на нѣсколько минутъ, смотря на бѣглецовъ и спрашивая себя: не отправилась ли герцогиня вмѣстѣ съ королемъ, — и за тѣмъ вошелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

III.

А герцогиня и не выходила изъ павильона Marsan. Дюпенъ нашелъ ее тамъ и посовѣтовалъ немедленно отправиться въ палату депутатовъ. Въ то время какъ герцогиня выслушивала Дюпена, въ гостинную влетѣлъ Тушаръ, адъютантъ герцога Жуанвильскаго. Онъ сказалъ ей, что герцогъ Немурскій проситъ свою невѣстку отправиться немедленно къ Pont-Tournant черезъ дворъ, павильонъ de l'Horloge и большую аллею; что опасности еще нѣтъ никакой, но что время очень дорого. Мать графа Парижскаго сказала только: „слышите ли какъ шумитъ мятежъ?“ и вмѣстѣ съ своими сыновьями поспѣшила черезъ дворъ въ павильонъ de l'Horloge.

Тутъ ждалъ ее герцогъ съ тремя ротами 69-го, 14-го и 45-го линейныхъ полковъ. Было около часу.

Тюльери дѣйствительно угрожала серьезная опасность. Еще до выѣзда короля нѣсколько національныхъ гвардейцевъ 1-го и 10-го легіоновъ пробрались во внутренние покои дворца и безпрепятственно прохаживались по нимъ. Когда войска отошли съ Каррусельской площади на дворъ, то вслѣдъ за ними вошли: третья рота 10-го легіона, рота Лесюера 5-го легіона и Бюше, капитанъ 2-го легіона. Оберъ-Рошъ, котораго мы уже видѣли на площади Пале-Рояля, былъ одинъ изъ офицеровъ 5-го легіона; видя, что національные гвардейцы 1-го, 5-го, 6-го и 10-го легіоновъ и отъ двухъ сотъ до трехъ сотъ работниковъ старались сломать рѣшетку, онъ обратился къ полковнику Вильфельду, дворцовому коменданту, съ предложеніемъ отдать ключи отъ рѣшетки! Полковникъ колебался; тогда Оберъ-

Рошъ представилъ ему бесполезность и опасность сопротивленія національной гвардіи. Король уже уѣхалъ, герцогиня Орлеанская готова была вмѣстѣ съ своими дѣтьми удалиться, герцогъ Немурскій ожидалъ ее въ павильонѣ de l'Horloge, чтобы проводить, — всѣ эти обстоятельства заставили полковника рѣшиться отдать ключи. Тогда Оберъ-Рошъ отперъ рѣшетку и народъ еще не въ большомъ числѣ ворвался въ дворъ. Герцогъ Немурскій, пораженный быстротою, съ которою народъ овладѣлъ входомъ, вскрикнулъ: „Какъ — уже!“ и призвавъ къ себѣ черезъ посредство генерала Гурго первый батальонъ 16-го легкаго полка, который выходилъ изъ дворца въ то время, какъ народъ проникалъ уже въ него, вмѣстѣ съ генераломъ сталъ въ аррьергардѣ, чтобы прикрыть отступленіе своей невѣстки.

IV.

Въ это время герцогиня шла по средней аллеѣ, опираясь на руку Дюпена старшаго; съ правой стороны шелъ графъ Парижскій; Ари-Шефферъ, только что проводившій *) короля до обелиска, держалъ графа за другую руку. Лакей несъ на рукахъ герцога Шартрскаго. Вѣнъ, Ренье, Шабо-Латуръ, Эльшингенъ и Монъ-Гююанъ, въ мундирахъ, адмиралъ Боденъ, Марбо, Куржонъ, де-Гравъ, офицеръ главнаго штаба, Лекуэнта, Арнольдъ Шефферъ и два депутата составляли всю свиту этой принцессы, которая шла завоевывать у народа корону.

Дойдя до середины лѣи, они услышали сильный шумъ; шумъ этотъ произошелъ оттого, что народъ разломалъ одни изъ воротъ

*) Мы дѣлаемъ это указаніе съ тою цѣлю, чтобы можно было съ точностію опредѣлить время, прошедшее отъ отъѣзда короля съ площади Согласія до выхода изъ Тюльери герцогини Орлеанской. Король прошелъ въ 12 или 15 минутъ разстояніе между павильономъ de l'Horloge и обелискомъ; Ари-Шефферу достаточно было десяти минутъ, чтобы возвратиться отъ обелиска до павильона.

сада со стороны улицы Риволи, пренятствовавшия ему войти въ садъ. Вслѣдъ за этимъ они увидѣли толпу, ворвавшуюся внутрь. Эльшингенъ взялъ герцогиню за руку. Нѣсколько чело­вѣкъ изъ свиты бросились къ народу и объявили ему, что король уже уѣхалъ и что вдова герцога Орлеанскаго вмѣстѣ съ графомъ Парижскимъ отправляется въ Палату. Народъ легко тронуть: благопріятные крики раздаются въ толпѣ. Подлѣ Pont-Tournant герцогиня встрѣтила Бьеста и Авена. Она узнала отъ нихъ о безполезныхъ поискахъ Барро, о его возвращеніи въ министерство внутреннихъ дѣлъ и о совѣтѣ—отправиться черезъ бульвары въ городскую Думу. Герцогиня остановилась у рѣшетки, внутри сада, и открыла здѣсь свой первый совѣтъ. Бьеста настаивалъ на томъ, чтобы идти въ городскую Думу. „Умѣете ли вы ѣздить верхомъ?“ спросилъ онъ герцогиню.

„— Настолько, чтобы управлять драгунскою лошадью.

„— Въ такомъ случаѣ нечего колебаться. Отправляйтесь въ городскую Думу и вы будете регентшей, вашъ сынъ королемъ, или вы будете убиты.

„— Это безумный и юношескій совѣтъ, возразилъ Дюенъ; лучше идти въ палату“.

Герцогиня была исполнена мужества: ея умъ и сердце побуждали ее исполнить совѣтъ Одилона Барро. Найдя она смѣлую поддержку, она бы не колебалась, но совѣты ея личныхъ друзей превозмогли, и она отправилась къ Бурбонскому дворцу.

V.

Площадь Согласія уже покрывалась народомъ. Окружающее народонаселеніе, привлеченное слухомъ объ отъѣздѣ короля, сбѣжалось смотрѣть на эту трогательную сцену великаго бѣгства. Мундиръ Эльшингена могъ броситься въ глаза и потому сочли необходимымъ, чтобы герцогиню велъ подъ руку какой нибудь депутатъ лѣвой стороны: Авенъ предложилъ ей свою ру-

ку. Первая рота второго батальона 2-го легиона под командой Таландье, которая присутствовала при отъездѣ короля, окружила кортежъ, чтобы проводить его въ Палату. Народъ съ сочувствіемъ толпился вокругъ, чтобы видѣть вблизи эту женщину и этого ребенка. Большая часть окружающихъ кричали: „Да здравствуетъ герцогиня! Да здравствуетъ графъ Парижскій!“ Остальные молчали, не имѣя никакого злого намѣренія. Герцогиня была счастлива этой популярностію и когда рѣшетки Палаты отперлись передъ ней, то, съ сердцемъ, укрѣпленнымъ надеждой, она не сомнѣвалась уже въ успѣхѣхъ *).

Герцогъ Немурскій не слишкомъ довѣрялся этому успѣху и, предчувствуя послѣднюю неудачу, принялъ мѣры, чтобы обезпечить отступленіе. Вслѣдствіе этого онъ отдалъ приказаніе генералу Весто начальствовать надъ кавалеріей и стать въ авангардѣ по дорогѣ къ Сень-Клу. Шхоту, стянутую у входа въ Королевскую улицу, онъ намѣревался впослѣдствіи отдать подъ команду другаго генерала и составить изъ нея аррьергардъ. Сдѣлавши эти распоряженія онъ присоединился къ своей невѣсткѣ, рѣшившись не оставлять ее болѣе и раздѣлить съ нею всѣ опасности, если онъ не будетъ въ силахъ устранить ихъ. Исторія должна быть справедлива къ этому принцу: если впродолженіе первой половины кризиса онъ былъ слабъ и дѣйствовалъ нерѣшительно, то въ концѣ онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ, и своимъ самоотверженіемъ, своею братскою любовію заслуживаетъ уваженіе всѣхъ честныхъ людей.

Послѣ всего того, что случилось, задавать себѣ вопросъ о томъ, куда слѣдовало отправиться, — въ городскую Думу или въ палату, значитъ разсуждать по пустому или ошибочно. Извѣстно, что происходило въ палатѣ; а что могло произойти въ городской Думѣ — этого никто не знаетъ. Пусть разсуждаютъ объ этомъ тѣ, которымъ нравятся эти бесполезныя соображенія, я же буду продолжать изложеніе фактовъ.

*) Было половина втораго.

VI.

По возвращеніи въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Барро засталъ тамъ Малевіля и нѣсколькихъ своихъ политическихъ друзей, а также Гарнье-Паже, Дегувъ-Дененка, Паньера и нѣкоторыхъ другихъ радикаловъ. Барро возвратился въ министерство, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о событіяхъ; онъ находился въ нерѣшительномъ состояніи и не зналъ какъ поступить. У Пале-Рояля дерутся, на Каррусельской площади стрѣляютъ, король отрекся и уѣхалъ, — въ этомъ заключались всѣ его свѣдѣнія. Барро ничего не зналъ обо всемъ остальномъ, о чрезвычайныхъ причинахъ, которыя должны были привести къ такому быстрому рѣшенію. Гдѣ національная гвардія? Что случилось съ генераломъ Ламорисьеромъ, съ маршаломъ Бюжо, съ Тьеромъ? кто командовалъ войсками? — все это было ему неизвѣстно. Наконецъ онъ самъ не зналъ того, былъ ли онъ дѣйствительно президентомъ совѣта, какъ это ему сказали, или нѣтъ. Ему также было неизвѣстно, гдѣ была герцогиня Орлеанская, каковы были ея намѣренія, ея воля. Томительное сомнѣніе, которое онъ испытывалъ, еще болѣе увеличивало свойственную ему нерѣшительность. Онъ старался найти въ своей честной душѣ совѣтъ какъ ему дѣйствовать. Слѣдуетъ ли ему возвратиться въ Тюльери? Не лучше ли было бы отправиться въ Палату? Не слѣдуетъ ли попытаться предупредить возмущеніе въ городской Думѣ? Но что наконецъ происходитъ въ этомъ арсеналѣ революціонныхъ правительствъ? Можетъ быть онъ уже занять народомъ?... Этотъ послѣдній вопросъ привлекъ все вниманіе Барро. Онъ попросилъ Малевіля, Гюстава де-Бомона и Гарнье-Паже немедленно отправиться въ городскую Думу съ цѣлію узнать достовѣрно положеніе дѣлъ.

VII.

Согласившись безъ колебанія на это предложеніе, Гарнье-

Паже, Малевиль и Бомонъ отправились въ Думу вдоль набережныхъ лѣваго берега Сены. На набережныхъ было пусто, не было ни войска, ни народа; изрѣдка лишь попадались любопытные. У Каррусельскаго моста они слышали перестрѣлку. Имъ сказали, что дерутся у Пале-Рояля и Тюльери. На углу улицы Dauphine стояла баррикада, а за Новымъ мостомъ, на набережной de l'Horloge, были разбросаны разные матеріалы и мостовые камни. Они безъ затрудненія прошли черезъ эти мѣста.

„Весьма вѣроятно, сказалъ Гарнье-Паже, что въ городской Думѣ мы найдемъ республику.“ Набережная aux Fleurs и мостъ Notre-Dame были совершенно пусты. На набережной Pelletier депутаты встрѣтили колонну вооруженныхъ людей, шедшую отъ городской Думы и тащившую къ Тюльери пушку, украшенную знаменами. Явно, что Городская Дума была уже занята народомъ!

„Они будутъ осаждать Тюльери, — все кончено!“ сказалъ Малевиль.

„— Пойдемъ впередъ, возразилъ Гарнье-Паже, это мѣсто — мой бывший округъ; я знаю своихъ людей и мы пройдемъ. Впередъ!“

Дѣйствительно, едва только они перешли черезъ одну невысокую баррикаду, на углу набережной и площади городской Думы, какъ Гарнье-Паже былъ узнанъ. Да здравствуетъ Гарнье-Паже! Да здравствуютъ оппозиціонные депутаты! кричала толпа, разступавшаяся передъ ними. И они вошли въ городскую Думу, провожаемые криками и кортежемъ національныхъ гвардейцевъ и рабочихъ. Было около половины втораго.

VIII.

Члены муниципальнаго совѣта имѣли засѣданіе въ обыкновенной залѣ совѣщаній. Уже извѣстно, какимъ образомъ, послѣ отъѣзда Рамбюто, четыре члена совѣта: Сей, Тьерри, Журне и Лежантель вмѣстѣ съ Флоттаромъ созвали немедлен-

но своихъ товарищей. Только десять членовъ отвѣтили на этотъ призывъ; это были: Пеласси де-л'Уль, Делестръ, Ланкетенъ, Перре, Церье, Бутронъ-Шарларъ, Грильонъ, Сансонъ-Давиалье, Гландазъ и Гались. Тридцать членовъ отсутствовали вслѣдствіе различныхъ причинъ, имѣющихъ въ дни революціи сильное вліяніе какъ на людей, такъ и на ихъ дѣйствія.

Между половиною перваго и часомъ, четырнадцать членовъ бывшихъ на лицо начали устраивать свою канцелярію. Церье отказался отъ предсѣдательства; принужденный принять это мѣсто, Тьерри сѣлъ на президентское кресло. Такъ какъ Горась Сей отклонилъ отъ себя должность секретаря, то Флоттаръ, чиновникъ префектуры, занялъ это мѣсто не колеблясь; онъ помѣстился съ лѣвой стороны подлѣ Тьерри, съ правой стороны котораго сидѣлъ капитанъ 8-го легіона, Журданъ, который, проникнутый неутомимымъ духомъ начинанія, уже добивался чести занять мѣсто президента совѣта. Широкій проходъ, окружающій кресла совѣта, былъ занятъ воспитанниками политехнической школы, національными гвардейцами, буржуа, работниками; эта немногочисленная аудиторія увеличивалась съ минуты на минуту. Нѣкоторые изъ присутствующихъ заняли самыя высокія кресла, оставшіяся пустыми по отсутствію членовъ совѣта. Остальныя части городской Думы были уже заняты народомъ.

Какъ только была составлена канцелярія, сейчасъ начались правильныя совѣщанія. Прежде всего Тьерри объяснилъ причины, побудившія его и его товарищей собрать совѣтъ: такъ какъ префектъ оставилъ свой постъ и никакой другой правильной власти нѣтъ въ городской Думѣ, то на обязанности муниципальнаго совѣта лежитъ забота объ интересахъ города. Флоттаръ подтвердилъ объясненіе, сдѣланное Тьерри. Нѣкоторые изъ членовъ рассказали о событіяхъ, которыхъ они были свидѣтелями или участниками; Перре произвелъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ картиной побоища на Бастиль-

ской площади, отъ котораго онъ едва спасся. Вслѣдъ за тѣмъ рѣшили, по предложенію Делестра, обратиться къ народу съ прокламаціей, и редакція ея была поручена спеціальной комиссіи, составленной изъ Делестра, Перье, Ланкетена и Пеласси де л'Уль.

IX.

Въ это время сильный шумъ слышался около дверей. Толпа народа ворвалась въ Думу и за ними появились Гарнье-Паже, Малевиль и Гюставъ де-Бомонъ. Вслѣдъ за ними вошли два вооруженные человѣка, помѣстившіеся на самыхъ высокихъ креслахъ, съ правой стороны, подлѣ бюро президента. Одинъ изъ нихъ былъ молодой человѣкъ съ строгимъ, энергическимъ выраженіемъ лица, съ густой и длинной бородой; его имя было Фанжа. На немъ былъ китель и въ рукѣ ружье. Онъ обратился къ Гарнье-Паже съ вопросомъ: Зачѣмъ онъ пришелъ въ городскую Думу вмѣстѣ съ своими товарищами? Гарнье-Паже отвѣчалъ, что онъ достаточно извѣстенъ своею преданностію народу, чтобы не имѣть надобности объяснять свои памфренія; что никто не имѣетъ права предположить, чтобы онъ имѣлъ въ виду что нибудь несогласное съ интересами народа; что онъ очень счастливъ, найдя Совѣтъ въ сборѣ, потому что это доказываетъ его патріотическія чувства; что онъ вовсе не имѣетъ памфренія мѣшаться въ совѣщанія Совѣта; что онъ пришелъ только для того, чтобы собрать и передать вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Парижѣ. Потомъ онъ прошелъ черезъ амфитеатръ вмѣстѣ съ своими двумя спутниками и занялъ мѣсто докладчика, подлѣ бюро президента. Малевиль сѣлъ подлѣ него; Бомонъ помѣстился дальше, въ глубинѣ залы.

Занявши мѣсто, Гарнье-Паже началъ снова говорить и, обращаясь какъ къ публикѣ, такъ и къ членамъ совѣта, въ

живомъ разсказѣ объяснилъ положеніе дѣлъ: „Въ продолженіе многихъ лѣтъ государство страдало отъ общей испорченности; произволь заступалъ мѣсто закона; право собраній не было признаваемо, подвергалось угрозамъ и было нарушаемо; правительство вызвало на бой представителей народа, послѣдствіемъ чего была кровавая борьба. Убійства на Капуцинскомъ бульварѣ привели въ ужасъ Парижъ. Народъ и національная гвардія возстали. Войско высказало свое сочувствіе къ правому дѣлу. Смѣна министерства Гизо не удовлетворила общественное мнѣніе. Народная воля требовала уничтоженія позорной системы правленія, угнетавшей Францію; король отрекся отъ престола въ пользу графа Парижскаго и герцогини Орлеанской. Но борьба продолжается; надобно остановить кровопролитіе, предупредить безпорядки и замѣстить всѣ бѣжавшія власти.“ Гарнье-Паже прибавилъ, что онъ живо сочувствуетъ собранію Совѣта и готовъ соединиться съ представителями народа, для того чтобы вмѣстѣ съ ними образовать центръ, изъ котораго исходили бы власть и дѣйствіе.

Въ средѣ присутствовавшихъ обнаружилось сомнѣніе въ отреченіи короля; никто не вѣрилъ этому факту. Бомонъ заявилъ, что онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ отреченія въ самомъ кабинетѣ короля, нѣсколько минутъ передъ этимъ. Одна неизвѣстно кѣмъ произнесенная фраза возбудила въ залѣ очень сильное волненіе; послышался смутный ропотъ, въ которомъ можно было различить нѣсколько восклицаній: „Онъ не имѣетъ права отречься! Его надобно лишить престола!“

Х.

Въ то время какъ говорилъ Гарнье-Паже, Фанжа требовалъ слова. Не обращая вниманія на замѣшательство Тьерри, который не могъ ни позволить ему говорить, ни заставить его молчать, онъ началъ свою рѣчь, какъ только возстановилась тишина: „Прежде чѣмъ комиссія отправится составлять про-

кламацію, намъ необходимо знать, въ какомъ смыслѣ эта послѣдняя будетъ составлена. Намъ нужны факты, а не слова. Что касается меня, то я хотѣлъ бы, чтобы прокламація была слѣдующаго содержанія: Король Луи-Филиппъ лишенъ престола. Королевская власть уничтожается. За народомъ признается неограниченная самодержавная власть. Провозглашается республика. Король Луи-Филиппъ, изъ алчности и эгоизма нѣскольکو разъ возбуждавшій гражданскую войну, немедленно приговаривается къ смерти!“

Въ началѣ эта рѣчь возбудила удивленіе, но при послѣднихъ словахъ раздается всеобщій единодушный крикъ: „Нѣтъ! нѣтъ! не нужно крови!“

Президентъ энергически протестуетъ.

Сансонъ-Давилье съ негодованіемъ и сарказмомъ говоритъ: „Да, осудить безъ суда!“

„Нельзя приговорить человѣка къ смерти безъ суда!“ замѣчаетъ Сей.

Со всѣхъ сторонъ раздаются возгласы и къ оратору обращаются съ вопросами.

Фанжа требуетъ молчанія, чтобы объяснить свою мысль: „Требуя осужденія Луи-Филиппа я подразумѣваю судъ надъ нимъ. Я не требую, чтобы его убили.“

Волненіе не утихаетъ. Малевиль и Гюставъ де-Бомонъ подходятъ къ Фанжа: „Но знаете ли вы, къ чему ведетъ ваше требованіе!“ говорятъ они ему. Онъ остается спокойный, невозмутимый, съ неподвижнымъ взоромъ, какъ человѣкъ, который видитъ передъ собою свою мысль, и какъ будто ничего не слышитъ.

„Мы представители только департаментской власти, но отнюдь не политической!“ восклицалъ Пеласси де-л'Уль съ высоты стула, превращеннаго въ кафедру, для того чтобы голосъ могъ покрывать шумъ.

„Мы не имѣемъ права перемѣнять образъ правленія!“ говорилъ другой.

Ланкетенъ прибавилъ: „Вамъ не поправилось, что въ 1830 году двѣсти депутатовъ создали хартію и короля!“

Остальныя слова терялись въ общемъ шумѣ.

XI.

Наконецъ порядокъ мало по малу возстановился. Четыре совѣтника, которымъ поручено было составить прокламацію, удалились въ сосѣднюю комнату. За ними послѣдовали нѣкоторые изъ ихъ товарищей. Прокламація была составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Король отрекся отъ престола. Палаты распущены. За отсутствіемъ всякой правильной власти, собрался муниципальный совѣтъ. Онъ взялъ на себя заботу объ интересахъ великаго города и первая его обязанность будетъ заключаться въ пріисканіи средствъ къ прекращенію кровопролитія.

„Войска уже получили приказаніе удалиться и предоставить службу исключительно національной гвардіи.

„Совѣтъ имѣетъ довѣріе къ народу.

„Уваженіе къ общественнымъ памятникамъ и частной собственности!

„Этимъ должна ограничиться дѣятельность муниципального совѣта. Одному народу принадлежитъ право устроить свою будущность.

„Составлена въ городской Думѣ, 24 февраля 1848 года, въ два часа по полудни.“

Подписали: Горасъ Сей, Пеласси де-л'Уль, Вутронъ, Перье, Гландацъ, Журне, Делестръ, Грильонъ, Сансонъ-Давилье, Ланкетенъ, Перре, Тьерри, Лежантель.

Эта прокламація, объявлявшая, что палаты распущены, что не существуетъ болѣе никакой правильной власти, что самому народу принадлежитъ право устроить свое будущее, была составлена людьми, большею частію принадлежавшими къ консервативной партіи. Конечно это обстоятельство какъ нельзя

болѣе неопровержимо доказываетъ раздраженное состояніе умовъ въ городской Думѣ. Предложить среди этой пучины страстей регентство—было бы безуміемъ, такое предложеніе не могло быть и не было сдѣлано. И эта прокламація членовъ совѣта, составленная съ такимъ достоинствомъ, твердостію и соображеніемъ, еще не была окончательно проредактирована, какъ послѣдовало ея нарушеніе!

Съ минуты на минуту народъ прибывалъ въ Думу. Первые ряды людей, наполнявшихъ проходъ, спустились къ кресламъ, отсюда они были оттиснуты къ амфитеатру, который былъ ими наполненъ. Среди общаго шума слышались отрывки какихъ то несвязныхъ разговоровъ. Фанжа, Ландольфъ и другіе подошли къ Гарнье-Паже. Они унекали его въ томъ, что онъ не хотѣлъ ускорить ходъ событій; Гарнье-Паже отвѣчалъ имъ съ твердостію, что вмѣсто разсужденій надобно дѣйствовать.

XII.

Вдали слышенъ былъ страшный шумъ, когда появился Делестръ съ своей прокламаціей. При первыхъ словахъ: „Король отрекся отъ престола,“ раздался грозный крикъ: „Свергнуть! свергнуть! — Говорите: свергнуть!“ „Да, да, отвѣчаетъ Делестръ, онъ и вся его династія.“ Не смотря на эту энергическую прибавку, онъ не въ состояніи продолжать чтенія. Со всѣхъ сторонъ сыпятся предложенія. Тысячи голосовъ кричатъ: „Республику, республику!“ Делестръ истощаетъ свои усилія; принужденный прекратить чтеніе, онъ удаляется къ своимъ товарищамъ.

Тогда Тьерри предлагаетъ Гарнье-Паже занять мѣсто Флоттара; вслѣдъ за нимъ идетъ Малевиль. Въ это время Гарнье-Паже говоритъ своему товарищу: „Видите-ли — народъ хочетъ республику! Надобно обо всемъ этомъ предупредить Барро. Впрочемъ, я ему сейчасъ напишу.“ И вслѣдъ за этимъ

пишетъ слѣдующія строки: „Народъ завладѣлъ городской Думой. Присутствіе здѣсь герцогини Орлеанской теперь уже невозможно. Она можетъ подвергнуться большой опасности.“ Это былъ честный и справедливый совѣтъ. Гарнье-Паже подалъ его по внушенію Барро. До сихъ поръ они дѣйствовали сообща, но теперь наступила минута, которая была предугадана еще въ началѣ. Радикалы, никогда не жертвовавшіе своими принципами, имѣли всегда право провозгласить ихъ.

Гарнье-Паже видѣлъ наконецъ передъ собою цѣль всѣхъ своихъ помысловъ, всѣхъ своихъ задушевныхъ желаній; ему казалось возможнымъ достигнуть этой цѣли и онъ устремился къ ней *).

XIII.

„Граждане, сказать онъ голосомъ, покрывшимъ шумъ толпы, народъ имѣетъ неограниченную власть. Онъ — распорядитель своей судьбы. Онъ выйдетъ изъ борьбы побѣдителемъ. Но надобно дать движенію правильный ходъ. Надо какъ слѣдуетъ направлять революцію. Республика есть мечта всей моей жизни. Я былъ бы готовъ принять правительство, которое устранило бы всѣ неудовольствія народа, но такъ какъ теперь возможна для насъ республика, то надобно дѣйствовать правильно; надобно организовать власть.“

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ Корбонъ и Паскаль — редакторы журнала *Atelier*, Флоттаръ, студентъ Кюнеманъ, Поль Мёрисъ, Каталанъ и множество другихъ единодушно воскликнули: „Надобно назначить парижскаго мэра! Гарнье-Паже! — Гарнье-Паже парижскій мэръ!“ Всѣ единогласно выразили одобреніе. Никто не сдѣлалъ никакого возраженія. Въ запис-

*) Было около четверти третьяго. Прокламація муниципальнаго совѣта была помѣчена двумя часами, что было вѣрно, потому что Сей видѣлъ этотъ часъ на стѣнныхъ часахъ президентскаго кабинета въ минуту подписи.

къ, написанной къ Барро, Гарнье-Паже прибавилъ: „Въ настоящую минуту желаютъ, чтобы я принялъ должность парижскаго мэра“. Потомъ онъ сложилъ записку и, не запечатавши, отдалъ ее человѣку, ему незнакомому, и попросилъ отнести ее къ Барро.

Требованія народа становились съ каждою минутою настоятельнѣе. Не смотря на то, что многія соображенія побуждали Гарнье-Паже отказаться отъ предлагавшейся ему должности, онъ счелъ необходимымъ уступить всеобщему желанію; но при этомъ объявилъ, что принимаетъ власть, которою его облачаютъ, только подъ формальнымъ условіемъ повиновенія къ нему. Со всѣхъ сторонъ раздаются крики: „Да, да!—Въ такомъ случаѣ я принимаю и буду исполнять свою обязанность!“ При этомъ Флоттаръ сказалъ: „Онъ принимаетъ, и мы не позволимъ убить его какъ убили Бальи.“ (Рукоплесканія. — Да здравствуетъ Гарнье-Паже! Да здравствуетъ парижскій мэръ!)

Изъ толпы, среди которой стоялъ Корбонъ, раздаются голоса. „Малеви! Малеви! товарищемъ мера!“ — „Соглашайтесь, соглашайтесь!“ говоритъ ему Гарнье-Паже. Студентъ, стоявшій подлѣ Малевиля и который однимъ изъ первыхъ предложилъ выбрать Гарнье-Паже, сказалъ: „Малеви!—человѣкъ, котораго мы уважаемъ. Онъ очень враждебенъ разрушающейся системѣ; но онъ не хотѣлъ вчера итти на банкетъ....“ Толпа покрываетъ своимъ шумомъ этотъ оппозиціонный голосъ и продолжаетъ кричать: „Малеви! Малеви! товарищемъ!“ Малеви!—человѣкъ величественнаго роста; его открытая и симпатическая фізіономія понравилась народу. Со времени банкетовъ онъ сдѣлался извѣстнымъ какъ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ королевской политики. Многія изъ его словъ, сказанныхъ на трибунѣ, сдѣлались популярными. Народъ продолжаетъ настаивать.

Гарнье-Паже, желавшій чтобы оппозиція лѣвой стороны и лѣваго центра приняла участіе въ революціонномъ движеніи,

убѣдительно упрашивалъ Малевилъ принять эту демократическую инвестиру. „Соглашайтесь, соглашайтесь! говорилъ онъ своему товарищу. „Вы немного придерживаетесь династической системы, но это у васъ пройдетъ.“

Но Малевиль остался непоколебимъ. „Я вамъ очень благодаренъ, сказалъ онъ, за честь, которую вы мнѣ хотите сдѣлать. Но въ настоящее время нужны люди, на которыхъ народъ можетъ вполне положиться, люди, имѣющіе неопровержимый авторитетъ. Я другъ Тьера....“ — Это ничего не значить! это ничего не значить! — Я недостаточно заслужилъ это; я не могу принять эту должность. Но я преданъ народу и общаю все свое содѣйствіе только что созданной вами власти.“

Не смотря на этотъ отказъ, народъ, подъ вліяніемъ своего политическаго инстинкта, продолжалъ настаивать на своемъ. Тогда Малевиль, замѣтивъ Рекюра, очень искусно обратилъ на него вниманіе народа. „Смотрите, сказалъ онъ, указывая на него, вотъ человекъ, какой вамъ нуженъ теперь. — Да, да! — „Рекюръ и Паньеръ,“ прибавилъ Малевиль. И восторгъ народа разразился съ новою силою.

XIV.

Делестръ появляется снова. Онъ пытается еще разъ прочитать прокламацію; но его слабый голосъ теряется въ шумѣ толпы. „Республику, республику! Провозгласите республику!“ И громъ народнаго энтузіазма разносился въ раскаленномъ воздухѣ, подобно грохоту бури.

Гарнье-Паже дѣлаетъ знакъ, что онъ желаетъ говорить; его перебиваетъ національный гвардеецъ. Онъ снова выражаетъ то же самое желаніе; гвардеецъ опять перебиваетъ его. Шумъ продолжается. Тогда, въ неудержимомъ порывѣ твердой воли, онъ крикнулъ громкимъ голосомъ: „Вы меня признали парижскимъ мэромъ. Вы общали мнѣ повиноваться. Такъ я хочу,

чтобъ мнѣ повиновались!“ Это энергическое движеніе умиряетъ шумъ. Когда возстановилось молчаніе, Гарнье-Паже продолжалъ: „Вы хотите провозгласить республику?...“ — „Да, да! Республику!“ — „Я былъ всегда республиканцемъ. Республика есть цѣль самыхъ горячихъ моихъ желаній. Но одинъ я не могу взяться за такое важное дѣло. Для того чтобы можно было въ совершенномъ порядкѣ провозгласить республику, мнѣ кажется необходимымъ обратиться къ посредничеству моихъ товарищей — оппозиціонныхъ радикаловъ. Поэтому я сейчасъ же приму мѣры, чтобы созвать ихъ для единодушнаго дѣйствія. Пока же я удаляюсь, чтобы обратиться къ народу съ прокламаціею.“ — (Да здравствуетъ парижскій мэръ!)

XV.

У дверей городской Думы волновался еще болѣе нетерпѣливый народъ. Гарнье-Паже направился къ этой толпѣ, угрожавшей неминуемымъ вторженіемъ. Національные гвардейцы и работники очищали ему дорогу. Съ правой стороны его шелъ Ришаръ, гражданинъ восьмага оруга; офицеръ національной гвардіи, Филиппъ, сопровождавшій Журдана при его входѣ въ городскую Думу, держалъ его подъ руку. Въ краткихъ, но энергическихъ словахъ Гарнье-Паже объявилъ, что Луи-Филиппъ и его фамилія лишены престола; что за отсутствіемъ всякой власти, онъ принялъ должность парижскаго мэра и что онъ теперь приступитъ къ учрежденію республики. Эта рѣчь была встрѣчена всеобщимъ восторгомъ. Площадь дрожала отъ криковъ: Да здравствуетъ республика!

Отдавши этотъ долгъ уваженія народному самодержавію, новый парижскій мэръ взшелъ на верхъ по большой лѣстницѣ. Проходя черезъ сплошную массу народа, Флоттаръ принужденъ былъ безпрестанно кричать: „Посторонитесь, посторонитесь передъ парижскимъ мэромъ!“ Въ то же время нѣсколько выстрѣловъ раздалось на площади. Было ли это во-

зобновленіе наступательныхъ дѣйствій войскъ противъ городской Думы? Въ первую минуту всѣ были въ этомъ убѣждены и народъ бросился сопротивляться. Но вскорѣ это первое предположеніе оказалось ошибочнымъ.

Таково было это замѣчательное засѣданіе, начавшееся собраніемъ муниципальнаго совѣта и кончившееся образованіемъ революціонной власти,—власти, провозглашенной въ виду еще существовавшаго монархическаго учрежденія, вышедшей изъ нѣдръ самой революціи, задуманной, созданной и учрежденной по волѣ и единодушному одобренію народа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Окончаніе битвы у Château-d'Eau, упорство ея; сожженіе королевскихъ экипажей; взятіе поста; генералы Перро и Ламорисьеръ спасены самимъ народомъ. — Національные гвардейцы входятъ въ Тюльери; слѣды быстрого бѣгства изъ дворца; сцена съ трономъ; муниципальные гвардейцы; весь дворецъ занятъ народомъ; побѣдные выстрѣлы; фальшивая тревога; радикалы сходятся; тронъ снятъ съ мѣста, понесенъ по городу и сожженъ у подножія Іюльской колонны; опустошеніе дворца. — Собраніе въ конторѣ «National»; смятеніе, шумъ; совѣщаніе; Сарранъ, Эмануэль Араго, Шевалье, Дюмерпль, Марра, Луи-Бланъ и другіе; рѣшеніе учредить временное правительство; назначеніе членовъ; неудовольствіе и выходъ Луи-Блана; депутаты отправлены въ палату депутатовъ, чтобы объявить списокъ членовъ временнаго правительства; они приходятъ въ одно время съ герцогиней Орлеанской. — Совѣщаніе Ламартина съ Бастидомъ и Марра въ одной изъ канцелярій палаты; Ламартинъ объявляетъ себя противъ регентства. — Поведеніе консервативныхъ депутатовъ. — Затруднительное положеніе президента палаты Созе; онъ открываетъ засѣданіе и извиняется; Шарль Лафитъ, Камбасересъ, Дютъе; засѣданіе прервано; волненіе депутатовъ. — Силы, которыми могла располагать палата для своей защиты; недостаточность этихъ силъ; возраженія Корселя, Барро и другихъ; новое затрудненіе Созе; Корсель отправляется въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Барро — къ генералу Бедо; бездѣйствіе генерала Рульера; недоумѣніе генерала Бедо; невозможность защищать палату военною силою, такъ какъ герцогъ Немурскій отдалъ приказаніе прекратить огонь. — Нетерпѣливое ожиданіе прихода Барро. — Барро въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; онъ объявляетъ департаментамъ Франціи о регентствѣ герцогини Орлеанской; его увѣдомляютъ, что герцогиня въ палатѣ и ожидаетъ его; Барро отправляется въ палату. — Совѣщаніе Барро съ депутатами журнала «National»; онъ отказывается участвовать во временномъ правительствѣ. — Разсказъ Монитѣра о засѣданіи палаты; бесполезныя усилія въ пользу регентства; вторженіе народа; провозглашеніе временнаго правительства. — Перечень рассказаннаго и общіе выводы.

I.

Съ такою же быстротой шла революція и въ палатѣ депутатовъ.

Чтобы вполне понять цѣлый рядъ случайностей, обозначившихъ этотъ послѣдній день конституціонной монархіи, необходимо знать конецъ битвы у Château d'Eau, сцены, сопровождавшія вторженіе народа въ Тюльери и рѣшенія, принятые въ собраніи членовъ партіи радикаловъ, собѣжавшихся въ контору журнала „National“.

Уже болѣе часа проливалась кровь у Château d'Eau. Зная объ отступленіи войскъ и отреченіи короля, осаждающіе сожалѣли объ этомъ бесполезномъ кровопролитіи и удваивали свои усилія, чтобы вразумить солдатъ. Самые смѣлые изъ нихъ, по примѣру генерала Ламорисьера, вышли на середину площади къ самымъ стѣнамъ поста и давали знаки къ началу переговоровъ. Но осажденные, не понимая цѣли этихъ попытокъ, принимали ихъ за угрозы и мрачная крѣпость продолжала упорно сопротивляться. Изъ числа ста пятнадцати человѣкъ, собравшихся въ этомъ постѣ *), болѣе чѣмъ четвертая часть была убита и ранена. Начальникъ поста, поручикъ Перессъ, получилъ нѣсколько ранъ; подпоручикъ Одуи лежалъ тяжело раненымъ. Кровь, порохъ и опасность способствовали только къ раздраженію солдатъ. Они не защищали уже болѣе ни своего оружія, ни знамени, ни даже своей жизни, но опьяненные страстью и битвой, принимали и посылали смерть съ какимъ-то слѣпымъ звѣрствомъ, безжалостно, беспощадно и безнадежно.

*) Въ постѣ находился только одинъ гофъ-фурьеръ муниципальной гвардіи. Онъ успѣлъ уйти, не будучи раненымъ, черезъ улицу Музея.

II.

Число жертвъ со стороны осаждающихъ было значительнѣе. Нѣкоторые изъ нихъ заплатились жизнію за свое смѣлое желаніе прекратить битву; другіе были убиты за баррикадами ружейнымъ огнемъ солдатъ; гораздо большее число погибло отъ неосторожности своихъ товарищей. Невозможно разсказать всѣ чудеса отваги, совершенныя этими храбрецами въ пылу преданности своему дѣлу и озлобленія. Неполная справедливость не будетъ справедливостью. Исторія можетъ только сосчитать убитыхъ и перечислить ихъ имена.

Чѣмъ болѣе длилась битва, тѣмъ труднѣе было предвидѣть ея исходъ. У осаждающихъ вовсе не было артиллеріи; пули ихъ ружей или отскакивали отъ стѣнъ, или сплющивались о желѣзо воротъ. Смѣлые разрушители атаковали зданіе съ крыши, съ боковъ, съ задняго фасада; но ихъ искусство не могло совладать съ несокрушимою крѣпостью стѣнъ. Послѣдній подвигъ, самоотверженіе офицера національной гвардіи Лессера, былъ также неудаченъ. Тяжело раненый въ бедро, онъ упалъ на крыльцѣ.

Необходимость покончить эту рѣзню внушила мысль объ ужасномъ средствѣ. Двѣ изъ каретъ, выѣхавшихъ изъ королевскихъ конюшенъ, чтобы отправиться ко дворцу, и которыя, какъ мы видѣли, были остановлены народомъ, остались въ его рукахъ и были сожжены; остальнымъ предстояла та же участь. Нѣкоторымъ пришла мысль извлечь изъ этого пожара пользу. Кареты притащили къ посту. Въ ящики, на козлы, вездѣ наложили сѣна, просмоленныхъ досокъ, старыхъ декорацій и другихъ горючихъ веществъ, которыя могутъ дать густой дымъ. Потомъ все это зажгли. Пламя, быстро вырвавшись изъ экипажей, охватило стѣны; дымъ, втягиваемый отверстиями поста, вошелъ внутрь. Но упрямство солдатъ осталось непоколеби-

мымъ. Они отрѣзали одну изъ трубъ, идущихъ къ фонтану, и вода перестала достигать до огня, который вскорѣ охватилъ все зданіе. Солдаты пытаются спастись въ погреба, но они наполнены водой. Дальнѣйшее сопротивленіе было не въ силахъ человѣческихъ. Истощенные, полузадохнувшіеся, солдаты рѣшаются сдаться. Поручикъ Перессъ отворяетъ дверь и выходитъ изъ поста. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ объяснить свои намѣренія, его покрываетъ залпъ и онъ убитъ. Затѣмъ выходятъ всѣ оставшіеся въ живыхъ солдаты и сержантъ Гаккаръ, они бросаютъ свое оружіе на порогъ и кричатъ, что сдаются.

Можно было подумать, что въ эту минуту ихъ разорвутъ въ клочки. Дѣйствительно, самые яростные изъ осаждающихъ бросаются на нихъ, грозя имъ смертью. Но парижскій народъ не похожъ на чернь императорскаго Рима: въ минуту самаго страшнаго ожесточенія берутъ верхъ инстинкты его великодушія. Благородный крикъ: „Почтеніе къ раненымъ“, заглушаетъ угрозы смерти. Оду, Гаккаръ и всѣ раненные солдаты были сейчасъ же взяты великодушными людьми и отведены на перевязочные пункты. Остальные спаслись черезъ дверь, выходящую въ улицу Музея. Ни одинъ изъ нихъ не былъ ни убитъ, ни раненъ.

Въ постѣ было найдено одиннадцать труновъ; со стороны народа было тридцать восемь убитыхъ. Восемнадцать солдатъ были болѣе или менѣе тяжело ранены; со стороны народа было болѣе пятидесяти раненныхъ; въ это число не входятъ тѣ, которые были отнесены на свои квартиры и лечились у себя дома. Въ то время какъ народъ занялъ этотъ постъ, такъ долго оснашиваемый, на часахъ Пале-Рояля пробило два часа. Борьба продолжалась два часа.

Генералы Перро и Ламорисьеръ оставались все это время плѣнниками въ лавкѣ виноторговца, куда они были отведены. Нѣсколько разъ, во время разгара битвы, озлобленные граж-

даже совѣщались о томъ, чтобы ихъ разстрѣлять, но великодушіе брало верхъ. Когда кончилась битва, начали думать только о томъ, какъ ихъ спасти. Генераль Перро снялъ свой мундиръ, надѣлъ статское платье и ушелъ, не будучи никѣмъ замѣченъ. Его мундиръ и ордена были ему потомъ доставлены. Генералу Ламорисьеру надобно было только снять свою шинель; онъ удалился въ платье одного изъ своихъ освободителей.

Такъ кончилась эта плачевная битва, самая кровавая въ революціонной исторіи Парижа, и единственная по важности своихъ послѣдствій. Она заставила короля отречься и бѣжать. Въ матеріальномъ отношеніи, вся исторія революціи 1848 года ограничивается убійствами на Капуцинскомъ бульварѣ съ одной и битвою у Château-d'Eau, съ другой стороны; тамъ ея начало, здѣсь конецъ. Случай, судьба или воля Провидѣнія: убійства на Капуцинскомъ бульварѣ поднимаютъ народъ. битва у Château-d'Eau ниспровергаетъ монархическое правленіе! *)

*) Здѣсь у мѣста возстановить истину въ опроверженіе одного слуха, распространеннаго умышленно или произвольно. Говорили, что нѣсколько солдатъ спорѣло въ постѣ, что еще большее число задохнулось отъ дыма. Все это ложь. Одинъ очень интересный фактъ, сообщенный мнѣ полицейскимъ комиссаромъ Вассалемъ, можетъ служить опроверженіемъ этого слуха. Призванный утромъ 25 числа, чтобы освидѣтельствовать убитыхъ и вынести ихъ изъ поста, этотъ чиновникъ увидѣлъ солдата 14-го полка, неподвижно лежавшаго на лагерной койкѣ. Осаждающіе нашли этого солдата между групами, прострѣленными пулями, и съ которыми онъ оставался нѣкоторое время. Этотъ солдатъ пошевелинулся; движеніе это было замѣчено и, не смотря на его видимую неподвижность, въ надеждѣ, что онъ еще живъ и что его можно будетъ спасти, его перенесли на лагерной койкѣ въ офицерскую комнату. Когда Вассаль пришелъ въ Château-d'Eau, ему предложили освидѣтельствовать этого человѣка. Вассаль подошелъ къ солдату, но тотъ не подавалъ ни малѣйшаго признака жизни. Вассаль приложилъ руку къ его сердцу, которое билось сильно и ровно. Подозрѣвая обманъ, онъ встряхнулъ его и сказалъ ему, чтобы онъ болѣе не притворялся, потому что нѣтъ никакой опасности. Успокоенный солдатъ всталъ, отвѣчалъ комиссару и признался ему, что онъ притворялся мертвымъ изъ

III.

Такъ какъ всѣ подступы къ Тюльери были уже во власти народа, то вся масса осаждающихъ хлынула ко дворцу.

Вслѣдъ за выходомъ изъ Тюльери герцогини Орлеанской, герцога Немурскаго и войска, національные гвардейцы 1-го, 5-го, 6-го и 10-го легіоновъ пробрались во дворецъ. Такимъ образомъ Тюльерійскій дворъ оставался на нѣкоторое время почти совершенно пустымъ. Странная и зловѣщая пустота! Новыя толпы прибывающаго народа останавливались удивленные, всматривались, не скрывается ли въ этой преднамѣренной пустотѣ какая нибудь западня. Потомъ, болѣе смѣлые шли впередъ, приближались все болѣе, входили за рѣшетку и наконецъ проникали во дворецъ, изумленные такою легкою побѣдою.

Во всемъ дворцѣ были видны слѣды недавняго бѣгства, непредвидѣннаго и быстрого. Завтракъ еще не былъ убранъ; народъ сосчиталъ серебро, связалъ его и положилъ въ безопасное мѣсто.

Вообще первые вошедшіе во дворецъ оставили въ покоѣ все, кромѣ трона. Народъ, увидѣвши этотъ осязательный знакъ исчезнувшей королевской власти, привѣтствовалъ его побѣднымъ крикомъ. Кто-то взошелъ на ступени, сѣлъ на королевское мѣсто и важно поклонился окружающимъ. Громкій хохотъ раздался въ этой залѣ. Каждый въ свою очередь, повторилъ эту насмѣшку. Народъ

страха быть зарѣзаннымъ, и потомъ пошелъ тихо за повозкою, въ которой отвезли его убитыхъ товарищей. Этотъ фактъ, подтвержденный полицейскимъ комиссаромъ Пале-Роюля, неопровержимо доказываетъ, что ни одинъ человѣкъ не задохнулся въ кордегардіи. Сверхъ того мы объяснили причину этого обстоятельства. Я повторяю: ни одинъ солдатъ не былъ убитъ послѣ сдачи кордегардіи; напротивъ, всѣ старались ихъ спасти.

возвратилъ себѣ свое самодержавіе: онъ овладѣлъ трономъ! онъ былъ королемъ!

Пройдя по заламъ, народъ дошелъ до дверей, которыя съ павильона Флоры открываются въ Луврскую галерею. Тутъ его глазамъ представились триста муниципальных гвардейцевъ и инженерныхъ солдатъ, спрятавшихся въ этомъ мѣстѣ. Съ ними оставался одинъ только офицеръ — Перрентъ; остальные исчезли. Защищенные ничтожной баррикадой изъ стульевъ и скамеекъ, эти несчастные ожидали рѣшенія своей судьбы. Минута была для нихъ страшная; но человеколюбіе взяло верхъ. Работники и національные гвардейцы дружески протянули руки муниципаламъ и даже отдали имъ часть своего платья. Шедшіе сзади, увлеченные примѣромъ, наперерывъ старались помочь этому переодѣванью. Такимъ образомъ всѣ муниципалы были спасены.

IV.

Въ это время народъ проникнулъ во всѣ части дворца. Зная, обозначающее обыкновенно присутствіе короля, было снято какимъ-то смѣлымъ мальчишкой. Всѣ окна, открытыя съ шумомъ, наполнялись незнакомою съ этими мѣстами толпою. Эту радостную побѣду привѣтствовали многочисленными выстрѣлами. Со двора отвѣчали также выстрѣлами. Многіе за эту радость поплатились жизнью.

Издали эта стрѣльба была принята за битву. Ни одинъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ короля не могъ предполагать, чтобы онъ покинулъ Тюльери безъ всякаго сопротивленія; поэтому всѣ подумали, что во дворцѣ происходитъ послѣдняя, отчаянная борьба. Радикалы журналовъ: „Réforme“ и „National“ — Дорнесъ, Дюра, Малефилъ, Бераръ, Альтонъ-Ше, Горео, Лагранжъ, Мондюи, Барраль и другіе сбѣжались къ Тюльери. Приверженецъ бонапартизма, полковникъ Дюмуленъ, сопровождаемый толпою вооруженныхъ

людей, пришелъ также ко дворцу. Но храбрость этихъ людей оказалось совершенно бесполезною.

Кто-то предложилъ пронести тронъ по городу и потомъ сжечь его у подножія Іюльской колонны. Въ ту же минуту знамена, ступени и кресло были сняты и поставлены на повозку. Громадный кортежъ проходитъ чрезъ улицу Риволи, выходитъ на бульвары и, пройдя ихъ, вступаетъ на Бастильскую площадь. Тутъ сейчасъ же воздвигается позорный костеръ, и пламя превращаетъ въ пепелъ эту кучу мишуры.

Глубоко-характеристическій переворотъ! Въ 1792 году народъ образованный монархическою властью, яростно преслѣдуетъ своего короля-бѣглеца и бросаетъ его въ тюрьму. Въ 1848 году, народъ образованный революціей, оставляетъ бѣгущаго короля въ покоѣ, не удостоивая даже его своимъ любопытствомъ на столько, чтобы узнать въ какую сторону онъ бѣжалъ. Толпа того времени убиваетъ короля на площади, толпа настоящаго времени излѣвается только надъ трономъ и шутя сжигаетъ его.

V.

До сихъ поръ побѣда народа не была омрачена никакимъ разрушеніемъ. Является народъ, сражавшійся у Château d'Eu. Обагранные кровью своихъ товарищей, распаленные всѣми страстями борьбы, они уважали, покровительствовали и спасали своихъ побѣжденныхъ враговъ. Но страсти ихъ жаждали повода разразиться окончательно. Портреты короля разжигаютъ ихъ ярость: они срываютъ ихъ и топчутъ ногами. Это первое буйство влечетъ за собою другія: бюсты разбиты, зеркала служатъ мишенью и разлетаются въ дребезги, изодранные обои валяются въ пыли; фарфоръ изрубленъ въ куски, множество драгоценныхъ вещей валяется по полу. Такимъ образомъ совершилось дѣло разрушенія.

Покои герцогини Орлеанской были спасены энергією первых вошедшихъ во дворецъ. Королевскіе брильянты и большая часть драгоценностей были также спасены. Часы, съ которыхъ были сняты молотки, долго потомъ еще показывали тотъ часъ, когда началось это разрушеніе: двадцать минутъ второго.

Между тѣмъ въ душѣ народа рождается болѣе высокая мысль, которая и овладѣваетъ имъ. Если королевской власти не существуетъ болѣе въ Тюльери, то она еще осталась въ Бурбонскомъ дворцѣ. „Въ палату! въ палату! Не нужно регентства! не нужно!“ кричатъ тысячи голосовъ. И тотчасъ составляется нѣсколько колоннъ въ двѣсти или триста человекъ каждая, чтобы идти въ палату депутатовъ.

VI.

Битва, возбудивъ все страсти народа, привела ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ общему уровню. Радикалы всехъ оттѣнковъ шли къ одной цѣли, равнымъ шагомъ. 24 числа утромъ, Марра первый объявилъ ультиматумъ республиканцевъ: отреченіе короля до полудня, въ противномъ случаѣ послѣ полудня приступъ къ Тюльери. Такимъ образомъ „National“ сдѣлался центромъ радикальнаго движенія. Сюда сходились все бойцы этой партіи, а также и политическіе люди, чтобы высказать или укрѣпить свои чувства. Большая часть изъ нихъ соглашалась принять регентство, какъ мѣру временной необходимости; но идея о примиреніи слабѣла съ каждой минутой. Желанія, подстрекаемыя надеждой, уже стремились дальше.

Къ полудню внутренность и окрестности конторы редакціи были наполнены народомъ. Выставившись въ окна большой залы редакціи, редакторы, ихъ друзья и кліенты обмѣнивались новостями, ободреніями, возбужденіями и криками съ народомъ, толпившимся на улицѣ. Внутри залы толпилось шумное общество политическихъ людей, работниковъ, національных

гвардейцевъ съ оживленными лицами и распаленными глазами. Въ этой безпорядочной толпѣ слышались отрывочныя слова: отреченіе, регентство, самодержавіе народа, лишеніе престола, республика. Но еще ничего не было яснаго, опредѣленнаго, не было ни одного голоса, ни одной мысли, которыя могли бы положить конецъ этому смутному волненію.

Однако уже живо чувствовалась необходимость яснаго рѣшенія, которое было бы сформулировано всей партіей республиканцевъ. Такое рѣшеніе, быстро распространенное, дало бы движенію новый толчекъ, народу — положительное направленіе и указало бы блуждающимъ умамъ на какую нибудь цѣль.

Томасъ, Эмманюэль Араго, Сарранъ, Дюмериль (депутатъ С.-Омерскій), Шексъ (депутатъ Ліонскій), Аристидъ Гильберъ, Эдмондъ Адамъ, Поже, Бильодель, Шевалье, маіоръ Пуссенъ, Горео, Эли и другіе успѣли наконецъ нѣсколько возстановить порядокъ. Сарранъ занялъ президентское мѣсто, Дюмериль принялъ на себя обязанность секретаря, и началось правильное совѣщаніе (въ половинѣ перваго). Въ это время узнали объ отреченіи короля.

Въ немногихъ словахъ Сарранъ выставляетъ необходимость общаго дѣйствія и опредѣленной цѣли. Отреченіе есть фактъ несомнѣнный. Слѣдуетъ ли довольствоваться однимъ отреченіемъ? Не надобно ли пользоваться обстоятельствами, чтобы потребовать еще больше? Эмманюэль Араго начинаетъ говорить. Въ своей энергической рѣчи онъ выражаетъ то мнѣніе, что съ окончаніемъ революціи народу принадлежитъ право располагать собою, что онъ одинъ можетъ предписать себѣ законы. что, слѣдовательно, надобно думать объ организаціи временнаго правительства. Шевалье началъ говорить о регентствѣ; его слова были встрѣчены всеобщимъ неодобреніемъ. Сарранъ, Поже, Дюмериль и другіе горячо поддерживали мнѣніе, высказанное Араго. „Убійства на Капуцинской улицѣ,—сказалъ Дюмериль,—это исторія и могила королевской власти. Монархическое правленіе болѣе невозможно. Армія, какъ вид-

но изъ ея образа дѣйствій, за одно съ народомъ желала революціи. Народъ завоевалъ свою независимость; впередъ онъ не долженъ уступать свои права. Наша вѣра—свобода! Нашъ законъ—народное самодержавіе! Надобно достигнуть республики, а для этого надо образовать временное правительство.“ Другіе отказываютъ королю въ правѣ на отреченіе и требуютъ лишенія престола. Провозгласивши это лишеніе, народъ дѣлается распорядителемъ своей судьбы и тогда регентство становится дѣломъ неммыслимымъ.

Въ скоромъ времени мысль объ учрежденіи временнаго правительства для организаціи республики дѣлается всеобщей. Марра, прибѣжавшій изъ палаты при извѣстіи объ отреченіи короля, формулируетъ эту мысль съ поразительною краткостью и точностью. „Вчера, сегодня утромъ мы бы еще согласились на мировую сдѣлку съ правительствомъ; но въ эту минуту народъ воленъ дѣлать, что ему угодно. Республика законна. Болѣе того: она необходима, она фактъ. Спорьте или пѣть—все равно. Что касается меня, то я твердо бы рѣшился чрезъ нѣсколько минутъ выставить къ народу пракломацію во имя республики“. И вслѣдъ за этимъ онъ возвращается въ палату.

Послѣ замѣчаній, сдѣланныхъ вновь Эмманюэлемъ Араго, Луя Бланомъ и Сарраномъ, единогласно рѣшено учредить временное правительство.

Но какія имена войдутъ въ составъ его? Изъ числа присутствующихъ, имена нѣкоторыхъ приняты, другихъ—отвергнуты. Всякій изъ избранныхъ членовъ былъ привѣтствуемъ громкими криками. Бюлетени, бросавшіеся изъ оконъ, извѣщали народъ о результатахъ совѣщанія и онъ выражалъ свое одобреніе горячими рукоплесканіями. Одинъ изъ членовъ собранія, предложившій Барро, какъ силу, которую было бы выгодно имѣть на своей сторонѣ, чѣмъ противъ себя, вызвалъ возраженія; но на нихъ отвѣчали, что Барро только что была сдѣлана на

площади Согласія настоящая овація, что его популярность можетъ быть полезна. Барро принять. Луи Бланъ настаивалъ, чтобы двумъ частямъ республиканской партіи было сдѣлано одинаковое удовлетвореніе. Окончательный списокъ заключалъ въ себѣ слѣдующія имена: Дюпонъ де л'Эръ, Франсуа Араго, Мари, Гарнье-Паже, Ледрю-Ролленъ, Одилонъ Барро, Марра. Имена были объявлены народу, который утвердилъ этотъ выборъ своимъ одобреніемъ.

Луи Бланъ, недовольный тѣмъ, что обошли радикаловъ его партіи, удалился. Мартенъ (Страсбургскій депутатъ), который нѣсколько дней тому назадъ, предугадавъ ходъ событій, приготовилъ вмѣстѣ съ Гудшо и Мари списокъ членовъ временнаго правительства, побѣжалъ въ редакцію *Réforme*. съ цѣлью предупредить разногласіе.

VII.

Такимъ образомъ почти въ одно и то же время регентство было отвергнуто съ высоты баррикады, въ городской Думѣ, въ Тюльери, въ конторѣ журнала *National*. Одна только палата депутатовъ могла еще хоть сколько нибудь поддерживать его существованіе. Что могло бы случиться, еслибы этотъ послѣдній остатокъ монархіи, возстановленный въ Бурбонскомъ дворцѣ, поддержанный восемью тысячами человѣкъ, стоявшихъ на площади Согласія, поддержанный сочувствіемъ значительной части національной гвардіи и обаятельнымъ вліяніемъ женщины и ребенка на сердце народа, смѣло явился въ городской Думѣ? Надобно было во что бы то ни стало предупредить появленіе въ палатѣ герцогини Орлеанской и графа Парижскаго, надобно было немедленно получить согласіе избранныхъ членовъ, послать ихъ занять городскую Думу и заявить палатѣ депутатовъ волю народа. Это было трудное и опасное дѣло. Эмманюэль Араго, Сарранъ, Поже, Шексъ и Дюмериль не колеблясь взялись за него.

Окруженные большимъ кортежомъ, они выходятъ на бульвары, идутъ черезъ улицу Риволи, гдѣ встрѣчаются съ войсками, вступаютъ съ ними въ переговоры, чтобы получить пропускъ, и приходятъ на площадь Согласія послѣ отъѣзда короля и до выхода герцогини Орлеанской. Видъ площади могъ внушить страхъ людямъ менѣе рѣшительнымъ: она вся была занята пѣхотой, кавалеріей и артиллеріей. При видѣ этой массы войскъ, часть кортежа останавливается и отступаетъ назадъ; но депутаты идутъ впередъ. Генералъ Бедо идетъ имъ на встрѣчу, видитъ Араго, узнаетъ его, жалуется ему на положеніе, въ которомъ его оставили, безъ руководства, безъ инструкцій, и проситъ его потребовать приказаній отъ Тьера и Барро, которыхъ онъ считаетъ министрами. Араго проходитъ вмѣстѣ съ другими депутатами. Наконецъ они входятъ во внутренность дворца. Зала des Pas-perdus наполнена толпою депутатовъ, журналистовъ, политическихъ людей, національныхъ гвардейцевъ. Всѣ удивляются, всѣ приветствуютъ депутатовъ; только немногіе выражаютъ свое неудовольствіе. Въ это время входитъ Мари; Араго сообщаетъ ему списокъ. „Согласны ли вы?“ говоритъ онъ ему; „желаете ли вы заявить палатѣ объ учрежденіи временнаго правительства?“ — „Да, я согласенъ, немедленно отвѣчаетъ Мари, и сейчасъ взойду на трибуну“*). Въ это время вошла въ палату герцогиня.

VIII.

Сопровождаемая своимъ зятемъ, дѣтьми и преданными друзьями, герцогиня шла, окруженная рядами гвардейцевъ 2-го легіона. Въ залѣ des Pas-perdus конвой остановился. Герцогиня вошла въ палату, и пока для нея и ея сыновей

*) Карно сказалъ Мари: «Мы согласны бы принять регентство, но лучше добиться временнаго правительства, которое даетъ народу возможность выбрать то, что ему нужно.

приготовляли кресла въ амфитеатрѣ, у подножія трибуны, она пошла въ залу *des distributions*.¹ Полковникъ Лемерсье, національные гвардейцы 10-го легіона, пришедшіе изъ Тюльери, чтобы присоединиться къ герцогинѣ, и нѣсколько другихъ гвардейцевъ 2-го легіона послѣдовали за ней въ залу, не смотря на запрещеніе. Пользуясь этимъ, Араго и его друзья вошли также туда, не смотря на сопротивленіе экзекуторовъ.

Такъ, по какому то чудесному сочетанію случайностей, въ палату депутатовъ входили въ одно и то же время представители временнаго правительства и регентства. Кто изъ нихъ преодолѣетъ? Въ этомъ заключался важнѣйшій вопросъ.

На часахъ палаты пробило половина втораго *).

IX.

Могущественный помощникъ готовился въ это время пустить въ ходъ силу своего слова и своего имени.

Незадолго до прихода герцогини Орлеанской въ одномъ изъ бюро палаты собрались для совѣщанія Ламартинъ, Бастидъ и Марра. Тутъ же присутствовали Гетцель и Бокажъ. „Вамъ извѣстно, сказалъ Марра, кто мы; вы знаете чего мы хотимъ. Мы республиканцы; значить—мы хотимъ республики. Но, если бы то, чего мы желаемъ, было невозможно; если бы мы были принуждены еще молчать; если бы для того, чтобы избѣжать борьбы, единственнымъ слѣдствіемъ которой можетъ быть одно только кровопролитіе, мы принуждены были принять регентство какъ мировую сдѣлку, то мы согласились бы на это подъ условіями, заранѣе опредѣленными, твердыми, съ гарантіями и уступками такого рода, чтобы возвратиться назадъ не было возможности, и, само-собою разумѣется, чтобы при этомъ были нетронуты наши республи-

*) *Moniteur* записалъ этотъ торжественный часъ.

канскія чувства, на торжество которыхъ мы будемъ надѣяться, къ осуществленію которыхъ будемъ стремиться“.

Ламартинъ отвѣчалъ: „Я не знаю силы вашей партіи, но мнѣ извѣстна сила вашихъ идей. Монархическая форма правленія уже устарѣла для Франціи. Я думаю, что регентство было бы только неудачнымъ, мнимымъ примиреніемъ. То, чего не сдѣлалъ Луи-Филиппъ, не сдѣлаютъ женщина и ребенокъ. Подобное учрежденіе не удержится болѣе трехъ мѣсяцевъ. Мое мнѣніе таково, что если хотятъ устроить что нибудь прочное и избавить страну отъ новыхъ терзаній, то средство для этого надобно искать въ самомъ положеніи дѣлъ. Въ сущности, Франція—страна демократическая, въ сто разъ болѣе демократическая, чѣмъ она думаетъ. Она ничѣмъ другимъ и не можетъ быть. Доказательствомъ этого служить нетерпѣніе, съ которымъ она выноситъ власть королей, которые оспариваютъ ее другъ у друга въ продолженіе пятидесяти лѣтъ и которые не въ состояніи удовлетворить ея требованій“.

Бастидъ прервалъ Ламартина: „Слова Марра очевидно не имѣли другой цѣли, какъ дать полную свободу совѣщанію. Я счастливъ, что г-нъ Ламартинъ раздѣляетъ наши идеи; разумѣется, мы вовсе не думаемъ сходить съ той дороги, по которой мы идемъ двадцать лѣтъ, и тѣмъ болѣе теперь, когда успѣхъ—передъ нами“.

Послѣ этого было условлено, что Ламартинъ будетъ говорить противъ регентства; что онъ внесетъ предложеніе о временномъ правительствѣ, или будетъ поддерживать его. Условившись такимъ образомъ, они разошлись, не рѣшивъ ничего относительно лицъ, для составленія этого правительства націи, возвратившей себѣ свое право на самодержавіе.

Ламартинъ, создавая свою великолѣпную эпопею о жирондистахъ, видѣлъ въ прошедшемъ великія судьбы революціи; въ будущемъ — великія судьбы республики. Неотразимое

влеченіе души человѣческой къ истинѣ есть божественный признакъ генія.

X.

Съ самаго утра депутаты, смущаемые событіями и жаждущіе новостей, собрались въ большомъ количествѣ въ палатѣ. Смотри на нихъ, легко было отгадать ихъ мнѣнія и результаты засѣданія этого дня, еслибы имъ пришлось рѣшать извѣстные вопросы. Отъ консерваторовъ нельзя было услышать, какъ это было наканунѣ, изступленныхъ словъ и дерзкихъ вызововъ, — они обращались къ своимъ оппозиціоннымъ товарищамъ съ ласковыми взглядами и словами и съ самою любезною услужливостью; болѣе достойные изъ консерваторовъ старались скрываться въ толпѣ.

Вскорѣ ихъ томительное состояніе еще болѣе усилилось. Изъ дворца прибѣжалъ адъютантъ; онъ умолялъ оппозиціонныхъ депутатовъ стать посредниками между народомъ и королевскою фамиліей, которой угрожало нападеніе. Нѣсколько минутъ спустя Ластейри пришелъ извѣстить объ отреченіи короля. Но это ужъ слишкомъ! Этому не вѣрятъ: нѣкоторые отвергаютъ справедливость этого извѣстія. Затѣмъ приходитъ Вату и подтверждаетъ этотъ фактъ. Наконецъ Тьеръ, съ отчаяніемъ, написаннымъ на его лицѣ, быстро входитъ и быстро исчезаетъ, крича: „Волна растетъ, растетъ! Все кончено!“ Смущеніе овладѣваетъ всѣми.

XI.

Президентъ палаты, Созе, блѣдный и растерявшійся, не знаетъ за что ему взяться. Слѣдуетъ ли ему открыть засѣданіе или нѣтъ? Въ дневномъ приказѣ было сказано: „Въ часъ засѣданіе въ бюро, преніе о преданіи суду министровъ; въ три часа — публичное засѣданіе, продолженіе преній о

привилегіяхъ Бордоскаго банка.“ Но эта программа засѣданій не имѣла уже теперь никакого смысла. Чѣмъ же ее замѣнить, что предложить, что говорить? Несчастный формалистъ искалъ въ своихъ регламентаціяхъ какого нибудь рѣшенія или указанія. Но онъ ничего не находилъ въ нихъ. Управлять событіями въ минуту кризиса могутъ только люди съ смѣлымъ характеромъ. Онъ ждалъ указанія министра; но министровъ уже не было, или еще не было.

Подавленный этимъ сомнѣніемъ, онъ рѣшился наконецъ, по требованію нѣкоторыхъ членовъ, взойти на президентское мѣсто. Онъ извинился передъ палатою, сказавъ, что важность обстоятельствъ, желаніе многихъ членовъ палаты и власть прежнихъ членовъ заставили его созвать немедленно палату и замѣнить собраніе въ бюро публичнымъ засѣданіемъ.

Шарль Лафитъ и Камбасересъ требуютъ, чтобы палата объявила свои засѣданія постоянными. Дютье настаиваетъ на томъ, чтобы отложить обсужденіе этого предложенія и возвратиться къ нему въ послѣдствіи. Президентъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, объявляя, что засѣданія будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не рѣшено будетъ прекратить ихъ.

Послѣ этого разсужденія засѣданіе было преостановлено. Мысли всего собранія были заняты тѣмъ, что происходило внѣ палаты; всѣ жаждали новостей. Одно за другимъ получены были извѣстія о распространеніи возмущенія, объ оваціяхъ генералу Ламорисьеру и Барро, о сомнительности ихъ успѣха, о несостоятельности Тьера въ отношеніи къ его мнѣніямъ, о назначеніи Барро президентомъ совѣта, объ отреченіи короля и его бѣгствѣ и о скоромъ прибытіи въ палату герцогини Орлеанской!

XII.

Средства защиты, которыми могла располагать палата, возбуждали не менѣе важныя опасенія.

Это собраніе, въ которое уже было на минуту ворвался народъ, собраніе, которому народъ угрожалъ уже въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ, и которое должно было сдѣлаться средоточіемъ власти и посредникомъ въ рѣшеніи судьбы монархической власти, было защищено только 90 человѣками 25-го линейнаго полка и карауломъ, состоявшимъ изъ отряда 7-го легіона. Къ десяти часамъ полицейскій комиссаръ Ноэль получилъ отъ 10-го легіона, собиравшагося на Бургундской площади, подкрѣпленіе изъ 150-ти человѣкъ національных гвардейцевъ. Этого еще было недостаточно, а между тѣмъ офицеръ главнаго штаба, развозившій приказанія, хотѣлъ отрядить эти 150 человѣкъ на Каррусельскую площадь. Командиръ этого отряда, Рамонъ де-ла-Круазеттъ не согласился оставить палату.

Недостаточность этихъ силъ, даже на случай простаго нападенія, была очевидна. Корсель, свидѣтель кроваваго столкновенія, бывшаго на площади Согласія, понялъ опасность и указалъ на нее и, поддерживаемый многими своими товарищами: Дюфоромъ, Фердинандомъ Барро, Шаслу-Лоба, Леонемъ Фоше и другими, указалъ президенту на необходимость созвать къ палатѣ гораздо большее число войска. Это требованіе сильно затруднило Созе. Онъ ясно видѣлъ опасность и имѣлъ сильное желаніе предупредить ее, но правила, которыми онъ долженъ былъ руководствоваться, не позволяли ему требовать военной силы. Могъ ли онъ до такой степени присвоить себѣ королевскую власть? Войска находились здѣсь, не далеко; надобно было только перевести ихъ съ площади Согласія на мостъ; но былъ ли президентъ въ правѣ распорядиться даже этимъ? Созе былъ противнаго мнѣнія. Слѣдовало по крайней мѣрѣ посоветоваться съ какимъ нибудь министромъ. Корсель, выведенный изъ терпѣнія, взялся отправиться въ министерство внутреннихъ дѣлъ для полученія приказаній отъ того министра, котораго онъ тамъ найдетъ, если онъ только

найдетъ какого нибудь. Онъ не нашелъ никого. Барро, съ своей стороны, отправился въ генералу Бедо узнать отъ него, не можетъ ли онъ въ силу данныхъ ему инструкцій сосредоточить свои войска подлѣ палаты. Но въ эту минуту генералъ получилъ приказаніе прикрыть своимъ отрядомъ Тюльери и не могъ взять на свою отвѣтственность другое приказаніе, въ которомъ сверхъ того ему отказывали. Въ военной іерархіи одинъ только главный начальникъ имѣетъ право дѣлать распоряженія.

XIII.

Генералъ Рульеръ, командовавшій войсками на Каррусельской площади, говорятъ, получилъ утромъ два раза, черезъ посредство Бро, приказанія расположиться у палаты. Но, отъ того ли что приказаніе было дурно передано, или отъ того, что генералъ Рульеръ его не понялъ, или полагалъ, что кавалерія генерала Рено де-Сенъ-Жанъ д'Анжели и колонна Бедо могутъ служить достаточнымъ прикрытіемъ для палаты, только это приказаніе не было приведено въ исполненіе.

Между тѣмъ генералъ Бедо, послѣ отъѣзда короля и выхода герцогини Орлеанской, безпокойный тѣмъ что ему сообщилъ Барро, чувствовалъ всю опасность удалитъ войска даже для составленія аванъ-гарда, о которомъ ему говорилъ герцогъ Немурскій. Онъ ничего еще не зналъ о смѣнѣ маршала Бюжо, потому что никто не подумалъ увѣдомить его, что командованіе войсками перешло къ другому. Мучимый безпокойствомъ, онъ рѣшился отправиться въ палату, чтобы увидѣть маршала. Но попытка его была бесполезна, потому что маршала здѣсь не было. Тогда онъ поспѣшилъ отправить въ палату своего адъютанта, капитана Фабара, чтобы получить приказаніе отъ Барро, котораго онъ продолжалъ считать президентомъ совѣта министровъ. Фабаръ, отыскивая безуспѣшно Барро, обратился къ одному депутату, котораго онъ не зналъ, чтобы передать

черезъ него порученіе генерала. Этотъ депутатъ былъ Курте, который не затрудняясь сказалъ, что вмѣшательство войскъ не нужно.

XIV.

Притомъ же палату нельзя было защищать ружейными выстрѣлами. Всѣ приказанія, отданныя съ самаго утра, клонились къ тому, чтобы избѣжать стрѣльбы и остановить ее вездѣ, гдѣ только она была начата. Въ ту самую минуту, когда герцогиня Орлеанская входила въ палату, герцогъ Немурскій отдалъ черезъ генерала Гурго *) одному офицеру національной гвардіи приказъ, написанный карандашемъ, прекратить огонь. Какъ же могъ Одилонъ Барро, представитель принципа примиренія, отдать другое приказаніе? И какъ бы могъ генераль Бедо взять это приказаніе на свою отвѣтственность?

Если что было возможно, такъ это сосредоточить всѣ войска, которыми могли располагать, съ національной гвардіей во главѣ, на площади Согласія, на набережной и при входѣ въ четыре улицы, выходящія къ Бурбонскому дворцу. Подвижной массѣ инсургентовъ можно было противопоставить неподвижныя, густыя, непреодолимыя массы войска. Эта простая мысль не пришла въ голову никому изъ тѣхъ людей, которые могли ее осуществить, ни герцогу Немурскому, находившемуся въ палатѣ, и во власти котораго находились войска, ни президенту палаты, Созе.

Люди съ инициативой рѣдки. Привычка къ распредѣленію властей, къ правильнымъ и нетруднымъ распоряженіямъ притупляетъ у правительственныхъ людей эту высшую способность; а слѣпое повиновеніе убиваетъ ее въ военныхъ людяхъ. Какъ только замѣшается въ дѣло личная отвѣтственность того или другаго,

*) Этотъ фактъ сообщенъ мнѣ самимъ Гурго.

ими овладѣваетъ страхъ отвѣтственности, который деморализуетъ ихъ. Напротивъ того, инициатива преобладаетъ въ народѣ, въ этомъ собирательномъ, безыменномъ, безотвѣтственномъ существѣ. Кризисы, уничтожающіе въ правительствѣ силу инициативы, порождаютъ ее въ народѣ. Въ народѣ каждый себѣ начальникъ, начальникъ естественный, признаваемый и встречающій повиновеніе со стороны тѣхъ, которыхъ онъ подчиняетъ себѣ своею смѣлостью. Тутъ предводители и предводительствуемые чувствуютъ одинъ порывъ, сообщаютъ его другъ другу; сила, вырвавшаяся изъ оковъ, удесятеряется и всѣ препятствія падаютъ передъ нею.

XV.

Между тѣмъ партія регентства нетерпѣливо ждала Барро и удивлялась его отсутствію. Онъ находился уже въ продолженіе трехъ четвертей часа въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ это время продиктовалъ Дегувъ-Дененку, Ташро и другимъ телеграфическую депешу слѣдующаго содержанія:

„Король отрекся отъ престола. Герцогиня Орлеанская провозглашена регентшей. Все здѣсь идетъ къ примиренію.“

Къ нему приходила толпа депутатовъ, журналистовъ, политическихъ людей; всякій изъ нихъ приносилъ какую нибудь новость или совѣтъ. Одинъ предлагалъ созвать предварительныя собранія; другой говорилъ, что надобно примириться съ необходимостью республики; де-ла-Рошжакленъ предлагалъ свои услуги. Одни хотѣли итти въ палату депутатовъ, другіе — въ городскую Думу. Паньеръ замѣтилъ, что палата депутатовъ непопулярнѣе самого короля; что было бы безразсудно создавать новое правительство, которое будетъ опираться на нее; что черезъ это еще болѣе можно возбудить враждебное расположеніе народа. Барро слушалъ все это, все таки оставаясь нерѣшительнымъ, когда ему пришли сказать, что

герцогиня Орлеанская въ палатѣ и съ безпокойствомъ ждетъ его. Это извѣстіе сразу прервало всѣ разсужденія. Барро, сопровождаемый друзьями, отправился немедленно въ палату.

Нѣсколько минутъ спустя онъ входилъ въ залу засѣданій, оттуда сейчасъ же вышелъ, чтобы поговорить съ депутатами журнала „National“ въ одномъ изъ бюро, которое президентъ Созе нашелъ возможнымъ предоставить имъ.

XVI.

Депутаты были исполнены самой энергической рѣшительности. Прежде всего Эмманюэль Араго хотѣлъ взойти на трибуну, говоря, что уже болѣе не существуетъ депутатовъ и что онъ хочетъ говорить во имя народа. Ари-Шефферъ, Морнэ и другіе насилу его удержали и увели въ бюро № 2-й. Тутъ началось совѣщаніе.

Барро, Морнэ, де-Морни и депутаты: Э. Араго, Дюмериль, Сарранъ и другіе стояли вокругъ стола. Ихъ окружало большое число зрителей.

Дюмериль объяснилъ возложенное на него порученіе, объявилъ невозможность регентства и необходимость временнаго правительства. Сарранъ, обращаясь къ Барро, сказалъ ему, что изъ всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ оппозиціи, никто болѣе его не помогалъ движенію и что поэтому они рассчитываютъ на его согласіе, на его преданность народу, успѣху котораго онъ такъ много способствовалъ. Араго прибавилъ: „Народъ желаетъ и требуетъ временнаго правительства.“ И онъ сообщилъ списокъ, составленный въ редакціи „National.“

На это Барро отвѣчалъ, что онъ никогда не былъ республиканцемъ, что онъ былъ далекъ отъ желанія приготовить республику, что онъ имѣетъ либеральное направленіе и преданъ народу, что правительство женщины и ребенка достаточно обезпечиваетъ свободу народа и искренность представительнаго правленія; что онъ измѣнитъ своимъ убѣжде-

ніямъ, своимъ обязанностямъ и своей чести, если согласится быть избраннымъ въ члены временнаго правительства; что онъ не думаетъ, чтобы республика была своевременна и желаетъ регентства; что онъ употребить всѣ свои усилія, чтобы учредить его, и что вслѣдствіе этого онъ отказывается отъ сдѣланныхъ ему предложеній. „Вы отказываетесь, сказалъ одинъ изъ депутатовъ, — положимъ, но въ такомъ случаѣ вы не будете имѣть никогда права порицать тѣхъ, которые, обратившись къ вашей помощи, примутъ безъ вашего участія опасное порученіе.“

Послѣ этого объявленія всѣ разошлись и каждый возвратился въ засѣданіе, чтобы покончить борьбу монархической власти съ революціей.

XVII.

Теперь предоставимъ говорить самому „Монитеру“:

Въ половинѣ втораго *) возвѣщаютъ о намѣреніи герцогини Орлеанской и графа Парижскаго присутствовать въ засѣданіи.

Немедленно за тѣмъ герцогиня Орлеанская дѣйствительно входитъ въ палату, держа одной рукой графа Парижскаго, другой — герцога Шартрскаго. Множество членовъ, принадлежащихъ къ различнымъ парламентскимъ партіямъ, привѣтствуютъ ее криками: Да здравствуетъ герцогиня Орлеанская! Да здравствуетъ графъ Парижскій! Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ регентша!

Герцогиня Орлеанская и ея дѣти занимаютъ мѣста въ,

*) Публичное засѣданіе было назначено въ три часа. Стенографы, услышавъ о томъ что будетъ происходить въ засѣданіи, явились послѣдовательно одинъ за другимъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Лагашъ (Bon Eugè), Лимузенъ Лагашъ (Célestin), Леманзуа, Мартешъ, Дюмутъ, Гросселенъ (Emile). Декъенъ Гросселенъ отецъ, Massia. Въ эту торжественную минуту они показали большое усердіе, хладнокровіе и высокіи таланты. Они начертали памятную для исторіи картину. Исторія обязана сохранить ихъ имена.

креслахъ, поставленныхъ наскоро въ амфитеатрѣ, внизу трибуны. Герцогъ Немурскій сопровождаетъ герцогиню Орлеанскую. Нѣсколько офицеровъ и солдатъ національной гвардіи въ мундирахъ служатъ ей конвоемъ.

Въ залу входятъ также нѣсколько человѣкъ, не принадлежащихъ къ палатѣ; они занимаютъ оба прохода.

На всѣхъ лицахъ изображается сильное волненіе.

Лакроссъ, *среди шума*: я прошу позволить говорить Дюпену, который ввелъ въ палату графа Парижскаго.

Дюпенъ: Я не просилъ слова.

Многочисленные голоса: Говорите, говорите!

Дюпенъ, *на трибунѣ*: (Слушайте, слушайте!) Милостивые государи, вамъ извѣстно положеніе, въ которомъ находится столица, вамъ извѣстно какія манифестаціи недавно происходили въ ней. Результатомъ этихъ манифестацій было отреченіе Луи-Филиппа, который объявилъ въ одно и то же время, что онъ отказывается отъ власти, и даетъ право передать ее графу Парижскому съ регентствомъ герцогини Орлеанской.

(Сильныя восклицанія — многочисленные крики: Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ графъ Парижскій! Да здравствуетъ регентша!)

Милостивые государи, ваши привѣтствія, столь дорогія для новаго короля и для государыни регентши, уже не первыя: герцогиня прошла пѣшкомъ Тюльери и площадь Согласія сопровождаемая народомъ и національной гвардіей (браво, браво!), выражая желаніе, выходившее изъ глубины ея сердца, желаніе управлять съ глубокимъ сочувствіемъ къ общественному благу, волѣ народа, славы и благосостоянію Франціи (браво!).

(Дюпенъ сходитъ съ трибуны).

Нѣкоторые изъ членовъ палаты: Барро! Барро на трибуну.

Другіе члены: Его нѣтъ.

Дюпенъ, *съ своего мѣста*: Мнѣ кажется, что палатаеди-

нодушно выразила недвусмысленное чувство, которое должно быть утверждено.

Многочисленные голоса: Да, да!

Различные голоса у лѣвой и крайней лѣвой стороны: Нѣтъ, нѣтъ! Подождемъ Барро! Временное правительство!

Дюпенъ: Пока будетъ принесенъ актъ объ отреченіи, который вѣроятно передастъ намъ Барро, я прошу, чтобы палата составила протоколъ о встрѣчѣ, сдѣланной здѣсь графу Парижскому, какъ королю Франціи и герцогинѣ Орлеанской, какъ регентшѣ. (Да, да! браво! — Нѣтъ! — Живое и всеобщее волненіе).

Президентъ: Милостивые государи, мнѣ кажется, что палата своимъ единственнымъ мнѣніемъ....

(Одобренія въ центрѣ. Возраженія съ лѣвой и съ правой стороны и со стороны зрителей, занимающихъ коридоры).

Дюпенъ: Я прежде всего заявляю привѣтствія народа и національной гвардіи....

(Мари требуетъ слова и всходитъ на трибуну. — Шумъ волненіе мѣшаютъ ему говорить).

Ламартинъ, съ своего мѣста: Я предлагаю господину президенту прекратить засѣданіе по двумъ причинамъ: — съ одной стороны изъ уваженія, внушаемаго намъ народнымъ представительствомъ, и съ другой — ради присутствія августѣйшей принцессы, находящейся здѣсь передъ нами. (Нѣтъ, нѣтъ! — Да!)

Президентъ: Палата должна прекратить засѣданіе до тѣхъ поръ, пока герцогиня Орлеанская и новый король не удалятся. (Нѣтъ! нѣтъ!)

(Герцогъ Немурскій и нѣсколько депутатовъ подходятъ къ герцогинѣ Орлеанской и повидимому предлагаютъ ей выйти. Принцесса, какъ видно, отказывается и остается на своемъ мѣстѣ).

Лербетъ, обращаясь къ президенту: Герцогиня Орлеанская желаетъ остаться здѣсь.

(Шумъ и волненіе усиливаются.)

Президентъ: Всѣ, безъ различія мѣнѣй, должны понимать, что въ присутствіи августѣйшей принцессы и ея сына обязанность каждаго соблюдать тишину и уваженіе.

(Разнообразные крики. — Мари продолжаетъ оставаться на трибунѣ. — Герцогиня Орлеанская и ея дѣти стоятъ въ амфитеатрѣ, окруженные множествомъ депутатовъ.)

Удино: Я прошу у палаты минуту вниманія. (Слушайте, слушайте!) Здѣсь обращаются къ вашимъ великодушнымъ чувствамъ.

Вамъ уже говорили, что принцесса прошла сама пѣшкомъ съ своими дѣтьми Тюльери и площадь Согласія, встрѣчая вездѣ привѣтствія народа. Если она желаетъ уйти, пусть ей отпрутъ всѣ выходы, пусть окружаютъ ее уваженіемъ, подобно тому какъ она была сейчасъ окружена уваженіемъ города Парижа.... (Возраженія). Если же она желаетъ остаться здѣсь, то пусть остается, и она будетъ права, потому что ее охраняетъ наша преданность. (Очень хорошо).

Президентъ: Нужно прежде всего предложить выйти отсюда всѣмъ, кто не принадлежитъ къ палатѣ. (Нѣтъ, нѣтъ!)

Палата не можетъ продолжать засѣданія; господа, изъ уваженія къ палатѣ и конституціи, не угодно ли вамъ удалиться. (Нѣтъ, нѣтъ!)

Въ это время герцогиня Орлеанская, повидимому, уступаетъ предложеніямъ, съ которыми къ ней обращаются; предшествуемая герцогомъ Немурскимъ и сопровождаемая своими дѣтьми, она всходитъ на ступени залы черезъ средній проходъ, который ведетъ къ дверямъ, находящимся подъ часами. Подойдя къ послѣднимъ скамейкамъ лѣваго центра, она среди привѣтствій почти всей палаты садится здѣсь, окруженная по прежнему своимъ кортежомъ. Депутаты крайней лѣвой стороны остаются на своихъ мѣстахъ хладнокровными зрителями. Число національных гвардейцевъ и людей не принадлежа-

щихъ къ палатѣ прибываетъ съ каждой минутой въ проходахъ.

Президентъ: Я снова предлагаю удалиться отсюда всѣмъ лицамъ, не принадлежащимъ къ палатѣ; палата должна сейчасъ открыть засѣданіе.

Мари, обращаясь къ вооруженнымъ національнымъ гвардіецамъ: Господа, уйдите, чтобы палата могла начать засѣданіе. (Нѣтъ, нѣтъ!)

Президентъ: Вспомните, господа, что народное представительство есть священный залогъ, ввѣренный понеченію города Парижа и національной гвардіи; палата не можетъ начать засѣданіе въ присутствіи постороннихъ людей. (Нѣтъ, нѣтъ!)

(Въ это время въ залу входитъ Одилонъ Барро. Къ нему подходитъ множество депутатовъ.)

Осмонъ: Надобно, чтобы Барро говорилъ.

(Мари, оставаясь на трибунѣ, собирается говорить.)

Нѣсколько голосовъ: Одилонъ Барро! Одилонъ Барро!

Кремье: Дайте говорить Мари, Одилонъ Барро успѣетъ.

Мари: Милостивые государи, положеніе, въ которомъ находится Парижъ, не позволяетъ вамъ терять ни одной минуты для принятія мѣръ, которыя могли бы имѣть власть надъ народомъ. Съ этого утра зло приняло большіе размѣры и если вы станете еще тратить время въ безнолезныхъ сужденіяхъ, вмѣсто того, чтобы принять мѣры, то нельзя знать до чего можетъ дойти безпорядокъ; слѣдовательно необходимо на что нибудь рѣшиться. Но на что рѣшиться? Только что было провозглашено регентство герцогини Орлеанской; у васъ есть также законъ, назначающій регентомъ герцога Немурскаго; въ настоящую минуту вы не можете утвердить регентства; вы, конечно, должны повиноваться закону. Однакожъ надобно обдумать. Надоб-

но прежде всего. чтобы во главѣ столицы, также какъ и во главѣ королевства, стало сильное правительство; я предлагаю учредить временное правительство. (Браво, браво! на трибунахъ). Когда будетъ учреждено это правительство, то оно приметъ необходимыя мѣры; оно можетъ дѣйствовать согласно съ палатою и будетъ имѣть власть въ этой странѣ; рѣшившись на это сейчасъ же, надобно объявить это Парижу; это единственное средство возстановить спокойствіе; въ подобную минуту не нужно терять времени на пустословіе.

Вотъ, господа, въ чемъ заключается мое предложеніе.

(Женудъ идетъ къ трибунѣ; нѣкоторые члены уговариваютъ его не говорить).

Женудъ: Мои интересы — интересы государства.

Нѣсколько членовъ: Оставьте въ сторонѣ свои интересы.

Кремье: Невозможно, чтобы въ подобную минуту всѣ были согласны провозгласить герцогиню Орлеанскую регентшей и графа Парижскаго королемъ; народъ не можетъ сейчасъ же принять это провозглашеніе; мы слишкомъ поспѣшили въ 1830 году и теперь, въ 1848, принуждены опять начать наше дѣло. (Браво, браво!) Мы не желаемъ, господа, торопиться въ 1848 году; мы хотимъ поступать правильно, законно и твердо.

Временное правительство... (Браво, браво!), которое вы назначите, будетъ заботиться не объ одномъ только порядкѣ, но также и о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя должны покровительствовать всѣмъ классамъ народа, что и было обѣщано народу и чего онъ не могъ добиться съ 1830 года. (Браво, браво!)

Что касается меня, то я могу вамъ сказать, что питаю самое глубокое уваженіе къ герцогинѣ Орлеанской.... (Браво, браво! — эти браво, раздающіяся въ центрѣ палаты, заглушаются криками и шумомъ на трибунахъ).... и я только что прес-

водиль (я имѣлъ эту печальную честь) королевскую фамилію до самихъ экипажей, которые уносятъ ее въ настоящее время; я исполнилъ свой долгъ и прибавлю, что весь народъ, находившійся на дорогѣ, очень хорошо принялъ несчастного короля и его несчастное семейство. (Шумное волненіе). Но въ настоящее время, господа, большинство парижскаго населенія и вѣрная національная гвардія высказали свое законное мнѣніе; такимъ образомъ провозглашеніе регентства, которое предложено вамъ въ настоящую минуту, нарушило бы уже существующій законъ.

Назначимъ временное правительство; пусть оно будетъ справедливымъ, твердымъ, сильнымъ, преданнымъ государству; пусть оно съумѣетъ дать понять націи, что если у нея есть права, которыя всѣ мы съумѣемъ ей дать, то въ то же время у нея есть и обязанности, которыя она должна умѣть выполнять.

Вѣрьте намъ немного, мы васъ умоляемъ объ этомъ; мы въ настоящее время пришли къ тому, что намъ должна была дать Іюльская революція; мы не хотѣли перемѣны нѣсколькихъ людей; съумѣемъ воспользоваться событіями и не будемъ оставлять нашимъ дѣтямъ заботы возобновлять эту революцію.

Я предлагаю учредить временное правительство, составленное изъ пяти членовъ. (Одобреніе съ лѣвой стороны въ трибунахъ).

Женудъ: Я спрашиваю у всѣхъ.... (Шумъ). Вы не можете учредить ни временное правительство, ни регентство; если вамъ нужно что нибудь сдѣлать, то вы должны созвать народъ (Шумъ). Я говорю, что нельзя ничего сдѣлать безъ согласія народа. Въ 1830 году вы не призвали народа, — смотрите что теперь случилось; теперь можетъ быть то же самое, и вы увидите, что самыя ужасныя несчастія произойдутъ изъ того, что вы сдѣлаете сегодня. (Волненіе).

Одилонъ Барро (Слушайте, слушайте!): Никогда мы такъ не нуждались въ хладнокровіи и осторожности! (Правда!) О, еслибы всѣхъ васъ соединяло одно общее чувство—желаніе

спасти страну отъ самаго ужаснаго бѣдствія, отъ гражданской войны. (Очень хорошо, очень хорошо!) Народы не умираютъ, но могутъ ослабѣвать отъ внутреннихъ раздоровъ, и Франція никогда такъ не нуждалась во всемъ своемъ величїи и силѣ.

Наша обязанность ясна. Она, къ счастью, понятна всей націи; она касается всего, что есть въ націи великодушнаго и близкаго ея сердцу, — ея мужества, ея чести.

Іюльская корона покоится на главѣ ребенка и женщины. (Живое одобреніе центра).

(Герцогиня Орлеанская встаетъ и кланяется собранію. Она приглашаетъ графа Парижскаго послѣдовать ея примѣру, что онъ и исполняетъ).

Одилонъ Барро: Я обращаюсь съ торжественнымъ воззваніемъ.

де-ла-Рошжакленъ: Вы не знаете, что дѣлаете.

(Герцогиня Орлеанская встаетъ, какъ будто съ цѣлью говорить).

Нѣсколько голосовъ: Слушайте, слушайте. Дайте говорить герцогинѣ!

Другіе члены: Продолжайте господинъ Барро!

Одилонъ Барро: Во имя политической свободы нашей страны, въ особенности во имя порядка, во имя нашего союза и нашего согласія въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, я прошу всю мою страну соединиться вокругъ этихъ представителей Іюльской революціи. Чѣмъ болѣе надобно будетъ поддерживать величіе и сохранить великодушїе и тѣмъ возстановить чистоту и невинность, тѣмъ съ большимъ самоотверженіемъ будетъ дѣйствовать моя страна. Что касается меня, то я буду счастливъ пожертвовать своимъ существованіемъ, всѣми моими способностями, чтобы восторжествовало это дѣло, дѣло истинной свободы въ моей странѣ. (Браво въ центрѣ).

де-ла-Рошжакленъ: Я прошу слова.

Одилонъ Барро: Неужели мы опять станемъ возбуждать вопросъ о томъ, что окончательно порѣшено Іюльскою революціей? (Очень хорошо, очень хорошо!)

Господа, обстоятельства трудны, я съ этимъ согласенъ, но въ этой странѣ есть столько элементовъ великодушія, величія и здраваго смысла, что я убѣжденъ, что стоитъ только обратиться къ нимъ съ воззваніемъ, чтобы весь парижскій народъ сталъ вокругъ этого знамени. (Да, да!)

Въ этомъ заключаются всѣ средства, чтобы обезпечить свободу, на которую эта страна имѣетъ право рассчитывать; примирить ее со всѣми требованіями порядка, который ей такъ необходимъ; соединить всѣ живыя силы этой страны и пройти всѣ великія испытанія, которыя ее можетъ быть ожидать.

Эта обязанность проста, она указана честью требованіями чести, частью истинными интересами страны; если мы не сумѣемъ выполнить ее съ твердостью, постоянствомъ и мужествомъ, то я не знаю, какія могутъ быть послѣдствія этого; но будьте увѣрены, какъ я сказалъ въ началѣ, что тотъ, кто не побоялся взять на себя отвѣтственность гражданской войны въ сердцахъ нашей благородной Франціи, тотъ будетъ главнымъ виновнымъ, тотъ будетъ преступникомъ передъ своей страной, передъ свободой Франціи и цѣлаго міра.

Что касается меня, господа, то я не могу принять на себя этой отвѣтственности. Регентство герцогини Орлеанской, министерство, выбранное изъ людей съ самыми испытанными убѣжденіями, могутъ сильнѣе обезпечить свободу; и пусть тогда будетъ сдѣлано съ полною свободою воззваніе къ націи, къ общественному мнѣнію,—и сдѣлано такъ, чтобы не повлечь за собою вражды партій, обыкновенно знаменующихъ междоусобную войну.

Ледрю-Ролленъ: Я прошу слова.

Барро, *продолжая*: Дѣйствовать во имя интересовъ

страны и истинной свободы — вотъ мое мнѣніе; я не могу взять на себя отвѣтственности за иное положеніе дѣлъ.

де-ла-Рошжакленъ: Никто болѣе меня не уважаетъ и не чувствуетъ то, что есть прекраснаго въ извѣстныхъ положеніяхъ. Это не первый мой опытъ.

Скажу почтеннѣйшему Одилону Барро, что я не имѣю безразсуднаго желанія заявлять здѣсь противоположныя притязанія, — нѣтъ; но я думаю, что Одилонъ Барро, зайдя такъ далеко, служилъ тѣмъ интересамъ, для которыхъ онъ взошелъ на эту трибуну, не такъ какъ бы онъ хотѣлъ послужить имъ. (Шумъ).

Господа, неужели тѣмъ, которые прежде служили всегда королямъ, принадлежить теперь право говорить о странѣ и о народѣ?

Нѣсколько голосовъ: Хорошо! очень хорошо!

де-ла Рошжакленъ: Въ настоящее время вы здѣсь не имѣете больше никакого значенія!...

Въ центрѣ: Что вы! Что вы!

де-Морнэ: Мы не можемъ согласиться на это.

Президентъ: Милостивый государь, вы отступаете отъ порядка, я призываю васъ къ порядку.

де-ла Рошжакленъ: Позвольте мнѣ говорить.

Сказавъ, что вы не имѣете никакого значенія, я рѣшительно не хотѣлъ возбудить бурю. Не мнѣ, депутату, говорить вамъ, что палата депутатовъ не существуетъ болѣе какъ палата.... (Его перебиваютъ). Я говорю, господа, что надобно созвать націю и тогда....

(Въ это время толпа вооруженныхъ людей, національныхъ гвардейцевъ, студентовъ, работниковъ, входитъ въ залу засѣданій и проникаетъ до амфитеатра. Нѣкоторые изъ нихъ несутъ знамена. Въ собраніи происходитъ всеобщее волненіе. Вольшая часть членовъ, сидящихъ на среднихъ скамейкахъ, переходятъ на высшія скамейки. Тѣ, которые предводитель-

ствуютъ этой толпой, кричать: „Мы требуемъ низложенія короля, низложенія, низложенія!“)

Морнэ: Господинъ президентъ, приостановите засѣданіе. но не закрывайте его въ настоящую минуту.

Президентъ, *надвывая шляпу*: Въ настоящую минуту нѣтъ никакого засѣданія.

(Ораторъ, не принадлежащій къ палатѣ, Шевалье, бывший редакторъ „Bibliothèque historique“, взбирается на трибуну. — Крики и всеобщее смятеніе).

Господа, говоритъ этотъ ораторъ, вѣрьте въ умѣренность моихъ словъ. (Шумъ. — Вы не имѣете права говорить!) Я пришелъ предложить вамъ единственное средство, которое можетъ вывести васъ изъ затрудненія. Если вы хотите спасти ваше дѣло, то вамъ остается сдѣлать только одно. Слушайте!... Не провозглашайте сами графа Парижскаго, но если герцогиня Орлеанская и графъ Парижскій будутъ имѣть достаточно смѣлости, чтобы отправиться на бульвары, въ толпу народа и національной гвардіи, то я отвѣчаю за ихъ спасеніе. Если народъ не согласится предоставить ему власть....

Голоса въ толпѣ: Да здравствуетъ республика! (Довольно, довольно!)

Шевалье: Все, что вы должны сдѣлать въ настоящую минуту, это — дать намъ правительство, составить его сейчасъ же; вы не можете оставить цѣлый народъ безъ правителей; это первая обязанность, которой вы должны удовлетворить.... (Шумъ покрываетъ голосъ оратора). Надобно, чтобы графъ Парижскій былъ принесенъ въ палату на шитѣ.

Одинъ изъ членовъ палаты: Онъ только что пришелъ сюда! онъ здѣсь! если вы будете колебаться....

(Взоры обращаются къ вершинѣ амфитеатра, гдѣ сидѣли герцогиня Орлеанская и ея дѣти. Въ то время, когда въ залу вошла толпа, принцесса, принцы и сопровождавшіе ихъ вышли черезъ двери, находящіяся противъ трибуны).

Шевалье: Вы можете быть убѣждены, что республика будетъ провозглашена....

(Шумъ и смятеніе достигаютъ высшей степени).

(Гражданинъ въ офицерскомъ мундирѣ, — говорятъ, что это былъ Дюмуленъ, комендантъ городской Думы въ іюлѣ 1830 года, — всходитъ на трибуну и кладетъ на мраморную доску древко трехцвѣтнаго знамени).

„Господа, говоритъ Дюмуленъ, народъ снова завоевалъ теперь, какъ въ 1830 году, свою свободу и независимость; вы знаете, что тронъ только что былъ разбитъ въ Тюльери и выброшенъ въ окно.“

(Кремье, Ледрю-Ролленъ и Ламартинъ появляются въ то же время на трибунѣ).

Голоса въ толпѣ: Нѣтъ болѣе Бурбоновъ! — Долой измѣнники! — Немедленно временное правительство.

(Смѣшанные крики. — Многіе депутаты уходятъ черезъ заднюю дверь).

Ледрю-Ролленъ, *обращаясь къ толпѣ*: Во имя народа, котораго вы служите представителями, я прошу васъ замолчать.

Голоса изъ толпы: Во имя Ледрю-Роллена, замолчите!

Ледрю-Ролленъ: Господа, во имя народа, я васъ прошу замолчать на минуту.

Голосъ изъ толпы: Временное правительство!

Могенъ: Успокойтесь! вамъ дадутъ временное правительство!

Ледрю-Ролленъ: Во имя народа вездѣ вооруженнаго, властителя Парижа, что бы противъ него ни дѣлали (да, да!), я протестую противъ той формы правленія, которую предложили съ этой трибуны. (Очень хорошо, очень хорошо! — Браво въ толпѣ). Въ этомъ случаѣ я выступаю съ моимъ мнѣніемъ не такъ какъ вы, т. е. не въ первый разъ, потому что въ 1842 году, во время цреній по поводу закона о регентствѣ, я одинъ въ этой палатѣ объявилъ, что этотъ законъ не можетъ быть постановленъ безъ воззванія къ странѣ. (Правда! — Очень хорошо!)

де-ла-Рошжакленъ: А я!

Голосъ: Да! де-ла-Рошжакленъ говорилъ тоже самое!

Ледрю-Ролленъ: Вамъ только что говорили о славной революціи 1789 года. Мы должны строго слѣдить за тѣмъ, чтобы люди, говорящіе такимъ образомъ, знали настоящее значеніе этой революціи, и въ особенности не имѣли намѣренія нарушить конституцію.

Въ 1791 году, въ самомъ текстѣ конституціи было постановлено, что конституціонное собраніе, поймите хорошенько, конституціонное собраніе, при своихъ особыхъ правахъ, не имѣетъ права издать закона о регентствѣ, и что для изданія его необходимо обратиться съ воззваніемъ къ странѣ.

Многочисленные голоса: Да, да! — Это ясно.

Ледрю-Ролленъ: Таковъ самый текстъ конституціи 1791 года.

Но, господа, мы уже два дня сражаемся за наше право. И такъ, если вы будете сопротивляться и утверждать, что еще существуетъ правительство, принятое единогласнымъ мнѣніемъ, эфемерное правительство, которое разрѣшается революціоннымъ гильотиннымъ то мы опять будемъ бороться во имя конституціи 1791 года, которая паритъ надъ нашею страной, надъ нашей исторіей и которая требуетъ обратиться съ воззваніемъ къ народу для того, чтобы регентство было возможно.

Голосъ: Иначе невозможно.

Ледрю-Ролленъ: Иначе невозможно никакое регентство....

Многочисленные голоса: Мы не хотимъ его!

Ледрю-Ролленъ: Невозможно никакое регентство, навязываемое такимъ способомъ, какой только что былъ пущенъ въ ходъ, который дѣйствительно очень страненъ и посягаетъ на права народа.

Какъ! съ разу, не давши намъ времени обсудить дѣло, вы, большинство, рѣшаетесь уничтожить законъ, который вы издали въ огражденіе нашихъ стремленій въ 1842 году. Нѣтъ,

вы не захотите этого. Это мѣра совершенно чуждая желаніямъ націй.

Во имя права, которое надобно умѣть уважать даже во время революціи, — потому что только одно право даетъ силу, — протестую за народъ противъ вашего новаго посягательства. (Браво, браво! — Да здравствуетъ Ледрю-Ролленъ!)

Вы говорили о порядкѣ, о кровопролитіи. Ахъ! кровопролитіе ужасаетъ и насъ, потому что мы его видѣли ближе чѣмъ кто другой. Такъ мы еще объявляемъ вамъ вотъ что: кровопролитіе можетъ быть прекращено только тогда, когда будутъ удовлетворены принципы и право народа; и тѣ, которые только что сражались, будутъ сражаться сегодня же вечеромъ, если не признають ихъ правъ. (Да, да!)

Во имя этого народа, который составляетъ все, я васъ спрашиваю: какого рода гарантіи даетъ намъ ваше правительство, которое вы только что возводили или пытались возвести на престолъ? (Браво въ толпѣ).

Одинъ изъ сидящихъ на среднихъ скамейкахъ, противъ трибуны, встаетъ и говоритъ: Я объявляю, что слова, произнесенныя здѣсь.... (Его перебивають).

Депутаты, находящіеся подлѣ этого человѣка, просятъ его молчать. — Нѣтъ, нѣтъ, продолжаетъ онъ, я протестую....

(Общій шумъ. — Беребившій Педрю-Роллена уведень изъ залы стараніями самихъ депутатовъ).

БЕРРЬЕ, обращаясь къ Ледрю-Роллену: Ускорите рѣшеніе вопроса! дѣлайте заключеніе! требуйте временное правительство!

Ледрю-Ролленъ: Господа, говоря такимъ образомъ во имя народа, я имѣю притязаніе оставаться въ предѣлахъ права и призываю два воспоминанія. (Кончайте, кончайте!)

Въ 1815 году Наполеонъ хотѣлъ отречься отъ престола въ пользу Римскаго короля; нація встала и отказала въ своемъ согласіи.

Въ 1830 году Карлъ X хотѣлъ отречься отъ престола въ пользу своего внука; нація встала и отказала въ своемъ согласіи.

Беррье: Кончайте! мы знаемъ исторію.

Ледрю-Ролленъ: Въ настоящее время нація также встала и вы ничего не можете сдѣлать безъ того, чтобы не спросить ея мнѣнія.

Такимъ образомъ я требую, въ заключеніе, временнаго правительства (да, да!), назначеннаго не палатой (нѣтъ, нѣтъ!), но народомъ. Временнаго правительства и немедленнаго созванія конвента, для точнаго опредѣленія правъ народа. (Браво, браво!)

(Ламартинъ, остававшійся на трибунѣ, приближается, чтобы начать говорить).

Нѣсколько голосовъ: Ламартинъ! Ламартинъ! (Раздаются рукоплесканія. — Слушайте, слушайте!)

Ламартинъ: Господа, я, подобно каждому изъ васъ, исполнивъ раздѣляю то двойное чувство, которое только что взволновало это собраніе, при видѣ одного изъ самыхъ трогательныхъ зрѣлищъ, какія представляетъ намъ исторія человѣчества, при видѣ принцессы, защищающейся съ своимъ невиннымъ ребенкомъ и бросающейся изъ опустѣвшаго дворца въ среду народныхъ представителей. (Очень хорошо, очень хорошо! — Слушайте, слушайте! — Мы ничего не слышали! повторите!)

Я прошу позволить мнѣ повторить мои слова и прошу васъ выслушать слѣдующія. Я говорилъ, господа, что я подобно всѣмъ вамъ исполнивъ раздѣлялъ двойное чувство, которое только что взволновало это собраніе. И здѣсь я не дѣлаю никакого различія, потому что того требуетъ настоящая минута, между народнымъ представительствомъ и представительствомъ гражданъ всей страны, и сверхъ того — это минута равенства, и это равенство послужить, я

въ томъ убѣжденъ, только къ тому, чтобы признать іерархію въ дѣлѣ, которое было ввѣрено особеннымъ людямъ, не для того чтобы усмирить народъ, но для того чтобы подать первый знакъ къ возстановленію общественнаго мира и согласія. (Браво, браво!)

Но, господа, если я раздѣляю это душевное волненіе, внушаемое трогательнымъ зрѣлищемъ самыхъ великихъ человѣческихъ катастрофъ; если я раздѣляю уваженіе, которое воодушевляетъ здѣсь васъ всѣхъ, къ какому бы вы мнѣнію ни принадлежали, то не менѣе этого живо раздѣляю уваженіе къ этому славному народу, который борется въ продолженіе трехъ дней, чтобы наказать вѣроломное правительство и возстановить на несокрушимыхъ началахъ владычество порядка и свободы. (Рукоплесканія).

Но, господа, я не предаюсь мечтаніямъ, подобно тому какъ это было сейчасъ на этой трибунѣ; я не воображаю себѣ, чтобы можно было порывистыми криками одобренія, вызванными однимъ волненіемъ, однимъ чувствомъ общности, установить прочное и непоколебимое право и создать правительство для тридцати пяти милліоновъ людей.

Я знаю, что правительство, созданное такимъ образомъ, можетъ быть такимъ же образомъ и уничтожено, и каково бы ни было правительство, созданное мудростью и интересами этой страны, въ кризисѣ, который мы теперь переживаемъ, необходимо, чтобы народъ, чтобы всѣ классы народа, всѣ, пролившіе въ этой борьбѣ каплю своей крови, создали правительство народное, прочное, непоколебимое. (Рукоплесканія).

Но, господа, какъ создать это правительство? Какъ его найти въ этихъ переходящихъ элементахъ, въ этой бурѣ, которая насъ всѣхъ уноситъ и гдѣ одна волна покрываетъ тотчасъ же другую волну, принесшую васъ въ эту палату? Какъ отыскать эти непоколебимыя начала? Проникнувъ въ самое сердце этой страны, извлекши изъ нея такъ сказать, эту великую тайну

народнаго права, изъ котораго истекаетъ всякій порядокъ, всякая истина, всякая свобода. Вотъ почему, будучи далекъ отъ того, чтобы прибѣгать къ уверткамъ, къ неожиданностямъ, къ волненіямъ, въ которыхъ страна, какъ вы теперь видите, раскаевается (да, да!), послѣ того, какъ всѣ эти вымыслы падаютъ рано или поздно, не оставляя по себѣ ничего прочнаго, ничего постоянного, ничего истинно народнаго и непоколебимаго, — вотъ почему я пришелъ поддержать всѣми своими силами двойное требованіе, которое я первый сдѣлалъ бы съ этой трибуны, еслибы меня допустили взойти на нее въ началѣ за сѣданія; требованіе, во-первыхъ: правительства, я это сознаю, вынужденнаго необходимостью, правительства необходимаго для возстановленія порядка, правительства, которое бы прекратило гражданскую войну.... (Крики одобренія).

(Одинъ изъ толпы, стоящій въ амфитеатрѣ, вкладываетъ свою саблю въ ножны, говоря: „Браво, браво!“)

Даматинъ. Правительства, которое разрѣшило бы это страшное недоразумѣніе, нѣсколько лѣтъ уже существующее между различными классами гражданъ, — недоразумѣніе, которое, мѣшая намъ сознавать себя единымъ и нераздѣльнымъ народомъ, мѣшаетъ намъ любить другъ друга и открывать другъ другу объятія. (Очень хорошо, очень хорошо!)

Такимъ образомъ я требую, въ силу общественнаго спокойствія, въ силу проливаемой крови, въ силу права народа, могущаго прійти въ изнеможеніе отъ славнаго труда, которому онъ предается уже три дня, — я требую, чтобы учредили временное правительство... (Браво!) правительство, которое предварительно ничего не ограничиваетъ, ни нашихъ правъ, ни нашей мести, ни нашихъ симпатій, ни нашей злобы, относительно правленія, которое страна изберетъ себѣ окончательно, когда обратятся къ ея мнѣнію. (Такъ, такъ!). Такимъ образомъ я требую временнаго правительства. (Да, да!).

Со всѣхъ сторонъ: Имена членовъ временнаго правительства! (Нѣсколько человекъ подаютъ списокъ Ламартину).

Ламартинь: Подождите! По моему мнѣнію, первымъ и самымъ важнымъ дѣломъ этого правительства будетъ установленіе мира и спокойствія между гражданами; вторымъ — позаботиться немедленно же о мѣрахъ необходимыхъ для того, чтобы созвать всю страну и узнать ея мнѣніе, узнать мнѣніе всей національной гвардіи (да, да!), мнѣніе всего государства, всѣхъ, соединяющихъ съ именемъ человека права гражданина. (Продолжительныя рукоплесканія).

Еще одно слово.

Власти, смѣнявшія другъ друга въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ....

(Въ эту минуту раздается снаружи сильный стукъ въ двери одной изъ публичныхъ трибунъ. Вскорѣ двери растворяются подъ ударами ружейныхъ прикладовъ. Въ палату входятъ народъ и національные гвардейцы съ крикомъ: „Долой палату! Нѣтъ болѣе депутатовъ!“ Одинъ изъ этой толпы направилъ дуло своего ружья на бюро. Раздаются громкіе крики: „Не стрѣляйте, не стрѣляйте! Теперь говоритъ Ламартинь!“ Убѣжденный своими товарищами, этотъ человекъ опускаетъ ружье.

Президентъ, остававшійся на своемъ креслѣ, сильно звонить въ колокольчикъ, чтобы возстановить тишину.

Шумъ и волненіе достигаютъ высшей степени).

Президентъ: Я объявляю засѣданіе закрытымъ, потому что не могу добиться тишины.

(Послѣ этихъ словъ Созе оставляетъ свое кресло).

Засѣданіе палаты депутатовъ прекращается; но народъ, вооруженный ружьями и саблями, вмѣстѣ съ національными гвардейцами и нѣкоторыми изъ депутатовъ лѣвой стороны остаются въ залѣ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ волненія, Дюпонъ (de l'Eure)

садится на президентское кресло. Онъ окруженъ множествомъ людей, не принадлежащихъ къ палатѣ.

Ламартинъ продолжаетъ оставаться на трибунѣ.

Многочисленные голоса: Имена, имена членовъ временнаго правительства!

Ламартинъ старается покрыть своимъ голосомъ шумъ, который не утихаетъ, не смотря на его увѣщанія.

Нѣсколько голосовъ: Дюпонъ (de l'Europe)! Дюпонъ (de l'Europe)!

Другіе голоса: Онъ на мѣстѣ, тише! Слушайте его! (Да, да!).

Ламартинъ, *среди шума*: Я прочитаю сейчасъ имена....

Многочисленные голоса: Тише, тише!

Ламартинъ: Господа, я прочитаю сейчасъ имена. (Шумъ продолжается).

Араго, Карно.... (Шумъ все усиливается).

С....: Господа, Дюпонъ (de l'Europe) нашъ предсѣдатель....

Многочисленные голоса: Временное правительство!

С....: Дюпонъ (de l'Europe) назоветъ членовъ временнаго правительства. (Многочисленные bravo раздаются на всѣхъ скамейкахъ).

Шевалье: Дайте же говорить, если вы хотите что нибудь сдѣлать.

Депутатъ Маріонъ, *обращаясь къ Ламартину*: Не сходите съ трибуны!

Голосъ: Выслушайте же обнародованіе именъ.

Человѣкъ вооруженный ружьемъ: Мы просимъ только замолчать на минуту; мы хотимъ только услышать имена людей, изъ которыхъ будетъ состоять правительство.

Другой человѣкъ: Отъ тишины зависитъ наше спасеніе. Я требую ее, чтобъ можно было слышать Дюпона (de l'Europe).

Голосъ: Дюпонъ (de l'Europe) прежде всего.

Другой голосъ: Да здравствуетъ республика!

(Многія лица окружають Ламартина и просятъ его обождать, пока возстановится порядокъ, чтобы опять говорить).

Во имя народа, кричитьъ одинъ изъ этихъ людей, замолчите! Позвольте говорить Ламартину.

Ламартинъ: Господа, замолчите на одну минуту! (На минуту наступаетъ тишина).

Господа, предложеніе, которое было сдѣлано, которое я пришелъ поддержать и которое вы освятили на этой трибунѣ вашимъ единогласнымъ одобреніемъ, это предложеніе уже осуществилось. Временное правительство будетъ провозглашено поимянно. (Браво, браво! — Да здравствуетъ Ламартинъ!).

Теперь, господа....

Многочисленные голоса: Назовите ихъ, назовите ихъ!

Ламартинъ: Ихъ сейчасъ назовутъ.

(Ламартинъ, подождавши немного чтобы возстановился порядокъ, удаляется за трибуну.

На трибуну всходитъ Дюмуленъ и старается, чтобы его слышали, но за непрерывнымъ шумомъ нельзя слышать его словъ).

Дюмутъ, стоя на бюро секретарей палаты: Господа, васъ просятъ замолчать на нѣсколько минутъ, чтобы прочитать имена членовъ временнаго правительства; если вы не замолчите, то вы ничего не услышите и мы ничѣмъ не кончимъ. (Да! тише!).

Дюпонъ (de l'Eure): Вамъ предлагаютъ временное правительство. (Да, да! — Тише!).

Стенографы: Тише! Вамъ повторять имена!

Дюпонъ (de l'Eure): Вотъ имена! (Тише!).

Многочисленные голоса: Говорите имена, говорите имена!

Дюпонъ (de l'Eure): Араго, Ламартинъ, Дюпонъ (de l'Eure), Кремье.... (Шумъ и волненіе).

Ламартинъ: Тише, господа! Если вы хотите, чтобы члены

временнаго правительства взялись за дѣло, которое вы имъ ввѣряете, то надобно по крайней мѣрѣ, чтобы были провозглашены имена этихъ членовъ. Нашъ почтенный другъ не можетъ говорить среди этого шума.

Голосъ: Пусть будетъ извѣстно, что народъ не желаетъ королевской власти. Республика!

Нѣсколько голосовъ: Начнемъ немедленно совѣщаніе.

Голосъ: Сидя, сидя! Сядемъ! Займемъ мѣста проданныхъ.

Другой голосъ: Долой Бурбоновъ, давайте временное правительство и затѣмъ республику.

Де-ла-Рошжакленъ: Это не будетъ покража, а только возвращеніе займа.

Голосъ: Замолчите на минуту, въ противномъ случаѣ мы ничего не достигнемъ.

Другой голосъ: Мы требуемъ провозглашенія республики.

Дюпонъ (de l'Eure) послѣдовательно читаетъ слѣдующія имена, которыя громко повторяются нѣсколькими стенографами:

Ламартинъ. (Да, да!).

Лелрю-Ролленъ. (Да, да!).

Араго. (Да, да!).

Дюпонъ (de l'Eure). (Да, да!).

Голосъ: Бюро де Пюзи.

(Бюро де Пюзи дѣлаетъ знакъ отказа).

Дюпонъ (de l'Eure): Мари. (Да, да! — Нѣтъ!).

Нѣсколько голосовъ: Жоржъ Лафайетъ. (Да! — Нѣтъ, нѣтъ!).

Многочисленные голоса: Республика, республика!

Голосъ: Надобно чтобы члены временнаго правительства кричали: Да здравствуетъ республика! прежде чѣмъ они будутъ поименованы и приняты.

Другой голосъ: Я требую отрѣшенія отъ должности всѣхъ отсутствующихъ депутатовъ.

Голосъ изъ среды народа: Надобно отвести членовъ временнаго правительства въ городскую думу. Мы желаемъ имѣть

мудрое, умѣренное правительство; мы не хотимъ кровопролитія, но желаемъ республику!

Бокажъ: Въ городскую думу, съ Ламартиномъ во главѣ!

(Ламартинъ выходитъ изъ палаты сопровождаемый многествомъ гражданъ.

Послѣ его выхода шумъ продолжается въ толпѣ разсѣянной по скамьямъ палаты, по амфитеатру и въ корридорахъ).

Ледрю-Ролленъ: Граждане! вы понимаете, что, назначая временное правительство, вы совершаете важное дѣло.

Разные голоса: Мы не хотимъ временнаго правительства! — Нѣтъ, нѣтъ! временное правительство необходимо!

Ледрю-Ролленъ: Обстоятельства, въ которыхъ мы находимся, требуютъ тишины и вниманія къ людямъ, которые готовы сдѣлаться представителями народа. Поэтому, послушайте меня!

Мы приступаемъ къ важному дѣлу. Только что были сдѣланы возраженія. Временное правительство не можетъ быть назначено какъ нибудь. Позвольте мнѣ прочитатъ вамъ имена, которыя кажется провозглашены большинствомъ. (Тише! — Слушайте, слушайте!).

По мѣрѣ того, какъ я буду читать имена и смотря по тому будутъ ли они вамъ по сердцу или нѣтъ, вы будете говорить да или нѣтъ (Очень хорошо! — Слушайте!); и для того чтобы это было сколько нибудь официально, я прошу господъ стенографовъ Монитера записывать имена, по мѣрѣ того какъ буду ихъ называть, потому что мы не можемъ представить Франціи имена, не одобренныя вами. (Говорите, говорите!).

Я читаю:

Дюпонъ (de l'Éure). (Да, да!).

Араго. (Да, да!).

Ламартинъ. (Да, да!).

Ледрю-Ролленъ. (Да, да!).

Гарнье-Паже. (Да, да! — Нѣтъ!).

Мари. (Да, да! — Нѣтъ!).

Кремье. (Да, да!).

Голосъ въ толпѣ: Кремье, но не Гарнье-Паже. (Да, да! — Нѣтъ!). Онъ умеръ, добрякъ!

Другіе голоса: Замолчите! — Тите.

Ледрю-Ролленъ: Кто не желаетъ, тотъ пусть подниметъ руку. (Нѣтъ, нѣтъ! — Да, да!).

Прошу васъ позволить мнѣ прибавить еще одно слово. Позвольте господа.

Только что назначенному временному правительству предстоитъ исполнить большія, громадныя обязанности. Надо будетъ закрыть засѣданіе, чтобы отправиться въ центръ правительства и принять всѣ необходимыя мѣры для прекращенія кровопролитія и тѣмъ освятить права народа.

Многочисленные крики: Да, да! въ городскую думу!

Ученикъ политехнической школы: Вы видите, что ни одинъ изъ членовъ вашего временнаго правительства не желаетъ республики! Мы будемъ обмануты какъ въ 1830 году.

Нѣсколько голосовъ: Да здравствуетъ республика!

Другіе голоса: Да здравствуетъ республика и Ледрю-Ролленъ! — Въ городскую думу, въ городскую думу!

Молодой человѣкъ: Центръ правительства не въ городской думѣ, а здѣсь.

(Ледрю-Ролленъ удаляется, сопровождаемый нѣсколькими гражданами).

Толпа, наполняющая залу, начинаетъ уменьшаться.

Одинъ молодой человѣкъ, кажется студентъ, напрасно усиливается говорить съ трибуны.

Одинъ гражданинъ всходитъ на трибуну, потрясая оружіемъ. Раздаются крики: Да здравствуетъ республика! Пойдемъ въ городскую думу!

Одинъ молодой человѣкъ у трибуны: Долой бюджетъ королевскихъ расходовъ!

Другой: Долой королевскую власть!

Кто-то вдругъ обращаетъ вниманіе на большую картину, находящуюся надъ бюро позади президентскаго кресла и представляющую принесеніе Луи-Филиппомъ присяги хартіи. Не медленно раздаются крики: Разорвать ее! Уничтожить!

Два человѣка, взобравшіеся на бюро, готовятся саблею и шпагой проткнуть картину.

Одинъ работникъ, находящійся въ амфитеатрѣ, вооруженный двухствольнымъ ружьемъ, вскрикиваетъ: Постойте! я выстрѣлю въ Луи-Филиппа! Въ ту же минуту раздаются два выстрѣла. (Различные крики).

Другой работникъ немедленно бросается къ трибунѣ и говоритъ:

„Уважайте памятники! Уважайте частную собственность. Къ чему разрушать? Зачѣмъ стрѣлять въ картины? Мы показали, что нельзя дурно обращаться съ народомъ; покажемъ теперь, что народъ умѣетъ уважать памятники и чтить свою побѣду!“

Эти слова, произнесенныя энергически и краснорѣчиво, вызываютъ всеобщія рукоплесканія.

Народъ окружаетъ славнаго работника и спрашиваетъ его имя. Онъ называетъ себя Теодоромъ Сиксомъ, обойщикомъ.

Всѣ уходятъ изъ палаты.

Въ скоромъ времени зала совершенно пустѣетъ.

Прошло четыре часа.

XVIII.

Королевская власть была окончательно побѣждена, побѣждена безсиліемъ гражданскихъ учреждений и всемогуществомъ народа. Ни обаяніе женщины, ни обаяніе ребенка не въ состояніи были поколебать рѣшеніе судьбы.

Совѣтъ избрать палату опорю послѣдняго усилія для спасенія королевской власти былъ рѣшительно гибельнымъ совѣтомъ.

Палата была уже безсильна, основанія ея подточены. Соучастица королевской политики, она была непопулярнѣе самаго короля. Какъ можно было предполагать, что народъ остановится передъ такою преградой? Какъ можно было думать, что, завладѣвши всѣми стратегическими пунктами, взявши городскую думу, Пале-Рояль, Тюльери, онъ не пойдетъ далѣе! Побѣда, полная и окончательная побѣда была тутъ передъ глазами народа, въ его рукахъ, и какъ же можно было думать, что онъ поколеблется воспользоваться ею?

И что же было въ самомъ дѣлѣ въ этой палатѣ? Какая была въ ней сила, какая точка опоры? Какое средство къ дѣйствию или сопротивленію? Правительственное большинство, парализованное ужасомъ; лѣвая династическая сторона, несомнѣнно преданная правительству, но увлеченная общимъ движеніемъ, приведенная имъ въ замѣшательство, потому что ей была известна сила этого движенія, уничтоженная убѣжденіемъ въ томъ, что защищать регентство значило защищать погибшее дѣло; крайняя лѣвая сторона, враждебная правительству, ожесточенная опасностью и еще невѣрною побѣдою, рѣшившаяся бороться до конца; наконецъ, партія легитимистовъ, раздраженная живымъ воспоминаніемъ своего пораженія, своимъ восемнадцатилѣтнимъ униженіемъ, непримиримая, неумолимая, уже замышлявшая довести до крайней степени побѣду, которая служила ей отмщеніемъ!—Вотъ каковъ былъ составъ этой палаты!

Предположимъ, что на палату не подѣйствовало бы это вліяніе общественнаго духа, которымъ проникнуто было все ее окружающее, что она не пришла бы въ смущеніе, что она не колебалась отдала бы всѣ свои силы на служеніе правительству, что каждый, забывая о своемъ личномъ спасеніи, былъ бы готовъ пожертвовать собою для спасенія королевской власти, что большинство, твердо овладѣвши властію, уничтожило бы всѣ внутреннія препятствія и провозгласило бы регентство; словомъ, предположимъ невозможное. Что же, даже въ

этомъ случаѣ, дало бы рѣшенію палаты перевѣсъ передъ рѣшеніемъ народа? Уваженіе? Но его не было. Національная гвардія? Но она взялась за оружіе, чтобы помогать возмущенію. Армія? Но если она не защищала трона пока онъ еще былъ цѣль, то какъ же стала бы она защищать его теперь, когда онъ рушился? Въ состояніи ли было бы небольшое число буржуа, компрометированныхъ слишкомъ услужливою подачею голосовъ, добиться у арміи того, чего не могли добиться два молодыхъ припца, окрещенныхъ огнемъ битвы, чего не могли добиться извѣстные генералы и знаменитый маршалъ? А если бы, напротивъ того, она и пошла впередъ, рѣшилась бы вступить въ битву, то значить новое правительство въ первый же день своего существованія ознаменовало бы себя кровопролитіемъ!— Нѣтъ, въ ту минуту, когда герцогиня Орлеанская входила въ палату, она не могла найти въ ней коропу! Дѣло ея было проиграно; она была побѣждена! Приказаніе, данное генералу Бедо, приготовить авангардъ по дорогѣ въ Сень-Клу и отсутствіе всякой другой военной предосторожности, доказываютъ, что герцогъ Немурскій ни мало не заблуждался на счетъ исхода этого дѣла и, исполняя свою послѣднюю обязанность, онъ не имѣлъ уже никакой надежды на успѣхъ.

XIX.

Это основное разстройство положенія дѣлъ еще усиливалось слабостью или неумѣньемъ людей. Одни изъ нихъ покинули дѣло, другіе слабо его поддерживали. Если ужъ хотѣли испытать счастья, то надобно было рѣшительно взяться за дѣло; надобно было не разсуждать, а дѣйствовать; надобно было опередить судьбу, принять рѣшеніе, объявить его войскамъ, показать имъ мать и ребенка, возбудить къ себѣ преданность, дѣйствуя на чувства; умиленіемъ подѣйствовать на сердца, а черезъ это и на образъ мыслей. Было

достаточно нѣсколькихъ словъ, а Барро произнесъ цѣлую рѣчь. Пока онъ говорилъ, явился народъ.

Съ этой минуты роли измѣнились. Теперь наступила очередь республиканцевъ дѣйствовать и ускорять исполненіе дѣла. Ледрю-Ролленъ не выполнѣвъ понялъ это. Онъ тоже произнесъ рѣчь. Не смотря на то, что время настоятельно требовало быстрого рѣшенія, не смотря на убѣжденія Беррье, онъ не то-ропился кончить *). Ламартинъ, напротивъ того, обнаружилъ несравненную ясность и энергію въ своихъ дѣйствіяхъ. Его рѣчь была не пустою риторскою забавою, а могучимъ рычагомъ политическаго движенія. Его рѣшенія, его мысли, его возбужденія стремились одно за другимъ съ быстротою и силою молніи; каждое слово было ударомъ. Въ началѣ Мари, затѣмъ Ламартинъ, — несравненный своею смѣлостію и искусствомъ, — и въ заключеніе Дюпонъ де-л'Еръ, какъ образцы честности, генія, добродѣтели, — таковы были въ началѣ истинные могущественные служители революціи во время этихъ памятныхъ обстоятельствъ.

XX.

А надъ всѣми ими возвышался народъ! Движимый тою тайною, невидимою силою, которая есть душа массы и которая исходитъ отъ Бога, онъ поспѣвалъ вездѣ во время. Передъ государственными людьми онъ имѣлъ то преимущество, что ему принадлежала инициатива движенія; онъ управлялъ этимъ движеніемъ безъ ихъ помощи, и безъ ихъ помощи привелъ его къ концу. Единодушнымъ, внезапнымъ порывомъ онъ установилъ власть, власть новую, созданную самимъ положеніемъ дѣлъ, провозглашенную имъ самимъ, тотчасъ же признанную и внушившею къ себѣ повиновеніе.

*) Говорятъ, что онъ хотѣлъ дать время собраться большей массѣ народа.

Нѣтъ! не народъ участвовалъ въ переворотѣ! — говорили впослѣдствіи, — но горсть заговорщиковъ, которые употребили во зло имя народа, его могущество и право. Не спорю, что народу было немного въ палатѣ. Но не въ счетѣ дѣло. Чѣмъ меньше это число, тѣмъ болѣе оно доказываетъ нравственную силу этихъ людей. Какъ, ихъ была только горсть, и вы не могли защитить отъ нихъ вашего короля, мать вашего короля! Ихъ была только горсть, и вы бѣжали! О, не клевете такъ жестоко на самихъ себя. Нѣтъ, несправедливо, что король, принцы, маршалы, генералы, армія, палаты уступили усиліямъ нѣсколькихъ бродягъ-бунтовщиковъ! Несправедливо, что нѣсколько писателей, нѣсколько радикальныхъ депутатовъ съумѣли свергнуть какою то фантазмагоріей организованное правительство, имѣвшее въ своей власти армію, администрацію, полицію, казначейство. Если монархическая власть пала въ палатѣ, какъ въ городской думѣ; если какъ въ палатѣ, такъ и въ городской думѣ изъ хаоса развалинъ вышло спасительное правительство, то это потому, что люди, овладѣвшіе какъ палатой, такъ и городской думою, носили въ своемъ сердцѣ страсти, энергію и волю ста тысячъ гражданъ всѣхъ состояній, всѣхъ профессій, возставшихъ въ Парижѣ для революціи. Эти люди составляли самый народъ, то есть силу движенія, тайное, неопредѣленное, всеильное могущество, которое все воздвигаетъ и окончательно разрушаетъ.

XXI.

Сверхъ того, толпа овладѣвшая палатой состояла изъ людей, которыхъ уже видѣли вездѣ, гдѣ была опасность: въ городской думѣ, въ Пале-Роялѣ, въ Тюльери. Первые, предводительствуемые Модюи, Барралемъ и другими, принадлежавшими къ 11-му легіону, капитаномъ 10-го легіона Дюное и двумя учениками политехнической школы, Лебленомъ и Віалемъ, подошли къ палатѣ лѣвымъ берегомъ Сены. Они

были удержаны на нѣкоторое время твердымъ сопротивленіемъ генерала Гурго, батальоннаго командира Рамонъ де-ла-Крузетъ и рѣчью Мари, который объявилъ имъ объ учрежденіи временнаго правительства. Въ то же время толпа разсѣялась по Бургонской улицѣ, перелѣзла черезъ рѣшетки и вошла во дворецъ. Одна колонна народа, прибѣжавшая черезъ Тюльерійскій садъ съ Жирарденомъ и полковникомъ Дюмуленомъ, сломала рѣшетки и вломилась силою. Другая, образовавшаяся во второмъ легіонѣ и увеличенная въ Тюльери нѣкоторымъ числомъ работниковъ, пришла вслѣдъ за тѣмъ подъ предводительствомъ Малефиля, Поже и другихъ. Наконецъ, послѣдняя колонна, нанеся окончательный ударъ, состояла изъ гражданъ, большая часть которыхъ дралась передъ Château-d'Orsay и участвовала въ разграбленіи Тюльери. Опыяненные порохомъ, кровью и озлобленіемъ, они прибѣжали черезъ набережную d'Orsay.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Благородное поведение герцогини Орлеанской и герцога Немурскаго въ палатѣ депутатовъ. — Выходъ ихъ оттуда послѣ провозглашенія временнаго правительства. — Послѣднее бѣгство — единственное обстоятельство, подвергавшее серьезной опасности герцогиню и ея сыновей. — Паденіе герцогини. — Прибытіе ея въ отель президентства. — Графъ Парижскій возвращенъ ей. — Герцогъ Шартрскій укрытъ въ одной изъ комнатъ дворца Бурбоновъ. — Переодѣванье герцога Немурскаго. Его безпокойство о невѣсткѣ. — Онъ находитъ ее въ замкѣ Инвалидовъ, гдѣ она шла убѣжище. — Палата перовъ: закрытіе ея. — Послѣднія дѣйствія арміи: войска уходятъ съ площади Согласія. — Генераль Бедо въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Войска оставляютъ площадь Пантеона и возвращаются въ казармы. — Войска въ префектурѣ полиціи. — Мирное удаленіе Делесера и генерала Сентъ-Арно. — Беспечность этого поступка и оборонительныя мѣры. — Колонна рабочихъ, подъ предводительствомъ Картере, идетъ на префектуру. — Войска входятъ во внутренность дворца. — 10-й легіонъ, оставленный всѣмъ, удаляется; одинъ только офицеръ Жувансель остается и удерживаетъ нѣсколькихъ національных гвардейцевъ. — Картере переговаривается съ префектомъ, который удаляется и оставляетъ префектуру на его попеченіи. — Встрѣча Делесера и Рибокура. — Капитуляція. — Драматическія сцены. — Муниципальные гвардейцы отправляются черезъ мостъ de Change. — Нападеніе на нихъ на набережной Пестье. — Они разбѣгаются во всѣ стороны. — Генераль Сентъ-Арно укрывается у парижскаго мера. — Послѣдній кровавый эпизодъ февральской революціи. — Милосердіе народа послѣ битвы. — Итогъ убитыхъ и раненыхъ. — Возстановленіе порядка въ префектурѣ. — Картере временно принимаетъ префектуру въ свое вѣдѣніе. — Является Коссидьеръ. — Первые дѣйствія его. — Собраніе въ редакціи журнала «la Réforme». — Составленіе списка членовъ временнаго правительства. — Назначеніе Этьена Араго директоромъ почтъ, Коссидьера — управляющимъ полиціей. — Этьень Араго вступаетъ въ свою должность. — Редакція журнала «National» признаетъ списокъ, составленный въ «la Réforme». — Мари и Карно отправляются въ министерство внутреннихъ дѣлъ. — Барро уже возвратился туда съ своими друзьями. — Онъ въ послѣдній разъ покушается устроить регентство. — Приказъ его отданный Берже. — Усилія Ламорисьера. — Отказъ Берже, признавашаго временное правитель

ство. — Надежды Барро рушатся. — Барро предлагает Курте, Паньеру, Биста, Арагону и Люю позаботиться о безопасности герцогини Орлеанской. — Онъ отказываетъ Мари и Карно на ихъ предложеніе пристать къ временному правительству. — Узнавъ отъ Мальвиля о событіяхъ въ городской думѣ и опасаясь за герцогиню Орлеанскую, онъ самъ спѣшитъ въ замокъ Инвалидовъ. — Члены временнаго правительства отправляются изъ палаты въ городскую думу. — Импровизація Ламартина передъ казармами Орсейской набережной. — Прибытіе въ думу.

I.

Что-же дѣлала среди этой страшной суматохи герцогиня Орлеанская? Мы видѣли, съ какою удивительною твердостью и достоинствомъ она держала себя въ продолженіе первой половины этой страшной сцены; это настроеніе не измѣнилось въ ней и тогда, когда народъ ворвался въ Тюльери и опасность начала грозить лично ей. Одно только чувство сильно заговорило въ ней — это было чувство матери; но она ни словомъ, ни звукомъ не обнаружила своего волненія. Спокойно слушала она окружавшихъ ее друзей и нѣкоторыхъ офицеровъ національной гвардіи, не покидавшихъ ее съ самаго выхода изъ Тюльери, и безъ колебанія соглашалась на самыя энергическіе совѣты. Кремье совѣтывалъ ей прочесть объясненіе такого рода. „Я и сынъ мой желаемъ, чтобы верховная власть была вручена намъ волею народа. Вдова герцога Орлеанскаго и сирота сынъ его будутъ съ полной довѣренностью ожидать рѣшенія, принятаго народомъ. Несомнѣнно, что, воспитывая моего сына, я буду внушать ему живѣйшія чувства любви къ отечеству и къ свободѣ!“ Нѣсколько разъ она собиралась говорить къ народу, но голосъ ея терялся въ общемъ шумѣ. Друзья ея, и даже самъ президентъ, совѣтовали ей оставить мѣсто, гдѣ она могла подвергнуться опасности, но она не соглашалась на это. Только тогда, когда провозгласили временное правительство, когда она увидѣла безсиліе своихъ друзей, разрушеніе всѣхъ своихъ надеждъ, она не стала болѣе оспаривать у судьбы корону

своихъ дѣтей и обратила всю свою заботливость только на то, чтобы спасти ихъ самихъ.

Герцогъ Немурскій выказалъ такую же твердость характера. Узнавъ черезъ одного депутата, что жизнь его въ опасности, онъ однако не захотѣлъ покинуть жену и сына своего покойнаго брата. Исторія всегда скажетъ о немъ, что если онъ въ этомъ дѣлѣ не явился человѣкомъ способнымъ на какую нибудь инициативу, то до конца оставался вѣрнымъ своему долгу.

II.

Ничто не мѣшало имъ выйти изъ палаты, потому что только одна зала была наполнена народомъ; остальные же комнаты всѣ были пусты. Но не смотря на это, выходъ герцогини (совершившійся въ четвертомъ часу) принялъ характеръ бѣгства, а излишнее усердіе и поспѣшность друзей ея чуть было не погубили ее.

За скамьями депутатовъ идетъ круглый коридоръ, изъ котораго нѣсколько дверей выходятъ на лѣстницы, ведущія въ нижній этажъ залы.

Герцогиню привели къ двери, находящейся за скамьями лѣвой стороны, откуда она стала спускаться по лѣстницѣ, упирающейся въ узенькій коридоръ, оканчивающійся стеклянною дверью. Въ двухъ шагахъ оттуда на лѣво есть большая дверь, которая изъ залы *des pas perdus* ведетъ къ закрытымъ хорамъ; всѣ бросились въ этотъ узкій проходъ, гдѣ два человѣка едва могутъ идти рядомъ. Увлеченные преданностью или подъ вліяніемъ паническаго страха, адъютанты, офицеры національной гвардіи, депутаты, — всѣ столпились въ этомъ коридорѣ. Сжатая со всѣхъ сторонъ, принцесса не могла удержаться, скатилась по лѣстницѣ и прямо ударилась о стеклянную дверь. Ударъ былъ такъ силенъ, что, не смотря на желѣзныя рѣшетки, защищавшія стекло, одно изъ нихъ

разлетѣлось въ дребезги. Маленькіе принцы, которыхъ она до того времени вела за собою, при этомъ паденіи, выскользнули изъ ея рукъ. Несчастная мать испустила крикъ горести и материнскаго страха. Между тѣмъ дверь не подавалась; такъ какъ она отворялась внутрь, то чѣмъ сильнѣе былъ напоръ толпы, тѣмъ сильнѣе было ея сопротивленіе. Наконецъ, это препятствіе устранили. Герцогиня прошла залу *des pas perdus* и достигла отеля президентства, не переставая съ жалобными стонами требовать возвращенія разлученныхъ съ нею дѣтей.

III.

Маленькій графъ Парижскій, точно также какъ и мать его, едва не сдѣлался жертвою слѣпой преданности. Окружившіе его видѣли каждый другъ въ другѣ врага. Сезарь, бывшій впоследствии экзекуторомъ законодательнаго собранія, и Мартине, національный гвардеецъ 10-го легіона, челоуѣкъ благородный, оба преданные герцогинѣ и ея дѣтямъ, бѣшено дрались между собою, стараясь вырвать другъ у друга маленькаго графа. Бѣднаго ребенка мяли, толкали, роняли о полъ, снова поднимали. Каждый изъ спорящихъ тащилъ его къ себѣ; а онъ между тѣмъ не переставалъ громко плакать и призывать свою мать. Наконецъ, экзекуторъ собранія, Депортъ, не перестававшій заботиться о его безопасности, До, Авонъ, его учитель Курте и еще двое приближенныхъ кое-какъ успѣли выручить его и отнести въ залу *des pas perdus*. Два офицера національной гвардіи, изъ которыхъ одинъ назывался Мари, выскочили чрезъ третье окно въ садъ президентства, приняли ребенка на руки, подбѣжали съ нимъ къ первому окошку нижняго этажа отеля, выбили одно стекло и, отворивъ окно, подали сына обезумѣвшей отъ горя матери.

Второй сынъ герцогини, герцогъ Шартрскій, выхваченный изъ толпы братомъ одного изъ швейцаровъ собранія,

Липманомъ, былъ пронесенъ чрезъ весь нижній коридоръ, о которомъ мы говорили выше, до залы конференціи. Эта зала была совершенно пуста. Липманъ быстро прошелъ мимо бібліотеки, черезъ гардеробную, и привелъ маленькаго герцога въ третій этажъ, въ комнату своего брата. Къ матери ребенокъ былъ отведенъ только чрезъ нѣсколько часовъ.

IV.

Друзья герцога Немурскаго, убѣжденные, что ему грозила опасность, столпились вокругъ него и увлекли его въ залу *des pas perdus*. Тамъ, окруживъ его такъ, что грудь каждаго представляла ему надежную защиту, они сняли съ него всѣ знаки отличія, которые могли бы открыть народной ненависти его имя и положеніе. Снявъ съ себя платье и передавъ его Матье, ардешскому депутату, онъ надѣлъ пальто Оссонвиля. Круглая шляпа, надвинутая на глаза, довершила переодѣзванье и сдѣлала герцога совершенно неузнаваемымъ.

Во все это время онъ, совершенно забывъ о себѣ, думалъ только о своей невѣстѣ и упрасивалъ всѣхъ заботиться о ея безопасности; и только увѣрившись, что она внѣ всякой опасности, согласился уйти съ Жерве, однимъ изъ служителей палаты, въ комнату, гдѣ собиралась въ послѣднее время комиссія бюджета. Здѣсь, чтобы окончательно переодѣть его, Жерве, бывший солдатомъ національной гвардіи, отдалъ ему свой мундиръ, и Гонне, солдатъ десятого легіона, вручилъ ему свое ружье, сказавъ: „Это ружье было при Аустерлицѣ и не принесетъ вамъ несчастія. Оно заряжено!“

Такимъ образомъ, въ платьѣ солдата и подъ именемъ Дюрана, герцогъ вышелъ изъ той самой палаты, куда еще недавно входилъ какъ принцъ крови и главнокомандующій. Дойдя до двора президентства, въ сопровожденіи лишь нѣ-

сколькихъ солдатъ національной гвардіи, онъ поспѣшилъ къ своей невѣсткѣ и безъ всякихъ приключеній отыскалъ ее уже въ отелѣ Инвалидовъ.

V.

По выходѣ герцогини изъ палаты, многіе изъ друзей ея совѣтовали ей укрыться между національной гвардіей; но другіе находили это опаснымъ, и потому рѣшили отвести ее въ отелъ Инвалидовъ, гдѣ она могла оставаться въ совершенной безопасности.

Небольшая карета, въ которой обыкновенно разѣзжали курьеры президентства, и которая теперь была приготовлена на случай бѣгства президента и его семейства, стояла совсѣмъ готовая на дворѣ. Герцогиня сѣла въ нее съ своимъ старшимъ сыномъ. Офицеръ втораго легіона національной гвардіи, Бюрке, и Мартине, не покидавшій ее ни на минуту, сѣли на переднюю скамейку. Жюль де Ластейри взобрался на козлы съ кучеромъ и приказалъ ѣхать къ Инвалидному замку. Впереди кареты ѣхали Курте и статсъ-дама герцогини, г-жа де Венъ, а позади — Морне, Лезюэръ, Депортъ и небольшое число друзей, остававшихся вѣрными до послѣдней минуты, и національные гвардейцы, не захотѣвшіе покинуть жертвъ этого великаго несчастія *).

*) Читатель видитъ изъ этихъ подробностей, можетъ быть даже черезчуръ точныхъ, съ какимъ стараніемъ мы хотѣли изслѣдовать этотъ важный эпизодъ февральской революціи. Въ этомъ примѣчаніи мы прибавимъ подробности, которыхъ не допускають предѣлы нашего разсказа.

Стенографы Монитера относятъ выходъ принцессы изъ палаты къ тому времени, когда туда ворвалась вторая колонна народа. Но это несправедливо. Многія лица, находившіяся въ засѣданіи и не покидавшіе герцогиню до послѣдней минуты, утверждаютъ, что она вышла только тогда, когда уже хоры были заняты послѣдней колонной, которой вооруженіе и угрожающіе крики заставляли бѣжать президента Созе. Эта ошибка стенографовъ объясняется очень легко: сидя внизу кафедры, они перестали видѣть

VI.

На сколько послѣднее засѣданіе палаты депутатовъ было шумно и тревожно, на столько засѣданіе перовъ было спокойно. Оно открылось въ половинѣ втораго и скоро закрылось, послѣ незначительнаго пренія о какомъ-то постановленіи. Народъ и не думалъ занимать палату перовъ, онъ едва зналъ о ея существованіи. Безсильная власть перовъ, не имѣвшая никакого твердаго основанія, не была опрокинута, она исчезла сама собою: послѣ безцвѣтнаго существованія, она тихо угасла.

VII.

Теперь только три позиціи были заняты войсками: площадь Согласія, занятая генералами Бедо и Рюльеромъ; Пантеонъ, прикрытый генераломъ Рено, и полицейская префекту-

герцогиню съ того времени, какъ приближенные ея стали вѣдѣть и герцога Немурскаго, чтобы защитить ихъ въ случаѣ опасности. По этой же самой причинѣ они думали, что принцесса, сидѣвшая у дверей противъ каедръ, вышла именно въ эту дверь. Это опять ошибка, какъ показываютъ приведенныя выше подробности. Герцогъ и герцогиня съ дѣтьми вошли во дворецъ Бурбоновъ черезъ ворота, которые находятся противъ моста Согласія, а вышли оттуда тремя воротами: герцогиня вышла въ каретѣ изъ двора, гдѣ находятся конюшни президентства, герцогъ Немурскій въ маленькіе ворота, ведущіе въ аллею, которая идетъ изъ отеля въ Университетскую улицу, и наконецъ герцогъ Шартрскій черезъ ворота № 116.

Основываясь на этомъ подробномъ изслѣдованіи, мы можемъ сказать положительно, что при выходѣ изъ палаты ни герцогиня, ни дѣти ея, ни герцогъ Немурскій не подвергались никакой опасности со стороны народа. Никого изъ нихъ не преслѣдовали, никому даже не грозили. Единственная опасность, грозившая имъ, опасность дѣйствительно серьезная, была именно та, о которой мы говорили. Той же, которой желали избѣжать, и не существовало. Но окружавшая ихъ толпа, сбившаяся въ узкомъ проходѣ, суматоха, паническій страхъ, недовѣрчивость, слѣпое усердіе многихъ, вотъ что чуть было не погубило несчастныхъ бѣглецовъ. Герцогиня Орлеанская и ея дѣти съ трудомъ избѣжали гибели, въ которую вовлекли ихъ друзья, желая спасти отъ воображаемой опасности.

ра, занятая сильнымъ гарнизономъ подѣ начальствомъ генерала Сентъ-Арно. Кромѣ того, въ военномъ училищѣ находились нѣсколько полковъ и артиллерія, но здѣсь не мѣсто описывать событія, происходившія на этомъ пунктѣ.

Около трехъ съ половиною часовъ генералы Рюльеръ и Бедо узнали о происшествіяхъ въ палатѣ, о паденіи партіи регентства, удаленіи герцогини и герцога Немурскаго и назначеніи временнаго правительства. Съ этого времени присутствіе войскъ становилось бесполезнымъ и даже опаснымъ. Генераловъ попросили увести войска и они рѣшились сдѣлать это. Оставшаяся пѣхота и кавалерія получили приказаніе разойтись по квартирамъ и войти въ соглашеніе съ національной гвардіей. Кавалерія отступила безъ всякаго препятствія; но пѣхота была почти совершенно обезоружена народомъ, безъ всякаго впрочемъ насилія, потому что солдаты и сами спѣшили отдавать свои ружья.

Генераль Рюльеръ отправился домой. Что же касается генерала Бедо, то онъ отправился сначала въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобы отыскать Одилона Барро, котораго считалъ членомъ временнаго правительства, а потомъ началъ отыскивать маршала Бюжо, — но напрасно. Переодѣтый въ статское платье, маршалъ оставилъ свою квартиру, нѣсколько времени бродилъ вокругъ палаты, а потомъ уѣхалъ по орлеанской желѣзной дорогѣ.

VIII.

Какъ мы уже говорили, еще съ полудня сообщенія съ Пантеономъ были отрѣзаны; но генераль Рено, защищаемый оградой Пантеона, не робѣлъ. Однако сцены въ двѣнадцатомъ округѣ и въ Политехнической школѣ, стычки на сосѣднихъ баррикадахъ, постоянно возбуждая волненіе народа, дѣлало положеніе Рено болѣе и болѣе опаснымъ. Удача или неудача его зависѣли отъ случая.

Правда, что національная гвардія дѣлала все возможное чтобы успокоить народъ. Многіе офицеры уговаривали его, что такъ какъ онъ овладѣлъ уже всѣми позиціями, то ему не за чѣмъ было трогать генерала Рено, который и безъ того скоро долженъ будетъ сдаться. Подполковникъ Пупинель и помощникъ мера Жюбе старались убѣдить генерала въ бесполезности его сопротивленія. Рено не могъ не согласиться съ ихъ доводами, но долгъ и честь не допускали его самовольно оставить ввѣренный ему постъ. Наконецъ въ два часа, узнавъ о состояніи столицы, убѣдясь, что только онъ оставался еще на своемъ мѣстѣ, что ему уже нечего и некого было защищать, и очевидно предстояло погибнуть безъ всякой пользы, онъ созналъ, что прямой долгъ его теперь былъ—спасеніе своихъ подчиненныхъ. И такъ рѣшено было, что войско его, собравшись въ тѣсную колонну, имѣя въ главѣ и позади себя національную гвардію, отправится въ свои казармы. Народъ выказалъ полное уваженіе къ этой капитуляціи и даже, чтобы облегчить отступленіе кавалеріи, поспѣшилъ срыть баррикады, которыя потомъ тотчасъ-же возвелъ опять. Отступленіе совершилось въ полномъ порядкѣ.

Прибывъ въ казармы Муфтаръ, командиръ пятнадцатаго линейнаго, полковникъ Брюне, ввелъ своихъ солдатъ и сталъ благодарить національных гвардейцевъ, какъ вдругъ народъ, направленный на этотъ пунктъ, ринулся къ дверямъ, и, не давая запереть ихъ, вторгнулся въ казармы.

Генералъ Рено отвелъ пятьдесятъ пятый линейный полкъ въ Лурсинскія казармы и вошелъ туда послѣдній. Капитанъ Лабонъ съ двадцатью солдатами національной гвардіи охранялъ дверь. Этотъ слабый пикетъ (полковникъ Пупинель, желая защитить разомъ всѣ казармы, былъ вынужденъ разбить на части небольшой отрядъ, находившійся въ его расположеніи) нѣсколько времени сдерживалъ народъ, но толпа постоянно прибывала, и усилія караула становились бесполезными.

Народъ требовалъ оружія. Не смотря на всю невозможность сопротивленія, генераль не хотѣлъ уступить безъ боя. Долго переговаривался онъ съ народомъ, убѣждая его пощадить его военную честь. Но упоеніе побѣды мѣшало толпѣ слушать, и генераль увидѣлъ себя въ необходимости раздать ружья. Съ наступленіемъ ночи онъ удалился съ своими ординарцами.

IX.

Въ это же самое время въ полицейской префектурѣ происходила сцена болѣе поразительная, имѣвшая весьма трагическую развязку. Еще съ вечера здѣсь собрались вокругъ подполковника Пьера отряды муниципальной гвардіи, разогнанные мятежниками. вмѣстѣ съ карауломъ занимавшимъ эту позицію, здѣсь было около 1500 человекъ, и кромѣ того находился батальонъ 10 легіона національной гвардіи. Делессеръ былъ еще въ префектурѣ и изъявлялъ неудовольствіе на то, что уже два дня не получалъ никакихъ инструкцій. Съ половины 11 главное начальство ввѣрено было генералу Сентъ-Арно, сдѣлавшему распоряженіе, какъ можно болѣе избѣгать всѣхъ возможныхъ столкновеній съ народомъ. Мы знаемъ, что въ это время желаніе установить миръ преобладало уже вездѣ.

Съ этою цѣлью префектъ и генераль Сентъ-Арно рѣшились сами объѣхать всѣ набережныя; они объявили войскамъ и народу о мирномъ расположеніи двора, о новомъ министерствѣ и прекращеніи борьбы, чему служило доказательствомъ освобожденіе плѣнныхъ. Обманутые африканскимъ кепи генерала, солдаты и народъ кричали: „да здравствуетъ Ламорисьеръ!“ и ошибка эта послужила въ пользу Сентъ-Арно, тогда какъ Ламорисьеръ изъ за нее чуть было не погибъ. Однако благопріятное впечатлѣніе, произведенное всѣми этими новостями, было весьма непродолжительно; скоро обстоятельства снова приняли мрачный характеръ. Взятіе городской

думы зажгло соревнованіе во всѣхъ народныхъ отрядахъ. Спокойные до того времени, они сдѣлались теперь угрожающими. Встревоженные этимъ генераль и префектъ приказали запретить всѣ ворота префектуры и для охраненія ея назначили 70-тый линейный, двѣ роты 14-го, взводъ 8-го драгунскаго, подъ начальствомъ командира 70-го линейнаго, полковника Бургона, и кромѣ того нѣсколько отрядовъ 10-го легіона.

Х.

Въ часъ по полудни черезъ мостъ Сень-Мишель прошелъ 15-тый линейный полкъ, возвращавшійся изъ думы. Солдаты шли держа ружья прикладами вверхъ и казались скорѣе союзниками народа, чѣмъ побѣжденными; огромная толпа сопровождала ихъ. Человѣкъ двадцать рабочихъ съ лейтенантомъ національной гвардіи Картере отдѣлились отъ этого кортежа и подошли къ префектурѣ.

Это обстоятельство побудило полковника Бургона немедленно ввести свои войска во дворъ префектуры. Тогда 10-й легіонъ, видя себя совершенно оставленнымъ и зная при томъ объ отреченіи короля, покинулъ свою позицію. Только одинъ офицеръ Жувансель, прежде бывшій депутатомъ, видя критическое положеніе войскъ въ префектурѣ, остался на мѣстѣ и удержалъ съ собою 5 или 6 гвардейцевъ, для того, чтобы въ случаѣ нужды стать посредниками между войскомъ и народомъ. Скоро прибыла сюда-же рота 11-го легіона съ капитаномъ Паранъ-Лаложъ, лейтенантами Бартелемье и Леруа и сержантомъ Эбраръ. Но этого было слишкомъ мало при такихъ обстоятельствахъ. Отступленіе 10-го легіона, которому при благоразумной предусмотрительности легко можно было помѣшать, повело за собою самыя печальныя послѣдствія. Увидя опустѣлыя набережныя, народъ разсыпался по нимъ и всею массою окружилъ гарнизонъ, запертый на дворѣ префектуры. Вокругъ всего зданія образовались посты для нападенія. На-

бережныя и даже глубокія окна сосѣднихъ домовъ покрылись нападающими. Самые смѣлые взобрались на крыши, нѣкоторые взошли на башни Notre-Dame. Къ нападающимъ присоединилось много любопытныхъ, которые съ жаднымъ нетерпѣніемъ ожидали приступа, какъ нѣкогда народъ римскій кровавой битвы въ циркѣ.

XI.

Между тѣмъ Картере, вошедшій въ префектуру въ качествѣ парламентаря, выпросилъ у префекта ружья для своихъ людей, съ условіемъ употребить ихъ только для водворенія порядка. Въ это время Жувансель, Паранъ-Даложъ и національные гвардейцы употребляли самыя благородныя усилія для обузданія толпы. Картере между тѣмъ, раздавъ ружья кому слѣдовало, снова пришелъ въ префектуру, съ двумя другими офицерами національной гвардіи, и повелъ переговоры съ префектомъ о сдачѣ позиціи. Переговоры трудные при неуступчивости и озлобленіи обѣихъ сторонъ.

„Правительство свергнуто!“ говорили представители народа. „Парижъ въ нашихъ рукахъ; вамъ нечего и некого защищать, и сопротивленіе ваше не имѣетъ никакой цѣли. Если завяжется битва, она будетъ смертельна. И какіе будутъ результаты ея? Излишнее пролитіе драгоцѣнной крови! Удадитесь-же добровольно; мы увѣряемъ васъ честью, что вы не будете оскорблены при вашемъ отступленіи“. Невозможно было не сознать всей справедливости такихъ доводовъ.

Но муниципальные гвардейцы не хотѣли и слышать о капитуляціи; въ отчаяніи, они рѣшились держаться до послѣдней крайности. Сентъ-Арно былъ въ сильномъ затрудненіи. Что было дѣлать? Заставить ли ихъ отступать насильно, или защищаться съ ними на смерть? Инструкціи правительства строго предписывали избѣгать кровопролитія, но военная честь требовала сопротивляться.

„Вы вѣдь не въ крѣпости“, продолжалъ Картере. „Вамъ держаться трудно. Въ префектурѣ сохраняются полицейскіе архивы, неужели вы согласитесь подвергнуть ихъ истребленію? Вѣдь это значитъ компрометировать безопасность всей Франціи“. Послѣ долгихъ споровъ, Делессеръ долженъ былъ уступить, и, поручивъ Картере и дежурному офицеру Элуэну позаботиться о сохраненіи архивовъ, около двухъ часовъ удалился съ старшимъ секретаремъ своимъ Пинелемъ, черезъ дворъ Гарлей. На площади Дофинъ онъ встрѣтилъ капитана 11-го легіона, Рибокура, съ нѣсколькими гвардейцами и попросилъ ихъ отправиться на помощь къ Картере и Паранъ-Лаложу. Можетъ быть это излишнія подробности, но они необходимы для того, чтобы показать, что Делессеръ, оставляя префектуру, не былъ исключительно занятъ заботою о собственномъ спасеніи.

XII.

Оставшись одинъ, Сентъ-Арно продолжалъ переговоры; но чѣмъ дальше шли они, тѣмъ сильнѣе становились притязанія народа, тѣмъ болѣе возрастало сопротивленіе муниципальной гвардіи, а слѣдовательно и опасность положенія. Въ то время какъ взволнованная чернь колотила въ двери, гарнизонъ готовилъ оружіе. Посредники торопили генерала уступить и, взобравшись на окно, находящееся надъ большой дверью выходящею въ Іерусалимскую улицу, умоляли народъ подождать еще немного. Какъ только улаживалось какое нибудь условіе съ генераломъ, они спѣшили сообщить объ этомъ народу, который отвѣчалъ на это буйными криками.

Наконецъ и самый важный пунктъ переговоровъ былъ рѣшенъ: префектура очищается отъ войскъ, которыя имѣютъ право удалиться со всѣмъ оружіемъ и багажемъ. Народъ согласился на это, но муниципальные гвардейцы отказались по-

виноваться. Новый взрывъ негодованія народа! Наконецъ муниципальные гвардейцы уступили просьбамъ и требованіямъ своего генерала. Но теперь уже народъ заупрямился. „Вы не хотѣли сдаться съ оружіемъ въ рукахъ, кричала толпа, такъ теперь выйдете безъ оружія! Остальныя войска кромѣ васъ имѣютъ право воспользоваться прежнимъ условіемъ“. Невыносимый позоръ для муниципальных гвардейцевъ! они не вынесутъ его! Нѣтъ, тысячу разъ лучше заживо похоронить себя подъ развалинами префектуры.

И такъ, съ одной стороны была ярость, съ другой полное отчаяніе. Полтора часа продолжалось это ужасное состояніе, битва не начиналась. Наконецъ убѣжденія національных гвардейцевъ и нѣкоторыхъ высшихъ административныхъ сановниковъ, а также приказанія генерала положили конецъ всему. Муниципальные гвардейцы рѣшились покориться своему несчастію.

Принесли знамя и обошли съ нимъ всѣ ряды. Солдаты бросились къ нему, окружили его, цѣловали его и со слезами прощались съ нимъ. Его поскорѣе унесли въ комнаты префекта. Тогда солдаты дрожащими отъ волненія руками взялись за свои ружья; трогательно прощались они съ ними, какъ съ вѣрными товарищами, и потомъ, блѣдные отъ гнѣва, бросали ихъ на землю, топтали ногами, разряжали свои пистолеты, разбивали ихъ о стѣны, ломали сабли, срывали съ себя эполеты и мундиры. „По крайней мѣрѣ“, говорили они, „нашему безпощадному врагу не достанется трофеевъ! не будетъ доказательствъ нашего униженія!“ Какое высокое проявленіе военной чести! Эти благородные остатки покрыли весь дворъ префектуры, и старые солдаты, печальные, убитые, равнодушные къ ожидающимъ ихъ насмѣшкамъ и къ сожалѣнію, еще болѣе оскорбительному, приготовились начать свое унижительное отступленіе.

XIII.

Наконецъ жертва была принесена. Ворота отворились (около половины третьяго). 300 человѣкъ муниципальной гвардіи подъ прикрытіемъ взвода національной гвардіи и роты 14-го линейнаго, подъ начальствомъ батальоннаго командира 10-го легіона Феврье, выступили черезъ дворъ Гарлей. Народъ разступился передъ ними молча; не слышно было ни одного крика. Кorteжъ направился къ дому мера 11-го округа, куда прибылъ безъ всякихъ приключеній. На дорогѣ нѣкоторые солдаты вышли изъ фронта и разошлись куда хотѣли. За тѣмъ выступилъ 70-й линейный и направился черезъ набережную des Orfèvres и Новый мостъ. По дорогѣ они раздали народу свое оружіе. Оставалась еще одна колонна, послѣдняя; она выступила въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди Венсенскіе стрѣлки, потомъ двѣ роты 70-го линейнаго, конная муниципальная гвардія и наконецъ пѣшая. Генераль Сентъ-Арно ѣхалъ впереди. Храбрые и честные солдаты національной гвардіи прикрывали колонну со всѣхъ сторонъ. Безмолвно смотрѣлъ на нее народъ; ни словомъ, ни жестомъ не высказывалъ онъ угрозы или оскорбленія. Только одинъ крикъ раздался, — крикъ этотъ былъ: „уважайте побѣжденных!“ Лѣвый берегъ Сены былъ свободенъ, благоразуміе требовало идти этой дорогой. Но Сентъ-Арно, котораго муниципальная гвардія не разъ упрекала впослѣдствіи, что онъ въ эти критическія минуты терялъ голову, повелъ отрядъ свой по правому берегу, усѣянному баррикадами и бойцами, потомъ повернулъ на лѣво черезъ улицу Барильери къ мосту au Change. Но здѣсь были уже не тѣ люди, которые предписали капитуляцію полицейской префектурѣ. На Цвѣточной набережной инсургенты, увидя предъ собою довольно большой отрядъ войска, первые ряды котораго были вооружены, слѣдали залпъ. Однако эта непріязненная выходка тотчасъ была прекращена,

снова раздался охранительный крикъ: уважайте побѣжденныхъ, и колонна продолжала свой путь черезъ мостъ au Change и набережную de Gèvres.

Въ это время съ противоположной стороны показался отрядъ подъ предводительствомъ какого-то молодаго всадника со знаменемъ впереди. При видѣ муниципальной гвардіи народъ заволновался. „Вотъ убійцы народа!“ закричали сотни грозныхъ голосовъ, „надо обезоружить ихъ!“ И въ слѣдъ за тѣмъ, пропустивъ впередъ Венсенскихъ стрѣлковъ и линейное войско, они сдѣлали залпъ изъ ружей по муниципальнымъ гвардейцамъ. Другіе выстрѣлы посыпались изъ сосѣднихъ улицъ и набережныхъ. За тѣмъ началась страшная сумятица. Пѣшіе муниципалы разсыпались во все стороны, конные понеслись во всю прыть къ городской думѣ, взобрались по катящимся камнямъ на баррикаду, возведенную на углу площади, разсыпались по всей площади, смяли толпу, разогнали ее и разбѣжались куда попало. При этомъ неожиданномъ появленіи, люди запиравшіе городскую думу вообразили, что на нихъ дѣлаютъ новое нападеніе и встрѣтили муниципальных гвардейцевъ выстрѣлами, но какъ скоро замѣтили, что тѣ совершенно обезоружены, огонь и преслѣдованіе прекратились, все двери открылись для побѣжденныхъ и каждый поспѣшилъ помочь имъ. Генераль Сентъ-Арно, сбитый съ лошади, былъ окруженъ разъяренной толпой. Солдаты національной гвардіи спасли его *). Онъ бросился въ городскую думу, гдѣ нашелъ безопасное убѣжище у парижскаго мера. На другой день на набережной валялись еще трупы трехъ лошадей.

XIV.

Это былъ послѣдній кровавый эпизодъ Февральской революціи. Впослѣдствіи рассказывали еще много разныхъ нелѣпостей;

*) Между прочимъ адъютантъ 9 легіона Гальяръ.

говорили о замученныхъ муниципальныхъ гвардейцахъ, о заключенныхъ въ тюрьму солдатахъ, жертвахъ народной ненависти,—но все это клевета! Нѣтъ, въ эти достопамятные дни парижскій народъ не показалъ себя безчеловѣчнымъ. Едва только солдатъ слагалъ оружіе, какъ онъ дѣлался неприкосновеннымъ. Тѣ, кто искалъ убѣжища въ лавкахъ или домахъ, были охотно принимаемы и никто не покушался брать ихъ оттуда силою. Нѣтъ! столица цивилизаціи не сдѣлалась театромъ низкой мести; она не была опозорена злодѣяніями безжалостныхъ побѣдителей. Напротивъ того, всякій старался спасти побѣжденныхъ, помогать имъ. Бѣднѣйшіе люди укрывали ихъ съ такою же готовностью, какъ и самые богатые. Многіе рабочіе отдавали послѣднее платье даже этимъ муниципальнымъ гвардейцамъ, противъ которыхъ былъ такъ раздраженъ народъ. Можно сказать смѣло, что каждый изъ нихъ былъ непремѣнно чѣмъ нибудь обязанъ одному изъ гражданъ Парижа.

Наконецъ слова наши лучше всего подтверждаются цифрою потерь, понесенныхъ муниципальной гвардіей и арміей. Въ продолженіе трехъ дней въ цѣломъ городѣ убито было 22 человѣка муниципальной гвардіи, 46 линейныхъ солдатъ и 4 офицера *). Въ народѣ убито 275 мужчинъ и 14 женщинъ; всего 289 человѣкъ. Число раненныхъ съ обѣихъ сторонъ пропорціонально числу убитыхъ **).

*) Оффиціальныя донесенія Hôtel de Ville полагаютъ число убитыхъ только въ 16 муниципальныхъ гвардейцевъ, 27 солдатъ и 4 офицера. Мы заимствовали наши свѣдѣнія изъ военнаго министерства. Разница произошла безъ сомнѣнія отъ того, что военное министерство считало въ числѣ убитыхъ и раненыхъ, умершихъ впоследствии отъ ранъ.

**) Число поступившихъ въ парижскіе госпитали около 30 марта возходитъ до 641, изъ которыхъ 530 мужчинъ изъ народа, 94 военныхъ и 17 женщинъ. 104 человѣка изъ этого числа умерли. Считая еще пользовавшихся на домахъ, можно положить число раненныхъ до 1000 человѣкъ.

XV.

Какъ только войска оставили префектуру, 4-ая рота 2-го батальона 11 легіона заняла всѣ посты. Немедленно приставили караульныхъ къ кассѣ, архиву, тюрьмѣ, канцеляріи. Прибрали переломанное оружіе муниципальныхъ гвардейцевъ. Порядокъ, повидимому, былъ водворенъ. Національные гвардейцы оказали огромную услугу Парижу и цѣлой Франціи. Капитанъ Парапъ-Лаложъ, который, вмѣстѣ съ Картере и Жуванселемъ, выказалъ необыкновенное самоотверженіе и мужество, былъ потомъ смѣненъ капитаномъ де Рибокуромъ. Вѣрный обѣщанію, данному Делессеру, Картере вмѣстѣ съ Элуэномъ вступилъ въ отправленіе своей временной обязанности.

Въ 3¼ часа, среди всеобщаго спокойствія, прибылъ Косидьеръ съ Собрье и Делаодомъ. Онъ явился туда прямо изъ собранія въ редакціи журнала *la Réforme* и объявилъ, что временное правительство вручило ему полицейскую администрацію. Вступленіе свое въ новую должность онъ ознаменовалъ поступкомъ полнымъ большаго такта. Когда его хотѣли ввести въ комнаты префекта, онъ отказался войти туда. Не желая даже входить въ его кабинетъ, онъ помѣстился въ комнатѣ старшаго секретаря, и за тѣмъ приступилъ къ полицейскимъ распоряженіямъ и составленію прокламацій.

XVI.

Собраніе въ редакціи журнала *la Reforme* было устроенно Луи-Бланомъ. Мы видѣли, что онъ ушелъ изъ редакціи *National* недовольный поступкомъ правительства въ отношеніи къ радикаламъ его партіи; послѣ этого онъ поспѣшилъ пайти себѣ точку опоры въ контръ-манифестаціи. И потому въ два часа въ улицѣ Жанъ-Жакъ-Руссо, въ редакціи журнала *la Réforme* собралось уже человѣкъ двадцать редакторовъ и кліентовъ журнала, прибывшихъ изъ разныхъ

концевъ Парижа, преимущественно изъ Пале-Рояля и Тюльери. Скоро число это возрасло до 40. Смотра на ихъ энергическія лица, на губы, почернѣвшія отъ пороху, на руки, не покидавшія оружія, даже во время совѣщанія, можно было подумать, что это скорѣе военный совѣтъ, чѣмъ политическое сборище. Президентомъ собранія былъ сначала избранъ Бонъ, но потомъ его замѣнили Мартеномъ (изъ Страсбурга), послѣднимъ сюда изъ редакціи журнала *National*, чтобы предупредить возможность непріятнаго столкновенія между двумя сильными республиканскими партіями. Здѣсь находились Флоконъ, Луи-Бланъ, Оберъ Рошъ, Форестье, Гуашъ, Гранмениль, Торе, Камиль-Боке, Тифенъ, Делаодъ и другіе. Скоро прибыли еще Этьенъ Араго, д'Альтонъ-Ше, Коссидьеръ, Собріе, Альберъ и еще нѣкоторые.

Началось совѣщаніе. По мнѣнію Бона, самую первую и насущною потребностью демократіи была организація ея власти. отъ этого зависѣлъ весь успѣхъ дѣла. Оберъ Рошъ разсказалъ объ очищеніи Тюльери, нападеніи на дворецъ и вторженіи въ палату. Но Луи-Бланъ снова поднялъ вопросъ, предложенный Бономъ и настаивалъ на необходимости организовать республиканскія правительства. Это было дѣйствительно дѣломъ особенной важности. Мартенъ (изъ Страсбурга) старался поддержать мнѣніе Луи-Блана, прибавивъ, что друзья его въ редакціи *National* готовы сойтись съ представителями газеты *la Réforme*, чтобы съ общаго совѣта составить новое правительство.

Съ принятіемъ этого рѣшенія, на общее обсужденіе предложенъ былъ слѣдующій списокъ: Дюпонъ де л'Еръ, Ледрю-Ролленъ, Франсуа Араго, Карно, Мари, Ламартинъ, Одиллонъ Барро, Ламорисьеръ, Гарнье-Паже, Флоконъ, Луи-Бланъ, Марра, Одри де Пюйраво, Ламене, Беранже. Многіе изъ этихъ именъ возбудили ропотъ. По предложенію Бона, рѣшено было предлагать на обсужденіе каждое имя отдѣльно.

Дюпонъ де л'Ерь, Ледрю-Ролленъ, Араго и Луи Бланъ были приняты всѣми единодушно. Карно не приняты какъ автора брошюры, имѣвшей по мнѣнію журнала *la Réforme* характеръ слишкомъ примирительный. Противъ имени Мари тоже начались было возраженія, но онъ былъ депутатомъ 5 округа, а 5 легіонъ оказалъ партіи реформистовъ и всей революціи столько блестящихъ услугъ, что заслуживалъ вознагражденія, и потому Мари былъ принятъ. Ламартинъ былъ человѣкъ совершенно новый въ республикѣ, но геній вездѣ имѣетъ право гражданства; кромѣ того, это великое имя представляло залогъ союза департаментовъ и потому Ламартинъ былъ принятъ съ восторгомъ. Мартенъ (изъ Страсбурга) съ жаромъ поддерживалъ кандидатство Одиллона Барро, утверждая, что это имя было необходимо для присоединенія буржуазіи къ республикѣ, и что оно послужило бы вѣрнымъ доказательствомъ, что республиканская партія при самомъ основаніи своемъ жалала общаго союза. Но всѣ эти доводы не могли побѣдить закоренѣлаго предубѣжденія и Одиллонъ Барро былъ единодушно отвергнутъ. Нѣсколько замѣчаній слышались противъ Гарнье-Паже, но имя его внушало слишкомъ много уваженія, чтобы онъ могъ быть отвергнутъ. Беранже и Ламене были бы приняты съ энтузіазмомъ, но бремя власти показалось слишкомъ тяжелымъ для ихъ ослабѣвшихъ силъ. Имя Одри де Пюйраво, бывшаго тогда виѣ Парижа, почти прошли молчаніемъ. Марра и Флоконъ, какъ представители прессы въ правительствѣ, какъ представители журнала *la Réforme* и *National*, были приняты. (Флоконъ единодушно, Марра съ нѣкоторымъ затрудненіемъ). О Ламорисьерѣ сказано было, что бывши только поутру королевскимъ министромъ онъ не могъ въ тотъ же вечеръ сдѣлаться однимъ изъ вождей республики. Рекюръ, предложенный Коссидьеромъ, былъ принятъ единогласно.

ХVІІ.

Въ этомъ списокѣ были представители Парижа, департаментовъ, національной гвардіи, прессы, литературы; не было только представителя того сословія, которое только что одержало побѣду, которое билось на баррикадахъ, произвело революцію, однимъ словомъ не было представителя народа. Луи-Бланъ потребовалъ, чтобы списокъ законченъ былъ именемъ какого нибудь рабочаго, и все собраніе единодушно согласилось. Одинъ изъ присутствующихъ рабочихъ предложилъ Паскаля, изъ мастерскихъ (Atelier), другой механика Альберта. Альбертъ пользовался гораздо меньшею извѣстностью нежели Паскаль, но какъ нарочно онъ вошелъ въ эту минуту и потому вопросъ былъ рѣшенъ въ его пользу.

И такъ, списокъ былъ оконченъ. Мартену (изъ Страсбурга) поручили сообщить его въ редакцію журнала National; другіе должны были передать его Ледрю-Роллену, для того чтобы онъ немедленно созвалъ въ Думѣ всѣхъ назначенныхъ членовъ. Наконецъ собраніе рѣшило, что Этьенъ Араго приметъ въ свое завѣдываніе почтамтъ, а Коссидьеръ полицію; потомъ всѣ разошлись съ крикомъ: „да здравствуетъ республика!“ — Было три часа.

Дѣйствія Коссидьера въ префектурѣ уже извѣстны намъ. Что касается Араго, то онъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей отправился въ почтамтъ, велѣлъ проводить себя къ директору Дежану, депутату консервативной партіи, сообщилъ ему о своемъ назначеніи, рекомендовавъ себя предъ всѣми чиновниками, которые тутъ же признали его своимъ начальникомъ, и распорядился разослать повсюду курьеровъ, не смотря на всѣ препятствія, казавшіяся непреодолимыми.

Контора журнала National, извѣщенная Мартеномъ (Страс-

бургскимъ) не сдѣлала никакого возраженія *). Но въ палатѣ въ это время уже составилось свое правительство. Было слишкомъ поздно сообщить туда планъ, составленный въ конторѣ журнала *la Réforme*, и потому рѣшено было отнести его въ Думу.

XVIII.

Между тѣмъ Мари и Карно, отдѣлившись отъ кортежа, сопровождавшаго изъ палаты временное правительство, прибыли въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ порученіемъ объявить департаментамъ о совершившейся революціи.

Здѣсь находился Одиллонъ Барро. Послѣ нападенія народа на палату, онъ покинулъ мѣсто безполезной борьбы и, воображая, что еще можно было спасти дѣло регентства, возвратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ. За нимъ послѣдовали немногіе изъ его друзей, а также три консервативныхъ депутата: Дарю, Шаслу-Лоба и Жанвие.

Тутъ попытались они устроить партію противъ временнаго правительства. Они сдѣлали воззваніе къ преданности трехъ легіоновъ. Барро собственноручно написалъ къ Берже, меру 2-го округа:

„Во имя порядка, мы просимъ г. Берже прислать 2-ой легіонъ на площадь Биржи.

Од. Барро“.

Съ своей стороны Ламорисьеръ, едва спасшійся отъ смерти, раненный, изнуренный, побѣждалъ въ 10 и 11 легіоны, и пустивъ въ ходъ все свое энергическое краснорѣчіе, старался убѣдить ихъ принять сторону герцогини Орлеанской. Но все было напрасно. Берже, на котораго такъ рассчитывалъ Барро, отвѣчалъ, что онъ признаетъ временное правительство. Минѣ-

*) Въ это время въ конторѣ *National* раздавали слѣдующую печатную прокламацію: «Нѣтъ болѣе Бурбоновъ, нѣтъ болѣе королевской власти! да здравствуетъ республика!»

ніе Гарнье-Паже, сообщенное Барро, окончательно разбило надежды послѣдняго. Убѣдившись въ невозможности сохранить для герцогини корону, Барро обратилъ свою заботливость на ея личное спасеніе и потому, узнавъ, что она находилась въ замкѣ Инвалидовъ, попросилъ Курте, Панъера, Біеста, д'Арагона и Люно отправиться къ ней, узнать ея послѣднія распоряженія и принять всѣ мѣры для ея безопасности, а самъ сталъ ожидать послѣдствій.

XIX.

Карно и Мари, прійдя въ министерство внутреннихъ дѣлъ, нашли Барро совершенно убитымъ. Онъ встрѣтилъ ихъ съ глубокой горестью. На ихъ убѣдительныя просьбы занять мѣсто въ новомъ правительствѣ онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, это невозможно. То, что совершилось сегодня, превзошло мои надежды и ожиданія. Я не могу слѣдовать за вами, я буду вамъ мѣшать. Оставьте меня въ неизвѣстности по крайней мѣрѣ хоть на нѣкоторое время. Но если Франціи понадобится лишніи солдаты, то вы найдете меня всегда готовымъ служить ей“. Они продолжали упрашивать. „Нѣтъ, продолжалъ Барро. Они хотятъ провозгласить республику; я не буду идти противъ нея, не буду препятствіемъ для нея, но не могу содѣйствовать ея основанію. Вы—другое дѣло, вы можете сдѣлать это. Опасности и трудности, которыя представляетъ это служеніе, будутъ довольно велики, чтобы оно сдѣлалось святымъ долгомъ“. Послѣ этого Мари и Карно оставили его, сдѣлавъ нужныя распоряженія, чтобы сообщить департаментамъ о составленіи временнаго правительства. Одиллонъ Барро остался ожидать приказаній герцогини Орлеанской. Скоро пришелъ къ нему Мальвиль, которому Гарнье-Паже поручилъ на короткое время заботу о безопасности министерства внутреннихъ дѣлъ, за что онъ взялся съ полною готовностью. Мальвиль передалъ ему о всемъ происходившемъ въ Думѣ, объ

учрежденіи временнаго правительства, о провозглашеніи республики, о волненіи въ народѣ и объ опасномъ положеніи принцессы вслѣдствіе того, что бѣгство ея сдѣлалось извѣстнымъ. Барро поспѣшилъ въ замокъ Инвалидовъ.

XX.

Толпа, которая только что съ такою силою нахлынула изъ Думы въ налату, теперь точно также бросилась изъ палаты къ Думѣ. Всякое правительство въ первыя минуты своего существованія привлекаетъ всѣхъ: — любопытныхъ честолюбцевъ и людей просто безкорыстныхъ.

Въ то время какъ Эммануиль Араго отправился за своимъ больнымъ отцемъ, чтобы проводить его къ мѣсту его новой обязанности, Дюпонъ де л'Ерѣ, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ и Кремье проходили по набережнымъ (было около четырехъ часовъ). Впереди ихъ шли два барабанщика, за тѣмъ капитанъ національной гвардіи Дюнойе и какой-то рабочій, съ голыми руками, несли два знамени. Ламартинъ шелъ подъ руку съ Бастидомъ. За ними слѣдовали Сентъ-Аманъ, Гетцель, Дюма, Бокажъ, Кантагрель и другіе. Потомъ Ледрю-Ролленъ и друзья его. Наконецъ Дюпонъ де л'Ерѣ съ Кремье *). Дрянной извозничій кабріолетъ везъ почтеннаго вождя перваго правительства республики. Вокругъ ихъ безчисленное число національныхъ гвардейцевъ, рабочихъ, студентовъ шли рядомъ рука объ руку. Длинные ряды, собранные въ колонны, привѣтствовали громкими криками торжество демократіи. Народъ па всемъ пути этого шествія съ почтеніемъ открывалъ головы и преклонялся передъ своими избранниками.

У Орсейскихъ казармъ Ламартинъ остановился. Измученный лихорадкою, онъ надалъ отъ усталости. Всѣ столпи-

*) Арсенъ Менье, національный гвардеецъ, другъ Дюпона де л'Ерѣ, на Орсейской набережной уступилъ свое мѣсто Кремье.

лись, чтобы помочь ему. Драгуны, занимавшие казармы, принесли ему стаканъ вина. Вдругъ, при видѣ этихъ солдатъ между народомъ, съ которымъ еще такъ недавно они дрались, сердце его взволновалось, геніальное вдохновеніе охватило его и онъ вскричалъ: „Да здравствуетъ союзъ народа и арміи! Друзья мои, вотъ нашъ банкетъ! Пусть народъ и солдаты братски отпразднуютъ его вмѣстѣ со мною!“

XXI.

Площадь Думы была наполнена народомъ, стекавшимся туда со всѣхъ сторонъ. Въ самой Думѣ собралась непроходимая толпа. Народъ пощадилъ присутствіе, кассу, библіотеку; но комнаты Рамбюто были совершенно опустошены, кухня и погреба разорены въ конецъ. Въ знакъ торжества раздавались выстрѣлы даже въ корридорахъ; всѣ разрушали, но никто не грабилъ. Заботясь о чести своей, народъ написалъ на стѣнахъ: „смерть грабителямъ!“—и конечно его безпощадная нравственность исполнила бы этотъ приговоръ здѣсь, точно также какъ въ Тюльери. Въ эту-то страшную суматоху, около четырехъ съ половиною часовъ, появились на площади члены временнаго правительства. Папрасно сопровождавшій ихъ народъ старался очистить имъ дорогу; невозможно было пробиться сквозь эту густую массу. Ледрю-Раллена оттолкнули отъ товарищей, онъ хотѣлъ пробиться, но толпа увлекла его. Наконецъ съ большимъ трудомъ онъ добрался до дворца.

Откуда же это правительство, совершенно случайное, эта власть, только номинальная, не имѣвшая другой опоры кроме воли народа, которая могла каждую минуту измѣниться, — откуда взяли силу, чтобы установить порядокъ среди величайшей анархіи и изъ груды развалинъ построить прочное зданіе?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Первыя распоряженія парижскаго мера для возстановленія мира и согласія. — Мари и Карно являются въ Hôtel de Ville. — Мальвилль уходитъ оттуда, чтобы на время вступить въ заведываніе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. — Прокламація парижскаго мера. — Является Мартенъ (изъ Страсбурга), который предлагаетъ присоединить имена избранныхъ въ редакціи журнала *la Réforme* къ списку членовъ временнаго правительства, въ качествѣ секретарей. — Члены временнаго правительства въ Hôtel de Ville. — Примирительныя рѣчи Гарнье-Паже и Ледрю-Роллена. — Зала муниципальнаго совѣта; шумъ; два противоположныя мнѣнія; прибытіе членовъ временнаго правительства; крики одобренія. — Дюпонъ де л'Эрь. — Слова Ледрю-Роллена. — Требованіе немедленнаго провозглашенія республики. — Ледрю-Ролленъ отвѣчаетъ, что члены правительства приступятъ къ совѣщанію объ этомъ. — Они собираются. — Появленіе Кремье. — Распоряженія относительно безопасности, спокойствія, благоразумія. — Прокламація Ламартина. Возраженія противъ нея Ледрю-Роллена. — Народъ стесняется въ залу совѣщанія. — Правительство удаляется въ кабинетъ префекта. — Оно совѣщается объ организаціи министерствъ. — Оно рѣшаетъ, что члены его могутъ въ то же время исполнять обязанности министровъ. — Назначеніе министровъ и алжирскаго губернатора. — Поведеніе Гарнье-Паже въ домѣ парижскаго мера. — Различныя назначенія. Курте назначенъ главнымъ начальникомъ національной гвардіи. — Мѣры къ сохраненію порядка. — Возраженія Паньера, Биксіо и другихъ противъ немедленнаго провозглашенія республики. — Имъ поручено пойти за прокламаціями въ національную типографію. — Новыя толпы народа въ залѣ совѣщанія. — Члены правительства опять уходятъ въ другую комнату. — Прибытіе Луи-Блана, Марра, Флокона, — Присоединеніе ихъ вмѣстѣ съ Альбергомъ къ временному правительству въ качествѣ секретарей.

I.

Парижская городская дума имѣть съ площади три подъѣзда. Посрединѣ парадный, налѣво ходъ въ присутствіе, направо въ дворъ префекта. Если войти въ парадный подъѣздъ, то налѣво будетъ комната привратника, а прямо лѣстница въ 19 ступеней, подъ невысокимъ сводомъ, надъ этой лѣстницей — галлерей, окружающая парадный дворъ. Идя по галлерей направо, встрѣчаешь лѣстницу съ довольно оригинальными изваяніями, — слишкомъ узкую для такого огромнаго зданія, которая окончивается площадкой перваго этажа, откуда идутъ: направо корридоръ, прямо зала швейцаровъ.

Корридоръ ведетъ въ залу совѣщаній муниципальнаго совѣта, окна котораго выходятъ на фасадъ параднаго двора, противъ главной двери зданія.

Черезъ залу швейцаровъ входъ въ тронную залу, которая выходитъ фасадомъ на площадь. За тронной залой пріемная зала префекта, его кабинетъ, рабочая комната и наконецъ еще очень маленькая комната. Всѣ эти комнаты проходныя и каждая имѣть дверь въ стеклянный корридоръ.

Этотъ стеклянный корридоръ ведетъ въ двѣ маленькія комнаты и въ канцелярію старшаго секретаря префектуры, находящуюся на углу площади и улицы Tixeranderie.

24 февраля постройка тронной залы не была еще окончена. Та часть ея, которая примыкаетъ къ кабинету префекта, была отгорожена досками и служила переднею.

II.

Послѣ избранія Гарнье-Паже, онъ былъ отведенъ изъ залы муниципальнаго совѣта въ кабинетъ префекта. Это было въ то самое время, когда муниципальные гвардейцы, убѣгая отъ нападенія народа по набережной Пелтье, прискакали сломя голову къ городской думѣ. Разбѣжавъ настоящую при-

чину этого случая, новый нарижскій меръ счелъ первымъ долгомъ остановить кровопролитіе. Онъ хотѣлъ, чтобы торжество народа ознаменовалось не только прекращеніемъ войны, но и началомъ мира. Съ этою цѣлью онъ поспѣшилъ, вмѣстѣ съ вновь избраннымъ секретаремъ своимъ Флотаромъ, написать прокламацію къ жителямъ. Онъ желалъ воззваніемъ къ спокойствію и къ союзу между арміей и народомъ объявить столицѣ объ учрежденіи новаго правительства, которое вышло изъ народа, и показать ей, что оно само утверждало себя энергическою быстротою и возвышеннымъ характеромъ своихъ дѣйствій.

Узнавъ почти въ то же самое время отъ Мальвиля и офицера національной гвардіи Васслена, что жизнь нѣсколькихъ муниципальных гвардейцевъ въ опасности, онъ строго приказалъ, чтобы они были оставлены въ покоѣ; но, опасаясь, что приказаніе его не будетъ исполнено, онъ хотѣлъ самъ идти на защиту ихъ, когда узналъ, что они уже въ безопасности.

Въ эту самую минуту явился къ нему генераль Сентъ-Арно въ изорванномъ платьѣ. Напоминая свои африканскіе подвиги, онъ просилъ для себя убѣжища. „Теперь нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденных“, сказалъ ему меръ и отдалъ его подъ защиту народа, который спасъ его.

Такимъ образомъ первую мыслью революціоннаго управленія была мысль объ общемъ союзѣ, первымъ дѣломъ—человѣколюбивый поступокъ. Замѣчательное совпаденіе! Въ тотъ же самый часъ на другомъ пунктѣ Парижа, другой голосъ, голосъ Ламартина, съ неподражаемымъ краснорѣчіемъ выражалъ тѣ же самыя чувства. Всѣ сердца бились желаніемъ мира и это желаніе внушало одни и тѣ же побужденія.

III.

Въ это время Гарнье-Паже еще не зналъ о происшествіяхъ въ палатѣ депутатовъ. Сознавая всю важность безъ-

отлагательной организаціи правленія, онъ только что послалъ къ своимъ товарищамъ лѣвой стороны приглашеніе собраться къ нему въ городскую думу, какъ вдругъ явились Карно и Мари. Узнавъ отъ нихъ о составленіи временнаго правительства, онъ съ своей стороны сообщилъ имъ обо всемъ, происшедшемъ въ залѣ муниципальнаго совѣта, объ учрежденіи парижскаго мерства и о манифестаціяхъ народа въ пользу Мальвиля. Мальвиль былъ еще тутъ же. Мари и Карно съ жаромъ убѣждали его стать на сторону революціи. „Въ успѣхѣхъ этого дѣла, говорили они, мы видимъ не успѣхъ нашей партіи, но торжество усилій всей оппозиціи. Взгляды наши не такъ ограничены, узки, тупы, личны, исключительны. Не удаляйтесь же отъ насъ, не разрывайте добровольно узъ, насъ соединяющихъ! Согласитесь!“ Мальвиль остался при своемъ отказѣ, но безъ всякаго враждебнаго чувства, и честно взялся исполнить точно также честно предложенную ему обязанность охранять министерство внутреннихъ дѣлъ, центръ телеграфическихъ линій.

IV.

Необходимо было поскорѣе обнародовать учрежденіе временнаго правительства и потому Гарнье-Паже поспѣшили послать для напечатанія слѣдующую прокламацію, составленную имъ вмѣстѣ съ Мари и Карно.

Временное правительство.

„Граждане!

„Люи Филиппъ уже болѣе не король!

„Воля народа избрала временное правительство. Въ настоящую минуту оно собралось въ городской думѣ.

„Оно ничего не предприметъ безъ совѣта всей націи.

„Въ настоящее время всего нужнѣе установить порядокъ, безъ котораго нѣтъ свободы.

„Временное правительство полагается въ этомъ случаѣ на національную гвардію. Всѣ граждане суть члены ея и должны содѣйствовать къ охраненію порядка и къ безопасности страны.

„Пусть только каждый будетъ на своемъ мѣстѣ и дѣло свободы будетъ спасено.

Городская дума, 24 февраля 1848 г.

Меръ города Парижа,

Гарнье-Паже.

„Временное правительство составляютъ:

Дюпонъ (де л'Ерь)

Араго.

Кремье *).

Гарнье-Паже.

Ламартинъ.

Ледрю-Ролленъ и

Мари **).

Между тѣмъ какъ эта прокламація ***) была послана въ типографію, Мартенъ (Страсбургскій) явился въ городскую думу съ спискомъ, составленнымъ въ редакціи журнала la Réforme и признаннымъ въ National. За исключеніемъ Кремье, въ этомъ списокѣ были всѣ имена, провозглашенные въ палатѣ, но за то были и другіе. Считая необходимымъ удовлетворить нѣсколькихъ лицъ, имена которыхъ стояли въ списокѣ, но не вошли въ составъ временнаго правительства, Мартенъ предложилъ причислить ихъ въ качествѣ секретарей. Это были: Луи-Бланъ, Флоконъ и Марра. Рѣшеніе этого вопроса было отдано на разсмотрѣніе новаго правительства.

*) Это имя было прибавлено уже въ напечатанной прокламаціи.

**) Это имя въ печатной прокламаціи было нечаянно пропущено.

***) Эту прокламацію отнесли, въ половинѣ пятого, въ сосѣднюю типографію Делагетта чиновники городской думы, Гюссонъ и Гюи.

V.

Между тѣмъ Гарнье-Паже, освѣдомясь о прибытіи членовъ изъ палаты въ городскую думу, поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу. Между нимъ и Ледрю-Ролленомъ въ послѣднее время установились очень холодныя отношенія, вслѣдствіе неодинакаго образа мыслей и дѣйствій. Но побѣда сближаетъ людей. Увидя своего сотоварища, Гарнье-Паже протянулъ ему руку. „Забудемъ, сказалъ онъ, наши раздоры. Пусть съ этихъ поръ у насъ будетъ одна страсть, одно желаніе — посвятить себя спасенію нашей родины, успѣху демократіи, окончательному торжеству революціи.“ — „Это и мои чувства“, отвѣчалъ Ледрю-Ролленъ, дружески пожимая протянутую ему руку, — „я искалъ васъ, чтобы сказать вамъ то же самое“. Тронутый народъ привѣтствовалъ рукоплесканіями это примиреніе, которое могло принести такіе обильные плоды.

Присутствіе Дюпонъ де л'Ера возбудило не менѣе трогательныя чувства. Уогбенный лѣтами, этотъ патриархъ своооды обнаруживалъ неизсякаемую энергію души своей только спокойной твердостью взгляда. Старый и вѣрный товарищъ всей жизни его, Лежандръ, находился при немъ. Одна простая женщина вела его подъ руку. Трогательный, тройственный символъ добродѣтели, дружбы и преданности!

Зала муниципальнаго совѣта представляла въ это время прежнее зрѣлище. Не смотря на всѣ усилія Корбона, занявшаго президентское кресло послѣ Гарнье-Паже, здѣсь было не совѣщаніе, а страшная безурядица. Шумная толпа наполняла залу, требуя низложенія Луи Филиппа и его семейства, и провозглашенія республики. Поминутно появлялись различныя предложенія, и самыя рѣзкія принимались съ восторгомъ. Шумъ былъ страшный. Иныхъ волновала вѣра въ идею, другихъ желаніе провести свою мысль, почти всѣхъ — жажда господства. Однихъ побуждала любовь къ отечеству, мысль о

революціи, другихъ—гордость, честолюбіе и тщеславіе. Были даже такіе, которые считали себя способными на всякую должность. Всякому хотѣлось воспользоваться побѣдой для своего возвышенія или для доставленія побѣды своимъ теоріямъ. Безпрерывный приливъ и отлив посѣтителей только увеличивалъ весь этотъ шумъ.

Однако и въ этомъ хаосѣ уже выяснились два главныхъ и противоположныхъ одно другому мнѣнія. Одни хотѣли присвоить себѣ инициативу дѣла, учредить правительство по своему вкусу, выставить впередъ людей самыхъ пылкихъ, организовать свои системы и теперь же привести въ исполненіе самыя рѣшительныя мѣры. Другіе, напротивъ, думали нредоставить все на попеченіе временнаго правительства и дать ему время устроить общее дѣло. Споры эти увеличивали общій шумъ.

VI.

При появленіи членовъ временнаго правительства раздались дружныя рукоплесканія.

Когда Дюпонъ де л'Ерѣ сталъ на кафедру президента, а рядомъ съ нимъ Гарнье-Паже, и съ другой стороны Ледрю-Ролленъ, рукоплесканія разразились съ новою силой. Дюпонъ де л'Ерѣ хотѣлъ говорить, но шумъ заглушалъ его голосъ. Ничего не слыша, толпа продолжала хлопать съ изступленіемъ. Но Ледрю-Ролленъ возвысилъ голосъ и все смолкло. Онъ разсказалъ о событіяхъ въ палатѣ депутатовъ, о сверженіи короля, уничтоженіи регентства и назначеніи народомъ временнаго правительства, которое признавало, что свою власть и право оно получило отъ народа. За тѣмъ онъ сообщилъ имена членовъ временнаго правительства. Толпа новыми рукоплесканіями выразила свое одобреніе всѣмъ рѣшеніямъ палаты.

Многочисленные голоса еще разъ потребовали немедленнаго провозглашенія республики. Ледрю-Ролленъ стѣвчалъ,

что республика есть общій предметъ желаній временнаго правительства и что оно намѣрено пригласить Парижъ, департаменты, наконецъ всю Францію для составленія конституціоннаго собранія, которое должно основать республику. Эта ловкая и умная рѣчь, произнесенная съ жаромъ и энергіей, восхитила толпу, но не убѣдила ее. Каждую минуту она прерывала оратора криками: „провозглашайте республику! провозглашайте республику!“ Какой-то рабочій держалъ пику, на которой развѣвалась бумага съ надписью: „да здравствуетъ республика!“ Республика давно уже была цѣлью Ледрю-Роллена, предметомъ его думъ, двигателемъ всей его жизни. Онъ, не стѣсняясь, сказалъ, что вполне раздѣляетъ желаніе народа, воля котораго была для него закономъ, и немедленно удалится съ своими товарищами въ особую комнату для обсужденія формы провозглашенія республики. Это объявленіе было принято съ восторгомъ и долго еще слышались крики: „да здравствуетъ республика, да здравствуетъ временное правительство!“

VII.

Почти непреодолимое препятствіе ожидало Дюпонъ де л'Ера и его товарищей при выходѣ ихъ изъ залы. Оба корридора были полны народомъ. Вся эта толпа давила сама себя и образовала непроницаемую массу. Движеніе происходило только отъ внезапныхъ толчковъ. Едва кто нибудь съ неимоверными усиліями пробивался впередъ, какъ толпа замыкала его. Члены временнаго правительства войдя въ корридоръ, были разлучены другъ съ другомъ и почти задавлены. Боясь, чтобы силы не измѣнили Дюпонъ де л'Еру или чтобы эта борьба не истощила его терпѣнія, народъ кое какъ высвободилъ его оттуда и вмѣстѣ съ Гарнье-Паже отвелъ въ кабинетъ, сосѣдній съ залой муниципальнаго совѣта. Наконецъ, съ помощью нѣсколькихъ сильныхъ гражданъ, Дю-

понѣ до л'Ерѣ, Ламартинѣ, Ледрю-Ролленѣ, Гарнье-Паже, Мари и Карно добрались до пріемной залы, о которой мы говорили выше, и которая находится предѣ кабинетомъ префекта. Почти вслѣдъ за ними пришелъ Кремье, напрасно старавшійся удержаться въ залѣ совѣта. Онѣ представился Мари и Гарнье-Паже, какъ ихъ сотоварищѣ. Потомъ пришелъ Араго. Только глубокая преданность дѣлу поддерживала его силы, истощенныя долгой и тяжелой лѣзнью, и давала ему возможность исполнять свою обязанность, не смотря на опасности.

Такимъ образомъ члены правительства избраннаго въ палатѣ были всѣ на лицо. Они помѣстились за круглымъ столомъ, стоявшимъ посреди залы. Здѣсь, въ то время какъ Ламартинѣ составлялъ прокламацію, долженствовавшую возвести Франціи о революціи и новомъ правительствѣ, товарищи его диктовали приказы, имѣвшіе цѣлью прекращеніе кровопролитія, водвореніе порядка и спокойствія и вообще удовлетвореніе всѣхъ потребностей того смутнаго времени. Приказы эти, писавшіеся импровизированными секретарями, переходили изъ рукъ въ руки и, черезъ вѣрныхъ гонцовъ, съ быстротою доходили до мѣстъ своего назначенія.

VII.

Было половина шестаго, когда Ламартинѣ окончилъ прокламацію. Вотъ ея содержаніе:

Прокламація временнаго правительства.

«Къ французскому народу!»

„Героизмъ парижскаго народа ниспровергъ ретроградное и олигархическое правительство. Оно бѣжало, оставивъ по себѣ кровавый слѣдъ, который положилъ вѣчную преграду его возвращенію.

„Кровь народа лилась теперь, какъ въ Іюльскіе дни. Но

теперь эта благородная кровь лилась не напрасно. Ею народъ завоевалъ себѣ правительство національное и популярное, стоящее за право, прогрессъ и волю этого великаго и великодушнаго народа.

„Временное правительство, избранное единодушно народомъ и депутатами отъ департаментовъ въ засѣданіе 24 февраля, облечено временною властью утвердить и организовать то, что завоевано народомъ. Оно состоитъ изъ Гг. Дюпонъ де л'Ера, Ламартина, Кремье, Араго (члена инстатута) Ледрю-Роллена, Гарнье-Паже и Мари.

„Граждане эти ни минуты не колебались взять на себя патріотическую обязанность, возложенную на нихъ въ минуту страшной крайности. Когда льется кровь, когда столица Франціи пылаетъ пожаромъ, полномочіе временнаго правительства заключается въ опасности и въ привѣтствіи народа. Вся Франція пойметъ это и поможетъ намъ всею силою своего патріотизма. При правленіи народномъ и республиканскомъ, провозглашеннымъ народнымъ правительствомъ, каждый гражданинъ участвуетъ въ правленіи.

„Французы! Подайте міру такой примѣръ, какой Парижъ далъ Франціи! Пусть порядокъ и довѣренность къ самимъ себѣ подготовятъ васъ къ прочнымъ учрежденіямъ, создать которые вы призваны.

„Временное правительство объявляетъ, что республиканская форма правленія временно принята парижскимъ народомъ и имъ самимъ; но ни народъ парижскій, ни временное правительство не претендуютъ, чтобы рѣшеніе ихъ замѣнило общее рѣшеніе, которое будетъ принято относительно окончательной формы правленія въ общемъ собраніи всѣхъ гражданъ Франціи.

„Единство націи, которую составляютъ съ этихъ поръ всѣ сословія безъ исключенія;

„Самоуправленіе націи;

„Принципы—свободы, равенства, братства;

„Девизъ и лозунгъ — народъ.

„Вотъ правительство, которымъ Франція обязана сама себѣ и которое мы постараемся утвердить за нею.

„Эра народная открывается съ 24 февраля 1848 г.“

IX.

Таковъ былъ первый лучъ свѣта, брошенный гениемъ среди бури. Глубокое сознаніе права, чистота принциповъ, удовлетвореніе потребностямъ Парижа, вѣрное пониманіе правъ націи, воззваніе къ благороднѣйшимъ стремленіямъ души человѣческой, обѣщанія безъ хвастовства, скромность безъ слабости, твердость безъ строгости, справедливое, но не оскорбительное порицаніе навішаго правительства,—вотъ чѣмъ была проникнута эта прокламація, составленная сообразно здравому смыслу и необходимости. Поищите чего нибудь подобнаго въ истории великихъ переворотовъ и сравните! Бывало-ли когда нибудь, чтобы правительство, родившееся среди хаоса, говорило такимъ благороднымъ языкомъ, среди бушующихъ страстей, среди вооруженной толпы, еще не опомнившейся отъ внезапной и неожиданной побѣды?

Одно только замѣчаніе сдѣлано было противъ прокламаціи. Ледрю-Ролленъ предложилъ, чтобы вмѣсто словъ:

„Временное правительство объявляетъ, что республиканская форма правленія временно принята народомъ и т. д.“

Написать просто:

„Временное правительство объявляетъ, что республика и т. д.“

Всѣ согласились на это измѣненіе, и прокламація Ламартина немедленно была отправлена въ національную типографію.

Х.

Между тѣмъ къ членамъ временнаго правительства безпрестанно прибывали люди дорогіе демократической партіи: члены центральнаго комитета избирателей, депутаты оппозиціи, журналисты, офицеры національной гвардіи, студенты, воспитанники политехнической школы. Тутъ были Гг. Бастидъ, Жанъ Рейно, Паньеръ, Гетцель, Биксіо, Шарль Лессепсъ, Паскаль Дюпра, Мартенъ (Страсбургскій), Пайе, Лежандръ, Бокажъ, В. Массонъ, Дюссаръ, Деланю, Александръ Рей, Демаре, Шарль Бланъ, Еке, Мальфиль, Мишле, Эженъ Пелетапъ, Корбонъ, Юэ (Nuet), Эмануиль Араго, Жюль Фавръ, Поже и др. Пришли, и безъ всякихъ признаковъ вражды, даже тѣ, которые еще недавно принадлежали къ противной сторонѣ, что впрочемъ не помѣшало имъ скоро опять сдѣлаться врагами, какъ напр. Рошжакленъ и нѣкоторые др.

Скоро число посѣтителей возрасло до того, что правительство было совершенно поглощено массой. Снова начался безпорядокъ. Всякое серьезное обсужденіе, работа умственная сдѣлались невозможны; члены правительства, вмѣстѣ съ Карно, не отстававшимъ отъ нихъ, Паньеромъ, Курте и Биксіо, должны были опять перейти въ другую комнату, и заняли кабинетъ префекта. Нѣсколько гражданъ добровольно стали у дверей, какъ живая преграда новому пашествію.

ХІ.

Было около 7 часовъ. По предложенію Кремье, правительство окончательно приступило къ составленію министерствъ. До сихъ поръ шли только разговоры.

Прежде всего былъ предложенъ вопросъ такого рода: могутъ-ли члены временнаго правительства въ тоже время нести

и министерскія обязанности? Мнѣнія по этому вопросу раздѣлились. Нѣкоторые доказывали несомѣстимость этой двойной обязанности. „Одно изъ двухъ, говорили они, или правитель превратится въ министра, или министръ въ правителя. Въ первомъ случаѣ компрометируется правительство, во второмъ страдаетъ администрація“. Другіе утверждали, что временному правительству не слѣдуетъ выпускать изъ рукъ непосредственную власть. „Раздѣленіе власти, говорили они, поведетъ къ безчисленнымъ затрудненіямъ и непріятностямъ. При правительствѣ и безъ того сложномъ, неблагоразумно допускать какія-бы то ни было подраздѣленія. Не смотря на предполагаемые затрудненія, все таки будетъ несравненно удобнѣе и полезнѣе, если члены временнаго правительства сами будутъ приводить въ исполненіе то, что будетъ ими-же рѣшено“. Это послѣднее мнѣніе, сильно поддерживаемое Кремье, одержало верхъ.

Теперь поднялся вопросъ, какъ называть министровъ. Рѣшили дать имъ титулъ соотвѣтственный положенію дѣла, т. е. называть ихъ временными. И въ самомъ дѣлѣ, временное правительство не могло имѣть другихъ министровъ, какъ только временныхъ.

XII.

Тогда Кремье, сидѣвшій съ перомъ въ рукѣ, сталъ писать. Прежде всѣхъ поставилъ онъ имя Дюпонъ де л'Ера, какъ президента совѣта и министра юстиціи. Но исполненіе столькихъ обязанностей, при всемъ усердіи почтеннаго старца, превышало его силы, и потому, согласно съ замѣчаніемъ Паньера, было рѣшено, что де л'Ерь будетъ президентомъ совѣта, но безъ министерскаго портфеля.

Министерство публичныхъ работъ было ввѣрено Мари, скромно заявившему, что онъ предпочитаетъ эту должность другой по той причинѣ, что зять его, съ давнихъ лѣтъ знакомый съ этимъ дѣломъ, будетъ помогать ему совѣтами.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ общій голосъ назначилъ Ламартина.

Для министерства торговли Кремье написалъ свое имя.

За тѣмъ Кремье предложилъ Ледрю-Роллену выбрать для себя министерство по своему желанію. „Я на все согласенъ“, скромно отвѣчалъ безкорыстный Ледрю-Ролленъ. „Въ такомъ случаѣ министерство внутреннихъ дѣлъ“ сказалъ Кремье. Но Гарнье-Паже замѣтилъ на это, что Ледрю-Ролленъ по своимъ способностямъ и ученымъ трудамъ болѣе способенъ занять министерство юстиціи. По его мнѣнію, полное преобразование судебныхъ мѣстъ было необходимо; для этого труднаго дѣла нужна была твердая воля и искусная рука; администрація юстиціи требовала коренныхъ реформъ и слава ожидала того, кто совершить эти реформы. Наконецъ безконечное разнообразіе и мелочность въ дѣлахъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ совершенно поглотили бы все его время, дѣятельность и даже энергію, столь необходимыя для центрального управленія. Эти замѣчанія, поддерживаемыя Мари и Паньберомъ, подѣйствовали на Ледрю-Роллена, и заставили его согласиться съ ними. Но Кремье представилъ ему, что онъ олицетворялъ собою дѣйствующій элементъ революціи, что министерство внутреннихъ дѣлъ было главнымъ орудіемъ управленія, и убѣдительно просилъ его не оставлять этого поста. Ледрю-Ролленъ, послѣ непродолжительнаго разговора съ В. Массономъ, офицеромъ національной гвардіи, присутствовавшимъ при конференціи, возвратился къ своему прежнему рѣшенію.

Тогда никто не сталъ оспаривать министерства юстиціи у Кремье. Но такъ какъ отъ этого министерства зависѣли также духовныя дѣла, то было нѣсколько странно поручить его еврею. Карно, остроумный шутникъ, разрѣшилъ вопросъ. „Какъ, Кремье! сказалъ онъ. Вы хотите посвящать епископовъ?“ Вслѣдствіе этого духовныя дѣла были отдѣлены отъ министерства юстиціи и присоединены къ министерству народнаго просвѣщенія.

Для этого министерства само собою представлялось великое имя. Кто могъ съ большей честью занять мѣсто министра народнаго просвѣщенія, какъ не знаменитый членъ академіи наукъ, Араго? Но морское управленіе требовало непременно чело-вѣка, который пользовался бы значительнымъ авторите-томъ, стоялъ бы выше всякаго соперничества, могъ бы прео-долѣвать всякое личное честолюбіе, не оскорбляя при томъ никого; чело-вѣка, по спеціальности своихъ знаній, способнаго приобрѣсть любовь моряковъ и привлечь ихъ на сторону ре-спублики. Потому Араго былъ назначенъ главою морскаго министерства.

Министромъ народнаго просвѣщенія выбрали Карно. Этотъ почтенный чело-вѣкъ не простиралъ такъ высоко своихъ желаній. Ему хотѣлось занять какой нибудь дипломатическій постъ въ Германіи, гдѣ онъ провелъ въ занятіяхъ науками боль-шую часть своей молодости.

Въ министры комерціи Мари предложилъ Бетмона, на что всѣ охотно согласились.

XIII.

Оставались не запятыми еще два министерства, чрезвычайно важныя при тогдашнихъ обстоятельствахъ: министерство финансовъ и военное.

Всѣ генералы предыдущаго царствованія были стары и неспособны; тѣ-же, которые по лѣтамъ и репутаціи могли занять такой важный постъ, болѣе или менѣе вѣрно служили падшему престолу. Въ этихъ двухъ категорій не представ-лялось ни одной знаменитости. Кому-же было поручить пре-образование арміи, потрясенной революціей, и которой можетъ быть скоро предстояло защищать границы? Высокая мысль примиренія, общенародный порывъ довѣренности, внушили из-брать Ламорисьера. Ламартинъ и Гарнье-Паже написали къ нему письмо, которымъ приглашали его въ городскую думу.

Спеціальныя знанія, высокая честность, огромное знакомство въ финансовомъ мірѣ Парижа, нѣсколько ученыхъ статей по политической экономіи, напечатанныхъ въ National, дѣлали г. Гудшо, парижскаго Банкира, способнымъ занять мѣсто министра финансовъ. Ночью онъ получилъ это предложеніе и вслѣдствіе преданности общему дѣлу принялъ, впрочемъ на время, эту трудную обязанность.

За тѣмъ все вниманіе временнаго правительства сосредоточилось на избраніе алжирскаго губернатора, которымъ до этого времени былъ герцогъ Омальскій. Чтобы поколебать вліяніе герцога, нужно было выбрать человѣка популярнаго въ странѣ и арміи. Паньеръ предложилъ Кавеньяка. Въ самомъ дѣлѣ этотъ генералъ вполне соотвѣтствовалъ такому назначенію. Въ Африкѣ онъ пріобрѣлъ почетную извѣстность своими многочисленными заслугами, а благородный братъ его своею преданностью демократической партіи сдѣлалъ популярнымъ въ народѣ если не личность генерала, то по крайней мѣрѣ имя его.

XIV.

Должность парижскаго мера осталась за Гарнье-Паже; ему-же подчинены были — сенская и полицейская префектуры, которыми онъ долженъ былъ управлять или непосредственно, или черезъ назначенныхъ имъ самимъ чиновниковъ; самъ онъ долженъ былъ находиться въ прямой зависимости отъ одного только временнаго правительства. Такимъ образомъ политическое и административное управленіе Парижемъ и сенскимъ департаментомъ сосредоточились въ рукахъ человѣка, равно преданнаго республикѣ и общественному порядку. Такъ какъ Паньеръ отказался быть его помощникомъ, то вмѣсто его выбрали Рекюра и Гинара. Гарнье-Паже назначилъ Гинара для полицейской префектуры, но тотъ уклонился отъ этой должности и предпочелъ ей мѣсто начальника главнаго штаба

національной гвардіи, которое въ самомъ дѣлѣ болѣе соотвѣтствовало его способностямъ.

Прежніе меры и помощники ихъ остались временно на своихъ мѣстахъ. Флотаръ, котораго Гарнье-Паже при самомъ избраніи своемъ сдѣлалъ старшимъ секретаремъ сенской префектуры, былъ утвержденъ въ этой важной должности.

Наконецъ, такъ какъ муниципальная гвардія была распущена, то попеченіе о спокойствіи города было ввѣрено патріотизму національной гвардіи. Курте, депутатъ и офицеръ временъ имперіи, получилъ главное начальство надъ нею, равно какъ и временное завѣдываніе войсками, расположенными въ Парижѣ и его округѣ.

XV.

Между тѣмъ однако энергическія старанія караульныхъ, добровольно взявшихъ на себя обязанность не допускать нарушенія совѣщаній членовъ временнаго правительства, должны были уступить важности полученныхъ извѣстій и необходимости принять рѣшительныя мѣры. Говорили, что Пале-Роялю грозитъ пожаръ, что въ Тюльери происходятъ страшныя опустошенія. Безчисленнымъ сокровищамъ искусствъ, заключавшимся въ Луврѣ, этой славѣ, чести и величіи Франціи, грозило истребленіе. Королевскія драгоценности, брильянты, серебро, картины требовали немедленнаго и строгаго присмотра. Исполнить все это было не безопасно. Прежде всего тутъ требовались твердая воля и мужество. Многіе граждане разныхъ сословій, національные гвардейцы, воспитанники учебныхъ заведеній, — имена которыхъ къ сожалѣнію не могутъ быть здѣсь исчислены, — съ истиннымъ патріотизмомъ взялись за дѣло и успѣли отвратить всѣ эти несчастія.

Такимъ образомъ Сентъ-Аманъ былъ временно назначенъ въ Тюльери, а полковникъ Дюмуленъ въ Лувръ, гдѣ пробылъ только одни сутки.

Въ то же время нужно было наблюдать за общественною безопасностью въ городѣ, разсылать приказанія къ мерамъ, которые ожидали инструкцій, распорядиться относительно народнаго продовольствія, содержанія войскъ, однимъ словомъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ, которыхъ всегда много и въ спокойное время, и которыя становятся безчисленными во время смутъ. Члены временнаго правительства вездѣ поспѣвали съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа, рѣшительностью, дѣятельностью, непостижимыми для тѣхъ, кто не испыталъ съ какою чудесною силою развиваются способности человѣческія во время великихъ переворотовъ.

XVI.

Въ то время, какъ временное правительство было занято такими спѣшными дѣлами, нѣкоторые дѣльные люди, особливо Паньеръ и Биксіо, узнавъ о существованіи прокламаціи, провозглашавшей республику, потребовали самаго строгаго и добросовѣстнаго обсужденія этой прокламаціи. — Не значило-ли это поставить волю горсти людей, пожалуй одной части народа, на мѣсто законной воли цѣлаго народа? Не было-ли это покушеніемъ на верховную власть народа? Не могло-ли это лишить революцію 1848 года обаянія и силы принциповъ? „Я, какъ и всѣ вы, республиканецъ въ душѣ, говорилъ Паньеръ членамъ временнаго правительства; но развѣ вы не видите, что своей неумѣстной поспѣшностью вы компрометируете будущность республики, которую мы хотимъ основать? Дайте націи время самой заявить свои желанія. Остерегайтесь повторить ошибку, сдѣланную нашими предшественниками въ Іюльскіе дни!“

Эти замѣчанія не остались безъ отголоска. Дюпонъ де-л'Еррь, Драго, Мари формально приняли сторону Паньера. Ламартино и Гарнье-Паже сознавали всю справедливость его мнѣнія. Рѣшено было вновь пересмотрѣть прокламацію и Паньеру съ

Биксію поручили отправиться въ національную типографію и взять оттуда рукопись.

Но исполненіе этого порученія встрѣтило сильное препятствіе со стороны народа, горячо-стремившагося къ республиканскому правленію. Рабочіе, относившіе прокламацію въ типографію, прочитали въ ней слова: „Республика принята“. Для нихъ слово было уже дѣломъ; объ остальномъ они мало заботились. „Теперь она у насъ въ рукахъ, говорили они, ужъ мы ее не выпустимъ!“ На требованіе Паньера возвратить рукопись, они отвѣчали желаніемъ увидѣть приказъ, уполномочивавшій Паньера и Биксію взять ее, сличили подписи его съ подписями на прокламаціи, и такъ какъ на приказѣ подписались не всѣ члены, то они и отказались возвратить прокламацію. Наконецъ, уже послѣ настоятельныхъ убѣжденій посланныхъ, но все таки упорно не довѣряя имъ, они объявили, что сами отнесутъ прокламацію членамъ временнаго правительства.

XVII.

Было около восьми часовъ. Въ это время члены временнаго правительства уже не были въ кабинетъ префекта; толпа мало по малу совершенно наполнила и эту комнату, какъ прежде пріемную залу. Нельзя было даже ничего разглядѣть, не только слышать. Правительство опять принуждено было перейти въ смежную комнату, о которой мы говорили выше. Комната эта была до того мала, что 11 человекъ едва могли помѣщаться въ ней, и этимъ самымъ отымала возможность нашествія въ нее.

XVIII.

Таково было положеніе правительства. Провозглашенное въ палатѣ депутатовъ, утвержденное въ городской думѣ, оно успѣло уже обсудить свою мысль и формулировать ее окон-

чательнымъ актомъ, сдѣлало множество распоряженій, организовало министерство, когда въ половинѣ девятаго прибыли Флоконъ, Марра и Гинаръ, а вслѣдъ за ними Луи-Бланъ. Этотъ послѣдній громко потребовалъ для себя мѣста во временномъ правительствѣ, основываясь на томъ, что въ залѣ муниципальнаго совѣта народъ только что привѣтствовалъ его, равно какъ Марра и Флокона.

Дѣйствительно, они были введены туда Лагранжемъ, напрасно старавшимся установить хоть какой нибудь порядокъ въ городской думѣ, въ управленіе которою онъ вступилъ. Зала наполнена была приверженцами журнала *la Réforme* и потому ихъ встрѣтили восторженными криками. Они стали говорить, публика загремѣла рукоплесканіями. Вслѣдствіе этого они сочли себя вправе требовать мѣста во временномъ правительствѣ.

Удивленный этимъ требованіемъ, оскорбленный тономъ Луи-Блана, Араго не могъ удержать своего негодованія. На товарищей его это произвело тоже самое непріятное впечатлѣніе. Гарнье-Паже подошелъ къ Луи-Блану и замѣтилъ ему, что его требованіе совершенно неисполнимо, потому что семи членовъ временнаго правительства слишкомъ достаточно, но что онъ можетъ быть причисленъ къ нимъ въ качествѣ секретаря, какъ это и было рѣшено прежде. Луи-Бланъ рѣшительно отвергнулъ это предложеніе. Тогда Гарнье-Паже обратился къ Марра, здравый смыслъ котораго заставилъ его согласиться. Что-же касается до Флокона, то онъ очень просто отвѣчалъ, что согласенъ быть на всякомъ мѣстѣ, лишь бы только приносить пользу.

Тогда Луи-Бланъ, видя, что никто не поддерживаетъ его, пересталъ настаивать, но только потребовалъ пріобщенія къ временному правительству одного рабочаго Альберта. „Кто онъ такой?“—спросили его. „Благороднѣйшій человѣкъ, извѣстный редакціи журнала *la Réforme*, онъ много содѣйст-

вовалъ успѣху дѣла“, отвѣчалъ Луи-Бланъ. Правительство выполнѣ сознавало, что представитель народа необходимъ и потому съ жаромъ схватилось за эту мысль. Затрудненіе состояло только въ выборѣ лица. Никто изъ членовъ не зналъ Альберта, а между тѣмъ всѣ они лично или по слухамъ знали многихъ рабочихъ, заявившихъ себя съ отличной стороны. Но чтобы не обидѣть новымъ отказомъ Луи-Блана, и безъ того оскорбленнаго, они согласились на принятіе Альберта.

Такимъ образомъ временное правительство составилось изъ семи членовъ и четырехъ секретарей.

Надо замѣтить, что за исключеніемъ этого спора, возбужденнаго Луи-Бланомъ, между членами временнаго правительства не вышло ни одного непріятнаго столкновенія. Отъ общаго согласія зависѣло спасеніе Франціи, и всякое покушеніе нарушить это согласіе возбужденіемъ какого нибудь личнаго вопроса показалось бы преступленіемъ. Распря могла возникнуть только въ томъ случаѣ, когда дѣло касалось нарушенія принциповъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Прокламація подвергается новому обсужденію, послѣ измѣненій сдѣланныхъ Ламартиномъ. Появляются три мнѣнія. Доводы. Затруднительность соглашенія.—Прибытіе Таморисьера. Опасное положеніе его на площади городской думы.—Правительство предлагаетъ ему военное министерство; онъ отказывается, но согласенъ принять мѣсто высшаго начальника на границѣ.—Онъ предлагаетъ въ министры генерала Бедо. Бедо также отказывается отъ военного министерства, но беретъ себѣ командованіе первую дивизією.—Благородное поведеніе парижскаго народа.—Толпа наполняющая городскую думу становится опасна. Правительство не можетъ совѣщаться спокойно и принуждено загородить себя баррикадой. Члены поочередно выходятъ успокоивать народъ. Благородная рѣчь Ламартина.—Послѣднія совѣщанія о провозглашеніи республики.—Подача голосовъ; мнѣніе Дюпонъ де л'Ера, Ледрю-Роллена, Флокона, Дун-Блана, Гарнье-Паже, Мари, Араго, Кремье Ламартина, Марра и Карно.—Единодушное рѣшеніе провозгласить республику, съ предоставленіемъ права утвержденія ея всему народу.—Временное правительство объявляетъ распушеніе палаты депутатовъ, прекращаетъ собранія перовъ, дѣлаетъ распоряженіе о созваніи національнаго собранія и причисленіи всѣхъ гражданъ къ національной гвардіи.—Общая радость.—Милосердіе побѣдителей.—Слова Ледрю-Роллена.—Банкетъ временнаго правительства; хлѣбъ и вода.—Перечень.—Заключеніе.

I.

Ламартинъ снова взялся за свою прокламацію. Онъ пере-дѣлалъ ее, вписалъ туда имена секретарей и прочелъ передъ собраніемъ. Измѣненія состояли въ слѣдующемъ.

Начало было измѣнено очень мало, можно сказать только для формы. Изъ четвертаго параграфа Ламартинъ исключилъ слова: „когда льется кровь“... и потомъ далѣе: „къ опасности“. Въ томъ же параграфѣ, по первой редакціи было сказано: „при правленіи народномъ и республиканскомъ, провозглашенномъ временнымъ правительствомъ и т. д...“ По второй: „при правительствѣ народномъ, провозглашенномъ.... и т. д.“

Волѣе всего подвергся измѣненію параграфъ, заключавшій въ себѣ важный вопросъ провозглашенія республики. Нужно было рѣшить, кто можетъ провозгласить ее, временное правительство или самъ народъ? Въ первой редакціи, уже нѣсколько измѣненной по замѣчанію Ледрю-Роллена, было сказано:

„Временное правительство объявляетъ, что республиканская форма правленія временно принята народомъ парижскимъ и имъ самимъ; но ни народъ парижскій, ни временное правительство не претендуютъ, чтобы рѣшеніе ихъ замѣнило общее рѣшеніе, которое будетъ принято относительно окончательной формы правленія въ общемъ собраніи всѣхъ гражданъ Франціи.“

Теперь Ламартинъ предложилъ написать такимъ образомъ:

„Хотя временное правительство дѣйствуетъ единственно именемъ французскаго народа и принимаетъ республиканскую форму правленія, но ни народъ парижскій, ни временное правительство не претендуютъ, чтобы рѣшеніе ихъ замѣнило общее рѣшеніе гражданъ, къ которымъ обратятся за совѣтомъ объ окончательной формѣ правленія, которую провозгласитъ верховная воля народа“.

II.

Послѣ всѣхъ споровъ выяснились три мнѣнія:

1-е. Учрежденіе временнаго правительства въ точномъ значеніи этого слова, т. е. уполномочить его управлять государствомъ въ промежутокъ времени, между паденіемъ стараго порядка и уста-

новленіемъ новаго, съ предоставленіемъ собранію, немедленно созванному и назначенному общеою подачею голосовъ, права установить окончательное правительство для Франціи.

2-е. Безъотлагательное провозглашеніе республики, безъ всякаго ограниченія и апелляціи.

3-е. Провозглашеніе республики, какъ правительства дѣйствительнаго, при полной и непосредственной зависимости отъ народа.— Члены и секретари временнаго правительства раздѣлились между этими тремя мнѣніями. Перваго держались Дюпонъ де-л'Ерь, Араго, Мари; втораго—Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ и Флоконъ; третіе мнѣніе, какъ честное соглашеніе двухъ первыхъ, нашло себѣ поддержку въ Ламартинѣ, Кремье и Гарнье-Паже. Его-же держался и Карно, министръ народнаго просвѣщенія. Марра, истощенный усталостью, не говорилъ ничего, но легко было догадаться къ какому мнѣнію онъ пристанетъ.

III.

Была минута, когда разногласіе мнѣній чуть-чуть не перешло въ ссору. Луи-Бланъ, въ мундирѣ національной гвардіи, стоялъ на диванѣ и ораторствовалъ съ необыкновеннымъ жаромъ. Голосъ его рѣзко звучалъ въ маленькой комнатѣ. Дюпонъ де л'Ерь слушалъ съ спокойнымъ удивленіемъ. Араго обнаруживалъ нетерпѣніе; больной, раздраженный лихорадкой и противорѣчіями, онъ не могъ держать себя, всталъ и рѣзкимъ тономъ сказалъ: „Э, милостивый государь! Я былъ республиканцемъ еще прежде чѣмъ вы родились“. Настойчивость оратора раздражала его нервы, и безъ того раздраженные болѣзнью, онъ нѣсколько разъ порывался уйти и увлечь за собою Дюпонъ де л'Ера. Но нѣкоторые изъ сотоварищей его, болѣе спокойные, успѣли удержать ихъ.

IV.

Вотъ въ чемъ состояли главные противорѣчія.

Партизаны провозглашенія республики безотлагательно и безъ предварительнаго воззванія къ народу, говорили: „Въ исторіи народовъ бываютъ торжественныя событія, которыми нужно умѣть пользоваться. Намъ представляется случай упрочить права народа и мы сдѣлаемъ непростительную ошибку, если упустимъ этотъ случай. Республика есть необходимая форма правленія для демократіи. Демократія торжествуетъ, слѣдовательно мы должны провозгласить республику. Вы допускаете всеобщую подачу голосовъ! Но всеобщая подача голосовъ и республика два понятія нераздѣльныя. Зачѣмъ пытаться раздѣлять ихъ или по крайнѣй мѣрѣ по виду желать этого? Народъ не можетъ отвергать республики безъ того, чтобы не отречься отъ своихъ собственныхъ законовъ, своихъ правъ, своего владычества, наконецъ отъ самаго себя. И такъ, провозглашая республику, вы не отнимаете у народа его правъ, вы даже не посягаете на его волю, вы только признаете то, что существуетъ. Выжидать—значитъ вызывать затрудненія, можетъ быть очень значительныя, и давать поводъ сомнѣнію и страшнымъ подозрѣніямъ. Притомъ-же, самъ народъ здѣсь, подлѣ насъ! Онъ надѣется, желаетъ, требуетъ безотлагательнаго провозглашенія республики. Отказать ему въ удовлетвореніи—значитъ желать бѣшенства анархіи. Республика есть единственный исходъ, провозгласите республику!“

V.

Сторонники Дюпонъ де л'Ера возражали: „Народъ наполняющій тенерь городскую думу, даже весь народъ парижскій, не составляетъ еще цѣлой націи. Онъ имѣетъ свои права, нація свои. Вы говорите, что республика есть необходимая форма правленія для демократіи; мы совершенно согласны съ

вами; но пусть и нація заявитъ, что и она того же мнѣнія. Провозгласить какую бы то ни было форму правленія, не посовѣтовавшись съ народомъ, значитъ нарушить его верховное владычество. Случай внезапный, неожиданный, непредвидѣнный вручилъ намъ власть. Пусть такъ! Примемъ на себя, не колеблясь, эту великую обязанность! Опасность нашего положенія узаконить наши дѣйствія передъ націей, передъ потомствомъ, передъ Богомъ. Но не будемъ пользоваться властью въ ущербъ народному благосостоянію. Созовемъ сейчасъ-же національное собраніе изъ выборныхъ отъ всей націи. Законно избранное, оно законно установитъ республику. Въ чемъ заключается принципъ, источникъ, основа существованія, начало и конецъ демократіи? Въ верховной власти народа! Такъ будемъ-же уважать эту власть и уважать искренно! Ограничимся провозглашеніемъ двухъ фактовъ, необходимо вытекающихъ изъ нашего положенія: эти факты—учрежденіе временнаго правительства и созваніе всей Франціи. Пусть она сама рѣшаетъ судьбу свою, установитъ свои верховные законы, свою конституцію“.

VI.

„Не будемъ отрицать того, что очевидно“, говорили въ свою очередь Ламартинъ, Кремье, Гарнье-Паже и Карно. „Республика уже существуетъ какъ фактъ, какъ законное явленіе, какъ необходимость. Королевская власть низвергнута, прежняго ничего нѣтъ и не можетъ быть. Такъ что-же есть? Правительство составленное изъ гражданъ, избранныхъ и уполномоченныхъ народомъ,—однимъ словомъ республика. Отрицать этого нельзя; въ этомъ должно сознаться. А если вы не сознаетесь, то что выйдетъ изъ этого? Вы немедленно подадите поводъ ко всевозможнымъ подозрѣніямъ и клеветамъ, вамъ немедленно припишутъ тайныя желанія возстановить монархію или регентство. Тогда ничто не удержитъ этого народа, который

теперь громко требуетъ вашего рѣшенія. Опять начнутся битвы, междоусобицы, опять появятся на сцену желѣзо, огонь, кровь. Въ то же самое время вы утратите вашу нравственную силу. А развѣ у васъ есть какая нибудь другая сила? Анархія одержитъ верхъ; необузданныя страсти поглотятъ вашу власть. Вы не спасете даже принципа верховной власти, этого предмета нашего общаго уваженія, нашего поклоненія; онъ погибнетъ въ кровавой диктатурѣ. И такъ, не колебайтесь провозгласить республику!

„Но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такою-же твердостью, провозгласимъ принципъ верховной власти народа; скажемъ, что одной только націи принадлежитъ право утвержденія окончательнаго и непреложнаго. Сдѣлаемъ немедленно воззваніе ко всей націи; пусть она уполномочитъ собраніе своихъ представителей властью дѣлать и передѣлывать, соединять и разъединять, утверждать или не утверждать, оправдывать насъ или осуждать.

„Этимъ вы дадите должное удовлетвореніе славному парижскому народу, героизмъ котораго совершилъ революцію, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраните во всей чистотѣ великій принципъ, безъ котораго и самая республика есть только пустое слово.“

VII.

Эти важные доводы, изложенные каждой стороною съ глубокимъ убѣжденіемъ, поддерживались съ тѣмъ жаромъ и тою стойкостью, какіе свойственны людямъ, проникнутымъ страстнымъ чувствомъ долга и сознаніемъ справедливости идеи. Не смотря на искреннее, очевидное желаніе прійти къ мирному соглашенію, споръ продолжался два часа безъ всякаго окончательнаго результата.

Флоконтъ сначала подписалъ прокламацію, потомъ вычеркнулъ свою подпись; Ледрю-Ролленъ совѣтъ не подписывалъ. Всякій предлагалъ новую редакцію, новое слово, стараясь устранить затрудненіе; но на языкѣ человѣческомъ нѣтъ слова для выра-

женія въ одно и тоже время двухъ противоположныхъ идей. Въѣсто фразы: „хотя временное правительство дѣйствуетъ единственно именемъ французскаго народа и принимаетъ республиканскую форму правленія, но ни народъ парижскій, ни временное правительство и т. д...“ Ламартинъ, принявшійся въ третій разъ за формулированіе одной и той же мысли, поставилъ: „Хотя временное правительство дѣйствуетъ единственно именемъ французскаго народа, хотя оно по убѣжденію и сердечному чувству стоитъ за правленіе республиканское, но ни народъ парижскій, ни временное правительство и т. д.“—Ничто не могло привести къ единодушію. Споръ продолжался среди возрастающаго волненія и криковъ раздраженнаго народа, безпрестанно прерываемый различными приключеніями въ собранія, требовавшими дѣятельнаго и личнаго вышательства членовъ правительства.

VIII.

Пріѣхалъ Ламорисьеръ.

Читатель помнитъ, что мы оставили генерала въ 11-мъ легионѣ, гдѣ онъ старался собрать вокругъ павшаго регентства остатки военной силы. Побѣжденный, но не обезкураженный, проникнутый правиломъ великихъ полководцевъ, что побѣда рано или поздно непременно остается за тѣмъ, кто упорнѣе держится въ битвѣ, онъ въ первый разъ отправился въ думу въѣстѣ съ Булэ (Boulay de la Meurthe)*). Но разлученный толпою съ Булэ, онъ былъ признанъ за военнаго. Его схватили, оскорбили и потомъ отвели какъ плѣнника въ сосѣдній кабакъ. По непріятному совпаденію обстоятельствъ, это былъ тотъ самый кабакъ, у дверей котораго повѣсили первую жертву первой революціи, Фулона. Напрасно генералъ напомнилъ свое имя и заслуги, его хотѣли разстрѣлять, одни именно за то, что

*) Въ пять часовъ.

онъ былъ Ламорисьеръ, другіе за то, что по ихъ мнѣнію онъ былъ подлый обманщикъ, прикрывшійся славнымъ популярнымъ именемъ, чтобы избѣжать народной мести. Богъ знаетъ чѣмъ бы кончилось все это, еслибы не подоспѣлъ случайно одинъ изъ инсургентовъ, старый африканскій солдатъ, который объявилъ, что плѣнникъ дѣйствительно Ламорисьеръ. Въ ту-же минуту всѣ обвинявшіе его въ самозванствѣ закричали: „Да здравствуетъ Ламорисьеръ!“ Остальные увлеклись примѣромъ ихъ и также громко привѣтствовали молодого героя. И генералъ встрѣтилъ восторженные рукоплесканія тамъ, гдѣ думалъ найти смерть.

Возвратясь домой послѣ этой страшной тревоги, онъ получилъ письмо Ламартина и Гарнье-Паже, и вслѣдъ за тѣмъ еще депешу послѣдняго, въ которой тотъ просилъ его поспѣшить прибытіемъ. Усталый, раненый, но непокорный усталости и опасности, онъ тотчасъ же отправился и явился на призывъ временнаго правительства.

Въ думъ онъ узналъ, что Курте назначенъ главнымъ начальникомъ національной гвардіи и уже отправился въ Тюльери; что временное правительство горячо желало возстановить въ войскѣ потрясенную дисциплину, преобразовать его совершенно и поставить какъ можно скорѣе въ возможность выступить противъ [непріятеля; что для совершенія этого труднаго дѣла, требовавшаго твердой, опытной, надежной руки и популярнаго между солдатами имени, правительство, полагаясь на его патріотизмъ, избрало его. Генералъ горячо благодарилъ: онъ былъ глубоко тронутъ такимъ доказательствомъ довѣрія къ его честности, но его стѣсняло его недавнее положеніе при дворѣ. „Сверхъ того, прибавилъ онъ, выражаясь по военному, я ничего не смыслю въ дѣлахъ административной лавки Парижа. Бѣда можетъ быть вамъ болѣе полезна. Но вѣроятно скоро будетъ война, тогда дайте мнѣ какую нибудь должность на границѣ, и можете на меня надѣяться.

Какую чудесную Одиссею представляют приключенія Ламорисьера въ этотъ день! Поутру онъ министръ короля, а вечеромъ отъ него зависитъ сдѣлаться министромъ республики. Въ этотъ промежутокъ времени совершилась революція. Двадцать разъ онъ рисковалъ жизнью въ пылу битвы, два раза былъ раненъ, два раза въ плѣну, два раза слышалъ какъ рѣшали его жизнь или смерть. Такимъ образомъ онъ переходилъ всѣ степени счастья и несчастья, то брасаемый судьбою въ бездну, то снова поднимаемый на вершину.

IX.

Бедо, собравъ Ламорисьера по оружію, поутру командовалъ войсками короля, въ три часа онъ еще исполнялъ приказанія герцога Немурскаго. Но всѣ были такъ далеки отъ мысли о томъ, что армія побѣждена, союзъ арміи и народа такъ очевидно содѣйствовалъ совершенію революціи, что временное правительство ни мало не задумалось пригласить генерала Бедо, какъ пригласило Ламорисьера. Съ другой стороны было совершенно ясно, что ни честь, ни самолюбіе арміи не были затронуты результатами этого дня, и потому оба генерала со всею готовностью поспѣшили на призывъ.

Едва только показался Бедо, какъ Гарнье-Паже, который былъ съ нимъ знакомъ, пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ: „Генераль, благодарю васъ именемъ всей страны за то, что вы исполнили нашу просьбу.“

— „Это моя обязанность, отвѣчалъ Бедо, но я не знаю, чѣмъ могу быть вамъ полезнымъ“.

— „Намъ нужно только, чтобы вы служили дѣлу Франціи. Мы полагаемся на васъ и Ламорисьера, людей служившихъ въ Африкѣ. Всѣ другіе генералы были или адъютантами короля, или перами Франціи, или депутатами консервативной партіи, именна ихъ не пользуются популярностью. Вы на-противъ любимы народомъ. Съ минуты на минуту можетъ

встрѣтиться надобность вооруженною рукою защищать нашу родину. Теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, нужно укрѣпить ея организацію, возстановить дисциплину. Для этого славнаго и труднаго дѣла мы желаемъ видѣть васъ и Ламорисьера въ главѣ военнаго министерства и первой военной дивизіи. Это, конечно, славная и благородная обязанность.“

— „Позвольте спросить у васъ, какія намѣренія имѣетъ временное правительство? Не желаетъ ли оно преслѣдовать офицеровъ; въ такомъ случаѣ я не могу принять....“

— „Успокойтесь, генераль! Правительство не думаетъ слушать никакихъ клеветъ противъ арміи, оно станетъ выше жалкихъ личныхъ вопросовъ и будетъ думать только о защитѣ страны. И потому ни одинъ офицеръ не будетъ отвѣчать за свои мнѣнія и поступки, совершенные до революціи.“

— „Если такъ, то я согласенъ принять первую дивизію. Министерство предоставьте Ламорисьеру или какому другому генералу, болѣе меня понимающему администрацію“.

Получивъ тѣ же самыя увѣренія отъ Ламартина, Ледрю-Роллена и другихъ членовъ временнаго правительства, генераль отправился въ отель первой дивизіи; тамъ онъ немедленно созвалъ всѣхъ корпусныхъ командировъ и послалъ въ Венсенъ, черезъ капитана артиллеріи Мишеля, приказаніе, тотчасъ-же снять всѣ подъемные мосты, чтобы устранить всякій предлогъ къ столкновенію между войскомъ и народомъ.

Спустя немного, временное правительство, въ надеждѣ убѣдить генерала Ламорисьера принять званіе военнаго министра, помѣстило имя его въ списокъ, который на другой день появился въ Мониторѣ. Гарнье-Паже поручено было увѣдомить объ этомъ генерала (въ 11 часовъ), но тотъ продолжалъ отказываться.

Обезпечить защиту страны, сохранить дисциплину арміи— вотъ въ чемъ состояли стремленія временнаго правительства и генераловъ, отозвавшихся на призывъ его. Если впослѣдствіи

духъ партій старался очернить ихъ честную дѣятельность, то все таки Франція обязана вѣчной благодарностью тѣмъ, кто въ эти трудныя минуты, презирая свои личные интересы, заботился только о благѣ отечества и арміи; тѣмъ, кто не отступилъ передъ исполненіемъ долга; тѣмъ, наконецъ, кто не желалъ прикрываться ложнымъ достоинствомъ и не хотѣлъ слушать эгоистическихъ расчетовъ честолюбія.

Х.

Давно уже наступила ночь, а дума все еще была полна народомъ. Толпа казалось, напротивъ, прибывала, а не убывала. Во дворѣ, въ залахъ, въ корридорахъ, на лѣстницахъ волненіе не только не утихало, но еще усиливалось. Все служило ему пищею; тысячи разнородныхъ чувствъ волновали воображеніе присутствовавшихъ. Монархія, еще стоявшая на ногахъ поутру, и низвергнутая въ нѣсколько часовъ; неслыханное торжество идеи, торжество народа; борьба относительно не слишкомъ кровопролитная и принесшая такіе обильные результаты; столько необыкновенныхъ случаевъ, присоединеніе арміи къ народу, который она должна была усмирять; буржуазія чуждая народу по интересамъ, но родная по чувству патріотизма; неизвѣстность о судьбѣ короля, принцевъ, министровъ; господство народа надъ городомъ; желаніе вывѣдать дѣйствительныя намѣренія временнаго правительства; нетерпѣніе узнать его первыя дѣйствія; пламенное желаніе, даже страхъ услышать наконецъ официальное освященіе великаго слова, которое раздавалось въ воспоминаніяхъ однихъ, въ надеждахъ другихъ, въ устахъ всѣхъ, слова — „Республика!“; анархія, сдержанная до сихъ поръ, теперь совершенно необузданная; наконецъ, это зрѣлище совершенно новое, видъ этихъ гражданъ, болѣе или менѣе неизвѣстныхъ, поразительныхъ смѣлостью и преданностью отчизнѣ, сильныхъ только силою нравственной, брошенныхъ въ одно мгновеніе отъ домашняго очага въ главу

правления, отыскивавшихъ свой новый путь среди глубокаго мрака и уже укрощавшихъ эту бурю, готовую все поглотить, — все это невольно волновало и тревожило умы.

Къ вѣчной славѣ парижскаго народа надо сказать, что онъ подавалъ самому себѣ и всему міру великолѣпнѣйшій примѣръ. Дурные инстинкты, дурныя страсти, зависть, ядъ недоброжелательства, потеряли всю свою власть; только нѣсколько чело-вѣкъ, незамѣтныхъ въ цѣлой массѣ, были заражены ими. Благородныя чувства преобладали въ этой толпѣ, совершенно предоставленной самой себѣ и опасной только по своему излишнему энтузіазму и возможности ошибокъ вслѣдствіе его. Всякій чувствовалъ себя служащимъ членомъ отечества, всякому казалось, что на немъ лежитъ какой-то долгъ. Готовности помогать общему дѣлу было чрезвычайно много; въ каждой личной инициативѣ было видно желаніе водворить миръ и порядокъ. Народъ, достойный удивленія по своему здравому смыслу, разуму, ясному пониманію, оберегалъ баррикады, мерства, тюрьмы, оказывалъ пособія нуждающимся, укрывалъ муниципальных гвардейцевъ, однимъ словомъ распространялъ надъ цѣлымъ городомъ свою бдительную защиту. Бѣдные защищали имущество богатыхъ, французскій банкъ былъ охраняемъ рабочими въ блузахъ: — общественное богатство берегла общественная честь!

XI.

Опасность, порожденная излишнимъ энтузіазмомъ, стала серьезно угрожать членамъ временнаго правительства. Мы видѣли, что они сначала удалились въ кабинетъ префекта, потомъ перешли въ комнату секретаря, наконецъ еще въ комнату, за которой не было уже никакого помѣщенія. Тамъ-то ихъ осадили теперь. Напрасно добровольные часовые удерживали народъ словами и руками; давка сдѣлалась страшная, неудержимая. Дверь затрещала подъ напоромъ толпы. Временное правительство

было принуждено силою рукъ своихъ останавливать наступленіе и буквально загородить себя немногими стульями и столами, находившимися въ комнатѣ. Но этого было недостаточно. Шумъ препятствовалъ систематическому обсужденію дѣла, нужно было довести толпу до того, чтобы она сама уладила себя. Нѣсколько разъ Мари, Бремье, Гарнье-Паже и Ламартинъ останавливали ее, но не на долго. Ламартинъ снова вышелъ въ коридоръ и направился въ залу муниципальнаго совѣта, которая была центромъ волненія и уже успѣла сдѣлаться пріютомъ интригъ. Его провожала толпа, въ которой слова его возбуждали энтузіазмъ, умѣряли нетерпѣніе и успокаивали волненіе. Едва онъ появился въ залѣ, какъ раздались рукоплесканія, ропотъ и тысячи вопросовъ. „Какой-то гражданинъ грубо спросилъ, по какому праву временное правительство присвоиваетъ себѣ верховную власть. Едва только шумъ нѣсколько утихъ и можно было говорить, Ламартинъ отвѣчалъ на этотъ дерзкій вопросъ слѣдующей великолѣпною рѣчью:

„По какому праву?—По праву крови, которая льется въ эту минуту, пожара, уничтожающаго ваши зданія, націи, оставленной безъ вождей, безъ правленія и которая, можетъ быть, завтра будетъ безъ хлѣба! по праву честныхъ и доблестныхъ гражданъ! Если уже нужно сказать вамъ это, то по праву тѣхъ, кто прежде всѣхъ не побоялся подвергнуться обвиненіямъ, подставить головы свои подъ сѣкиру палача, навлечь на себя месть королей и народовъ! И все это для спасенія своей родины!“ Онъ продолжалъ съ такимъ жаромъ, что увлекъ сердца всѣхъ своихъ слушателей.

Однако, даже подъ всеобъемлющимъ обаяніемъ краснорѣчія, народъ не терялъ изъ виду своей главной мысли и продолжалъ съ прежней настойчивостью требовать немедленнаго провозглашенія республики, „Республика!—продолжалъ Ламартинъ.—И мы желаемъ ее. Но мы имѣемъ только одно

право, объявить нашу мысль, нашу личную волю намъ, народу парижскому. Мы имѣемъ одно право — взять на себя славную инициативу правленія свободы, выработаннаго вѣками, и сказать цѣлой странѣ и всему міру, что мы беремъ на себя отвѣтственность провозгласить временную республику, предоставляя Франціи съ ея 36-ю милліонами жителей, которыхъ нѣтъ здѣсь въ эту минуту и которые, также какъ и мы, имѣютъ право принять или отвергнуть извѣстную форму правленія, — предоставляя имъ, говорю я, ихъ законное право заявить ихъ верховную волю, посредствомъ общей подачи голосовъ, этой первой истины, этой основы всякой національной республики!“

На эту благородную и твердую рѣчь публика, упоенная восторгомъ, отвѣчала единодушными рукоплесканіями, и оратора съ торжествомъ отвели къ его товарищамъ.

XII.

Долбе нельзя было колебаться. Парижъ хотѣлъ знать намѣренія временнаго правительства, необходимо было объявить ему ихъ.

Всѣ члены находились въ комнатѣ смежной съ кабинетомъ. Ледрю-Ролленъ, Флоконъ и Луи-Бланъ сидѣли вмѣстѣ на диванѣ; напротивъ ихъ, на стульяхъ у камина, сидѣли Дюпонъ де л'Еръ и Араго. По правую сторону дивана были Гарнье-Паже и Мари, на лѣво Карно и Марра. За столомъ у окна сидѣли Ламартинъ и Кремье. Жанъ Рейно и Гинаръ, не принадлежавшіе къ временному правительству, стояли въ сторонѣ и слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Флотаръ ходилъ взадъ и впередъ, получая приказанія и передавая ихъ.

Какъ обыкновенно дѣлается при совѣщаніяхъ, было рѣшено, что каждый выскажетъ свое окончательное мнѣніе.

Началь Ледрю-Ролленъ. „Народъ, сказалъ онъ, опроки-

нулъ тронъ Людовика-Филиппа и изгналъ королевскую фамилію. Младшая линія послѣдовала въ изгнаніе за старшей. Въ продолженіи 18 лѣтъ народъ два раза возставалъ противъ монархической власти. Обманутый въ первый разъ въ своихъ надеждахъ, онъ не можетъ быть обманутъ во второй; тогда онъ хотѣлъ республику и теперь хочетъ того же. Въ палатѣ депутатовъ, въ думѣ, — вездѣ онъ требуетъ и провозглашаетъ республику. Хотятъ или не хотятъ ея члены временнаго правительства, — она во всякомъ случаѣ уже провозглашена. Можно ли послѣ этого не соглашаться съ желаніемъ народа, — этого живаго закона? Я не понимаю, о чемъ тутъ спорить; всякій споръ тутъ болѣе чѣмъ бесполезенъ; — необходимо, не колеблясь болѣе, тотчасъ-же провозгласить республику!“

Флоконтъ, въ немногихъ, но сильныхъ словахъ, подтвердилъ мысль Ледрю-Роллена. Луи-Бланъ резюмировалъ свои прежніе доводы и потомъ добавилъ: „не провозгласить республику — значитъ желать создать себѣ страшныя затрудненія; нельзя же оставить Францію безъ всякой формы правленія. Республика есть законъ, право народа управлять собою. Народъ завоевалъ себѣ свои права, и временное правительство не имѣетъ права не признать ихъ; оно должно учредить ту форму правленія, которая одна можетъ упрочить за народомъ его права. Довольно народъ былъ рабомъ; надо же, наконецъ, чтобы онъ сталъ самъ себѣ господиномъ. Революція совершилась; она должна имѣть всѣ свои послѣдствія, — послѣдствія соціальныя. Республика — это начинающееся царствованіе народа. Страшнымъ крикомъ протестовалъ бы народъ противъ того правительства, которое вздумало-бы помѣшать этому царствованію. Спѣшите! Завтра будетъ поздно! Нужно сію же минуту провозгласить республику!“

XIII.

„Республика, сказалъ Гарнье-Паже, была моей завѣтной мечтой, надеждой всей моей жизни, моей религіей. До начала революціи, желая избѣжать кровопролитія и междуусобной войны, я вмѣстѣ со всей радикальной партіей согласился на уступки, ослаблявшія монархію и позволявшія усилившейся демократіи свободно идти къ своей цѣли. Но теперь обстоятельства перемѣнились. Монархія пала, междуусобія нѣтъ, стало быть республика возможна и я желаю ея. Я всегда думалъ, что въ 1830 году Лафаетъ сдѣлалъ огромную ошибку, отказавшись провозгласить республику, и я не хочу, чтобы меня обвинили въ томъ-же. Не хочу упрекать себя въ послѣдствіи въ томъ, что республика была въ моихъ рукахъ и я не далъ ей свободы. Рѣшимость моя въ этомъ отношеніи такъ сильна, что если временное правительство не провозгласитъ тотчасъ же республику, я удаляюсь отъ дѣлъ! „При этихъ словахъ, Лелрю-Ролленъ всталъ и сказалъ. „Если такъ, то это дѣло рѣшенное!“ „Съ моей стороны конечно, продолжалъ Гарнье-Паже, но мы должны сдѣлать все возможное, чтобы согласить нашихъ товарищей. Выслушаемъ ихъ мнѣнія.“

XIV.

Мари напомнилъ, что онъ первый потребовалъ въ палатѣ депутатовъ учрежденія временнаго правительства, что онъ первый протестовалъ противъ партіи регентства. Слѣдовательно его принципы ясны, онъ желаетъ республику. Но необходимо ли провозгласить ее сію минуту? Народъ, наполняющій думу, требуетъ этого. Положимъ такъ. Но вѣдь это не весь народъ французскій, даже не населеніе всего Парижа. Что скажетъ національная гвардія, армія? Согласятся-ли онѣ на такое рѣшеніе или снова возьмутся за оружіе и возобновятъ борьбу только что прекращенную? А если эта борьба возоб-

новится, она ляжетъ вѣчнымъ упрекомъ на временное правительство. Объ этомъ страшно даже подумать. Не будемъ-же, продолжалъ онъ, безумно спѣшить осуществленіемъ надеждъ. Событія съ логической послѣдовательностью ведутъ къ республиканскому правленію. Для чего-же спѣшить? Для чего давать мѣсто спору тамъ, гдѣ не должно быть спора? Отъ настоящаго зависить будущее народа. Не допустимъ противниковъ нашихъ сказать, что мы насильовали волю націи, надо предвидѣть затрудненія, можетъ быть неодолимая, и не вызывать ихъ первымъ дѣйствіемъ правительства. Подождемъ минуты, которая уже близко, когда цѣлая нація объявитъ себя за республику, и тогда провозгласимъ ее.

XV.

Араго остался при прежнемъ мнѣніи, которое резюмировалъ въ слѣдующихъ словахъ: Временное правительство не имѣетъ права учреждать республику; только одна нація черезъ посредство своихъ представителей должна установить форму своего правленія.“ — Дюпонъ де л'Еръ выразилъ ту же мысль съ свойственной ему энергіей. Онъ прибавилъ, что республиканское правленіе оставило во многихъ самая страшныя воспоминанія; что немедленное провозглашеніе республики можетъ породить опасенія пагубныя для продолжительности ея существованія и ея спокойствія, что не нужно подавать повода къ распространенію клеветы противъ честныхъ и либеральныхъ намѣреній временнаго правительства; что гораздо необходимѣе прежде всего успокоить умы и тогда уже провозгласить республику, учрежденную конституціоннымъ собраніемъ, избраннымъ всеобщею подачею голосовъ.

XVI.

Кремье старался согласить оба мнѣнія. Онъ говорилъ

Араго и Дюпону де л'Ерѣ: „De jure, вы совершенно правы. Но мы толкуемъ не о правахъ, мы признаемъ фактъ. Народъ парижскій совершилъ революцію. Онъ низвергъ монархію, онъ же требуетъ республики, онъ вручилъ намъ власть для того чтобы мы были истолкователями его воли. Если мы приняли эту власть изъ рукъ народа, то можемъ ли мы не слѣдовать его указаніямъ? Онъ поручилъ намъ провозгласить республику и мы должны это исполнить. Что касается до права, оставимъ его неприкосновеннымъ. Передъ нами два мнѣнія: одни хотятъ немедленнаго провозглашенія республики, вышедшей живьемъ изъ нѣдръ революціи. Это фактъ. Другіе говорятъ, что только цѣлая нація можетъ располагать собой. Это право. Согласимъ фактъ и право. Провозгласимъ республику и предоставимъ національному собранію, немедленно созванному, право утвердить или не утвердить ее“. Затѣмъ онъ предложилъ слѣдующее измѣненіе въ редакціи Ламартина: „временное правительство провозглашаетъ республику, предоставляя утверждение или неутверждение ея національному собранію, которое будетъ немедленно создано.“ Это была та же самая мысль, только въ формѣ болѣе простой и ясной.

XVII.

Послѣднимъ говорилъ Ламартинъ. Я передаю его рѣчь точно такъ, какъ онъ напечаталъ ее. „De jure, во главѣ всего стоитъ теперь нація; на самомъ же дѣлѣ, дѣйствуютъ только семь человѣкъ, говорящихъ и дѣйствующихъ въ ея отсутствіе ея именемъ до тѣхъ поръ, пока она будетъ въ состояніи сама говорить и дѣйствовать. Эти семь человѣкъ очевидно не имѣли бы права измѣнить образъ правленія, еслибы это правленіе существовало. Но никакого правленія нѣтъ, исключая правленія самыхъ смѣлыхъ и самыхъ преданныхъ людей. При этомъ совершенномъ отсутствіи конституціонныхъ законовъ, при этомъ несуществованіи власти, при этомъ ни-

чтожествѣ правѣ, эти семь человѣкъ, которыхъ только случай поставилъ на теперешнемъ мѣстѣ, имѣютъ конечно право, посмотрѣвъ вокругъ себя, взвѣсить и обсудить положеніе дѣла во всей его цѣлости. Они могутъ также заявить, какъ результаты своихъ соображеній, свои собственныя мнѣнія и личныя стремленія, и сказать странѣ, будутъ-ли они управлять только временно, или во имя республики возникшей въ ихъ сердцахъ!

„Намъ остается только три пути: не прозглашать никакой формы правленія, провозгласить монархію или провозгласить республику.

„Сказать народу: мы не провозглашаемъ никакого правленія, — значитъ сказать всѣмъ партіямъ стоящимъ за ту или другую форму правленія: продолжайте проливать кровь свою, кровь Франціи! продолжайте набирать солдатъ, точить оружіе, постоянно наносить удары временному и обезоруженному порядку, устанавливаемому нами, отнимать у насъ побѣду надъ вашимъ мятежнымъ духомъ! — И такъ, не провозгласить ничего, значитъ провозгласить анархію, бунтъ, нескончаемую междуусобную войну. Лучше бы этимъ семи человѣкамъ спокойно оставаться въ рядахъ депутатовъ, чѣмъ, выйдя отсюда во имя спасенія народа, повести его къ гибели!

„Провозгласить монархію передъ тремястами тысячъ людей поднявшихся противъ нея, предъ національной гвардіей разстроенной или сочувствующей народу, передъ арміей удаленной или распушенной, передъ этимъ опустѣлымъ трономъ, передъ бѣгущимъ регентствомъ, передъ палатами, изъ которыхъ народъ разогналъ депутатовъ—не значитъ-ли это бросить насмѣшку въ лице всего народа!

„И такъ, ничего больше не остается какъ провозгласить республику, съ предоставленіемъ націи права утвержденія ея, посредствомъ національнаго собранія. Это дѣло будетъ исполнѣ революціонно и вмѣстѣ съ тѣмъ безопасно. Республика, поддерживаемая въ продолженіи извѣстнаго времени еди-

нодушно и съ умѣренностью, будетъ огромнымъ прогрессомъ въ дѣлѣ раціональнаго правленія и народныхъ интересовъ. Такимъ образомъ можно прекратить междоусобіе, довершить революцію, дать народу самоуправленіе, а между тѣмъ нація все таки останется верховной распорядительницей окончательной формы своего правленія.“

Марра и Карно раздѣляли образъ мыслей Ламартина.

XVIII.

Формула, предложенная Кремье, почти соглашала всѣ мнѣнія; только для нѣкоторыхъ слово: провозглашаетъ казалось слишкомъ утвердительнымъ, они находили, что желаемъ было бы лучше, не такъ рѣзко. Гарнье-Паже и Кремье предложили слово *хочетъ*. Наконецъ всѣ противники сошлись на слѣдующемъ: „Временное правительство *хочетъ* имѣть республику, предоставляя утвержденіе ея національному собранію, которое будетъ немедленно созвано“. Этотъ великій актъ, возвѣщавшій Франціи начало новой эры, былъ принятъ единодушно. Каждый изъ семи членовъ приложилъ свою подпись, за тѣмъ подписались секретари Луи Вланъ и Марра. За отсутствіемъ Флокона, куда-то ушедшаго, и Альберта, еще не приходившаго, подписей ихъ не было въ актѣ, обнародованномъ на другой день въ Мониторѣ.

Таково было это достопамятное совѣщаніе. Я съ величайшей точностью изложилъ его во всѣхъ подробностяхъ, извлекая ихъ изъ записокъ и воспоминаній, моихъ собственныхъ и моихъ сотоварищей. Что еще теперь, т. е. по прошествіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, поражаетъ меня, такъ это спокойствіе, серьезность, добросовѣтность, неограниченная свобода слова и мысли, коими оно было проникнуто. Если взвѣсить обстоятельства, важность этого акта, электрическія потрясенія извѣстїи, то можно сказать безъ тщеславія, что исторія не представляетъ намъ акта, внушающаго большаго почтенія.

XIX.

Чтобы довести до конца свою мысль и привести въ исполненіе статью, предоставлявшую право утвержденія республики народу, посредствомъ національнаго собранія, временное правительство тутъ-же издало декретъ о распущеніи палаты депутатовъ, прекращеніи засѣданій перовъ и созваніи національнаго собранія въ самый непродолжительный срокъ, необходимый только для принятія полицейскихъ мѣръ, долженствовавшихъ дать возможность подачи голосовъ всѣми гражданами.

Словами всѣ граждане временное правительство имѣло цѣлью окончательно утвердить основной принципъ демократіи. Оно хотѣло громко и навсегда заявить, что каждый членъ общества имѣетъ ненарушимое право участвовать непосредственно въ правленіи своего государства. Оно хотѣло на практикѣ показать примѣненіе великихъ принциповъ, находившихся до тѣхъ поръ въ области отвлеченныхъ теорій философіи.

Провозглашая это право, оно въ то же время и утверждало его. Въ одномъ изъ декретовъ оно объявило, что всякій гражданинъ — членъ національной гвардіи. Такимъ образомъ оно давало каждому возможность защищать себя.

XX.

По окончаніи этихъ великихъ дѣлъ, всѣ сердца проникнулись чувствомъ глубокой радости. Всякій гордился тѣмъ, что способствовалъ устраненію междуусобицы и революціи. Соперничество, тяжелыя воспоминанія, различіе мнѣній, личные непріязни, все было забыто, все пало передъ общимъ, горячимъ желаніемъ примиренія. Флоконтъ подошелъ къ Карно, своему прежнему сопернику, и братское объятіе запечатлѣло забвеніе прошлаго. Всѣ горячо жали руки другъ другу, какъ будто давая клятвы въ братской любви.

Какъ только прокламація сдѣлалась извѣстна народу, наполнявшему думу и площадь, всеобщій, неудержимый восторгъ разразился въ громкихъ рукоплесканіяхъ. Переходя изъ устъ въ уста, новость мгновенно облетѣла весь городъ. Радость была всеобщая.

Даже враги приняли новость если не съ радостью, то по крайней мѣрѣ безъ страха; они видѣли, что было неосновательно бояться народа, столь благоразумнаго даже при такой абсолютной свободѣ, столь великодушнаго послѣ полной и внезапной побѣды! Они понимали точно также, что имъ не зачѣмъ было бояться правительства, которое, въ пылу междоусобной войны, провозглашало не успѣхъ одной партіи, но торжество всемірнаго права!

Чувство высокой благосклонности новаго правительства простиралось даже на заклятыхъ враговъ революціи.

Въ 1830 году Карла X преслѣдовали бранью, министровъ его — мщеніемъ. Въ 1848 году, вмѣсто преслѣдованія, Люи Филиппу, его семейству и министрамъ объявили защиту и покровительство.

„Пусть они уходятъ себѣ спокойно“, говорилъ Ледрю-Ролень. Никто не приказывалъ арестовать бѣглецовъ; каждый изъ нихъ могъ безъ особенной опасности и безъ затрудненія покинуть Францію *). Агенты временнаго правительства снабжали ихъ деньгами и паспортами и, поступая такъ, никто не дѣйствовалъ вопреки приказаніямъ своего правительства. Ни на кого не обрушивались ненависть, никто не подвергся изгнанію. Была полная свобода мнѣній, даже желаній и надеждъ. Таковы были побужденія членовъ временнаго правительства, всѣхъ безъ исключенія. Благородныя побужденія, вышедшія изъ сердца народа, который въ припадкѣ революціоннаго

*) Мы дополнимъ этотъ рассказъ впоследствии.

экстаза не зачернилъ ни однимъ поступкомъ, ни однимъ словомъ блеска своей побѣды!

XXI.

Большіе часы думы пробили 11. Для жителей столицы наступилъ часъ покоя, но для членовъ временнаго правительства наступила тяжелая, изнурительная работа, которая должна была протянуться два съ половиною мѣсяца. Истощенные голодомъ и усталостью, основатели республики едва добились чтобы имъ принесли немного хлѣба, сыра и воды. Разбитая сахарница замѣнила имъ стаканъ. Таковъ былъ ужинъ, который, нѣсколько времени спустя, въ лѣтописяхъ клеветы, названъ былъ оргіей временнаго правительства.

XXII.

24 февраля 1848 года сдѣлалось однимъ изъ великихъ дней исторіи. Между полночью и полуднемъ пала монархія, между полуднемъ и полночью была основана республика.

XXIII.

Эта революція была страшнымъ, внезапнымъ взрывомъ. Стало быть, она должна была имѣть важныя причины.

Въ продолженіе своего 18-ти лѣтняго правленія Люи-Филиппъ наносилъ глубокія раны нравственному чувству народа, пробужденіемъ въ немъ интересовъ эгоистическихъ, матеріальныхъ; его либеральнымъ инстинктамъ—постепеннымъ стѣсненіемъ свободы ассоціацій, свободы прессы, права собраний; его справедливой гордости—слабостью виѣшной политики. Особенно стѣснилъ онъ низшій классъ введеніемъ законовъ, противныхъ его развитію физическому, умственному и моральному.

Терпѣливый, спокойный, не слишкомъ расположенный къ рѣшительнымъ мѣрамъ, народъ терпѣлъ молча. Онъ хотѣлъ не

разрушать, а строить. Но правительство не понимало этого. Въмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на симптомы перемѣны, обнаружившейся мало по малу въ расположеніи умовъ, оно презирало ихъ. Всякая просьба считалась возмущеніемъ, всякое заявленіе неудовольствія — преступленіемъ. Даже искренняя печаль людей преданныхъ королю была нестерпима ему, равно какъ и его министрамъ.

Революція была заявленіемъ общаго неудовольствія и реакціей противъ системы разложенія! Все содѣйствовало ей: сопротивленіе всякому прогрессу, всякой реформѣ; упорная несправедливость, ослѣпленіе консервативной партіи; оскорбленіе королемъ оппозиціи смѣлой, но легальной, дерзкой, но конституціонной; равнодушіе, почти непріязнь національной гвардіи; отсутствіе энергіи въ войскѣ, недостатокъ уваженія, вѣры въ короля. Это было одно изъ тѣхъ великихъ событій, гдѣ воля человѣка исчезаетъ, гдѣ пропадаетъ его гордость и гдѣ во всемъ блескѣ своего всемогущества проявляется неограниченный перстъ божій!

XXIV.

Въ самомъ дѣлѣ: если когда нибудь воля божія ясно выразилась въ дѣлѣ людскомъ, такъ это именно здѣсь. Съ каждымъ мгновеніемъ приближалась буря; всѣ слышали раскаты грома, всѣ видѣли далекую молнію. Даже враги предвѣщали грозу. Но напрасны были божія предзнаменованія! Глухой и слѣпой кормчій только тогда замѣтилъ бурю, когда уже не было спасенія его судну.

Столь-же слѣпые помощники его точно также ничего не видѣли. И когда буря разыгралась, когда ураганъ уже грозилъ поглотить ихъ, они потерялись и, чувствуя свое безсиліе, подумали только о личномъ спасеніи.

Рука болѣе твердая могла еще спасти эту злополучную монархію; но минуты были сочтены, нужно было рѣшиться!

Король не умѣлъ рѣшиться. Наканунѣ онъ медлилъ и выжидаль съ Гизо; отъ 3-хъ часовъ до полуночи—съ Моле; отъ полуночи до восьми утра—съ Тьеромъ; наконецъ до самаго конца — съ Тьеромъ и Барро. Во всѣхъ дѣлахъ — такая-же нерѣшительность: въ 10 ч. онъ отказался распустить палату, а чрезъ два часа отказался даже отъ престола. Два пути предстояли ему: миръ или война, онъ выбралъ оба и не пошелъ ни по одному. Онъ самъ не зналъ чего желать, войны или мира. То рѣшался мириться, то думалъ сопротивляться. Высылалъ войска на площади, потомъ отбиралъ у нихъ оружіе; уставлялъ городъ ружьями и пушками и не приказывалъ стрѣлять. Грозилъ, но не смѣлъ ударить. Одной рукой показывалъ столицѣ героя-укротителя, другой — министерство, готовое на всякія уступки. Сила матеріальная могла дать ему побѣду, сила нравственная могла спасти его безъ битвы, онъ вполонину надѣялся то на ту, то на другую, и уничтожилъ обѣ.

Вокругъ него растерялись всѣ совѣтники. Прежніе министры были удалены, новыхъ еще не было. Нигдѣ не было ни власти, ни отвѣтственности. Одни не умѣли сохранить власти, другіе не умѣли взять ее въ руки.

XXV.

Деморализація вкралась въ войска, дурно управляемыя. Имя генерала Бюжо исправило ихъ. Безпредѣльно смѣлый, самостоятельный, онъ обладалъ всѣми качествами главнокомандующаго; даже враги преклоняются передъ его военнымъ гениемъ. Окруженный инсургентами онъ грозно приказалъ имъ отступить, и они отступили. Но и онъ потерялся и смѣшался; ошеломленный непослѣдовательностью событий, онъ приказывалъ одному генералу удержатъ за собою извѣстную позицію, другому оставить ее. Въ одномъ мѣстѣ приказывалъ прекратить огонь, въ другомъ во что бы то

ни стало взять цѣлую цѣпь баррикадъ. Находчивость его будто исчезла. Онъ не умѣлъ ни повести колонъ противъ непріятеля, ни собрать ихъ и поставить противъ него. Долго ждалъ онъ вдохновенія и удалился наконецъ безъ сопротивленія, безъ битвы.

XXVI.

Три или четыре раза среди самой борьбы представлялись средства мирно рѣшить дѣло. Но судьба мѣшала ихъ осуществленію.

Вечеромъ 23 февраля извѣстіе объ уступкахъ успокоило народъ; онъ удалился съ мѣста боя; но рѣзня на Капуцинскомъ бульварѣ снова подняла его и погнала на баррикады. Утромъ 24 прокламація министерства лѣвой стороны возвѣстила предмѣстьямъ о примиреніи; народъ повѣрилъ ей и успокоился. Но окровавленная Бастилія опять зажгла духъ возстанія. Ружейные выстрѣлы съ поста Пейроне направили возмущеніе на Тюльери. Тогда король рѣшился на все жертвы: онъ принялъ оппозиціонное министерство, распустилъ палаты, даже болѣе: онъ отказался отъ престола! Напрасныя жертвы! Завязалась битва въ Château d'Eu. Напрасно храбрѣйшіе генералы, знаменитый маршалъ и даже сами инсургенты жертвовали жизнью, чтобы прекратить эту пальбу, каждый выстрѣлъ которой попадалъ въ сердце монархіи: битва продолжалась. Звуки выстрѣловъ послужили призывнымъ сигналомъ всему городу. Духъ возстанія охватилъ всю столицу. Наконецъ и королевскій дворецъ былъ окруженъ. Король зналъ, что дворецъ не выдержитъ приступа и рѣшился бѣжать.

XXVII.

Сохранить-ли онъ по крайней мѣрѣ корону для своего внука?—Нѣтъ, Богъ не хочетъ этого! Еслибы герцогиня Ор-

леанская съ сыномъ на рукахъ явилась передъ толпой, если-бы она напомнила ей еще не забытое, дорогое имя своего мужа, можетъ быть растроганная толпа понесла бы на рукахъ мать и сына. Въ благородномъ сердцѣ герцогини было довольно мужества для такого поступка, она чувствовала себя способною на все, что только можетъ внушить женщинѣ ужасъ ссылки и желаніе сохранить своему сыну корону. Но ее отклонили отъ этого, она искала опоры тамъ, гдѣ была одна слабость, бросилась къ тому, кого ненавидѣлъ народъ и потеряла послѣднюю любовь народа. Правда, здѣсь возможно было послѣднее усиліе, можно было выставить массу противъ массы. Но герцогъ Немургскій, при всемъ его рѣдкомъ самоотверженіи, былъ лишенъ всякой инициативы. Генералы ждали приказаній, президентъ бѣжалъ, боясь отвѣтственности. Друзья герцогини дали время революціи сдѣлать свое дѣло.

И вмѣсто смерти возможной, но во всякомъ случаѣ славной, эта благородная женщина, принужденная къ позорному бѣгству, едва не погибла жертвою глупаго случая!

XXVIII.

Тогда-то изъ груды развалинъ выступило спасительное правительство.

Среди гражданской войны, среди льющейся крови, пожара, баррикадъ, безъ денегъ, безъ войска, безъ національной гвардіи, безъ полиціи, не имѣя другой силы; кромѣ силы нравственной, другой опоры, кромѣ любви народной, другаго двигателя, кромѣ любви къ отечеству, — нѣсколько человѣкъ рѣшаются спасти государство, возстановить власть, открыть новую эру прогресса и свободы и безъ всякаго насилія замѣнить четырнадцативѣковую монархію царствомъ демократіи. И эти люди, люди разныхъ сословій, соединенные рукою случая, я хочу сказать провидѣнія, избранные народомъ, облеченные имъ верховной властью, охраняемые имъ,

вдохновляемые имъ, прекращаютъ войну, водворяютъ миръ, оттираютъ кровь, врачуютъ раны, охраняютъ жизнь и свободу даже враговъ своихъ!

Ихъ стараніями водворяется спокойствіе въ городѣ, срываются баррикады, обезпечивается продовольствіе народа, сохраняется собственность общественная и частная, наказываются небольшое число преступниковъ, обезпечивается свобода, признаются права народа. Великіе принципы, провозглашаются торжественно. Силою этихъ принциповъ, въ первый разъ въ старомъ свѣтѣ, великій народъ вступилъ въ полное и абсолютное самоуправленіе.

И этотъ народъ — народъ французскій, тотъ самый, который уже столько вѣковъ проливалъ кровь свою за свободу, равенство, братство!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Господинъ президентъ Совѣта!

Отецъ мой поручилъ мнѣ сообщить вашему превосходительству слѣдующія свѣдѣнія. Нѣкто, находящійся уже давно въ песьма короткихъ отношеніяхъ съ г. Тьеромъ, имѣлъ однажды съ нимъ разговоръ, изъ котораго я привожу самыя рѣзкія мѣста.

Г. Тьеръ сказалъ: «Франція гигантскими шагами приближается къ катастрофѣ, которая разразится или при жизни короля, если онъ долго проживетъ, или скоро послѣ его смерти. Будетъ междуусобная война, пересмотръ хартій и можетъ быть перемѣна династїи. Франція не захочетъ регентства, развѣ только сдѣлаютъ что нибудь великое, чтобы поднять націю. Король Люи - Филиппъ не основалъ ничего. Его семейству трудно будетъ удержаться послѣ него. Еслибы Наполеонъ II былъ еще живъ, онъ наследовалъ бы престолъ нынѣшняго короля. Что касается до меня, я ничего не хочу, мнѣ все надоѣло. — Европа повстрѣчаетъ еще на своей дорогѣ французскій народъ. До смерти короля нельзя ничего предпринимать. Надо чтобы Гизо удержался, только нужно помѣшать его сближенію съ континентальными державами. Мы должны начертать программу его внѣшней политики, заставить его бояться палаты депутатовъ и всей націи. Для этого я и хочу взойти на трибуну и буду биться съ нимъ на смерть за вопросы итальянскій и швейцарскій».

Отецъ мой ручается вашему превосходительству за достовѣрность вышеизложенныхъ фактовъ и покорно проситъ васъ держать ихъ въ тайнѣ.

Примите, господинъ президентъ Совѣта, новое увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи.

Агнеса Клиндортъ.

21 января 1848 г.

Дѣло Пети.

Господину Гизо, президенту Совѣта министровъ.

Парижъ, 1 января 1848.

Любезный господинъ президентъ!

Я прочелъ записку, которую господинъ Пети намѣренъ напечатать, и посылаю ее вамъ. Прочтите ее и вы со вниманіемъ. Мнѣ она кажется очень важною и не слѣдуетъ слишкомъ легко смотрѣть на это дѣло.

Преданный вамъ,
Гебертъ.

Къ нему-же.

Парижъ, 4 января 1848.

Любезный господинъ президентъ!

Я узналъ навѣрное, что записка появится завтра въ газетахъ. Невозможно было урезонить ни мужа, ни жену.

Я чрезвычайно огорченъ этимъ обстоятельствомъ.

Преданный вамъ,
Гебертъ.

РЕФОРМИСТКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Пршеніе о реформѣ избирательной и парламентской.

Господамъ депутатамъ.

Милостивые государи!

Мы требуемъ измѣненія въ законѣ 19 апрѣля 1831 статей касающихся выборовъ и парламента,

Потому что опытъ шестнадцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ шесть разъ были генеральныя выборы, слишкомъ достаточно доказалъ намъ слабыя стороны, недостатки и безсиліе этого закона;

Потому что законъ этотъ не опирается ни на какой принципъ, но нарушаетъ всѣ принципы;

Потому что ему не служатъ достаточно раціональнымъ основаніемъ

ни народонаселеніе ¹⁾, ни территорія ²⁾, ни собственность ³⁾, ни налоги ⁴⁾, ни политическія способности ⁵⁾, ни умственныя ⁶⁾;

Потому что онъ противенъ принципу представительнаго правленія, требующему, чтобы большинство депутатовъ было слѣдствіемъ большинства избирателей ⁷⁾, и чтобы большинство избирателей было выраженіемъ большинства гражданъ;

Потому что онъ породилъ специальное расписаніе, дробящее до безконечности избирательныя общины, безъ всякаго соблюденія равновѣсія ⁸⁾, и дающее интересамъ мѣстнымъ исключительное преобладаніе надъ интересами общими, и дѣлающее изъ депутата не представителя страны, департамента или даже округа (arrondissement), но представителя извѣстнаго кружка избирателей ⁹⁾;

¹⁾ 10 общинъ (collèges) имѣютъ среднимъ числомъ 257,012 человекъ народонаселенія, тогда какъ другіе десять имѣютъ 1,591,065 человекъ. Каждый депутатъ первыхъ общинъ есть представитель 25,701 человека, депутатъ вторыхъ 159,106 человекъ. Одна третья община департамента Сѣвера имѣетъ 226,012 чел. народонаселенія, то есть столько-же, сколько девять другихъ общинъ вмѣстѣ взятыя.

²⁾ Пространство территорій, имѣющихъ представителей, очень различно въ каждомъ округѣ.

³⁾ Одна община даетъ милліоны доходовъ, другая не приноситъ и двадцатой части этого.

⁴⁾ 5 департаментовъ, Корсика, Верхнихъ Альпъ, Нижнихъ Альпъ, Лозеры, Крезы, назначающіе всѣ вмѣстѣ 14 депутатовъ, платятъ 6,142,630 фр. прямыхъ повинностей, т. е. почти по 448,759 фр. на одного депутата, тогда какъ одинъ департаментъ Сенскій, имѣющій также 14 депутатовъ, платитъ 31,096,088 франковъ, то есть по 2,221,149 ф. на депутата.

⁵⁾ Податной цензъ не можетъ быть полнымъ и исключительнымъ признакомъ политическихъ способностей, въ какихъ бы термйнахъ не опредѣляли ихъ.

⁶⁾ Граждане, признаваемые способными рѣшать свободу и жизнь отдѣльных личностей, по закону 1831 признаны неспособными содѣйствовать къ избранію депутата. — Члены института должны платить 100 фр. прямого налога.

⁷⁾ Изъ 241,000 избирателей 102,000, т. е. меньшинство, избираютъ 282 депутата, что составляетъ болѣе $\frac{3}{5}$ палаты, тогда какъ 139,000 избирателей, т. е. большинство, избираютъ только 177 депутатовъ, т. е. менѣ $\frac{2}{5}$.

⁸⁾ Двадцать шесть общинъ имѣютъ болѣе 1000 избирателей, тридцать пять — болѣе 800; пятьдесятъ семь имѣютъ избирателей менѣ 300; 20 — менѣ 200. Въ Парижѣ, во второмъ округѣ 3000 избирателей избираютъ одного депутата; въ другихъ мѣстахъ 150 чел. избираютъ также одного.

⁹⁾ Всѣхъ общинъ 459, а округовъ (arrondissement) только 363. Чтобы дать избирательной палатѣ характеръ болѣе національный, революція

Потому что вслѣдствіе его маленькія общины превратились въ какія то дрянныя мѣстечки, совершенно подчиненныя или какому нибудь чиновнику, пользующемуся кредитомъ, или значительной фамиліи, или капиталисту: тутъ право избирательства становится уже не политическимъ полномочіемъ, главнѣйшимъ изъ всѣхъ, которыми избиратель въ извѣстномъ случаѣ пользуется, смотря по своему крайнему убѣжденію, но постояннымъ правомъ, привилегированной должностью, изъ которой вовсе не считается безчестнымъ извлекать свои личныя выгоды;

Потому что онъ клонится, какъ сказалъ одинъ изъ министровъ іюльской революціи ¹⁰⁾, къ возвышенію аристократіи «пронырливой и нуждающейся»;

Потому что онъ не признаетъ принципа равенства правъ между гражданами и нарушаетъ принципъ равенства правъ даже между избирателями ¹¹⁾;

Потому что онъ не достаточно охраняетъ величіе и свободу выборовъ, представляющихъ вездѣ скандальную картину интригъ, мелкихъ страстей и личной борьбы, при совершенномъ отсутствіи интересовъ національных;

Потому что онъ задушилъ политическое движеніе, составляющее душу конституціоннаго правительства;

Потому что, заключивъ въ узкія границы свободу выборовъ избирателей цензомъ и недостаточностью полномочій, онъ пронавелъ то, что палата наполняется чиновниками, получающими жалованье ¹²⁾; и такимъ образомъ онъ поражаетъ однимъ ударомъ и административную іерархію и независимость представительства, и вмѣсто конституціоннаго правленія вводитъ незаконное правленіе, основанное на личномъ произволѣ;

Потому что онъ уменьшилъ цифру депутатовъ и избирателей до цифры несоотвѣтствующей числу народонаселенія;

Потому что онъ открываетъ полный доступъ всѣмъ злоупотребленіямъ;

Потому что, наконецъ, при теперешнемъ положеніи избирательнаго со-

1830 года исключила изъ хартіи 1814 года слова: депутаты департаментовъ. Законъ 1831 года сдѣлалъ избирательство еще болѣе мѣстнымъ, нежели оно было по хартіи 1814 года.

¹⁰⁾ Дюфуръ.

¹¹⁾ Десять общинъ вмѣстѣ имѣютъ 16,142 избирателя; другія десять имѣютъ ихъ только 1553. Въ первыхъ право избирателя къ общему относится какъ 1:1614; во вторыхъ какъ 1:155. Такимъ образомъ одинъ голосъ равняется 10¹/₂ голосамъ.

¹²⁾ Въ 1832 году число депутатовъ - чиновниковъ доходило до 139; въ 1842 до 167; въ 1846 до 184; нынче оно дошло до болѣе 200.

словія, нація не находитъ въ немъ точнаго выраженія, вѣрнаго образа, искренняго представительства своихъ мнѣній, интересовъ и правъ.

Господа депутаты!

Илагаая вамъ всѣ недостатки законоположенія 1831 года, мы выполняемъ долгъ честныхъ гражданъ.

Вамъ, законодатели, предстоитъ честь совершить реформы, которыхъ настоятельно требуетъ справедливость, нравственность и сущность представительнаго правленія.

Списокъ членовъ

центрального комитета сенскихъ избирателей.

Президентъ, г. Ш. Ф. де Ластейри, родственникъ генерала Лафайета, заступившій мѣсто покойнаго г. Пинге (Pinguet).

Вице президентъ, г. Рекюрь.

Секретарь, г. Паньеръ.

Казначей, г. Лабелони.

Г. г. Аббади.

Бурдонъ.

Кормье.

Дофеиъ.

Дюклу.

Делеръ.

Давидъ (изъ Анжера).

Дегузе.

Дюто

Фоасакъ.

Флонъ.

Феровъ.

Фоа.

А. Фаврель.

О. Желле.

Гремилъи.

Гризье.

Гиллери.

Гамеленъ.

Ланьо.

Леноаръ.

Леконтъ.

Монфлери.

А. Марше.

Мартенъ.

Модюи.

Пеанъ.

Ришаръ.

Рамонъ де ла Кроазетъ.

Рейно.

Ришаръ.

Сентъ-Аманъ.

Сегала.

А. Тьерри.

Виткокъ.

Г. Паньеръ взялъ себѣ въ помощники Эліаса Реньо.

Банкетъ въ Маконѣ.

18 іюля 1847.

Банкетъ въ Маконѣ былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, какъ по числу присутствовавшихъ, доходившему до шести тысячъ, такъ и по пророческой рѣчи Ламартина, произнесенной во время бѣры, которая не могла остановить манифестаціи. Президентомъ собранія былъ Шарль Ролланъ, меръ города, молодой и горячій патріотъ, съ честью занимавшій въ послѣдствіи мѣсто въ конституціонномъ собраніи. Опредѣливъ съ точностью цѣль демонстраціи, Ролланъ представилъ ее какъ торжественное требованіе возстановленія принциповъ французской революціи, освобожденной отъ ошибокъ времени, заблужденій людскихъ и преступленій партій. Ламартинъ, въ вдохновенной импровизаціи, отвѣчая на всѣ предложенные ему вопросы, слегка коснулся философской и политической программы, которую онъ, спустя семь мѣсяцевъ, формулировалъ въ городской думѣ. Онъ изложилъ передъ своими очарованными слушателями, какъ далеко шагнулъ прогрессъ мысли во время революціи, какъ потомъ постепенно падалъ онъ во время имперіи и реставраціи, и какъ наконецъ совершенно остановился съ воцареніемъ династіи 1830 года, рѣчь свою онъ заключилъ словами громко отозвавшимися въ цѣлой Франціи: «Неужели, послѣ революціи свободы и контрареволюціи славы, у насъ совершится революція презрѣнія!»

Гг. Президентамъ и членамъ комиссіи банкета 12 округа.

Парижъ 18 февраля 1848 г.

Милостивые Государи!

Мы имѣли честь получить приглашеніе ваше принять участіе въ банкетѣ двѣнадцатаго округа.

Такъ какъ министерство, въ засѣданіи своемъ по поводу адреса, не признало за нами права устроить политическія собранія безъ разрѣшенія правительства, то мы видимъ въ этомъ банкетѣ единственный способъ поддержать конституціонныя права противъ притязаній самовласти и заставить уважать ихъ положительно.

Поэтому мы считаемъ священнымъ долгомъ принять ваше предложеніе — присоединиться къ легальной и мирной манифестаціи приготавливаемой вами.

Примите, Мм. Гг. и т. д.

Аббатучи,
 Авенъ,
 Араго,
 д'Арагонъ,
 Бако,
 Балло,
 Барошъ,
 Баронъ,
 Од. Барро,
 де Бомонъ (изъ Соммы),
 Берже,
 Бетмонъ,
 Биго,
 Боненъ,
 Бюро де Пюзи,
 Вавелъ,
 Гарнье-Паже,
 Гарнионъ,
 Готье-де-Рюмильи,
 Гле-Визоанъ,
 Горрекъ,
 де Грамонъ,
 Гюе-Дефонтенъ,
 Дарно,
 де Бретонъ,
 Делаво,
 Деленоль,
 Демарсей,
 Дежоберъ,
 Дольфюсъ,
 Дубла,
 Дро,
 Друенъ де Люизъ,
 Дюбушажъ,
 Дюпонъ (де л'Еръ),
 Дюранъ (де Роморантенъ),
 Дюзолье,
 Дютье,
 Дювержье де Оранъ,
 Жигонъ ла Бертри,
 де Жувансель,

Кордье,
 де Курте,
 Кремье,
 Кретонъ,
 Лафайетъ (Жоржъ),
 Лафайетъ (Оскаръ),
 Ламартинъ,
 Лараби,
 Ластейри,
 Лавалетъ,
 Лефоръ-Гонсоленъ,
 Леграверанъ,
 Лессепсъ,
 Лестибудуа,
 Левавассеръ,
 Лербетъ,
 Люпо.
 Мешенъ,
 Мальвиъ (Леонъ),
 Мальтенъ,
 Манюель,
 Мари,
 Марьонъ,
 Марки,
 Матей,
 Матье,
 Могенъ,
 Мора-Баланжъ,
 Моро,
 Осмонъ,
 Паже (Арьежъ),
 Периньонъ,
 Пьеронъ,
 Рембо,
 Роже,
 де Сентъ-Альбенъ,
 Сиейсъ,
 Стрюкъ,
 Сюберви,
 Тальяндье,
 Тенсье де ла Мотъ,

Жюньель,
де Камбасаресъ,
Карно,
Кинетъ,
Конверъ,

Тасель,
Тиаръ,
Шамболь,
Фарро,
Фоше.

Письмо къ королю.

Суббота вечеромъ, 12 февраля 1848.

Ваше Величество!

Мы преодолѣли препятствіе, одно изъ самыхъ труднѣйшихъ, какія когда либо встрѣчались намъ. Я ничего не обѣщалъ. Еслибы я не сказалъ того, что сказалъ, измѣненіе закона было бы принято и кабинетъ палъ бы неизбежно. Въ слѣдующее засѣданіе будетъ надъ чѣмъ поработать, потому что если мы не усиѣмъ возстановить единства между членами консервативной партіи, распаденіе ея, которое я отдалилъ, произойдетъ немедленно и оппозиція конечно не упуститъ случая имъ воспользоваться. Во всякомъ случаѣ, король остается совершенно свободнымъ. Прилагаю при этомъ извѣстія изъ Италіи и кое-какія частныя письма.

Покорно прошу В. В. завтра, т. е. въ воскресенье, къ двумъ часамъ сообщить намъ ваши совѣты.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего королевскаго величества покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга и подданный

Гизо.

Списокъ депутатовъ оппозиціи,

подписавшихъ обвинительный актъ противъ министерства

Гизо.

Одилонъ Барро,
Дювержье де Ораннь,
Генераль Тиаръ,
Дюпонъ (де л'Ерь),
Изамберъ,

Люно,
Баронъ,
Жоржъ Лафайетъ,
Мари,
Карно,

Леонъ де Мальвиль,	Бюро де Пюзи,
Гарнье-Паже,	Дизолье,
Шамболь,	Матье,
Бетмонъ.	Друэнъ де Люизъ,
Лербетъ,	д'Арагонъ,
Паже (де г'Аржежъ),	де Камбассересъ,
Барошъ,	Дро,
Авенъ.	Марки,
Леонъ Фоше,	Биго,
Фериднандъ де Ластейри,	Кпнетъ,
де Курте,	Мешевъ,
Матей,	де Жувансель
Гартензіусъ Сентъ-Альбенъ,	Лефоръ Гонсолень,
Кремье,	Лараби,
Готье де Рюмильи,	Тесье де ла Моттъ,
Рембо,	Вавенъ,
Боасель,	Демарсей,
Бомонъ,	Гарнонъ,
Лессепсъ,	Берже,
Могюенъ,	Мора-Балланжъ,
Кретонъ,	Бонень,
Аббатучи,	Тальандье.

Выписки изъ журнала la Réforme отъ 24 февраля.

Министерство пало въ потокахъ крови! Пусть вмѣстѣ съ нимъ падеть и гнусная система, которой оно держалось.

Французскій народъ хочетъ быть свободнымъ. Онъ доказалъ это, онъ былъ великъ какъ въ 1789 и 1830 годахъ. Онъ достоинъ свободы.

Но неужели думаютъ удовлетворить его, замѣнивъ Гизо какимъ нибудь Моле или Тьеромъ.

Ошибаются, если думаютъ такъ.

Мы, имѣющіе право говорить отъ имени народа, потому что мы никогда не оставляли его, никогда не обманывали его, дѣлаемся отголоскомъ его законныхъ требованій.

Вотъ что составляетъ предметъ требованій всей массы народа:

Освобожденіе всѣхъ гражданъ, арестованныхъ вчера;

Преданіе суду министровъ;

Освященіе права собраній банкетомъ въ воскресенье;

Избирательная реформа, основанная на народныхъ началахъ;

Уничтоженіе сентябрьскихъ законовъ;
Распущеніе муниципальной гвардіи;
Всеобщая амнистія.

Требованія эти справедливы и умѣрены. За что въ самомъ дѣлѣ держать въ заключеніи людей, изъ которыхъ каждый вчера дѣлалъ отдѣльно тоже самое, что сегодня дѣлали вмѣстѣ національная гвардія и весь народъ?

Того, что произошло въ послѣдніе два дня слишкомъ достаточно, чтобы предать суду министерство.

Борьба между министерствомъ и народомъ завязалась изъ-за права собраній; надо чтобы право это было освящено фактомъ. Граждане дорого купили себѣ это право!

Цѣлая Франція мирно требовала реформы въ избирательствѣ. Теперь Парижъ громко требуетъ ее. Пора исполнить это требованіе.

Свобода прессы гарантируетъ всякую другую свободу. Съ нею Франція никогда не пала бы въ бездну грязи и крови, изъ которой она хочетъ теперь выйти. Сентябрьскіе законы сокрушили свободу прессы: они должны быть уничтожены!

Муниципальная гвардія ознаменовала себя жестокостями; она нарушала законъ тѣмъ, что самопроизвольно начала стрѣлять, слѣдовательно она должна уступить мѣсто учрежденіямъ гражданскимъ.

Наконецъ въ сердцахъ и въ устахъ каждого слышится требованіе всеобщей амнистіи.

Такими мѣрами скоро и легко можно водворить порядокъ.

Палата Депутатовъ.

Суточный приказъ.

Четвергъ, 24 февраля 1848.

Въ часъ — собраніе въ бюро:

Разсмотрѣніе двухъ предложеній.

Въ три часа — публичное засѣданіе:

Продолженіе преній по поводу закона о продолженіи привилегій Бордосскаго Банка;

Пренія о слѣдующихъ прозктахъ:

Закона о первоначальномъ воспитаніи;

Предложенія Галле-Клапареда о военныхъ повинностяхъ.
Проектъ закона о свободѣ въ дѣлѣ второстепеннаго обученія;
Проектъ закона о королевскомъ орденѣ С. Дени,
Проектъ закона о таможенныхъ.

РАПОРТЫ ПРЕФЕКТА ПОЛИЦИИ.

Анархическія публикаціи 1846 года.

Кабинетъ префекта полиціи.

Парижъ, 19 января 1847 г.

Господинъ министр!

Я всегда приписывалъ особенную важность тому, чтобы строго слѣдить и изучать въ своемъ кабинетѣ, въ минуту ихъ выхода, всѣ политическія и экономическія сочиненія враждебнаго характера, для того, чтобы указывать высшей судебной власти на тѣ изъ нихъ, которыя, по моему мнѣнію, угрожаютъ опасностью правительству или обществу. При этомъ я имѣлъ случаи слѣдить за развитіемъ революціонныхъ идей и за тактикой разныхъ политическихъ партій. Я думаю, господинъ министр, что съ этой послѣдней точки зрѣнія для вашего превосходительства, благосклонно принявшаго работы подобнаго рода, которыя я имѣлъ честь прежде представить вамъ, не будетъ безынтересенъ краткій обзоръ всѣхъ подобныхъ сочиненій, вышедшихъ въ 1846 году.

Соціальные брошюры, порицающія и испровергающія настоящую общественную организацію, были въ прошломъ году гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ годахъ; они развиваютъ неосуществимыя теории и говорятъ о примѣненіи ихъ, и это стремленіе анархическихъ партій пренебрегать вопросами чисто-политическими и возбуждать идеи объ обновленіи общества — стремленіе, на которое я указалъ вашему превосходительству въ рапортѣ отъ 17 іюля 1846 г., — такъ сильно, что заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны правительства. Агитаторы, потерявъ надежду достигнуть своими чисто-политическими проповѣдями среди массы народа ожидаемыхъ ими результатовъ, принялись проповѣдывать другія доктрины, заимствованныя ими у древнихъ и новыхъ утопистовъ, и которыя они стараются примѣнить къ настоящему порядку вещей. Эти доктрины, выходящія изъ подъ пера С. Кабе, Дезами, Леру, Прудона, сотрудниковъ журналовъ «l'Atelier» и «Frater-

nité», и писателей школы Фурье, хотя различаются между собою, но держатся одного и того-же принципа, предлагают однѣ и тѣже средства и стремятся къ одной и той же цѣли. Этотъ принципъ— право всѣхъ людей на одинаковую часть трудовъ и пользованія ими; цѣль— болѣе или менѣе быстрое разрушеніе настоящаго общественнаго порядка посредствомъ уничтоженія семейства и права собственности. Общность имуществъ есть господствующая идея всѣхъ социальныхъ теорій, и, какъ ни различны средства къ достиженію этого, всѣ они стремятся къ коммунизму, который есть ихъ неизбежное слѣдствіе, ихъ послѣднее слово.

Періодическія изданія, проповѣдующія эту вредную систему, всѣми силами нападали въ прошломъ году на общество, которое они, при его настоящей организаціи, старались представить какимъ то гнѣздомъ наслія и анархіи. Журналъ «la Fraternité» служитъ съ 1845 года органомъ атенстического и абсолютнаго коммунизма, а «le Populaire» съ 1841 года проповѣдуетъ коммунистическое ученіе Кабе. Что касается «Revue sociale», то этотъ журналъ, перомъ Пьера Леру, сильно нападаетъ на фурьеристовъ; но, тѣмъ не менѣе, враждебный экономическимъ принципамъ настоящаго общества, онъ также сильно нападаетъ на нихъ въ пользу философически-социальныхъ идей Пьера Леру. Журналъ этотъ, издаваемый въ Буссакѣ, имѣетъ много читателей въ Крезѣ, и особенно въ мануфактурныхъ городахъ Обюссонѣ и Феллетенѣ.

Съ мая мѣсяца издается здѣсь, подъ редакціей виконта Дюбукажа, журналъ «l'Enquête sociale», выходящій три раза въ мѣсяцъ. Этотъ журналъ, политическіе взгляды котораго враждебны настоящему правительству, занимается спеціально экономическими вопросами, и преимущественно организаціей труда. Онъ открыто проповѣдуетъ возвращеніе къ прежнимъ корпораціямъ и ассоціаціи рабочихъ классовъ по ремесламъ, искусствамъ и занятіямъ, считая это единственнымъ средствомъ помочь настоящему бѣдственному положенію рабочаго класса. Если этотъ журналъ и не имѣетъ цѣлью ниспровергнуть общество, то онъ, не менѣе другихъ коммунистическихъ журналовъ, пользуется всѣми возможными средствами, чтобы поддерживать въ рабочемъ классѣ безпокойство и недовольство ихъ настоящимъ положеніемъ.

«L'Atelier», существующій уже шесть лѣтъ, продолжаетъ, подъ редакціей Бюше, проповѣдывать идею свободной ассоціаціи труда, не смотря на то, что опыты этой ассоціаціи, произведенные обществами «соединенной промышленности» и «Grand saint Joseph», опыты, о которыхъ я въ свое время отдавалъ отчетъ вашему превосходительству, оказались безуспѣшными.

Кромѣ періодическихъ изданій социальной прессы я долженъ указать при этомъ случаѣ на отдѣльныя книги, принадлежащія къ этому же разряду, и тоже не менѣе заслуживающія вниманія. Не говоря о

перепечатаваніи прежнихъ коммунистическихъ брошюръ Кабе, которыя онъ въ прошломъ году выпускалъ въ огромнотъ количествѣ и съ неутомимою настойчивостію распространялъ въ Парижѣ и департаментахъ, я упомяну о слѣдующихъ трудахъ:

1. Евангеліе, новый переводъ, съ примѣчаніями и размышленіями въ концѣ каждой главы, Ламенне.

2. Истинное христіанство, по І. Христу, соч. Кабе.

3. Альманахъ демократической Франціи за 1847 годъ. По поводу этой книги я только припомню вашему превосходительству, что издатель этого памфлета, Викторъ Бутонъ, о которомъ я сообщилъ вамъ въ донесеніи отъ 9 октября, былъ приговоренъ ассизнымъ судомъ сенскаго департамента къ годичному заключенію и уплатѣ пени въ 500 франковъ.

4. Звѣзда народа, альманахъ предмѣстій за 1847 годъ. Сочиненіе Леона Шомонъ, направленное противъ всѣхъ привилегированныхъ классовъ и особенно противъ богатыхъ.

5. Портретъ консерватора во весь ростъ, Фортунатуса. Книженка стараго легитимистскаго писателя Фортуната Мезюре, направленная противъ средняго класса и буржуазіи, къ которымъ онъ старается возбудить ненависть въ низшемъ классѣ.

6. Организациа свободы и всеобщаго благосостоянія, соч. Дезамп. Эта книга, въ которой авторъ сильно нападаетъ на организациу настоящаго общества, которому онъ приписываетъ причину бѣдности и пороковъ, губящихъ человѣчество, имѣетъ цѣлью представить систему кредита и обезпеченія права, гарантирующаго общественное благосостояніе.

7. Икарійскій альманахъ на 1847 годъ, соч. Кабе,—настоящее руководство къ изученію коммунистическихъ доктринъ.

8. Фаланстерскій альманахъ на 1847 годъ, имѣющій цѣлью увеличивать число сторонниковъ фурьеризма.

9. Система экономическихъ противурѣчій или философія бѣдности, Прудона. Это сочиненіе, въ которомъ авторъ сильно нападаетъ на всѣхъ социалистовъ и экономистовъ новѣйшаго времени, какъ порицающихъ, такъ и защищающихъ настоящее общество, есть рѣзкая и безпощадная критика. Авторъ доказываетъ, что онъ не привязанъ ни къ одной школѣ, ни къ одной сектѣ, и предлагаетъ теорію уравниенія заработной платы, какъ единственную и настоящую цѣль экономическихъ и политическихъ наукъ.

10. Манифестація духа истины, А. Дюмениля. Энергическое воззваніе, во имя христіанства, къ царству коммунизма. Подробный отчетъ объ этой книгѣ я представилъ вашему превосходительству 27 прошлаго ноября.

11. Трауръ Польши, протестація французской демократіи и всеобщаго социализма аббата Констана. На эту брошюру я указалъ королевскому прокурору, 10 прошлаго декабря.

12. Опытъ о свободѣ, какъ о принципѣ и исходѣ челоѣческой дѣятельности, Даниеля Стерна (графиня д'Агу), рѣзкая сатира на общество и на тѣ учрежденія, на которыхъ оно держится.

13. Церковь и верховная власть, Симона Гранже.

Что касается сочиненій чисто политическихъ, то я упомяну о Пандемоніумѣ. Это отвратительный памфлетъ легитимиста Евгенія Бланка противъ короля и королевской фамиліи, о которомъ я уже говорилъ вашему превосходительству, и за который авторъ поплатился годичнымъ заключеніемъ и улатой пени въ 4000 франковъ.

Политическія событія прошлаго года описаны въ нѣсколькихъ брошюрахъ, болѣе или менѣе враждебныхъ правительству. Такъ, во время выборовъ появилось нѣсколько памфлетовъ, теперь почти забытыхъ, изъ которыхъ болѣе замѣчательны: Реформистскій сборникъ, Генуда; *l'Ordre du jour sur la corruption électorale et parlementaire*, Тимона; Совѣсть въ дѣлахъ политическихъ, П. Г. де Монтенона; Галерея Притчардистовъ, издание журнала «National»: Диогенъ на выборахъ, и т. д.

Агитаторы не могли не воспользоваться финансовымъ кризисомъ, волнующимъ въ настоящее время Францію, и я долженъ былъ обратить вниманіе судебной власти на двѣ брошюры: Хлѣба! крикъ народа, Леона де Шомона, и Голосъ голоднаго, аббата Констана; эти брошюры по моему мнѣнію возбуждаютъ дурныя страсти народа, его ненависть къ богатому классу, и вызываютъ къ возстанію. Я долженъ прибавить, что послѣдняя брошюра была съ прошлаго декабря запрещена министерствомъ просвѣщенія.

Константъ Гильбей перепечаталъ Бесѣды Марата съ народомъ, почерпнутыя изъ журнала Другъ народа, отъ 18 сентября 1789 года; но такъ какъ онъ публиковалъ объ этой опасной книгѣ особыя афишамы, то я сообщилъ объ этомъ королевскому прокурору, и авторъ былъ присужденъ къ пятнадцатидневному заключенію и пени въ 100 франковъ.

Наконецъ партія легитимистовъ воспользовалась бракомъ герцога Бордоскаго, чтобы снова привлечь вниманіе на этого принца. Двѣ брошюры подъ заглавіемъ: Бракъ Генриха французскаго, народный рассказъ, и бракъ Генриха и Луизы, Альфреда Неттемана, вышли одна за другой, перемежаясь, какъ обыкновенно дѣлаютъ легитимисты, выраженія презрѣнія къ царствующей династіи съ похвалами принцу, о возвращеніи котораго во Францію они еще мечтаютъ.

Изъ всѣхъ сочиненій, вычисленныхъ мною, наиболѣе заслуживаютъ вниманія судебной власти сочиненія социалистовъ. Если они, по крайней мѣрѣ повидимому, и не стремятся къ достиженію одной и той же цѣли, то нападаютъ и подрываютъ настоящее общество при помощи однихъ и тѣхъ же средствъ. Всѣ они представляютъ это общество жертвой анархіи и злоупотребленія, всѣ стремятся ввести рабочій классъ въ заблужденіе преувеличенной картиной его бѣдности и того счастья, которымъ онъ будетъ пользоваться послѣ преобразованія общества. Легко понять, какое вліяніе подобныя сочиненія имѣютъ на легковѣрный рабочій классъ, которому они обѣщаютъ всевозможныя матеріальныя блага. Это истинный бичъ настоящаго времени, и нужно сознаться, что каждый годъ онъ дѣлаетъ большія успѣхи. Подобный порядокъ вещей долженъ, по моему мнѣнію, возбудить самое строгое вниманіе со стороны правительства.

Примите, господинъ министръ, увѣреніе въ моемъ почтеніи.

Перъ Франци, префектъ полици,
Г. Делессеръ.

Общій надзоръ.

12 февраля 1848 г. Порядокъ и спокойствіе попрежнему царствуютъ въ Парижѣ. Не замѣтно никакого особеннаго волненія.

13 февраля. Нѣтъ никакого волненія. Спокойствіе господствуетъ среди народа, хотя чтеніе журналовъ производитъ нѣкоторое волненіе.

14 февраля. Умами овладѣваетъ безпокойство, хотя и не замѣтно никакого волненія. Рабочій классъ занятъ и мало сочувствуетъ желающимъ волновать его.

15 февраля. Парижъ довольно сильно взволнованъ мѣрами осторожности, принятыми правительствомъ по случаю предстоящихъ банкетовъ, но по наружности все спокойно. Въ Парижѣ мало иностранцевъ; купцы жалуются на дурной сбытъ; комерческія сдѣлки идутъ слабо.

16 февраля. Ничего новаго, Парижъ продолжаетъ волноваться, хотя это и не замѣтно.

17 февраля. Народонаселеніе Парижа обезпокоено и взволновано. Было много собраній разныхъ частей оппозиціи по случаю предстоя-

шей манифестаціи. Ничего еще не рѣшено по этому дѣлу. Дѣла остановились, купцы не продають ничего.

18 февраля. Парижъ сильно безпокоится; но замѣтно много нерѣшительности и несогласія въ мнѣніи различныхъ партій, приготовляющихся къ банкету, назначенному на вторникъ, если обстоятельства не потребуютъ новой отсрочки. Оппозиціонныя партіи все еще выражаютъ намѣреніе избѣжать волненій и даютъ своимъ сторонникамъ наставленія въ этомъ духѣ, уговаривая ихъ въ тоже время отправиться на банкетъ, который они желаютъ сдѣлать весьма многочисленнымъ.

19 февраля. Всѣ Парижскіе кварталы очень спокойны по наружности, но безпокойство продолжаетъ усиливаться и дѣла окончательно остановились.

20 февраля. То же наружное спокойствіе и то же внутреннее безпокойство. Не замѣтно никакого волненія среди рабочихъ, хотя многіе изъ нихъ имѣютъ намѣреніе присоединиться къ толпѣ, которая во вторникъ должна собраться на площади Madeleine и отправиться на Елисейскія поля.

21 февраля. (Нѣтъ донесенія).

Кабинетъ префекта полиціи.

Собраніе 22 февраля.

Парижъ, 22 февраля 1848 г.

Господинъ министръ!

Вчера вечеромъ, какъ я сообщилъ вамъ лично, я вывѣсилъ на всѣхъ стѣнахъ Парижа постановленіе, запрещающее банкетъ 12 округа, приказъ полиціи на случай сборищъ и наконецъ прокламацію адресованную мною къ жителямъ Парижа и напоминавшую имъ объ уваженіи къ порядку и закону.

Около полуночи рабочіе, устранившіе палатку для банкета, получили приказаніе прекратить свою работу, а сегодня утромъ въ 8 часовъ начали разбирать ее, и тамъ осталось не болѣе 12 рабочихъ.

До десяти часовъ во всѣхъ кварталахъ Парижа не было замѣтно никакого волненія; городъ сохраняетъ свой обыкновенный видъ, и только возгласъ объявленій, развѣшенныхъ ночью, собираются кружки; но это кружки любителей, не имѣющіе ничего враждебнаго.

Но съ десяти часовъ движеніе на бульварахъ усилилось; толпы народа въ блузахъ и національные гвардейцы въ полной формѣ и при сабляхъ собираются со стороны Бастиліи и направляются къ Madeleine. Съ другой стороны, толпа изъ тысячи человѣкъ, состоящая изъ студентовъ и рабочихъ, но большей части очень молодыхъ, собравшись на площади Пантеона, отправляется около одиннадцати часовъ, при пѣśni Marseillaise, изъ латинскаго квартала черезъ улицы des Grés, de la Harpe, de l'Ecole-de-Médecine, Dauphine, къ новому мосту, потомъ проходить черезъ улицы de la Monnaie, du Roule, и черезъ всю улицу Saint-Hippolyte. Время отъ времени изъ толпы вылетаютъ крики: «да здравствуетъ реформа! долой Гизо!» Проходя предъ колоной, они кричатъ: «да здравствуетъ Наполеонъ!» Приходъ этой новой колонны на площадь Мадленъ, до того увеличиваетъ толпу, что кареты принуждены поворачивать назадъ. Купцы начинаютъ со страху запирать магазины.

Около полудня часть толпы, состоящая изъ 1000 или 1200 студентовъ и блузниковъ, направляется при пѣśni пѣсни жирондистовъ и съ криками «да здравствуетъ реформа! да здравствуетъ О. Барро! долой Гизо!» къ мосту Согласія. Они пришли къ главному крыльцу дворца Бурбоновъ; но такъ какъ съ приближеніемъ ихъ дверь заперли, то они возвратились назадъ, и обойдя палату со стороны рѣшетки, разбили главную дверь, завладѣли крыльцомъ, разсѣялись по заламъ и заняли публичныя трибуны, все продолжая свои пѣсни и восклицанія. Прибывшія вскорѣ въ достаточномъ количествѣ войска очистили палату; тогда одна часть толпы прошла мостъ, другая направилась по набережной, съ криками: «въ Политехническую школу! къ предметіямъ!» Эта толпа, состоявшая изъ 500 человѣкъ, дѣйствительно прошла улицы Mazarine, de Bussy, площадь Пантеона и другія, дошла до политехнической школы и принялась разбивать главную дверь и звать къ себѣ воспитанниковъ. Она была разсѣяна отрядомъ пѣшей и конной муниципальной гвардіи. Двое изъ бунтовщиковъ были при этомъ случаѣ задержаны.

Такъ какъ толпа, оставшаяся на площади Madeleine, увеличивалась постоянно и принимала угрожающій характеръ, то мѣстные полицейскіе комиссары были принуждены принять свои мѣры, вслѣдствіе чего было арестовано 14 человѣкъ. Тогда новая толпа отправилась къ дому министерства иностранныхъ дѣлъ, съ криками: «да здравствуютъ линейныя войска! долой Гизо!» Камнями разбито нѣсколько стеколъ; но выстрѣлы кавалеріи и пѣхоты нѣсколько разъ разгоняли эту толпу, которая, однако, нѣсколько минутъ спустя, снова собиралась.

Другая толпа, отъ 500 до 600 человѣкъ, также направившись съ площади Madeleine и отъ дома министерства иностранныхъ дѣлъ, прош-

ла улицы Saint-Augustin, des Filles-Saint-Thomas, площадь биржи и улицу Neuve-Vivienne, не переставая кричать: «да здравствует республика! долой министерство!» Проходя мимо улицы des Colonnnes, они напали на лавку булочника и завладѣли полѣнами дровъ, изъ которыхъ сдѣлали себѣ оружіе. Въ улицѣ Neuve-Vivienne они вошли къ оружейнику Бандони, потребовали у него ружей и разошлись только тогда когда убѣдились, что ихъ не было у него. Выйдя оттуда, они направились черезъ бульвары къ Бастиліи.

Выстрѣлы конной муниципальной гвардіи, собравшейся на площади Согласія, и которую толпа народа встрѣтила камнями, заставили эту толпу разсѣяться; она ушла берегомъ Сены, и проходя по набережной Megisserie и de Gèvres, ограбила два оружейные магазина. Можетъ быть, это та самая толпа, которая, собравшись потомъ снова, обезоружила караулъ въ улицѣ Geoffroy-Zangevin, занятый солдатами 45 линейнаго полка.

Между тѣмъ, не смотря на постоянное употребленіе военной силы, толпы народа, собиравшіяся на площади Согласія и въ Елисейскихъ поляхъ, становились съ каждой минутой враждебнѣе; почтовая карета, ѣхавшая чрезъ Елисейскія поля, съ трудомъ освободилась отъ народа, желавшаго опрокинуть ее для начала баррикады. Скамейки, стоявшія по обѣимъ сторонамъ и опрокинутые дилижансы составили баррикаду, скоро впрочемъ разрушенную пришедшимъ туда отрядомъ пѣхоты. Люди подозрительнаго вида стараются привлечь на свою сторону тѣхъ, которые изъ любопытства пришли на площадь Согласія и въ Елисейскія поля. Линейный караулъ въ Елисейскихъ поляхъ осажденъ толпой, состоящей изъ 300 человекъ; двое изъ нихъ взобрались на крышу, сняли и разорвали флагъ, но при видѣ отряда муниципальной гвардіи, пришедшаго для защиты поста, эта толпа разбѣжалась. Со стороны улицы Royale новая толпа съ криками бросилась на рѣшетку морскаго министерства, сломала ее и принялась строить баррикаду, которую разрушилъ своими выстрѣлами отрядъ муниципальной гвардіи. Соединенными усиліями линейныхъ войскъ и муниципальной гвардіи Елисейскія поля и площадь Согласія были очищены къ четыремъ часамъ. Тогда толпа устремилась чрезъ сосѣднія улицы, но сойдясь въ центръ города и на углу улицы Saint-Florentin и Риволи, противъ министерства финансовъ, построила баррикаду. Въ улицахъ Duphot, 29 Іюля, de la Sourdiere, Richelieu, Saint-Honoré, d'Alger и Croix-des-Petits-Champs опрокинуты дилижансы, фіакры и бочки водовозовъ; на многихъ изъ этихъ пунктовъ взрыта мостовая; рѣшетка церкви Saint-Roch, сломанная въ куски, тоже употреблена для баррикады. Но около 6 часовъ всѣ эти баррикады были взяты и толпа разошлась, такъ что пространство между площадью Madeleine и дворцомъ совершенно очистилось. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что передъ выходомъ изъ Елисейскихъ полей, инсургенты предали огню находившіяся тамъ скамейки. Постъ

Matignon сожжентъ. Въ улицѣ Basse-du-Rempart два національные гвардейца убили одного солдата муниципальной гвардіи и спаслись бѣгствомъ, увидѣвъ другихъ муниципальных гвардейцевъ, пришедшихъ на помощь своему товарищу.

Къ восьми часамъ бунтовщики сошлись въ той части улицы Saint-Honoré, которая примыкаетъ къ переулкамъ du Coq и Croix-des-Petits-Champs и рынку. Линейныя войска были встрѣчены ими съ крикомъ: «да здравствуютъ линейныя войска! долой муниципалы! Передъ выходомъ изъ улицы St. Honoré, блузники ворвались въ оружейный магазинъ возлѣ улицы d'Alger и въ магазинъ Ленажа въ улицѣ Richelieu. Магазинъ Спикеля въ улицѣ Saint-Honoré также разоренъ. У Барбе инсургенты завладѣли всѣмъ холоднымъ оружіемъ. Магазинъ другаго оружейника, въ улицѣ de la Monnaie, возлѣ улицы Saint-Honoré, также разоренъ.

Съ пяти часовъ во всѣхъ легіонахъ начали бить сборъ, но національные гвардейцы собрались въ ратушѣ въ весьма ограниченномъ количествѣ. Въ семь часовъ по городу разосланы патрули національной гвардіи, которыхъ встрѣчали крикомъ: «да здравствуетъ національная гвардія!» Въ восемь часовъ сдѣлано нападеніе на лавку оружейника на Сень-Мартенскомъ бульварѣ, и похищено 20 ружей и 20 пистолетовъ. Въ улицѣ de Cléry сдѣлана попытка построить баррикаду, для которой поломаны перила бульвара Bonne-Nouvelle. Къ восьми часамъ эта часть города до бульвара du Temple была очищена и баррикады разрушены; но въ то же время воздвигнуты другія баррикады въ улицахъ de Cléry, du Petit-Carreau, Montorgueil, Bourg-l'Abbe, противъ пассажа l'Ancre. Пятьдесятъ инсургентовъ, вооруженныхъ ружьями, вышли изъ пассажа Saucède и направились къ этой баррикадѣ.

Двѣнадцатый округъ прорѣзанъ патрулями линейныхъ войскъ и національной гвардіи; за этими патрулями ходятъ блузники съ криками: «да здравствуютъ линейныя войска! да здравствуетъ національная гвардія! долой Гизо!» Въ девять съ половиною часовъ на площади Пантеона былъ собранъ батальонъ національной гвардіи и батальонъ пѣхоты, подъ командой Лавока, но большая часть національныхъ гвардейцевъ смѣшалась съ народомъ и приняла участие въ его пѣсняхъ и крикахъ.

Съ другой стороны батальонъ національной гвардіи 1-го легіона, проходя около девяти съ половиною часовъ возлѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, кричалъ: «да здравствуетъ муниципальная гвардія; да здравствуютъ линейныя войска!» Линейные солдаты и муниципальные гвардейцы стоявшие тамъ отвѣчали имъ крикомъ: «да здравствуетъ національная гвардія».

Но въ улицѣ Saint-Honoré, со стороны улицъ du Coq, des Vieilles Etuves, и др., въ части города, населенной бунтовщиками, послѣдніе разоряютъ лавки, которыя могутъ быть защищены только военною силою. Въ то же время въ улицѣ Poitou, въ Marais инсургенты врываются въ дома и заставляютъ жителей отдавать имъ оружіе. Въ улицѣ Saint-Sebastien воздвигнута баррикада, но сильный патруль, пришедшій туда, окружаетъ ее и захватываетъ четырнадцать бунтовщиковъ. Около девяти часовъ, десятка два бунтовщиковъ проходятъ по улицамъ Монталонъ, Папильонъ, Кокнаръ, врываются въ дома и угрозами отымаютъ семь или восемь ружей.

Около десяти часовъ въ улицѣ Beauregard прорѣзаны двѣ газовыя трубы, но съ девяти до одиннадцати часовъ шестой и седьмой округи охраняемы патрулями линейныхъ войскъ и національной гвардіи. Сильный отрядъ линейныхъ войскъ и національной гвардіи поставленъ въ улицѣ Saint-Martin, на углу улицъ Монморанси и Neuve-Bourg-l'Abbe, чтобы наблюдать за инсургентами, начавшими стрѣлять изъ за баррикады въ улицѣ Bourg-l'Abbe. Точно-также инсургенты встрѣтили выстрѣлами роту линейныхъ войскъ, проходившую по улицѣ Maconseil. Раненыхъ нѣтъ.

Въ одиннадцать часовъ улицы Saint-Martin и Saint-Denis окончательно заняты войсками и національной гвардіей; въ улицѣ Faubourg-Saint-Denis построены четыре баррикады. Рота муниципальной гвардіи съ однимъ полицейскимъ комиссаромъ постепенно завладѣла ими. Оставляя свои позиціи, бунтовщики сдѣлали два выстрѣла, но никого не ранили.

Къ одиннадцати часамъ начинаютъ строить баррикаду на шоссе Тампльскаго бульвара, противъ Ангулемской улицы; на мостовой выламываютъ много камней и кладутъ ихъ одинъ на другой; но приходятъ линейный патруль, и инсургенты разбѣгаются.

Кромѣ баррикады въ улицѣ Bourg-l'Abbe, построены еще двѣ: въ улицѣ Grenetat, на углу улицы Bourg-l'Abbe, другая въ улицѣ Neuve-Bourg-l'Abbe. Эти баррикады, построенныя болѣе опытными руками, разорены, послѣ сильной перестрѣлки, отрядами 52 полка и муниципальной гвардіи. Послѣ окончанія перестрѣлки поднять трупъ одного польскаго изгнанника и арестовать другой полкъ, вооруженный ружьемъ и саблѣй. На верху баррикады, снесенной муниципальной гвардіей, найдено много ружей, принадлежащихъ національнымъ гвардейцамъ. При этомъ случаѣ арестовано большое число инсурентовъ.

Съ наступленіемъ ночи значительныя толпы народа направились къ Batignolles, къ заставамъ Клиши и Монсеахъ. Много лавокъ ограблено. По требованію мера около 40 національныхъ гвардейцевъ взялись за оружіе и отвѣчали на выстрѣлы инсурентовъ, которыхъ арестовано около 20 человѣкъ.

Вотъ главные подробности сегодняшняго дня, которыя мнѣ удалось собрать.

Примите, господинъ министръ, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Перъ Франціи, префектъ полиціи
Г. Делессеръ.

ДВИЖЕНІЕ ВОЙСКЪ.

Объяснительная инструкція различныхъ распоряженій, касающихся защиты города.

Для праваго берега Сены.

Изыскивая систему защиты праваго берега Сены, я собственно имѣлъ въ виду защиту центра Парижа. Нужно опасаться только того, чтобы толпы, собравшись въ предмѣстіяхъ, не направились къ центру столицы. Поэтому при распоряженіяхъ сдѣланныхъ мною для защиты центра города, имѣлась въ виду необходимость наблюдать за предмѣстіями.

Прорѣзать Парижъ сильными патрулями, охранять эти патрули резервами, расположенными въ центральныхъ пунктахъ, которые я назову стратегическими пунктами, устроить между этими послѣдними легкое и удобное сообщеніе, — вотъ задача, которую я задать себѣ.

Защита праваго берега Сены можетъ ограничиться линіею идущею отъ площади Согласія, проходящею черезъ бульвары и продолжающеюся по берегу рѣки.

Разсматривая эту мѣстность, легко замѣтить, что площадь Каруселя есть центръ дѣйствій, пунктъ, который долженъ управлять всѣмъ движеніемъ.

Главная линія дѣйствій паралельна рѣкѣ: ее составляютъ набережныя и улицы Saint-Antoine и Saint-Phillipe; вправо отъ нея площадь Бастиліи, слѣва — площадь Согласія. Сзади она защищена Сеной, которую легко овладѣть, занявъ только мосты.

Вся эта мѣстность представляетъ рядъ дефилеевъ, расположенныхъ безъ всякаго порядка, но она прорѣзана множествомъ дорогъ, изъ которыхъ шесть, именно тѣ, которыя прорѣзываютъ наиболѣе населенныя части Парижа, направлены отъ бульвара къ общему центру между мостами au Change и Notre-Dame. Эти дороги могутъ оказать большую помощь въ системѣ общей защиты. Это главные линіи дѣйствій, и я назову ихъ линіями стратегическими. Всѣхъ ихъ семь:

1. Улица Monmartre;

2. Улицы Poissoniere, du Petit Carreau и Montorgueil;
3. Улица Saint-Denis;
4. Улицы Saint-Martin, des Arcis и Plancher-Mibray;
5. Улицы du Temple, Saint-Avoye, Bar-du-Bec и des Coquilles.
6. Улицы des Filles-du Calvaire, Vieille du-Temple и Louis-Phillipe;
7. Улица Richelieu.

Эти стратегическія линіи должны непремѣнно оставаться въ рукахъ войска. Поэтому необходимо занять площадь Saint-Eustache, бульваръ Saint-Denis и площадь думы. Но важность такихъ публичныхъ учреждений, каковы, королевская библіотека, биржа, почта, банкъ и Пале-Рояль, требуетъ, чтобы площадь Побѣдъ тоже была назначена мѣстомъ сбора войскъ.

Эти общія наблюденія естественно указываютъ на размѣщеніе стратегическихъ пунктовъ. Всѣхъ ихъ семь:

1. Площадь Каруселя;
2. Площадь Побѣдъ;
3. Площадь Saint-Eustache;
4. Площадь городской думы;
5. Площадь Бастиліи;
6. Бульваръ С. Дени.
7. Площадь Согласія.

Чтобы достигнуть предположенной мною цѣли, должны быть соблюдены два условія, вытекающія одно изъ другаго: защищеніе мѣстностей и наблюденіе за безопасностью войскъ.

Для достиженія перваго условія я отвелъ для каждаго стратегическаго пункта особый округъ (zone) или мѣстность, которая всегда будетъ въ распоряженіи этого пункта. Чтобы дать опредѣленное направленіе постоянному движенію его, я назначилъ улицы, по которымъ должны разъѣзжать патрули, и указать тѣ ратуши и общественныя заведенія, которыя они должны защищать. Проѣзжая на всемъ протяженіи назначенную мѣстность, патруль можетъ знать, что дѣлается въ каждомъ уголкѣ ея, онъ можетъ мѣшать составленію сборищъ и не давать времени бунтовщикамъ воздвигать укрѣпленія, изъ которыхъ впоследствии имъ пришлось бы выбивать.

Для достиженія втораго условія я распорядился, чтобы патрули под держивали постоянное сообщеніе между всѣми стратегическими пунктами, и въ случаѣ надобности, могли подавать другъ другу помощь.

Площадь Каруселя, по своему положенію и пространству, должна служить главнымъ сборнымъ пунктомъ, откуда войска будутъ выходить по мѣрѣ надобности. Такъ какъ войска, которыя соберутся тамъ, должны быть всегда на готовѣ, то этому пункту не должно отводить стратегическаго округа (zone).

Стратегическіе пункты и мѣстности, зависящія отъ нихъ.

Стратегич. окр. (zone).	Центральный пунктъ.	Аванъ-постъ.	Аванъ-гардъ.
Néant.	Площадь Каруселя.		{ Площадь Музея. Пассажъ Roban. Мостъ des Arts. Мостъ Royal.
Площадь Побѣды.	Площадь Побѣды.	Площадь биржи.	{ Монмартрскій бульваръ.
Площадь Saint-Eustache.	Point Saint-Eustache и рынокъ au Beurre.	{ Хлѣбный рынокъ. Рынокъ des Innocents.	{ Cour Batave и пассажъ de Venise.
Площадь городской думы.	Площадь городской думы.	{ Отель Saint-Aignan. Рынокъ Св. Иоанна. Площадь Châtelet.	{ Мостъ Луи-Филиппа. Мостъ Notre-Dame Новый мостъ.
Площадь Бастилии.	Площадь Бастилии.	{ Набережная Morland. Площадь Рояль.	{ Сентъ-Антуанскій бульваръ. Мостъ Marie
Бульваръ Saint-Denis.	Бульваръ Saint-Denis.	{ Каирская площадь. Караулъ при вхождѣ въ улицу Royale. Рынокъ du Temple.	{ Бульваръ du Temple (противъ улицы du Temple). Сентъ-Мартенскій бульваръ (противъ Сентъ-Мартенской улицы).
Площадь Корласия.	Площадь Корласия.	Вандомская площадь.	{ Мостъ Корласия. Площадь Madeleine. Капуцинскій бульваръ (противъ улицы de la Paix).

Разсматривая согласно этой таблицѣ планъ Парижа, мы видимъ, что центръ его въ главнѣйшихъ пунктахъ занятъ сильными войсками и что онъ окруженъ линіей войскъ, расположенной по бульварамъ и набережнымъ.

Такъ какъ эти двѣ широкія дороги наиболѣе удобны для дѣйствій кавалеріи, то я размѣстилъ на нихъ кавалерійскіе полки и отвелъ для этихъ послѣднихъ пункты, назначенные для аванъ-гардовъ.

Пѣхота должна быть расположена двумя рядами; это гораздо удобнѣе для этого рода защиты.

Такъ какъ парижскія улицы имѣютъ въ ширину среднимъ числомъ десять шаговъ, то двадцать четыре человѣка въ одну шеренгу займутъ ее во всю ширину.

Эти данныя побудили меня назначить патрули въ 25 человѣкъ, которые должны объѣзжать стратегическія линіи. Это количество будетъ вполне удовлетворительно, потому что главное назначеніе патрулей, которые никогда не должны удаляться отъ своего пункта, — объѣзжать свою мѣстность, чтобы мѣшать всякимъ враждебнымъ попыткамъ народа. Въ случаѣ, если они встрѣтятъ какое нибудь непреодолимое затрудненіе, они должны обратиться къ аванъ-посту или стратегическому пункту, которые тотчасъ же пустятъ въ дѣло свои резервы.

Но тѣ патрули, которые будутъ объѣзжать стратегическія линіи во всю ихъ длину и поэтому удаляться отъ своего центрального пункта, должны быть довольно сильны, чтобы не имѣть необходимости прибѣгать къ посторонней помощи и быть въ состояніи немедленно отправляться на мѣста, которымъ грозитъ опасность; вслѣдствіе этого я опредѣлилъ число каждаго изъ нихъ въ 90 человѣкъ. Количество людей, составляющихъ резервы въ стратегическихъ пунктахъ и на аванъ-постахъ я опредѣлилъ сообразно важности каждаго пункта.

Результатъ, котораго я желаю достигнуть, состоитъ не только въ томъ, чтобы усмирять беспорядки, но и въ томъ чтобы предупреждать ихъ. Поэтому резервы и аванъ-посты я распредѣлилъ въ мѣстахъ, наиболѣе угрожаемыхъ волненіемъ, чтобы не допустить до взрыва этого волненія. Патрули, строго осматривая все закоулки различныхъ кварталовъ, будутъ гнать возмущеніе съ одного мѣста на другое и отнимать у него средства организовать для твердаго сопротивленія. Оно будетъ преслѣдуемо въ одно и тоже время во всѣхъ мѣстностяхъ и нигдѣ не найдетъ себѣ убѣжища. Такимъ образомъ вслѣдствіе занятія войсками театра возмущенія, это послѣднее сдѣлается невозможнымъ, потому что, не будучи опаснымъ по числу и свойству участниковъ, оно могло бы сдѣлаться страшнымъ только въ томъ случаѣ, еслибы существовали благоприятныя для него преграды и мѣстности.

Временныя распоряженія.

Быстрое подавление возмущенія всегда будетъ зависѣть отъ скорости занятія войсками мѣстъ, назначенныхъ для нихъ. Такъ какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ сборъ бѣютъ уже тогда, когда бунтовщики приступили къ враждебнымъ дѣйствіямъ, то необходимо, чтобы войска брались за оружіе съ возможною быстротою.

Вслѣдствіе этого, каждый разъ какъ представится эта необходимость, войска должны немедленно отправляться на назначенные для нихъ стратегическіе пункты и по мѣрѣ ихъ прибытія патрули должны направляться по указанному мною плану.

Крайне необходимо, чтобы войска какъ можно скорѣе занимали каждый кварталъ для того, чтобы имѣть возможность осмотрѣть всѣ закоулки и не допускать прегражденія сообщеній стеченіемъ любопытныхъ или бунтовщиковъ. Въ особенности же они должны способствовать сбору національной гвардіи, — сбору, который нерѣдко оказывается затруднительнымъ на мѣстности между бульварами и набережными. Для защиты праваго берега Сены я назначилъ половину девяти первыхъ легіоновъ національной гвардіи и половину гарнизоннаго войска, вычтя изъ этой послѣдней то число людей, которое ежедневно отражается въ караулы.

Национальная гвардія вмѣстѣ съ линейнымъ войскомъ будетъ распределена по всѣмъ пунктамъ, которые должны быть заняты. Генералы, командующіе на стратегическихъ пунктахъ, условятся на этотъ счетъ съ полковниками, командующими легіонами. Такимъ образомъ, въ каждой мѣстности можно будетъ, смотря по надобности, удвоивать или утроивать число резервовъ и патрулей. Помощью этихъ двухъ силъ всегда будутъ достигаться самые счастливые результаты и всѣ усилія бунтовщиковъ будутъ разбиваться о тѣсный союзъ, существующій между національною гвардіею и арміею.

Для защиты праваго берега, я назначаю также часть солдатъ, расположенныхъ въ казармахъ во всѣхъ кварталахъ Парижа; вслѣдствіе этого ни одна мѣстность не останется совершенно безъ войска, а тѣ мѣстности, которыя обыкновенно служатъ театромъ возмущенія, получать возможность, независимо отъ солдатъ, стоящихъ подъ ружьемъ, находить подкрѣпленія въ казармахъ своихъ или сосѣднихъ.

Въ число людей, требующихся для защиты, я не включилъ ни хоту муниципальной гвардіи, потому что желалъ оставить это войско въ распоряженіи гражданскаго начальства;—но во всякомъ случаѣ ее всегда

можно будетъ найти на пунктахъ, которымъ будетъ грозить опасность.

Главнокомандующій національною гвардіею Сены.
Парижъ, 1 іюля 1839.

Главный штабъ. Организациа и вооруженіе войскъ.

Національная гвардіа сенскаго департамента.

Парижъ, 21 февраля 1848.

Любезный полковникъ,

Г. генераль-лейтенантъ, главнокомандующій, поручилъ мнѣ просить васъ сдѣлать распоряженія къ приведенію въ исполненіе инструкцій, означенныхъ въ циркулярѣ 3 іюля 1839 года, предоставляя выборъ средствъ вашему усмотрѣнію.

Примите, любезный полковникъ, увѣреніе въ моей преданности.

Маршалъ, начальникъ главнаго штаба.

Завтра въ девять часовъ всѣ стратегическія линіи будутъ заняты гарнизонными войсками. Г. главнокомандующій уполномочиваетъ васъ быть сборъ съ семи часовъ, для того, чтобы два баталіона, которые вы должны доставить, могли явиться туда почти въ одно и тоже время.

Главный штабъ. Секретаріатъ.

Національная гвардіа сенскаго департамента.

Парижъ, 22 февраля 1848.

Любезный полковникъ,

Полученныя нами свѣдѣнія заставляютъ высшее начальство отмѣнить приказъ о занятіи стратегическихъ линій національною гвардіею и гарнизонными войсками. Г. главнокомандующій поручилъ мнѣ предупредить васъ, что распоряженіе о созваніи національной гвардіи и объ исполненіи распоряженій, предписанныхъ циркуляромъ 3 іюля 1839 г., должны считаться недействительными, и на васъ возлагается только

обязанность, впредь до новаго приказа, наряжать ежедневно на службу сто человѣкъ для пикета.

Примите, любезный полковникъ, увѣреніе въ моей совершенной преданности.

Маршалъ, начальникъ главнаго штаба.

Главный штабъ. Секретаріатъ.

Національная гвардія сенскаго департамента.

Парижъ, 22 февраля 1848.

Любезный полковникъ,

Г. главнокомандующій получилъ приказъ немедленно занять стратегическія линіи; я слѣшу извѣстить васъ объ этомъ, приглашая съ своей стороны принять необходимыя мѣры для приведенія этого въ исполненіе.

Примите, любезный полковникъ, и пр.

Маршалъ, начальникъ главнаго штаба.

Главный штабъ. Секретаріатъ.

Національная гвардія сенскаго департамента.

Парижъ, 22 февраля 1848.

Любезный полковникъ,

Г. главнокомандующій поручилъ мнѣ просить васъ созвать въ главный штабъ одинъ баталіонъ вашего легіона, предоставляя вамъ выборъ средствъ, какія вы сочтете наиболѣе вѣрными и быстрыми.

Примите, и пр.

Маршалъ, начальникъ главнаго штаба.

Главный штабъ. Секретаріатъ.

Національная гвардія сенскаго департамента.

Парижъ, 22 февраля 1848.

Любезный полковникъ,

Завтра мы будемъ продолжать занятіе стратегическихъ линій значительными военными силами, къ которымъ должны присоединиться два баталіона изъ вашего легіона; они въ свою очередь приглашены къ принятію участія въ водвореніи общественнаго порядка.

Генераль-лейтенантъ, главнокомандующій, поручилъ мнѣ просить васъ бить сборъ, если это покажется вамъ необходимымъ, чтобы ваши два баталіона во время явились на мѣсто назначенія.

Вамъ дозволяется распустить пикетъ изъ ста человекъ, какъ скоро вы сочтете это возможнымъ.

Что касается отрядовъ, занимающихъ стратегическіе пункты, то они вернутся домой, когда получатъ приказанія объ этомъ своихъ командировъ.

Примите, и пр.

Маршалъ, начальникъ главнаго штаба.

Главный штабъ. Секретаріатъ.

Національная гвардія сенскаго департамента.

Парижъ, 23 февраля 1848.

Любезный полковникъ,

Г. главнокомандующій поручилъ мнѣ замѣтить вамъ, что въ продолженіи двухъ послѣднихъ дней служба гарнизонныхъ войскъ была слишкомъ утомительна для того, чтобы они не нуждались въ отдыхѣ. Сочлажаясь съ причинами волненія, котораго повидимому ничто не должно болѣе узаконивать, нужно предвидѣть, что низшій классъ населенія сдѣластъ опять какія нибудь покушенія къ нарушенію порядка и собственности, такъ какъ онъ никогда не имѣетъ въ виду другой цѣли.

Вслѣдствіе этого, г. главнокомандующій полагаетъ, что вы должны вмѣстѣ съ мэромъ вашего округа принять мѣры къ сохраненію безопасности и спокойствія, созвавъ завтра въ вашъ штабъ какими угодно

средствами, даже съ помощью тревоги, возможно большее количество національных гвардейцевъ; вы употребите ихъ для упроченія спокойствія въ вашемъ округѣ, который съ этой минуты поручается вашимъ заботамъ и вашему усердію; если вамъ понадобятся резервные войска, то я распоряжусь чтобы они были посланы вамъ.

Прошу васъ увѣдомлять меня о всѣхъ принимаемыхъ вами мѣрахъ и о ихъ послѣдствіяхъ.

Примите, и пр.

Маршалъ, начальникъ главнаго штаба.

Главный штабъ. Первая военная дивизія.

Объявленіе.

Король, пользуясь своими конституціонными правами, поручилъ гг. Тьеру и Одилону Барро составить новый кабинетъ.

Его величество поручилъ маршалу, герцогу д'Исли главное начальство надъ національной гвардіей и всѣми линейными войсками.

Парижъ, 24 февраля 1848.

Я приказываю прекратить повсюду ружейный огонь и національной гвардіи взять на себя полицейскую службу.

Подписалъ: Маршалъ герцогъ д'Исли.

Скрѣпить:

Полковникъ Дабренъ.

Кабинетъ
Министра
В. Д.

Парижъ, 184

Во имя порядка.

...легіонъ національной гвардіи немедленно созывается.....

Полковникъ легіона

Одilonъ Барро.

Печать
Кабинета
М. В. Д.

Лемерсье, докторъ правъ, въ улицѣ
Grenelle-Saint-Germain, 39.

Полковникъ легіона.

Главный штабъ. Организациа и вооруженіе.

Національная гвардіа Сенскаго департамента.

Парижъ, 25 февраля 1848.

3 часа утра.

Полковникъ легіона ударить сборъ въ семь часовъ утра и будетъ ждать, въ своемъ округѣ, распоряженій г. Гарнье-Паже, мэра города Парижа, или главнокомандующаго.

Г. де Куртэ.

Начальникъ временнаго штаба.

А. Гинарь.

Письмо, найденное въ бюро герцога Монпансье.

Любезный III. А.!

Войска и батареи, находящіеся подъ вашимъ печальствомъ, должны быть готовы выступить завтра, во вторникъ, такъ, чтобы быть въ состояніи до девяти часовъ занять указанные имъ стратегическіе пункты, а именно: двѣ пушки 12-го, и двѣ гаубицы 15-го полка, съ ящиками, должны быть отправлены на площадь Согласія, двѣ пушки 12 и двѣ гаубицы 15 съ ящиками на Карусельскую площадь; двѣ пушки 8 къ городской думѣ. Ящики пѣхоты съ порохомъ и кремнями и повозки съ зарядами и фитилями останутся въ военномъ училищѣ подъ надзоромъ офицера, котораго вы назначите для этой дѣли. Всѣ повозки вашихъ двухъ батарей будутъ запряжены четырьмя лошадьми; всѣ остальные лошади должны стоять готовыми, чтобы ихъ можно было во всякое время запретъ и пустить въ дорогу; какъ только начнутся непріязненные дѣйствія, начальникъ парка велитъ заложить ихъ, чтобы при первомъ приказаніи пустить въ дорогу въ слѣдующемъ порядкѣ: шесть ящиковъ съ порохомъ, четыре съ кремнями и двѣ повозки съ зарядами. Пушки должны быть запряжены не ранѣе четырехъ часовъ вечера, въ случаѣ если бы непріязненные дѣйствія не прекратились. Повозки съ зарядами и пушки могутъ отправиться по приказу артиллерійскаго начальника, или инженернаго полковника Моро, директора парижскихъ укрѣпленій. Войска должны быть въ походной формѣ, они возьмутъ съ собою на два дня провизіи и по связкѣ зарядовъ. Вы сдѣлаете надлежащее распоряженіе, чтобы солдаты, выступившіе въ походъ, позавтракали по раньше. На счетъ провизіи на два дня совѣтую вамъ условиться съ начальниками войскъ, расположенныхъ въ военномъ училищѣ. Многіе изъ нихъ требовали, чтобы было напередъ изъ

жарено мясо, которое понадобится для солдатъ. Вы лично поведете орудія, которыя должны находиться на площади Согласія, гдѣ вы можете встрѣтить большее стеченіе войска. Вы расположите пушки въ такомъ порядкѣ, чтобы колонны, которыя могутъ выйти изъ улицы Royale, направляясь къ Елисейскимъ полямъ, не стѣсняли ихъ движеній. Вы будете соображаться съ распоряженіями офицера, командующаго войсками на площади Согласія. Отчетъ въ вашихъ дѣйствіяхъ вы отдадите герцогу, въ Тюльери, гдѣ получите новыя инструкціи.

Другое письмо, найденное въ бюро герцога Монпансье.

(Конфиденціальное)

Парижъ, 10 февраля 1848.

Ваше высочество,

Я получилъ письмо вашего высочества, которымъ вы удостоили меня вчера, и въ которомъ вы пишите о распредѣленіи пушекъ, находящихся въ Венсенскомъ замкѣ и военномъ училищѣ, на случай бунта. Ваше высочество уже сами замѣтили, что тамъ всѣхъ пушекъ двадцать восемь, между тѣмъ ~~тамъ~~ въ четырехъ батареяхъ ихъ только двадцать четыре. Но во всякомъ случаѣ, я желаю бы сохранить 28, потому что считаю это число необходимымъ. Вслѣдствіе этого, имѣю честь просить ваше высочество отдать приказъ, чтобы тѣ пушки, которыя должны быть посланы изъ Венсенскаго замка на площадь Бастиліи и бульваръ Сенъ-Дени были посланы сверхъ 12, долженствующихъ отправиться къ заставѣ Трона, и чтобы поэтому ихъ взяли изъ другой батареи. Пользуюсь этимъ случаемъ также для того, чтобы просить ваше высочество отдать приказъ, чтобы пушки, расположенныя въ различныхъ округахъ, находились подъ командой офицеровъ. Пушки у заставы Трона должны быть подъ командой эскадроннаго командира, точно также какъ и тѣ, которыя отправятся изъ военного училища на Карусельскую площадь.

Четырмя пушками на площади Согласія будетъ управлять капитанъ. Наконецъ одинъ офицеръ, капитанъ или поручикъ, долженъ находиться при мнѣ, въ префектурѣ полиціи, для того, чтобы приводить въ исполненіе всѣ мои распоряженія, касающіяся артиллеріи.

Въ то время, когда артиллерія заняла казармы въ Берси, ваше высочество предложили мнѣ занять площадь Бастиліи отрядомъ конной артиллеріи и замѣнить ими драгунъ, назначенныхъ инструкціями. Я вамъ очень благодаренъ за это предложеніе, но не воспользуюсь имъ,

потому что я успѣлъ, не вредя другимъ распоряженіямъ, сосредоточить на этомъ пунктѣ значительный кавалерійскій отрядъ.

Прошу в. в. принять увѣренія въ моемъ почтеніи,

Генераль лейтенантъ, перъ Франци,

Начальникъ первой дивизіи

Ф. Себастьяни.

СВИДѢТЕЛЬСТВА.

Жюньо.

Служащій при почтовомъ дворѣ Лафита и Каильера въ улицѣ
Saint-Honoré.

31 октября 1850.

Въ 50 минутъ десятого выѣхалъ изъ почтового двора. Хотѣлъ проѣхать улицу Neuve-des-Capucines, но это было невозможно; отправился въ улицу Neuve-Saint-Augustin. Былъ остановленъ кавалерійскимъ офицеромъ, который спросилъ его, вѣхалъ ли онъ съ тѣмъ, чтобы соби-
рать ~~жестокія и раненыхъ~~.—Отвѣтилъ нѣтъ, но если это нужно, то я исполню. Тогда, по приглашенію, офицера, вѣхалъ на бульваръ. Въ экипажѣ его сидѣли три эмигранта съ своими вещами. Онъ передалъ чемоданы коммиссіонерамъ для переноски въ почтовый дворъ. Было десять часовъ; это вѣрно, потому что онъ возилъ эмигрантовъ къ желѣзной дорогѣ праваго берега. Граждане и національные гвардейцы складывали трупы въ повозку; Жюньо стоялъ при лошади; офицеръ, удержавшій его, находился тутъ же съ своимъ эскадрономъ. Всѣхъ труповъ было шестнадцать. Между ними были трупы одного офицера національной гвардіи и одного солдата 14 полка, убитого во время залпа противъ рѣшетки улицы Basse. Пока укладывали, собралось много народу; повозку окружили; одни кричали: въ Бастилію! другіе: въ «National». Повозка поѣхала чрезъ бульвары. На Итальянскомъ бульварѣ множество людей съ факелами окружили повозку. Два человѣка съ факелами сѣли на козлы. Жюньо постоянно находился при лошади. Въ улицѣ Lepeletier остановились возитъ конторы «National» и сдѣлали полуоборотъ, чтобы опять выѣхать на бульвары. Стучать въ дверь конторы «National»; въ первомъ этажѣ отворяются окна и въ одномъ изъ нихъ показывается Гарнье-Паже, окруженный нѣсколькими лицами. Послѣ окончанія его рѣчи, толпа кричитъ: да здравствуетъ Гарнье-Паже! Мщеніе! къ оружію! Повозка возвращается на буль-

вары, доѣзжаетъ до воротъ Сентъ-Дени и останавливается предъ баррикадой, пересѣкающей бульваръ; не будь этой преграды, она доѣхала бы до Бастиліи. Она возвращается прежней дорогой чрезъ улицы Пуассоньеръ, Клері, Монмартръ, Жанъ-Жакъ-Руссо, на короткое время останавливается на углу улицы Кокильеръ; изъ пятисотъ человѣкъ, бывшихъ на бульварѣ, осталось только сто пятьдесятъ. Хотя перемѣнить лошадей, и взять другую у извозчика; Жюньо сопротивляется этому. Повозка снова отправляется, и чрезъ улицу Кокильеръ хочетъ проѣхать къ рынку (la Halle); проходъ невозможенъ; слышны ружейныя выстрѣлы. Было около половины перваго. Стучать въ дверь оружейника въ улицѣ Кокильеръ и безъ сопротивленія забираютъ оружіе. Толпа возвращается чрезъ улицы Жанъ-Жакъ-Руссо, Tiquetonne, Pavée-Saint-Sauveur, Française, Mauconseil, Saint-Denis и aux Ours и останавливается предъ баррикадой въ улицѣ Сентъ-Мартенъ. Отправляется въ улицы Quincampoix, des Cinq-Diamants и des Lombards. Остановка на десять минутъ. Оттуда, по совѣту Жюньо, этотъ кортежъ, состоящій изъ ста человѣкъ, направляется чрезъ улицы Courtalon, des Lavandieres и приходитъ въ четвертый округъ, на площадь Chevalier du-Guet. Было около половины втораго. Повозку ввозятъ во дворъ, снимаютъ и пересчитываютъ трупы. Послѣ этого Жюньо возвращается съ повозкой въ почтовый дворъ, куда пріѣзжаетъ къ двумъ часамъ, не встрѣтивъ въ улицѣ Saint-Honore ни одной баррикады. Трупы приняты начальникомъ поста.

Жюньо (Пьеръ-Жанъ).

Телега, служившая 24 февраля 1848 года для перевозки труповъ съ Капучинскаго бульвара въ четвертый округъ, была подъ № 6 и о четырехъ колесахъ.

Биле.

Смотритель почтоваго двора.

Эта телега перевозила эмигрантовъ съ ихъ вещами на станцію Гаврской желѣзной дороги.

Господину Гарнье-Паже.

Villers Saint-Paul, 4 ноября 1851 г.

Милостивый государь,

Я получилъ ваше письмо, въ которомъ вы требуете отъ меня сообщенія нѣкоторыхъ свѣдѣній, касающихся одного событія Февральской революціи, въ которомъ играетъ роль и мое имя и о которомъ были даны невѣрные свѣдѣнія.

Не желая опоздать отвѣтомъ, я, не смотря на мое разстроенное

здоровье, не позволяющее мнѣ входить въ большія подробности, въ нѣсколькихъ, но за то самыхъ положительныхъ словахъ объясню вамъ, что въ то время, исторію котораго вы теперь пишете, я не получалъ отъ короля ни прямо, ни косвеннымъ путемъ, никакого военного начальства и не отдавалъ войскамъ никакого приказа войти въ казармы. При этомъ я долженъ положительно заявить, что всѣ рассказы, противурѣчащіе настоящимъ моимъ словамъ, изъ какого бы источника они ни происходили совершенно ложны и неосновательны.

Примите, и пр.

Маршалъ Жераръ.

Свѣдѣнія, собранныя авторомъ изъ устнаго разсказа генерала Ламорисьера.

(Дни 23 и 24 февраля).

23—генераль Ламорисьеръ былъ въ палатѣ и нашелъ депутатовъ, столь веселыхъ наканунѣ, печальными. Вечеромъ, въ половинѣ девятаго, онъ встрѣтилъ на Капудинскомъ бульварѣ, на углу улицы de la Paix толпу и движеніе, не предвѣщавшія ничего добраго: на Вантомской площади стоялъ кавалерійскій никетъ; слышны были ружейные выстрѣлы. Въ улицѣ du Bas толпы народа; имъ было уже извѣстно происшествіе на Капудинскомъ бульварѣ. Генераль прошелъ по многимъ улицамъ Парижа, ознакомился съ его состояніемъ и легъ спать не раздѣвшись.

24 — въ семь часовъ генераль получилъ слѣдующее письмо отъ Тьера: «Король поручилъ мнѣ... Я рассчитываю на васъ. Приходите какъ можно скорѣе». Онъ отправляется въ статскомъ платьѣ къ Тьеру и застаётъ тамъ Гюстава де Бомонъ, Ремюза, Барро, и др. Ему предлагаютъ военное министерство; онъ отвѣчаетъ, что теперь не въ томъ дѣло, а нужно заняться дѣлами болѣе безотлагательными. Ему настойчиво продолжаютъ предлагать военное министерство. «Если это необходимо, то я готовъ, по повторяю, займемся дѣлами безотлагательными.» Онъ вышелъ отъ Тьера въ четверть девятаго. На бульварѣ строить баррикады. Барро держитъ рѣчь къ толпѣ. Около него составился кружокъ. Его пропускаютъ и тотчасъ же предлагаютъ строить баррикады, какъ будто онъ ничего не говорилъ. Генераль обращаетъ на этотъ случай вниманіе Барро и Тьера. Они отправляются въ улицу Sainte-Anne, Препягствія. Генераль встрѣчаетъ одного изъ своихъ старыхъ солдатъ, который идетъ предъ нимъ и очищаетъ ему дорогу.

Потомъ генераль вмѣстѣ съ Тьеромъ, Барро, Ремюза, Дювержье де Гораинъ, Гюставомъ де Бомонъ и Гавеномъ входитъ въ Тюльери; Тьеръ отправляется съ королемъ для переговоровъ въ отдѣльную комнату. Получасовое ожиданіе. Король возвращается; на его лицѣ изображается сдержанная досада. Ламорисьеръ осмотрѣлъ только тѣ войска, которыя стояли въ Тюльери и нашелъ ихъ въ дурномъ положеніи. Онъ узнаетъ о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ ночью и о назначеніи маршала Бюжо. Ему говорятъ, чтобы онъ принялъ начальство надъ національной гвардіей. Онъ спрашиваетъ, гдѣ она. Его заставляютъ рѣшиться, увѣряя, что его имя популярнѣе имени Бюжо.

Тьеръ и Ламорисьеръ отправляются въ главный штабъ, находятъ тамъ Бюжо и вступаютъ въ сношенія съ нимъ. Ламорисьеръ говоритъ ему, что надо забыть маленькія несогласія, существовавшія между ними, и что онъ готовъ стать подъ его начальство. Бюжо высказываетъ тѣ же чувства.

Тьеръ поручаетъ Ламорисьеру объявить повсюду о примиреніи. Послѣдній требуетъ мундира. Ему даютъ эполеты, скотку и саблю. До этого на немъ были штатскіе панталоны и штиблеты. Бори де Ренодъ предлагаетъ ему свою лошадь. Онъ встрѣчаетъ Жюля Ластейри и Оскара Лафайета, которые сопутствуютъ ему, и артиллерійскаго каштана Бенцмана, который добылъ гдѣ-то лошадь. Они встрѣчаютъ Гизо, который съ печальнымъ лицомъ направляется къ рѣшеткѣ. Герцогъ Монпансье притворяется веселымъ.

Въ улицѣ Риволи Ламорисьеръ встрѣчаетъ Бюжо; этотъ послѣдній, взволнованный слухами о своей непопулярности и полагая, что національная гвардія стоитъ за него, захотѣлъ узнать ея настроеніе. Они встрѣчаютъ баталіонъ національной гвардіи. Она повидимому враждебна генералу и не повинуется его приказанію. Ламорисьеръ видитъ, что Бюжо разговариваетъ съ однимъ изъ офицеровъ своей свиты; затѣмъ маршалъ возвращается въ Тюльери.

Ламорисьеръ обходитъ улицу Saint-Honore, Вандомскую площадь и другія улицы. Этотъ кварталъ довольно спокоенъ. Генерала встрѣчаютъ хорошо. Онъ объявляетъ, что національная гвардія замѣнитъ повсюду войска. На бульварѣ огромная толпа. Онъ встрѣчаетъ Барро, сильно утомленнаго. Бенцманъ отдаетъ свою лошадь Барро. Толпа кричитъ: въ Тюльери. Ламорисьеръ рысью убѣгаетъ отъ толпы и возвращается въ Тюльери. На углу улицы de la Paix онъ видитъ войска, которыя идутъ бульваромъ, съ поднятыми штыками.

Предъ выходомъ изъ главнаго штаба, Ламорисьеръ отдалъ офицерамъ главнаго штаба національной гвардіи приказъ, чтобы національная гвардія заняла посты, занимавшіеся до гѣхъ поръ линейными войсками и муниципальной гвардіей. По дорогѣ онъ зашелъ на площадь Пале-Рояля, противъ Chateau-d'Eau, чтобы посмотреть, точно ли ис-

полняются его приказы. Въ улицѣ Ришелье онъ встрѣчаетъ роту гренадеровъ національной гвардіи и приказываетъ имъ смѣнить караулъ.

Солдаты колеблются, но все таки направляются къ посту. Генералъ остается на лошади предъ постомъ и приказываетъ линейнымъ войскамъ уступить его гвардейцамъ. Въ это время его извѣщаютъ, что въ улицѣ Ришелье продолжаютъ строить баррикады, и что нѣсколькими выстрѣлами разбиты стекла въ окнахъ главнаго штаба. Онъ тотчасъ же поворачиваетъ лошадь и ѣдетъ въ улицу Ришелье. Возлѣ оружейнаго магазина Испаж онъ видитъ нѣсколькихъ гражданъ, передающихъ инсургентамъ ружья. Онъ бросается къ баррикадѣ возлѣ фонтана Мольера. Въ него прицѣливаются, и кричатъ, чтобы онъ удалился. Онъ остается. Одинъ инсургентъ, какъ въ послѣдствіи оказалось Лагранжъ, спрашиваетъ, что ему нужно. Ламорисьеръ объявляетъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о перемиріи министерства. Лагранжъ требуетъ доказательствъ, и показываетъ ему нонерь Монитера, въ которомъ объявлено о назначеніи Бюжо: «то, что вы говорите—неправда; возвратитесь и покажите намъ подписанный приказъ».

Ламорисьеръ, сильно озабоченный этими словами, возвращается шагомъ, и противъ французскаго театра встрѣчаетъ Этіена Араго. Араго говоритъ ему: «мы желаемъ инаго». Это были первыя республиканскія слова, услышанныя Ламорисьеромъ.

Ламорисьеръ, съ мыслью о необходимости инструкции, подписанной королемъ, отправляется въ Тюльери и встрѣчаетъ тамъ на лѣстницѣ Жирардена, который горюетъ о медленности печати и о томъ, что ничего не приготовлено.

Ламорисьеръ входитъ къ королю. Король спрашиваетъ его, что новаго. Генералъ сообщаетъ ему, что національная гвардія не исполняетъ его приказаній, что онъ не можетъ ни найти ее, ни собрать, что онъ не можетъ даже показать имъ подписаннаго приказа, и теперь пришелъ за нимъ: «Никто не довольствуется тѣмъ, что я говорю отъ имени вашего величества; всѣ требуютъ инаго». «Инаго, — отвѣчаетъ король, — господинъ Ламорисьеръ, это иное—мое отреченіе! И такъ какъ я дамъ имъ его развѣ вмѣстѣ съ жизнью, то они и не получатъ его!»

Король сидѣлъ въ кабинетѣ возлѣ пріемной залы. Ламорисьеръ стоялъ предъ нимъ. Возлѣ короля былъ герцогъ Немурскій. Герцогъ сказалъ: «И такъ, впередъ!» «Впередъ», отвѣтилъ машинально Ламорисьеръ, и въ тоже время задалъ себѣ вопросъ, какъ и съ чѣмъ идти впередъ. Онъ вышелъ и возвратился въ главный штабъ. Такъ какъ онъ приходилъ въ Тюльери нѣсколько разъ, то не можетъ вспомнить, когда король дѣлалъ смотръ войску — до этого разговора, или послѣ него.

Онъ встрѣчаетъ Бюжо, уговаривающаго толпу, которая хочетъ вор-

ваться въ Тюльерн. Онъ присоединяетъ свои усилія къ усиліямъ маршала. Толпа удаляется.

Его извѣщаютъ, что между постомъ Chateau d'Eau и баррикадами завязалась перестрѣлка. Онъ бросается туда чрезъ улицы l'Échelle и Риппелье, съ цѣлю заставить прекратить огонь. Въ улицѣ Saint-Honoré уличные мальчишки, съ ружьями въ рукахъ, хотятъ преградить ему дорогу. Одинъ изъ нихъ прицѣливается и стрѣляетъ. Ружье осыкается. Другой ранитъ его штыкомъ въ правую руку. Онъ обвязываетъ руку бѣлымъ платкомъ и поднимается впередъ; прѣхавъ на площадь, онъ останавливается предъ постомъ и велитъ прекратить огонь. Солдаты не узнаютъ его и стрѣляютъ въ него. Народъ дѣлаетъ тоже. Генераль очутился между двумя огнями.

Онъ поворачиваетъ лошадь и ѣдетъ черезъ улицу du Rohan. На Карусельной площади онъ встрѣчаетъ генерала Рюльера и проситъ его послать кого нибудь смѣнить караулъ и заставить прекратить огонь. Рюльеръ посылаетъ туда генерала Перро, котораго тамъ ранятъ и отводятъ въ магазинъ виноторговца.

Ламорисьеръ возвращается въ улицу Риппелье, и противъ французскаго театра встрѣчаетъ тоже Лагранжа; этотъ послѣдній опять требуетъ у него подлиннаго приказа. «Пойдемъ вмѣстѣ, постараемся прекратить огонь». Ламорисьеръ и Лагранжъ отправляются на площадь. Солдаты и народъ стрѣляютъ въ нихъ. Подъ градомъ пуль Ламорисьеръ смотритъ на Лагранжа, тотъ не трогается съ мѣста и сохраняетъ спокойный и рѣшительный видъ. «Чортъ возьми, вскричалъ Ламорисьеръ, если мы когда нибудь еще встрѣтимся, то пообѣдаемъ вмѣстѣ». Оба они уходятъ на минуту подъ одинъ портникъ и потомъ возвращаются къ посту. Усилія ихъ тщетны.

Генераль возвращается на Карусельскую площадь, вторично встрѣчаетъ тамъ Эм. де-Жирардена, снова требуетъ во что бы то ни стало смѣнить караулъ и узнаетъ, что генераль Перро раненъ. Онъ возвращается въ улицу С. Гоноре. Ему говорятъ, что маршалъ Жераръ ѣдетъ объявить объ отреченіи короля. Дѣйствительно, въ двадцати шагахъ отъ себя онъ видитъ въ толпѣ, маршала, котораго до тѣхъ поръ не зналъ. Тутъ кто то передаетъ ему бумагу. Онъ беретъ ее, читаетъ и говоритъ: «Вотъ отреченіе короля». Лагранжъ беретъ у него эту бумагу, чтобъ объявить народу объ отреченіи. Ламорисьеръ хорошо помнитъ всѣ эти подробности: этотъ документъ былъ клочекъ бумажки, написанный крупными буквами.

Онъ идетъ вмѣстѣ съ маршаломъ, чтобы приказать прекратить огонь, и снова приходитъ къ посту, изъ котораго въ него стрѣляютъ. Онъ отправляется въ Карусель, встрѣчаетъ тамъ Бенцмана, Оскара Лафайэта, Тригана де-ла-Туръ, де Брайэ и капитана Риффо, и возвращается, чрезъ улицу Музея, на площадь. Онъ сильно взволнованъ.

невозможностью прекратить перестрѣлку. Онъ приближается къ посту на десять шаговъ. Со всѣхъ сторонъ стрѣляютъ. Лошадь его ранена пулей. Ламорисьеръ падаетъ на тротуаръ, и потомъ подымается. Множество людей бросаются на него. Одинъ изъ толпы ранитъ его штыкомъ въ грудь. Случайно штыкъ проходитъ сквозь руку; генераль чувствуетъ холодъ желѣза. Его узнаютъ и отводятъ въ магазинъ вино-торговца. Суматоха; кровь и трупы;—пули долетаютъ въ заднюю часть лавки, гдѣ находится генераль. Свиданіе Перро и Ламорисьера. Сопаніе толпы о томъ — не разстрѣлять ли ихъ обоихъ. Генерала хотятъ отвести въ погребъ; онъ рѣшительно отказывается отъ этого. Удивленные этою энергіею, присутствующіе предоставляютъ ему дѣйствовать, какъ ему угодно. Онъ видитъ окончаніе битвы и сожженіе каретъ. Ему даютъ штатское платье, и онъ удаляется.

Ламорисьеръ полагаетъ, что онъ былъ раненъ около половины перваго, сидѣлъ въ лавкѣ отъ часу до половины втораго, и вышелъ оттуда въ два или въ половинѣ третьяго.

Онъ направляется къ палатѣ депутатовъ и на дорогѣ встрѣчаетъ людей, идущихъ оттуда и объявляющихъ ему, что герцогиня уже вышла изъ палаты.

Онъ возвращается домой, переодевается, перевязываетъ раненую руку и снова выходитъ, думая, что можетъ еще привести какую нибудь пользу; отправляется въ десятый округъ, устраиваетъ постъ; идетъ въ одиннадцатый округъ, встрѣчаетъ Булэ (de la Meurthe), отдаетъ ему приказанія и узнаетъ отъ него о составленіи временнаго правительства.

Ламорисьеръ и Булэ отправляются въ городскую думу, стараются пробраться къ членамъ правительства, но не успѣваютъ въ этомъ. Ламорисьеръ удаляется. На площади его узнаютъ. Одни привѣтствуютъ его, другіе отталкиваютъ. «Вы не генераль Ламорисьеръ». Его ведутъ въ кабакъ, въ которомъ, какъ ему сказали, былъ повѣшенъ Фулонъ во время первой революціи. Онъ входитъ въ первый этажъ. Начинаются совѣщанія—что съ нимъ сдѣлать. Наконецъ его признаютъ Ламорисьеромъ и онъ отправляется на набережную: въ улицѣ du Vas, снова встрѣчаетъ Бенцмана. Ламорисьеръ передаетъ одному изъ своихъ друзей письмо къ Гарнье-Паже. Онъ получаетъ нисъмо отъ Андріана; идетъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ; тамъ получаетъ нисъмо отъ Гарнье-Паже. Возвращается домой, куда Дюмуленъ приносить ему второе нисъмо отъ Паже; Ламорисьеръ отправляется чрезъ малый мостъ въ городскую думу. Ламорисьеръ сидѣлъ Бедо въ семь часовъ, предъ приходомъ въ думу. Съ помощью одного національнаго гвардейца онъ проникаетъ туда.

Онъ входитъ въ малую залу перваго этажа, гдѣ были Араго, Ламартинъ, Дюлонъ и др., и видитъ, что Гун-Вланъ, въ формѣ націо-

нальнаго гвардейца, съ ружьемъ въ рукѣ, стоитъ на стулѣ и требуетъ провозглашенія республики.

Многіе изъ членовъ правительства просятъ Ламорисьера занять должность военнаго министра; ему объявляютъ, что Куртэ посланъ въ главный штабъ, въ Тюльери. Онъ отказывается отъ министерства. «Мое имя не можетъ быть для васъ полезно. Положеніе, въ которомъ я былъ сегодня утромъ, не позволяетъ мнѣ принять это предложеніе. Возьмите Бедо, онъ больше меня смыслитъ въ администраціи; впрочемъ, вамъ предстоитъ война, и тогда вы можете разсчитывать на меня для пограничныхъ постовъ».

Ламорисьеръ вышелъ изъ городской думы, часъ спустя послѣ прихода туда и отправился домой.

Свѣдѣнія, собранныя авторомъ изъ устнаго разсказа Лагранжа.

(Февральскіе дни 1848 года).

Вечеромъ 21 февраля, Лагранжъ присутствовалъ въ засѣданіи журнала «*la Reforme*», въ которомъ участвовало около шестидесяти членовъ; между ними былъ и Альтонъ Ше. Де-ла-Годдъ сказалъ: «Выйдемъ на площадь», и т. д. Рей поддерживаетъ его. Коссидьеръ: «Нужно бы затѣять исторію!» Луи Бланъ находитъ этотъ случай неудобнымъ. Онъ рѣшился не выходить изъ дому. Ледрю Ролленъ: «еще ничего не приготовлено!» Альтонъ-Ше началъ говорить, Лагранжъ прервалъ его: «я не имѣю надобности знать, что будутъ дѣлать такіе-то и такіе господа. Я не павлеку на себя отвѣтственности пролитія крови; но если у народа будетъ тронуть хоть одинъ волосъ, я пойду умирать туда, гдѣ будетъ опъ». 22 и 23 свиданіе съ нѣсколькими политическими друзьями для обсужденія положенія дѣлъ. 22-свиданіе съ Люссіеномъ де-ла-Годдъ въ галлерей Валуа; 23-свиданіе въ Сенъ-Мартенскомъ переулкѣ; присутствующие вооружены.

Въ половинѣ четвертаго онъ услыхалъ о назначеніи министерства Моле. Свиданіе назначено на 24, на площади Побѣдъ. Онъ отправляется съ Давила по ту сторону рѣки, въ редакцію «*Journal des Ecoles*». Между десятью и половиной одиннадцатаго, встрѣчается съ Ватрипомомъ, Манженомъ и другими друзьями въ конторѣ журнала «*Avant-Garde*». Онъ объявляетъ имъ о назначеніи сходки на площади Побѣдъ. Воспитанники школъ находятъ это мѣсто неудобнымъ.

Лагранжъ, въ бѣломъ сюртукѣ, отправляется въ контору «*la Reforme*»,

видитъ предъ дверью ея повозку съ трупами и встрѣчаетъ тамъ Этьена Араго, Ледрю-Роллена, Коссидьера и др. «П такъ — говорить онъ— вотъ проигранное дѣло!» — «Оно еще не начиналось», отвѣчаютъ ему. Ледрю-Ролленъ печаленъ. Лагранжъ идетъ отдыхать къ Давида, живущему въ Альзасскомъ отелѣ, въ улицѣ Vieux-Augustins.

24, въ половинѣ седьмого, онъ идетъ въ контору «la Reforme». Около половины восьмого приходятъ туда Флоконъ, въ мундирѣ національнаго гвардейца, Этьенъ Араго, Луи-Бланъ въ мундирѣ, Бонъ, Фэйоль, и другіе въ штатскихъ платьяхъ. Манифестъ. Встрѣча въ улицѣ Жанъ-Жакъ-Руссо съ Кремье, который предлагаетъ министерство Тьера и Барро.

Лагранжъ отпрапляется съ Бономъ и Фэйолемъ къ одному другу, чтобы взять у него двустольное ружье и пару пистолетовъ. Пистолеты еще до сихъ поръ заряжены, потому что 24 онъ не стрѣлялъ изъ нихъ.

Лагранжъ съ своими друзьями, Этьеномъ Араго, Коссанелемъ, Тиссерандо и др., въ числѣ осьми или десяти человѣкъ, сопровождаемые небольшою толпою народа, отправляются въ почтамтъ. Дружескія отношенія между ними и солдатами. При выходѣ изъ почтамта, они видятъ, что національная гвардія занимаетъ его.

Лагранжъ отпрапляется на площадь Пале-Рояля. Они входятъ на крыльцо Chateau-d'Eau, и говорятъ отряду, стоящему въ кордегардіи: «Вы должны отдать намъ свое оружіе». Три офицера, въ числѣ которыхъ одинъ капитанъ, отвѣчаютъ имъ: «Будь вы солдаты, рѣшились ли бы вы отдать свое оружіе?» На лицахъ этихъ людей не замѣтно смущенія; они печальны, но не испуганы. Лагранжъ съ друзьями удаляется.

Утромъ Лагранжъ три раза видѣлъ генерала Ламорисьера. Первый разъ возлѣ одной баррикады. Онъ отдавалъ приказъ прекратить огонь. При второй встрѣчѣ, Ламорисьеръ передалъ ему отреченіе короля. Онъ громко прочелъ его и отправился въ улицу св. Фоми. Тамъ была жаркая перестрѣлка. Всѣ стрѣляли за разъ. Лагранжъ четыре раза шелъ на приступъ; возлѣ него убиты три человѣка. Его бѣлый сюртукъ покрытъ кровью. Онъ третій разъ видитъ Ламорисьера. Они вмѣстѣ идутъ на площадь, чтобы прекратить огонь. Со всѣхъ сторонъ стрѣляютъ въ нихъ. Ламорисьеръ спокоенъ. — «Ваше имя?» — Ламорисьеръ. А ваше. — «Лагранжъ». — Если васъ не убьютъ, мы пообѣщаемъ вибѣтъ. Генералъ раненъ. Храбрость его удивительна.

Борьба не можетъ окончиться. Число убитыхъ безирестанно увеличивается. Народъ рѣшается зажечь прежде одну карету, потомъ другую, чтобы дымомъ заставить солдатъ выйти изъ поста. Они дѣйствительно сдаются и огонь прекращается. Между солдатами нѣтъ ни одного убитаго.

Лагранжъ идетъ въ Тюльери. Онъ въ тронной залѣ. Выходитъ на тронъ, оттуда читаетъ отреченіе и кричитъ да здравствуетъ республика! На площади des Petits-Peres онъ опять читаетъ отреченіе и отправляется домой.

Засѣданіе въ редакціи «la Reforme». Организациа временнаго правительства. Между 6 и 7 часами Лагранжъ отправляется въ городскую думу, чтобы приготовить тамъ все для прихода временнаго правительства.

ПРОКЛАМАЦІИ.

Парижъ, 24 февраля 1848.

Во имя французскаго народа.

Прокламація временнаго правительства къ французскому народу.

Ретроградное и олигархическое правительство низвергнуто героизмомъ парижскаго народа. Это правительство бѣжало, оставивъ за собой слѣды крови, запрещающіе ему возвратиться когда бы то ни было.

Народная кровь лилась, какъ во время Іюльской революціи; но на этотъ разъ эта благородная кровь не будетъ обманута. Она произвела другое правительство, національное и популярное, согласное съ правами, успѣхами и волею этого великаго и великодушнаго народа.

Временное правительство, избранное единогласнымъ желаніемъ народа и департаментныхъ депутатовъ, въ засѣданіи 24 февраля облечено обязанностью утвердить и организовать плоды народной побѣды. Оно состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Дюпона (де л'Ерь), Ламартина, Кремье, Араго (члены института), Ледрю-Роллена, Гарнье-Паже и Мари.

Секретарями назначены:

Армандъ, Марра, Луи-Бланъ, Фердинандъ Флоконъ и Альбертъ.

Всѣ эти граждане ни на минуту не задумались принять патріотическую миссію, возложенную на нихъ настоятельною необходимостью. Когда столица Франціи объята пламенемъ, дѣятельность временнаго правительства должна состоять въ сохраненіи общественнаго спокойствія. Вся Франція пойметъ это и поддержитъ его своимъ патріотизмомъ. При національномъ правленіи, провозглашенномъ временнымъ правительствомъ, каждый гражданинъ есть въ то же время чиновникъ.

Французы, покажите міру такой примѣръ, какой Парижъ показалъ Франціи; приготовьтесь, посредствомъ спокойствія и довѣрія къ са-

мимъ себѣ, къ прочнымъ учрежденіямъ, создать которыя вы скоро будете призваны.

Временное правительство хочетъ Республики, утвержденной народомъ, который немедленно будетъ созванъ для этого;

Единство націи, которая съ этихъ поръ должна быть составлена изъ гражданъ всѣхъ классовъ; самоуправленіе націи;

Свобода, равенство и братство, какъ принципы, народъ какъ девизъ и пароль: таково то демократическое правленіе, которое Франція обязана дать себѣ и которое наши усилія утвердятъ за нею.

Дюпонъ (де л'Ерѣ), Ламартинъ, Кремье,
Ледрю-Ролленъ, Гарнье-Паже, Мари, Араго,
члены временнаго правительства.

Армандъ, Марра, Луи-Бланъ, секретари.

Во имя французскаго народа.

Къ національной гвардіи.

Граждане,

Вашъ образъ дѣйствій въ эти послѣдніе и великіе дни былъ такой, какого должно было ожидать отъ людей, издавна привыкшихъ къ борьбѣ за свободу.

Благодаря вашему братскому соединенію съ народомъ и со школами, революція совершилась!...

Отечество останется вамъ за это благодарнымъ.

Теперь всѣ граждане составляютъ національную гвардію; всѣ должны вмѣстѣ съ временнымъ правительствомъ дѣятельно содѣйствовать правильному торжеству общественной свободы.

Временное правительство разсчитываетъ на ваше усердіе, на вашу готовность помогать ему въ томъ трудномъ положеніи, которое возложено на него народомъ.

Члены временнаго правительства:

Дюпонъ (де л'Ерѣ), Араго, Мари, Ламартинъ, Кремье, Ледрю-Ролленъ, Гарнье-Паже.

Луи-Бланъ, Армандъ, Марра, Флокопъ, Альбертъ, секретари.

Во имя французскаго народа.

Временное правительство постановило:

Дюпонъ (де л'Ерѣ) назначенъ временнымъ президентомъ совѣта, безъ портфеля.

Ламартинъ—временнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ;

Креме — временнымъ министромъ юстиціи;

Ледрю-Ролленъ — временнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ;

Мишель Гудшо — временнымъ министромъ финансовъ;

Франсуа Араго — временнымъ морскимъ министромъ;

Генераль Бедо — временнымъ военнымъ министромъ;

Карно — временнымъ министромъ народнаго просвѣщенія (духовныя дѣла войдутъ въ составъ этого министерства);

Бетмонъ — временнымъ министромъ комерціи;

Мари — временнымъ министромъ публичныхъ работъ;

Генераль Кавеньякъ — генераль-губернаторомъ Алжира;

Муниципальная гвардія распускается.

Гарнье-Паже назначенъ парижскимъ меромъ.

Гинаръ и Рекюръ — помощниками парижскаго мера.

Флотаръ — генеральнымъ секретаремъ. ;

Всѣ прочіе парижскіе меры и ихъ помощники [временно оставлены въ должностяхъ окружныхъ меровъ и помощниковъ.

Полицейская префектура находится въ зависимости отъ парижскаго мера.

Охраненіе спокойствія Парижа поручается патріотизму національной гвардіи, главнокомандующимъ которой будетъ полковникъ Кургэ.

Къ національной гвардіи будутъ присоединены войска, составляющія первую военную дивизію.

Креме, Ламартинъ, Мари, Гарнье-Паже,
Дюпонъ (де л'Ерѣ), Ледрю-Ролленъ, Араго,
члены временнаго правительства.

Во имя французскаго народа.

Временное правительство постановило:

Палата депутатовъ распушено.

Народное собраніе будетъ созвано, какъ только временное прави-

тельство привести въ порядокъ полицейскія мѣры, необходимыя для
вотированія всѣхъ гражданъ.

Парижъ, 24 февраля 1848.

Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ.
Лун-Бланъ, секретарь.

Во имя французскаго народа.

Временное правительство постановило:

Членамъ бывшей палаты перовъ запрещается сходиться вѣсть.

Парижъ, 24 февраля 1848.

Дюпонъ (де л'Еррь), Ламартинъ, Ледрю-
Ролленъ, Кремье, Мари, Араго.

Все, что касается управленія изящными искусствами и музеями, со-
ставить особое отдѣленіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Жюри, занимающіеся принятіемъ картинъ на годичную выставку,
будутъ избираться.

Для этой цѣли, особымъ постановленіемъ, будутъ созданы всѣ ар-
тисты.

Выставка 1848 года будетъ открыта 15 марта.

Ледрю-Ролленъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА ПЕРВАЯ Неудача министерства Моле; набатъ; необходимость чистосердечнаго рѣшенія; нерѣшительность короля; его двусмысленная политика; онъ призываетъ Тьера, Бюжо, Гизо и Дюшателя.—Назначеніе маршала Бюжо главнокомандующимъ; немедленное вступленіе его въ эту должность; собраніе военнаго совѣта; рѣчь Бюжо. — Прибытіе Тьера въ Тюльери; его разговоръ съ Монталиве; свиданіе съ королемъ. — «Moniteur» объявляетъ о новомъ министерствѣ Тьера и Барро и о назначеніи въ тоже время маршала главнокомандующимъ. — Тьеръ отправляется въ главный штабъ; разговоръ его съ маршаломъ; по возвращеніи домой онъ находитъ у себя Ремюза, замѣчанія котораго заставляютъ его возвратиться въ Тюльери; онъ снова повторяетъ королю свои опасенія по поводу назначенія маршала главнокомандующимъ; король не измѣняетъ этого назначенія. — Стратегическій планъ Парижа. Послѣ враждебныхъ манифестаций національной гвардіи, войскамъ приказано стянуться; это приказаніе исполняется нерѣшительно. — Расположеніе войскъ. — Военныя силы, находящіяся въ распоряженіи маршала.—Недостатокъ военныхъ припасовъ. — Нравственное и матеріальное состояніе войскъ. — Увѣренность маршала въ успѣхъ; письмо его къ Тьеру; его планъ сраженія; онъ воодушевляетъ войска своимъ личнымъ присутствіемъ и въ одно

и тоже время велить объявить о назначеніи министерства Тьера и Барро и отдасть приказъ о немедленномъ очищеніи улицъ отъ баррикадъ; его разговоръ съ генераломъ Бедо; письмо къ Тьеру; онъ приказываетъ Бургону силою сопротивляться попыткамъ народа; рѣзкій пріемъ, сдѣланный имъ Гизо; двусмысленная роль маршала

1—19

ГЛАВА ВТОРАЯ. Приготовленіе народа къ битвѣ въ продолженіе ночи; значительное количество баррикадъ. — Возможность успокоить народъ до назначенія маршала Бюжо; скромныя требованія журналовъ «National» и «Reforme» и демократическаго избирательнаго комитета; безмолвіе правительства и назначеніе маршала главнокомандующимъ заставляютъ народъ взяться за оружіе. — Тьеръ и Ремюза убѣждаютъ Дювержье де-Горанна вступить въ новое министерство. — Они просятъ содѣйствія Барро, который отказывается отъ участія въ министерствѣ по поводу назначенія маршала, но наконецъ уступаетъ ихъ просьбамъ. — Товарищи ихъ по министерству принадлежать къ лѣвой парламентской сторонѣ и къ лѣвому центру. — Воззваніе къ средней партіи; Тьеръ у Пасси; Барро у Бильо; отказъ Пасси, Дюфора и Бильо; согласіе генерала Ламорисьера; депутаты лѣвой стороны у Тьера; Берже сообщаетъ свѣдѣнія о возстаніи. — Реймсъ и Маррасть. — Тьеръ и Барро вмѣстѣ съ своими друзьями отправляются въ Тюльери; видъ Парижа по пути ихъ; народъ кричитъ имъ: васъ обманываютъ! — Время, потерянное королемъ. — Затруднительное положеніе будущихъ министровъ; нерѣшительность Барро; онъ останавливается передъ входомъ въ Тюльери; Тьеръ и Ламорисьеръ увлекаютъ его. — Улица S.-Croix de la Bretonnerie; войска отступаютъ передъ національною гвардіей и соединяются съ ней въ ратушѣ девятаго округа; въ двѣнадцатомъ округѣ Делестръ вступаетъ въ управленіе ратушей и приказываетъ отбить караулъ въ Val-de-Grâce; воспитанники политехнической школы выходятъ изъ училища противъ воли своего генерала и присоединяются къ возстанію: успѣшная атака народомъ казармъ; Saint-Victor, de Tournon, des Grès, de Reuilly, des Minimes. — Меръ восьмага округа отправляется въ префектуру сенскаго департамента; префектъ уполномочиваетъ его объявить прокламацію; меръ отправляется на королевскую площадь и объявляетъ о министерствѣ Тьера и Барро; сопровождаемый колонной національной гвардіи и народа, меръ отправляется читать свою прокламацію и на Бастильскую площадь; кровавое приключеніе, подобное тому, которое было на Капуцинскомъ бульварѣ; войска оставляютъ Бастильскую площадь. — Побѣды, одержанныя народомъ къ девяти часамъ утра

20—38

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Генераль Бедо передь театромъ Gymnase; онъ объявляетъ о составленіи министерства Тьера и Барро; народъ не вѣритъ этому; вмѣшательство національной гвардіи; прекращеніе военныхъ дѣйствій; генераль Бедо требуетъ прокламаціи и инструкцій отъ маршала Бюжо, который посылаетъ ему ихъ; дурное вліяніе ихъ на народъ; въ то время когда генераль собирается двинуться впередъ, онъ получаетъ отъ маршала приказаніе отступать. — Обстоятельства, предшествующія этому распоряженію: Баррикады доходятъ до самаго Тюльерійскаго дворца; генераль Сентъ-Арно уничтожаетъ баррикаду въ Ришельевской улицѣ; донесенія становятся все болѣе и болѣе тревожными; увѣренность въ успѣхъ слабѣетъ въ главномъ штабѣ; герцоги Немурскіи и Монпансье не могутъ снова возбудить ее; свиданіе Тьера съ маршаломъ, который жалуется на состояніе войскъ, боевыхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ; въ главный штабъ является Фовель-Дельбарръ; онъ добивается отъ маршала приказанія генералу Бедо отступить. — Приказаніе прекратить огонь было логическимъ слѣдствіемъ двойственнаго положенія, созданнаго королемъ. — Свиданіе депутатовъ съ королемъ должно имѣть тотъ же результатъ. — Сдѣлка между Тьеромъ и Барро: маршалъ Бюжо остается начальникомъ арміи; Ламорисьеръ — національной гвардіи. — Разговоръ короля съ Тьеромъ. — Тьеръ, Барро и другіе депутаты лѣвой стороны у короля. — Король одобряетъ сдѣлку между Тьеромъ и Барро; онъ не соглашается на распушеніе палаты; король оборачивается спиной къ Барро; настоятельныя требованія депутатовъ. — Какъ надобно было поступать? — Тьеръ и Ремюза сообщаютъ маршалу о назначеніи Ламорисьера; маршалъ выражаетъ свое согласіе. — Свиданіе двухъ главныхъ начальниковъ. — Ламорисьеръ импровизируетъ себѣ костюмъ, садится на лошадь и спѣшитъ къ баррикадамъ, чтобы прекратить битву. — Барро и его друзья отправляются съ тою же цѣлью. — Тьеръ хочетъ слѣдовать за ними, маршалъ удерживаетъ его насильно. — Распоряженія и мѣры маршала къ примиренію; его ошибка въ томъ, что онъ не сосредоточилъ въ одномъ мѣстѣ всѣхъ своихъ войскъ. — Тьеръ, Ремюза и Дювержье де-Гораннь возвращаются къ королю, который продолжаетъ сопротивляться; вмѣшательство герцога Немурскаго; приходъ Жирардена; герцогъ добивается распушенія палаты. — Прокламація. — Барро торжествуетъ на Итальянскомъ бульварѣ; у Сентъ-Денискихъ воротъ его встрѣчаютъ криками: Долой Луи-Филиппа; Барро возвращается; онъ встрѣчаетъ Ламорисьера, который также возвращается послѣ безуспѣшнаго посредничества. — Барро идетъ домой, сопровождаемый наро-

домъ; Гарнье-Паже обращается къ толпѣ изъ окна квартиры Барро; народъ расходится.—По возвращеніи въ Тюльери Ламорисьеръ встрѣчаетъ тамъ герцога Немурскаго и маршала Бюжо; онъ даетъ имъ отчетъ о результатѣ возложеннаго на него порученія и не скрываетъ непопулярности маршала. — Маршалъ встрѣчаетъ дурной приемъ у національной гвардіи.

39—72

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Трудное отступление генерала Бедо на бульварахъ; безпрестанныя препятствія, встрѣчаемые имъ; встрѣча съ Барро и его друзьями; пушки не могутъ двигаться впередъ; ихъ отводятъ въ ратушу второго округа; ящики открываютъ и боевые припасы раздаются народу; предводительствуемая національной гвардіей и народомъ, колонна генерала Бедо вступаетъ на площадь Согласія; муниципальные гвардейцы, содержащіе караулъ въ постѣ Пейронне, стрѣляютъ въ народъ; кровавая стычка, взятіе поста. — Перестрѣлка линейныхъ войскъ у Pont-Tournant; убійство депутата Жюливе.—Сдача казармъ de Reuilly.—Капитуляція поста Vaudoyer. — Стычка на баррикадахъ лѣваго берега Сены, у Политехнической школы.—Разрушеніе и сожженіе заставъ. — Разрушеніе пошлинныхъ и мостовыхъ заставъ. — Сдача остальныхъ казармъ. — Городская Дума; войска соединяются съ національной гвардіей и народомъ; караулъ муниципальных гвардейцевъ хочетъ дѣйствовать противъ народа; онъ принужденъ запереться въ казарму; рабочіе захватываютъ Городскую Думу; присутствие духа привратника Мартена передъ угрозою сжечь библіотеку; отчаяніе префекта; на предложеніе совѣтниковъ муниципалитета созвать совѣтъ, онъ имъ отвѣчаетъ: «Дѣлайте что хотите!»; на требованіе офицера національной гвардіи, Журдана, оставить свою должность, онъ оставляетъ Думу; генералы, начальники отрядовъ слѣдуютъ его примѣру, войска удаляются и отдаютъ свое оружіе; народъ торжествуетъ; муниципальные совѣтники, находящіеся на лицѣ въ Думѣ, отказываются признать импровизированную власть Журдана и созываютъ муниципальный совѣтъ. — Министерство внутреннихъ дѣлъ: Гизо и Бролли у Дюшателя; приходъ Малевилля: онъ предупреждаетъ ихъ о событіяхъ и объ опасностяхъ, которыя имъ угрожаютъ; слова г-жи Дюшатель; оба министра спасаются бѣгствомъ; переодѣваніе Гизо; Малевиль приказываетъ нѣсколькимъ національнымъ гвардейцамъ отразить нападеніе, сдѣланное на министерство; онъ уведомляетъ Барро, что будетъ ожидать его.—Многочисленное собраніе членовъ оппозиціи у Барро. — Отреченіе короля и назначеніе регентства, провозглашенныя утромъ Ледрю-Ролленомъ и Марра, приня-

ты радикалами всѣхъ партій, какъ неожиданная побѣда; Барро, Авенъ, Паньеръ, Гарнье-Паже и другіе отправляются въ министерство внутреннихъ дѣлъ; народъ, національная гвардія и войска встрѣчаютъ ихъ съ восторгомъ; нерѣшительность Барро; онъ понялъ изъ положенія, принятаго народомъ, необходимость отреченія; онъ проситъ Дюпена и Жанвие объяснить королю положеніе дѣлъ; нападки на поведение Барро и его оправданіе. — Главный штабъ; состояніе умовъ. 73—101

ГЛАВА ПЯТАЯ. Королевская фамилія въ послѣдній разъ затракаетъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ; приходъ Дювержье де-Горанна и Ремюза. — Лобепенъ сообщаетъ свѣдѣнія о колоннѣ генерала Бедо и о кровавой сценѣ, бывшей на площади Согласія; пока Ластейри и Эльшингенъ отправляются узнать подробности этихъ происшествій, король вмѣстѣ съ принцами, Тьеромъ, Ремюза и Дювержье де-Горанномъ разсуждаютъ о томъ, какія мѣры надобно принять для успокоенія города; генераль Бедо сообщаетъ успокоительныя новости; Тьеръ совѣтуетъ королю удалиться вмѣстѣ съ войсками въ Сень-Клу; король уходитъ изъ залы Совѣта, ни на что не рѣшившись. — Тьеръ идетъ къ Бюжо сообщить ему свой проектъ, маршалъ соглашается съ Тьеромъ и, чтобы привести этотъ проектъ въ исполненіе, ставитъ батальонъ солдатъ въ Тюльерійскомъ саду. — Король выходитъ на Карусельскую площадь, чтобы сдѣлать смотръ войскамъ и національной гвардіи; угрожающій крикъ батальона 4-го легіона; король, глубоко опечаленный, возвращается во дворецъ; слова его къ Тьеру: «Все кончено!» — Парижъ требуетъ отреченія короля; Реймсъ и Артигъ идутъ въ Тюльери сообщить эту новость Тьеру, который передаетъ ее принцамъ. — Тьеръ выставляетъ королю требованія обстоятельствъ; герцогъ Немурскій говоритъ объ отреченіи и въ то же время о своемъ отказѣ отъ регентства; король спрашиваетъ: спасетъ ли онъ своимъ отреченіемъ тронъ своего внука; онъ призываетъ къ себѣ все свое семейство. — Первое столкновеніе у Château d'Eu; озабоченность генерала Ламорисьера по этому поводу; принятые предосторожности и приказанія, отданныя генераломъ, чтобы предупредить столкновеніе у Тюльери. — Ламорисьеръ у баррикады подлѣ Мольеровскаго фонтана. — Ламорисьеръ въ Тюльери. — Свиданіе генерала съ королемъ, который становится бодрѣе послѣ совѣщанія съ своимъ семействомъ; генераль сообщаетъ королю о томъ, что народъ требуетъ отреченія; король отвѣчаетъ, что этого добьются только съ его смертью, и герцогъ Немурскій говоритъ, что надобно идти впередъ; генераль отправляется въ главный штабъ. — Колон-

на народа врывається на Карусельскую площадь; храбрость маршала Бюжо, который принуждает колонну отступить. — Кремье входит въ кабинетъ короля; онъ говоритъ королю о необходимости назначить Барро президентомъ Совѣта министровъ и смѣнить маршала Бюжо; король соглашается; въ это время входитъ Эмиль-де-Жиранденъ. — Происшествіе на площади Пале-Рояль; развязка борьбы; стеченіе народа и національныхъ гвардейцевъ въ окрестностяхъ Château d'Eu и Тюльери; борьба становится беспощаднѣе; безполезныя усилія прекратить огонь; вмѣшательство генерала Ламорисьера; онъ раненъ и принужденъ удалиться; вмѣшательство генерала Перро; онъ раненъ и взятъ въ плѣнъ . . 102—127

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Эмиль-де-Жиранденъ требуетъ отъ короля отреченія и назначенія регентства герцогини Орлеанской; король соглашается на отреченіе. — Эмиль-де-Жиранденъ и герцогъ Немурскій выходятъ изъ дворца, чтобы объявить эту новость. — Королевская фамилія окружаетъ Люи-Филиппа; его печаль и сожалѣніе; твердость королевы; ея гнѣвные слова къ герцогинѣ Орлеанской, которую королевское семейство подозрѣваетъ въ сообщничествѣ съ депутатами лѣвой парламентской стороны; слова одной изъ принцессъ къ Ластейри. — Совѣтъ Пискатори; желаніе короля взять назадъ свое отреченіе, его вопросъ: можно ли защищать Тюльери? — отрицательный отвѣтъ. — Приходъ маршала Жерара; король и королева умоляютъ его о спасеніи; маршалъ садится верхомъ и отправляется на Пале-Рояльскую площадь; дорогой онъ поручаетъ Лакросу и Серсе принести актъ объ отреченіи, чтобы лично прочесть его передъ народомъ. — Лакросъ и Серсе объявляютъ о своемъ порученіи; король подписываетъ свое отреченіе въ пользу графа Парижскаго; сцена, сопровождавшая подпись; нетерпѣніе герцога Монпансье; порывъ эперіи и достоинства у короля; нѣжность и гнѣвъ королевы; трогательная скромность присутствующихъ; приходъ Кремье; онъ противится регентству герцога Немурскаго; жалобы герцогини Орлеанской на ея трудное положеніе; слова маршала Бюжо о положеніи дѣлъ; всеобщая безпомощность. — Герцогъ Немурскій принимаетъ верховное командованіе надъ войскомъ; его обращеніе къ маршалу Бюжо; онъ удаляетъ войска съ Карусельской площади. — Актъ отреченія Люи-Филиппа, отправленный къ маршалу Жерару, попадаетъ въ руки одного гражданина. — Маршалъ Жераръ пріѣзжаетъ на площадь Пале-Рояля; его вмѣшательство оказывается безсильнымъ; онъ удаляется. — Генералъ Ламорисьеръ и Лагранжъ употребляютъ геройскія, но безполезныя усилія, что-

бы остановить битву у Château d'Eau. — Ламорисьеръ возвращается къ сражающимся; онъ раненъ и взятъ въ плѣнъ; встрѣча его съ генераломъ Перро въ комнатѣ за лавкой виноторговца. — Безполезныя усилія Кремье и Гурго остановить битву. — Одиночество королевской фамилии. — Убійство королевскаго рейткнехта при переходѣ черезъ Карусельскую площадь; придворныя кареты взяты народомъ и сожжены. — Кремье спѣшитъ уведомить короля объ атакѣ, угрожающей Тюльери. — Картина отчаянія королевской фамилии. — Отѣздъ. — Приключеніе въ саду. — Прибытіе на площадь Согласія. — Бѣгство. — Тьеръ и Бюжо оставляютъ Тюльери . 128—151

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Герцогиня Орлеанская удаляется въ свои комнаты. — Барро отправляется въ Тюльери; не найдя герцогини Орлеанской, онъ возвращается въ министерство внутреннихъ дѣлъ. — Герцогъ Немурскій совѣтуетъ герцогинѣ Орлеанской оставить Тюльери и защищать ея выходъ. — Наружная рѣшетка дворца открыта для народа. — Вторженіе народа въ садъ. — Герцогиня Орлеанская у Pont-Tournant; Бьеста и Авенъ передаютъ герцогинѣ совѣтъ Барро отправиться въ городскую Думу; герцогиня колеблется; Дюпенъ и его друзья увлекаютъ ее въ палату. — Герцогъ Немурскій идетъ вмѣстѣ съ герцогиней раздѣлять ея опасное положеніе; приготовленія къ отѣзду. — Барро ничего не знаетъ обо всемъ что происходило; его нерѣшительность; Гюставъ де-Бомонъ, Гарнье-Паже и Леонъ де-Малевиля отправляются въ городскую Думу. — Засѣданіе муниципальнаго совѣта; присутствіе и помощь нѣсколькихъ гражданъ; приходъ трехъ депутатовъ; вопросъ Фанжа; отвѣтъ Гарнье-Паже, объявляющій объ отреченіи; Фанжа требуетъ лишенія правъ на престолъ и осужденія на смерть; негодованіе и протестъ муниципальнаго совѣта; шумная сцена; прокламація муниципальнаго совѣта объ отреченіи; присутствующіе требуютъ лишенія правъ на престолъ; возраженіе Делестра; Гарнье-Паже и Малевиля садятся за бюро; записка Гарнье-Паже къ Барро; Гарнье-Паже провозглашенъ парижскимъ мэромъ; народъ хочетъ провозгласить Малевиля его товарищемъ; Малевиля отказывается; народъ провозглашаетъ Рекюра и Паньера; толпа требуетъ провозглашенія республики; отвѣтъ Гарнье-Паже; Гарнье-Паже сходитъ на площадь городской Думы, чтобы провозгласить низложеніе Орлеанской фамилии и образованіе республики; восторгъ народа и крики: Да здравствуетъ республика! 152—170

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Окончаніе битвы у Chateau d'Eau, упорство ея; сожженіе королевскихъ экипажей; взятіе поста; генералы Перро и Ламорисьеръ спасены самымъ народомъ. — Национальные гвардейцы входятъ въ Тюльери; слѣды бѣгства изъ дворца; сцена съ трономъ; муниципальные гвардейцы; весь дворецъ занятъ народомъ; побѣдныя выстрѣлы; фальшивая тревога; радикалы сходятся; тронъ снятъ съ мѣста, понесенъ по городу и сожженъ у подножія Іюльской колонны; опустошеніе дворца. — Собраніе въ конторѣ «National»; смятеніе, шумъ; совѣщаніе; Сарранъ, Эмануэль Араго, Шевалье, Дюмериль, Марра, Луи-Бланъ и другіе; рѣшеніе учредить временное правительство; назначеніе членовъ; неудовольствіе и выходъ Луи-Блана; депутаты отправлены въ палату депутатовъ, чтобы объявить списокъ членовъ временнаго правительства; они приходятъ въ одно время съ герцогиней Орлеанской. — Совѣщаніе Ламартина съ Бастидомъ и Марра въ одной изъ канцелярій палаты; Ламартинъ объявляетъ себя противъ регентства. — Поведеніе консервативныхъ депутатовъ. — Затруднительное положеніе президента палаты Созе; онъ открываетъ засѣданіе и извиняется; Шарль Лафитъ, Камбасересъ, Дютье; засѣданіе прервано; волненіе депутатовъ. — Силы, которыми могла располагать палата для своей защиты: недостаточность этихъ силъ; возраженія Корселя, Барро и другихъ; новое затрудненіе Созе; Корсель отправляется въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Барро — къ генералу Бедо; бездѣйствіе генерала Рульера; недоумѣніе генерала Бедо; невозможность защищать палату военною силою, такъ какъ герцогъ Немурскій отдалъ приказаніе прекратить огонь. — Нетерпѣливое ожиданіе прихода Барро. — Барро въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; онъ объявляетъ департаментамъ Франціи о регентствѣ герцогини Орлеанской; его увѣдомляютъ, что герцогиня въ палатѣ и ожидаетъ его; Барро отправляется въ палату. — Совѣщаніе Барро съ депутатами журнала «National»; онъ отказывается участвовать во временномъ правительствѣ. — Разсказъ Монитера о засѣданіи палаты; бесполезныя усилія въ пользу регентства; вторженіе народа; провозглашеніе временнаго правительства. — Перечень разсказаннаго и общіе выводы 171—221

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Благородное поведеніе герцогини Орлеанской и герцога Немурскаго въ палатѣ депутатовъ. — Выходъ ихъ оттуда послѣ провозглашенія временнаго правительства. — Послѣднее бѣгство—единственное обстоятельство, подвергавшее серьезной опасности герцогиню и ея сыновей. — Паденіе герцогини. — Прибытіе ея въ отель президентства. — Графъ

Парижскій возвращенъ ей. — Герцогъ Шартрскій укрытъ въ одной изъ комнатъ дворца Бурбоновъ. — Переодѣванье герцога Немурскаго. — Его безпокойство о певѣсткѣ. — Онъ находитъ ее въ замкѣ Инвалидовъ, гдѣ она нашла убѣжище. — Палата перовъ; закрытіе ея. — Послѣднія дѣйствія арміи. Войска уходятъ съ площади Согласія. — Генераль Бедо въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Войска оставляютъ площадь Пантеона и возвращаются въ казармы. — Войска въ префектурѣ полиціи. — Мирное удаленіе Делессера и генерала Сентъ-Арно. — Безполезность этого поступка и оборонительныя мѣры. — Колонна рабочихъ, подъ предводительствомъ Картере, идетъ на префектуру. — Войска входятъ во внутренность дворца. — 10-й легіонъ, оставленный всѣми, удаляется; одинъ только офицеръ Жуванселъ остается и удерживаетъ нѣсколькихъ національных гвардейцевъ, — Картере переговаривается съ префектомъ, который удаляется и оставляетъ префектуру на его попеченіи. — Встрѣча Делесера и Рибокура. — Капитуляція. — Драматическія сцены. Муниципальные гвардейцы отправляются черезъ мостъ de Change. — Нападеніе на нихъ на набережной Пелтье. — Они разбѣгаются во всѣ стороны. — Генераль Сентъ-Арно укрывается у парижскаго мера. — Послѣдній кровавый эпизодъ февральской революціи. — Милосердіе народа послѣ битвы. — Итогъ убитыхъ и раненыхъ. — Возстановленіе дворца въ префектурѣ. — Картере временно принимаетъ префектуру въ свое вѣдѣніе. — Является Коссидьеръ. — Первая дѣйствія его. — Собраніе въ редакціи журнала «la Réforme». — Составленіе списка членовъ временнаго правительства. — Назначеніе Этьена Араго директоромъ почтъ, Коссидьера — управляющимъ полиціей. — Этьенъ Араго вступаетъ въ свою должность. — Редакція журнала «National» признаетъ списокъ, составленный въ «la Réforme». — Мари и Карно отправляются въ министерство внутреннихъ дѣлъ. — Барро уже возвратился туда съ своими друзьями. — Онъ въ послѣдній разъ покушается устроить регентство. — Приказъ его отданный Берже. — Усилія Ламорисьера. — Отказъ Берже, признавашаго временное правительство. — Надежды Барро рушатся. — Барро предлагаетъ Курте, Паньеру, Біеста, Арагону и Люно позаботиться о безопасности герцогини Орлеанской. — Онъ отказываетъ Мари и Карно на ихъ предложеніе пристать къ временному правительству. — Узнавъ отъ Мальвиля о событіяхъ въ городской думѣ и опасаясь за герцогиню Орлеанскую, онъ самъ спѣшитъ въ замокъ Инвалидовъ. — Члены временнаго правительства отправляются изъ палаты въ городскую думу. — Импровизація Ламартина передъ казармами Орсейской набережной. — Пробытіе въ думу 222—246

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Первые распоряженія парижскаго мера для возстановленія мира и согласія. — Марн и Карно являются въ *Hôtel de Ville*. — Мальвиль уходитъ оттуда, чтобъ на время вступить въ заведываніе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. — Прокламація парижскаго мера. — Является Мартенъ (изъ Страсбурга), который предлагаетъ присоединить имена избранныхъ въ редакціи журнала *la Réforme* къ списку членовъ временнаго правительства, въ качествѣ секретарей. — Члены временнаго правительства въ *Hôtel de Ville*. — Примирительныя рѣчи Гарнье-Паже и Ледрю-Роллена. — Зала муниципальнаго совѣта; шумъ; два противоположныя мнѣнія; прибытіе членовъ временнаго правительства; крики одобренія. — Дюпонъ де л'Еррь. — Слова Ледрю-Роллена. — Требованіе немедленнаго провозглашенія республики. — Ледрю-Ролленъ отвѣчаетъ, что члены правительства приступать къ совѣщанію объ этомъ. — Они собираются. — Появленіе Кремье. — Распоряженія относительно безопасности, спокойствія, благоразумія. — Прокламація Ламартина. Возраженія противъ нея Ледрю-Роллена. — Народъ стекается въ залу совѣщанія. — Правительство удаляется въ кабинетъ префекта. — Оно совѣщается объ организаціи министерствъ. — Оно рѣшаетъ, что члены его могутъ въ то же время исполнять обязанности министровъ. — Назначеніе министровъ и алжирскаго губернатора. — Поведеніе Гарнье-Паже въ домѣ парижскаго мера. — Различныя назначенія. Курте назначенъ главнымъ начальникомъ національной гвардіи. — Мѣры къ сохраненію порядка. — Возраженія Паньера, Биксио и другихъ противъ немедленнаго провозглашенія республики. — Имъ поручено пойти за прокламаціями въ національную типографію. — Новая толпа народа въ залѣ совѣщанія. — Члены правительства опять уходятъ въ другую комнату. — Прибытіе Луи-Блана, Марра, Флокона. — Присоединеніе ихъ вмѣстѣ съ Альбертомъ къ временному правительству въ качествѣ секретарей. 247—267

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Прокламація подвергается новому обсужденію, послѣ измѣненій сдѣланныхъ Ламартиномъ. Появляются три мнѣнія. Доводы. Затруднительность соглашенія. — Прибытіе Ламорисьера. Опасное положеніе его на площади городской думы. — Правительство предлагаетъ ему военное министерство; онъ отказывается, но согласенъ принять мѣсто высшаго начальника на границѣ. — Онъ предлагаетъ въ министры генерала Бедо. Бедо также отказывается отъ военнаго министерства, но беретъ себѣ командованіе первою дивизіею. — Благородное поведеніе парижскаго народа. Толпа наполняющая городскую думу становится опасна.

Правительство не может совѣщаться спокойно и принуждено загородить себя баррикадой. Члены поочередно выходятъ успокаивать народъ. Благородная рѣчь Ламартина.—Послѣднія совѣщанія о провозглашеніи республики.—Подача головозъ, мнѣніе Дюпонъ де л'Ера, Ледрю-Роллена, Флокона, Луи-Блана, Гарнье-Паже, Мари, Араго, Кромье, Ламартина, Марра и Карно.—Единодушное рѣшеніе провозгласить республику, съ предоставленіемъ права утвержденія ея всему народу.—Временное правительство объявляетъ распушеніе палаты депутатовъ, прекращеніе собранія перовъ, дѣлаетъ распоряженіе о созваніи національнаго собранія и причисленіи всѣхъ гражданъ къ національной гвардіи. — Общая радость.—Милосердіе побѣдителей. Слова—Ледрю-Роллена. — Банкетъ временнаго правительства; хлѣбъ и вода. — Перечень.—Заключеніе 268—295

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письмо дѣвицы Агнесы Клиндортъ	297
Дѣло Пети	298
Реформистское движеніе: Прошеніе о реформѣ избирательной и парламентской	298
Списокъ членовъ центральнаго комитета сенскихъ избирателей .	301
Банкетъ въ Маконѣ	302
Письмо къ президенту и членамъ коммисіи 12 округа . .	302
Письмо Гизо къ королю	304
Списокъ депутатовъ оппозиціи, подписавшихъ обвинительный актъ противъ министерства Гизо	304
Выписка изъ журнала la Réforme, отъ 24 февраля . . .	305
Суточный приказъ палаты депутатовъ, отъ четверга, 24 февраля	306
Рапорты префекта полиціи	307
Движеніе войскъ: Объяснительная инструкция различныхъ распоряженій, касающихся защиты города	317
Приказы, посланные полковникамъ легіоновъ національной гвардіи	322
Письма, найденныя въ бюро герцога Монпансье	326
Свидѣтельство	328
Жюньо, служащій при ночтовомъ дворѣ Лафита и Кайльера .	328
Бине, смотритель почтоваго двора	329
Письмо маршала Жерара и Гарнье-Паже	329
Свѣдѣнія, собранныя авторомъ изъ устнаго разсказа генерала Ламорисьера	330
Свѣдѣнія, собранныя авторомъ изъ устнаго разсказа Лагранжа	335
Временное правительство: Прокламаціи	337